Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

ІЮЛЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. 2-ую стр. обложки*).

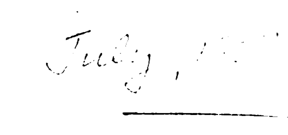

3316

ІЮЛЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже **15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

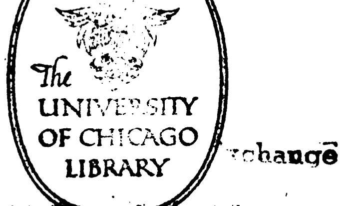
8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство“, Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „ледоходъ“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Седьмое* изд. 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое,* исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ.—Додэ.—Золя.—Клемансо.—Вальдекъ Руссо.—Комбъ.—Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г.—380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.—Надсонъ.—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. — Суздальцы и суздальская критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ.—Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе.* 1905 г. 504 стр. Ц. 2 руб. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. – Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное дополненное изданіе. 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ **«Р. Б.»** продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

ТИХАЯ ПЯТНИЦА.

(Изъ финляндскихъ мотивовъ.)

... Утро. Василиса приходитъ изъ лавки и обиженно кладетъ на столъ не размѣненный золотой:

— Ну, вотъ, видите, я говорила: вчерась нужно было пойти въ лавку,—сегодня, все, какъ есть, заперто кругомъ... У „финишковъ“ праздникъ. Святая началась.

— Такъ! Значитъ, ничего нигдѣ нельзя достать?

Круглая, розовая Василиса, вывезенная изъ нѣдръ чернозема и воспылавшая съ первыхъ же дней пріѣзда глухой и упрямой враждой къ Финляндіи, гдѣ ей все чуждо, ново и непонятно, бормочетъ: „Страшнàя Пятница, а они ужъ запьянствовали. У насъ объ это время Богу молятся“.

— Василиса! Финны не пьянствуютъ. Развѣ ты видѣла здѣсь пьяныхъ?

— Они? Да они бы послѣднюю рубаху пропили, если бы не бабы... Это ихнія бабы кабаки прикрыли!

— Весь народъ здѣсь противъ кабаковъ, Василиса. Народъ созналъ...

— Бабы забастовку сдѣлали и прикрыли, мнѣ дворничиха сказывала...—такъ рѣшительно и убѣжденно заявляетъ Василиса, что я не возражаю. Къ тому же, очевидно, она одобряетъ поступокъ „финляндскихъ“ бабъ и начинаетъ сознавать силу объединенія. Вообще, мозги у нея тутъ просыпаются и медленно ворочаются, какъ пущенные въ ходъ жернòва.

— Однако... что же мы будемъ ѣсть?

— Ничего у насъ нѣту!—говоритъ она это такъ, точно мы обречены на голодную смерть.

— Какъ ничего? А молоко?

— Молоко бабка утромъ принесла. А только вечеромъ велѣла самимъ приходить: у нея, вишь, гости...

Пауза. Грудь Василисы учащенно дышетъ, она хочетъ что-то сказать, крѣпится, но не выдерживаетъ.

— Посмотрѣли бы, какъ она прибрала у себя! Половики новые, по всей избѣ; на окнахъ занавѣски; станокъ свой вынесла, на постели коверъ, кра-сивый коверъ, сама выткала... Кошку свою—и ту вымыла, ей-Богу! Гдѣ-жъ это видано, чтобъ кошекъ мыли?..

Василиса старается подчеркнуть въ голосѣ снисходительное презрѣніе, но въ немъ звучитъ наивное удивленіе.

Вообще бабка, приносящая намъ молоко—источникъ новыхъ неожиданныхъ мыслей и выводовъ. Какъ же: живетъ въ лачугѣ, сколоченной изъ досокъ, а стекла блестятъ, какъ зеркало; на окнахъ—кисейныя занавѣски, изъ-за которыхъ кокетливо выглядываетъ красная герань. Вся изба—три шага, а есть и швейная машина, и часы съ боемъ, и газеты на стѣнѣ. На саму взглянуть пріятно, ей за шестьдесятъ, а ходитъ козыремъ,—„мордочкой впередъ“, какъ говоритъ Василиса,—носитъ опрятное домотканное платье въ талію и бѣленькій платокъ съ розовой каймой, намъ подаетъ руку и держитъ себя независимо, какъ королева.

И я знаю, что мозги Василисы невольно перемалываютъ вопросъ: почему? „Почему въ родной Сосновкѣ въ избахъ—грязь, вонь, вши, тараканы заѣли; на дѣтяхъ—короста неотмытая?..“ Но спросить такъ прямо еще не хочется, и Василиса каждый разъ, какъ разговоръ касается бабки, добавляетъ:

— Неправда это: есть у нея деньги... Бѣдному человѣку некогда чистоту наводить!—И видно, что говоритъ противъ себя: прежде по локоть съ грязными руками ходила, не причесывалась по недѣлѣ,—теперь лицо лоснится, какъ яблоко, и фартуки черезъ день мѣняетъ.

— Ну, хорошо, молоко есть, а творогъ и яица?

— Старикъ привезъ!

Этотъ старикъ тоже, невѣдомо для себя, колеблетъ „основы“ въ душѣ Василисы.

Такой высохшій отъ работы и времени, какъ табачный листъ, а глаза еще блестятъ, свѣтлыя незабудки, подъ кустистыми бровями, а скупыя тонкія губы выбриты чисто на чисто, какъ у молодого.

Пріѣзжаетъ на кругленькой лошадкѣ съ бубенчиками; въ длинныхъ саняхъ, какъ яйца въ покойномъ гнѣздѣ—бѣлыя липовыя лоханочки съ плотными крышками, а подъ ними—сметана, творогъ, сливки—ароматно-свѣжія, жирно-желтыя. У старика въ карманѣ—безменчикъ, поверхъ шубы фартукъ, и ловко, опрятно отвѣшиваетъ онъ свой аппетитный товаръ, выкладываетъ его на блюда большой „липовой“ ложкой... И охотно разсказываетъ про себя, поджимая бритыя губы, что „когда *онъ* пріѣхалъ сюда, *у него* было всего

200 марокъ, и *онъ* купилъ клочекъ земли, а теперь имѣетъ десять коровъ, и сынъ *его* ѣздитъ на пароходѣ капитаномъ".

Онъ удивляется, что „дѣвочка"—такъ называетъ онъ Василису—еще не умѣетъ читать, трогаетъ себя пальцемъ по загорѣлому лбу, съ высѣченными въ немъ, какъ въ камнѣ, коричневыми морщинами, и качаетъ головой: „Ай, ай, не корошо, не корошо!.."

— Родителевъ нужно срамить, а не насъ, — заявила какъ-то разъ неожиданно Василиса послѣ отъѣзда старика: — Вотъ, у меня сестра Катька есть. Просила я отца съ матерью: пошлите вы ее за-ради Христа въ школу.—„Чаво тамъ, авось ей не писаремъ быть"... Поди съ ними!..

Нѣтъ, для истинно русской души „финишки" окончательно не безопасны. Пожалуй, чего добраго, Василиса научится читать, перестанетъ отсылать отцу на выпивку заработанные гроши и станетъ вѣрить въ то, что можно и нужно жить не такъ, какъ живутъ въ родныхъ Сосновкахъ.

Ахъ, если бы въ нашъ рыхлый покорный черноземъ—побольше тѣхъ сѣмянъ, что такъ крѣпко и твердо растутъ въ душѣ маленькаго, мужественнаго, „гранитнаго" народа!..

Послѣ сообщенія, что молока, творогу и яицъ у насъ хватитъ хоть на недѣлю, я успокаиваюсь: голодной смертью мы не умремъ, ну а молочный постъ въ такой день, какъ сегодня, только пріятенъ. Сегодня на дворѣ тоже царство молочныхъ рѣкъ въ сахарныхъ берегахъ: въ синевѣ неба — сбитая пѣна кудрявыхъ облаковъ, золотыя стрѣлы солнца; внизу—звонкая капель и теплый талый снѣгъ, который хочется цѣловать...,..

— Хорошо, что баринъ уѣхалъ! — дѣловито замѣчаетъ Василиса.—Приберемся, какъ слѣдуетъ!

Ну, да, конечно, мы приберемъ и уберемъ, какъ игрушку, нашъ маленькій домикъ подъ соснами: душистой еловой водой вымоемъ коричневые лакированные полы, поднимемъ кружевныя, плетеныя тонкимъ узоромъ занавѣски, откроемъ форточки и затопимъ печи; сосновыя дрова будутъ весело пылать и трещать, наполняя комнату смолистымъ ароматомъ.... Мы вынесемъ одѣяла и бѣлую гору подушекъ наружу, развѣсимъ ихъ на террасѣ: пусть къ ночи онѣ пропитаются дыханіемъ весны, чтобы и сны, которые мы будемъ видѣть—были весенніе, кротко-радостные.....

И такъ, въ молчаніи и движеніи, съ розовыми щеками и напряженными мускулами, мы работаемъ до самаго полдня и, когда солнце останавливается между двухъ сосенъ, прямо противъ большого венеціанскаго окна, и ложится квадра-

томъ на блестящій полъ, кончаемъ и еще разъ оглядываемся ищущимъ взглядомъ: все ли въ порядкѣ? Лучше нельзя: комнаты, точно умытыя, пестрыя дорожки половиковъ улыбаются золотисто-желтыми и ярко-синими полосками; со стѣнъ, изъ рамокъ, грезитъ вся Финляндія съ ея тихими шхерами и лѣсистыми далями....

Все, какъ всегда, какъ каждый день: свое, привычное, полное милыхъ, „нашихъ" радостей.

Смахнувъ послѣднія пылинки, мы идемъ въ кухню, гдѣ на кафельной плитѣ торчитъ давно зовущій кофейникъ, и за бѣлымъ сосновымъ столомъ пьемъ кофе изъ большихъ чашекъ съ синими ободками. И въ этомъ отношеніи Финляндія дѣйствуетъ развращающимъ образомъ: Василиса пріучилась тутъ пить кофе!!

Послѣ завтрака, одѣвшись, выхожу за калитку на дорогу и уже сразу чувствую, что все кругомъ, вмѣстѣ съ солнечнымъ днемъ, живетъ однимъ настроеніемъ: тихой серьезной радости. Не даромъ сегодня „Тихая Пятница".... Въ воздухѣ, чистомъ, какъ ключевая вода, и полномъ теплыхъ дрожащихъ струекъ, не слышно звуковъ топора и звона желѣза о камень, что въ остальные дни упруго-гулко бьются о розовые стволы сосенъ, въ лѣсу, гдѣ строятся новыя дачи. Дороги, съ проступившей мозаикой прошлогодняго навоза,—пустынны; не тянутся по нимъ дровни съ атласными досками и синими глыбами льда....

Точно кто-то большой и сильный опустилъ на весь этотъ день отдыхающія руки, выпрямилъ согнутую спину и глянулъ кругомъ большими серьезными глазами.... И нигдѣ уже по всей странѣ не поднимется топоръ, не звякнетъ о вѣсы гиря!..

Изъ маленькихъ домиковъ, со стеклянными галлерейками, неслышные и невидимые въ остальные дни, обитатели выходятъ по одиночкѣ или группами: мужчины въ новыхъ кожаныхъ шапкахъ и высокихъ сапогахъ, въ такихъ чистыхъ темныхъ одеждахъ, съ такими чисто-выбритыми серьезными лицами и пеньковыми трубками въ зубахъ; женщины въ бѣлоснѣжныхъ платкахъ; старухи—въ древнихъ шаляхъ съ бахромой и привѣтливо улыбающимися на солнцѣ древними морщинами. И всѣ идутъ, не спѣша, съ достоинствомъ, негромко и важно переговариваясь на твердо-четкомъ языкѣ, отъ котораго тоже вѣетъ холодкомъ гранита и снѣговъ.

Но лучше всѣхъ дѣти: съ тепломъ ихъ стало точно еще больше, и теперь они высыпаютъ на дорогу звонкой стаей. Конечно, сегодня нѣтъ школы, и всѣ одѣты по праздничному; всѣ бѣлоголовыя, голубоглазыя, здоровяки отмѣнные!

Еще бы,—растутъ на снѣгу и въ снѣгу, какъ подснѣжники. Вотъ и сейчасъ игру затѣяли: у дороги—канава; по ней, по рыхлому мягкому снѣгу, стараются пробѣжать, проваливаются, падаютъ, кувыркаются — точно въ рѣкѣ плещутся молодые утята. Впереди—взрослые; дѣвочки-подростки, съ яркими ленточками въ косахъ, длинными крѣпкими ногами и отчаянно-звонкими голосами; сзади, всему безропотно повинующіеся малыши, съ льняными пучками волосъ и покорно посинѣвшими носами, вплоть до самаго маленькаго Ганнеса, сына извозчика Линквиста. Онъ еще такъ малъ, что варежки ему привязываютъ на веревочку кругомъ шеи, и эти крошечныя сѣрыя пуховыя варежки трогательны, какъ и самъ человѣчекъ съ прозрачно сѣрыми глазами и золотистыми кудряшками вокругъ нѣжнаго личика.

Ганнесъ дѣлаетъ все, что дѣлаютъ другіе; это очень трудно, и оттого у него такое до-нельзя озабоченное лицо и насупленность въ бровяхъ.

Добросовѣстно онъ тонетъ въ снѣгу и ползаетъ, какъ большой черный жукъ съ мохнатой головой. Сегодня на немъ желтая плюшевая шапка, а плюшевую шапку нельзя валять по снѣгу; объ этомъ заботятся всѣ, и нѣтъ-нѣтъ— кто-нибудь изъ услужливыхъ сестеръ нахлобучиваетъ ее ему по самый носъ, что̀, конечно, осложняетъ игру.

Но Ганнесъ—мужчина и финнъ: съ неослабѣвающей энергіей онъ продолжаетъ продѣлывать все, что продѣлываютъ остальные, и, когда вся ватага, вѣроломно и неожиданно покинувъ канаву, съ воинственнымъ кличемъ бросается бѣжать вдоль дороги, онъ, какъ всегда, занимающій свою позицію въ арьергардѣ, изо всѣхъ силъ перебираетъ валенками, и сѣрыя варежки спѣшатъ, спѣшатъ за нимъ, танцуя на привязи.

Какъ красива эта пестрая лента дѣтей на блестящей талой дорогѣ, между красными рѣшетками оградъ въ зелени бахромистыхъ, елей, съ голубѣющей вдали полосой залива, точно голландское пано, съ его яркими красками: розовыя, голубыя, красныя развѣвающіяся юбки, прыгающія косички, мелькающія подошвы и сзади всѣхъ эта фигура карапуза, съ пляшущими варежками...

Вотъ лента вытянулась, завернула за уголъ, и опять опустѣла, затихла дорога, вся въ солнцѣ, въ короткихъ зыбко-синихъ тѣняхъ полдня, въ шелестѣ сбѣгающихъ капель.

Тогда мимо дома старой бабушки, маленькаго сѣренькаго дома, съ террасой, сверкающей разноцвѣтными стеклами,— гдѣ кромѣ самой бабушки и ея кошки живутъ еще два неразлучныхъ друга, два пса: Вальди и Пюкке, я иду къ по-

лотну желѣзной дороги, гдѣ, четко дробясь о стѣну лѣса, удаляясь и приближаясь съ шумомъ потока, день и ночь проносятся поѣзда въ Петербургъ и обратно.

Изъ калитки старенькаго дома, потревоженный моими шагами, выбѣгаетъ Вальди и заливается... Онъ весь съ наперстокъ, весь точно сдѣланъ изъ черной и бѣлой шерсти, съ чернымъ моноклемъ въ глазу; а за нимъ—Пюкке, вымазанный сажею павіанъ. Стоятъ и лаютъ. Глупые! Вѣдь я каждый день прохожу мимо васъ и знаю всю исторію вашей жизни и маленькаго домика и люблю ее, какъ милую дѣтскую сказку, сказку о Вальди и Пюкке и о бабушкѣ „мордочкой впередъ“.

Долго еще провожаетъ меня тонкій заливчатый лай, потомъ опять обступаетъ молчаніе.

Но, чу!.. Что-то коснулось моего слуха, заставило сразу остановиться, приникнуть всѣмъ существомъ и слушать.

Неужели?... Да, да. Оттуда изъ лѣсу, изъ чащи, курящейся, словно кадильница, свѣтомъ и парами, донесся этотъ первый, сладко волнующій звукъ... Точно кто-то поднесъ къ губамъ веселую дѣтскую дудочку, и она проиграла ритурнель—только разъ, но уже радость брызнула снопомъ, и въ воздухѣ настойчиво нѣжно запахло анемонами.

Скворцы?.. Да, скворцы прилетѣли! Эти вѣстники весеннихъ разливовъ, эта радость несомнѣнности!

Распахнутыя окна и двери, теплыя росы, долгія зори— вся сказка весны теперь уже не за горами.

Я присаживаюсь на низкую изгородь и закрываю глаза.

Живымъ тепломъ на рукахъ моихъ и на лицѣ лежитъ солнце, переливается радужными пятнами подъ вѣками, стучитъ алыми молоточками въ крови. Нѣтъ мыслей — однѣ колеблющіяся завѣсы и улыбка во всемъ существѣ...

Еще минута—и солнце, пронизавъ всѣ покровы, заглянетъ въ самую темную, въ самую отдаленную глубину души, и тамъ растаетъ то, что, какъ холодный кусокъ, неподвижно лежитъ и давитъ,—даже теперь, даже сейчасъ, когда кругомъ такая радость... Еще минута...

Но между солнцемъ и душой уже набѣгаетъ облако, поднимается тѣнь: идетъ поѣздъ, надвигается, какъ шумъ водопада, и уже въ сердцѣ, въ мозгу—всполохъ острой боли, мыслей и картинъ... Оттуда идетъ онъ, бѣжитъ этотъ шумъ, изъ громаднаго сѣраго города, гдѣ, какъ въ гигантскомъ котлѣ, кипитъ все сердце родины, залитое ужасомъ и кровью, изъ котораго, какъ живыя, протягиваются невидимыя щупальцы, перекидываются за рубежи и границы и сосутъ, сосутъ милліоны сердецъ. И какъ уйти, какъ оторваться отъ этой невидимой нити? Какъ забыть?..

И опять я иду по талой дорогѣ, гляжу на небо, на маленькое поле, такое мирное подъ серебряной парчей своей, но уже поникшіе анемоны не благоухаютъ, и зелень курящейся чащи задернута трауромъ печали.

У калитки встрѣчаю старую знакомую, учительницу народной школы, Марью Густавовну.

Она - въ своемъ неизмѣнномъ черномъ пальто и круглой фетровой шляпѣ; только изъ-подъ воротничка выглядываетъ шотландскій галстучекъ, да въ глазахъ какая-то весенняя разсѣянность.

Мы не видались давно, и, конечно, первое мое слово: „Поздравляю!“

— Съ чѣмъ?

— Какъ съ чѣмъ? Да вы теперь кто, Марья Густавовна?

Она очень удивлена, даже приподнимаетъ брови.

— Какъ кто?

— Вы теперь—полноправная гражданка! То, чего еще добиваются только женщины самыхъ передовыхъ странъ!

Она, наконецъ, догадывается, что я говорю о выборахъ, и отвѣчаетъ мнѣ крѣпкимъ серьезнымъ пожатіемъ руки, но съ обычной финской сдержанностью.

— Благодарю васъ. Да, это хорошо: у насъ, женщинъ, много своихъ нуждъ, теперь и о нихъ будутъ говорить!

— Вы должны очень гордиться. Ваша маленькая страна одержала большую побѣду!

Я волнуюсь, а она стоитъ такая невозмутимая и только чуть-чуть щурится.

— Да, мы сумѣли этого добиться!

И какъ она говоритъ это „мы сумѣли“.

— А если... если у васъ отнимутъ то, чего вы добились?

Голубые глаза Марьи Густавовны блѣднѣютъ, и въ переносье врѣзывается упрямая складка.

— О, *они* этого не сдѣлаютъ! *Они* насъ знаютъ! Они пробавали насъ ломать и не сломили! Потому что, если финнъ скажетъ—она топаетъ ногой въ землю—„я не сойду“... вы можете его убить, но онъ не сойдетъ! Мы упрямы! Мы привыкли бороться и, когда нужно, всѣ вмѣстѣ, всѣ за одно!

Я прошу Марью Густавовну разсказать мнѣ о выборахъ, и мы присаживаемся на лавочку.

Кто выбранъ отъ здѣшняго округа?

Ея подруга, учительница, соціалъ-демократка. И обстоятельно, съ сухой дѣловитостью она разсказываетъ мнѣ ея біографію: дочь булочника, кончила гельсингфорскую гимназію, потомъ университетъ; двѣнадцать лѣтъ учительницей; въ октябрьскую забастовку была коммиссаромъ, со-

стояла членомъ красной гвардіи, пріобрѣла репутацію хорошаго оратора.

— А вамъ хочется попасть въ сеймъ, Марья Густавовна?

Она пожимаетъ плечами.

— Нужно имѣть призваніе, а у меня его, кажется, нѣтъ.

— Но одна мысль, что если бы вы захотѣли, если бы почувствовали, что найдутся и силы, и умѣніе, и что пути открыты,—должна васъ наполнять большой, хорошей радостью... Вѣдь горизонтъ всей вашей жизни сталъ шире. Счастливыя финскія женщины!

— Ну, можетъ быть, когда-нибудь и русскія женщины будутъ счастливы!—говоритъ она мнѣ, прощаясь, въ утѣшеніе.

— Когда?!

Я возвращаюсь въ комнаты. Солнца въ нихъ нѣтъ! Радость ушла, точно дорогой близкій человѣкъ, — погасла. И тихо, изъ комода, я достаю маленькій альбомъ, сажусь и гляжу; и на меня глядятъ „онѣ", какъ живыя: вотъ эта, съ такимъ нѣжнымъ оваломъ лица, съ такой горькой складкой отреченія въ сжатыхъ губахъ,—бѣлоснѣжная лилія, солнце-цвѣтокъ, наполнявшая своимъ благоуханіемъ стѣны каменныхъ гробовъ; и эта носящая въ себѣ еще столько дѣтскаго и уже столько печальнаго,—алая роза распятія, всѣ онѣ, ждавшія „нашего" счастья, отдавшія свое лучшее и большее за то, что здѣсь вошло въ жизнь такимъ ровнымъ, спокойнымъ теченіемъ и за что намъ придется еще такъ много, такъ долго бороться!..

И прялка мысли жужжитъ, жужжитъ, тянетъ нить безконечныхъ вопросовъ:

„Почему? Почему тутъ всѣ вмѣстѣ и, когда нужно, всѣ за одно?.."

До слуха моего донеслись странные и стройные звуки... Я прислушиваюсь. Точно церковный хоралъ; опять вѣетъ праздникомъ, мирнымъ, свѣтлымъ, и опять я спѣшу подъ небо, гдѣ, какъ оставшаяся дрожь, еще разлиты тепло и тающій свѣтъ. Обманчиво коротокъ день ранней весны: солнце уже скрылось за стѣну елей, его не видно; только кое-гдѣ, совсѣмъ низко, тамъ, гдѣ раздвигаются бахромныя вѣтки, просвѣчиваетъ оно, точно тамъ и здѣсь горятъ оранжевыя окна и бросаютъ отблески на снѣгъ. Полоса залива нѣжно порозовѣла и подернулась дымкой; свитки алыхъ лентъ опоясали истаявшую лазурь.

Внизу уже фіолетовыя тѣни, а наверху, гдѣ качаются стрѣлки еловыхъ верхушекъ—еще много дня и золотистой пыли. Вотъ на самой макушкѣ, увѣшанной гроздьями коричневыхъ шишекъ, такихъ полныхъ, таящихъ въ себѣ тысячу

расцвѣтовъ, сидитъ черный блестящій скворецъ и поетъ, поетъ, запрокинувъ голову, распушивъ крылья, которыя такъ и трепещутъ отъ избытка весенняго счастья.

Хорошо ему тамъ, въ вышинѣ, среди плодоносныхъ шишекъ, такъ близко къ небу и солнцу. А на землѣ тоже поютъ: за оградой у Линквиста дѣвушки устроили качели, и подъ мѣрный скрипъ колецъ звучитъ хоралъ; въ голосахъ— хрусталь и сочность молодости; чувствуется, что полны силъ легкія и крѣпки груди, дающія эти звуки, которые то, какъ скрипки, идутъ въ вышину, то густѣютъ, какъ дрожаніе гармоніи. Я вижу дѣвушекъ издали: одна сидитъ посрединѣ, двѣ раскачиваютъ доску, твердо посылая ее упругими ногами внизъ и вверхъ, и въ тактъ опускаются и поднимаются розовыя юбки, отлетаютъ бѣлокурыя косы, и ровно звучащіе голоса въ три полныхъ разлива вливаются въ фіолетовое море вечера.

И кажется, что на свѣтѣ нѣтъ позора и страданія, нѣтъ, не можетъ быть темныхъ стѣнъ и узкихъ оконъ, что одинаково спокойно и радостно всѣ молодыя груди могутъ расширяться и посылать въ небо свою весеннюю пѣснь...

Да, кажется!...

А когда полный и круглый, какъ подвѣшенный въ небѣ фонарь, мѣсяцъ стоитъ надъ лѣсомъ и всюду на снѣгу лежатъ переплеты тѣней, какъ чернильные арабески на бѣлой бумагѣ; когда съ морозно-веселымъ смѣхомъ приходятъ запоздавшія пары, и въ окнахъ тушатся послѣдніе огни; когда вся горящая золотымъ дождемъ звѣздъ ночь раскидываетъ свой куполъ надъ счастливой страной, гдѣ дѣти играютъ на солнцѣ, дѣвушки поютъ пѣсни, и весь народъ торжественно и спокойно справляетъ свой праздникъ, я не таю своихъ слезъ: онѣ наполняютъ сердце, дрожатъ въ груди...

— Когда же ты, бѣдная родина, будешь справлять свой великій „Тихій Праздникъ?“...

О. Н. Ковальская.

Воспоминаніе о пережитомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Патріотизмъ. Обожаніе имп. Николая. Посѣщенія имъ нашей гимназіи. Введеніе въ гимназіяхъ военныхъ наукъ. Мои гимназическіе друзья. Наша оппозиція. Окончаніе курса. Общее впечатлѣніе, оставленное гимназіей.

I.

При всемъ усердномъ чтеніи и заботахъ объ умственномъ развитіи, оно стояло еще на низкой ступени. Въ міросозерцаніи моемъ все еще господствовали ортодоксальныя воззрѣнія. Я былъ рьянымъ патріотомъ, сохраняя убѣжденіе, что Россія незыблемо стоитъ на такихъ трехъ китахъ, какъ православіе, самодержавіе и народность, что она непобѣдима, и что намъ ничего не стоитъ забросать шапками хоть всю Европу.

Передъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ я преклонялся и считалъ его величавымъ героемъ, который одинъ могъ спасти Россію и вынести ее на своихъ плечахъ. Я имѣлъ возможность ежегодно любоваться на него, такъ какъ не проходило года въ мою бытность въ гимназіи, чтобы онъ не посѣщалъ всѣ учебныя заведенія, въ томъ числѣ и Ларинскую гимназію. Дѣлалъ это онъ обыкновенно въ мартѣ, во время поста. Заранѣе мы уже ожидали его посѣщенія, при чемъ насъ учили, какъ вставать при его появленіи, какъ дружно всѣмъ классомъ въ одинъ голосъ кричать во всѣ молодыя легкія: «здравія желаемъ, ваше императорское величество!» и стоять, пока онъ не прикажетъ садиться.

Никогда не забуду я той тревоги, съ какою директоръ, полураскрывъ дверь класса, извѣщалъ насъ о пріѣздѣ царя, при чемъ лишь разъ въ году мы видѣли директора съ подобострастнымъ страхомъ на лицѣ вмѣсто обычной важности, въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Тревога эта передавалась тотчасъ и намъ: всѣ подтягивались; убирались съ пола всѣ разбросанныя бумажки; учителя, въ свою очередь, застегивались на пуговицы.

И вотъ входилъ герой нашъ, высокій, величавый, распростра-

няя страхъ и трепетъ вокругъ себя одною своею фигурою, въ особенности же своими тяжелыми, свинцовыми и, тѣмъ не менѣе, проницательными глазами,—и, Боже мой, какимъ маленькимъ и мизернымъ казался намъ въ это время нашъ Адамъ Андреевичъ Фишеръ!

Царь не застаивался долго въ одномъ классѣ; поздоровавшись, выслушавъ наше: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество», спросивъ у учителя, что онъ преподаетъ, отправлялся далѣе, въ другіе классы, и кончалъ тѣмъ, что, пройдясь по спальнымъ и дортуарамъ, испробовавъ пансіонерскихъ щей въ столовой или кухнѣ, направлялся къ выходу.

Впрочемъ, однажды онъ нѣсколько задержался въ нашемъ классѣ,—вышла такая исторія. О Николаѣ Павловичѣ сохранилась молва, что пристальнаго взгляда его глазъ не могли выносить люди. И мнѣ самому пришлось быть этому свидѣтелемъ. Не знаю ужъ, почему онъ обратилъ вниманіе на сидѣвшаго съ края воспитанника Черновскаго, гимназистика низенькаго роста и ничего изъ себя не представлявшаго. Черновскій именно не выдержалъ пристальнаго взгляда царя, и слезы градомъ потекли по его щекамъ. У Николая тотчасъ же сдѣлалось гнѣвное лицо, и онъ спросилъ его отрывисто:

— Чего ты плачешь?

Черновскій ничего не отвѣчалъ, стоялъ на вытяжкѣ, а слезы такъ и катились одна за другою по его лицу.

— Что онъ, глухонѣмой, что ли?—спросилъ государь у директора.

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество,—отвѣчалъ директоръ,—онъ только сконфузился.

— Чего-жъ онъ плачетъ?

— У него глаза слабы, ваше императорское величество.

— А какъ его фамилія?

— Черновскій, ваше императорское величество.

— Полякъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество, православный русскій.

— То-то!

И съ этими словами царь вышелъ изъ класса.

Кстати въ одно изъ посѣщеній Николаемъ нашей гимназіи произошелъ такой анекдотъ. Одинъ изъ вновь поступившихъ учителей проходилъ черезъ вестибюль какъ разъ въ то время, когда царь уѣзжалъ. Исполненный вѣрноподданническихъ чувствъ, расторопный учитель выхватилъ шинель у швейцара и помогъ государю надѣть ее. Когда же царь вышелъ уже за дверь, учитель усмотрѣлъ подъ вѣшалкой калоши съ литерами Н. Р. Онъ мигомъ схватилъ ихъ и выбѣжалъ на улицу, когда царь садился уже въ сани.

— Ваше императорское величество, — воскликнулъ подобострастно учитель, протягивая государю калоши,—вы изволили забыть калоши.

Государь посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и, ничего не отвѣтивъ, уѣхалъ. Чудакъ не могъ сообразить, что царю незачѣмъ было отмѣчать калоши литерами,—точно онъ могъ опасаться обмѣняться ими съ кѣмъ-нибудь въ тѣснотѣ.

Престижъ царя еще болѣе возросъ въ моихъ глазахъ, когда въ ночь на 13 ноября 1854 года, возвращаясь домой съ родными изъ театра, я обратилъ вниманіе на высокую фигуру, медленно двигавшуюся по Дворцовой набережной въ полномъ одиночествѣ. Лодочникъ, перевозившій насъ черезъ Неву, сообщилъ намъ, что это—царь, что каждую ночь онъ по цѣлымъ часамъ ходитъ взадъ и впередъ одинъ по набережной.

Мнѣ сейчасъ же представилась величественная картина, какъ во тьмѣ ночной мирно спитъ вся Россія, спятъ города и села, дворцы и хижины,—и одинъ лишь царь бдитъ и заботливо рѣшаетъ судьбы своего народа, медленно шествуя вдоль невскихъ береговъ...

Понятно, что когда 16 февр. 1855 года дошла до меня вѣсть о смерти Николая, я былъ убѣжденъ, что Россія погибла.

II.

Не могу, впрочемъ, сказать, чтобы не было во мнѣ сѣмянъ и кое-какой оппозиціи противъ всего окружавшаго меня въ то время. Такъ, при сгущавшейся реакціи, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе началъ проникать военный элементъ и въ гражданскія гимназіи. Уже съ 1851 года, съ третьяго класса начали учить насъ ежедневно передъ уроками маршировкѣ, для чего были наняты унтера. Съ января же 1855 года въ самый разгаръ войны, когда явилась насущная потребность въ укомплектованіи арміи офицерами, ежедневно десятками выбывавшими изъ строя, была предпринята такая мѣра. Отъ каждаго учебнаго часа въ гимназіяхъ было взято по четверти часа, и изъ этихъ четвертушекъ составилось по два часа ежедневно, которые были посвящены ротному и батальонному ученію, для чего были командированы изъ ближайшаго къ намъ кадетскаго корпуса офицеры. Сверхъ того, насъ начали водить въ 1-й кадетскій корпусъ для обученія ружейнымъ пріемамъ.

Нововведеніе это сопровождалось нѣкоторымъ торжествомъ. Насъ (старшіе классы) выстроили въ актовомъ залѣ въ двѣ шеренги. Къ намъ явился самъ министръ Норовъ и произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что царь призываетъ насъ къ защитѣ отечества, и что онъ, Норовъ, не сомнѣвается, что мы исполнены такого же патріотическаго энтузіазма и такой же готовности по-

жертвовать жизнью за отечество, какими былъ преисполненъ онъ въ войну 12-го года, когда въ битвѣ подъ Бородинымъ ему оторвало эту ногу,—и онъ показалъ на деревяшку, которая замѣняла одну изъ его ногъ.

На меня, мечтавшато лишь о томъ, какъ бы поступить въ университетъ и сдѣлаться писателемъ, перспектива военной службы произвела удручающее впечатлѣніе. Противенъ былъ мнѣ и тотъ шовинизмъ, который начали проявлять многіе изъ моихъ товарищей, выступавшіе бравыми молодцами на ученьяхъ, крутившіе несуществующіе еще усы и подергивавшіе плечами, воображая на нихъ эполеты.

Я, напротивъ того, вяло и неохотно исполнялъ команды, маршировалъ не въ ногу, горбился и такъ порой перепутывалъ всѣ ряды, такой производилъ кавардакъ, что обучавшій насъ капитанъ Ераковъ схватывался за волосы и кричалъ въ отчаяніи:

— Да дѣньте вы куда-нибудь этого Скабичевскаго!

Въ оппозицію шовинизму составился у насъ кружокъ «мыслящихъ людей», написавшій на знамени своемъ: «науки, искусства, умственное развитіе». Кружокъ этотъ въ двухъ послѣднихъ классахъ гимназіи состоялъ изъ четырехъ человѣкъ: Сѣмечкина, Гюбера, Трескина и меня.

Л. П. Сѣмечкинъ былъ сынъ художника средней руки, промышлявшаго писаніемъ образовъ по церковнымъ заказамъ, женатаго на нѣмкѣ и жившаго съ большой семьей въ домѣ тещи на Васильевскомъ.

До сихъ поръ человѣкъ этотъ рисуется въ моей памяти какой-то неразрѣшимой загадкой,—можетъ быть, благодаря тому ореолу, какимъ окружалъ я его въ гимназическіе годы. Средняго роста, плотнаго сложенія, обѣщающаго со временемъ перейти въ тучность, съ большой головой и широкимъ лбомъ, онъ имѣлъ внушительную наружность. Въ немъ было много мяса; и, тѣмъ не менѣе, онъ казался мнѣ безплотнымъ существомъ. Крайне сдержанный, невозмутимо спокойный, онъ ни разу не возвысилъ голоса во все время нашего знакомства. Ни малѣйшихъ шутокъ, свойственныхъ молодости дурачествъ не позволялъ онъ себѣ ни на одно мгновеніе. Словомъ, это былъ не юноша, а старикъ въ восемнадцать лѣтъ, всегда одинаково здравомыслящій, одинаково разсуждавшій резонно и съ вѣсомъ.

Сѣмечкинъ былъ не только товарищемъ моимъ, но и «другомъ» въ романтическомъ смыслѣ этого слова. Мы часто посѣщали другъ друга; я читалъ ему свой дневникъ, передавалъ планы своихъ работъ; одно время мы даже совмѣстно писали драму.

Гимназическаго курса онъ не кончилъ, выйдя изъ шестого класса въ гардемарины. До половины 1858 года дружба наша продолжалась, а затѣмъ онъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе; когда же вернулся черезъ три года, то мы встрѣтились чужими по

духу. Я кончалъ курсъ и, будучи уже помазанъ университетскимъ миромъ,—увы! не нашелъ у него и тѣни того ореола, въ какомъ онъ прежде красовался передо мною. Онъ представлялся мнѣ теперь зауряднымъ морскимъ офицеромъ и, къ тому же, холоднымъ и сухимъ карьеристомъ, съ достаточною долею хвастливаго самодовольства. Онъ, впрочемъ, и не претендовалъ на прежній ореолъ, по всей вѣроятности—мало и думалъ о возобновленіи старой дружбы, занятый устройствомъ карьеры, и быстро стушевался, встрѣтивъ мой сухой пріемъ.

О Гюберѣ нечего распространяться. Это была совсѣмъ безцвѣтная личность, и попалъ онъ въ нашу компанію, по всей вѣроятности, благодаря лишь тому, что сидѣлъ въ классѣ на одной съ нами партѣ. Впрочемъ, онъ живо интересовался литературой. Дружба моя съ нимъ прекратилась съ поступленіемъ его по окончаніи гимназическаго курса въ медико-хирургическую академію.

Н. А. Трескинъ былъ сынъ адмирала. Отецъ его походилъ на типы Волконскаго въ «Войнѣ и мирѣ» и строгаго адмирала въ разсказѣ Станюковича. Онъ держалъ семью подъ игомъ суроваго деспотизма, и на него находили порывы необузданнаго гнѣва, когда всѣ прятались отъ него, и все, что попадалось ему подъ руки, разбрасывалось, ломалось и разбивалось. Мать и двѣ сестры Трескина, подавленныя этимъ деспотизмомъ, впали въ глубокій мистицизмъ, то и дѣло ѣздили по монастырямъ и возились съ просфорами, которыя набожно лобзали передъ тѣмъ, какъ вкушать.

Трескинъ не былъ подавленъ деспотизмомъ отца, не поддался и вліянію матери. Это былъ юноша живой, веселый, жизнерадостный, душа каждаго общества, особенно, конечно, молодежи. На нѣкоторое время заразился и онъ царившимъ у насъ въ классѣ шовинизмомъ, прищелкивалъ языкомъ, говоря, что непремѣнно будетъ флигель-адъютантомъ, но мы его быстро передѣлали на свой ладъ, и онъ вмѣсто военной службы пошелъ въ университетъ, на математическій факультетъ.

Мы четверо и составляли лѣвую красную въ нашемъ классѣ. Наши протесты, правда, имѣли самый невинный характеръ: мы ворчали на порядки, не учились, отказывались отвѣчать, когда насъ спрашивали уроки, и съ улыбками презрѣнія относились къ нулямъ и единицамъ, которыми награждали насъ учителя. Не будучи высокаго мнѣнія о большинствѣ нашихъ менторовъ, особенно враждебно относились мы къ замѣнившему Корелкина Лебедкину. По крайней мѣрѣ, помню, я, читавшій свое сочиненіе на литературной бесѣдѣ въ седьмомъ классѣ, съ иронической улыбкой выслушивалъ его замѣчанія, не сталъ и возражать противъ нихъ, и, когда онъ потребовалъ, чтобы я пришелъ къ нему на домъ, съ цѣлью указанія мнѣ орѳографическихъ ошибокъ, я долго отлынивалъ, пока, наконецъ, директоръ не вмѣнилъ мнѣ это въ

обязанность, неисполненіе которой могло повести къ тому, что сочиненіе мое не будетъ представлено попечителю.

III.

Іюня 16-го 1856 года кончились мои гимназическія мытарства. Аттестатовъ зрѣлости въ тѣ времена еще не выдавали, да и странно было бы выдавать ихъ безусымъ мальчуганамъ. Въ тѣ времена въ гимназіяхъ еще не засиживались. Довольно сказать, что, не смотря на то, что оставшись на второй годъ въ четвертомъ классѣ и пробывъ въ гимназіи восемь лѣтъ, я кончилъ курсъ семнадцати лѣтъ. Выпускные аттестаты назывались по просту похвальными, и хотя аттестатъ мой былъ плоше всѣхъ прочихъ воспитанниковъ, судя по тому, что на актѣ меня вызвали за полученіемъ его послѣднимъ, всетаки онъ назывался похвальнымъ.

Выходъ мой изъ гимназіи ровно ничѣмъ не ознаменовался Лишь по окончаніи акта насъ собрали въ пріемную комнату, и директоръ сказалъ намъ казенную и сухую рѣчь, разспросивъ, кто изъ насъ куда намѣренъ поступить. Большинство всетаки, оказалось, выразило желаніе поступить въ университетъ. Затѣмъ, раскланявшись съ директоромъ, мы молча разошлись въ разныя стороны по домамъ, при чемъ никому не приходило и въ голову, что со многими товарищами приходилось видѣться въ послѣдній разъ въ жизни. Никакого празднества, никакой попойки, что-ли, по поводу разставанія съ гимназіей и выступленія на арену самостоятельной жизни,— ровно ничего!

Можетъ быть, причиной этого была крайняя разобщенность, до которой дошло наше общество, не успѣвшее еще опомниться послѣ тридцатилѣтней спячки и того тяжкаго военнаго гнета, при которомъ немыслимы были какія бы то ни было собранія молодежи даже на частныхъ квартирахъ, не только что въ ресторанахъ. Можетъ, это было общее затишье передъ надвигавшейся грозою. А можетъ быть, и просто—въ открытомъ заведеніи, въ которомъ преобладали приходящіе разныхъ «племенъ, нарѣчій, состояній», воспитанники разбивались на отдѣльныя группы, и духъ товарищества не связывалъ классовъ въ одну дружную корпорацію.

Что касается «духа отрицанья, духа сомнѣнья», то при общемъ затишьѣ, онъ начиналъ уже проникать во всѣ сферы общества. Недовольство и ропотъ были повсемѣстны. Немудрено, что и у насъ въ гимназіи, при всей нашей неразвитости, отражался до нѣкоторой степени духъ времени. По крайней мѣрѣ, тотъ шовинизмъ, который проявился въ нашемъ классѣ при введеніи военныхъ наукъ, быстро испарился, и на другой уже годъ отъ него не оставалось слѣда. Когда мы выходили изъ гимназіи, никто уже не поминалъ ее добромъ. У всѣхъ на устахъ преобладала

ироническая улыбка. Всѣ мы вышли изъ гимназіи какіе-то недоумѣлые и оторопѣлые, съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: что же дала намъ гимназія, и не было ли все ученье въ ней однимъ нелѣпымъ балаганнымъ фарсомъ?

И нужно было, чтобы много утекло воды, чтобы мы состарѣлись и посѣдѣли, перенеся на своихъ плечахъ не мало тяжкихъ лѣтъ для того, чтобы гимназія, въ которой мы учились, предстала передъ наши умственными очами совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, и могло бы явиться при воспоминаніи о ней теплое и отрадное чувство. Думали ли мы, что вмѣсто прогрессивныхъ улучшеній, которыхъ мы ожидали, гимназіи впослѣдствіи падутъ столь низко, что великаго труда будетъ стоить поднять ихъ хотя бы на высоту, на которой они стояли въ половинѣ 50-хъ годовъ!

Я не утверждаю, чтобы Ларинская гимназія того времени представляла верхъ педагогическаго совершенства. Не мало можно было встрѣтить въ стѣнахъ ея и несправедливаго, и грубаго, и пошлаго, и смѣхотворно-бездарнаго. Главный недостатокъ, общій, впрочемъ, всѣмъ отраслямъ русской жизни, заключался въ полной халатности, какую проявляли всѣ, начиная съ директора и кончая послѣднимъ сторожемъ. Всѣ заботы ограничивались лишь тѣмъ, чтобы была соблюдена если не блестящая, то сколько-нибудь приличная внѣшность, дѣло же дѣлалось спустя рукава. Въ мѣру гуманный и снисходительный по отношенію къ воспитанникамъ, Фишеръ былъ въ то же время порядочный рутинеръ и халатникъ какъ въ выборѣ учителей, такъ и въ надзорѣ за ихъ преподаваніемъ. Этимъ только и можно объяснить, что онъ могъ терпѣть въ гимназіи, въ качествѣ учителей и гувернеровъ, людей—мало сказать, бездарныхъ, а просто неприличныхъ. Неужели не могъ онъ найти въ столицѣ, взамѣнъ Корелкина, лучшаго учителя словесности, чѣмъ Лебедкинъ? А были у насъ антики и почище Лебедкина: былъ учитель геометріи Грязновъ, который, объясняя намъ урокъ, считывалъ теоремы безъ церемоніи прямо съ развернутой книги и становился втупикъ, когда ему случалось нечаянно перепутывать буквы въ чертежѣ; былъ гувернеръ и учитель нѣмецкаго языка въ младшихъ классахъ Штаденъ, который приходилъ въ гимназію иногда до такой степени пьяный, что выдѣлывалъ мыслети, шагая взадъ впередъ по сборной; въ учителя же французскаго языка въ младшихъ классахъ брались положительно хулиганы съ мостовыхъ Парижа.

Но, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, всетаки не было въ гимназіи ничего злоехиднаго, подсиживающаго, ожесточающаго. Къ воспитанникамъ относились, какъ къ дѣтямъ, а не какъ къ входящимъ и выходящимъ нумерамъ или арестантамъ, завѣдомымъ злоумышленникамъ, отъ которыхъ ежеминутно можно ожидать потрясенія основъ, и потому подлежащимъ строгому надзору. Не было и той сухой и черствой формалистики, подъ гнетомъ которой стонутъ

современные гимназисты. Правда и то, что въ тѣ блаженныя времена не существовало еще ни Добролюбова, ни Писарева, ни подпольной литературы, ни прокламацій, которыя не даютъ спать современнымъ педагогамъ, превращая ихъ въ полицейскихъ агентовъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мое вступленіе въ университетъ. Николаевскій режимъ въ университетѣ. Разобщеніе студентовъ. Студенческіе кутежи и столкновенія съ полиціею. Профессора: И. И. Срезневскій, М. С. Куторга, М. М. Стасюлевичъ, М. И. Касторскій, Н. А. Астафьевъ, Н. М. Благовѣщенскій, Штейнманъ, А. В. Никитенко, М. И. Сухомлиновъ, А. А. Фишеръ. Общее состояніе филологическаго факультета въ концѣ 50-хъ годовъ.

I.

Нерѣшительно и пугливо вошелъ я въ трехугольной шляпенкѣ и съ жалкой шпаженкой на боку въ заднюю дверь университета съ невской набережной, и непривѣтливо встрѣтила меня новая alma mater. Прежде всего огорошилъ меня сѣдовласый швейцаръ, знаменитый Савельичъ.

— Ну, ты что?—обратился онъ ко мнѣ со своею обычною фамильярною грубостью:—новичекъ? Пиши вотъ въ книгѣ имя, отчество, фамилію.

Затѣмъ онъ повелъ меня въ шинельную и тамъ показалъ, гдѣ мнѣ слѣдуетъ вѣшать верхнее платье.

— Ты смотри, всегда тутъ и вѣшай, подъ этимъ самымъ номеромъ; можешь и фамилію свою тутъ надписать.

Я поднялся наверхъ. Все было тихо, безмолвно; вокругъ ни души. Толкнулся было въ двери, ведущія въ корридоръ; онѣ оказались заперты, и стоящій при нихъ сторожъ грубо спросилъ меня:—Куда?

— Мнѣ нужно слушать исторію—Касторскаго...

— Такъ чего же во время не приходили? Теперь профессора уже пять минутъ какъ читаютъ, и никого пускать не велѣно.

Такъ я и не попалъ на первую лекцію, которую собирался слушать, и цѣлый часъ долженъ былъ просидѣть въ сборной залѣ въ полномъ одиночествѣ, глотая синій дымъ карпіуса, которымъ въ обиліи курили каждое утро по всѣмъ заламъ и аудиторіямъ университета.

Вообще, въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ (1856) николаевскій режимъ чувствовался еще во многомъ. Число студентовъ не доходило и до 500. По городу они были обязаны ходить не иначе, какъ въ полной формѣ, въ треуголкахъ и при шпагѣ, и только вечеркомъ, въ потемкахъ, дерзали у себя на Васильевскомъ пробѣжать въ фуражкѣ къ товарищу или въ трактиръ. Ношеніе усовъ, бороды и длинныхъ волосъ было строго

запрещено. Каждый военный генералъ, встрѣтившій студента не въ полной формѣ, особенно если студентъ не становился передъ нимъ во фронтъ, имѣлъ право отправить его на гауптвахту, а инспекторъ Фицтумъ-фонъ-Экстетъ, нарочно по утру простаивалъ на лѣстницѣ и сажалъ въ карцеръ каждаго студента, явившагося въ университетъ не въ полной формѣ.

Куреніе въ университетѣ было строго воспрещено, какъ и въ гимназіяхъ, и столь же строго взыскивалось. Корридоръ во время чтенія лекцій запирался, какъ мы уже видѣли, съ обоихъ концовъ, и ни одинъ студентъ не допускался въ него. Лишь по окончаніи лекцій, во время перемѣны, двери растворялись, и студенты бродили взадъ и впередъ до начала слѣдующей лекціи, но особеннымъ многолюдствомъ и въ это время корридоръ не отличался. Среди него продолжала красоваться мѣдная пушка довольно большихъ размѣровъ на лафетѣ, свидѣтельствуя о томъ, что и университетъ не избѣгъ вторженія военнаго режима послѣднихъ лѣтъ николаевскаго царствованія, и въ то время, какъ въ гимназіяхъ учили ружейнымъ пріемамъ, студенты упражнялись въ пушечной пальбѣ.

II.

Нужно ли и говорить о томъ, что ни о какихъ союзахъ, землячествахъ, кухмистерскихъ, кассахъ и т. п. не было и помину. Студенты были изолированы до послѣдней степени. Они имѣли возможность собираться лишь для выпивки, въ самомъ ограниченномъ числѣ, у себя на квартирахъ или въ ресторанахъ. Излюбленными студенческими ресторанами на Васильевскомъ въ мое время были «Лондонъ» и Гейде въ Кадетской линіи, Кинша—въ Первой, «Золотой Якорь» въ Седьмой и Тиханова—на набережной противъ Николаевскаго моста.

Нужно замѣтить при этомъ, что выпивки и картежъ не только дозволялись студентамъ, но и поощрялись. Такъ, генералъ-губернаторъ Бибиковъ, при посѣщеніи Кіевскаго университета, по слухамъ, обратился къ студентамъ съ публичною рѣчью, въ которой заявилъ имъ, что они могутъ безнаказанно пьянствовать и развратничать, сколько пожелаютъ, лишь бы не касались политики,—этого онъ не потерпитъ.

Подобное соизволеніе начальства не осталось втунѣ. Надо же было куда-нибудь дѣть избытокъ молодыхъ силъ при полномъ отсутствіи общественныхъ интересовъ и томительной скукѣ и апатіи, царившихъ въ обществѣ. И вотъ, студенты продолжали пополнять хронику кутежей и скандаловъ по традиціямъ, унаслѣдованнымъ отъ отцовъ и дѣдовъ. Правда, сыновьямъ и внукамъ не угнаться было въ этомъ отношеніи ни по количеству выпиваемыхъ напитковъ, ни по изобрѣтательности подвиговъ, но

всетаки и ихъ болѣе скромныя попойки и скандалы были внушительны. Подпившая молодежь не могла ограничиться одними солидными философскими спорами и пѣніемъ застольныхъ студенческихъ пѣсенъ. Молодая кровь бурлила и влекла изъ душныхъ комнатъ на просторъ; являлось неудержимое желаніе какъ-нибудь особенно оригинально и дерзновенно почудить и удивить вселенную. И вотъ, то разбивали ресторанъ или иное увеселительное заведеніе, то, идя пьяною ватагою по Николаевскому мосту, сбивали и бросали въ Неву съ прохожихъ шапки, то перевѣшивали вывѣски магазиновъ, то залѣзали въ колоды и пугали подъѣзжающихъ лошадей, неожиданно вскакивая и осаживая ихъ за узду назадъ, то выходили на балконы плясать въ костюмахъ Адама, то забирались на чужія свадьбы, пользуясь тѣмъ, что на свадьбахъ обыкновенно гости со стороны жениха не знакомы съ гостями со стороны невѣсты, и т. п.

Подобные скандалы не всегда обходились благополучно и зачастую кончались ожесточенными, а порою и кровопролитными столкновеніями съ полиціею. Такъ, когда я былъ въ седьмомъ классѣ гимназіи, на моихъ глазахъ произошелъ такой случай.

На Петербургской сторонѣ, въ Александровскомъ паркѣ, близь заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, существовалъ въ то время ресторанчикъ, на баллюстрадѣ котораго игралъ по вечерамъ маленькій оркестрикъ, привлекавшій къ ресторанчику массу публики. Ресторанчикъ былъ, между прочимъ, любимымъ прибѣжищемъ студентовъ медико-хирургической академіи, прозывавшихся, кстати сказать, въ тѣ времена «мухами»,—по той причинѣ, что у нихъ на каскахъ красовались три буквы: М. Х. А.

Не знаю, изъ-за чего произошло у одной такой мухи недоразумѣніе съ буфетчикомъ, дошедшее до взаимныхъ заушеній. Буфетчикъ призвалъ полицію; студента потащили въ участокъ, но товарищи вступились за него и начали отбивать его отъ архаровцевъ. Вскорѣ на мѣсто дѣйствія прибылъ значительный резервъ полицейскихъ силъ; студенты, въ свою очередь, кликнули кличъ, что товарищей бьютъ, и къ ресторанчику собралась ихъ толпа человѣкъ въ двѣсти. Завязалась форменная битва между студентами и полицейскими, въ результатѣ которой полицейскіе были избиты и обращены въ бѣгство, а ресторанъ разбитъ вдребезги. Когда появился на полѣ сраженія новый, болѣе основательный отрядъ городовыхъ и жандармовъ, ни одного студента не оказалось уже на мѣстѣ битвы. Не знаю ужъ, какія послѣдствія имѣло это побоище въ смыслѣ возмездія со стороны начальства за нарушеніе тишины и порядка въ публичномъ мѣстѣ; мнѣ извѣстно лишь, что долгое время студенты были лишены права входа въ паркъ.

Этотъ эпизодъ наглядно показываетъ, что столкновеніе студентовъ съ полиціею имѣло мѣсто и въ николаевскія времена,

правда, на почвѣ, не имѣвшей ничего общаго съ политикой. И дѣйствительно, антагонизмъ между студентами и полиціею существуетъ, навѣрное, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возникли въ Россіи университеты; въ концѣ 50-хъ годовъ онъ обострился, и столкновенія студентовъ съ полиціею происходили все чаще и чаще. Въ большинствѣ случаевъ, они имѣли мѣсто на частныхъ студенческихъ квартирахъ и въ меблированныхъ комнатахъ. Студенты подопьютъ, собравшись у товарища, повздорятъ между собою, произведутъ шумъ; хозяинъ зоветъ полицію, чтобы унять буяновъ; являются городовые въ сопровожденіи квартальныхъ, и начинается побоище. Таково было грандіозное побоище въ Москвѣ, нашумѣвшее на всю Россію, въ результатѣ котораго во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ собирались подписи для выраженія протеста противъ кулачной расправы полиціи. Такимъ образомъ инцидентъ, начавшійся съ самой невинной студенческой попойки, подъ конецъ получилъ нѣсколько политическій оттѣнокъ.

III.

Казалось бы, главнымъ и въ то время единственнымъ оплотомъ противъ терпимой и поощряемой начальствомъ деморализаціи студентовъ должна была явиться наука: если бы студенты увлекались ею подъ вліяніемъ талантливыхъ и богатыхъ эрудиціею профессоровъ, то, конечно, имъ не пришло бы и въ голову разбивать кабаки или сбрасывать съ прохожихъ шапки. Но профессора по большей части представляли изъ себя застегнутыхъ на всѣ пуговицы своихъ форменныхъ мундировъ, тщательно выбритыхъ чинушъ, помышлявшихъ лишь о томъ, какъ бы успѣшнѣе угодить начальству и снискать побольше наградъ, чиновъ и крестиковъ.

Нѣсколько профессоровъ пользовались, правда, общею и заслуженною извѣстностью. Таковы были Кавелинъ и Спасовичъ на юридическомъ факультетѣ, Степанъ Куторга на естественномъ, Чебышовъ на математическомъ. Къ этимъ именамъ присоединились впослѣдствіи на филологическомъ факультетѣ Костомаровъ и Пыпинъ. Вотъ и всѣ свѣтила с.-петербургскаго университета. Слѣдуетъ отмѣтить также И. И. Срезневскаго, М. С. Куторгу и М. М. Стасюлевича.

Къ сожалѣнію, Срезневскій, надѣленный недюжиннымъ умомъ и большою эрудиціею, недаромъ носилъ имя Измаила: въ немъ было что-то цыганское, лукаво и плутовато подмигивающее. Цыганство это проявлялось какъ въ перекочовкахъ изъ одной спеціальности въ другую, изъ провинціальнаго университета въ столичный, такъ и въ ловкомъ умѣньи снискивать земныя блага.

Когда-то онъ блисталъ въ Харьковѣ лекціями по политической экономіи, привлекая громадную аудиторію новизною своихъ взгля-

довъ, но когда начальство начало коситься на него за эти взгляды, и лекціи были ему запрещены, онъ перемѣнилъ фронтъ, изъ политика-эконома превратившись въ слависта, а такъ какъ путь славяновѣдѣнія былъ, съ свою очередь, нѣсколько скользокъ,—на его же глазахъ воздвиглось гоненіе на славянофиловъ,—то онъ подбилъ свои подошвы гвоздями безусловнаго отрицанія какихъ бы то ни было теорій и обобщеній. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы полагать, что наука существуетъ для одной переборки мелкихъ фактовъ, подобно тому, какъ монахи перебираютъ чотки. Но онъ зналъ также, что такая наука не только безобидна и безвредна, но и споспѣшествуетъ преуспѣянію по службѣ.

А между тѣмъ, эта проповѣдь имѣла самое растлѣвающее и пагубное вліяніе на юношество. Представьте себѣ только-что сошедшаго со школьной скамьи юнца, обладающаго самыми скудными, поверхностными, элементарными свѣдѣніями. Казалось бы, прежде, чѣмъ заставлять его рыться въ какихъ-нибудь мелочахъ, слѣдовало познакомить его съ тѣми важными пріобрѣтеніями, которыя сдѣланы наукою въ видѣ существенныхъ обобщеній. И вдругъ молодой умъ замыкался сразу въ микроскопическія мелочи, и ему внушалось, что истинная и солидная наука должна заключаться именно въ этихъ мелочахъ; обобщенія же, какія бы то ни были, суть не болѣе, какъ лишь легкомысленныя фантазіи праздныхъ диллетантовъ.

Люди, одаренные отъ природы мало-мальски сильнымъ и пытливымъ умомъ, прорывали эту паутину узкаго педантизма и улетали на просторъ истинной науки и жизни; посредственности же путались въ безплодной переборкѣ суффиксовъ и префиксовъ и превращались въ закорузлыхъ сухихъ гелертеровъ, воображавшихъ, что альфа и омега славяновѣдѣнія заключаются въ томъ, что русскій волкъ по болгарски будетъ вълкъ, а по чешски—вукъ.

Въ довершеніе всего, кастрируя такимъ образомъ своихъ учениковъ, Срезневскій таскалъ въ то же время ихъ руками каштаны изъ огня, такъ какъ заставлялъ ихъ составлять словари къ отдѣльнымъ памятникамъ для задуманной имъ обширной работы — словаря древне-русскаго языка. Кто только не участвовалъ въ этихъ работахъ: и Чернышевскій, и Добролюбовъ, и Пыпинъ, и Корелкинъ и др.

М. С. Куторга, обладавшій прекраснымъ даромъ слова и обширными знаніями, пользовался большою популярностью въ качествѣ спеціалиста по древней исторіи. Но и съ нимъ произошло то же, что съ Срезневскимъ въ Харьковѣ: при томъ гоненіи, какое было въ то время воздвигнуто на классицизмъ, лекціи Куторги, въ свою очередь, показались подозрительны, и ему было воспрещено чтеніе древней исторіи; пришлось перейти на среднюю и новую.

Какъ даровитый и знающій профессоръ, и эти предметы онъ читалъ порою увлекательно, но, конечно, не съ такою научною основательностью, какъ излюбленный предметъ, которымъ занимался съ юныхъ лѣтъ. Къ тому же, больной, раздражительный, онъ часто бывалъ не въ духѣ, и тогда лекціи его были вялы и снотворны. Послѣ же того, какъ онъ не поладилъ со студентами (объ этомъ рѣчь впереди), онъ окончательно началъ неглижировать лекціями.

Въ 1859 году, послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей, началъ читать курсъ средней исторіи Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ. Писаревъ въ своей статьѣ «Университетская наука» изобразилъ Стасюлевича, какъ извѣстно, подъ псевдонимомъ Ироніанскаго; изображеніе это, въ общихъ чертахъ, довольно вѣрно, такъ что мнѣ остается присоединить лишь нѣсколько замѣчаній.

Такъ, я нахожу, что Писаревъ правильно подмѣтилъ въ почтенномъ профессорѣ страсть къ щегольству и пусканію слушателямъ пыли въ глаза, постоянныя усилія говорить остроумно и изображать цивилизованнаго европейца, обращаясь за панибрата съ генералами и министрами ученаго міра, ослѣпляя слушателей оригинальностью и богатствомъ своихъ заграничныхъ впечатлѣній, наблюденій и изслѣдованій, объявляя студентамъ на первой лекціи, что по примѣру заграничныхъ университетовъ онъ намѣренъ читать три курса: publica (общій курсъ), privata (частный) и privatissima (самый частный), коверкая на иностранный манеръ нѣкоторыя фамиліи съ давно уже вошедшимъ у насъ въ обычай произношеніемъ (Шекспайръ, Мекаулей и пр.).

Щегольство это было недостаткомъ почтеннаго Михаила Матвѣевича, очевидно коренившимся въ его крови. Я, по крайней мѣрѣ, зналъ его очень еще молодымъ человѣкомъ, въ должности учителя Ларинской гимназіи: и тогда уже онъ удивлялъ насъ своею щеголеватостью; вицъ-мундиръ его всегда былъ съ иголочки; батистовый платокъ распускалъ по всему классу запахъ дорогихъ духовъ; онъ и тогда уже блисталъ отборными иностранными словечками и оборотами...

И, тѣмъ не менѣе, я всетаки нахожу, что характеристика Писарева слишкомъ уже жестока. Положимъ, Стасюлевичъ не былъ человѣкомъ строгой учености, и всѣ эти его privata и pivatissima оказались чистымъ пуфомъ. Положимъ, для своихъ публичныхъ лекцій онъ цѣликомъ бралъ статьи тѣхъ или другихъ иностранныхъ ученыхъ и излагалъ ихъ передъ слушателями въ переводѣ не всегда правильномъ. Но за нимъ всетаки остается заслуга талантливаго и краснорѣчиваго популяризатора. Вѣдь и самъ Писаревъ въ своихъ научныхъ статьяхъ былъ не болѣе, какъ популяризаторъ. Не даромъ аудиторіи Стасюлевича постоянно были переполнены. Что изъ того, что двѣ публичныя лекціи, прочитанныя Стасюлевичемъ съ большимъ успѣхомъ въ большой залѣ уни-

верситета «о состояніи французскихъ провинцій при Людовикѣ XIV», оказались не болѣе, какъ переводомъ съ французскаго. Большинство слушателей Стасюлевича все равно до переведенной статьи никогда во всю свою жизнь не добралось бы, а тутъ они прослушали ее въ блестящемъ изложеніи даровитаго оратора, и, конечно, не безъ пользы.

Писаревъ и самъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что сравнительное достоинство лекцій Стасюлевича было, дѣйствительно, велико. Онъ выражался языкомъ современной науки; видно было, что онъ понимаетъ предметъ, о которомъ говоритъ, и умѣетъ высказать то, что думаетъ. Каждая лекція его заключала въ себѣ какую-нибудь идею, связывавшую или, по крайней мѣрѣ, пытавшуюся связать между собою сообщаемые факты. Этого уже было достаточно для слушателей...

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что исторія никогда не забудетъ той важной заслуги Стасюлевича, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ шести профессоровъ, которые въ 1861 году выразили свой гражданскій протестъ противъ наступленія реакціонныхъ порядковъ выходомъ изъ университета.

IV.

Во главѣ университета стоялъ ректоръ П. А. Плетневъ. Идеальный учитель русской словесности въ 20-е и 30-е годы въ женскихъ институтахъ и при дворѣ, другъ Пушкина, панегирическій его критикъ, сотрудникъ, а потомъ и издатель «Современника», Плетневъ попалъ въ профессора словесности и ректоры чисто по протекціи. Въ мое время онъ ничего уже не читалъ, а былъ лишь археологическою рѣдкостью на одномъ ряду со стоявшей въ корридорѣ пушкою. Онъ представлялъ собою нѣчто совершенно безличное, слабохарактерно-мягкое, расплывчатое. Вліянія его въ дѣлахъ университета какъ-то совсѣмъ не замѣчалось. Студенты относились къ нему безразлично, именуя его «кривою коровою»—вслѣдствіе того, что какія-то язвы на боку заставляли его кривиться на сторону.

Каѳедру древней исторіи послѣ Куторги занималъ М. И. Касторскій.

Это былъ сѣдой, какъ лунь, старичекъ съ весьма длиннымъ и узкимъ черепомъ, такъ что голова его имѣла форму рѣдьки хвостомъ кверху. Лицо его вѣчно пылало розовымъ пламенемъ, а на губахъ скользила такая лукаво-игривая улыбочка, какъ будто онъ готовился разсказать скабрезный анекдотъ.

Читалъ онъ лекціи по ветхимъ тетрадямъ синяго цвѣта, отмѣчая каждый разъ ногтемъ мѣсто, до котораго дочитывалъ. Не смотря на то, что, по словамъ Писарева (въ статьѣ «Универ-

ситетская наука»), онъ разыгрывалъ, а не читалъ свои тетрадки, кряхтя и изнывая, когда герои его страдали или сходили въ могилу, и придавая своей красной физіономіи шаловливое выраженіе, когда героини спотыкались на пути добродѣтели, лекціи его были крайне снотворны, студенты лишь изрѣдка показывались въ его аудиторію, и хотя Писаревъ и говоритъ, будто была заведена очередь между ними для записыванія лекцій, но я что-то не помню этой очереди; за то хорошо помню, что къ экзамену у насъ не оказалось никакихъ записокъ. Мы рѣшили отвѣчать ему по учебнику Смарагдова; такъ и сдѣлали, и этого оказалось вполнѣ достаточно: мы получили по полному баллу.

Писаревъ, между прочимъ, говоря о служебномъ усердіи Касторскаго, замѣчаетъ, что Касторскій читалъ всякую исторію, какую назначатъ,—то древнюю, то русскую, то новѣйшую, и что если бы ему поручили читать спеціальную исторію Букеевской орды или Абиссинской имперіи, то это бы его нисколько не затруднило. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что Касторскій съ 1839 по 1843 годъ занималъ даже каѳедру славянскихъ языковъ. Вообще въ тѣ времена ни мало не стѣснялись вопросомъ о спеціальности, предполагая, что—разъ человѣкъ дослужился до генеральскихъ чиновъ, то все равно—заставить ли его командовать войсками, или управлять любымъ министерствомъ, и точно также,—разъ ученый мужъ получилъ степень магистра или доктора, то онъ съ равнымъ успѣхомъ можетъ подвизаться на каѳедрахъ начертательной геометріи или древне-греческой литературы.

Кромѣ Касторскаго, былъ еще въ мое время историкъ Н. А. Астафьевъ, характеристику котораго Писаревъ сдѣлалъ въ своей статьѣ подъ псевдонимомъ Ковыляева. Псевдонимъ этотъ былъ обусловленъ, конечно, хромотою Астафьева на одну ногу. Астафьевъ читалъ сначала среднюю исторію вмѣсто Стасюлевича, потомъ новую взамѣнъ Куторги. Писаревъ обратилъ лишь вниманіе на отсутствіе всякой самостоятельности Астафьева, который среднюю исторію читалъ по Гизо, а новую по Мерль-д'Обинье, а также крайнюю снотворность его лекцій, но упустилъ при этомъ одно важное обстоятельство.

Астафьевъ не случайно и не спроста выбралъ въ руководители Мерль-д'Обинье. Онъ самъ былъ такимъ же мистикомъ и піетистомъ, какъ и его руководитель. У него была своя философская исторія, которую онъ проводилъ въ своихъ лекціяхъ. Такъ, онъ утверждалъ, что исторія человѣчества представляетъ собою періодическую смѣну эпохъ языческихъ и христіанскихъ. Въ языческія эпохи общества тонутъ въ грубомъ матеріализмѣ; люди помышляютъ лишь о снисканіи земныхъ благъ и удовлетвореніи низменныхъ страстей. Когда же нравы доходятъ до полнаго разложенія, происходитъ реакція въ видѣ сильнаго религіозно-нравственнаго движенія. Такою реакціею было христіанство, явив-

шееся оппозиціей противъ разврата древняго Рима. Такое же явленіе, по мнѣнію Астафьева, мы можемъ наблюдать и въ эпоху возрожденія, которое было возрожденіемъ сначала древняго язычества со всею его распущенностью нравовъ, а затѣмъ—христіанства въ видѣ протестантскаго движенія. То же усматривалъ Астафьевъ и въ современной намъ жизни: тѣ же матеріализмъ, безбожіе, паденіе нравовъ, въ результатѣ чего онъ предрекалъ новое возрожденіе христіанства. Онъ мнилъ себя апостоломъ этого возрожденія, въ силу чего, оставивъ въ 1865 году университетъ, вмѣстѣ съ другими лицами положилъ основаніе «Обществу распространенія Св. Писанія въ Россіи» и въ 1869 году былъ избранъ предсѣдателемъ этого общества.

V.

Древніе языки въ мое время находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Едва разбиравшіе Корнелія Непота, а по греческому языку не знавшіе еще и азбуки, студенты предназначались къ слушанію высшаго курса древней филологіи. Конечно, ни о какомъ такомъ курсѣ не могло быть и помышленія. По латинскому языку лекторъ Лапшинъ на первомъ курсѣ читалъ Тацита, а на второмъ Горація съ самыми элементарными примѣчаніями. На третьемъ и четвертомъ курсахъ великолѣпный Н. М. Благовѣщенскій, при всей пышности своего краснорѣчія, довольно-таки снотворно читалъ римскую литературу и древности.

На каѳедрѣ греческаго языка подвизался профессоръ Штейнманъ. На первомъ курсѣ онъ читалъ рѣчь Демосфена «О коронѣ», а на слѣдующихъ довольствовался Гомеромъ. Кромѣ того, чудакъ, на двухъ старшихъ курсахъ онъ читалъ исторію древне-греческой литературы по латыни. Не знаю, кто его слушалъ, да и слушалъ ли кто-нибудь. Я, по крайней мѣрѣ, присутствовалъ лишь на первой его лекціи, но, конечно, ни аза въ глаза не понялъ, и въ теченіе всѣхъ двухъ лѣтъ не являлся болѣе ни на одну лекцію. Къ тому же, лекціи эти, повидимому, были не обязательны: я не помню, по крайней мѣрѣ, чтобы экзаменовался у Штейнмана по исторіи литературы. Должно быть, онъ самъ понималъ, что лекціи по-латыни неодолимы для его слушателей. Зачѣмъ же, спрашивается, онъ ихъ читалъ?

Забавно было, когда на первой лекціи первому курсу, приступая къ рѣчи Демосфена, Штейнманъ предложилъ, не желаетъ ли кто изъ студентовъ переводить текстъ à livre ouvert. И вдругъ вызвался одинъ лишь слушатель, способный исполнить предложеніе профессора, да и тотъ оказался случайно забредшимъ на лекцію Штейнмана математикомъ Цвѣтковымъ; остальные же, какъ я уже сказалъ, не знали и азбуки. Цвѣткова потомъ замѣнилъ Писаревъ, который, подобно Цвѣткову, учился въ классической третьей

гимназіи и хорошо былъ подготовленъ по обоимъ древнимъ языкамъ.

Еще курьезнѣе, что на экзаменахъ, не исключая и выпускного, мы выходили, какъ школяры, со шпаргалками за рукавами и съ помѣтками на поляхъ текста, и насъ, будущихъ кандидатовъ, которые завтра же получали право быть учителями въ гимназіяхъ по обоимъ древнимъ языкамъ, спрашивали формы склоненій и спряженій, въ которыхъ мы все еще путались.

Русская словесность, въ свою очередь, довольно-таки прихрамывала. Древне-русскую литературу читалъ М. И. Сухомлиновъ суховато и вяловато, и студенты не засыпали на его лекціяхъ, благодаря лишь либеральнымъ фейерверкамъ, о которыхъ говоритъ Писаревъ въ своей статьѣ, характеризуя Телицына. Надо, впрочемъ, отдать справедливость Сухомлинову, фейерверки эти производились искренне, отъ всей души, и почтенный профессоръ пользовался вполнѣ заслуженною репутаціею среди студентовъ, тѣмъ болѣе, что въ 1857 году оказался впереди студенческаго движенія.

Исторію новѣйшей литературы, къ нашему несчастію, читалъ А. Н. Никитенко. Несмотря на то, что онъ былъ еще въ порѣ— ему было не болѣе 52, 53 лѣтъ, — онъ представлялъ въ умственномъ отношеніи полную развалину. Лекціи его заключались сплошь въ томъ, что онъ, съ паѳосомъ размахивая руками, декламировалъ стихи Ломоносова, Державина, Жуковскаго и Пушкина, стараясь внушить своимъ слушателямъ, какія въ нихъ заключаются высокія эстетическія красоты. Но тщетно раздавался его зычный голосъ въ почти пустой аудиторіи: слушателей на его лекціяхъ никогда не бывало болѣе трехъ, четырехъ. Записокъ по его предмету у насъ никакихъ не было; мы совсѣмъ не готовились къ его экзамену, выходили отвѣчать экспромптомъ, довольствуясь кратенькой біографіей каждаго писателя и восхищеніями по поводу тѣхъ или другихъ эстетическихъ красотъ, и экзамены сошли у насъ блистательно: всѣ мы получили по круглой пятеркѣ

Былъ въ нашемъ факультетѣ еще одинъ антикъ въ лицѣ знакомаго уже намъ Адама Андреевича Фишера. Нѣкогда онъ читалъ курсъ философіи, но когда на философію было воздвигнуто гоненіе, какъ на науку крайне зловредную, ведущую къ потрясенію всѣхъ основъ, философія была изгнана изо всѣхъ университетовъ, и на долю Фишера остался курсъ педагогіи...

Недавно по поводу этого курса возникла полемика. Въ одной газетѣ были помѣщены воспоминанія, авторъ которыхъ, говоря, между прочимъ, о Фишерѣ и его лекціяхъ, замѣтилъ, что Фишеръ дѣлилъ педагогію на три половины. Родственники покойнаго Адама Андреевича возражали въ той же газетѣ, что никогда ничего подобнаго не могло быть, такъ какъ почтенный профессоръ, читавшій нѣкогда въ университетѣ не только педагогію, но и филосо-

фію, не могъ не знать, что въ цѣломъ можетъ быть только двѣ половины, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждали, что онъ отлично зналъ русскій языкъ.

Фишеръ могъ знать отлично русскій языкъ—теоретически, но что практически онъ изъяснялся на совершенно ломанномъ русскомъ языкѣ, объ этомъ я могу засвидѣтельствовать, такъ какъ въ теченіе десяти лѣтъ,—въ гимназіи и потомъ въ университетѣ,—слушалъ его коверканье русскаго языка. И я самъ своими ушами слышалъ, на первой его лекціи, какъ онъ дѣлилъ педагогику именно на три «баловинь». Мы смѣялись надъ такимъ курьезнымъ дѣленіемъ, но въ то же время очень хорошо понимали, что подобное антиматематическое дѣленіе происходитъ просто на просто отъ плохого знанія русскаго языка, и что слово «баловинь» слѣдовало понимать въ смыслѣ «отдѣлъ».

Лекціи Фишера вообще читались, хотя и по-русски, но на такомъ непонятномъ языкѣ, что было-бы все равно, если бы онъ читалъ ихъ по-нѣмецки или по-латыни, подобно Штейнману. Прослушавши двѣ-три лекціи, мы перестали посѣщать его аудиторію. На экзаменѣ у него у насъ не было никакихъ записокъ, мы совсѣмъ не готовились, но сговорились, чтобы каждый вызванный къ столу послѣ двухъ-трехъ фразъ, смотря по содержанію билета, затѣвалъ споръ съ профессоромъ, и такимъ способомъ отдѣлывался бы отъ отвѣта. Такъ мы и сдѣлали. Не знаю ужъ, замѣтилъ или нѣтъ профессоръ нашу продѣлку (можетъ быть, и замѣтилъ, но по душевной добротѣ своей махнулъ на насъ рукою), только съ каждымъ изъ отвѣчавшихъ онъ вступалъ въ ожесточенный споръ, выходя порою изъ себя въ отстаиваніи своихъ положеній, и въ результатѣ отпускалъ экзаменующагося, поставивъ ему полный баллъ. Всѣ, такимъ образомъ, получили у него по пятеркѣ, и съ торжествующимъ хохотомъ, какъ побѣдители, мы отправились всѣмъ курсомъ вверхъ по Невѣ на двухвесельномъ яликѣ праздновать за городомъ свою побѣду.

Я не знаю ужъ, какъ другіе факультеты, но нашъ филологическій, въ общемъ, представлялъ собою зрѣлище крайняго упадка. Упадокъ этотъ сказывался не только въ томъ, что, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, профессора были—или жалкія бездарности, или отсталые отъ науки, дослуживавшіе до пенсіи, старички, но и все, что дѣлалось на факультетѣ, дѣлалось какъ-то спустя рукава. Все имѣло видъ чего-то невсамдѣлишнаго, какъ выражаются дѣти,—опереточнаго. Словно профессора только притворялись, будто читаютъ лекціи, а студенты даже и не притворялись, а откровенно отсутствовали, и профессора нисколько не смущались, читая въ пустыхъ аудиторіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, словно сознавая свою академическую несостоятельность, они всѣ подрядъ удивляли насъ своею снисходительностью, и какъ бы ни отвѣчалъ студентъ на экзаменѣ, все равно получалъ полный баллъ, дававшій право

на кандидатскую степень. Отвѣты же студентовъ отличались порою анекдотическою нелѣпостью, ни мало не уступавшею разсказу Фонвизина въ его запискахъ о томъ, какъ одинъ изъ студентовъ отвѣчалъ на экзаменѣ, что Волга впадаетъ въ Бѣлое море, другой—въ Черное, а самъ Фонвизинъ признался, что не знаетъ. Ровно сто лѣтъ спустя, въ петербургскомъ университетѣ нѣкій студентъ на выпускномъ экзаменѣ назвалъ Тецеля американцемъ вмѣсто доминиканца... Другой студентъ на экзаменѣ изъ древней исторіи назвалъ греческій огонь «феу грегоисъ», прочтя въ своихъ запискахъ по-гречески французскія слова feu gregois.

Вотъ какими знаніями обладали филологи, выходившіе изъ с.-петербургскаго университета кандидатами въ 1861 году.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Религіозно-аскетическое настроеніе мое продолжается подъ вліяніемъ Гоголя. Попытки пристроить драму на сцену. Паника по случаю грабежей хулигановъ. Религіозные диспуты студентовъ съ пр. Фишеромъ. Студенческій сборникъ. Отношеніе къ нему Сухомлинова. Выборы редакторовъ сборника. Сходка 20 апр. 1857 г. Мои попытки пристроиться къ сборнику. Факультетскія сходки въ залахъ гимназіи. Вс. Крестовскій. Д. И. Писаревъ и его дружба съ Трескинымъ. В. В. Макушевъ.

I.

Критическое отношеніе къ профессорамъ и превебреженіе къ большинству ихъ явились, конечно, не сразу, а развились постепенно, по мѣрѣ ознакомленія съ составомъ факультета, на третьемъ и четвертомъ курсахъ. Первокурсникъ же вступаетъ обыкновенно въ университетъ съ преувеличенными понятіями о трудностяхъ университетскихъ занятій, въ каждомъ профессорѣ видя жреца науки и жадно внимая всему, что произносится на каѳедрахъ, тщеславясь тѣмъ, что ему не какія либо элементарныя свѣдѣнія сообщаютъ, какъ школяру, а, какъ взрослаго человѣка, посвящаютъ во всѣ тайны науки.

То же было и со мною въ первые мѣсяцы пребыванія въ университетѣ. Передъ началомъ лекцій я предполагалъ, что у меня дни и ночи будутъ поглощены университетскими занятіями: прощай и литература, и Сѣмечкинъ, и здоровье! Я не сомнѣвался, что у меня въ скоромъ же времени разовьется злѣйшая чахотка.

Какъ же я былъ удивленъ, когда оказалось вдругъ столько свободнаго времени, что некуда было его и дѣвать. Приходилось прослушивать всего-на-всего двѣнадцать лекцій въ недѣлю. Я записывалъ ихъ безъ труда: онѣ легко запоминались, и я долгое время находилъ, что изъ каждой лекціи пріобрѣтаю что-нибудь полезное...

Что касается домашнихъ занятій, то я, какъ и въ послѣднихъ

классахъ гимназіи, продолжалъ хандрить, читалъ Сѣмечкину дневникъ и свои сочиненія. По прежнему послѣ Сѣмечкина главнымъ кумиромъ моимъ былъ Гоголь. Я читалъ и перечитывалъ его десятки разъ. Я видѣлъ въ немъ не только великаго русскаго писателя, но и боговдохновеннаго пророка. Я нарочно ходилъ въ публичную библіотеку читать біографію Гоголя и собраніе его писемъ, изданное Кулишомъ. На пресловутую же «Переписку съ друзьями» смотрѣлъ, какъ на своего рода Евангеліе...

Это увлеченіе мистическимъ бредомъ Гоголя легко объясняется тѣмъ, что я самъ переживалъ религіозно-мистическое настроеніе и, вполнѣ естественно, ощущалъ невыразимую отраду, находя въ письмахъ своего кумира тѣ самыя мысли и чувства, которыми была полна моя собственная душа. Письма же Гоголя еще болѣе обостряли мое настроеніе.

Желая имѣть болѣе обширную аудиторію и прославиться на всю Россію, я возымѣлъ намѣреніе поставить на сцену только-что написаную драму «Женихи». Услыхавъ отъ кого-то, что легче всего пристроить піесу на сцену, если ее приметъ для бенефиса одинъ изъ главныхъ артистовъ, я отправился съ нею къ Максимову старшему.

Въ первый разъ я не засталъ его дома; во второй—онъ былъ сильно занятъ; въ третій онъ, наконецъ, меня принялъ. Я надѣялся встрѣтить молодого человѣка, какимъ видѣлъ его на сценѣ, и очень былъ удивленъ, увидѣвъ сорокалѣтняго пожилого мужчину, съ худымъ, впавшимъ желтымъ лицомъ и черными зубами. Принявъ меня довольно любезно (ласковая улыбка не сходила съ его губъ), онъ, тѣмъ не менѣе, не замедлилъ развѣять въ прахъ мои мечты. По его словамъ, новыя піесы разсматривались дирекціей лишь великимъ постомъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ назначались и бенефисы на будущій сезонъ. Такимъ образомъ піесѣ моей предстояло зимовать въ дирекціи и быть поставленной не ранѣе, какъ черезъ годъ.

Тогда я рѣшилъ, прежде чѣмъ представлять пьесу на разсмотрѣніе дирекціи, напечатать ее въ какомъ-нибудь толстомъ журналѣ. Я избралъ для этого «Отечественныя Записки» и снесъ пьесу въ контору редакціи. Но и тамъ меня ждало полное фіаско. Пьесу мою не только не приняли, но я такъ и не могъ выцарапать ее обратно изъ конторы, и она погибла безвозвратно.

II.

Кстати замѣчу, что въ ту зиму вечерніе выходы обывателей изъ дому были своего рода подвигами.

Дѣло въ томъ, что въ зиму 1856—7 г. Петербургъ находился положительно въ осадѣ отъ хулигановъ. Они не носили еще тогда

этой окаянной клички, выдѣляющей ихъ изъ всего человѣческаго рода, а считались просто жуликами, тѣмъ не менѣе—въ дерзости нисколько не уступали нынѣшнимъ и, какъ только смеркалось, нападали съ ножами въ рукахъ не только на прохожихъ, но и на проѣзжихъ, и не только въ глухихъ окраинахъ, но и въ центрѣ города.

Такъ, одного студента ткнули ножемъ въ бокъ и отняли у него сто рублей только-что полученнаго гонорара на площади Маріинскаго театра, въ восемь часовъ вечера. Я самъ видѣлъ окровавленное пальто, которое онъ показывалъ въ университетѣ товарищамъ.

Однажды вечеромъ, когда я былъ у однихъ знакомыхъ на Конногвардейскомъ бульварѣ, часовъ въ семь вечера, раздался вдругъ оглушительный звонокъ у парадной двери. Когда отворили, вбѣжала хозяйка и тутъ же въ передней упала въ обморокъ. Оказалось, что на лѣстницѣ, у самыхъ дверей ея квартиры, въ первомъ этажѣ, ее поджидалъ грабитель,—облапилъ сзади и началъ сдергивать съ нея салопъ. Но она успѣла дернуть за звонокъ, и грабитель въ одинъ мигъ скрылся.

А сколько было сорвано дорогихъ шапокъ съ проѣзжающихъ даже по Невскому проспекту, сколько часовъ было вырвано изъ жилетокъ, серегъ прямо изъ ушей и пр. Доходило до того, что вѣшалки въ переднихъ цѣликомъ очищались отъ навѣшеннаго платья гостей на журфиксахъ.

Я полагаю, что многіе, жившіе въ то время въ Петербургѣ, помнятъ эту злополучную зиму и ту панику, какую переживали въ то время петербуржцы.

Объясняли это нашествіе грабителей на столицу тѣмъ, что какъ разъ передъ этимъ, 26 авг., была коронація имп. Александра, по поводу которой былъ изданъ манифестъ съ широкой амнистіей: массы уголовныхъ были выпущены изъ тюремъ, и столицы наводнились всякаго рода рецидивистами. Къ этому присоединялись и другія болѣе существенныя причины, въ видѣ общаго обѣднѣнія послѣ раззорительной войны, дороговизны, бѣгства дворовыхъ изъ помѣщичьихъ усадебъ, усиливавшагося съ каждымъ годомъ, и пр.

Хорошо помню, какъ мнѣ жутко бывало ходить къ Сѣмечкину черезъ безконечный и пустынный по ночамъ Тучковъ мостъ, а тѣмъ болѣе—по мосткамъ черезъ Неву. При возвращеніи домой душа все время пребывала въ пяткахъ; улепетываешь, бывало, сломя голову, обгоняя извозчиковъ, и постоянно чудится, что за тобой кто-то гонится!

III.

Такъ я и жилъ, словно заключенный въ темницу, безъ малѣйшаго просвѣта. Вѣчная ночь царила вокругъ меня, и не замѣчалъ я, какъ свѣтало за стѣнами тюрьмы, загорался день, и солнце начинало все озарять своимъ ласковымъ свѣтомъ. Не замѣчалъ я, какая радость обуяла русское общество, когда палъ всесильный Клейнмихель, когда былъ отданъ подъ судъ легіонъ интендантскихъ грабителей, когда нелѣпый и взбалмошный Мусинъ-Пушкинъ былъ смѣненъ либеральнымъ и мягкимъ кн. Щербатовымъ, когда порастворялись двери тюремъ, и тысячи политическихъ страдальцевъ вернулись на родину изъ дальнихъ сибирскихъ тундръ.

Не замѣчалъ я, что и въ университетѣ начало кое-что шевелиться. Такъ, въ теченіе учебнаго года 1856—7-го устраивались въ одной изъ большихъ аудиторій философскіе диспуты съ пр. Фишеромъ по вопросу о бытіи Бога, при чемъ студенты отрицали бытіе, а Фишеръ оппонировалъ имъ и старался доказать, что «когда мы обзираемъ всю вселенную, мы видимъ, что она не безъ Духа...»

Отрицать бытіе Бога, и при томъ въ такомъ публичномъ мѣстѣ, какъ университетъ, казалось въ то время верхомъ безумной отваги и отчаянной дерзости. Всѣ такъ и ждали, что смѣльчакамъ не сдобровать, что, по меньшей мѣрѣ, они будутъ исключены изъ числа студентовъ, а чего добраго—и разосланы по монастырямъ для утвержденія ихъ въ догматахъ православія. И каково же было общее удивленіе, когда дерзость ихъ сошла имъ съ рукъ совершенно безнаказанно!

Ни на одномъ изъ этихъ диспутовъ я не былъ, ибо не зналъ и объ ихъ существованіи. Не зналъ и о томъ, что 26 окт. 1856 года было подано студентами прошеніе въ совѣтъ университета объ изданіи студенческаго сборника.

Но и въ моей темницѣ оказались скважины, въ которыя успѣли проникнуть лучи солнца и не замедлили произвести на меня свое живительное вліяніе. Когда 30 января 1857 г. вышло разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія на изданіе студенческаго сборника, объ этомъ разрѣшеніи, конечно, тотчасъ же стало извѣстно по всему университету. Дошло извѣстіе и до моихъ ушей.

Вскорѣ были назначены факультетскія студенческія сходки для выбора редакторовъ сборника. Явился на сходку и я. Были объявлены кандидаты. Началась закрытая баллотировка, и всѣ были удивлены, когда сверхъ объявленныхъ кандидатовъ нѣсколько голосовъ было подано за меня. Голоса эти принадлежали, очевидно,

ларинцамъ, которые знали меня, какъ юнца, заявившаго въ гимназіи литературное призваніе. Но большинство было въ полномъ недоумѣніи, какой такой объявился вдругъ невѣдомый никому Скабичевскій, и это открыто заявленное удивленіе было тяжкимъ ударомъ для моего самолюбія, глубоко меня взволновавшимъ и пробившимъ широкую брешь въ моей затхлой темницѣ. Я далъ себѣ слово добиться, во что бы то ни стало, чтобы университетъ узналъ, что такое Скабичевскій...

Во главѣ изданія сборника сталъ пр. Сухомлиновъ. Редакторы собирались къ нему на совѣщанія два раза въ мѣсяцъ, а 20 апрѣля была устроена общая студенческая сходка, съ цѣлью открытія предпріятія и призыва всего студенчества къ участію въ немъ. Обширная, устроенная амфитеатромъ XI-ая аудиторія была биткомъ набита студентами и посторонними посѣтителями. Впереди сидѣли редакторы и нѣсколько нарядно разодѣтыхъ женщинъ.

Я не въ состояніи передать энтузіазмъ, которымъ были исполнены присутствовавшіе, въ томъ числѣ и я. Энтузіазмъ этотъ дошелъ до высшей точки кипѣнія, когда Сухомлиновъ, большой вообще мастеръ по части патетическихъ заключеній своихъ лекцій (см. ст. Писарева «Универс. наука», о Телицинѣ) прочелъ прочувствованную рѣчь, послѣ которой послѣдовалъ оглушительный взрывъ долго не смолкавшихъ рукоплесканій.

Не помню, въ чемъ заключалось содержаніе рѣчи, но могу сказать навѣрное, что она была самая банальная и состояла изъ однихъ общихъ мѣстъ. Да и все предпріятіе изданія сборника было крайне эфемерное и не выдерживало самой снисходительной критики. Не даромъ Добролюбовъ, при всемъ естественномъ желаніи поощрить студентовъ, отозвался о немъ въ «Современникѣ» не вполнѣ благосклонно.

Въ самомъ дѣлѣ, кому были нужны эти студенческіе сборники? Судя по двумъ выпускамъ, можно полагать, что единственная цѣль предпріятія заключалась въ изданіи научныхъ изслѣдованій студентовъ, производимыхъ подъ руководствомъ профессоровъ. Работы эти могли быть очень полезны для студентовъ, но, конечно, ни для публики, ни тѣмъ болѣе для спеціалистовъ ни малѣйшаго интереса не могли представлять подобнаго рода зеленые плоды незрѣлой мысли.

Понятно, что сборникъ не пошелъ дальше второго выпуска. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ сборникомъ стушевался и Сухомлиновъ. Впереди его ждала блестящая ученая карьера: въ 1864 году онъ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ спб. университета, затѣмъ членомъ академіи наукъ, снискалъ почетную извѣстность своими научными изслѣдованіями, но во главѣ студенческаго движенія онъ уже не стоялъ и прежнею популярностью слушателей не пользовался. Не былъ онъ и въ числѣ профессоровъ, оставившихъ въ 1861 году университетъ...

Чѣмъ же, однако, объясняется тотъ энтузіазмъ, который охватилъ весь университетъ по случаю изданія сборника и проявился столь бурно во время сходки 20 апрѣля?

Причина энтузіазма заключалась въ томъ, что если сборникъ и не стоялъ на высотѣ своего призванія по части чистой науки, за то удовлетворялъ другой потребности, вполнѣ живой и лежавшей въ духѣ времени: именно потребности въ объединеніи находившихся въ полной изолированности студентовъ.

Будучи общимъ самостоятельнымъ дѣломъ всего университета, сборникъ связалъ студентовъ въ одно корпоративное цѣлое. Разъ онъ выполнилъ эту роль, онъ оказался болѣе не нуженъ. Объединенные студенты занялись другими общими дѣлами, лежащими въ духѣ того общественнаго движенія, которое, усиливаясь съ каждымъ днемъ, отвлекало молодые умы отъ чистой науки.

IV.

Я былъ тоже на седьмомъ небѣ. Желая поскорѣе прославиться, сдѣлавшись сотрудникомъ сборника, я отправился къ Сухомлинову съ только-что написанной повѣстью «Записки Алексѣевскаго». Въ этой повѣсти я умудрился подражать одновременно Шекспиру, Данте и Лермонтову. Сухомлиновъ повѣсти не принялъ, заявивши, что беллетристика не будетъ печататься въ сборникѣ, предназначавшемся исключительно для научныхъ изслѣдованій.

Дѣлать было нечего. Я вознамѣрился написать что-нибудь въ научномъ родѣ. Какъ разъ въ это время я увлекался Гизо и усердно читалъ его лекціи по исторіи Франціи; и вотъ я началъ ежедневно странствовать въ публичную библіотеку и переводить тамъ изъ книги Гизо о римскихъ муниципіяхъ. Но изъ этого моего труда ровно ничего не вышло.

Послѣ 20 апрѣля начальство въ лицѣ новаго попечителя округа, кн. Щербатова, разрѣшило студентамъ имѣть два раза въ мѣсяцъ факультетскія сходки, при чемъ такъ было любезно, что опредѣлило для этихъ сходокъ залы разныхъ гимназій. Такъ, для сходокъ филологовъ была предназначена зала Пятой гимназіи у Аларчина моста.

Филологическія сходки у Аларчина моста оставили во мнѣ самыя свѣтлыя и теплыя воспоминанія. Это былъ радостный расцвѣтъ тройственной весны: весны, стоявшей въ то время въ природѣ, весны нашей молодой жизни и той общественной весны, которая ставится обыкновенно въ кавычкахъ въ смыслѣ новыхъ вѣяній и ожиданій.

Хотя сходки имѣли спеціальное назначеніе читать статьи, предназначавшіяся для сборниковъ, и рѣшать, годятся ли онѣ для напечатанія, но я что-то не помню ни одного такого чтенія, но за

то помню безконечные разговоры, молодые мечты и споры, помню чтенія то новыхъ выпусковъ «Колокола» Герцена, то тѣхъ или другихъ запрещенныхъ стихотвореній и статей, распространявшихся въ то время обильно въ рукописныхъ спискахъ. Такъ, на одной изъ этихъ сходокъ я впервые познакомился съ поэмой Некрасова «Бѣлинскій». Нашъ однокурсникъ, Всеволодъ Крестовскій, въ свою очередь, читалъ свои ультра-радикальныя стихотворенія.

Да! Вс. Крестовскій, прославившійся впослѣдствіи патріотическимъ шовинизмомъ, доведшимъ его до уланской каски, былъ въ тѣ поры ярымъ радикаломъ и атеистомъ. Я никогда не забуду, какъ мы готовились къ какому-то экзамену, и при этомъ онъ энергично доказывалъ мнѣ, что Бога не существуетъ, а я, въ свою очередь, не менѣе энергично оппонировалъ ему.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что и тогда уже Крестовскій, при всемъ своемъ радикализмѣ, не пользовался уваженіемъ среди своихъ товарищей, и всѣ смотрѣли на него съ тою улыбкою, съ какою смотрятъ на юродивыхъ или на людей безъ такъ называемаго царька въ головѣ. Онъ отталкивалъ отъ себя своею заносчивостью, задираніемъ головы кверху на томъ основаніи, что онъ уже печатался и на его стихотворенія успѣли обратить вниманіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поражалъ крайней поверхностностью и легкомысліемъ, съ какими судилъ обо всемъ. Напускной либерализмъ его ограничивался банальными фразами, подъ которыми блистало полное отсутствіе какихъ-либо убѣжденій. Коробило мало-мальски солидныхъ людей и то, что уже тогда онъ хвалился скабрезными стихотвореніями, въ которыхъ воспѣвалъ «погибшія, но милыя созданія».

V.

На этихъ же сходкахъ послѣдовало сближеніе Писарева съ Трескинымъ и мною. До того времени я встрѣчалъ Писарева лишь на лекціяхъ, и онъ удивлялъ меня своимъ ребяческимъ видомъ: рыженькій, розовенькій, съ веснушками на лицѣ, одѣтый съ иголочки, онъ глядѣлъ вербнымъ херувимчикомъ. Лекціи онъ записывалъ бисернымъ почеркомъ въ красивенькихъ, украшенныхъ декалькоманіею тетрадочкахъ съ розовыми пропускными бумажками [?] кляксапирчиками. Всегда тихонькій и кроткій, онъ имѣлъ видъ не столько студента, сколько гимназиста третьяго или четвертаго класса. Впрочемъ, и по лѣтамъ онъ едва выходилъ изъ отроческаго возраста: ему было всего семнадцать лѣтъ.

Писаревъ и Трескинъ такъ сразу понравились другъ другу, что у нихъ образовалась симпатія, доходившая до взаимной влюбленности.

Молодая дружба эта имѣла важныя послѣдствія для обоихъ:

Трескинъ рѣшился перейти на филологическій факультетъ, чтобы проходить курсъ рука объ руку съ Писаревымъ, а Писаревъ, въ свою очередь, рѣшился переселиться къ Трескину, чтобы не разлучаться съ нимъ ни днемъ, ни ночью.

Обоимъ стоили эти рѣшенія немалыхъ хлопотъ и борьбы съ родными. Трескину пришлось выдержать страшный штормъ со стороны отца, который требовалъ, чтобы сынъ учился математикѣ, чтобы потомъ идти по стопамъ отца во флотъ (кромѣ того, перемѣна факультета стоила лишняго года въ университетѣ). Не знаю ужъ, какъ удалось Трескину уломать отца. Во всякомъ случаѣ, не мало было поломано при этомъ мебели и разбито посуды.

Родные Писарева, въ свою очередь, недовольны были переселеніемъ сына въ домъ Трескина. Они устроили его въ домѣ богатаго и знатнаго дяди. Писареву предстояло въ этомъ домѣ усвоить свѣтскій лоскъ и запастись связями. И вдругъ мальчикъ всѣмъ этимъ пренебрегъ. Правда, старикъ Трескинъ былъ тоже не лыкомъ шитъ: какъ бы то ни было—адмиралъ, но адмиралъ въ отставкѣ, жилъ уединенно, такъ что сравнительно съ домомъ дядюшки домъ Трескина могъ, пожалуй, въ глазахъ родныхъ Писарева имѣть видъ трущобы.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ студентѣ, съ которымъ я былъ близокъ въ продолженіе двухъ первыхъ лѣтъ студенчества: это былъ Вик. Вас. Макушевъ, товарищъ мой по гимназіи и факультету.

Макушевъ былъ не высокаго роста, флегматическій и сухой гелертеръ. Уже въ седьмомъ классѣ гимназіи онъ пристрастился къ славяновѣдѣнію и весь съ головою ушелъ въ излюбленную спеціальность: вѣчно возился съ огромными фоліантами, только и думалъ, и говорилъ, что объ однихъ славянахъ.

Онъ былъ близкій родственникъ очень богатаго и знатнаго аристократа, но это было какое-то особое морганатическое родство, такъ какъ Макушевъ занималъ въ его домѣ на Конногвардейскомъ бульварѣ небольшую каморку по черной лѣстницѣ.

Я до сихъ поръ не могу понять, что было общаго у меня съ Макушевымъ: я ни малѣйшаго пристрастія къ славянамъ не обнаруживалъ, а Макушевъ, съ своей стороны, вполнѣ игнорировалъ тѣ религіозно-философскіе, историческіе и литературные вопросы, которые въ то время занимали меня. Тѣмъ не менѣе, мы бродили по университету плечо въ плечо, иногда даже и посѣщали другъ друга, и Макушевъ, помню, ввелъ меня даже въ кругъ своихъ морганатическихъ родственницъ, какихъ-то дамъ полусвѣта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Освободительное движеніе студентовъ с.-пб. университета. Завоеваніе разныхъ льготъ. Сходки въ XI-ой аудиторіи. Организація студенчества. Старосты, касса, библіотека и читальня. Столкновеніе съ полиціею московскихъ студентовъ и сочувствіе имъ всего общества. Общее броженіе; его неопредѣленность, безсвязность и безплодность. Скандалъ въ Павловскѣ на музыкѣ. Рукописныя газетки въ университетѣ. Студенческая демонстрація противъ пр. М. Куторги

Результаты того объединенія студентовъ, какое совершилось на почвѣ изданія сборника весною 1857 года, не замедлили проявиться осенью того же года, въ самомъ началѣ семестра. Начать съ того, что число студентовъ къ этому времени удвоилось: оно простиралось уже до 600. Студенты вдругъ, словно по какому-то наитію, почувствовали свою силу, сознали, что они хозяева въ университетѣ. Начался рядъ освободительныхъ дѣйствій.

Въ одинъ прекрасный день студенты толпой человѣкъ въ двѣсти собрались передъ дверью коррндора и потребовали, чтобы дверь была отперта и не запиралась въ теченіе всего дня. Когда же сторожъ запротестовалъ, его прогнали, дверь выломали, и студенты шумною толпою вторглись въ корридоръ. Послѣ этого онъ никогда уже не запирался.

Затѣмъ послѣдовала вторая побѣда: студенты начали курить въ стѣнахъ университета, и когда начальство, въ лицѣ инспектора и его помощника, было воспротивилось такой вольности, ему отвѣчали:

— Мы не дѣти и не школяры. Мыслимо ли въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не имѣть возможности ни разу затянуться? Попробовали бы сами!

И начальство должно было уступить, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы не курили хотя бы наверху, ограничиваясь шинельной и уборной. На слѣдующій же годъ была устроена особенная курильная комната.

О ношеніи трехуголокъ и шпагъ начальство уже и не заикалось: ихъ сдали въ архивъ даже франты-бѣложилетники, любители униформъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали появляться въ университетѣ студенты съ косматыми гривами и усами. Я помню одного товарища по факультету, который, отростивъ роскошные усы, клялся, что онъ готовъ голову дать на отсѣченіе, а усовъ ни за что не сбрѣетъ.

— Ну, а если васъ выключатъ изъ университета?—возражали ему,—неужели изъ-за усовъ вы пожертвуете высшимъ образованіемъ?

— Ну-ка, пусть попробуютъ. Я тогда на всю Россію крикъ подниму, что студента петербургскаго университета въ знаменитое

«наше время, когда и пр. и пр.» выключили за то только, что онъ осмѣлился, шутка сказать, усы отростить!

Но никто къ его усамъ не придрался. Грозный Фитстумъ-фонъ-Экстетъ сдѣлался тише воды, ниже травы, совсѣмъ какъ-то стушевался.

Все это были мелочи, но они несказанно поднимали духъ и окрыляли насъ. Университетъ сдѣлался особенно привлекателенъ. Идешь, бывало, въ его стѣны, и чувствуешь, какъ сердце съ каждымъ шагомъ сильнѣе и сильнѣе начинаетъ биться въ груди. Ждешь чего-нибудь новаго, особеннаго, бравурнаго. Такъ и подмываетъ каждаго проявить себя чѣмъ-нибудь отчаянно отважнымъ, героическимъ.

— Въ XI-ую аудиторію, въ XI-ую аудиторію!—ежедневно раздаются крики, и толпою бѣгутъ студенты въ эту обширную аудиторію, игравшую роль форума въ ту пору, и тамъ происходили бурныя сходки по поводу какихъ-нибудь обще-студенческихъ вопросовъ, казавшихся намъ вопросами первой важности, ради рѣшенія которыхъ многіе не въ шутку готовы были пожертвовать жизнью.

На одной изъ сходокъ въ XI-ой аудиторіи единеніе студентовъ вылилось въ призывъ къ организаціи въ нѣкую республику въ нѣдрахъ университета, имѣющую свое правленіе, законы, казну и пр. Каждый факультетъ избралъ своихъ старостъ, которые и составляли правительство республики. Они завѣдывали кассою и всѣми прочими дѣлами студенческими, были вмѣстѣ съ тѣмъ судьями при различныхъ столкновеніяхъ студентовъ между собою или съ начальствомъ. Они же были и депутатами отъ университета, когда дѣло касалось какихъ-нибудь разговоровъ съ начальствомъ.

Для составленія кассы устраивались литературныя чтенія, публичныя лекціи, спектакли и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ студенты употребляли всѣ усилія завладѣть великолѣпными концертами. Дѣло въ томъ, что Фитстумъ былъ артистъ, хорошо знавшій музыку,— настолько, что былъ въ состояніи составить изъ студентовъ любителей оркестръ изъ пятидесяти человѣкъ, и самъ имъ дирижировалъ, и надо ему отдать справедливость, былъ весьма недурной дирижеръ.

Вотъ при помощи этого-то оркестра и при содѣйствіи извѣстныхъ солистовъ, порою артистовъ и примадоннъ императорскихъ театровъ, и устраивались ежегодно въ теченіе зимы въ актовомъ залѣ университета, по воскреснымъ днямъ, десять симфоническихъ концертовъ. Входъ на эти концерты былъ платный даже и для студентовъ, которымъ давалась лишь та льгота, что за одинъ рубль они получали билетъ на всѣ концерты на хоры.

Публика очень любила эти концерты, и залъ во время ихъ всегда былъ полнехонекъ. Въ результатѣ очищалось отъ нихъ нѣсколько тысячъ. Сборъ этотъ поступалъ въ руки инспектора, кото-

рый безконтрольно тратилъ его на помощь нуждающимся студентамъ. Нужно прибавить, что концерты эти существовали уже издавна: будучи еще гимназистомъ въ среднихъ классахъ гимназіи, я попадалъ на нихъ черезъ знакомыхъ.

Студенты настаивали на томъ, чтобы сборъ съ этихъ концертовъ всецѣло поступалъ въ кассу, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ болѣе, чѣмъ инспектору, извѣстно, кто изъ студентовъ и въ какой степени нуждается въ пособіи. Этотъ споръ инспекціи со студенческой корпораціей продолжался до самаго закрытія университета въ 1861 году.

Въ эту же пору были заведены студенческая читальня и библіотека.

II.

Но одними побѣдными ликованіями по поводу льготъ и уступокъ со стороны начальства не ограничилась общестуденческая жизнь въ стѣнахъ университета. Время было слишкомъ бурное, чтобы почить на лаврахъ открытія курительной комнаты. Не замедлили начаться и кое-какія враждебныя столкновенія.

Такъ, въ ту же осень произошло въ Москвѣ столкновеніе студентовъ съ полиціей, о которомъ я говорилъ уже въ седьмой главѣ. Студенты собрались въ небольшомъ числѣ на частной квартирѣ у товарища, повели себя нѣсколько шумно; хозяинъ призвалъ полицію унять ихъ; произошла свалка: нѣсколько студентовъ были изувѣчены городовыми.

Поднялся шумъ на всю Россію. Московскіе студенты снарядили депутатовъ, которые разъѣзжали по всѣмъ университетамъ и просили принять участіе. Молодежь горячо вступилась въ это дѣло: были поданы высшему начальству ото всѣхъ университетовъ петиціи, за подписями студентовъ съ жалобами на башибузукскія расправы полиціи и съ просьбою разобрать дѣло и наказать виновныхъ полицейскихъ чиновъ.

Студенты находились въ то время въ большомъ фаворѣ: все, о чемъ ни просили они, тотчасъ же исполнялось. Въ настоящемъ же случаѣ на сторонѣ ихъ было общественное мнѣніе всей Россіи. Вообще, въ то время все русское общество находилось въ воинственномъ настроеніи, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разгоравшемся. Казалось, не сегодня—завтра готовилась вспыхнуть революція. Всѣ ея боялись и въ то же время съ нетерпѣніемъ ждали. Толкамъ, спорамъ, разговорамъ, слухамъ не было конца. Слухи эти принимали порою крайне фантастическій характеръ. Говорили, напримѣръ, о перенесеніи столицы въ Москву или Кіевъ, о томъ, что в. кн. Константинъ пишетъ уже конституцію, что въ скоромъ времени введутъ новый стиль, что академики пересматриваютъ алфавитъ и готовятся выкинуть изъ русской азбуки нѣсколько лиш-

нихъ буквъ и въ первую голову, конечно, ужъ ненавистное «ѣ», и т. п.

Въ народѣ же циркулировали не одни уже слухи, а цѣлыя легенды. Такъ, воскресили старую легенду, временъ Александра I. Царь, будто бы, узналъ, что сенаторы взбунтовались, услышавъ, что онъ хочетъ отпустить на волю крестьянъ. Заслышавъ объ ихъ бунтѣ, царь смѣло отправился въ сенатъ, думая укротить бунтовщиковъ однимъ своимъ царскимъ словомъ. Но сенаторы, не убоясь царскаго гнѣва, потребовали, чтобы царь подписалъ бумагу, закрѣпляющую за ними крестьянъ на вѣчныя времена. Когда же царь отказался отъ этого, они начали его душить, и уже затянули шею его шарфомъ. Но въ это время в. кн. Константинъ, обезпокоясь долгимъ отсутствіемъ брата, отправился къ сенату, захвативъ съ собою гвардейскій полкъ. Едва приблизился онъ къ сенату, какъ изъ дверей выскочилъ швейцаръ и вскричалъ:

— Ваше императорское высочество, поспѣшайте на выручку, а то государя императора задушатъ!

Великій князь былъ такъ растроганъ усердіемъ швейцара, что снялъ съ себя орденъ Владиміра и повѣсилъ его на шею ему, а самъ поспѣшилъ съ войскомъ въ сенатъ и во время освободилъ царя отъ рукъ убійцъ. Злодѣи были преданы смертной казни, послѣ которой тѣла ихъ были выброшены на сенатскую площадь, гдѣ и провалялись нѣсколько недѣль.

Особое озлобленіе чувствовалось въ обществѣ противъ полиціи. И еще бы! Если современная намъ полиція поражаетъ насъ своими дикими азіатскими нравами, доходящими до кровожаднаго мракобѣсія, то можно себѣ представить, какова была полиція въ тѣ времена, когда нижніе полицейскіе чины грабили по ночамъ прохожихъ въ сообществѣ жуликовъ и, пряча награбленное добро въ своихъ полосатыхъ будкахъ, дѣлили съ ними добычу.

Вслѣдствіе этого очень часто происходили стычки съ полиціею не однихъ студентовъ, а публики вообще. Однажды въ Павловскѣ, на музыкѣ, общій любимецъ Штраусъ не угодилъ чѣмъ-то публикѣ, заигравъ не то, чего она требовала, и этого было достаточно, чтобы публика подняла страшный гвалтъ: начали бросать въ оркестръ, что попало, не исключая и стульевъ; стали взбѣгать на эстраду, ломать инструменты; кончилось дѣло, разумѣется, свалкою съ полиціею. Концертъ былъ прерванъ, и публика была удалена изъ вокзала.

Понятно, что и столкновеніе московскихъ студентовъ съ полиціею встрѣтило сочувствіе не только среди студентовъ всѣхъ университетовъ, но и вызвало взрывъ негодованія всего мыслящаго русскаго общества. Поэтому начальство, внявъ студенческимъ петиціямъ, нарядило особенное слѣдствіе, и виновные полицейскіе чины получили должное возмездіе.

На всѣ подобнаго рода столкновенія смотрѣли, какъ на по-

слѣднія капли, переполнявшія чашу. Къ сожалѣнію, капли эти безслѣдно выливались, а чаша оставалась такою же полною. Сверху предпринимался рядъ либеральныхъ реформъ. Общество выражало большое сочувствіе имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ роптало, волновалось, протестовало по поводу злоупотребленій и беззаконій, какія встрѣчались на каждомъ шагу. Сатирическіе листки, съ «Искрою» во главѣ, взапуски обличали ихъ; въ газетахъ печатались протесты съ десятками подписей. Но всѣ эти протесты имѣли частный, конкретный характеръ, ограничиваясь отдѣльнымъ возмутительнымъ фактомъ или возбудившею общую ненависть личностью. Стоило произвести правительству слѣдствіе, уволить какого-нибудь пристава или разрѣшить курить на улицахъ, и общество ликовало, вполнѣ удовлетворенное.

Вмѣстѣ съ тѣмъ поражало полное отсутствіе малѣйшей иниціативы, сознательныхъ, широкихъ и открыто заявленныхъ требованій. Нравы были по прежнему дики и грубы; по прежнему не только становые или пристава, но и городовые били народъ; процвѣтали взятки, всюду царилъ и военный, и бюрократическій произволъ; цензура все такъ же неистовствовала и дѣлала рядъ анекдотическихъ нелѣпостей, и столь были не избалованы русскіе писатели, что достаточно было одному цензору въ лицѣ Фонъ-Крузе оказаться на одинъ мизинецъ снисходительнѣе другихъ, чтобы признательные литераторы почтили его велерѣчивыми адресами, торжественными обѣдами, трогательными проводами, и въ подобныхъ оваціяхъ доброму палачу видѣли демонстрацію въ пользу свободы печати.

III.

Да и то сказать, гдѣ же было и думать о свободѣ печати, когда правительство въ каждой невинной строкѣ, не прошедшей сквозь цензуру, продолжало пугливо подозрѣвать покушеніе на потрясеніе основъ. До какихъ смѣшныхъ курьезовъ доходила эта по истинѣ безумная паника, можно судить по курьезнѣйшей исторіи съ рукописными студенческими листками.

Едва началось освободительное движеніе въ университетѣ, студенты тотчасъ же раздѣлились на партіи — правыхъ, лѣвыхъ и центра. Правыхъ, собственно говоря, нельзя было назвать и партіей. Это были студенты индифферентные, не принимавшіе участія въ студенческихъ дѣлахъ, въ родѣ «дикихъ» нѣмецкихъ университетовъ. Къ этой категоріи принадлежали, во-первыхъ, дѣти богатыхъ родителей, хлыщи и шикари, съ брезгливымъ высокомѣріемъ относившіеся ко всѣмъ товарищамъ, не принадлежавшимъ къ ихъ избранному кружку; во-вторыхъ, студенты, исключительно преданные наукѣ и съ головою ушедшіе въ книги; въ третьихъ — поляки,

составлявшіе свой особенный замкнутый кружокъ и не желавшіе входить въ какія-либо сношенія съ русскими.

Такимъ образомъ, въ студенческомъ движеніи участвовали лишь двѣ партіи: умѣренный центръ и крайніе лѣвые, которыхъ прозывали «волками». Умѣренные желали мирно и спокойно пользоваться дарованными студентамъ вольностями, по возможности избѣгать шума и относиться къ начальству не съ настойчивыми требованіями, а съ почтительными просьбами. Волки же, щеголяя, нарочно въ пику бѣложилетникамъ, всклокоченными волосами и ветхими, никогда нечищенными сюртуками, являлись представителями самыхъ радикальныхъ требованій, любителями крутыхъ мѣръ и скандальныхъ демонстрацій.

Каждая партія начала выпускать свой особенный органъ, въ видѣ рукописныхъ газетокъ: умѣренные—«Вѣстникъ свободныхъ мнѣній», волки—«Колокольчикъ». Въ листкахъ этихъ помѣщались свѣдѣнія о томъ, что обсуждали и на чемъ порѣшили на той или другой сходкѣ, отчеты о дѣйствіяхъ кассы, распоряженія старостъ, партійная полемика, сатиры на профессоровъ и студентовъ и т. п. Вообще содержаніе листковъ касалось однихъ интересовъ внутренней жизни университета, а государственной политикой въ нихъ, и не пахло.

Но такъ привыкли у насъ во всемъ выходящемъ безъ высшаго соизволенія видѣть нѣчто опасное, что сами студенты смотрѣли на свои невинные листки, какъ на нѣчто нелегальное, и держали ихъ въ строгомъ секретѣ.

Но утаить шило въ мѣшкѣ было трудно, и до инспектора не замедлило дойти свѣдѣніе объ этихъ листкахъ. Доносчикомъ оказался студентъ Шошинъ. По всей вѣроятности, это былъ не профессіональный доносчикъ, а просто болтунъ: будучи вхожъ въ домъ Фитстума, онъ проговорился о листкахъ, не подозрѣвая, чтобы изъ этого что-нибудь вышло, а вышло нѣчто несообразное.

Первымъ дѣломъ Фитстума было потребовать, чтобы ему представили листки. Когда же студенты отказались исполнить это требованіе, онъ объявилъ, что будетъ вынужденъ доложить объ этомъ высшему начальству.

Студенты заволновались. Обрушились на Шошина, въ которомъ видѣли главнаго виновника происшествія, и начали даже подозрѣвать въ немъ агента тайной полиціи. Было тотчасъ же написано отношеніе къ высшему начальству объ исключеніи Шошина изъ университета, и начался сборъ подписей.

Я никогда не забуду тяжелой, унизительной сцены, когда злополучный Шошинъ стоялъ, прижатый въ уголъ, передъ грозно-бушевавшею толпою, маленькій, плюгавенькій, блѣдный, какъ мертвецъ, и навзрыдъ рыдалъ, умоляя о прощеніи, а слезы такъ и текли градомъ по его щекамъ. Эти слезы спасли его: видъ его

былъ слишкомъ несчастный, чтобы не растопить молодыя сердца. Всѣмъ стало жалко бѣднягу, и подписной листъ былъ разорванъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Редакторы и сотрудники листковъ были потребованы къ попечителю. Я тоже успѣлъ уже коечто написать въ одномъ изъ листковъ, и отправился къ Щербатову въ числѣ не болѣе десяти или двѣнадцати участниковъ изданія.

Щербатовъ принялъ насъ очень любезно, пожалъ намъ всѣмъ руки. Мы усѣлись въ небольшой комнатѣ вокругъ него. Мягкимъ, заискивающимъ тономъ онъ началъ свою рѣчь съ того, что онъ ознакомился съ рукописными листками; они ему очень понравились, и онъ даже удивился, что среди студентовъ с.-пб. университета сразу обнаружилось столько блестящихъ талантовъ, способныхъ хоть сейчасъ же войти въ большую прессу. Онъ не только ничего не имѣетъ противъ изданія подобныхъ листковъ, но находитъ его дѣломъ очень полезнымъ, хотя бы со стороны выработки языка и слога. Но онъ боится только одного: люди мы молодые, неопытные, способные увлекаться. Очень возможно, что кто-нибудь изъ насъ скажетъ что нибудь лишнее, ну а среди насъ, навѣрное, не одинъ, не два могутъ найтись, которымъ довѣряться не безопасно. Въ результатѣ могутъ выйти большія непріятности и написавшему, и всѣмъ намъ, да и начальство не похвалятъ, что оно допускаетъ въ стѣнахъ университета такія вещи. Такъ вотъ, чтобы обезпечить насъ отъ подобнаго рода недоразумѣній, онъ предлагаетъ намъ свое дружеское содѣйствіе. Онъ будетъ очень радъ, если мы продолжимъ свое хорошее дѣло, проситъ только одного: чтобы каждый листокъ передъ выходомъ давать ему на просмотръ. Намъ это ничего не будетъ стоить, такъ какъ онъ даетъ слово не вмѣшиваться въ содержаніе листковъ: пусть пишутъ, что и какъ хотятъ; онъ будетъ только дѣлать свои предостереженія, когда найдетъ въ листкахъ что-либо опасное для насъ, и будетъ дѣлать это не какъ начальникъ, а какъ нашъ другъ и старшій братъ, не желающій, чтобы кто-нибудь изъ насъ пострадалъ.

Какъ ни мягки и ласковы были слова князя, тѣмъ не менѣе мы вышли отъ него съ вытянутыми лицами. Листки, выходящіе подъ цензурою попечителя, теряли въ нашихъ глазахъ всю прелесть, утрачивая главное свое обаяніе—тайны. При такихъ условіяхъ они немедленно были прекращены, такъ что студентамъ ни разу не пришлось отправляться къ попечителю за дружественно-родственными предостереженіями.

Спрашивается, для чего была поднята вся эта исторія? Кому она была нужна? Будь эти листки полны зажигательныхъ статей, и въ такомъ случаѣ - какое значеніе и вліяніе могъ имѣть дѣтскій ихъ лепетъ сравнительно съ громовыми раскатами «Колокола», гудѣвшими на всю Россію. Если же взять во вниманіе, что листки, не имѣвшіе ни малѣйшей претензіи на политику, издавались въ

рукописномъ видѣ въ единственныхъ экземплярахъ, «Колоколъ» же распространялся въ университетахъ въ сотняхъ экземпляровъ, то остается только руками развести передъ образомъ дѣйствій правившихъ въ то время людей, готовыхъ придираться къ каждой мелочи и, превращая муху въ слона, съ одной стороны, изъ слѣпой привязанности къ буквѣ закона, а съ другой — заскорузлой привычки все держать подъ своею опекою и не допускать ни малѣйшаго самостоятельнаго шага безъ соизволенія свыше. А не забудьте, что кн. Щербатовъ оставилъ по себѣ память либеральнѣйшаго попечителя округа!

IV.

Много шума надѣлала въ университетѣ, въ началѣ того же семестра, исторія съ М. Куторгой. Онъ читалъ исторію реформаціи на третьемъ курсѣ. Лекціи его были блестящи и привлекали массу слушателей, не только обязательныхъ, но и постороннихъ. Я самъ, будучи на второмъ курсѣ, не пропускалъ ни одной его лекціи и тщательно записывалъ ихъ. Онѣ открывали передо мною, какъ увидимъ ниже, широкія перспективы по философіи исторіи. И вотъ восторгамъ моимъ пришелъ неожиданный конецъ.

На одной изъ своихъ лекцій, въ половинѣ ея, Куторга внезапно остановился на полуфразѣ и заявилъ:

— Господа, я принужденъ прекратить лекцію, такъ какъ я не въ состояніи читать ее передъ людьми, которые ведутъ себя, какъ самые отчаянные школяры, не достойные носить званіе студентовъ.

Съ этими словами онъ сошелъ съ каѳедры и удалился.

Понятно, что вся аудиторія была ошеломлена,—какъ будто надъ нею внезапно разразился ударъ грома. Всѣ спрашивали въ недоумѣніи: — «Что такое? Въ чемъ дѣло?..» Нѣкоторые кинулись тотчасъ же къ профессору, чтобы онъ разъяснилъ причину такого неожиданнаго гнѣва. Другіе обратились къ задней партѣ, имѣя въ виду, что профессоръ, прекративъ лекцію, нѣкоторое время смотрѣлъ на эту парту. Тамъ оказались два студента, сильно переконфуженные, которые объяснили, что вся вина ихъ заключалась въ томъ, что одинъ вздумалъ почистить другому спину, замазанную мѣломъ, когда онъ прислонялся къ стѣнѣ.

Профессоръ же прислалъ сказать, что эти студенты такъ громко, будто бы, разговаривали, что мѣшали ему читать лекцію. Между тѣмъ, мы сидѣли гораздо ближе къ виновникамъ скандала и не слыхали никакихъ разговоровъ.

Настроеніе студентовъ было въ то время столь воинственно, что въ одинъ мигъ весь университетъ вспыхнулъ, какъ порохъ отъ попавшей въ него искры. Всѣ бросились тотчасъ же въ

XI-ую аудиторію, и тамъ начались обычные во всѣхъ сходкахъ дебаты и борьба партій. Волки кричали, что весь университетъ оскорбленъ профессоромъ, приравнявшимъ студентовъ къ школярамъ и грубо прервавшимъ лекцію, и требовали, чтобы студенты всего университета обратились къ высшему начальству съ петиціей объ исключеніи Куторги изъ числа профессоровъ. Умѣренные ограничивались предложеніемъ, чтобы виновные студенты извинились передъ профессоромъ въ нарушеніи правилъ вѣжливости, а профессоръ, въ свою очередь, извинился въ томъ же передъ своими слушателями.

Ни то, ни другое предложеніе не прошло. Съ одной стороны, волки слишкомъ ужъ размахнулись, предложивъ столь радикальную мѣру, какъ исключеніе профессора изъ университета, тѣмъ болѣе Куторги, который, страдая нервами, былъ очень раздражителенъ и вспылилъ изъ-за пустяковъ неожиданно для самого себя. Но, съ другой стороны, студенты были слишкомъ раздражены, чтобы ограничиться одними галантерейными расшаркиваніями другъ передъ другомъ.

Поэтому было постановлено, что студенты должны отплатить профессору его же монетою: на ближайшей же лекціи наполнить слушателями его аудиторію, и какъ только онъ начнетъ читать, выйти всѣмъ изъ аудиторіи.

Такъ было и сдѣлано. Не успѣлъ онъ сказать двухъ-трехъ фразъ, какъ студенты всѣ разомъ поднялись и съ шумомъ ушли изъ аудиторіи. Осталось не болѣе десяти слушателей крайней правой.

Студенты, впрочемъ, не ограничились этимъ, а въ экстазѣ демонстраціи воздали профессору сторицею. Рядомъ съ тою аудиторіей, въ которой читалъ Куторга, была другая, въ тотъ часъ случайно пустовавшая. Студенты заняли ее всею толпою и устроили въ ней кошачій концертъ: лаяли по собачьи, мяукали по кошачьи, пѣли панихиду, стучали въ стѣну. Я, какъ сейчасъ, вижу Писарева, лежащаго навзничь на задней партѣ и барабанящаго ногами въ стѣну.

Замѣчательно, что въ продолженіе всей этой исторіи начальство блистало полнымъ отсутствіемъ. Это было тѣмъ удивительнѣе, что мы издавна привыкли совсѣмъ къ обратному. Правительство всегда считало священною обязанностью въ малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ публичномъ зданіи видѣть нѣчто революціонное, угрожающее потрясеніемъ основъ, и вмѣсто того, чтобы распутывать недоразумѣнія путемъ мирныхъ переговоровъ, двигать тотчасъ же кавалерію и артиллерію.

Къ счастію, по всей Росіи въ тотъ годъ царствовали «на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе», сердца всѣхъ россіянъ были преисполнены кротости и смиренія, студенты же были въ такой модѣ, что всюду ихъ принимали чуть не съ распростертыми

объятіями и сажали на почетныя мѣста. Я, по крайней мѣрѣ, съ трепетомъ войдя въ раззолоченныя хоромы московскаго вице-губернатора для полученія гонорара за уроки, которые въ теченіе лѣта давалъ его племяннику, былъ несказанно удивленъ, когда вице-губернаторъ принялъ меня до такой степени ласково, что вдругъ, ни съ того, что называется, ни съ сего, предложилъ мнѣ осмотрѣть его квартиру и провелъ по всѣмъ комнатамъ, увѣшаннымъ дорогими картинами и уставленнымъ столь же дорогою мебелью. Что побудило его къ столь неожиданному поступку, я не въ состояніи отдать себѣ отчетъ даже и теперь, по прошествіи сорока пяти лѣтъ...

Въ частности, невмѣшательство ректора Плетнева очень просто объясняется тѣмъ, что отъ природы трусоватый, къ тому же больной, Плетневъ рѣдко показывался въ среду студентовъ и въ мирное время; во время же скандаловъ, навѣрное, запирался въ своей квартирѣ или уѣзжалъ. Что касается Фитстума, то онъ разыгрывалъ роль Юпитера-громовержца лишь передъ раболѣпствовавшими и державшими руку по швамъ студентами до 1855 года, теперь же сдѣлался тише воды, ниже травы и, чуть поднимался въ университетѣ шумъ, благоразумно улетучивался.

Благодаря всему этому, скандалъ кончился пустяками, кажется, чѣмъ-то въ родѣ взаимнаго извиненія, но не публичнаго передъ всею аудиторіею, а келейнаго съ глазу на глазъ въ присутствіи старостъ. Впрочемъ, Куторга не преминулъ, въ свою очередь, сторицею воздать студентамъ за учиненный ими скандалъ, и, по моему мнѣнію, довольно не хорошо: послѣ тѣхъ первыхъ, блестящихъ лекцій, которыя онъ прочелъ до скандала, онъ началъ читать по Смарагдову — вяло, сухо, небрежно, безпрестанно манкируя.

Я, конечно, перестала его слушать и болѣе не видалъ уже въ университетѣ. Онъ уѣхалъ въ долголѣтній отпускъ за границу...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

„Общество мыслящихъ людей", какъ послѣдній взрывъ мистицизма. Переходъ отъ мистицизма къ реализму. Роль библіи и историко-философскихъ теорій въ этомъ переходѣ. Новый филологическій кружокъ однокурсниковъ. Господствующій въ немъ духъ. Вліяніе семьи Майковыхъ.

I.

Какъ и надо было ожидать, усиливавшееся съ каждымъ годомъ общественное движеніе не замедлило и меня захватить въ свой водоворотъ. Во мнѣ началась внутренняя работа, произведшая полный переворотъ въ душевномъ строѣ.

Правда, не сразу отрѣшился я отъ мистическаго настроенія.

Оно еще болѣе усилилось ко второй половинѣ 1857 года, когда тому интимному «Обществу мыслящихъ людей», какое было заведено мною еще въ гимназіи, я вознамѣрился придать мистическій характеръ взаимной поддержки въ духѣ христіанскихъ добродѣтелей и борьбѣ съ грѣшною плотію. Общество это должно было впослѣдствіи распространиться по всему свѣту; на первыхъ же порахъ состояло изъ меня, Сѣмечкина, Трескина, Писарева и еще двухъ товарищей по гимназіи, студентовъ-математиковъ, Прохорова и Сѣменникова.

Мы собирались періодически раза два въ мѣсяцъ, тщательно занавѣшивали шторами окна, считая наше общество тайнымъ, а собранія запретными, и приступали къ благочестивымъ собесѣдованіямъ, при чемъ каждый долженъ былъ исповѣдываться передъ братіями въ прегрѣшеніяхъ, а братія должна была судить и увѣщевать его.

Я не помню, чтобы кто-либо исповѣдывался, равно какъ не помню и взаимныхъ увѣщаній. Повидимому, вечера проходили въ чаепитіяхъ со вкусными сдобными булочками и въ интересныхъ разговорахъ по поводу захватывающихъ новостей и злобъ дня. Исключеніе представлялъ развѣ Писаревъ, который, дѣйствительно, каялся въ грѣшной любви къ кузинѣ Р. К., но на всѣ увѣщанія наши отвѣчалъ со слезами на глазахъ, что, несмотря на то, что кузина не отвѣчаетъ на его любовь, онъ не въ состояніи побороть свою страсть.

Не помню, просуществовало ли наше общество мѣсяца два или три, и какъ оно прекратилось. Словно будто незамѣтно растаяло, какъ весенній снѣгъ. Оно и должно было растаять, какъ послѣдняя туча разсѣянной бури. Съ весны 1858 года начался во мнѣ мучительный, тяжелый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благотворный умственный и нравственный переворотъ.

Надо отдать полную справедливость университетской наукѣ, что, какъ ни плохо преподавалась она въ нашемъ университетѣ, во всякомъ случаѣ это была наука, а не та мертвая схоластика, которая оковывала мои мысли.

Такъ, къ третьему курсу университета я имѣлъ уже кое-какія понятія о происхожденіи мифовъ и о вліяніи природы и историческихъ событій на образованіе и развитіе религіозныхъ вѣрованій различныхъ народовъ. Я уже зналъ, что вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ народа прогрессируетъ и его религія: боги становятся человѣкообразнѣе и красивѣе, менѣе гнѣвны и кровожадны, болѣе милосерды и благи; человѣческія жертвоприношенія замѣняются животными гекатомбами, а впослѣдствіи и безкровными жертвами и пр.

Съ этими свѣдѣніями въ головѣ, весною 1858 года, я возымѣлъ намѣреніе прежде, чѣмъ внушать евангельскія истины другимъ, самому основательно ознакомиться съ ними, и, начавъ свое изу-

ченіе съ первоисточника нашей религіи,—библіи, проштудировать сначала ветхій завѣтъ, а затѣмъ и новый.

И вотъ, въ исполненіе этого намѣренія, я приступилъ къ чтенію библіи не безъ торжественности: на седьмой недѣлѣ поста, во время говѣнія. Библію я читалъ не по славянскому тексту, а по французскому. У меня было подъ рукою лондонское стереотипное изданіе 1814 года, напечатанное, какъ значилось на заглавномъ листѣ, съ парижскаго изданія 1805 года, тщательно просмотрѣнное и исправленное по еврейскому и греческому текстамъ.

И вдругъ передо мною начала развертываться исторія евреевъ, совершенно подобная исторіи прочихъ древнихъ народовъ: тѣ же смутныя преданія о гигантахъ, населявшихъ нѣкогда землю, происходившихъ отъ браковъ сыновей божіихъ съ дочерьми людей, о всемірномъ потопѣ, о пастушескомъ кочевомъ бытѣ со спорами и распрями о баранахъ, похищеніями домашнихъ божковъ, какъ двѣ капли воды похожими на споры о благословенныхъ иконахъ при раздѣлѣ имущества у нашихъ крестьянъ; тѣ же переселенія, воинственныя завоеванія и истребленія аборигеновъ; то же устройство государственнаго быта, приписываемое законодателю по внушенію боговъ, при чемъ роль Моисея совершенно тождественна съ ролями Ликурга, Солона или Нумы Помпилія и пр.

Невольно начала меня смущать мысль: если мы сомнѣваемся въ томъ, что Нумѣ Помпилію законодательство его было внушено нимфою Эгеріею, то какое право имѣемъ вѣрить, что Моисей начерталъ свои скрижали на горѣ Синаѣ по внушенію Еговы? Въ концѣ концовъ, я пересталъ смотрѣть на книги ветхаго завѣта, какъ на боговдохновенныя, и началъ усматривать въ Самсонѣ того же Геркулеса, въ Соломонѣ съ его «Эклезіастомъ»—еврейскаго Байрона, въ «Пѣсняхъ пѣсней» не болѣе, какъ сборникъ эротическихъ стихотвореній, и пр.

II.

Рядомъ съ этимъ шла въ моей головѣ работа на чисто философской почвѣ. Здѣсь, дѣйствительно, во мнѣ шло революціонное броженіе въ видѣ ожесточенной борьбы двухъ партій—партіи ортодоксальныхъ вѣрованій и скептицизма. При этомъ могу съ гордостью заявить, что борьба эта совершалась во мнѣ вполнѣ самостоятельно, безъ какихъ-либо постороннихъ внушеній. Каждый шагъ дѣлался мною по собственной иниціативѣ, при чемъ со стороны какъ старшихъ, такъ и сверстниковъ я встрѣчалъ не сочувствіе и поощреніе, а, напротивъ, болѣе или менѣе энергическій отпоръ, приводившій къ ожесточеннымъ спорамъ, повергавшимъ меня въ крайнее смятеніе.

Бушевавшая во мнѣ буря лишила меня сна и аппетита. По

цѣлымъ часамъ бродилъ я по городу безъ цѣли, какъ сумашедшій, весь углубленный въ себя, ничего вокругъ не видя и не слыша, натыкаясь на прохожихъ и не замѣчая встрѣчавшихся знакомыхъ. То одна партія, то другая одолѣвали въ этой непрестанной борьбѣ. Безпощадный скептикъ вчера, сегодня я дѣлался снова ортодоксомъ, молился и каялся за вчерашнія нечестивыя и дерзкія мысли, а на третій день скептицизмъ съ новою силою овладѣвалъ мною, и въ головѣ моей возникали новые доводы въ пользу его...

Этотъ острый періодъ борьбы длился, по крайней мѣрѣ, мѣсяца два и кончился полнымъ скептицизмомъ во всѣхъ дѣтскихъ вѣрованіяхъ вплоть до отрицанія бытія Бога... Но борьба не кончилась этимъ; она вступила затѣмъ лишь въ болѣе спокойную фазу, длившуюся годами. Отъ атеизма я перешелъ современемъ къ деизму; затѣмъ сдѣлался пантеистомъ, молился даже на востокъ, обоготворяя природу и все существующее...

Нѣмецкой философіей я мало занимался и познакомился съ нею лишь впослѣдствіи по историческимъ изложеніямъ да по отраженіямъ ея въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена и Чернышевскаго. За то англійскую философію я штудировалъ внимательно, познакомившись болѣе или менѣе основательно съ Юмомъ, Миллемъ и Спенсеромъ. Въ концѣ концовъ, я почилъ на позитивизмѣ Конта, и до сѣдыхъ волосъ сохраняю тотъ вопросительный знакъ, который поставилъ великій философъ въ предверіи святилища абсолютнаго знанія.

Разрушеніе теологическаго міросозерцанія естественно повело за собою столь же радикальный переворотъ и въ сферѣ нравственныхъ воззрѣній. Отрѣшившись отъ теологическаго дуализма и сойдя на почву монизма, я перестал полагать въ духѣ особенную субстанцію, находящуюся въ антагонизмѣ съ матеріею, призналъ полное и нераздѣльное единство человѣческой природы и началъ смотрѣть на аскетическое подавленіе плоти не какъ на высшее нравственное подвижничество, а, напротивъ, какъ на противоестественное преступленіе противъ законовъ человѣческой природы, приводящее лишь къ злу и гибели.

Сознаніе это привело меня къ полной эманципаціи плоти. Я весь преисполнился такого восторга бытія, какого никогда не испытывалъ ни до, ни послѣ того. Это было то самое радостное чувство, какое чувствовалъ Фаустъ, когда Мефистофель вывелъ его изъ затхлой кельи средневѣковой схоластики на веселый праздникъ жизни,— съ тою, впрочемъ, разницею, что Фаустъ всетаки видѣлъ въ своемъ освобожденіи нѣкое грѣховное, дьявольское наважденіе, и въ самыя свѣтлыя минуты радости бытія у него должно было скрести на сердцѣ при мысли о преступномъ договорѣ съ чортомъ; я же не боялся никакихъ чертей и считалъ за собою полное право пользоваться дарованною мнѣ жизнью во всю.

Словомъ, я испыталъ такое чувство, какъ будто вернулся домой

изъ продолжительныхъ, скучныхъ и опасныхъ странствій. И тѣмъ болѣе чувствовалъ я себя дома, что по всему складу своей природы болѣе былъ склоненъ къ эпикуреизму, чѣмъ къ строгому ригоризму и мрачной меланхоліи.

III.

Эпикуреизмъ этотъ былъ въ то время не однимъ моимъ личнымъ настроеніемъ, а раздѣлялся всѣми моими однокурсниками, которые успѣли перезнакомиться между собою въ теченіе 1858 года, слушая однихъ и тѣхъ же профессоровъ, и сплотились въ тѣсный кружокъ.

Кружокъ этотъ состоялъ изъ восьми человѣкъ. Кромѣ меня и знакомыхъ намъ уже Писарева, Трескина и Макушева, членами его были Л. Н. Майковъ, П. Н. Полевой, Г. Г. Замысловскій и Ф. Ф. Ординъ.

О кружкѣ этомъ много было уже рѣчей въ нашей литературѣ: говорилъ о немъ и Писаревъ въ своей статьѣ «Универс. наука»; неоднократно случалось писать о немъ и мнѣ. Но до сихъ поръ не разсматривался онъ по существу. Въ настоящее время такое разсмотрѣніе тѣмъ болѣе умѣстно, что кружокъ удалился отъ насъ въ историческую перспективу цѣлаго полустолѣтія, и, кромѣ меня, всѣ члены его сошли уже съ земного поприща.

Писаревъ въ своей статьѣ характеризуетъ членовъ кружка, лишь какъ адептовъ чистой науки, при чемъ дѣлитъ ихъ на два разряда: одни съ самаго поступленія въ университетъ избрали спеціальность и всецѣло углубились въ нее; другіе же (онъ самъ, Трескинъ и я) представляли собою блудныхъ дѣтей, которые никакъ не могли остановиться на одной спеціальности, вѣчно порхали отъ одной къ другой и терзались въ сознаніи своей ученой несостоятельности.

Но этимъ не исчерпывался еще тотъ духъ, который господствовалъ въ кружкѣ. У насъ не было полнаго индифферентизма къ кипѣвшей вокругъ насъ жизни, а напротивъ—господствовала особеннаго рода партійная тенденціозность, по правдѣ сказать, довольно-таки затхлаго и прокислаго запаха.

Запахъ этотъ приходилъ въ нашъ кружокъ, черезъ семью Майковыхъ, изъ той литературной котеріи, которая группировалась вокругъ «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго, издававшихся въ тѣ времена подъ редакціей Дудышкина.

Это былъ духъ просвѣщеннаго бюрократизма, который въ тогдашней литературѣ господствовалъ въ кружкахъ, носившихъ прозвище «постепеновцевъ». Гончаровъ мастерски олицетворилъ этотъ духъ въ «Обыкновенной исторіи», въ Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ, этомъ либеральномъ администраторѣ, занимавшемъ видный постъ на государственной службѣ, пользовавшемся большими связями,

вмѣстѣ съ тѣмъ—членѣ акціонерныхъ обществъ, владѣльцѣ завода, наконецъ, англоманѣ, мечтавшемъ о правовомъ порядкѣ и реформахъ сверху, съ соблюденіемъ при этомъ благоразумной умѣренности и постепенности.

Нужно ли говорить о томъ, что постепеновцы были заклятыми врагами какихъ бы то ни было увлеченій и крайностей. Приверженцы чистой науки и чистаго искусства, они всецѣло отрицали сатиру и требовали, чтобы поэты изображали однѣ положительныя стороны жизни и, чуждые ненависти и злобы, возбуждали однѣ эстетическія эмоціи. При этомъ допускалась такъ называемая «народность»,—та этнографическая народность, которая проповѣдывалась въ «Московскомъ Наблюдателѣ» Ап. Григорьевымъ и комп. Въ научной же области уважалась крайняя спеціализація, при кропотливо-строгой разработкѣ мелкихъ фактиковъ.

Наибольшую вражду постепеновцы питали къ «Современнику» и въ главномъ органѣ своемъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ», не переставали воевать съ нимъ, смотря свысока и съ презрѣніемъ на сотрудниковъ и приверженцевъ «Современника», какъ на «красныхъ», легкомысленныхъ и легковѣсныхъ рыцарей свистопляски, беззавѣтныхъ отрицателей всѣхъ и вся, сѣятелей полной нравственной распущенности, разврата и дикой готовности залить весь міръ кровью во имя маккіавелевскаго принципа, что цѣль оправдываетъ средства.

IV.

Вотъ этотъ-то тлетворный духъ и былъ распространенъ въ нашемъ кружкѣ черезъ семью Майковыхъ. Литературный салонъ Майковыхъ въ сороковые и пятидесятые годы былъ средоточіемъ именно литераторовъ, группировавшихся вокругъ «Отечественныхъ Записокъ». Наибольшій тонъ въ этомъ салонѣ давалъ Гончаровъ, этотъ истый бюрократъ и въ своей жизни, и въ своихъ романахъ съ ихъ бюрократическими идеалами, Адуевымъ и Шольцемъ. Въ качествѣ учителя поэта, Ап. Майкова, онъ, конечно, озаботился привить достаточное количество бюрократическаго яда въ голову своего ученика.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что вся семья Майковыхъ была отъ природы расположена къ принятію этого яда. Я не знаю, что представлялъ собою Вал. Майковъ, умершій до моего знакомства съ его семьею. Что же касается всѣхъ прочихъ членовъ семьи, то они всегда поражали меня строгою уравновѣшенностью ихъ натуръ, крайнею умѣренностью и аккуратностью во всѣхъ сужденіяхъ и поступкахъ, наружными благодушіемъ и мягкосердечіемъ, подъ которыми втайнѣ гнѣздилось эгоистическое себѣ на умѣ, а порою и достаточная доза душевной черствости. Но все это скрашивалось такимъ свѣтскимъ тактомъ въ обращеніи, какъ съ выше, такъ и

съ ниже поставленными людьми, что находиться въ ихъ обществѣ было очень легко и пріятно. Невольно казалось намъ, юнцамъ, что трудно и представить себѣ людей болѣе передовыхъ, гуманныхъ и идеальныхъ. Это и былъ тотъ самый «гармонизмъ» всѣхъ элементовъ человѣческой природы, на который въ кружкѣ нашемъ смотрѣли, какъ на квинтъ-эссенцію той истинной просвѣщенной нравственности, которая замѣнила для насъ отвергнутую нами обветшалую прописную мораль.

Ко всему этому надо прибавить, что всѣ Майковы поголовно были эпикурейцы, тонкіе цѣнители всего изящнаго и гастрономы, умѣющіе вкусно и въ мѣру поѣсть и выпить. Наконецъ, всѣ Майковы подъ рядъ были созерцатели, съ примѣсью нѣкоторой доли сентиментальности. О Майковѣ-отцѣ нечего и говорить ужъ: поставщикъ образовъ въ Исаакіевскій соборъ и другія церкви Петербурга, онъ вѣчно виталъ въ мірѣ небесныхъ образовъ, и глаза его то и дѣло возносились горѣ. Старшій сынъ его Аполлонъ, въ свою очередь, былъ преисполненъ звуковъ чистыхъ и молитвъ; любилъ уноситься своимъ поэтическимъ воображеніемъ въ эпохи античной древности и средневѣковаго рыцарства и спускался въ міръ окружавшей его дѣйствительности только для подражанія любовнымъ мотивамъ Гейне и для воспѣванія подвиговъ великихъ міра сего.

Средній сынъ, Владиміръ, тоже склоненъ былъ къ созерцательности. Между прочимъ, административная служба по департаменту внѣшней торговли столь изсушила его, что жена его, обладавшая болѣе живымъ и пылкимъ темпераментомъ, не въ состояніи была ужиться съ нимъ и сбѣжала отъ него на Кавказъ съ однимъ нигилистомъ, котораго впослѣдствіи Гончаровъ покаралъ, изобразивши въ своемъ романѣ «Обрывъ» въ образѣ Марка Волохова. Въ 1865 году, живя въ Парголовѣ, я встрѣтилъ однажды этого господина у Вл. Майкова, жившаго на дачѣ въ Муринѣ, и мы гарцовали съ нимъ даже верхами на чухонскихъ лошадяхъ. Онъ, какъ разъ въ то время, ухаживалъ за г-жею Майковой и показался мнѣ очень симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ каррикатурнымъ героемъ романа Гончарова.

Что касается младшаго брата Майковыхъ, Леонида, нашего сотоварища, то онъ выдался болѣе въ мать, чѣмъ въ отца: братья его всѣ были брюнеты, а онъ—блондинъ, весь какой-то мягкотѣлый и уже въ юности обѣщавшій современемъ потучнѣть.

Леонидъ Майковъ, подобно матери, не отличался блестящими или даже сколько-нибудь выдающимися дарованіями. Онъ бралъ болѣе всего усидчивостью, какъ усердный и кропотливый изслѣдователь-библіографъ. Ужъ одно то, что онъ могъ, остановившись на такой бездарной личности, какъ Третьяковскій, нѣсколько лѣтъ корпѣть надъ изученіемъ пресловутой «Телемахиды», свидѣтельствуетъ, на какое мелкоплаваніе были обречены его умствен-

ныя силы. На университетскую каѳедру онъ, повидимому, не дерзалъ и разсчитывать, и если достигъ впослѣдствіи такихъ видныхъ административныхъ постовъ, какъ помощникъ директора Публичной библіотеки, вице-президентъ академіи наукъ, предсѣдатель этн. отд. Географическаго общества и пр., то все это, главнымъ образомъ, благодаря протекціи и сильнымъ связямъ своего брата Аполлона, этого оффиціальнаго поэта, уже въ юности пріобрѣвшаго извѣстность и силу въ придворныхъ сферахъ воспѣваніями высокопоставленныхъ лицъ.

V.

Несмотря на всю скудость своихъ творческихъ способностей, Майковъ, тѣмъ не менѣе, стоялъ во главѣ нашего кружка. Къ нему обращались и за совѣтомъ, что читать или предпринять; ему первому читалось написанное тѣмъ или другимъ товарищемъ въ научномъ или беллетристическомъ родѣ. Въ его обширной библіотекѣ всегда можно было найти книгу, интересную для чтенія или нужную для научныхъ работъ. Черезъ него же можно было при случаѣ заручиться то урокомъ, то журнальной работой. Первые мои шаги на литературномъ поприщѣ были сдѣланы при его же помощи: онъ пристроилъ меня и въ «Отечественныхъ Запискахъ», и позже въ «Иллюстраціи» Баумана.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ остальныхъ членахъ нашего кружка,—Полевомъ, Замысловскомъ и Ординѣ.

Петръ Николаевичъ Полевой былъ младшій сынъ извѣстнаго критика Полевого. Не въ силахъ будучи возвыситься въ литературѣ до положенія своего отца, онъ унаслѣдовалъ, тѣмъ не менѣе, отъ него нѣкоторую долю талантливости, во всякомъ случаѣ бóльшую, чѣмъ какою были одарены его старшіе братья. Унаслѣдовалъ онъ отъ отца и ту рискованную предпріимчивость, при полномъ отсутствіи практичности и умѣнья сводить концы съ концами, которая приводила его къ тому, что онъ всю жизнь путался въ долгахъ, доходя порой до потери всякаго кредита.

Владѣя хорошо нѣсколькими европейскими языками, онъ избралъ спеціальность для своихъ ученыхъ занятій, по справедливости сказать, живую, но профессорство ему не удалось. Читалъ онъ сначала въ спб. университетѣ; затѣмъ въ новороссійскомъ, наконецъ, въ варшавскомъ. Когда же на постъ министра народн. просв. вступилъ гр. Толстой и потребовалъ, чтобы профессора представили въ министерство программы своихъ лекцій, онъ выразилъ протестъ тѣмъ, что вышелъ изъ университета, и, такимъ образомъ, ученая карьера была для него закрыта навсегда. Это былъ единственный либеральный поступокъ въ его жизни, во всякомъ случаѣ, дѣлающій ему честь, и онъ самъ столь высоко цѣнилъ его, что долгое время ежегодно праздновалъ 3-е февраля, день своей отставки.

Затѣмъ начались его мытарства, — переходы отъ одной дѣятельности къ другой. Такъ, при денежной помощи рыбинскаго купца Пастухова, онъ издалъ исторію русской литературы и хрестоматію для нижнихъ классовъ гимназій. Затѣмъ издавалъ иллюстрированный журналъ «Живописное Обозрѣніе», написалъ массу историческихъ романовъ и пр.

Въ качествѣ товарища онъ былъ то, что называется «теплая рубаха», веселый собутыльникъ, способный перепить всѣхъ собесѣдниковъ и остаться трезвымъ; обладая, къ тому же, большой физической силой, онъ не разъ доставлялъ домой черезчуръ подгулявшихъ товарищей.

Но при всемъ этомъ въ его характерѣ было нѣсколько несимпатичныхъ чертъ, отталкивавшихъ отъ него людей, мало-мальски сближавшихся съ нимъ. Таковы были—чрезмѣрная самонадѣянность и самодовольство, тщеславіе, страсть задать шику и пустить пыль въ глаза, извѣстная даже доза самодурства, желанія поставить на своемъ; надо полагать, что въ семейной жизни онъ былъ не малымъ деспотомъ.

Что касается Георгія Георгіевича Замысловскаго, то тѣ, кто зналъ его въ послѣдніе годы его жизни, въ видѣ изсушеннаго до послѣдней степени гелертера, тощаго, лысаго, не въ состояніи были бы и вообразить, какую противоположность представлялъ онъ собою въ студенческіе годы. Живой, подвижной, съ огромною вьющеюся шевелюрой на головѣ, онъ былъ душою нашихъ молодыхъ пирушекъ. Мы прозывали его не иначе, какъ Лихачемъ Кудрявичемъ. И куда потомъ все это дѣлось! Правда, немалую роль въ этомъ превращеніи сыграло губительное дѣйствіе той болѣзни, которую онъ имѣлъ несчастіе получить въ студенческіе годы, и которая привела его къ преждевременной смерти; но, конечно, сыграло здѣсь свою роль и многолѣтнее корпѣнье въ пыли архивовъ надъ лѣтописями и грамотами.

Я сблизился съ Замысловскимъ не менѣе, чѣмъ съ Трескинымъ и Писаревымъ, часто посѣщалъ его (онъ жилъ въ Главномъ штабѣ, въ семьѣ своей тетки), не разъ ночевалъ у него; не разъ утренняя заря заставала насъ въ какомъ-нибудь излюбленномъ ресторанчикѣ.

За то участіе Ордина въ нашемъ кружкѣ было какимъ-то проблематическимъ. Онъ вмѣстѣ съ нами проходилъ курсъ, участвовалъ въ нашихъ пирушкахъ, но жилъ изолированною жизнью, ни съ кѣмъ интимно не сходясь, къ себѣ никого не приглашая и самъ ни у кого не бывая. Ни о какихъ спеціальностяхъ онъ не заботился; неизвѣстно даже, зачѣмъ избралъ онъ филологическій факультетъ, такъ какъ по окончаніи его сразу стушевался изъ нашихъ глазъ и по открытіи судовъ очутился вдругъ адвокатомъ. Одно только могу сказать въ его пользу, что онъ былъ простой, обходи-

тельный, добрый товарищъ, не лишенный, повидимому, душевной теплоты и не имѣвшій ничего общаго со своимъ братомъ Кесаремъ, накрахмаленнымъ чопорнымъ бюрократомъ, прославившимся своимъ ярымъ финнофобствомъ.

А. М. Скабичевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Оно придетъ—благое время,
Благословенная пора:
Произрастетъ святое сѣмя
Въ крови зачатаго добра.
Не даромъ пламенной любовью
Горятъ подвижниковъ сердца,
Не даромъ жертвенною кровью
Облиты иглы ихъ вѣнца;
Не даромъ ликъ ихъ дивно-свѣтелъ:
Изъ мертвой, страшной жизни тьмы
Ихъ вѣщій взоръ давно замѣтилъ,
Чего еще не видимъ мы.
И сладокъ имъ вѣнецъ желанный:
Дѣтей измученной земли
На грань страны обѣтованной
Они, страдая, привели.

Е. С.

АНАРХІЯ.

I.

Пошла третья недѣля, какъ хуторъ богача-крестьянина, Максима Семеновича Винокурова, осажденъ забастовавшими мужиками. Винокуровъ, простой, сѣрый, неграмотный крестьянинъ, накупилъ болѣе трехъ тысячъ десятинъ земли въ уѣздѣ и прикупалъ еще и еще. Это былъ своего рода—спортъ, и очень выгодный.

— Я думаю,—говорилъ Винокуровъ,—лучше меня только царь живетъ: земля съ каждымъ годомъ все дорожаетъ, за аренду цѣну накладываемъ, и капиталъ растетъ, и дохода больше.

Своего хозяйства въ накупленныхъ имѣніяхъ Винокуровъ не велъ, а раздавалъ землю за деньги и исполу мужикамъ; но въ одномъ имѣніи, среди заливныхъ луговъ, у рѣчки, онъ устроилъ хуторъ и жилъ тамъ съ семействомъ, въ заросляхъ черемухи, „какъ въ раю".

Все шло хорошо. Съ каждымъ годомъ цѣна на траву подъ сѣнокосъ росла. Лѣтъ 10 тому назадъ луга сдавались по 12 рублей за десятину, а въ 1906 г. Винокуровъ назначилъ чудовищную цѣну, 60 р. за одинъ укосъ, и всѣ сто десятинъ поймы разобрали въ одинъ день, 12-го іюня, въ драку и въ жеребій. Почти всѣ луга остались за барышниками-прасолами. Годъ былъ сухой, голодный, трава уродилась только на заливныхъ лугахъ и сулила около 400 пудовъ сѣна съ десятины; цѣна же на сѣно, еще среди лѣта, поднялась до 40 коп. за пудъ.

Послѣ съемщиковъ-прасоловъ, уже къ вечеру, пришли на хуторъ мужики изъ сосѣдняго села Михайловки; они не могли платить по 60 р. за десятину и снимали отаву, послѣ покоса, подъ пастьбу, что они дѣлали каждый годъ; и съ давнихъ поръ отава неизмѣнно расцѣнивалась по 3 р. десятина, но въ этотъ годъ Винокуровъ, ссылаясь на дороговизну кормовъ, запросилъ пять рублей. Мужики уперлись,

долго торговались, и хотя такъ и не сладились, но все обошлось мирно. Даже вслѣдъ имъ, когда они уходили, Винокуровъ прикрикнулъ:

— А вы, ребята, идите дорогой, а не лугами. Тропы дѣлаете, съемщики обижаются. Чать, сами можете понимать: некуда вамъ торопиться, можете и кругомъ обойти.

— Мы—дорогой!—отвѣчали крестьяне, и дѣйствительно обошли луга стороной.

Утромъ 13-го, еще до свѣта, мимо хутора шли въ луга косцы, поденщики и сами хозяева-съемщики, а когда разсвѣтало, Винокуровъ взглянулъ въ луга и заметался по двору.

— Черти! Скорѣе, скорѣе! Садись верхами! Гони въ луга!—кричалъ онъ работникамъ.—Мірскіе пастухи, видно, уснули: вся скотина въ лугахъ, и коровы, и лошади!

Работники кинулись къ лошадямъ, вся семья Винокурова выбѣжала за ворота, и всѣ охали и проклинали пастуховъ. Вышелъ на шумъ и сѣдой дворникъ-ключникъ, Вехъ, пріятель и другъ Винокурова, и, вглядѣвшись изъ-подъ руки отъ солнышка въ луга, тихонько сказалъ Винокурову:

— Куда погналъ ребятъ? Вороти! Не пастухи это... Забастовка.

Работники услыхали и остановились.

Винокуровъ почувствовалъ, что у него подъ сердцемъ словно кольнуло иглой.

Вотъ къ шестерымъ косцамъ прасола Конурина, которые успѣли пройти по ряду и проложили шесть сѣрыхъ, прямыхъ дорогъ черезъ весь восьмидесятникъ десятины, подошла большая толпа народа и остановилась. И косцы взмахнули сверкнувшія на солнцѣ косы на плечи и тронулись съ луговъ къ хутору.

Мужики снимали косцовъ: забастовка.

Винокуриха, толстая, сѣдая, неряшливая баба, завопила, какъ по покойнику; ревѣли ребятишки; 16-лѣтняя дочь Винокурова, Наташа, миловидная, черноглазая дѣвушка съ двумя длинными косами, выбѣжала со сна, въ одной юбкѣ и босикомъ, и тряслась, какъ зимой на морозѣ.

— А-а! Такъ вы грабить?!—оралъ Винокуровъ.—Вамъ казаковъ захотѣлось? Не пороты вы? Я вамъ покажу! Жеребца впрягай, живо! Къ губернатору поѣду! Къ исправнику! Къ министру телеграмму дамъ.

И опять вмѣшался старый Вехъ:

— Не проѣдешь. Не суйся. И самого сгубятъ, и лошадь. Съ косами народъ, да остервенился хуже собаки. Погоди до ночи.

Винокуровъ, худой, высокій, рыжеватый мужикъ, съ

хитро прищуренными глазами и мелкими чертами лица, осѣлъ и ослабъ сразу.

Стали подходить косцы.

— Всю траву помнутъ! Озоруютъ!—жаловались они.— Подавай задатки назадъ.

— Отдамъ, отдамъ, ребята! — стараясь казаться спокойнымъ, что ему плохо удавалось, говорилъ Винокуровъ.— Казаковъ пригоню! Повремените денечекъ до утрева. Что ни станетъ, сотню казаковъ пригоню. А за потраву скостимъ цѣны.

Послѣднимъ пришелъ изъ луговъ худой и тонкій, какъ комаръ, семидесятилѣтній солдатъ Догона. Онъ снялъ полъдесятины луговъ и не хотѣлъ мириться съ забастовкой: отъ горя и злости у него завострился носъ и губы вытянулись въ ниточку.

— Какой ты хозяинъ своему добру, когда у тебя пасутъ стадо по лугамъ, а ты къ бабѣ подъ подолъ спрятался!— стыдилъ онъ Винокурова:—ты иди, гони ихъ, ругай!.. Мои-бы были луга, да я, даромъ старый, я бы ихъ такъ припугнулъ! Ты думаешь, они чего сдѣлаютъ?.. Ты айда! Я не боюсь, косить стану! Я хозяина знаю, а ихъ и знать, плѣснеть болотную, не хочу!

Смѣлыя рѣчи воодушевили Винокурова.

— Попытаемъ, сходимъ, Алексѣй Терентьичъ!—предложилъ Винокуровъ старому Веху.

Вехъ былъ мудрѣйшій человѣкъ во всей округѣ; всѣ его предсказанія всегда сбывались, къ нему шли за совѣтомъ по самымъ запутаннымъ дѣламъ, и всѣ его рѣшеніями были довольны; только въ своей семьѣ Вехъ не пользовался авторитетомъ, и его „сыны“ почти выгнали его изъ дома, не могли равнодушно говорить съ отцомъ, обращались съ нимъ грубо и насмѣшливо. У Винокурова же Вехъ прижился, какъ очень нужный человѣкъ; Винокуровъ, безъ одобренія Веха, не предпринималъ ничего и во всѣхъ дѣлахъ всегда считался съ тѣмъ, что скажетъ и что подумаетъ Вехъ; это его тяготило порой, но съ Вехомъ онъ разстаться не могъ.

На этотъ разъ Вехъ смутился.

— Пожалуй, сходимъ...—проговорилъ онъ, не совсѣмъ однако увѣренно.

И всѣ они трое, Винокуровъ, Вехъ и Догона, пошли въ луга къ забастовщикамъ, сопровождаемые причитаньемъ Винокурихи.

Не отошли они и полверсты, какъ забастовщики ихъ замѣтили и заволновались.

— Гляди! Гляди!—закричали въ лугахъ:—вотъ онъ!

Держи его, держи! Самъ Максимка! Самъ въ руки пришелъ.

— А-а! Тебя-то намъ и надо!

— Ребята! Мотри, не упускай!

— Отъ хутора, отъ хутора забѣгай!

— Споперечь!

Десятокъ молодыхъ парней съ кольями пустились врагамъ въ тылъ. Толпа же, человѣкъ въ сорокъ, поспѣшно двинулась прямо на Винокурова.

— Веха-то, сѣраго чорта, ловите! Веха!—кричали въ толпѣ.

— Максимку!

— Догону!

— Нѣтъ, нѣтъ! Сперва Максимку ловите, укажемъ ему дворянство! Помѣщикъ! Баринъ!

Догона и Винокуровъ дрогнули и отступили одновременно: они повернули и понеслись тропой къ хутору, какъ зайцы. На бѣгу слетѣли съ нихъ картузы, но они этого и не примѣтили.

А старый, сѣрый Вехъ только сталъ еще сѣрѣе, нащетинился и тихонько и спокойно, какъ бы по своему дѣлу, пошелъ навстрѣчу быстро приближавшейся толпѣ. Народъ съ крикомъ и улюлюканьемъ набѣжалъ на Веха. Вехъ шелъ тропой и не сторонился. Бѣжавшіе впереди, словно, нѣсколько замялись на бѣгу, обѣжали Веха, и черезъ минуту вся толпа пронеслась мимо, прямо къ хутору. Вехъ остановился, обернулся и глядѣлъ ей вслѣдъ. Только сильно тряслись у Веха руки, да загорѣвшіеся недобрымъ огнемъ глаза выдавали его волненіе.

Человѣкъ сто, съ косами и кольями, стояли у Винокурова дома.

— Максимъ! Выходи къ обчеству. Требуютъ, — говорилъ староста, надѣвая „медаль“.

Въ домѣ словно всѣ вымерли.

— Максимъ! выходи добромъ! Не выйдешь,—послѣ не пеняй!

Въ окнѣ появилась причитавшая Винокуриха.

— Вотъ вамъ Заступница, Царица небесная! — крестилась она,—съ мѣста мнѣ не сойти, лопни у меня требушина: лежитъ Максимъ безъ языка! Напужали вы его... Чѣмъ мы васъ обидѣли? Чѣмъ вы не довольны? Одумайтесь, православные! Грѣхъ, старики, напрасно обижать... Ты, кумъ Петруха! Вѣдь дѣти-то наши и тебѣ дѣти! Крестный вѣдь ты имъ! На церковь-то оглянись... Иванъ Семенычъ! За нашу хлѣбъ-соль—грѣхъ тебѣ будетъ!—корила старуха сродниковъ и знакомыхъ мужиковъ.

— Ну, мы съ тобой не растабарывать пришли,—перебилъ ее староста,—вотъ вамъ, съ мужемъ, наше мірское рѣшеніе: этотъ годъ, Богъ съ вами, беремъ луга за себя по 6 руб. за десятину, съ отавой. Деньги по осени... А въ зиму—съ Богомъ! Это нашего барина земля... вовсе вы тутъ ни къ чему угнѣздились... Убирайтесь, пока мы васъ не передавили, какъ котятъ!

— Ну, вѣдьма, сказывай! Согласны? Миролюбно, значитъ? По шести рублей?—крикнулъ чего-то нетерпѣливый и заносчивый голосъ изъ толпы.

Старуха, въ отвѣтъ, только выла, лежа грудью на подоконникѣ:

— Чего я согласна? Бога-то побойтесь: развѣ я хозяйка лугамъ? Встанетъ Максимъ, съ нимъ говорите! Я его къ вамъ въ Михайловку пришлю... Вотъ вы не вѣрите... Да дай Господи намъ всю скотину подъ оврагъ свалить: безъ памяти Максимъ!

— Ну, говорите, мужики! — рѣзко обернулся къ народу староста:—чего же съ бабой толковать?

— Пойдемте, инъ, что ли... Можетъ, и въ правду прострѣлило его?..

— Прострѣлитъ, небось, кому ни доведись, стегалъ, какъ молонья!—говорили болѣе миролюбивые.

— Смотри-же, бушма лиловая! Мы еще придемъ!

И мужики сняли осаду и поворотили въ луга.

Винокуровъ не рѣшился ѣхать въ городъ дорогой. Вечеромъ черезъ глубокую, омутистую, безъ бродовъ, рѣчку перетащили веревками на нагорную сторону телѣжку, вплавь переправили лошадь, запрягли ее на томъ берегу, перевезли Винокурова на лодкѣ, и онъ поскакалъ въ городъ горами.

А на другой день, безъ него, опять приходили мужики, и Винокуриха только тѣмъ и отмолилась, что предложила двоимъ депутатамъ осмотрѣть весь домъ и убѣдиться, что Максима дома нѣтъ.

— Въ больницѣ онъ, батюшки! И въ себя съ вечорошнихъ поръ не приходилъ... умира-аетъ!—вопила она.

Въ этотъ разъ Вехъ, завидѣвъ приближающуюся толпу, къ удивленію Винокурихи, спрятался въ подвалъ въ дому, о которомъ мужики не знали, и потребовалъ, чтобы „западню", дверь подвала, заставили сундуками и сдѣлали непримѣтной. Это было очень странно послѣ вчерашней Веховой доблести, но, какъ оказалось, совершенно основательно.

— Максима намъ такъ не надо, какъ этого вашего Веха!—искали въ дому депутаты.

— Къ сыновьямъ вчера же ушелъ! — увѣряла Винокуриха.—Вотъ прострѣли меня прóстрѣломъ, коли вру... Что

мнѣ Вехъ, что мнѣ его скрывать?.. Не сродникъ, работникъ и работникъ, за деньги живетъ.

— Вы такъ и знайте! Веха вы не держите! И его удавимъ, и васъ всѣхъ побьемъ... Еще онъ и не боится! Вчера мы бѣжимъ, а онъ и не сторонится! —негодовали, послѣ времени, мужики.

По вечеру подъѣхалъ Винокуровъ. Вѣсти были плохія; онъ прокисъ, растерялся и никуда не годился. Губернатора онъ не видалъ. Исправникъ обѣщалъ выслать казаковъ.

— Да, гдѣ ужъ! —разсказывалъ Винокуровъ.—Отъ господъ каждую минуту по телефону казаковъ просятъ. Насъ съ ними не смѣняютъ.

Становому далъ 25 руб. Этотъ тоже обѣщалъ завтра прислать стражниковъ.

— К-какъ это??—удивлялся Вехъ, загадочно сверкая глазами и недовѣрчиво всматриваясь въ Винокурова,—да развѣ можно такое дѣло запускать? Одного дня имъ вольничать нельзя давать. Они отъ закона и царя отступились. Пострѣлять ихъ за это надо и село ихъ сжечь! Э-эхъ ты! За чѣмъ поѣхалъ, того и не сдѣлалъ: не дошелъ до губернатора.

— Вотъ что я придумалъ, Алексѣй Терентьичъ,—печально улыбаясь, говорилъ за чаемъ Винокуровъ Веху,—давай, закажемъ этакій чугунный кубъ съ дверкой, спустилъ его въ омутъ и, какъ увидимъ—мужичишки идутъ, сейчасъ мы ширнемъ подъ воду и въ кубѣ спрячемся. Ищи насъ тогда!

Хотя это была, очевидно, шутка, Вехъ обстоятельно разсмотрѣлъ проектъ Винокурова и не одобрилъ.

— Нельзя подъ водой въ кубъ залѣзть,—рѣшилъ онъ,—пока мы лѣземъ, онъ полонъ воды нальется.

— Да ужъ мы проскользнёмъ!

— Какъ ни проскользни, все хоть наполовину да нальется... Какое ужъ сидѣнье по поясъ въ водѣ?

II.

Прошелъ день и два, и недѣля, и двѣ недѣли... Мужики пасли стадо и лошадей по лугамъ, сгоняли косцовъ.

Винокуровъ старался ужъ не смотрѣть въ мятежную сторону и все время порывался запить мертвую, и Винокурихѣ стоило большого труда уберечь отъ мужа водку. Ни казаки, ни стражники не ѣхали.

Мужики подходили къ дому нѣсколько разъ и объявили, что на дняхъ срубятъ заповѣдную, рядомъ съ хуторомъ, рощу Винокурова.

Винокуровъ еще два раза ѣздилъ къ губернатору. Оба

раза губернатора не видалъ, и у него не хватило рѣшимости признаться въ этомъ Веху. Исправникъ оба раза обѣщалъ выслать казаковъ, а становой взялъ еще 25 р.

Мимо хутора, по той сторонѣ рѣчки, два раза проѣзжали казаки; на горахъ зажали рожь, и всякая надежда спасти сѣнокосъ исчезла у Винокурова.

На Петровъ день утромъ, когда осажденные находились въ особо удрученномъ состояніи, не рѣшаясь пройти даже въ церковь, Винокуровъ, тоскуя, подошелъ къ окну и вдругъ заметался и заоралъ ликующимъ голосомъ:

— Гости идутъ! Эй, вы! Скорѣй всѣ бѣги! Рѣжь барановъ, доставай пиво, готовь все, что есть!

Вдали въ лучахъ показался небольшой отрядъ бѣлыхъ всадниковъ. Впереди кто-то ѣхалъ на тройкѣ, и, не доѣзжая поворота на хуторъ, отрядъ разбился на двое. Тройка и шесть всадниковъ поворотили въ Михайловку, а семеро верховыхъ направились на хуторъ.

Всѣ домочадцы Винокурова, самъ Винокуровъ и Винокуриха стояли у оконъ, крестились и плакали.

— Заступники наши! Благодѣтели!—умиленно взывали они къ казакамъ.

Оказалось, однако, что пріѣхали не казаки, а стражники, становой и урядникъ. И на хуторѣ слышно было, какъ въ Михайловкѣ, когда подъѣзжалъ къ ней становой, зловѣще и загадочно ударилъ одинъ разъ церковный колоколъ.

Урядникъ,—не мѣстный, а чей-то чужой,—красивый и молодой, съ чисто выбритымъ лицомъ, черными наглыми глазами, сросшимися бровями, ястребинымъ носомъ и, словно приклеенными, черными нафабренными усами, былъ такъ представителенъ, что Винокуровъ ходилъ передъ нимъ по двору безъ картуза. Урядникъ немедленно отправилъ стражниковъ въ луга, а Винокурову приказалъ гнать въ сосѣднія деревни за косцами-провокаторами и понятыми, при которыхъ будутъ составлять протоколы. Становой обѣщалъ прибыть послѣ переговоровъ съ мятежнымъ сходомъ.

Въ окна было видно, какъ шесть стражниковъ подъѣхали къ расположившемуся на отдыхъ въ лугахъ крестьянскому стаду, какъ поднялись съ земли два пастуха и, сопровождаемые стражниками, медленно погнали стадо съ луговъ, а у границы Винокуровской земли двѣ темныя фигурки пастуховъ отдѣлились отъ стада и пошли въ село, а скотина въ разбродъ повернула назадъ и опять разсыпалась по лугамъ. Стражники пробовали согнать скотъ сами, но это имъ плохо удавалось. Скоро изъ Михайловки подъѣхалъ на тройкѣ становой, переговорилъ со стражниками, и они, всѣ двѣнадцать человѣкъ, поѣхали съ нимъ на хуторъ.

Семья Винокуровыхъ съ ногъ сбилась, принимая и угощая гостей. Становой, грузный, съ одутловатымъ, апатичнымъ лицомъ, какъ вошелъ, выпилъ подъ рядъ три рюмки водки и сидѣлъ, усталый и печальный. Былъ онъ изъ поповичей, въ становые попалъ случайно и никакъ не ожидалъ, что влетитъ въ такую передрягу.

— За все заплатятъ!..—равнодушно говорилъ онъ.—А все же тебѣ, братецъ, лучше бы подѣлиться съ ними... Вѣдь ужъ не воротишь луга, а они соглашаются сколько-то заплатить...

— Ваше благородіе, — дрожащимъ голосомъ говорилъ Винокуровъ,—дозвольте слово сказать: шесть рублей, Іуды, даютъ, съ отавой, а розданы были—по 60 безъ отавы...

— Нѣтъ, ужъ они теперь шесть не даютъ,—сообщилъ становой,—никакъ всего по полтора рубля...

— Это ужъ на смѣхъ!—возмутился Винокуровъ,—вѣдь на 6 тысячъ наказали!.. Да грозятся рощу срубить... Защитите, ваше благородіе, заставьте за себя Господа молить.

— Ну, рощу не срубятъ, поговорятъ только... Мы ихъ такъ припугнемъ!—лѣниво говорилъ становой.—Велѣлъ я имъ двоихъ уполномоченныхъ прислать, пускай присутствуютъ при слѣдствіи...

Изъ Михайловки показалась телѣжка съ кучеромъ, и въ ней сидѣли два мірскихъ уполномоченныхъ; они важно подкатили къ крыльцу дома и вошли въ комнаты.

— Кумъ Петруха Назаровъ одинъ-то,—пояснялъ становому Винокуровъ,—у самого вѣтрянка на два постава, амбары каменные; хлѣбъ скупаетъ, мясомъ торгуетъ... въ банкѣ 10 тысячъ, а передомъ вездѣ бунтуетъ!.. Можетъ, онъ самъ по себѣ и не пошелъ бы,—прибавилъ Винокуровъ,—да міромъ его жмутъ: амбары-то и вѣтрякъ на мірской землѣ, ну, онъ и догадывается, однимъ часомъ раскидать все могутъ, дѣло народное. „Идешь съ нами на Винокурова?“—спрашиваютъ его.—Иду-иду, братцы, отъ міру не отротчикъ.

— Погоди, кумъ Петруха! Будешь и ты въ той ямѣ, что мнѣ роешь... А другой, ваше благородіе, —продолжалъ Винокуровъ, — самый настоящій люціонеръ, Андрей Лебедевъ, вездѣ перебывалъ, всѣ земли произошелъ, и, какъ у насъ подъявился, такъ и объявилъ эту самую свободу... Вотъ этого Лебедева, съ его свободой, надо бы сократить пуще всего.

Уполномоченные вошли въ комнаты.

Назаровъ, небольшой, съ рыжеватой бородкой клиномъ, суетливый, безнадежно махнулъ рукой и подсѣлъ прямо къ столу.

Андрей Лебедевъ, крупный, лѣтъ 30, крестьянинъ, съ

чистымъ, полнымъ лицомъ и серьезными сѣрыми глазами, держался съ достоинствомъ и сдержанно. Увѣренный и спокойный голосъ его показывалъ, что онъ находится въ курсѣ дѣла, что для него нѣтъ спорныхъ вопросовъ, и что это серьезный и сильный врагъ. Лебедевъ присѣлъ поодаль отъ стола, у двери.

— Подвигайтесь къ столу, Андрей Филиппьичъ,—радушно пригласилъ Винокуровъ,—чайку не угодно ли?

— Благодарю, сейчасъ отъ чаю,—отвѣтилъ Лебедевъ, но пересѣлъ къ столу.

— Что скажете? Чего надумали?—спросилъ становой.

Назаровъ опять безнадежно махнулъ рукой.

— Постановили всѣмъ міромъ,—отвѣтилъ Лебедевъ,—съ общаго согласія, что Максимъ Семенычъ незаконно завладѣлъ землей. Земля эта нашего барина, графа Бакланова, нами съ-изстари вѣку разработана, поэтому она предлегаетъ нашему обществу, какъ мы бывшіе баклановскіе крестьяне. Рощу тоже постановили срубить...

— Ну, я васъ позвалъ,—перебилъ становой,—не затѣмъ, чтобы выслушивать ваши постановленія, а, просто, вотъ сейчасъ придутъ понятые, мы составимъ протоколъ и вамъ его прочитаемъ, а вы подпишетесь подъ нимъ, а если не пожелаете, можете и не подписываться...

— Мы протоколъ подпишемъ! Мы этого не боимся и понимаемъ все...—сухо отвѣтилъ Лебедевъ.

— Бросьте все, Андрей Филипьичъ! — заговорилъ Винокуровъ,—напрасно раззоряете: нѣтъ вашей правды въ этомъ дѣлѣ! Ну, господа - другая статья, имъ земля дадена даромъ царицей Екатериной, — она этихъ господъ развела на землѣ,—а мы такіе же мужики, своимъ потомъ - кровью добывали, на свои денежки покупали землю, какъ, все равно, другой какой товаръ, хлѣбъ-ли тамъ, лѣсъ, скотину... Торговое дѣло.

— Они какъ разсуждаютъ? — заволновался задѣтый за живое и Назаровъ, очевидно, вспоминая недавніе счеты съ міромъ, — они думаютъ, легко торговать? Чаи мы только да водку распиваемъ? Нѣтъ, она, торговля то, сокомъ изъ насъ выходитъ! Вотъ, къ примѣру, мы мясами торгуемъ: я за зиму,—погода-ли, морозъ-ли,—въ 50 верстъ округу разъ семьдесять объѣду, селъ-деревень триста, каждое 10 — 20 разъ обойду.

— Это что больно широко торгуете?—серьезно спросилъ Лебедевъ:—въ трехстахъ деревняхъ товару, и не вамъ, такъ не выкупить.

— Вотъ съ вами и потолкуй!—горячился Назаровъ.—Это

надо толковать съ тѣмъ, кто понимаетъ, а вы, вотъ этакіе то, народъ только смучаете...

— Понимаемъ мы, не безпокойся, другъ милый,—холодно перебилъ Назарова Лебедевъ,—какъ не понять намъ вашу торговлю: дѣло то не очень мудреное!

— А вотъ и не понимаешь!—настаивалъ Назаровъ.—Сейчасъ я къ тебѣ подъѣзжаю ко двору:—есть товаръ продажный?—Ну, ты говоришь: „вотъ корову продаю!“ Сколько?—„Сорокъ рублей“.—Ну, это зря! Иду дальше. И, за зиму, я къ тебѣ могу десять разъ подойти, и когда тебя прижметъ, значитъ,—хлѣба-ли нѣтъ, корму-ли, другая-ли какая нужда,—ты ужъ съ меня не сорокъ просишь, а скажемъ 20, даромъ что на 20-то одного корма ей за зиму-то, плохо, свалилъ, и я могу торговаться, и за 15 ее беру!

— А самъ на другой же день отдаешь за 30, рубль на рубль наживаешь?—спросилъ Лебедевъ.

— Не насильно. Веди самъ на базаръ; и тамъ—все нашъ же братъ—прасолъ... Тамъ тебѣ и 15 не дадутъ... А у насъ мѣста есть, знакомые люди; и ежели рупь на рупь въ этомъ дѣлѣ не нажить, изъ-за чего-же тогда и торговать?—спокойно и снисходительно, какъ на самый глупый вопросъ, отвѣтилъ Назаровъ.

— У васъ, у мужиковъ, поговорка есть,—продолжалъ онъ,—придешь къ мужику торговать, скажемъ, быка-годушку: „онъ, ста, у меня, годомъ то, корму поѣлъ на 40 рублей!“ А развѣ по корму скотинѣ цѣну уставляютъ? Онъ хоть на 200 съѣшь, а все ему, годушкѣ, цѣна какъ въ аптекѣ, 6 рублей. Не по корму цѣна уставляется, а по нуждѣ!—наставительно поучалъ Назаровъ.—Курица—какая птица, много-ль въ ней мозгу, а и она на рупь годомъ съѣстъ... и всегда ей цѣна пятіалтынный! Вотъ и треплешься по васъ зиму, какъ Каинъ: гдѣ собаки тебя оборвутъ, гдѣ на озорниковъ налетишь. Барыши-то вы видите, а хлопоты ни во что кладете... У меня тятенька первый торговецъ въ округѣ былъ, самый рысковой человѣкъ; что только этого скота онъ перевелъ, я думаю—милльонъ головъ... И никому копѣйки лишней не передалъ... А теперь, черезъ эту самую торговлю, раздуло его, лежитъ пятый годъ на печи и двухъ саженъ по двору пройти не можетъ, задыхается... Баринъ его испортилъ, Николай Платонычъ Кречетковъ... хоть бы баринъ то хорошій былъ, а такъ... и земли то у него всего 300 десятинъ было. Не торговцевъ давить надо,—горячо проговорилъ Назаровъ,—а вотъ этихъ господишекъ: они крестьянамъ самые вредные!

У Андрея Лебедева неожиданно преобразилось лицо, оно раздвинулось широкой добродушной улыбкой, въ глазахъ

задрожалъ совсѣмъ дѣтскій смѣхъ, и онъ, не мигая, глядѣлъ на Винокурова.

— Чѣмъ онъ у тебя отца-то испортилъ? — переспросилъ онъ Назарова, еле удерживаясь отъ хохота. Очевидно, онъ зналъ эту исторію, и воспоминаніе о ней доставляло ему большое удовольствіе.

— Максимъ! Выдь-ка ко мнѣ на часъ!—позвала изъ двери Винокуриха мужа.

Винокуровъ поспѣшно пошелъ на зовъ.

— Вотъ, стражникъ что-то тебя спрашиваетъ.

За дверью стоялъ бородатый, лысый, съ большимъ краснымъ носомъ, стражникъ.

— Пожалуйте мнѣ, Максимъ Семенычъ, рублевочку заимообразно. Игра у насъ идетъ въ бунтъ, хочу я этого пузастаго чорта, Штучкина, взогрѣть!

— Рублевочку?—готовно отвѣтилъ Винокуровъ,—съ большимъ удовольствіемъ. Извольте.

— Покорнѣйше благодарю.

— Ничего не стоитъ, на здоровье.

Винокуровъ пошелъ въ залу къ гостямъ, стараясь не замѣчать укоризненныхъ взглядовъ стоявшаго у двери Веха.

— Ничего, что же дѣлать, лучше стараться будутъ!—пробормоталъ онъ.

Въ залѣ всѣ съ величайшимъ вниманіемъ слушали Назарова; подошелъ даже, постоянно бѣгавшій по дому и по двору, непосѣдливый урядникъ.

III.

... Когда и къ Кречеткову завертывали, — разсказывалъ Назаровъ,—заводы у него всякіе были: выписные быки, свиньи, овцы, лошади... Ни къ чему все это! Быкъ, онъ быкъ и есть: хоть ты тысячу за него заплати, одинъ отъ него толкъ! Доить не станетъ. А по насъ, все ему цѣна 50 рублей, да и то къ заговѣнью или къ розговѣнью, а въ такое время и 30 не дадимъ!.. Рѣзали мы ихъ, и тысячныхъ, и тестатныхъ, и Цырульскихъ (Тирольскихъ): одна статья... И въ этотъ разъ: самъ онъ былъ на дворѣ, плететъ всякую чепуху, слушать нечего. Показываетъ коровъ, свиней, овецъ... Мы видимъ, товару нѣтъ подходящаго.

— Зря, молъ, баринъ, просите за все! Такой цѣны никто не дастъ. На вашемъ дворѣ деньги кто найдетъ, — и то не дастъ! „Ну, погодите, говоритъ, есть жеребенокъ недорогой. Выведите, говоритъ, имъ Атамана“. Вывели жеребенка-три-

лѣтка, изъ усилковъ. Всетаки сытенькій и крупный, вершка на четыре...

— Вотъ, говоритъ, недорого я за него прошу, онъ мнѣ не къ масти...

— А... кха! Ха-ха-ха! - залился, не выдержавъ, Лебедевъ.— Ну! Ну!—подгонялъ онъ Назарова.

— Смѣху-то нѣтъ никакого! Глупость одна!—недовольно проговорилъ Назаровъ.—„Недорого, говоритъ, прошу, 25 рублей". Ну, мы видимъ, взять можно. Этихъ денегъ стоитъ.

— 600 рублей тогда-же взяли на ярмаркѣ! О-о!—затрясъ головой Лебедевъ.

— Мало-ли что!—отвѣтилъ сухо Назаровъ,—у денегъ глазъ нѣтъ... Ну, проситъ онъ 25 рублей, такъ ему и дать сразу?—Зря, молъ, это! Уступать будете, купимъ.—„Уступлю, говоритъ, только немного".—Говори, молъ, сразу! Мы тоже люди рысковые, болтаться не любимъ!

Назаровъ разсказывалъ художественно: у него алчно блеснули глаза, и онъ зажевалъ губами, глотая слюни, видимо снова переживая эту минуту „рысковой" покупки.

— «Вотъ что, говоритъ, ребята, уступлю я какіе-нибудь пустяки, только что онъ у меня запроданный: сейчасъ былъ земскій начальникъ и хотѣлъ къ двумъ часамъ за нимъ прислать, а задатка не далъ. Такъ вотъ, если онъ къ двумъ часамъ не пришлетъ, берите вы за 24. Сейчасъ 12 часовъ, часика два подождите въ застольной».

— Ну!—въ нетерпѣніи, весь сіяя, подгонялъ Лебедевъ.

— Ну, пошли въ застольную. А въ обѣдъ самый; собрались рабочіе, пастухи, человѣкъ 30; два самовара поставили, сѣли чайничать... И насъ посадили...—Мы постоянно въ чужихъ людяхъ, за всякій разъ денегъ не наплатишься, гдѣ примолвятъ, мы садимся, — заставили насъ пролѣзть къ образамъ и кругомъ насъ обсѣли, а сами такъ всѣ и падаютъ со смѣху!—вотъ какъ онъ сейчасъ,—указалъ Назаровъ на Лебедева. — Наливаютъ намъ чаю, мы пьемъ, глядимъ на всѣхъ: что, молъ, это съ ними?

Андрей Лебедевъ всталъ со стула и, сотрясаясь отъ смѣха, отошелъ къ окну.

— Нѣтъ, я не могу!—проговорилъ онъ.

— Что, молъ, вы больно веселы? — тятенька спрашиваетъ:—или васъ баринъ очень сладко кормитъ?

— Выпили мы этакъ чашекъ по пятку,—что то мнѣ въ голову ударило...

— У васъ, молъ, ребята, навѣрное, въ самоваръ уголь благой попалъ, что-то въ головѣ шумитъ!

— Вѣрно, говорятъ, и у насъ зашумѣло! Да это ничего, мы окошко откроемъ.

— А я чувствую, что-то не ладно. И тятенька сталъ возиться-же... Потихоньку оба ногу объ ногу потираемъ... Неловко что-то намъ съ животомъ стало!—Пустите, ребята, я вылѣзу, что-то не хорошо мнѣ... — тятенька говоритъ. Стряпка не пущаетъ:—„да вы выкушайте еще по чашечкѣ, може пройдетъ, а то самовары-то уберемъ". — А сами, проклятые, все тѣснѣе насъ жмутъ! Мы опять чашки по двѣ выпили. Можетъ, молъ, какъ-нибудь перетерпимъ, да вдругъ, сразу оба и ослабли! Кинулись мы, какъ попало, черезъ народъ, гдѣ кубаремъ, гдѣ какъ, выбѣжали на дворъ... Понесло насъ! Умираемъ и умираемъ! Всѣ жилы и черенья вонъ вытягиваетъ! Легли на землю. Смерть пришла. Тятенька реветъ, какъ медвѣдь, а самъ: — Петька, посмотри, который часъ, много-ль до двухъ то осталось? Я. черезъ силу, загляну въ окно въ застольную, — четверть часа, молъ, тятенька! Ну, какъ ни какъ, терпѣть надо! Господи! Микола милосливый! Что это съ нами? Не холера ли? Десяти минутъ не дождались; вышли изъ терпѣнья, и побѣгли со двора. Не до жеребца стало, хоть бы помереть дома Богъ привелъ! Не добѣгли до села, тятенька на выгонѣ легъ.— Ступай, Петька, нанимай подводу, отторговалъ я, помираю.— Я кое-какъ доплелся до села, нанялъ подводу; взвалили мы тятеньку на телѣгу, а было въ немъ девять пудовъ, а навадивали только двое съ подводчикомъ; не доглядѣли, ему наклеска отъ телѣги въ грудь уперлась, а мы ворочаемъ,— всю грудь и ссадили! И не иначе, что мы ему либо печенки, либо что другое съ мѣста сшибли. Съ этого раза онъ и зачахъ!

— Вотъ вѣдь какой вредный господинишка оказался! — добавилъ Назаровъ, — онъ намъ въ чай-то нарочно подсыпалъ чего-то, чтобъ насъ прохватило... чтобъ мы срока не дождались... Я утромъ, на другой день, пошелъ было опять за жеребенкомъ, да старичекъ-пастухъ, спосибо ему, на дорогѣ попался, воротилъ:—„Ступай, говоритъ, съ Богомъ домой, нарочно онъ это! 600 рублей за эту лошадь-то просятъ!"

— Шестьсотъ рублей! — съ негодованіемъ, тонкимъ голосомъ, протянулъ Назаровъ.—Ежели бы, какимъ судомъ, присудили намъ каждый день это снадобье пить, и то бы не дали!

— Вотъ все про насъ, мужиковъ, говорятъ,—весело сказалъ Лебедевъ,—мы добра не помнимъ: недавно былъ у насъ общій митингъ, и постановили мы барское жнитво дешевле 20 р. за десятину не жать. А про это слабительное многіе на митингѣ вспомнили—и къ Кречеткову на хуторъ пустили народъ по вольной цѣнѣ!

— Да, это вы любите!—возмутился Назаровъ.—У васъ озорникъ—всегда первый человѣкъ.

— Не за озорство мы ему уважили, а за правду: бывало Назаровы въ хвалѣ были, первые торговцы, а теперь:—„это, которые слабительное пьютъ?"—потѣшался Лебедевъ.

— Максимъ! Подь-ка сюда!—появилась опять въ дверяхъ Винокуриха.

Винокуровъ пошелъ менѣе охотно, чѣмъ въ первый разъ. За дверями его встрѣтилъ другой стражникъ, толстобрюхій, съ рыжими усами и выбритой бородой. Онъ поздоровался съ Винокуровымъ за руку.

— Штучкинъ, старшій унтеръ-офицеръ запаса,—отрекомендовался онъ,—съ чувствительнѣйшей просьбой къ вамъ, Максимъ Семенычъ: одолжите займообразно цѣлковый! Понагрѣлъ меня этотъ лысый дьяволъ, Кузнецовъ, игра у насъ идетъ, желательно мнѣ отыграться... Ужъ мы для вашей милости постараемся, такъ вздуемъ этихъ мужичишекъ!

Винокуровъ, по торговой привычкѣ, быстро подсчиталъ въ умѣ, что 12 стражниковъ и 1 урядникъ составляютъ 13 займовъ, не считая станового... да еще, въ перспективѣ, виднѣлись казаки...

— Я бы съ удовольствіемъ, да мелкихъ нѣтъ!—любезно улыбаясь, сказалъ онъ.

— Ахъ, жалко! Хоть съ полтинничекъ не найдется-ли?

— Никакъ, полтинникъ есть!—смалодушествовалъ Винокуровъ, доставая монету, и опять, подъ укоризненнымъ взглядомъ Веха, юркнулъ въ залу.

— Что понятыхъ все еще нѣтъ?—спросилъ становой.

— Нѣтъ, прахъ ихъ дери! Долго что-то!—отвѣтилъ Винокуровъ.

— ...И хлѣбомъ торговать,—говорилъ Назаровъ,—рупь на рупь и больше приходится... Потому за лѣто мужикъ отощаетъ и въ осень онъ послѣдки, все до зерна, на базаръ валитъ и за цѣной не стоитъ... Другой два дня череду дожидается ссыпки, гдѣ ужъ ему тутъ супротивничать, или за вѣсами услѣдить. Радъ вырваться... Ну, только-что,—пояснилъ Назаровъ,—на скотину ты, нынче купилъ, завтра оборотъ сдѣлалъ деньгами... А хлѣбъ осенью наберешь, надо весны дожидаться, когда опять мужичишко же проголодается: полгода времени и уходитъ... А тутъ тебѣ мышеядь, да можетъ онъ отпыхнуть, придется его на сортовку... все вѣдь канитель, расходъ... Опять—штраховка!

— По нашему, всѣ эти ваши торговли пустошь одна!—вмѣшался Винокуровъ. — Землей торговать — вотъ дѣло!..

Только, конечно, — вспомнилъ онъ, — бунты эти пошли, забастовки... а то милліонное это дѣло!

— Землей капиталъ нуженъ! Сколотить надо одинъ разъ... Съ малымъ капиталомъ невозможно...—завистливо отвѣтилъ Назаровъ.—Когда плохо землей торговать!.. Много спокойнѣе... Товаромъ еще краснымъ или щепнымъ по ярмаркамъ...

— Ну, кумъ, о спокоѣ не говори!—перебилъ Винокуровъ:—землей торговать спокою мало. Повѣрите-ли, ваше благородіе,—обратился Винокуровъ къ становому,—что я, изъ-за этихъ самыхъ луговъ, что у меня михайловцы забастовали, на дуэли дрался, даже еще на американской, и былъ раненъ!

Полудремавшій отъ неинтересныхъ разговоровъ, становой очнулся и провелъ рукой по глазамъ, какъ бы желая отогнать нелѣпое видѣніе.

— Что ты, братецъ, говоришь?—спросилъ онъ.

— На американской дуэли былъ раненый, ваше благородіе! Изъ-за этихъ луговъ дуэль у меня была съ молодымъ графомъ, бариномъ здѣшнимъ, Владиміромъ Петровичемъ Баклановымъ,—кротко вздыхая, отвѣтилъ Винокуровъ.

— Ф-фу-у! — отдулся становой, все еще не довѣряя, во снѣ онъ это слышитъ или на яву. — Какую ты чушь, Максимъ, городишь. Какая тамъ американская дуэль? Развѣ пристало коровѣ сѣдло.

— Вѣрно,—согласился Винокуровъ,—ну, только, какъ еще пристало! Извольте выслушать. Разсказывать такъ и то ужасть беретъ, а я перетерпѣлъ все. Было это дѣло годовъ 15 тому, еще у меня старшій братъ живъ былъ. Тимоѳей. Сами-то мы кратковскіе, тамъ у насъ и домъ былъ; купчей земли еще мало у насъ было, только арендой занимались. Помнится, этакъ на святки, утромъ, пришелъ Тимоѳей изъ Михайловки и сказываетъ: «бери, братька, три тысячи, айда скорѣе къ графу: загулялъ онъ, и три тысячи ему до зарѣза надо. Продаетъ луга и деньги въ разсрочку, только сейчасъ задатокъ давай...» А деньги у насъ дома были, досталъ я ихъ изъ подъ пола, одѣлись и поѣхали. Пріѣзжаемъ на барскій дворъ, всходимъ въ комнаты. Вѣрно: гуляютъ! На столѣ наставлена всякая всячина, водка, пиво, пряники, извѣстно - дворянскій столъ; самъ баринъ сидитъ, и бутылка вина передъ нимъ, охотниковъ человѣкъ пять, да женщина одна... Ну, все же, женщина такая обходительная, очень пріятная... Умѣла обойтись съ каждымъ человѣкомъ... Н-да. Всходимъ мы.—А-а! Купцы-торговцы,— графъ говоритъ,—васъ то намъ и надо. Подать имъ водки!— Сейчасъ одинъ охотникъ подаетъ намъ по чайному ста-

кану водки. Мы проздравили, выпили... И передышаться не дали, подаютъ по другому. — Мы, — говоритъ графъ,— давно пьемъ, слѣдуетъ вамъ насъ нагонять. — Натвѣдали мы понемногу и поставили стаканы на столъ.

— Увольте, ваше сіятельство, пьяные будемъ!

— Нельзя намъ пить было!—пояснилъ Винокуровъ,—съ этакими деньгами мы, пьяные-то, чего бы надѣлали? Не долго и до грѣха: пьяный человѣкъ не въ себѣ! Ищи потомъ.

— Пейте, такія дѣти! Что вы смѣяться надъ нами пріѣхали?!

И достаетъ со стѣны арапельникъ.

— Пейте!

Ну, намъ никакъ не возможно.

— Пейте!

Не можемъ.

— А-а! Когда такъ: Катька! Дай имъ по разу по мордѣ! Да, смотри, шельма, по-казацки, а то я и тебя, и ихъ зарѣжу арапельникомъ! Всѣ морды вамъ испишу!

— Сказываю, женщина она умная была,—пояснилъ Винокуровъ, безпристрасно разбираясь въ своихъ воспоминаніяхъ.—„Будетъ вамъ, говоритъ, Владиміръ Петровичъ! Ну, что людей понапрасну оскорблять, развѣ хорошо?“

— Замолчать!—Ногами затопалъ, самъ весь побѣлѣлъ.— Вы, говоритъ, іудино племя! Просите ее сами, коли живые быть хотите!

— Ну, чего намъ дѣлать?

— Ударьте, молъ, Катерина Петровна: не стеклянные, авось не разсыплемся!

И она видитъ: больше дѣлать нечего. Подошла ко мнѣ первому, изогнулась немного, сбоченилась, развернулась,— этакъ руку назадъ да внизъ, да ка-акъ плеснетъ! Словно мнѣ кто каленымъ желѣзомъ по щекѣ-то провелъ!.. Потомъ и кума, Тимоѳея... А онъ, покойникъ, робкій былъ, видно отвернуться хотѣлъ, она ему прям-мо по глазу! Такъ глазъ сразу и затекъ весь!.. Вскочилъ Тимоѳей и маршъ изъ горницы.—„К-куда?!“ А кумъ былъ съ простинкой, да не выговаривалъ:

— Что ты, балинъ?! Я, пожалуй, не пойду, ла самъ лугать будешь.

— Вышелъ на дворъ, черезъ малое время кличетъ меня къ двери:—Кумъ! подь-ка сюда...—Я подошелъ.— Давай, кумъ, деньги, я съ ними удеру, а ты, можетъ, какъ отсидишься... Я на тройкѣ подъѣду съ колоколомъ, ты ужъ догадывайся, выбѣгай... А не то и мы пропадемъ, и деньги; влопались мы, прости меня, братецъ, Христа ради, я это, дуракъ, все вы-

думалъ.—Ну, что же, отдалъ я деньги, и онъ съ ними ускакалъ домой.

— Удралъ одинъ? — спрашиваетъ графъ. — Ничего, пускай этотъ за двоихъ отвѣчаетъ!—Подаетъ мнѣ охотникъ стаканъ водки.—Пей!—Безъ денегъ-то я облегчилъ себя маленько. Выпилъ. Наливаютъ другой.—Пей за брата!—Уморятъ они меня! думаю.

— Увольте, молъ, Христа ради, хоть передохнуть дайте!

— Пей!

Душа не принимаетъ. Натвѣдалъ, поставилъ. Сами графъ взяли стаканъ, подходятъ ко мнѣ:

— Не пьешь?

— Увольте, ваше сіятельство!

Взялъ и весь стаканъ выплеснулъ мнѣ въ глаза. Какъ кто мнѣ ихъ буравомъ вывертѣлъ! Согнулся я, тру глаза кулакомъ, а у меня изъ нихъ синій огонь брызжетъ. Напугался. Думалъ, ослѣпну. Нелегкая изъ меня и выдернула: „Этакъ хорошіе люди не дѣлаютъ“!

— Это ты мнѣ сказалъ?—такъ тоненькимъ голоскомъ спрашиваетъ. — Ну, хотя ты и хамскаго рода, но, какъ ты могъ меня въ моемъ домѣ оскорбить, вызываю я тебя на дуэль!—Снимаетъ со стѣны два пистолета и одинъ подаетъ мнѣ.

— Держи!

Я не беру. Взводитъ курокъ и нацѣливается мнѣ въ носъ.

— Держи, телячья морда, а то сейчасъ у тебя, вмѣсто головы, студень будетъ!

— А я боюсь этихъ оружіевъ до смерти! — признался Винокуровъ, — со мной случай былъ: еще парнишкомъ я... мм... за овцами ходилъ... — Винокуровъ постѣснился прямо назвать свое юношеское занятіе: —въ ворону выпалилъ, да одну овцу на смерть и зашибъ...

— Вижу, выбирать мнѣ не изъ чего,—продолжалъ Винокуровъ свою печальную повѣсть, — взялъ пистолетъ, норовлю только держать его стволиной отъ себя... И повели меня графъ за собой. Иду я за ними, самъ молюсь: — дѣтушки, родимые, попросите обо мнѣ Господа, приходится мнѣ, неизжимши вѣка, погибать!

— Вывели меня графъ на лѣстницу, поднялись мы на самый верхъ, — трехъэтажный былъ домъ съ вышкой, — въ самомъ верху этакая была комнатка исдѣлана, со стекляннымъ потолкомъ, и труба стояла,—на небо глядѣть.

— Вотъ,—говоритъ графъ,—теперь ты на самомъ верху, а я при тебѣ по лѣстницѣ внизъ уйду, на дворъ... и ты спрячься, какъ хочешь и гдѣ знаешь во всемъ домѣ, потомъ

я, черезъ малое время, войду и буду тебя по всему дому искать, и какъ гдѣ замѣчу, буду въ тебя палить, а ты меня стереги и въ меня пали, какъ углядишь. Это и есть американская дуэль.

— Хотѣлъ я на короткія ноги, на колѣнки пасть, а онъ и не глядитъ, сказалъ и пошелъ. Сошелъ съ лѣстницы, хлопнулъ дверью и вышелъ на дворъ. Я гляжу: что мнѣ дѣлать? А стоялъ въ горенкѣ этакій высокій диванъ съ бахромой, я подъ этотъ диванъ и схоронился. Скуежился и сижу. Меня-то не видать, а мнѣ, сквозь бахрому, всю лѣстницу видно. Сижу этакимъ манеромъ, пистолетъ въ рукѣ держу... и держать его боюсь, и положить боюсь: позабудешь объ немъ, а онъ, вдругъ, самовольно и выпалитъ?.. И какъ мы люди рабочіе, да еще выпимши, стала меня дрема клонить; вотъ, словно, кто вѣки клещами жметъ, и глазъ такъ и ломитъ... Очнусь, очнусь, гляжу—лѣстница пустая, никого нѣтъ... и опять прикурну.

— Вотъ, думаю, забудетъ онъ обо мнѣ, а потомъ Катерина Петровна выведутъ меня изъ плѣна вавилонскаго... Сидѣлъ-сидѣлъ этакъ-то, вдругъ, ка-акъ рап-пнетъ! По заду меня ожгло, и самая эта пуля въ ножку дивана впилась, только щепки полетѣли!

— Йя!!—тонкимъ голосомъ, воодушевившись, вскричалъ Винокуровъ.—Куда диванъ полетѣлъ, чать я его спиной на сажень вверхъ вскинулъ! Вскочилъ, да съ лѣстницы черезъ десять ступеней машу!.. А онъ вслѣдъ мнѣ перекиднымъ огнемъ, а пули-то по лѣстницѣ: тра-та-та-та!

— Выскочилъ я за дверь на волю, смотрю, за мной на тройкѣ валятъ. Свои валятъ, а я, съ перепугу, не узналъ да сугробомъ въ поле; они за мной, лошадей въ снѣгу утопили, а съ барскаго двора кричатъ: «держи, не упускай! Собакъ, собакъ давай! Верховыхъ! Стрѣляй! Пали!»

— Ну, я думаю себѣ: выносите ноги!.. И помчалъ! Кумъ на тройкѣ въ Кротовку къ нашему дому подогналъ, и я, въ одно съ нимъ мѣсто, на своей парѣ подбылъ! Вбѣжалъ въ избу и грохъ на полъ. Не дышу. Конечно, вопль подняли: лежу весь въ кровищѣ, думали—въ самомъ дѣлѣ, кончился, да, спасибо, догадались, стали мнѣ на грудь водку лить; стакановъ шесть вылили! Какъ выльютъ стаканъ, такъ онъ весь и уйдетъ въ меня... На шестымъ стаканѣ, какъ, значитъ, опалило во мнѣ всѣ жилы, я и очнулся! Одежу съ меня скинули, призвали старуху, покойную Епифановну, кровь она у меня заговорила... А все же на мягкой части оврагъ цѣльный развороченный! Какъ быть? Ежели въ больницу ѣхать, пойдутъ разговоры, какъ да отчего, доведутъ до суда, очень просто, самого же и обвиноватятъ; мы люди

темные, чего мы на судѣ можемъ говорить, окромя какъ на свою голову? Дѣло-то не сдѣлаешь, а графа прогнѣвишь, а у насъ съ нимъ дѣла.

— ...Спасибо, кумъ Тимоѳей вспомнилъ:

— У Тарасовыхъ, говоритъ, нынче жеребца легчали, коновалы-татары стоятъ!

— Призвали татарина, промылъ онъ мнѣ рану сулемой... Ну и топнулъ я! А на конецъ того, прижгло мнѣ все сухой пленкой—и какъ, все равно, не раненый былъ. Однако и сейчасъ рубецъ остался — палецъ укладывается!.. И вотъ, удивительная исторія: поѣхали мы съ Тимоѳеемъ на другой день къ графу...

— Какъ? Опять поѣхали?! — почти въ ужасѣ вскричалъ становой.

Винокуровъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на него.

— Да вѣдь, ваше благородіе, — дѣло торговое! — просто отвѣтилъ онъ,—ежели на всякій пустякъ обижаться, то и торговать нельзя... и потомъ онъ, тверезый, совсѣмъ другой человѣкъ:—Извините, говоритъ, пожалуйста, кажется, я васъ вчера ранилъ?

— Ничего, молъ, не значитъ, ваше сіятельство, такъ только осапили малость!—А, скажите, говоритъ, куда вы вчера пистолетъ дѣли, не найдемъ мы его.

— Я и руками врозь; хоть повѣсь, не помню... Потомъ ужъ, лѣтомъ, пастухи въ полѣ нашли, гдѣ-нибудь я его на бѣгу обронилъ...

IV.

— Ма-аксимъ! Подь-ка сюда! — появилась въ дверяхъ Винокуриха.

— Да, чать, видишь, некогда! — съ досадой отвѣтилъ Винокуровъ, не двигаясь,—скажи тамъ: послѣ, молъ!

— Да, говорю, подь!!—раздраженно крикнула Винокуриха, и Максимъ понялъ по голосу, что присутствіе его необходимо.

— Что еще?—спросилъ онъ, выходя.

— Да ты скажи становому-то, — слезливо заговорила Винокуриха,—урядникъ-то Наташѣ ходу не даетъ! Всѣ ей титьки до чернаго исщипалъ!.. И не стыдится никого. Завьетъ ей косы на руку, да и щиплетъ! Дѣвка-то въ одно-дышку дышитъ и рукъ ужъ не отводитъ... Индо взмокла, сердешная! Вѣдь она у насъ кого видѣла?.. Какъ соколъ, сидѣла...

— Такъ... что же это?—растерялся Винокуровъ:—да вы бы заперли ее!

— Чѣмъ запереть-то? Кабы замки у дверей-то были?

— Н-ну!.—Винокуровъ задумался,—вы постелите ей подъ кроватью, а одѣяло-то пониже спустите, она тамъ схоронится и пролежитъ время.

— Что ты, отецъ! Развѣ его проведешь?! Да онъ проширнетъ къ ней подъ кровать, онъ чего тамъ надѣлаетъ?! Говорю, дѣвка-то не въ себѣ стала, голоса не подаетъ. Вотъ, что хочешь надъ ней, то и дѣлай! Разслабилъ онъ ее, мошенникъ!

— Хм!.. Ну, въ кухню бы шла... Тамъ все на народѣ...

Винокуриха всплеснула руками.

— Да вѣдь въ кухнѣ-то стражники пьяные! Одинъ, брюхастый-то, Штучкинъ, что-ли, меня, старуху, и то не пропущаетъ... Орда-то навязалась! Господи! За что наказуешь?

Винокуровъ окаменѣлъ.

— Н-ну!—изступленно зашипѣлъ онъ змѣинымъ шепотомъ,—ты ужъ, возьми возжи, да и удави меня! Удави своими руками! На-те, давите!—вытянулъ онъ шею.—Ну, что я буду дѣлать?! Тамъ мужички грозятъ, дождались стражниковъ,—вы тутъ со свѣта сживаете! А отчего все? Оттого, что у насъ все, не какъ у людей: какъ сама ты неряха, распустеха, загадилась кругомъ, и дочь у тебя такая же! То вы въ одной юбкѣ бѣгаете, то космачомъ!

— Да вѣдь кабы ты стряпку держалъ? А то однѣ мы!

— А-а! Теперь стряпку? А стряпку наймешь, вы ее живьемъ сгрызть готовы...

Винокуриха подняла глаза въ уголъ, гдѣ, по ея мнѣнію, долженъ былъ находиться Богъ, и заплакала.

Винокуровъ поплелся въ залу.

— Что, нѣтъ понятыхъ?—спросилъ становой.

— Нѣтъ ни понятыхъ, ни косцовъ, ни посланныхъ!—печально отвѣтилъ Винокуровъ.

— ... Доторговались съ землей?—ядовито и насмѣшливо говорилъ въ залѣ Андрей Лебедевъ.—Погодите, доторгуетесь до этого и съ другимъ товаромъ... Облопаетесь крестьянской кровью!.. Я еще въ семьѣ жилъ, бывало, ѣдешь въ городъ, съ хлѣбомъ ли, съ сѣномъ, со скотиной,—въ ночь все ѣздили,—сидишь на возу и на звѣзды глядишь—молишься, а объ чемъ молишься? Дай, Господи, продать *за цѣну*!.. И не умолишь! Ограбятъ тебя и ограбятъ въ городѣ: нашъ городъ одной крестьянской кровью живетъ, купцы-хлѣбники, милліонщики, приказчиковъ безъ жалованья держатъ, изъ-за привѣса, за то только, что они у крестьянъ крадутъ. А въ лавкахъ? Тутъ тебѣ сапоги съ картонной

подметкой вотрутъ, тамъ ведро изъ перержаваго желѣза, закрашенное, всучатъ.. Ситецъ, сукно—всякое гнилье, все мужикамъ блюдутъ... Въ мыло снѣга заморозятъ, керосинъ съ водой взбултыхаютъ, въ войлокъ мохъ затрутъ.. Въ глазахъ, въ рукахъ у тебя подмѣнитъ товаръ... Купитъ иной мужичекъ на послѣдній рубль, дома воетъ-воетъ!.. А въ голодные года что они надъ нами дѣлаютъ? Кормовъ не родится, принуждены мы послѣднихъ коровъ, лошадей на базаръ гнать... Каинамъ-то не охота со скотиной путатся, въ урожайныя мѣста ее переправлять, а на кожи всегда спросъ есть, вотъ они и собьютъ цѣну за лошадь на 3 р., ведутъ ихъ за городъ въ оврагъ, бьютъ, мясо-то волкамъ, а кожи—въ партію! Да—это еще что! Кто повѣритъ, что доводится намъ свою скотину продавать дешевле того, что стоитъ съ нея кожа! Вотъ, господинъ становой, разгадайте загадку! Христопродавцы-то знаютъ,—мотнулъ головой Лебедевъ въ сторону Винокурова и Назарова,—а вы, человѣкъ здѣсь новый, спорить стану, не разгадаете!.. Въ 1898 г. это было, голодный же годъ у насъ былъ, и къ осени, какъ водится, коровы, лошади съѣхали на 3 р., а овчишки въ цѣнѣ были, потому что овца лѣтомъ все себѣ корму найдетъ и нагуляется, да татары овчины куда-то набирали по 1 р. 20 коп. за штуку... И, хорошо помню, 3 октября вывалило снѣгу въ колѣно, и ударилъ морозъ градусовъ на 20. Народъ напугался, съ эстихъ поръ да зима; по первопутку-то поклали овецъ въ сани, да въ губернію... И набралось въ городѣ Симбирскѣ на базарной площади до 1000 подводъ, и все съ овцами... Торговцы дѣло смѣтили: ежели мужикъ завезъ товаръ въ городъ, назадъ везти ему нужда не дозволяетъ... И давай купцы нашихъ овечекъ—старицъ по рублевочкѣ принимать, а молоденькихъ по шести гривенъ. Н-ну, кабы теперь?—весь вспыхнулъ Лебедевъ.—Насъ вѣдь было до тысячи ословъ! Н-не оставили-бы мы ото всего мясного ряда ни щепки и всѣхъ этихъ мясниковъ и прасоловъ тутъже, на площади, въ сортирную будку головами потолкали!.. Погодите, дождетесь!

— Недавно насъ на митингѣ въ городѣ захватили,—продолжалъ онъ: — загнали въ часть, переписали всѣхъ, и насъ, крестьянъ, погнали въ полицейское правленіе. Изъ Михайловки было трое. Вышелъ исправникъ и давай насъ точать:—„Анархисты вы,—говоритъ,—у васъ, въ Михайловкѣ, анархія другую недѣлю идетъ, я все знаю!“ Нашей-то анархіи семь дней насчиталъ, а своей—видно, и годамъ счетъ потерялъ! Да, дай крестьянамъ сколько хочешь земли и по тысячѣ рублей на домъ: ежели мы этихъ нашихъ волковъ, которые крестьянскую нужду стерегутъ, не про-

гонимъ,—опять всѣ нищіе будутъ. Клещъ крови напьется—отвалится, купецъ—никогда!

Лебедевъ вызывающе поглядѣлъ на враговъ. Враги потупились, но у обоихъ плотно сжались губы, холодно блеснули глаза, и на лицахъ появилась жесткая, упрямая складка... И видно было, что они, безъ боя, не сдадутся.

— Погоди, голубчикъ, говоришь ты красно,—вмѣшался становой,—а спрошу я тебя, вотъ городишка нашъ горѣлъ, да тронулись вы погорѣльцевъ грабить, это что же, по вашему, „аграрные" грабежи будутъ?

— То-же дѣло, господинъ,—холодно и спокойно отвѣтилъ Лебедевъ,—можно другими словами разсказать. Былъ я на этомъ пожарѣ... Весь вѣдь городъ въ четыре часа выгорѣлъ, ну и погорѣли купеческіе амбары, вывалили рожь прямо на дворья, и убирать ее некому, да и некуда... вся она дымомъ пропахла, пепломъ, мусоромъ завалена, облили ее водой, да дождикъ пошелъ... вѣдь она черезъ день бы согрѣлась, да ростъ дала!.. Крестьяне видятъ, напрасно хлѣбъ пропадаетъ, стали насыпать... годъ голодный..., «подсушимъ, дескать, на печкѣ, да на насыпку скоту смелемъ»... А который и самъ поѣлъ бы, все лучше желудковой муки... А купцы отбивать стали, пригнали команду, стали стрѣлять... Зря народъ побили... Ежели которые при этомъ и къ сундукамъ подобрались, такъ въ міру всякаго народа довольно, это на всякомъ пожарѣ бываетъ, даже у насъ въ деревняхъ. А, вотъ точно, это я признаю: городъ горѣлъ—мы радовались... Давно бы вамъ, за наши слезы, полымемъ пролетѣть надо!

— И это тоже хорошо!—устало и безразлично проговорилъ становой:—купцы васъ грабятъ, а весь городъ виноватъ?

— А не виноватые, ученые, образованные люди не видятъ, что у нихъ подъ носомъ творится? Они собрались бы да и посовѣтовались: какъ, братцы, ладно-ли это? Мужикъ такой же человѣкъ, какъ и мы, такая же у него душа, такія же дѣти растутъ, а черезъ нашу анархію приходится погибать ему. Какъ бы намъ всѣмъ, черезъ злыхъ людей, кровожадныхъ до денегъ, погибели отъ Господа не было? Не станутъ же мужики дожидаться, когда ихъ крестьянскія дѣти съ голода всѣ перемрутъ! А, вмѣсто того, господа печатаютъ въ газетахъ: „на помощь голодающимъ крестьянамъ!" и выдаютъ намъ по фунту печенаго хлѣба на день. Это, по нашему, не помощь, а милостыня, Христа ради... Помощь-то мы недавно только увидали, да не отъ господъ и не отъ купцовъ!

Лебедевъ говорилъ спокойно и самоувѣренно, только раза два онъ тревожно взглянулъ на дверь, а въ дверяхъ

стоялъ старый Вехъ, и глаза у него горѣли, какъ у волка ночью... Онъ, словно, колыхался весь и порывался что-то предпринять, но—или у него не хватало рѣшимости, или онъ чего-то стѣснялся.

Черезъ открытыя окна, съ теплымъ лѣтнимъ вѣтеркомъ, раздувавшимъ занавѣски и шевелившимъ листья гераней, посаженныхъ въ такіе удивительные бѣлые горшки съ ручками, что становой подолгу и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на нихъ, прилетѣлъ изъ Михайловки опять одинокій и тревожный ударъ колокола.

Лебедевъ и Назаровъ вскочили и стали прощаться.

— Да погодите,—удерживалъ становой,—можетъ, подойдутъ сейчасъ понятые.

— Никакъ намъ нельзя дольше дожидаться: дѣло общественное есть,—отзывался, стоя, Лебедевъ,—да вы не сомнѣвайтесь, мы, увидимъ васъ въ лугахъ, подойдемъ, мы уклоняться не согласны... По нашему, никакого бы и слѣдствія не надо: вѣдь мы не отказываемся; если угодно, мы вамъ копію съ приговора доставимъ... или хоть и самый приговоръ... Всѣ мы подъ нимъ подписались, съ общаго согласія: въ этомъ году за луга заплатить по полтора рубля за десятину... рощу — срубить, а къ зимѣ—что бъ Винокуровы мѣсто очистили... отправлялись бы съ нашей земли на всѣ четыре стороны!

— Да по какому она праву ваша?! Что вы съ ума-то сходите?—крикнулъ становой.

— По праву... труда!—увѣренно отвѣтилъ Лебедевъ.— Отцы наши, дѣды и прадѣды не только трудомъ, кровью своей эту землю отстояли, и никакія права и законы, никакое время кровь ту не смоетъ... Мы, конечно, не помнимъ,—старики сказываютъ: еще при барскихъ правахъ, косили разъ эти луга барщиной, и старый баринъ, Петръ Павлычъ, за что-то прогнѣвался на мужика Фаела, тростью его изъ ряду вышибъ и тутъ-же на лугахъ забилъ на смерть... А барщина, 80 косъ, какъ шла прокосомъ, такъ никто и не оглянулся— дошли ряды!..

Лебедевъ потупился и задумался.

— У насъ кладбище есть,—заговорилъ онъ тихо,—полно нашимъ міромъ набито, да еще, сказываютъ, два гдѣ-то старыхъ кладбища есть, порѣшенныхъ... Всѣ наши покойники поднимутся изъ могилъ, если мы отъ этой земли отступимся... Когда Максимъ Семенычъ луга торговалъ, тогда ужъ крестьянскіе банки были, и графъ предлагалъ намъ купить луга... Ну, мы были не согласны свою землю покупать...

— Вѣдь знаешь ты! Ты!!—крикнулъ, загорѣвшись, Ле-

бедевъ,—самъ ты крестьянинъ! Знаешь, нельзя намъ отступиться отъ луговъ!

Винокуровъ отвелъ глаза и затоптался на мѣстѣ, видимо смущенный.

— Чего же ты дурака-то строишь, людей мучаешь?! Отвались, будь ты проклятъ!

Уполномоченные уѣхали. Въ комнату вошелъ Вехъ. Его билъ ознобъ.

— Какъ можно было упустить Андрюшку?!—напустился онъ на Винокурова.

— А что онъ?—спросилъ становой.

— Да вѣдь это же самый бунтовщикъ и есть! Я только васъ, ваше благородіе, понесмѣлъ, а то бы я его взялъ за святые волоса, да такую бы ему выволочку задалъ, до новыхъ бы онъ вѣниковъ не забылъ!

— Ну, не сладишь, Терентьичъ, опоздалъ!—рѣшительно проговорилъ Винокуровъ.

— Я не опоздалъ!—огрызнулся сердито Вехъ.—У меня бы не вырвался! Племянникъ онъ мнѣ и крестникъ... Ну, ударь отца! Пускай ударилъ бы!.. Отсохла бы рука-то!

— Легче, что-ли, тебѣ было-бы, оттаскалъ ты его?—спросилъ храбраго старика становой.

— Да, какъ же это?!—озадаченно развелъ руками Вехъ:—зачѣмъ-же начальство, ежели не унимать ихъ? Всѣ эти бунты, забастовки, озорство, все это унять очень просто: вышпарить въ каждой деревнѣ человѣкъ по пяти, самыхъ, что ни есть, отчаянныхъ, выдубить ихъ до седьмой кожи!.. Вотъ все и затихнетъ.

— А кто же будетъ указывать, который самый отчаянный?—освѣдомился становой.—Вышпаришь, да не того, а отчаянный пуще будетъ озоровать.

— Какъ это?! — искренно удивлялся Вехъ: — развѣ начальство не знаетъ, который воръ тамъ, который бунтовщикъ? Да въ любой деревнѣ мы, вотъ, старики,—соберите-ка насъ, посивѣе,—какъ передъ Господомъ укажемъ, не покроемъ!

— Били и прежде, какъ только душѣ угодно, а озорства не меньше было...

— Нѣтъ, прежде этого не было!—упрямо твердилъ Вехъ.

— Не говори, Терентьичъ! — перебилъ Винокуровъ, — Анрюшку Лебедева ты мало билъ?

— Билъ!—удостовѣрилъ старикъ. — Сестра, покойница, сама просила, въ ногахъ валялась: „Поучи“... И вотъ, какая чада была! Что ни бью, слова отъ него не услышишь; какъ по дереву или по камню хлещешь, со стороны люди казнились: „Андрюшенька! скажи дяденькѣ какое слово!“ Молчитъ

Я--его! Я—его! Заговоришь! Скажешь слово! Скажи хоть „больно“, что-ли, брошу! Молчитъ. И, бывало, хоть убей его,—все будетъ молчать!

— Такъ вотъ, не выучилъ же!—замѣтилъ становой.

— Мало билъ,—упрямо твердилъ старикъ,—у меня свои сыновья непочетчики!.. Ну, вернуть бы мнѣ мою молодость! Не сталъ бы я въ чужихъ людяхъ, на старости, жить! Я бы съ ними сдѣлался!..—Жалѣлъ. Вотъ что!—добавилъ Вехъ:—думалъ, одумаются!

— Гляди! Гляди!—вскричалъ вдругъ, въ ужасѣ, Винокуровъ, стоявшій у окна.

Изъ Михайловки вразъ высыпали, изъ всѣхъ „концовъ“ и переулковъ, сотни двѣ подводъ на роспускахъ и долгонахъ, и всѣ, вразсыпную, безъ дорогъ, быстро помчались по лугамъ къ Винокуровской рощѣ.

— Ваше благородіе! Помилуйте! Заступитесь! Ваше благородіе!—становясь на колѣни, вопилъ Винокуровъ.—Рощу тронулись рубить, злодѣи!

— Дѣ-ѣтушки-и! Роди-имыя-я!—запричитала за окномъ Винокуриха.

Становой нахмурился и, молча, глядѣлъ въ окно.

— Да что ты вопишь?—обратился онъ къ Винокурову:—что тебѣ? Дороже не продать, за все заплатятъ!

— Ваше благородіе! Да чего съ нихъ взять? У меня тамъ родной племянникъ: весной загорѣлось село, вѣтеръ на его дворъ клонитъ, а онъ спать укладывается. „Мнѣ, говоритъ, таскать нечего, когда загорится, успѣю халатъ свой взять да выйти, а больше у меня ничего нѣтъ!“ Заступитесь, ваше благородіе! Заставьте за себя Господа молить!

— Что я подѣлаю съ 12 стражниками, когда ихъ больше двухсотъ топоровъ?—отвѣтилъ становой.—Я пріѣхалъ протоколъ составлять, а не сражаться. Вели подавать лошадей, поѣду за казаками!

Становой уѣхалъ. Въ рощѣ весело застучали топоры. Чей-то звонкій голосъ распоряжался рубкой. Отчетливо доносилось:

— Расходись, ребята, шире-еѐ! Они вершинками-то завиваютъ, побьемъ другъ дружку-у!

А кто-то ужъ наваливалъ дерево на роспуски и затянулъ протяжно: «Е-еще разикъ, еще разъ, еще маленькій разокъ!»

Пьяные стражники вышли за ворота хутора и неожиданно и нестройно, словно въ отвѣтъ забастовщикамъ, грянули:

«Какъ по питерской дорожкѣ, по широкой столбовой! Гоцъ! Гоцъ! Гоцъ! Гоцъ!»

Винокуровъ, стоявшій у окна, оглянулся. Онъ былъ одинъ

въ комнатѣ. Винокуриха, предусмотрительно, успѣла спрятать водку, на столѣ было все убрано.

Онъ сѣлъ на лавку, съ трудомъ стащилъ съ ногъ длинные, съ мелкими складками, сапоги, отыскалъ какой-то желѣзный инструментъ и босикомъ проворно проскользнулъ въ спальню. Тамъ пѣвуче щелкнулъ сломанный замокъ, и Винокуровъ воротился въ залу съ четвертной бутылкой водки. Онъ налилъ полный стаканъ и выпилъ залпомъ, налилъ другой, но водка не шла въ горло и выливалась изо рта... Винокуровъ, съ страданіемъ на лицѣ, стиснулъ губами стекло стакана и съ трудомъ и насильно глоталъ водку, удерживая углы губъ пальцами.

Проходившая мимо двери Винокуриха съ воплемъ бросилась къ мужу... Но Винокуровъ, мягкій и покорный женѣ въ трезвомъ видѣ,—пьяный преслѣдовалъ ее, какъ злѣйшаго врага.

И теперь онъ прищурилъ помутнѣвшіе глаза и пустилъ въ жену стаканомъ. Винокуриха бросилась вонъ, слѣдомъ за ней полетѣла бутыль съ водкой, тяжело ударила ее въ плечо и со звономъ разлетѣлась на полу. Винокуровъ, страшный, съ бѣшеными глазами, шатаясь, пустился за женой.

Онъ бѣгалъ за ней по двору съ желѣзной лопаткой, подвернувшейся ему подъ руку, мрачный, молчаливый, съ безумной рѣшительностью. А старуха визжала и металась между телѣгъ и разнаго хлама, чувствуя серьезную опасность.

Стражники хохотали, глядя на травлю; урядникъ, стоя на крыльцѣ, командовалъ имъ вразъ хватать Винокурова, но потомъ онъ кое-что сообразилъ.

— Погодите!—громко крикнулъ онъ стражникамъ,—этакъ вы его измѣшаете! Хватайте его тутъ, когда онъ ей дастъ угонку... А мнѣ некогда, мнѣ надо актъ составлять!

Онъ плотно захлопнулъ дверь и побѣжалъ въ комнаты.

А. Н. Поповъ.

ПОДПОЧВА.

Романъ Рашильдъ.

Переводъ съ французск. Я. А. Глотова.

I.

Обитель чистоты и невинности.

... Маргарита положила книгу на столикъ, легкимъ жестомъ поправила волосы и посмотрѣла на свои ножки—она всегда разглядывала ихъ въ минуты сомнѣній, но онѣ не могли дать ей серьезныхъ совѣтовъ: такъ онѣ были малы— затѣмъ она сдѣлала попытку подумать.

Маргарита часто читала романы; вѣдь она скучала.

Изъ большой библіотеки внизу, она таскала къ себѣ описанія разныхъ похожденій и приключеній, старые и современные романы, стремясь населить милыми призраками свою дѣвичью комнату, эту блѣдную комнатку, гдѣ все было такъ неуловимо дѣвственно: занавѣси цвѣта разсвѣта, мебель бѣлаго лака, коверъ изъ волнистой шерсти, алебастровыя вазы на каминѣ, слишкомъ многочисленныя вышиванья и, наконецъ, эти кружева—точно запорошенная снѣгомъ паутина по краямъ всѣхъ, неукоснительно, до скуки — всѣхъ матерій.

Отецъ совѣтовалъ ей читать такъ, чтобы чтеніе „приносило плоды". Маргарита добивалась этого, читая все безъ всякаго разбора, отдавая предпочтеніе тѣмъ страницамъ, гдѣ были діалоги, и не стараясь размышлять о нихъ. Ее интересовали лишь молодые герои, легкомысленные сюжеты разсказовъ, и она вздрагивала отъ каждаго слова свѣтскаго флирта, какъ отъ укола булавки. Чѣмъ невѣроятнѣе ей казалось что-нибудь, тѣмъ сильнѣе она чувствовала, что способна думать объ этомъ, не извлекая, впрочемъ, отсюда иныхъ „плодовъ" кромѣ обильной нервной зѣвоты.

Ежедневно она тратила нѣсколько часовъ на то, чтобы

взбудоражить свое воображеніе, а остальное время заботливо очищала пыль, поднятую въ ея головѣ калейдоскопомъ счастливыхъ любовниковъ и записныхъ соблазнителей, которые проносилися, какъ буря — верхомъ или на велосипедѣ.

Точно также стирала она пыль и съ бездѣлушекъ въ своей комнатѣ, держа свое святилище въ строгомъ порядкѣ. Каждое утро мѣняла она цвѣты, а каждый вечеръ заканчивала крючкомъ новый кружочекъ, связанный такъ же машинально, какъ на хорахъ часовни бѣлыми лапками ткетъ паучиха свою паутину,—паучиха, вѣроятно, безсильная пожрать, по странному нраву пауковъ, своего самца. Все дышало свѣжестью, было красиво и благоухало. У Маргариты ящики ея комода открывались, точно душистое саше, и сосчитанное, занумерованное и вышитое бѣлье было предметомъ особаго вниманія.

Закрытая книга на бѣломъ лакированномъ столикѣ выглядѣла нѣсколько враждебно среди преобладающаго наивнаго тона комнаты. Переплетъ изъ сквернаго черноватаго картона былъ не такъ ужъ древенъ, чтобы внушать къ себѣ уваженіе, и не настолько новъ, чтобы остановить на себѣ вниманіе добродѣтели. Мало этого, написанная грубымъ, рѣзкимъ языкомъ, съ искренностью, доходящей до непристойности, она осмѣливалась разсказывать о чумѣ. Чума? Теперь вѣдь больше не бываетъ великихъ бѣдствій и подвиговъ самоотверженности...

Гигіена замѣнила ихъ.

Извлекши изъ своего чтенія все, что было возможно, Маргарита открыла окно, чтобы освободиться отъ нездоровыхъ видѣній.

Она погрузилась въ созерцаніе садовъ Флашеръ, дома своей обители, столь безгрѣшно ласкаемой солнцемъ.

Вокругъ нея, подъ влюбленнымъ пламенемъ іюньскаго неба распускались самые рѣдкіе и нѣжные цвѣты. По широкимъ аллеямъ, лучившимся звѣздой отъ фермы Флашеръ, разливался потокъ благоуханій, убѣгая вдаль, ускользая отъ обонянія; безпрерывно расширяющимися кругами неслись волны все болѣе и болѣе крѣпкихъ ароматовъ. Изящно построенный домъ въ голландскомъ стилѣ, изъ сѣраго дерева, украшенный бѣлой рѣзьбой, точно кружевами изъ сосны, былъ средоточіемъ этого цвѣтущаго круга. А она, Маргарита, хозяйка дома, являлась, у своего окна, центромъ всего, отъ нея лились лучи цвѣтовъ, розы, лиліи, гіацинты.

Облокотившись на подоконникъ, Маргарита сложила въ экстазѣ руки, охваченная внезапнымъ стремленіемъ всего

своего существа, стремленіемъ къ природѣ, къ восхитительной природѣ, которая разукрасила себя цвѣтами только для того, чтобы доставить ей удовольствіе. Оторвавшись отъ этого тошнотворнаго романа, отъ этого кошмара, она внезапно пришла въ восхищеніе при видѣ такого голубого неба, такихъ зеленыхъ деревьевъ и блистающаго чистотой двора фермы. Да, исторіи былыхъ временъ хороши лишь для того, чтобы сдѣлать выпуклѣй современную дѣйствительность.

Сама Маргарита была прекрасна; окружавшая ее красота блекла передъ ней. Цвѣтокъ, поднимавшійся надъ остальными цвѣтами, она распускалась въ бѣлую звѣзду. Бѣлыя руки выглядывали изъ безупречно сшитыхъ рукавовъ, продолговатые пальчики, точно бѣлые лучи, слегка розовѣли у ногтей, какъ концы лепестковъ, тронутые солнцемъ. Волна темно-русыхъ волосъ, пышныхъ и легкихъ, высоко поднимавшихся надъ висками, поддерживалась маленькими рѣзными черепаховыми шпильками. Причесана она была великолѣпно, какъ и подобаетъ молодой дѣвушкѣ, желающей доставить удовольствіе своему отцу... Она чрезвычайно заботилась о своей шевелюрѣ, и главный надзиратель передъ посѣщеніемъ министра чистилъ аллеи съ меньшимъ стараніемъ, чѣмъ она воевала съ пресловутыми непокорными локонами, о которыхъ даже пишутъ въ книгахъ, и которые такъ мѣшаютъ въ обыденной жизни. У ней были голубые глаза, прекраснаго темно-голубого цвѣта, какъ вечернее небо, глаза, подергивавшіеся влагой безъ всякаго повода, точно вѣнчики „ночныхъ красавицъ“, которыя плачутъ отъ радости, едва только распускаясь. Она выглядѣла довольно крѣпкой, хотя немного блѣдной: вѣдь дѣвушки, ожидающія мужа, всегда блѣднѣютъ въ ожиданіи. Зубы были ослѣпительны, а слегка оттѣненныя карминомъ губы сжимались время отъ времени, чтобы замаскировать желаніе смѣяться. Маргарита благоразумно стремилась сохранять серьезность передъ глубокими тайнами жизни. Кромѣ того она прекрасно знала цѣну разумному пользованію природными дарами красоты.

Можно попытаться даже усилить ихъ при условіи не преступать извѣстной грани. Въ этой грани, въ этомъ умѣньи держать себя и заключается все; и тотъ цвѣтъ, та улыбка, которые переходятъ границы, должны быть рѣшительно оставлены; иначе очарованіе свободы и смѣлости рухнетъ или превратится въ неумѣстную веселость. Искусство женщины заключается въ умѣніи сдерживать себя, не проявляясь.

О, розы образцовой фермы Флашеръ! Восторгъ и чудо!

Съ высоты окна Маргарита очень важно бросила имъ свое одобрительное привѣтствіе; вѣдь бываютъ иногда минуты, когда общаешься со всей землей, когда чувствуешь себя особымъ существомъ, сознаешь свое королевское достоинство.

Для этого достаточно пользоваться хорошимъ здоровьемъ, имѣть чистую совѣсть и надѣяться на большое приданое.

Коллекція розъ Флашера—единственная въ мірѣ. Каждый розовый кустъ былъ снабженъ номеромъ, ярлыкомъ и деревянной подпоркой, пропитанной купоросомъ, для предохраненія отъ тли.

Здѣсь не было ни одного примѣра своеволія артистической натуры, которая позволила бы своимъ вѣткамъ безпорядочно покрываться гирляндами цвѣтовъ и расширяла бы весь растительный сокъ на браки по сердечному влеченію Розы, слава Богу, росли прямо, гордыя своими причудливыми именами, округляясь, какъ капуста, подрѣзаемыя и очищаемыя каждое утро. На этихъ зеленыхъ стебляхъ обозначались бутоны, точно стеклянныя головки на подушкѣ для булавокъ. Затѣмъ розы распускались одна за другой, будто танцовщицы, которыя расправляютъ свои газовыя юбочки подъ спокойными взглядами балетмейстера.

Половина громадной площади, занятой цвѣтами, была подъ розами. Здѣсь представлены были ровно пятьсотъ сорокъ двѣ разновидности. Начиная отъ шиповника съ сердцемъ скромно-блѣднымъ, какъ щечки Маргариты, кончая китайскимъ принцемъ Ли-Пе-Хо, послѣдней варіаціей одного вида съ темными желто-тигровыми лепестками, съ поднятыми головами, въ воротничкахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, стояли розовые кусты передъ домомъ, точно почетный караулъ.

— О чемъ могутъ думать цвѣты?—мечтала Маргарита.

— О чемъ могутъ мечтать женщины?—какъ будто хотѣли спросить розы. Но Маргарита и цвѣты, не думавшіе ни о чемъ, несмотря на свой задумчивый видъ, все же открывали лучшую часть своей души, иначе говоря—они были прекрасны и благоухали, потому что наступалъ вечеръ... таинственный вечеръ!

Спускались сумерки, нѣсколько коварныя, окутывая растенія и деревья легкой дымкой, отдѣлявшей ихъ одно отъ другого; эта дымка придавала имъ видъ вещей, которыми хотятъ скрыть, спрятать драгоцѣнности, потому что наступаетъ опасный часъ.

Далекій колоколъ на холмѣ послалъ со своей игрушечной колокольни семь слабыхъ тонкихъ звуковъ, звуковъ чисто дѣтскихъ... Маргарита повернула голову въ ту сторону. Она слегка вѣрила въ Бога.

Ее воспитывали по новымъ правиламъ, стремясь сдѣлать

изъ нея дѣвушку порядочную, образецъ золотой середины, полу-розу, полу-капусту.

Ничего вольнаго, что можетъ дать свѣтская школа, но ничего и отъ монастыря, соединяя пріятное съ полезнымъ, играя на рояли, что полагается, но такъ, чтобы никого не отправить на тотъ свѣтъ, разучивая очень трудныя пьесы и посѣщая иногда торжественныя службы, но только для того, чтобы явиться туда съ лакеями позади. Когда она была охвачена волной религіознаго безпокойства, взоры ея обращались на этотъ сводъ, но она очень скоро нашла его мизернымъ и смѣшнымъ среди величія природы и особенно въ сравненіи съ коллосальными желѣзными, разбирающимися навѣсами, которые охраняли у нихъ солому и сѣно, символизируя собой прогрессъ.

Поднялся вѣтеръ, гудя и качая вѣтки, точно ластящійся звѣрь. Было слышно, какъ течетъ рѣка и бѣгутъ къ ней ручьи.

Шумъ воды вечеромъ всегда нагоняетъ грусть.

А вода была повсюду: подъ розами, подъ огородами, въ лугахъ и сзади тополей, окаймляющихъ на западѣ помѣстье Флашеръ. Тамъ и сямъ между этими деревьями сверкали огоньки. Съ другой стороны рѣки протянулась деревушка, длинная и тусклая, точно простыня или саванъ, сохнущій у воды.

Пунцовое небо стало зеленымъ, напоминая мѣстами отраженіе окружающихъ сады безпредѣльныхъ полей свекловицы съ зеленовато-голубыми листьями. Наконецъ, оно погасло совсѣмъ подъ тяжело поднявшимся облакомъ.

Маргарита закрыла окно.

Былъ часъ обѣда,—благословенный для счастливыхъ, проклятый часъ для другихъ. Маргарита вышла изъ своей комнаты и спустилась въ библіотеку. Дитя порядка, она шла, слегка зѣвая, положить книгу на мѣсто. И это за то, что та разсказала ей объ интересныхъ приключеніяхъ!...

Порывъ энтузіазма прошелъ, она уже скучала нѣсколько нервно, но разумно. Она прошла черезъ большую библіотеку, торжественную, точно монастырская зала. Въ этомъ жилищѣ, послѣднемъ словѣ цивилизаціи, у самыхъ воротъ столицы, тишина монастыря была достигнута тѣмъ, что замазка для оконныхъ стеколъ была замѣнена свинцомъ. Керосиновая лампа, по формѣ—античный могильный свѣтильникъ *„Pax!“* разливала по-истинѣ мертвенный свѣтъ, потому что ея керосинъ былъ на исходѣ. Столовая выглядѣла болѣе привлекательно: отдѣланная кафлями, она блистала своими панно, гдѣ дичь и плоды всѣхъ сезоновъ висѣли и лежали совсѣмъ какъ настоящіе. Бретонскіе стѣн-

ные часы съ парижскимъ механизмомъ, ларь для хлѣба стиля Генриха II, фигурирующій на всѣхъ банкетахъ, и маденькія скамьи на трехъ ножкахъ... Онѣ такъ блистали зеленью, что никто не рѣшался на нихъ сѣсть въ свѣтлыхъ панталонахъ. Четырехугольный столъ гнулся отъ тяжелаго серебрянаго сервиза подъ олово; разные кубки, блюда, сосуды; наконецъ, какофонія всѣхъ вѣковъ, какъ заключительное слово моднаго изящества. Надъ этой роскошью покачивалась, ослѣпляя, висячая лампа, подъ колпакомъ съ рефлекторомъ: настоящее небесное свѣтило, сфабрикованное спеціально для глазъ богатыхъ людей, которые видятъ совсѣмъ иначе и не боятся ослѣпнуть. А когда ее тушатъ, то на мѣсто лампы ставятъ вазу съ вьющимися растеніями, которыя спускаются внизъ.

Отецъ Маргариты уже сидѣлъ передъ супомъ.

— А кто это опоздалъ?—сказалъ онъ, ласково подмигивая и пристегивая салфетку своей розеткой почетнаго легіона.

— Марго!—отвѣчала молодая дѣвушка, садясь напротивъ и вынимая свою салфетку изъ металлическаго кольца.

— Что же Марго дѣлала?

— Мечтала у окна, глядя на прекрасную природу. При этомъ дѣвушка вздохнула, смѣясь надъ самой собой, немного нервная, немного озабоченная и въ то же время заинтригованная закрытой вазой съ дессертомъ, которую она открыла.

— Фи! Пломбиръ изъ клубники, когда есть уже вишня!

— Вишни? На рынкѣ въ Парижѣ, а здѣсь у насъ едва созрѣваетъ *Прекрасная Евгенія.* Въ этомъ году все запоздало.

— Если поискать хорошенько...

— Ни въ сѣверномъ фруктовникѣ, ни въ южныхъ огороженныхъ участкахъ. Можетъ быть, въ новой галлереѣ около новыхъ трубъ. Вотъ тамъ (онъ поднялъ съ докторальнымъ видомъ палецъ) можно найти кой-что вкусненькое! Деревья подогрѣваютъ у корней водяныя струи, теплыя и мягкія... Ахъ! какое несчастіе, что такая вода не можетъ падать сверху въ видѣ дождя!

Маргарита сдѣлала гримаску.

— Меня это не интересуетъ, ты знаешь.—Она подумала минуту, прихлебывая свой супъ.—А когда намъ пожелаютъ подать вишенъ, на нихъ никто уже не захочетъ и глядѣть. Ихъ отправятъ на кухню, — прошептала она въ скверномъ настроеніи.

Вошла горничная, неся великолѣпную жареную курицу. Горничная была точно съ картины Ватто: платье изъ розо-

ваго миткаля, украшенный фестонами фартукъ, тюлевая косыночка, развѣвающаяся надъ завитыми волосами.

Отецъ разрѣзалъ курицу съ жестами учителя фехтованія въ человѣкѣ всегда пробуждается нѣкоторая доля жестокости, когда онъ разрѣзаетъ мертвое животное. Отдѣливъ бѣлое мясо, онъ немедленно положилъ его на тарелку дочери.

— Это для Марго. Она должна все это скушать пока, въ ожиданіи лучшаго. Затѣмъ она выпьетъ моего стараго бургонскаго, потому что, глядя на прекрасную природу, она забыла выпить свое хинное вино. Марго никогда не порозовѣетъ, если не станетъ заботиться о себѣ.

— Порозовѣть? Да у меня румянецъ не держится, ты знаешь, отвѣтила она тѣмъ же тономъ, какимъ говорила по поводу свойствъ воды.

— Утраченнаго здоровья никогда не возстановишь. Твоя мать, нѣкогда, тоже не обращала никакого вниманія на цвѣтъ лица и медленно переселилась въ другой міръ; она таяла со дня на день, да еще жаловалась, и въ этомъ была истая мука для всѣхъ... Нужно беречь себя, когда чувствуешь себя хорошо, это одинъ изъ лучшихъ принциповъ.

Послѣ паузы онъ прибавилъ, безпокойно:

— Можетъ быть, тебѣ не слѣдуетъ вдыхать въ большомъ количествѣ вечерній воздухъ, потому что, наконецъ, то, что хорошо для нашихъ цвѣтовъ (останавливается, разсматривая ручку своего ножа)... я не говорю, чтобы это было плохо для людей...

Маргарита, почти уже насытившись, посасывала бѣлое мясо, щуря глазки на дессертъ, на воздушную бріошь, золотистую, пропеченную, и на клубнику въ пломбирѣ.

— Да,—сказала она, какъ бы отвѣчая на ихъ манящій ароматъ,—но что касается меня, то я намѣрена поѣсть вишенъ.

— Это нѣсколько далеко. Почему ты, моя бѣдная вѣтреница, не подумала объ этомъ утромъ.

— О! Бѣгомъ...

— Я не люблю давать ключъ по окончаніи работъ. Вдоль аллей всегда кто-нибудь шатается. Пробираются въ фруктовые сады, будто осмотрѣть трубы, а затѣмъ грабятъ насъ. Подумай только: Матье жалуется, что крадутъ зеленые абрикосы! Я бы желалъ знать, на что годятся незрѣлые абрикосы?

— Ихъ продаютъ, чтобы было на что выпить водки.

— Оставь, пожалуйста! Просто изъ чистѣйшей злобы, изъ-за страсти къ разрушенію, которою отличаются всѣ эти господа изъ простонародья. Не говоря уже о томъ, что рабочіе у насъ далеко не стѣсняются. Имъ вѣдь даютъ

фрукты каждаго сезона, но они хотятъ имѣть, какъ мы, самыя первинки.

Маргарита настаивала:

— Можно посмотрѣть, нѣтъ-ли вишенъ въ новой галлереѣ. Это недалеко отсюда.

— Боже мой, если тебѣ такъ хочется, то отправляйся туда сама, только никого съ собой не води, потому что для слугъ это всегда является лишнимъ поводомъ извлечь себѣ какую-нибудь пользу.

Онъ кончилъ куриное крылышко, и ему подали нѣжную зеленую фасоль, которую онъ предложилъ Маргаритѣ. Но та уже надѣвала, по привычкѣ, свою шляпу, хотя на дворѣ и была почти ночь.

— Твоя фасоль простынетъ!—наставительно заключилъ отецъ.

— Пожалуйста, папа, перестань ворчать.

Отецъ схватилъ газету, валявшуюся на одномъ изъ зеленыхъ креселъ, и, сдавшись, принялся читать.

Маргарита, съ корзинкой въ рукѣ, спустилась съ крылечка голландскаго домика, бѣгомъ направилась по одному изъ радіусовъ цвѣточнаго колеса, въ ту сторону, гдѣ цвѣли лиліи, и скрылась.

Въ фіолетовыхъ сумеркахъ возвращались на ферму рабочіе. Имъ звонили къ обѣду немного позже, чѣмъ кушалъ ихъ начальникъ, и въ глубинѣ обширныхъ ригъ уже свѣтились столовыя.

Все имѣніе дѣлилось на участки, которые ясно обозначались на поверхности земли, точно на колоссальной географической картѣ. Были участки для цвѣтовъ, для фруктовыхъ деревьевъ, для овощей, для злаковъ и нетронутые, оставленные подъ удобреніе участки цѣлины, совсѣмъ около густой стѣны лѣса. Тутъ царила ночь даже днемъ; совершенно не было извѣстно, разрушитъ ли впослѣдствіи правительство эту своеобразную стѣну для того, чтобы проникнуть дальше въ послѣдній оплотъ природы. Между большимъ исковерканнымъ лѣсомъ, у котораго была ампутирована въ общемъ половина тѣла, и рѣкой, невѣроятно черной таинственно текшей за занавѣсью тополей, расли и развивались на свободѣ питомники государственной формы, принося изъ года въ годъ феноменальные результаты.

Маргарита шла быстро; бѣлый граціозный силуэтъ ея трепеталъ вдоль изгородей. На встрѣчу ей попадались рабочіе, то съ лопатой на плечѣ, то съ граблями подъ мышкой, и, уступивъ почтительно ей дорогу, говорили: „Добрый вечеръ, барышня“. Вѣдь всѣ ее знали въ округѣ! Ребенкомъ явилась она на ферму Флашеръ, когда только первая струя жидкихъ

удобреній брызнула изъ первой трубы. Она расла вмѣстѣ съ плодородіемъ, невѣроятнымъ плодородіемъ почвы. Время отъ времени ею любовались люди, обрабатывавшіе эту благословенную землю, хотя они были мало чувствительны ко всѣмъ чудесамъ расцвѣта—и относились къ ней съ уваженіемъ. — Красивая дѣвушка. Лакомый кусочекъ. Жаль, что она не хочетъ идти замужъ.

Не надѣясь имѣть мужа по своему выбору и считая болѣе почетнымъ скрывать свои тайные честолюбивые помыслы, Маргарита сама распускала такіе слухи. Садовники, сторожа изъ маленькихъ домиковъ, выстроившихся вдоль линіи парового трамвая, отвозившаго въ Парижъ корзинки съ овощами, фруктами и цвѣтами, тоже знали ее хорошо. Она устраивала зимой въ голландскомъ домикѣ что-то въ родѣ яслей, и съ материнской заботливостью принимала дѣтей, слишкомъ еще маленькихъ, чтобы ходить въ сосѣднія школы. Маргарита пробовала учить ихъ азбукѣ, лѣчила имъ больные зубы, набивая конфектами ихъ карманы, журила ихъ, и, въ концѣ концовъ, открыла, не безъ смущенія, что она терпѣть ихъ всѣхъ не можетъ. Безупречно добрая, искренно великодушная, совсѣмъ какъ въ нравоучительныхъ романахъ, она въ реальной жизни презирала ребятъ все больше и больше, но, во имя неизвѣстно какого соціальнаго долга, выносила ихъ нечистоплотную невинность бокъ о бокъ съ бѣлоснѣжностью своего платья. Мать ея—мягкая, болѣзненная женщина,—при жизни своей дѣлала то же самое, безъ всякаго удовольствія, и она—Маргарита, поступала точно такъ же.

На участкѣ съ овощами Маргарита пересѣкла поле со свеклой, и взяла наискось налѣво, подобравъ платье, чтобы перебраться черезъ журчащій ручей. Тамъ деревья, цѣлая группа деревьевъ, клочекъ большого лѣса, который не соблаговолили срубить, образовали тѣнистое мѣстечко, оставленное администраціей умышленно—спеціально для рабочихъ съ юга, привыкшихъ къ сіестѣ.

Проходя мимо этихъ меланхолическихъ деревьевъ, Маргарита съ нѣкоторой неувѣренностью оглянулась кругомъ.

Фруктовый садъ, называемый новой галлереей, былъ расположенъ за этими деревьями. Его окружала рѣшетка какой-то очень совершенной системы, которая на всемъ своемъ протяженіи могла спускаться или подниматься при помощи только одного винта. Эта рѣшетка защищала низкорослыя фруктовыя деревья, увѣшенныя ярлычками: груши, яблони, вишни-карлики и абрикосовыя деревья; нѣкоторыя были покрыты колпаками изъ марли. Весь питомникъ былъ подстриженъ въ видѣ бесѣдокъ, колесъ, треугольниковъ, эти послѣдніе кусты очень напоминали украшенія на клад-

бицѣ. Нѣкоторые были такъ малы, такъ низки и такъ подстрижены, что подъ ними не спрятался бы грудной ребенокъ.

Этотъ огороженный участокъ считался во Флашеръ очень цѣннымъ.

Къ сожалѣнію, онъ находился безъ всякой охраны.

Маргарита вставила ключъ въ проволочную дверь, которая вибрировала точно арфа.

Среди этого образцоваго фруктоваго сада между низкорослыми грушами и карликовыми вишнями, она замѣтила мужскую фигуру, совершенно черную въ фіолетовыхъ сумеркахъ.

— Какая я глупая,—подумала она,—это не человѣкъ, это *пугало*. Это чучело устроили, чтобы пугать птицъ.

Чучело медленно повернулось отъ вечерняго вѣтра, и тогда Маргарита могла совершенно ясно разглядѣть, что *пугало ѣло вишни.*

II.

Пугало.

Съ корзинкой въ одной рукѣ, съ ключемъ въ другой вся дрожа, молодая дѣвушка не осмѣливалась больше сдѣлать ни шагу впередъ. Все какъ-то смѣшно закружилось вокругъ нея: низкорослыя деревья, проволочная изгородь, поля свеклы, широкій кругъ холмовъ.

Въ самомъ центрѣ этого вихря неслась голландская ферма, какъ щепочка, готовая вотъ-вотъ скрыться въ волнахъ.

У ней мелькнула ужасная мысль, что отцу придется ждать ее тамъ вѣчно. Она услышала запахъ сѣры, увидѣла блескъ ножей, готовыхъ ее пронзить, и затѣмъ прошептала тономъ совсѣмъ маленькой дѣвочки:

— Здравствуйте, сударь. Я пришла... за... вишнями.

Она теперь думала, что была глубоко не права, захотѣвъ въ этотъ вечеръ свѣжихъ вишень. Человѣкъ совершенно не высказалъ никакого безпокойства.

— Я думаю, что осталось еще,—отвѣтилъ онъ непріятнымъ рѣзкимъ голосомъ, подлиннымъ голосомъ заговорившаго пугала.

— Не сердитесь,—пролепетала она, стуча зубами и прижимая къ груди свою корзинку.

— Я не сержусь,—отрѣзалъ черный человѣкъ,—но если бы у васъ еще явилась великолѣпная мысль принести мнѣ хлѣба! Вотъ уже два дня, какъ я ѣмъ вишни безъ хлѣба. По правдѣ сказать, съ меня вполнѣ достаточно.

Онъ говорилъ съ ней точно знакомый, а она не признавала его даже за живое существо. Вотъ уже два дня, какъ онъ крадетъ ихъ „Прекрасную Евгенію", въ то время, когда директоръ фермы Флашеръ жалуется на поздній сезонъ! Маргарита, задыхаясь, оперлась на низенькую грушу. Этотъ человѣкъ голоденъ. Что можетъ быть опаснѣе человѣка, когда онъ голоденъ, особенно вечеромъ.

— Вы несчастны, однако это еще не поводъ...—Она остановилась, у нея перехватило дыханіе, и, какъ это всегда бываетъ во время кошмаровъ, она не могла сдвинуться съ мѣста.

— О!—промолвилъ тотъ спокойно,—я прекрасно знаю, что есть еще абрикосы и сливы, только я не люблю сырыхъ фруктовъ.

Онъ смотрѣлъ на нее. Его неподвижные глаза какъ то необычайно сверкали. У него былъ видъ сумасшедшаго, но движенія отличались необычайной точностью. Держа вѣтку за конецъ, онъ методически обрывалъ съ нея маленькіе шарики.

— Кто вы?—спросилъ онъ, наконецъ, тономъ судьи, допрашивающаго виновнаго.

— Я... я... Маргарита Давенель, дочь директора образцовой фермы Флашеръ.

— А! Очень хорошо. Я не знакомъ. Я не здѣшній,—говорилъ онъ, все время выплевывая косточки.—Я пробрался черезъ лѣсъ. Свалился въ какую-то канаву и вымазался тамъ въ грязи съ ногъ до головы. Спалъ подъ деревьями, а утромъ замѣтилъ вишни... Серьезно, у васъ нѣтъ ни куска хлѣба въ вашей корзинкѣ?

И онъ направился къ ней.

„Вотъ когда будетъ—кошелекъ или жизнь!"

Она пронзительно вскрикнула.

— Какъ? Вы боитесь? Не кричите такъ. Я вамъ это запрещаю. Женскій крикъ дѣйствуетъ на мои нервы. Что же это—всѣ женщины меня боятся? Вы понимаете, что вишни и однѣ только вишни, вѣдь отъ этого издохнешь! Я охотно съѣлъ бы чего-нибудь другого.

— Если вы пожелаете пойти со мной,—прошептала Маргарита вздрагивая,—то, конечно, мой отецъ предложитъ вамъ пообѣдать.

Чтобы придать себѣ увѣренности, она попыталась посмотрѣть на кончики своихъ ногъ, но въ этой темнотѣ она уже не могла ихъ различить.

— А онъ далеко, вашъ отецъ? Я очень усталъ.

Она показала ему ферму, красивый голландскій домикъ,

окутанный туманомъ, сверкающій однимъ огненнымъ глазомъ—лампой въ столовой.

Боже мой! И зачѣмъ она оставила этотъ прекрасно сервированный столъ, эту кровлю-покровительницу.

— Тогда пойдемъ. Я утратилъ всякое представленіе о разстояніяхъ,—заявилъ рѣзко черный человѣкъ.

Маргарита направилась къ проволочной двери, предполагая, что онъ послѣдуетъ за ней. Но эта личность направилась въ обратную сторону.

Когда онъ скрылся, она снова заперла дверь, воображая уже, что ея страшный сонъ кончился. Куда исчезло ея пугало?

Онъ явился съ другой стороны сада.

— Какъ же вы выбрались?—осмѣлилась она спросить его.

— Черезъ мою собственную дверь,—отвѣтилъ холодно субъектъ.—Такъ какъ у меня нѣтъ ключа, то я долженъ былъ продѣлать дыру въ этой, довольно таки прочной, загородкѣ, и черезъ эту самую дыру я и вышелъ только что. У каждаго своя дверь, тогда вишни будутъ сохраннѣе.

Маргарита пустилась идти очень быстро.

— Мы можемъ и бѣгомъ, если это васъ забавляетъ,—замѣтилъ человѣкъ немного колко.

Маргарита пріостановилась.

— Я вамъ, кажется, уже сказалъ,—прибавилъ онъ суровымъ тономъ,—что я усталъ.

Маргарита подумала, что онъ, должно быть, довольно таки старъ, и жалость охватила ее. Напрасно она старалась соразмѣрять свои шаги съ его походкой, констатируя, что онъ идетъ гораздо скорѣй ея, несмотря на свой почтенный возрастъ. Потомъ она подумала объ украденныхъ вишняхъ, о дырѣ въ оградѣ, и о томъ пріемѣ, который ей устроитъ отецъ. Она надѣялась, что ворчать онъ не будетъ. Вѣдь онъ рекомендовалъ ей не только извлекать „плоды“ изъ чтенія, но и „облегчать участь всѣхъ несчастныхъ“. Г. Давенель часто повторялъ за дессертомъ:

„Я не дурно поѣлъ... *дай Богъ, чтобы у всѣхъ было то же самое*“. Непреклонный къ однимъ только ворамъ, онъ отправлялъ свой собственный супикъ дряхлому старику или больному ребенку. Во всякомъ случаѣ, кромѣ этихъ двухъ категорій, онъ никого не надѣлялъ ничѣмъ, даже супомъ.

Но здѣсь была кража со взломомъ... Это было весьма серьезно.

Переходя черезъ поле свеклы, Маргарита почувствовала себя спокойнѣй, потому что черный человѣкъ молчалъ, и потому что приготовила маленькую ложь. Она встрѣтила этого бродягу на дорогѣ и предложила ему помощь, не зная о насиліи,

совершенномъ надъ вишнями. Это станетъ извѣстно, когда воръ уже будетъ далеко, и она возьмется сама указать Давенелю на нѣкоторые оттѣнки этого субъекта, которые она надѣялась подмѣтить въ глубокой ночи.

— Если вы предпочитаете не видѣть моего отца,—рискнула она, примирительнымъ тономъ,—то мы можемъ свернуть къ кухнямъ. Теперь какъ разъ часъ обѣда нашихъ рабочихъ, славныхъ добродушныхъ крестьянъ...

Человѣкъ прервалъ ее рѣзкимъ голосомъ.

— Виноватъ, я не рабочій, потому что я никогда не работалъ, и не крестьянинъ—у меня нѣтъ ни клочка земли. Такъ въ честь чего же я буду присваивать себѣ то, что принадлежитъ одному изъ этихъ... добродушныхъ, которыхъ вашъ отецъ великодушно эксплуатируетъ по старому обычаю? Полагаю, вы меня пригласили обѣдать отъ имени директора образцовой фермы Флашеръ? Я согласился. Такъ что же значитъ эта исторія съ кухнями?

Маргарита шла уже по цвѣточному участку и стала похрабрѣе. Они уже вошли въ предѣлы громаднаго колеса розъ. Желтофіоль распространяла свой полуванилевый, полумускатный ароматъ.

— Рѣшено окончательно,—молвила она граціозно.

Мужчина остановился и зѣвнулъ. Можно было подумать что это мяукаетъ тигръ.

— Ну, однако здѣсь и смердитъ!—проворчалъ онъ.

Маргарита не посмѣла засмѣяться.

— Дѣйствительно,—сказала она,—здѣсь очень хорошо пахнетъ.

Тогда черный человѣкъ приблизился къ ней.

— Мы начинаемъ понимать другъ друга,—молвилъ онъ насмѣшливо,—да, это очень хорошо пахнетъ, это смердитъ самымъ необычайнымъ образомъ. Я никогда не вдыхалъ подобнаго запаха. Можно подумать, что цвѣты этого сада воняютъ всѣми запахами, какіе только есть у живого или мертваго женскаго тѣла. Я полагаю тутъ есть отъ чего вывернуться внутренностямъ. А вы уже давно здѣсь живете?

— Я здѣсь у себя,—отвѣтила съ нѣкоторой гордостью Маргарита.

— Поздравляю! Крѣпкій же у васъ желудокъ.

Они замолчали. Маргарита поднялась на крыльцо. Въ столовой, гдѣ нелѣпая посуда блестѣла рѣзче и рѣзче, Давенель все читалъ „Figaro“ Онъ просмотрѣлъ литературный отдѣлъ, и кроша машинально концомъ ножа хлѣбную корку, добрался до хроники. Когда вошла Маргарита, заслоняя своимъ бѣлымъ платьемъ черное пугало, лицо директора Флашеръ прояснилось: онъ какъ разъ читалъ описаніе ка-

кого-то ужаснаго преступленія и началъ уже безпокоиться, что его дочь вышла изъ дому.

— Противная Марго! Ты что же, хочешь, чтобы я сегодня спать легъ въ десять часовъ? Гдѣ же твои вишни? Ты принесла обратно пустую корзину! Ну?..

Маргарита подвинулась, представляя новаго гостя, и... позади ея бѣлой фигуры онъ увидѣлъ нечаянно звѣря съ фосфорическими глазами.

— Милостивый государь...

— Милостивый государь, я пришелъ обѣдать. Барышня пригласила меня отъ вашего имени, а я едва стою на ногахъ отъ истощенія.

И онъ сѣлъ, какъ разъ противъ жареной курицы, которую горничная не хотѣла убирать до возвращенія барышни.

— Вотъ, папа,—начала Маргарита очень смущенно, въ то время, какъ отецъ грозно смотрѣлъ на нее изумленными глазами:—этотъ господинъ голоденъ... Я встрѣтила его передъ новымъ участкомъ. Онъ попросилъ милостыни... я думала, что поступлю хорошо, приведя его къ тебѣ; я вѣдь знаю, что ты всегда добръ со всѣми бѣдными.

Пугало усѣлось на одномъ изъ зеленыхъ креселъ. Положивъ локти на скатерть, онъ переводилъ свои жестокіе глаза съ отца на дочь.

Онъ былъ грязенъ, какъ трубочистъ, и на всемъ его костюмѣ, нѣкогда темнаго цвѣта, лежалъ точно слой сажи и грязи, и даже такой оттѣнокъ, точно онъ побывалъ въ аду добраго стараго времени. Темно-красное лицо, искусанныя губы, пылающіе, страшно черные глаза, излучающіе голубыя электрическія искорки.

— Рѣчь прекрасной дѣвицы содержитъ нѣкоторыя неточности,—замѣтилъ онъ сухо.—Она не могла встрѣтить меня передъ новымъ участкомъ, потому что я былъ на немъ. Я не просилъ у нея милостыни, потому что эта богословская добродѣтель есть лишь аллегорія, которой не удовлетворить всѣхъ желаній такого человѣка, какъ я. Я просто сообщилъ барышнѣ, что, по моему мнѣнію, вишни слишкомъ быстро перевариваются, и явился чтобы добавить къ моему первому завтраку нѣсколько болѣе существенныхъ блюдъ. Вы позволите?

Говоря такъ, онъ принялся, съ вилкой въ рукахъ, за курицу.

Отецъ Маргариты остолбенѣлъ и поводилъ глазами отставного офицера, услыхавшаго звукъ сигнальнаго рожка.

Давенель имѣлъ видъ почтеннаго отца, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Его аккуратная фигура добраго буржуа, рядового

промышленности, легко вспыхивала воинственнымъ заревомъ. Но это больше зависѣло отъ сангвиническаго темперамента, чѣмъ отъ его взглядовъ на право бѣдныхъ, и онъ уступилъ бы курицу, если бы только успѣлъ.

— Милостивый государь,—промолвилъ онъ высокомѣрнымъ тономъ,—я васъ не знаю. Я долженъ положиться на слова моей дочери. Я надѣюсь, что вы, по крайней мѣрѣ, не отказали ей въ должномъ уваженіи?—Затѣмъ прибавилъ напыщенно и съ нѣкоторой насмѣшкой:—вы только что крали мои вишни? Теперь вы—мой гость...

— Такъ что,—продолжало пугало, совершенно спокойно прервавъ его,—если бы я не былъ вашимъ гостемъ, то вы бы выбросили меня вонъ? Я долженъ вамъ замѣтить, что для того, чтобы выкинуть гостя вонъ, нужно чтобы онъ вошелъ. Значитъ посылать къ чорту и можно почти исключительно гостей, потому что ихъ обыкновенно оставляютъ. Но, пожалуйста не безпокойтесь. Я и самъ очень хочу убраться, но только послѣ обѣда. Приглашеніе было мною принято.

— Вы голодны,—сказалъ Давенель въ чрезвычайномъ замѣшательствѣ,—и вѣрьте, что я никогда не откажу въ стаканѣ воды...

— Тому, кто хочетъ ѣсть? Часъ отъ часу не легче! Однако въ странный домъ я попалъ. Пусть такъ, я охотно выпью за ваше здоровье.—Не воды, она на меня наводитъ ужасъ—но полный стаканчикъ этого бордо. А это дѣйствительно бордо (онъ прищелкнулъ языкомъ). Нѣтъ—это бургонское. А стаканъ представляетъ изъ себя средневѣковый кубокъ съ маркой Bon-Marché. Прекрасное вино! Отвратительный стиль! Теперь, остатокъ курицы, конечно, идетъ въ счетъ стакана воды, и я имъ завладѣваю. Пожалуйста, барышня, сядьте. Насколько мнѣ помнится, я заставилъ васъ бѣжать якобы для того, чтобы имѣть возможность слѣдовать за вами.

Отецъ и дочь совершенно утратили даръ слова. Они не чувствовали ни огорченія, ни радости, ни тѣмъ болѣе гнѣва, только какъ будто съ ними случился припадокъ головокруженія.

За десять лѣтъ ихъ жизни во Флашеръ, они много видѣли упорныхъ завсегдатаевъ большихъ дорогъ, много пьяныхъ рабочихъ; сколько воровъ рыгали имъ въ лицо непереварившимися фруктами или угрозами обобрать въ другой разъ.

Но еще ни разу, на правительственныхъ дорогахъ, гдѣ царитъ такое широкое равноправіе, ни разу не встрѣчался сумасшедшіи такого рода.

Давенель хлопалъ глазами. Маргарита развела руками, свидѣтельствуя о своемъ полномъ невѣдѣніи. Они приблизились другъ къ другу.

Дочь положила руку на рукавъ отца, не желая покидать его въ такой крайности.

— Я виновата, что привела этого господина,—прошептала она тихонько.

Совсѣмъ громко, сентенціознымъ тономъ Давенель возразилъ ей:

— Никогда, дочь моя, не можетъ быть вины въ стремленіи сдѣлать добро.

Гость, который дожевывалъ своими солидными челюстями послѣдніе кусочки курицы, проворчалъ:

— А я, я того же мнѣнія, что и ваша дочь. Она виновата. Нужно всегда оставлять воровъ на ихъ мѣстахъ, т. е., говоря иначе, въ нищетѣ, которая и есть свобода.

Давенель подвинулся къ нему, сжимая кулаки.

Когда затрагиваютъ его дочь, тогда все идетъ къ чорту.

— Вы,—воскликнулъ онъ выпячивая грудь,—вы нахалъ, и можетъ быть... можетъ быть—(казалось, онъ рылся въ своей памяти, вспоминая отрывки какой-нибудь статьи или разговора)—можетъ быть... анархистъ, милостивый государь!

Маргарита вздрогнула отъ любопытства. Какъ! А въ самомъ дѣлѣ? Почему бы и нѣтъ? Анархистъ,—тогда это объясняетъ всю исторію съ вишнями. Личное завладѣніе, раздѣлъ плодовъ земли, работа лишь по желанію и вѣчное желаніе пить, не работая, бомбы въ глубинѣ погребовъ, и зажигательныя рѣчи въ общественныхъ собраніяхъ. Должно быть, это и есть этотъ видъ жестокихъ животныхъ. Значитъ она встрѣтила одного изъ нихъ! Она, которая держалась въ отдаленіи отъ большихъ центровъ, отъ свѣтскаго Парижа, гдѣ, судя по газеткамъ, обходятся очень вѣжливо съ этими людьми, пользуясь соціалистами, какъ посредниками. И цѣлая какофонія странныхъ словъ, непристойныхъ выраженій, фразъ изъ театра совсѣмъ перевернула маленькіе мозги невинной буржуйки.

Анархистъ, въ общемъ, былъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, съ той только разницей, что онъ имѣлъ право періодически сходить съ ума и, во время этихъ припадковъ, пользовался уваженіемъ за свою особенную болѣзнь, почти такъ же, какъ нѣкогда были въ почетѣ юродивые, несшіе разный вздоръ. Анархистъ, являясь всегда единолично, представлялъ изъ себя по-просту животное, очень дорого стоющее и очень хищное, что-то въ родѣ маленькихъ

ручныхъ львятъ Сары Бернаръ. Высшее общество возится съ нимъ для того, чтобы отвлечь отъ себя его вниманіе и запастись нѣсколькими оправдательными документами.

Припоминая про себя всѣ эти общія мѣста, Маргарита нервно сжала руку своему отцу. Она хотѣла видѣть, что будетъ дальше. Она чувствовала себя гордой отъ того, что накрыла „на кражѣ“ эту рѣдкую птицу.

Хотя господинъ Давенель былъ въ меньшемъ восторгѣ, однако и онъ былъ склоненъ къ снисходительности, потому что явленіе это стало знаменіемъ времени. Отчего не оказать нѣкотораго гостепріимства—вотъ и все. Можно устроить перемиріе, поговорить, а затѣмъ вѣжливо выпроводить человѣка, обѣщая какъ-нибудь, въ дождливую погоду, подумать надъ его ученіемъ. Но во всякомъ случаѣ необходимо самымъ мягкимъ образомъ принудить его отправиться и дать себя когда-нибудь повѣсить, а то вѣдь иначе—пренепріятная исторія: принимая анархиста дольше, чѣмъ то необходимо для церемоннаго визита—уже становишься его соучастникомъ. Пока еще гостепріимство ограничилось корзинкой вишенъ и жареной курицей, вся эта исторія можетъ закончиться хорошо.

— Маргарита,—вздохнулъ директоръ Флашеръ,—ты можетъ быть пойдешь? Уже поздно, а я хочу еще поговорить съ нимъ.

Ну, нѣтъ! она не пойдетъ спать, точно четырехлѣтняя дѣвочка.

Она качнула отрицательно головой.

Этотъ анархистъ, какъ анархистъ, имѣлъ великолѣпный видъ. Онъ былъ черенъ и грязенъ. Его страдальческое и угловатое лицо точно обгорѣло въ пламени пожаровъ или поблекло отъ ночей тайны. Совершенно еще молодой, онъ уже имѣлъ морщины и, открывая чудовищно ротъ, напоминалъ маску античной комедіи.

Давенель вздохнулъ и почесалъ лобъ.

Предъ нимъ, мало-по-малу, вставалъ образъ другого человѣка, чистаго, наряднаго, честнаго труженика, который явился пополнить ряды рабочихъ фермы.

Въ земледѣльческой школѣ постоянно не хватало рукъ.

Пугало, между тѣмъ, перешло отъ курицы къ молодой фасоли. Давенель усѣлся противъ своего гостя, шевеля губами.

— Нѣтъ, милостивый государь, я—не анархистъ,—заявилъ черный человѣкъ, прервавъ его мысль. Я—воръ, простой воръ, явившійся красть вишни своего ближняго безъ его позволенія; это очень тяжелый трудъ: я до сихъ поръ еще мокрый отъ пота! И я не хочу ничего дѣлать иного, потому

что мнѣ очень по вкусу существовать въ качествѣ интеллигентнаго преступника.

Готовый на какое угодно перемиріе, лишь бы гарантировать вишни на будущее, Давенель покачалъ головой.

— Интеллигентный преступникъ? Но вѣдь это великолѣпно! Вы, мой другъ, не могли дать мнѣ лучшаго опредѣленія анархиста,—сказалъ онъ отеческимъ тономъ.—Вы крадете мои вишни, и, благодаря этой... бездѣлицѣ, вы являетесь ко мнѣ обѣдать. Только я васъ разгадалъ, я, хозяинъ, тотъ самый, который имѣетъ право засадить вора. Я нахожусь лицомъ къ лицу съ исключеніемъ, съ интеллигентнымъ преступникомъ, который можетъ разобраться въ своемъ преступленіи. Вы молоды...

— Вы сдѣлали нѣсколько ошибокъ, господинъ директоръ,—перебилъ пугало, придвигая мягкимъ движеніемъ локтя вазу полную земляничнаго пломбира. — Я вовсе не другъ вамъ, потому, что не имѣю чести васъ знать, и я не имѣю ничего общаго съ профессіональнымъ воровствомъ. Говорить же о моей молодости—совершенно лишнее.

— Я понимаю,—сказалъ Давенель, складывая свою салфетку и стараясь держать себя добродушно.—Вы попросту *подѣлили*. Но, принимая во вниманіе вашъ аппетитъ, раздѣлъ этотъ не равенъ. Мы ѣдимъ меньше васъ. Правда, Маргарита?

Маргарита сидѣла на другой скамеечкѣ зелено-спаржеваго цвѣта и глядѣла себѣ на ноги.

— Да, папа.

— Это безъ сомнѣнія потому, что вы нездоровы,—замѣтилъ флегматично пугало, опрокидывая въ себя стаканъ вина.

— Мы предпочтемъ остаться съ нашимъ аппетитомъ, это болѣе разумно. А вы собираетесь напиться?

— Всего хорошаго, сударь; за ваше здоровье, мадемуазель. Я никогда не напиваюсь. Вѣдь это обыкновенно окружающіе не могутъ устоять на мѣстѣ!

Молодая дѣвушка съ изумленіемъ смотрѣла, какъ онъ пилъ. Да, конечно, это онъ, анархистъ, знаменіе времени, во всемъ своемъ ужасѣ. Разстояніе между нимъ и ею стало такимъ громаднымъ, что онъ больше уже не пугалъ ее. Она разглядывала этого краснаго звѣря, потому что между ними возвышались рѣшетки соціальныхъ преградъ, и она приходила въ восторгъ отъ мысли кинуть ему кусокъ хлѣба.

— Вы не профессіоналъ, я хочу этому вѣрить,—отвѣтилъ Давенель, который старался примѣнить свои гуманитарныя теоріи.—Я даже хочу предполагать, что ваша интеллигентная преступность не идетъ дальше вишенъ. Мы всѣ потаскивали

фрукты, когда ходили въ школу, и изъ-за этого мы не попали на эшафотъ. Я не требую смертной казни виновному. И работая...

Пугало быстро оглянулся и невольнымъ жестомъ провелъ рукой по шеѣ.

— О!—сказалъ онъ глухимъ голосомъ. — Мы повинились въ вишняхъ...

— ...*А въ остальномъ?*

— Вы, значитъ, предлагаете мнѣ молчаливое соучастіе, трудъ, искупающій вину, разбитую тюрьму съ оставшеюся цѣпью? Проволоки вашихъ изгородей обовьются вокругъ моихъ кулаковъ? Вы хотите расплатиться со мной за мое преступленіе? Великолѣпное преступленіе! Ну, ну! Это стоитъ гораздо дороже, чѣмъ вы думаете, милостивый государь.

Точно холодный вѣтеръ ворвался въ комнату сквозь окно, открытое на розовыя клумбы.

Онъ прибавилъ:

— У всѣхъ богатыхъ людей существуетъ необычайная причуда: окружать себя каторжниками. Я цитирую писателей... анархистовъ.

Давенель казался совсѣмъ остолбенѣвшимъ. Этотъ парень, у котораго такъ сверкали глаза, очень легко могъ быть сумасшедшимъ. Его манера выражаться могла привести въ смущеніе здоровыя мыслительныя способности.

Директоръ Флашеръ, не особенно сильный въ анализѣ, еще не понялъ, что его противникъ, анархистъ или нѣтъ, все время отвѣчалъ логическими выводами на его мысли, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на фразы. Значительно превосходя своего собесѣдника, онъ излагалъ ему его собственныя системы, даже не соблаговоливъ ихъ выслушать.

M-lle Давенель кашлянула.

— Маргарита, дитя мое, —прошепталъ безпокойно отецъ,— увѣряю тебя, что уже, должно быть, поздно, и ты устала.

— Однако, папа...

— Да, дочка!

Маргарита попрощалась, какъ послушный ребенокъ, и, очутившись за дверью, приложила ухо къ замочной скважинѣ.

— У васъ есть что-нибудь болѣе тяжелое на совѣсти?— спросилъ Давенель.—Теперь вы можете говорить.

Пугало отодвинулъ свое кресло, закинулъ ногу за ногу и устремилъ свой взглядъ въ окно.

— Нѣтъ. Послѣ васъ. Я васъ слушаю. Это у васъ есть стремленіе поболтать. Что касается меня, то я не особенно тороплюсь узнать, какого рода работу собираетесь вы довѣрить преступному интеллигенту.

Давенель началъ сердиться. Что эта личность смѣется надъ нимъ? Наконецъ, у него, стоящаго во главѣ громаднаго національнаго предпріятія, найдется не меньше апломба, чѣмъ у этого несчастнаго бродяги, у котораго только и есть, что его кожа (И какая кожа, Боже ты мой!).

Теперь остается только или выпроводить его, или нанять въ рабочіе для уборки сѣна.

— Мой другъ, вы напугали мою дочь, и я не связанъ съ вами никакимъ обязательствомъ: вотъ двѣ достаточно уважительныя причины, чтобы не особенно стараться спасти васъ. Однако я сохраняю уваженіе къ гостю. Старая традиція! Вы тамъ, господа анархисты, — мечтаете разрушить всѣ традиціи, но я вамъ объявляю, что здѣсь, у меня, вы совершенно ничего не разрушите! Вамъ пришлось сдѣлать неблаговидный поступокъ, заставляющій васъ избѣгать населенныхъ мѣстъ; это привело васъ въ отчаяніе, и вы рисковали тюрьмой изъ-за нѣсколькихъ вишень. Пускай! Вотъ что предлагаю я моему гостю, если онъ благоразуменъ, если онъ хочетъ исправиться и вернуть расположеніе общества, въ которомъ есть кое-что хорошее: я на этомъ настаиваю. Теперь у насъ время сѣнокоса. Мы принимаемъ безъ контрольнаго экзамена всѣхъ, кто проситъ у насъ работы. Воспользуйтесь этимъ. Позже необходимы будутъ документы. Я предлагаю вамъ франкъ въ день, пищу, помѣщеніе и ставлю крестъ надъ вишнями. Это продлится, сколько будетъ возможно. Только я васъ предупреждаю, что если сторожа васъ сцапаютъ, когда вы будете перелѣзать хотя черезъ самую маленькую изгородь, они прикончатъ васъ, какъ простого зайца,—вы слышите?

— Прекрасно,—рѣшилъ красный звѣрь.—Арестантъ, слуга или... *заяцъ*!

— Я не шучу, милостивый государь,—воскликнулъ отецъ Маргариты, котораго эта манера говорить положительно выводила изъ себя.

— А я тѣмъ болѣе, чортъ возьми; и я выбираю... зайца.

— Ахъ, вотъ что! Да гдѣ же у васъ голова?

— Чортъ подери! Я дамъ губить себя, когда буду закусывать вашей капустой... виноватъ, вашими вишнями, но не буду вашимъ соучастникомъ. Это гораздо практичнѣе.

— Вы сумасшедшій. О какомъ соучастіи можетъ быть рѣчь?

— Я благоразуменъ. Когда нужно покончить съ обществомъ, я предпочитаю ружейный выстрѣлъ. Спокойной ночи! Мое почтеніе вашей дочкѣ. Это прекрасное молодое созданіе, которое уже чрезвычайно хорошо сочиняетъ, сказалъ бы Гамлетъ.

Пугало поднялся, потянулся, вполнѣ удовлетворенный тѣмъ, что попилъ и поѣлъ, и направился къ двери.,

Можетъ быть, иностранецъ, не знающій французскихъ законовъ и обычаевъ!

Безъ сомнѣнія, онъ получилъ извѣстное образованіе, это чувствовалось по формѣ его фразъ, но невозможно было отнести его ни къ одной изъ категорій голытьбы. Его платье цвѣта сажи одѣвало его точно грозовой тучей, одновременно грязной и грозной. Дерзкій взглядъ и старый ротъ. Его голосъ, съ жесткими оттѣнками, звенѣлъ, какъ будто вырывался изъ металлической глотки. Всѣ его жесты были гибки и точны, какъ движенія хищнаго звѣря.

— Подумайте, молодой человѣкъ,—вымолвилъ Маргаритинъ отецъ, униженный непонятной гордостью этого вора.—У васъ въ концѣ концовъ такой видъ, который не производитъ хорошаго впечатлѣнія.

Пугало остановился и вынулъ изъ кармана что-то блестящее. Давенель, подумавъ о возможности револьвера, подкрался сзади и поднялъ руку.

Онъ замѣтилъ, что тотъ держитъ въ рукѣ зеркальце.

Какъ грустно это видѣть!—подумалъ Давенель, вздыхая.

Пугало поднялъ случайно глаза.

— Да,—возразилъ онъ лаконически, — я самъ констатирую, что у меня, дѣйствительно—необычайный видъ.

Давенель нѣсколько отступилъ. Онъ слегка вздрогнулъ, точно отъ прикосновенія крыла летучей мыши, и прошепталъ совсѣмъ тихо, потому что этотъ странный человѣкъ, кажется, слышитъ все вплоть до мыслей.

— Чего же, наконецъ, вы хотите?

— Уйти.

За дверью Маргарита едва осмѣливалась дышать.

Онъ вышелъ и, проходя черезъ прихожую, наткнулся на бѣлый силуэтъ любопытной дѣвушки. Онъ бросилъ на нее черный взглядъ, долгій, очень мрачный и горячій взглядъ, который упалъ на нее и окуталъ ее всю точно бархатнымъ плащомъ.

III.

Земля благословенная.

Дождь шелъ всю ночь, цѣлое утро, будетъ идти еще вечеромъ. Поля подернулись какимъ-то особеннымъ грязнымъ туманомъ. Невольно приходитъ въ голову, что существуетъ небесная грязь, болѣе легкая, чѣмъ грязь земная, и что она растворилась въ этомъ ливнѣ. Зеленые луга обра-

тились въ сѣрые, зеленый лѣсъ сталъ каштановымъ, а человѣческія существа, облипшія, двигались по дорогамъ въ полосахъ проливного дождя; и казалось, что эти полосы захватываютъ и задерживаютъ ихъ, точно верши—рыбъ.

Благодаря безконечнымъ потокамъ воды, національное имѣніе Флашеръ получило довольно таки безотрадный видъ. Голландская ферма, построенная по деревенски изъ дерева съ корой, потемнѣла и пріобрѣла оттѣнокъ чернаго гранита. Бѣлыя кружева сосны выдѣлялись на ней мрачными складками савана.

Газоны, заботливо подстригаемые въ обычное время, напитались водой, точно губки, и какая-то густая жидкость блестѣла въ ихъ короткой шевелюрѣ.

Поля свекловицы тянулись подъ дождемъ безъ конца, принимая размѣры настоящаго моря съ водоворотами, зыбью и теченіями. Точно на самомъ дѣлѣ морской отливъ несъ куда-то далеко, до потери изъ виду, громадныя волны листьевъ. Тянулись дороги, бѣлѣй, чѣмъ всегда, смягчая линіей пѣны эти мрачныя массы зелени и воды вперемѣшку, дороги бѣлыя, бѣлыя до безнадежности.

При взглядѣ на этотъ пейзажъ, переворачивалось сердце.

Со стороны лѣса, почти рядомъ съ государственной границей, бродяга нашелъ заброшенный шалашъ, что-то въ родѣ хижины пастуха или браконьера. Точно верша, онъ былъ сплетенъ изъ ивовыхъ прутьевъ, и только глина съ соломой придавала ему нѣкоторое подобіе стѣнъ. Крыша въ нѣсколькихъ мѣстахъ разъѣхалась, растрепались вѣтки можжевельника, и дождь свободно проникалъ внутрь. Это жилище имѣло для своего обитателя то преимущество, что оно господствовало надъ окрестностью. Передъ его отверстіемъ— дверей не было совершенно — разстилалась вся мѣстность, совершенно пустынная вплоть до рѣки, а за рядами тополей, скрывавшихъ рѣку, поднимались до неба холмы. Появленіе жандарма можно было замѣтить за нѣсколько верстъ.

Въ теченіе всей истекшей недѣли стояла прекрасная погода, и можно было спать на открытомъ воздухѣ, то въ стогѣ сѣна, то подъ деревенскими мостиками. Теперь тамъ уже нельзя больше расположиться: повсюду течетъ и сочится вода. Наступаешь—а она брызжетъ изъ почвы, какъ будто дождь выходитъ изъ земли, вмѣсто того, чтобы падать на нее.

Блуждая восемь дней съ мѣста на мѣсто, этотъ человѣкъ замѣтилъ очень много ненормальностей и перенесъ не мало серьезныхъ неудачъ. Подъ солнечными лучами, этотъ великолѣпный край давалъ, полную иллюзію рая; новый административный Эдемъ, гдѣ все было предусмотрѣно для того,

чтобы раздразнить лакомку и... наказать его. За то въ скверную погоду невообразимая грусть разливалась кругомъ. Слишкомъ уже было похоже на кладбище.

Кромѣ того, грязь съ этихъ участковъ, такъ великолѣпно удобренныхъ, не сохла, оставляла пятна, приставала къ одеждѣ, точно клей. Обыкновенная земля совсѣмъ не такъ пачкается, пока она не обработана химически человѣкомъ. Почему же эта плодоносная почва такъ жестока къ тѣмъ, кому даже не во что переодѣться? Уже нечего думать обчиститься—разъ свалишься въ какую-нибудь канаву во Флашерѣ. Бродяга испыталъ это на себѣ... Какая-то сонливость охватила его послѣ чуднаго угощенія, предложеннаго ему у директора образцовой фермы. Что хорошаго вышло изъ его хлопотъ о туалетѣ? Костюмъ, сшитый въ былыя времена у англійскаго портного, теперь вполнѣ соотвѣтствовалъ его обгорѣлой кожѣ. На немъ скоро будетъ больше дыръ, чѣмъ пятенъ, и всѣ эти признаки нищеты сравняются подъ однимъ и тѣмъ же вѣтромъ несчастія. Мягкая фетровая шляпа роняла траурныя слезы вдоль своихъ полей, склеивая волосы на вискахъ; а когда ему попадало въ глаза, онъ машинально утирался, пачкая лицо грязью.

Наткнувшись на шалашъ, онъ почувствовалъ, что можетъ проспать годы. Онъ былъ во власти непобѣдимаго сна, который захватываетъ въ свои объятія всѣхъ тѣхъ, у кого нѣтъ больше надеждъ на завтрашній день. Онъ повалился тамъ, какъ животное, отнынѣ мирное, отказавшись отъ своего достоинства мыслящей личности, и глубоко заснулъ безъ всякихъ сновидѣній, вытянувшись во весь ростъ на почти сгнившей подстилкѣ, на навозѣ изъ листьевъ. При пробужденіи, угрюмый видъ этой мѣстности, которую упорный дождь покрылъ рытвинами, показался ему кошмаромъ. За этимъ, по истинѣ ужасающимъ, зрѣлищемъ онъ угадывалъ еще болѣе мрачныя вещи и оставался недвижимъ, вытянувшись, упершись подбородкомъ въ кулаки, прислушиваясь къ хлюпанью воды, насмѣшливо увеличивавшей всѣ лужи. Человѣкъ не собирался какъ-нибудь реагировать на это, не удивлялся. Онъ заразился спокойной грустью, царствовавшей вокругъ него. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вся страна превратилась въ обширное кладбище, но ужасно, что мертвецамъ приходится ворчать и шевелиться подъ цвѣтами или подъ грязью. Достаточно приложить ухо къ землѣ, чтобы убѣдиться, что *тамъ, подъ почвой* что-то происходитъ. Бродяга, слишкомъ усталый, мало заботился о томъ, чтобы разобраться въ этой тайнѣ. Онъ находилъ, что земля эта очень враждебна къ бѣдному люду.

Вѣроятно, образцовая ферма примѣняла какіе-нибудь но-

вые пріемы интенсивной культуры: область эта такъ слабо изслѣдована въ промышленной наукѣ!

Какое ему до всего этого дѣло! Здѣсь за то не встрѣтишь ни одного полицейскаго.

Самое важное было—не влопаться въ какую-нибудь ловушку заработка. Вѣдь ему дали жизнь, не справляясь съ его желаніемъ, и онъ ничего не хочетъ больше, какъ прозябать. Онъ станетъ растеніемъ, ниже даже животнаго, деревомъ съ хищными корнями, которые ищутъ пищи во что бы то ни стало, ищутъ соковъ, чтобы питать сердце дуба, хотя онъ уже навсегда опаленъ молніей.

Передъ берлогой бродяги разстилалась черная скатерть еще не воздѣланной земли, полузатопленной ливнями или, можетъ быть, только омытой этой водой, что, клокоча, поднималась изъ внутренностей полей, плотно задернутыхъ парами. Мѣсто было голое, безъ клочка травы, со стоящими коегдѣ маленькими лужами кофейнаго цвѣта. Пахло какимъ-то не обыкновеннымъ навозомъ. Отъ этого студня исходилъ ужасный, вызывающій тошноту, приторный запахъ какой-то мертвечины, чего-то настолько разложившагося, чему уже ни на одномъ языкѣ не найдется названія.

Бродяга пришелъ къ заключенію, что уже пора выкопать чего-нибудь себѣ къ завтраку. Наканунѣ онъ ѣлъ маленькія, нѣжныя молодыя морковки, прекраснаго сладковатаго вкуса, но онъ не насытился ими. Однако, хотя онъ и былъ голоденъ, у него не хватало рѣшимости выйти на охоту, не было необходимаго возбужденія, которое заставило бы его найти вкусными сырыя овощи. Воздухъ этой мѣстности, поставляющей всю роскошь изысканныхъ обѣдовъ: раннія овощи, громадные фрукты и роскошные цвѣты, не могъ давать въ придачу и хорошаго аппетита. Бродяга чувствовалъ боль въ желудкѣ, можетъ быть, вслѣдствіе отсутствія мясной пищи, а, можетъ быть, благодаря этому особенному запаху, этому смраду застоявшейся канализаціонной трубы, который исходилъ изъ прекрасной земли, благословенной, тучной отъ своего маслянистаго удобренія. Онъ былъ совершенно не въ силахъ идти воровать вишни или добиваться жареной директорской курицы.

Стая воронъ, кружась, опустилась на необработанное поле. Мрачныя птицы усѣлись на комьяхъ грязи и стали рыться въ ней лапами и клювами.

Одна изъ нихъ фамильярно направилась къ лежащему человѣку, блестя клювомъ, вытягивая свой большой стальной, точно закаленный въ горнѣ, носъ, сверкая черными, съ красной каемкой глазами, жестокими и насмѣшливыми. Человѣкъ слегка вздрогнулъ.

— Ужъ не принимаетъ-ли она меня за мертвеца?—подумалъ онъ.

И, чтобы доказать, что онъ живъ, схватилъ камень и запустилъ его въ ворону.

Птица прокричала какое-то проклятіе, завертѣлась и осталась на мѣстѣ съ растопыренными крыльями.

Гибкимъ движеніемъ человѣкъ подвинулся къ ней и склонился надъ ея трупомъ.

— Ну, старушка? Смерть уже захватила тебя въ свои лапы!—промолвилъ онъ, поднимая ее за взъерошенныя перья.

Внимательнымъ взглядомъ окинулъ человѣкъ свою добычу.

— Да, она не такъ нѣжна, какъ курица, но во всякомъ случаѣ ее можно попробовать съ ароматными травами.

Вернувшись къ себѣ, онъ принялся копать яму, устроилъ очагъ, въ средину крыши изъ можжевельника вставилъ обломокъ трубы. Три камня замѣнили ему таганъ, и, укрѣпивъ на тонкомъ прутѣ, какъ на вертелѣ, свою ощипанную и выпотрошенную птицу, онъ сталъ жарить ее. Огонь немного дымилъ, прокапчивая мясо, потому что дровами служили вѣтки съ крыши. Свѣсивъ клювъ, медленно перевертывалась ворона—маленькій грустный трупикъ, ободранный съ того и другого бока. У ней были фіолетовыя ноги, черныя лапы, а красный глазъ ея посылалъ послѣднее проклятіе.

— А, право, не очень плохо,—заявилъ человѣкъ послѣ своего пира.

Онъ вытеръ ротъ и, такъ какъ кресла у него не было, снова улегся на животъ и принялся созерцать грустно-задумчивое поле. Вдали спасалась бѣгствомъ мрачная стая воронъ, не питая большого пристрастія къ сюрпризамъ человѣческой жизни.

Около двухъ часовъ на поле высыпали рабочіе, новая толпа явилась взамѣнъ предыдущей. Лившій дождь вычеканивалъ въ туманѣ силуэты мужчинъ и женщинъ; ихъ ноги казались темнѣе остального тѣла. Убійца вороны замѣтилъ, что всѣ они были обуты въ громадные сапоги. Да... ему извѣстны подобные сапоги... На парижскихъ перекресткахъ встрѣчаются люди съ совершенно такими же ногами. Они поднимаются по темнымъ лѣстницамъ, только-что выбравшись изъ отверстій сточныхъ трубъ. Что за странная мѣстность, гдѣ рабочіе, копая землю или распахивая ее, носятъ ту-же обувь, что и работающіе въ сточныхъ канавахъ? Значитъ, приходится защищаться отъ вреда этой грязи? Она не только липка, но и ядовита? Крестьяне будто молчаливо искали на что бы опереться на своемъ полѣ. Они держали въ

рукахъ металлическіе багры или длинныя желѣзныя палки, время отъ времени погружали ихъ въ волны этой зловонной тины и производили ими такія же движенія, какія дѣлаетъ путевой сторожъ, подвинчивая гайки на рельсахъ. Что означаетъ эта работа? За ними двигались женщины, дренируя грязь и сравнивая ее. Мало-по-малу вода въ лужахъ убывала, выпитая невидимыми ртами. Между тѣмъ, дождикъ не прекращался.

— Я не понимаю ихъ работы,—подумалъ бродяга.—Они мѣшаютъ моему пищеваренію!

Дѣлалось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что дождикъ въ этой странной мѣстности выходитъ изъ земли. Течь задѣлали, и почва стала подсыхать, несмотря на то, что потоки воды съ неба снова пріобрѣли свою прежнюю силу.

Рабочіе, хорошо одѣтые, упитанные, но блѣдные—очевидно, отблескъ бѣглаго желтоватаго свѣта на вершинахъ холмовъ—не проронили ни слова, женщины не переругивались и не пѣли; онѣ работали съ холоднымъ равнодушіемъ. Глядя на движенія этихъ людей, ни усталыя, ни энергичныя—можно было легко представить себѣ ихъ душевное состояніе: дѣло прекрасно могло бы обойтись и безъ насъ. И они размельчали землю крѣпкими увѣренными клювами, точно подражали воронамъ.

— Не видно ли имъ меня?—подумалъ бродяга съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Впрочемъ, никто не интересовался имъ. У этихъ серьезныхъ людей, совершенно ушедшихъ въ работу, не являлось и мысли оспаривать его обладаніе шалашемъ. Тутъ былъ пустырь, весь заросшій кустарникомъ и верескомъ, который, можетъ быть, примутся разрабатывать попозже, если правительство захочетъ подвинуться дальше! Пока же работы было и безъ того достаточно, и бродяга могъ вполнѣ спокойно безъ вредя другимъ обитать въ этомъ послѣднемъ живописномъ уголкѣ. Позади его, въ таинственномъ лѣсу еще сохранились очаровательныя мѣстечки, гдѣ не цвѣли роскошные цвѣты и не вызрѣвали колоссальные овощи, а зеленѣла трава, и сами собой распускались лѣсные цвѣточки.

Бродяга попробовалъ было вспомнить названіе этого лѣса, но никакъ не могъ, и задремалъ, одурманенный міазмами, исходящими изъ почвы. Онъ проснулся отъ раскатовъ какихъ-то глухихъ ударовъ, и испуганно оглянулся кругомъ. Разбросанные по полю рабочіе казались теперь точно китайскими тѣнями, загадочно склонявшимися и поднимавшимися. Громадные сапоги, желѣзные багры и соломенныя шляпы придавали имъ одновременно мирный видъ и обликъ завоевателей. Глухіе удары сливались въ мрачные раскаты.

Буря? Нѣтъ. Если внизу стояла удушливая теплота бани, то наверху не виднѣлось ни блеска, ни тучи, все было сѣро безъ просвѣта. Раскаты подымались отъ земли, какъ и дождь. Въ этомъ мѣстѣ вселенной все было искусственно и со стороны неба не ждали никакихъ одолженій. Человѣкъ, внимательно прислушиваясь въ теченіе часа, разобралъ, наконецъ, что это—пушки! Сзади него и позади лѣса была расположена школа артиллеріи. Послѣ полей съ чудовищными овощами вдругъ поле для стрѣльбы, гдѣ расцвѣтали снаряды большого калибра и лопались подъ солнцемъ современной промышленности, точно слишкомъ спѣлыя колоссальныя дыни.

— Ну! Теперь комплектъ полонъ!—подумалъ бродяга.— Еще и солдаты? Что за рай!

Онъ поднялся въ очень скверномъ настроеніи, потянулся такъ, что захрустѣли всѣ кости, и рѣшительно вышелъ изъ своего логовища.

Высокій, очень худой, съ темно-бурымъ цвѣтомъ лица и съ рѣзкими жестами, которые были совершенно необычны въ этой мѣстности,—точно волкъ, выходящій изъ лѣсу. Его темносиніе глаза, синіе до того, что казались почти черными, сверкали фосфорическимъ блескомъ. Онъ представлялъ изъ себя прекрасный образчикъ раздраженнаго звѣря, который пробуждается въ бѣднякѣ во дни голода. Но хищникъ въ немъ долженъ обладать человѣческими стремленіями, которые не такъ разумны, какъ стремленія звѣря, потому что, не чувствуя больше голода, онъ отправляется завоевывать вещи, гораздо менѣе необходимыя, чѣмъ вареная пища.

— Необходимо выяснить мое положеніе, иначе я не смогу спать спокойно. Этотъ уголокъ природы—единственный, что остался здѣсь почти не тронутымъ. Онъ мнѣ нравится, я хочу сохранить его за собой.

Онъ пересѣкъ поле, съ трудомъ высвобождая ноги изъ топи, и, увидѣвъ одного рабочаго, поклонился ему очень вѣжливо, совсѣмъ снявъ свою размокшую шляпу.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ короткимъ и властнымъ тономъ,—вы можете мнѣ дать нѣсколько необходимыхъ указаній?

— Къ вашимъ услугамъ, — промолвилъ рабочій, добродушный парень крѣпкаго сложенія, хотя и очень блѣдный отъ тумана.

Они окинули другъ друга взглядомъ. Костюмъ того изъ нихъ, который обратился съ вопросомъ, былъ покрытъ грязью. Рабочій это замѣтилъ,—онъ, мѣсившій съ извѣстной цѣлью эту самую грязь своимъ багромъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ спокойнымъ тономъ, не-ожидая, пока его спросятъ,—не слѣдуетъ спать на землѣ. Это очень вредно въ эту пору.

— Мой другъ, спятъ тамъ, гдѣ можно,—возразилъ ему бродяга, раздраженный такой предупредительностью.—Я и подошелъ къ вамъ именно, чтобы узнать: нуженъ ли вамъ тотъ шалашъ, въ которомъ я устроился.

— Конечно, нѣтъ.

— Такъ, значитъ, меня оставятъ въ покоѣ?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Это бывшая сторожка, но вамъ гораздо было бы удобнѣе спать на гумнѣ. Тамъ соломы въ волю, лишь бы вы не заронили огня... А вы потребляете?

Онъ протянулъ ему кисетъ.

— Нѣтъ. Спасибо. Мнѣ хотѣлось бы знать: вся эта мѣстность принадлежитъ господину Давенелю?

— Мѣстность? Вся? Она принадлежитъ народу, правительству, всѣмъ, кому же еще? Давенель только управляющій, а не хозяинъ... А у васъ бывали исторіи съ правительствомъ?

Довольный подвернувшимся поводомъ отдохнуть, рабочій болталъ, набивая трубку и воткнувъ передъ собой свой желѣзный багоръ. Товарищи отошли далеко и были для него не такъ интересны, какъ этотъ неизвѣстный.

— Ладно! Я понимаю, что тутъ такое! У васъ бывали таки дѣла съ полиціей, такъ?—снова началъ крестьянинъ.

— Если вамъ сказалъ это Давенель, вашъ управляющій, то это должно быть правда. А мнѣ хотѣлось бы знать, гдѣ можно раздобыть кое-какихъ припасовъ. У меня есть немного денегъ, но я не хочу рисковать, показываясь въ сосѣднихъ деревняхъ.

— Прекрасно! Это, впрочемъ, вполнѣ понятно. Васъ должны разыскивать. Но здѣсь вы находитесь подъ нашимъ покровительствомъ. Вчера нашъ десятникъ передалъ намъ отъ имени завѣдующаго, чтобы всякій, кто встрѣтитъ чернаго человѣка, не обращалъ на него никакого вниманія. А завѣдующій это—самъ господинъ управляющій.

Не то что-то вродѣ смущенія, не то гордость помѣшали черному человѣку справиться о ремеслѣ этихъ людей, которымъ онъ представлялся какимъ-то благороднымъ смутьяномъ. Онъ попалъ къ нимъ, въ эту грязь безъ всякой предвзятой мысли, просто потому, что въ этотъ день ноги отказались ему служить. Къ чему ему спрашивать ихъ, что это за грязная работа, съ которой они возились передъ его глазами? Отсутствіе всякаго любопытства — лучшее достоинство человѣка.

Рабочій добавилъ:

— Въ той сторонѣ, гдѣ ясли барышни,—есть лавки. Большой навѣсъ съ витринами, который освѣщается по вечерамъ электричествомъ. Тамъ продаютъ все, что нужно нашему брату, и кромѣ того—вино, не плохое, потомъ табакъ... да, виноватъ, вѣдь вы не курите. Жаль! Здѣсь это необходимо противъ сквернаго воздуха.

— Вотъ оно что,—подумалъ черный человѣкъ.—Они боятся лихорадки. Они оздоравляютъ болото.

Онъ надѣлъ свою шляпу, осмотрѣлся и направился въ сторону голландской фермы по одной изъ прямыхъ, бѣлыхъ дорсжекъ.

Вдоль своего пути онъ насчиталъ съ дюжину маленькихъ домиковъ, довольно таки смахивающихъ на надгробныя часовеньки; у ихъ дверей, почти неизмѣнно, стояла женщина, отбирая салатъ.

— Кладбищенскія сторожихи,—подумалъ черный человѣкъ, скаля зубы.

Одна изъ этихъ хозяекъ указала ему болѣе короткую дорогу, чтобы добраться до лавочекъ. Залповъ артилеріи уже больше не было слышно: вѣтеръ перемѣнился. Тяжелая атмосфера, насыщенная отвратительной вонью, давила на голову, и испытывалось такое ощущеніе, точно вдыхаешь пары водяной ванны.

— Не легко мнѣ будетъ привыкнуть къ этой прекрасной природѣ,—молвилъ про себя бродяга.

На порогѣ лавки онъ остановился съ нѣкоторымъ колебаніемъ. Горничныя въ бѣлыхъ фартукахъ упаковывали корзины съ фруктами и размѣщали маленькія въ большихъ. На плитѣ кипѣли и пѣнились кастрюльки съ компотами и вареньями. Одинъ рабочій чистилъ землянику, и по пальцамъ его струилась ея гранатовая кровь.

Это былъ кооперативный магазинъ рабочихъ этого предпріятія. Основной капиталъ его составляли обратившіеся въ общую собственность овощи и фрукты, остатки отъ прошлогодняго сбора винограда и излишекъ пшеницы. Въ лавкѣ, устроенной благоразумными людями, все перепродавалось безпорядочнымъ товарищамъ по низкой цѣнѣ, хотя и съ небольшой прибылью, которая шла въ пользу одной служащей—жены надсмотрщика, очень искусно размѣщавшей товары на прилавкѣ... Здѣсь же находилась безконечно длинная столовая, вся уставленная столами съ бокалами, графинами и тарелками. Общій столъ для холостыхъ въ коопераціи Флашеръ отличался обильной и разнообразной пищей. Въ первый годъ былъ цѣлый потопъ суповъ, во второй — лавины овощей. Теперь аппетитъ поуменьшился, и стали ограничиваться маленькими порціями коллежей, безъ всякихъ сладостей мо-

настырскихъ пансіоновъ, потому что и безъ того достаточно разныхъ вареній. Свиньи на фермѣ пожирали фрукты мѣшками, и можно съ гордостью сказать о народѣ Флашеръ, что онъ свой избытокъ бросалъ свиньямъ.

Черный человѣкъ вошелъ, потребовалъ литръ вина и хлѣба. Служанки окружили его. Ихъ бѣлыя чепчики такъ и трепетали отъ любопытства.

— Какъ васъ зовутъ? Вы изъ общества? У васъ нѣтъ чека?.. А, вотъ что! Такъ это вы черный молодой человѣкъ? Это тотъ самый господинъ, который обѣдалъ у директора. Эрнестина, бутылку! Мы вамъ все подадимъ сію минутку.

Ставши сразу предметомъ вниманія столькихъ женщинъ послѣ того, какъ онъ, въ теченіе восьми дней, скрывался отъ людей, черный человѣкъ почувствовалъ себя совершенно ошеломленнымъ и пробормоталъ смущенно:

— Вы, барышни, очень любезны. Я вамъ очень благодаренъ, только я не принадлежу ни къ какому обществу...

Это произвело такое же впечатлѣніе, какъ если бы онъ объявилъ, что происходитъ изъ знатнаго рода.

— *Анархистъ!*—услышалъ онъ шепотъ.

Рабочій, провѣрявшій на грифельной доскѣ счетъ, обратился къ нему тономъ оратора со слѣдующими словами:

— А! Привѣтъ тебѣ товарищъ! Пусть будетъ счастливо появленіе твое между нами. Во Флашеръ живется мирно, и если ты усталъ—отдохни себѣ. Хозяева тутъ ничего! У тебя хватитъ времени для того, что бы поразмыслить. Впрочемъ, мы сами хозяева! Да здравствуетъ соціализмъ!

И этотъ парень, нѣсколько пошатываясь, протянулъ ему замазанную въ смолѣ руку.

— Давай чокнемся?

— Давай!

Они чокнулись. Получившія полное удовольствіе служанки смотрѣли, какъ они пили. Этотъ никому неизвѣстный молодой человѣкъ выпилъ все до дна. Въ маленькомъ городкѣ, создавшемся вокругъ голландской фермы, уже распространился слухъ, что онъ пожираетъ всякую живность цѣликомъ, какъ какой-нибудь дикарь!

Одна изъ горничныхъ дернула его за рукавъ.

— Не довѣряйтесь Клуелю! Это одинъ изъ ночной смѣны. Онъ всегда выпивши и устраиваетъ разныя глупости. Особенно не говорите ему ничего о вашихъ дѣлахъ. Пьяницы все равно, что шпіоны, они все передаютъ.

Черный человѣкъ усмѣхнулся.

— А-а!.. Сколько я вамъ долженъ?

— Ровно ничего! Господинъ Давенель открылъ вамъ кредитъ. Онъ—очень хорошій человѣкъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Я очень польщенъ. Меня принимаютъ, какъ принца. Ночлегъ, хлѣбъ и вино—сколько хочешь. Этакъ больше и не стоитъ убивать воронъ.

— Какихъ воронъ? Боже мой, несчастный! Онъ ѣлъ воронъ. Да вѣдь въ эту пору можно совсѣмъ пропасть! Вы должны спать съ нами.

— Вотъ какъ?—отвѣтилъ онъ, пристально глядя на дѣвушку.

Та покраснѣла и убѣжала, стараясь смѣяться, но ей было страшно. Взглядъ этого человѣка не былъ особенно успокаивающимъ.

— Вотъ, забирайте одѣяло и подушку, завтра вамъ пришлютъ новый матрацъ,—сказала самая старшая изъ служанокъ, женщина могучаго сложенія.

И она наложила ему въ руки цѣлую массу очень полезныхъ вещей.

— Однако я желалъ бы заплатить, денегъ у меня немного, но...

— До свиданія!—сказала толстая женщина, толкая его къ двери.

И онъ слышалъ, какъ внутри смѣялись надъ этимъ прекраснымъ соціалистическимъ фарсомъ. Такъ какъ у нихъ всего было вдоволь, а онъ ничего не имѣлъ, то имъ и не составило особаго лишенія надѣлить его, давъ ему тотъ излишекъ, отъ котораго, въ концѣ концовъ, отказывались и свиньи.

Онъ двигался, нагруженный, спотыкаясь о всѣ проволочныя изгороди, которыми позволилъ окружить себя покорный соціализмъ этого народа.

По дорогѣ онъ говорилъ самъ себѣ, говорилъ, а во рту было горько отъ только что выпитаго вина.

— Я думалъ, что гораздо труднѣе представиться анархистомъ. Какимъ счастіемъ считаютъ эти бѣдные люди встрѣтить гдѣ-нибудь на поворотѣ дорожки своего господина! Стоитъ случиться самому незначительному, нарушающему законы, выступленію силы противъ права, и они уже приходятъ въ восторгъ при мысли, что предъ ними на-лицо прекрасный поступокъ! Ихъ главный начальникъ дрожитъ за свои вишни и за свою популярность. Надзиратели настолько отвыкли отъ своей привычки пить съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ, что тотъ, кто пьетъ совсѣмъ одинъ, въ концѣ концовъ, заставляетъ ихъ уважать себя. Я хочу существовать на ихъ счетъ, не знаю, во имя какихъ принциповъ политической экономіи, просто потому, что они приняли меня за совершенно другой видъ. Безумное преступленіе тѣхъ, которые бросаютъ бомбы въ безвредныхъ созданій, кажется имъ въ тысячу разъ почтеннѣе преступленія того, кто захотѣлъ бы

отомстить своему врагу. Движенія инстинкта имъ кажутся допустимыми лишь тогда, когда они заранѣе регламентированы законами, цѣлой системой теорій, иначе говоря, тогда, когда они уже идутъ въ разрѣзъ съ самимъ инстинктомъ...

— Боже мой! какъ тяжело то, что я несу!...

И черный человѣкъ вздохнулъ, можетъ быть, даже и не думая вполнѣ опредѣленно о тѣхъ предметахъ, которые заполняли его руки.

Ощупью добрался онъ до своего шалаша, потому что ночь уже спустилась, безпросвѣтная, густая ночь, которая забиралась въ горло и душила, точно сажа. Замолкли залпы артиллеріи, и утихло глухое ворчанье земли. Въ деревнѣ загорѣлись лампы. Фермы, риги, всѣ маленькіе домики вдоль прямолинейныхъ дорогъ глядѣли сквозь слезы дождя своимъ единственнымъ глазомъ. Начиналось новое существованіе, болѣе нормальное. Жены встрѣчали мужей, возвращающихся съ полей, съ ношей травы на плечахъ, кричали дѣти, на столъ ставились кушанья. Г-нъ Давенель развертывалъ сверкающую, директорскую салфетку, сидя противъ своей дочери, которая мечтала, нюхая вѣтку розъ изъ корзины. Запирали окна. А онъ, неизвѣстный, оставался одинъ на открытомъ воздухѣ, во мракѣ, неся двойную тяжесть осужденія и жалости: король, не обладающій инымъ королевствомъ, кромѣ страха, несчастный, нищета котораго была мгновенной роскошью, а сверхъ всего—человѣкъ, способный на преступленіе, которое не смогла простить его собственная совѣсть, потому что онъ самъ осудилъ себя жить вдали отъ жизни. Изъ низости или изъ презрѣнія, но онъ не пожелалъ давать имъ свою долю труда. Онъ не былъ вмѣстѣ съ ними и не приносилъ имъ никакой пользы, потому что онъ не любилъ ни людей, ни землю, а еще меньше свѣтъ, общество... Онъ не любилъ ничего, потому что уже слишкомъ любилъ, любилъ неудачно.

Онъ вытянулся, кутаясь въ одѣяло.

— Спать! Спать! Все забыть! Ничто не можетъ сравниться съ тяготой *моего бремени.*

IV.

Ему не мало пришлось потрудиться, пока онъ спустился босикомъ по крутому берегу, переворачивалъ камни, копался въ прибрежной грязи въ поискахъ за червяками, и взбудоражилъ эту зеркальную поверхность, наводящую ужасъ своей неподвижностью! Она такъ черна, что за ней непремѣнно скрывается бездна чистоты.

По крайней мѣрѣ, уже въ десятый разъ закидывалъ онъ свою удочку, какъ вдругъ услышалъ женскій смѣхъ.

За ивами смѣялась женщина, и смѣялась надъ нимъ. Нѣсколько смущенный, онъ поднялъ глаза и увидѣлъ Маргариту Давенель. Вся въ бѣломъ, обрамленная зеленью, появилась она изъ-за рѣдкой завѣсы вѣтвей.

Онъ нашелъ это красивымъ.

Но, злой отъ нѣсколькихъ часовъ безрезультатной ловли, онъ не поклонился, даже не пошевелился, закинулъ снова удочку подальше и сталъ ждать невидимой рыбы.

— Что, клюетъ?—спросила Маргарита голосомъ, въ которомъ одновременно звучала боязнь и слышались покровительственныя нотки.

Прежде, чѣмъ отвѣтить, онъ, сжавъ плотно губы, разсматривалъ ее нѣсколько секундъ изъ-подъ своихъ тяжелыхъ вѣкъ. Ужъ не собирается-ли молодая изящная особа кинуть ему милостыню отъ своего изящества? А затѣмъ онъ оглядѣлъ и себя, все еще дѣлая видъ, что ищетъ въ коробкѣ червяка. Грязный и оборванный, угрюмый до того, что, глядя на него со стороны, становится страшно; изъ сапогъ, просящихъ каши, торчатъ пальцы; панталоны не застегиваются, а внизу обтрепались и напоминаютъ мокасины индѣйца. Въ этотъ великолѣпный солнечный день онъ рѣзалъ глаза своей нищетой, онъ пятналъ самое солнце этого неба богачей и насмѣшливыхъ дѣвушекъ. Онъ остался недоволенъ собой.

Она была въ бѣлой юбкѣ, очень моднаго фасона, спускавшейся къ травѣ легкимъ оваломъ, точно вѣнчикъ лиліи. Талія стянута поясомъ изъ бѣлой кожи со стальною пряжкой, искрившейся бѣлыми огоньками, такъ что было больно смотрѣть на нее. Блондинка, съ ротикомъ, краснѣющимъ точно сердце птички, подъ зонтикомъ пурпуроваго кретона, производила впечатлѣніе созданія, которое усиленно заботится о томъ, чтобы быть эффектнымъ.

— Нѣтъ, не клюетъ,—прорычалъ онъ, точно поднятый изъ берлоги медвѣдь.—Это не удивительно. Я слышалъ, что рыбы боятся даже тѣни простого носового платка.

Она посмотрѣла на землю, гдѣ не оказалось никакого носового платка. По ея жесту онъ заключилъ, что она обыкновенно одѣвается въ бѣлое, и очевидно, у ней и въ мысляхъ не было произвести какое-нибудь впечатлѣніе своимъ дѣвственнымъ нарядомъ.

— Ну, боятся напрестольной пелены, если вамъ это больше нравится,—пробурчалъ онъ.—Она роскошнѣе и еще болѣе ослѣпляетъ бѣдныхъ животныхъ.

— Такъ вы думаете, господинъ анархистъ, что это я

ихъ отпугиваю? Однако, вы не особенно любезны!—промолвила она, сохраняя свой тонъ робкаго любопытства.

— Господинъ анархистъ? Какъ, и вы то-же? это еще все продолжается?—ворчалъ онъ, поднимая голову и размахивая удочкой точно хлыстомъ.

Несмотря на свое отвратительное настроеніе, онъ нѣсколько смягчился, глядя на свѣтлое личико этой чистенькой барышни, сіявшее невинностью, граничащей съ глупостью, барышни, которая, казалось, была замѣшана на молокѣ съ розами и обвѣяна тонкимъ тщеславнымъ ароматомъ апельсиновыхъ цвѣтовъ.

У него мелькнула мысль, что безъ ореола своего краснаго зонтика она покажется не такой красивой, блѣднѣе, какимъ-то зеленоватымъ стебелькомъ, даже, можетъ быть, внушающимъ безпокойство.

А она рѣшительно прислонилась къ стволу большой ивы, вертя свой ореолъ и нервно перебирая вѣтки.

Въ этотъ прекрасный знойный день она намѣревалась произвести рискованный опытъ: сдѣлать ручнымъ мужчину.

И какого мужчину! Она не отдавала себѣ хорошо отчета въ томъ, что можетъ случиться, если онъ не отнесется къ ней съ должнымъ уваженіемъ: но такое животное, какъ онъ, выпущенное на свободу во владѣніяхъ отца, всегда находится въ зависимости оть ея доброй воли и долго не можетъ быть опаснымъ.

— Ну, милая барышня, не можете ли вы мнѣ объяснить, почему здѣсь не клюетъ?

Онъ вытащилъ удочку изъ воды и принялся очень заботливо ее свертывать. Свой снарядъ онъ устроилъ самъ изъ старой длинной жерди и нитки, найденной случайно. Онъ пригодится еще завтра на разсвѣтѣ, такъ какъ послѣ полудня, очевидно, рыба не идетъ.

— Да, я скажу вамъ... если вы будете вести себя благоразумно, господинъ анархистъ.

— Какъ, опять? Боже мой, будьте, какъ дома. А я отдохну.

Онъ растянулся, положивъ подбородокъ на кулаки и поднявъ къ ней глаза. Ея бѣлизна ослѣпляла его и нѣсколько раздражала. Ни рыбы, ни обѣда, да еще эта несчастная встрѣча съ барышней, навѣрно очень глупой, которая, того гляди, оскорбитъ его, разыгрывая изъ себя владѣтельную особу, полную состраданія.

Онъ разглядывалъ эту богатую дѣвушку и въ то же время испытывалъ скверное ощущеніе, такъ какъ ничто не въ силахъ заставить забыть старую ежедневную привычку—ѣсть.

— Почему же нѣтъ рыбы въ Сенѣ? Вѣдь передъ нами,

надѣюсь, Сена, если, конечно, вашъ папаша не измѣняетъ теченія рѣкъ для того, чтобы очищать эти... Авгіевы сады.

Маргарита еще быстрѣе завертѣла зонтикомъ, заранѣе предвидя эффектъ своего отвѣта.

— Да, это Сена... но въ ней нѣтъ рыбы, потому что вода отравлена...

— Эта вода, поверхность которой такъ напоминаетъ волнистый блескъ растопленнаго асфальта? Вотъ такъ везетъ мнѣ! Я, стало быть, ловилъ рыбу въ запретной рѣкѣ, захваченной господами заправилами крупной промышленности. Подыхай тутъ съ голода, нюхай всѣ эти нечистоты обожравшихся людей, которые изрыгаютъ свое состояніе черезъ пасти, обратившіяся въ канализаціонныя трубы! Дѣйствительно, барышня, есть отчего обратится въ анархиста, не будучи имъ...

— Развѣ вы не были имъ?

— Виноватъ. Я перестаю имъ быть, потому что мнѣ приходится добывать себѣ пропитаніе, подобно обыкновенному крупному капиталисту, который отдыхаетъ, удя рыбку. Вчера я смастерилъ удочку... Сегодня я собирался поѣсть жареной рыбки. Вѣдь это самая настоящая работа! А завтра я буду вынужденъ снова копаться въ вашихъ грядкахъ? Сырыя овощи не особенно вкусны, увѣряю васъ! А вороны—дичь черезчуръ жилистая.

— Отчего вы не попросите, чтобы васъ приняли въ рабочіе?

Гнѣвный взглядъ и ворчаніе дали другое направленіе этому разговору.

— Такъ, вы говорите, Сена отравлена? Какимъ же ядомъ, будьте добры? Химическими веществами? Я невѣжда, свалившійся съ луны. Я очень хочу, чтобы меня просвѣтили. Въ коллежѣ, гдѣ я оставался очень долго, я мечталъ о цвѣтущихъ берегахъ этой рѣки, которая мнѣ рисовалась чистой и прозрачной, а по берегамъ ея—маленькіе бѣлые барашки.

— Заводовъ далеко еще не достаточно, чтобы разогнать пискарей... Существуетъ громадный коллекторъ. Какъ могли вы, явившись изъ столицы, не знать, что ниже Парижа Сена несетъ всю грязь впадающихъ въ нее сточныхъ каналовъ?

— Дѣйствительно, я знаю, что, въ качествѣ баккалавра естественныхъ наукъ, я ничего не знаю. Такъ, значитъ, я долженъ простится со всякой надеждой на жареную рыбу?

— О! Совершенно. Вы только развеселите обитателей деревушки на томъ берегу, если они васъ увидятъ съ удочкой въ рукахъ. Меня даже удивляетъ, что не слышно

взрывовъ смѣха надъ вашимъ терпѣніемъ, со стороны тѣхъ, у кого такъ его мало. Къ вашему счастію, они почти никогда не заглядываютъ въ окна. Вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ здѣсь перестали ловить рыбу.

Она засмѣялась.

— Громадный коллекторъ!.

И онъ, со своей стороны, снова повеселѣлъ, благодаря этой очаровательной свѣтской дѣвушкѣ въ бѣломъ платьѣ, говорившей ему о непонятныхъ вещахъ.

— Можетъ быть, барышня, вы уже довершите вашу любезность и сообщите мнѣ такъ же, что это такое перегоняютъ въ вашихъ подземныхъ фабрикахъ? Ваши садовники носятъ очень странные сапоги, а на вашей землѣ, очень гостепріимной,—долженъ въ этомъ сознаться, такъ какъ меня еще до сихъ поръ не арестовали,—на вашей землѣ я засыпаю съ большимъ трудомъ: настолько мутитъ меня отъ какихъ-то испареній. У меня даже сдѣлалась лихорадка, клянусь вамъ!

Маргарита сидѣла на краю небольшого мыса, накручивая ивовую вѣтку на рукоятку своего зонтика. У нея была поза юной феи, поднявшей свой жезлъ, чтобы превратить потокъ нечистотъ въ рѣку брилліантовъ.

Однако она молчала, въ смущеніи.

Маргарита Давенель терпѣть не могла говорить объ этой *вещи*, потому что у нея было неприличное *имя*.

Эта плодоносная земля, съ чудовищной растительностью и сказочными урожаями, была отравлена, какъ и эти воды, медленно текущія, таинственно черныя отъ отбросовъ громаднаго города. Понадобилось все волшебство лѣта, вся ослѣнительность солнца, чтобы заставить забыть темныя глубины, своимъ первичнымъ ужасомъ подобныя горниламъ самой жизни, полныя хаоса, какъ ея чистилище.

Когда Маргарита была еще маленькой дѣвочкой, она слышала безконечные разговоры о самомъ *веществѣ*, а подросши, читала кучи отчетовъ, очень кичливыхъ, въ которыхъ *поля орошенія* величались раемъ земнымъ. Отъ всего этого у нея не осталось пріятныхъ воспоминаній. Единственная дочь человѣка съ большими претензіями, она постоянно смутно боялась за безупречность своего наряда дѣвушки-невѣсты, боялась, чтобы его не запятнала вся эта смрадная химія, изъ которой вышло ихъ состояніе, такъ же, какъ выростаютъ эти громадныя сахарныя дыни, желтыя и круглыя, на гнусномъ удобреніи, называемомъ по просту человѣческими экскрементами. Прекрасная темная земля, точно послушная губка, впитывала въ себя все зловоніе столицы, и долины, въ свою очередь, пропитывались всѣмъ ужасомъ

этой липкой грязи. Чудесная мѣстность, вся цѣликомъ, подвергалась самой ужасной профанаціи: болота должны были превращаться на ней въ клоаки, а навозъ—въ золото! Розы, колосья и грозди черпали свой питательный сокъ изъ пресловутыхъ человѣческихъ экскрементовъ! И по мѣрѣ того, какъ по девизу „все въ сточныя трубы!", всякая гадость текла изъ Парижа точно изъ прорвавшагося нарыва—Сена становилась чище, въ то время, какъ земля ея береговъ (эти цвѣтущіе берега, орошаемые Сеной) тучнѣла позорной плодородностью, струившейся изъ всей этой сокровицы города! Ассенизаціонное и буколическое садоводство! Да, хотя это и очень смѣшно, но это неопрятное дѣло заставило скрежетать зубами людей высшаго свѣта. Да, отецъ Маргариты носитъ орденъ, онъ украшенъ знакомъ отличія, пламенѣющимъ кровавымъ цвѣтомъ, за то, что первый руководилъ отрядомъ полевыхъ канализаторовъ, людей, дѣйствительно смѣлыхъ, изъ которыхъ нѣсколько пало мертвыми (на полѣ чести), слишкомъ надышавшись тѣхъ испареній, отъ которыхъ кружилась голова у анархиста.

Да, извѣстно, что этотъ славный солдатъ промышленности, теперь уже офицеръ, посвятилъ себя заботѣ о томъ, чтобы отдѣлить чистую воду отъ зловонной грязи, посредствомъ цѣлой сложной операціи дренажа, похожей на колдовство. И каждый годъ ему приходится давать министру земледѣлія (каждый разъ новому) пробовать успѣшные результаты этой чудесной, ужасной очистки. Да... нужно бы торжествовать...

Но были отчаянные протесты со стороны береговыхъ жителей... Маленькій городокъ, выстроившій свои игрушечные домики, казалось, обезумѣлъ отъ этихъ цвѣтовъ чумы, отъ этой рѣки, нѣкогда зеленовато-голубой, ставшей теперь черной, какъ асфальтъ, и отъ этихъ прямолинейныхъ зараженныхъ садовъ, тянущихся далеко, далеко до потери изъ виду, отъ всей этой грустной картины мирной деревни, отравленной захватывающимъ дыханіе гніеніемъ. Имъ обѣщали совершенно закрыть сточныя трубы черезъ десять лѣтъ. Многіе старые рыбаки, нѣкогда жившіе своей удочкой, были принуждены покинуть эту мѣстность, увеличивая собой число недовольныхъ. Были и крупные собственники, которые спасались, затыкая уши, а въ особенности носы! Изъ-за отравленія колодцевъ, фонтановъ, воды въ канавахъ—возникали тысячи судебныхъ процессовъ. Рушились каменоломни, благодаря внезапному вторженію въ нихъ отвратительныхъ потоковъ. Порывы западнаго вѣтра относили на цѣлые километры ужасное зловоніе, которое, точно зачумленный смерчъ, налетало на загородныя мѣста, наряд-

ныя виллы, охотничьи долины, павильоны для любовныхъ свиданій, откуда, потерявъ голову, спасались бѣгствомъ люди... а иногда даже и птицы.

Птицы, въ особенности соловьи, любятъ чистую воду. Они пьютъ изъ маленькихъ лужицъ, въ колеяхъ и выбоинахъ, но предпочитаютъ очищать ее сами, пренебрегая сложными требованіями современной гигіены. Маленькіе пѣвцы такъ разгнѣвались на постоянно мѣняющихся министровъ земледѣлія, что во Флашерѣ и вокругъ нея не осталось больше ни одного. Если розы сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, благоухаютъ здѣсь тяжелымъ ароматомъ, который можно признать великолѣпнымъ, то птицы всетаки не прилетаютъ на нихъ пѣть: то, что видятъ онѣ сверху, перехватываетъ имъ дыханіе. Только однѣ зловѣщія вороны, блистая жирнымъ довольствомъ, какъ сама черная земля, прогуливаются цѣлыми стаями, завоевывая, мало по малу, вполнѣ достойное ихъ владѣніе, эту страну молчанія и гнили.

Измѣнились также и виды насѣкомыхъ. Появились густыя тучи какихъ-то странныхъ комаровъ, поднимавшихъ своими нѣжными крыльями рябь на мутныхъ водахъ. Они не кусались, но осыпали дождемъ фрукты и мясо, которые почти внезапно начинали кишѣть прожорливыми червячками, всюду несшими съ собой гниль и разложеніе. Чудовищные черноватые кузнечики плодили отвратительныхъ личинокъ; травяныя вши со слоновыми хоботами пожирали овощи, отравляя ихъ своими выдѣленіями. Какія то, еще невѣдомыя до сихъ поръ, разновидности гусеницъ и червей устраивали себѣ свиданія на колоссальномъ ярко зеленомъ салатѣ, обливая его ядовитой слюной. Въ окрестностяхъ Флашеръ начинали отказываться отъ потребленія овощей съ этого проклятаго огорода, съ этого громаднаго кладбища, о которомъ уже вспыхивали блуждающіе огоньки легенды, разгораясь въ чрезмѣрно раздраженномъ, взбунтовавшемся воображеніи.

Петиціями не добились ничего. Выселенія имѣли не больше успѣха. Никто и никогда не былъ еще въ такой силѣ. Само правительство должно было спасовать. Оно, какъ и весь міръ, было подвержено заразѣ прогресса. Ему необходимо было зачадить деревню, чтобы очистить городъ. Не можетъ же оно истребить богатыхъ парижанъ, чтобы спасти любителей свѣжаго воздуха, слишкомъ бѣдныхъ для того, чтобы селиться въ раззорительномъ обществѣ опрятныхъ людей.

Маргарита Давенель съ грустью перебрала про себя всю эту грязь, вспомнила всѣ свои интимныя разочарованія, сидя съ опущенной головой передъ этимъ непутевымъ ма-

лымъ, котораго она считала счастливымъ потому, что онъ не знаетъ этой вещи... хотя, можетъ быть, и прекрасно знакомъ съ употребленіемъ самого *слова*. И Маргарита, богатая дѣвушка, трепетала отъ страха, чтобы онъ не разсмѣялся надъ ея убогой моралью, какъ могла смѣяться она сама надъ нищей одеждой бѣднаго парня.

— Значитъ, вы совсѣмъ не представляете себѣ, гдѣ вы находитесь? Вы и не знали о поляхъ орошенія Флашеръ пока не попали сюда?—промолвила она, наклоняясь, чтобы сорвать своими розовыми пальчиками какой-то красненькій цвѣточекъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, нѣсколько сконфуженный,— послѣ того, какъ я свалился въ канаву питомника съ вишнями и послѣ вашего милаго приглашенія на обѣдъ, я только и дѣлалъ, что отыскивалъ себѣ пропитаніе, да бѣгалъ отъ людей. Я совершенно не понимаю ничего. Впрочемъ, въ душѣ я подсмѣиваюсь надъ собой. Ѣсть, спать, можетъ быть, мечтать,—мнѣ больше ничего не надо. Я живу одинъ и желаю ничего не знать. Поля орошенія нагоняютъ на меня холодъ. Вообще, я—за все живописное противъ гигіены. Однако, позвольте мнѣ еще разъ выразить свое изумленіе по поводу крѣпости вашего организма. Вы чувствуете себя здѣсь, какъ... въ своей сферѣ! Что цвѣты выростаютъ еще бѣлѣе и еще прекраснѣе изъ всей мерзости и грязи ихъ родного навоза, это я прекрасно вижу, но какъ вы можете дышать этимъ... вы, молоденькая дѣвушка?..

Маргарита закрыла зонтикъ и сидѣла вся розовая, несмотря на отсутствіе своего пурпуроваго ореола. Она уловила струю симпатіи, лучъ вѣжливости среди презрѣнія этого молодого человѣка. Онъ былъ молодъ, несмотря на внѣшность старика. Пусть — анархистъ! Но онъ владѣетъ стилемъ, и, право, говоритъ точно по какой то плохой книгѣ.

Она возразила ему лихорадочнымъ тономъ:

— Боже мой, я привыкла! Разъ здѣсь живетъ мой отецъ, я должна жить здѣсь и чувствовать себя хорошо. Я рано потеряла мать, и, чтобы занять меня, мнѣ поручили управленіе домомъ. Не соскучишься, когда на твоихъ рукахъ хозяйство. Папа часто говоритъ, что мнѣ нужно развлекаться, но я предпочитаю одиночество. Парижанки, которыхъ я могла бы принимать, черезчуръ нервны и впечатлительны и представляются слишкомъ брезгливыми... отъ парижанъ же всегда рискуешь услышить какую-нибудь глупую любезность. И если я слыву гордой, то это только потому, что я хочу помогать директору Флашеръ въ его работѣ и не выношу докучливыхъ любезниковъ. Дѣло, кото-

рое намъ поручили, я нахожу прекраснымъ изъ-за его настоящихъ результатовъ и очень важнымъ для будущаго, когда оно вернетъ Сенѣ всю ея кристальную чистоту. И я,—прибавила она съ насмѣшкой,—всегда одѣваюсь въ бѣлое, чтобы доказать противникамъ полезныхъ работъ, что можно жить незапятнанной и... на подозрительной навозной кучѣ...

Она точно излагала ему мысли изъ какой-нибудь соціалистической брошюры. Онъ глухо засмѣялся.

— Это изумительно! Мы, кажется, созданы для того, чтобы не понимать другъ друга. Но что меня нѣсколько тревожитъ, такъ это то, что я подогрѣваю въ васъ намѣреніе обратить меня. Видите ли,—я люблю валяться въ грязи, но у меня хватаетъ цинизма признаваться въ этомъ. Но если бы мнѣ пришлось разсаживать капусту въ этой зловонной гнили, то все мое существованіе показалось бы мнѣ какимъ то сплошнымъ смѣшнымъ кошмаромъ. Вы должны примириться съ тѣмъ, что я являюсь самымъ почтительнымъ изъ анархистовъ... со сложенными на груди руками. Но мыть грязь, это—занятіе дураковъ!

Однако онъ нѣсколько возпламенился и сталъ мягче, глядя на эту молодую дѣвушку—нѣжный цвѣтокъ интенсивной буржуазной культуры. Кромѣ того, работа надъ преобразованіями черезъ посредство экскрементовъ,—право, стоитъ поисковъ абсолютнаго въ преступленіи. Мораль этого огорода—большая находка для всѣхъ бродягъ мысли: поэтовъ или политическихъ авантюристовъ.

Онъ прибавилъ:

— Почему, наконецъ, вамъ непремѣнно хочется, чтобы я былъ представителемъ анархіи въ королевствѣ вашихъ знаменитыхъ очищеній? Какъ возмутительна эта наклейка билетика на несчастное, вырванное съ корнемъ растеніе, которое обладаетъ очень скромнымъ намѣреніемъ жить какъ можно дальше отъ почвы.

— Лучшее средство чтобы засохнуть на корнѣ,—возразила Маргарита. И покачавъ головой, сказала серьезнѣе: — Но я сужу о васъ не по вишнямъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ мы читали въ газетахъ...

Мрачный человѣкъ вздрогнулъ и поднялъ надъ травой свое тоскливое лицо, казавшееся зеленоватымъ.

— Въ газетахъ! — бросилъ онъ кратко. — Ну что же вы узнали?

— О! Ничего, почти ничего! Только то, что какой-то молодой человѣкъ, высокій, худой, съ очень темными глазами бросилъ неразорвавшуюся бомбу на паперти одной церкви,

въ которой, впрочемъ, никого и не было. Мой отецъ думаетъ, что это—вы, такъ какъ того молодого человѣка не нашли.

Анархистъ снова вытянулся во всю длину, смѣясь своимъ смѣхомъ, напоминавшимъ звуки трещетки.

— Вотъ великолѣпное открытіе! Значитъ, полиція должна быть у меня за спиной?

И онъ растянулся поудобнѣе.

— Послушайте,—продолжала она осторожно, голосомъ, полнымъ расположенія,—мы еще ничего точно не знаемъ, и это даетъ мнѣ возможность васъ предостеречь. Когда ваша исторія будетъ намъ совершенно извѣстна, придется сообщить о васъ, что будетъ крайне непріятно. Съ другой стороны, совершенно немыслимо давать вамъ убѣжище въ... правительственномъ саду, въ государственныхъ владѣніяхъ! Наконецъ, насъ долженъ скоро посѣтить министръ земледѣлія, близкій другъ моего отца, и онъ, безъ сомнѣнія, явится въ сопровожденіи одного или двухъ агентовъ сыскной полиціи. Ваше присутствіе, во всякомъ случаѣ, можетъ испортить всю церемонію. Если бы вамъ понадобилась помощь для...

— ...Для того, чтобы быть повѣшеннымъ, что ли?

— Или, лучше сказать, если бы вы согласились переодѣться простымъ рабочимъ?

— Это—ловушка, милая барышня. Нѣтъ, спасибо. Перемывать грязь не согласенъ ни для какого правительства. Мнѣ наплевать на то, что изъ этого выйдетъ, я всегда успѣю нырнуть внизъ головою.

— Ни религіи, ни закона, ни Бога, ни хозяина... Вы не боитесь смерти, господинъ анархистъ?

— Я только боюсь васъ, потому что съ даннаго момента моя судьба таится въ васъ, какъ ядъ въ цвѣткѣ.

Теперь ужъ ей пришлось вздрогнуть, но дрожью пріятной, несмотря на все смущеніе отъ торжественной роли заговорщицы.

— Право же, я не скрываю никакого яда. Я только воспользовалась разговоромъ, вызваннымъ не мной, чтобы указать, что и за вами есть вина. Какъ васъ зовутъ?

— Фульберъ.

— У васъ нѣтъ семьи?

— Совсѣмъ круглый сирота. Можетъ быть, существуетъ еще одинъ старый дядя, который никогда не читаетъ газетъ и лишилъ меня наслѣдства послѣ моего выхода изъ коллежа.

— Но зачѣмъ,—воскликнула опрометчиво Маргарита, — бросать бомбу туда, гдѣ некого убивать?

— Вполнѣ женское разсужденіе! На самомъ дѣлѣ это

нелѣпо никого не убить... но передъ бомбой... что знаете вы!..

Ей стало страшно, и она поднялась. Этотъ необычайный человѣкъ говоритъ очень хорошо. И она чувствовала, что, не приручивъ его, сама сдѣлалась ручной. Черный и грязный, какъ покрывающая его кора лохмотьевъ, онъ обладалъ могучимъ очарованіемъ запретнаго плода, горькаго на вкусъ, но вносящаго разнообразіе въ надоѣвшую приторную сладость фруктовъ ея собственныхъ садовъ.

Ея голубые, какъ барвинки, глаза сіяли переливающимся блескомъ утренней росы.

— Поклянитесь,—прошептала она,—что вы не убійца. Я повѣрю вамъ.

Онъ тоже поднялся вдругъ, выросши до размѣровъ призрака, благодаря худобѣ своихъ членовъ.

— Вы были бы въ большомъ отчаяніи, если бы вамъ пришлось мнѣ повѣрить... Это, положимъ, все равно!.. Ну и разговоръ! Что за идиллія! И подумать только, что было невинное время, когда это доставило бы мнѣ удовольствіе! Нѣтъ. Я не клянусь. Я есть и остаюсь воромъ вишенъ, а вишни напоминаютъ крупныя капли крови, падающія съ неба. Кто можетъ поклясться, что не любитъ крови?.. Вы сами, развѣ вы увѣрены, что ненавидите меня такъ, какъ я того заслуживаю? Вы красивы, любопытны, горды, скучаете, значитъ—способны на все! Я прохожу и интересую васъ. Только вы не сумѣете развлечь меня. Такіе мозги, какъ мои, не легко поддаются чисткѣ. Ну, теперь — въ какую-нибудь другую канаву ожидать шпіоновъ министра, лучшаго друга вашего отца, или другой освобождающій конецъ. До свиданья.

Онъ направился въ глубь лѣса, машинально таща за собой свою жердь.

Маргарита, вся охваченная нервнымъ стремленіемъ, побороть которое было не по силамъ ея дѣтскому тщеславію, быстро пошла за нимъ:

— Господинъ Фульберъ!

— Что еще? — кинулъ онъ грубымъ тономъ каменщика, къ которому пристаетъ жена.

— Я никогда не донесу на васъ, никогда!

— А!.. кто же проситъ вашей милости?

— Не сердитесь, я хотѣла бы помочь вамъ спастись, мнѣ кажется, что вы заслуживаете этого.

— Спастись, благодаря женщинѣ! Нѣтъ! Покорно благодарю! Женщины наводятъ на меня такой ужасъ, что я не желаю ничѣмъ имъ быть обязаннымъ, даже жизнью!

И онъ удалился изъ этого салона зелени походкой принца, прекращающаго аудіенцію.

V.

Стаканъ воды.

Наступилъ день народнаго праздника. Съ самаго разсвѣта рабочіе Флашеръ, подъ искуснымъ руководствомъ м-lle Давенель, принялись украшать гирляндами и снопами палатку, предназначенную для пріема оффиціальныхъ гостей. Работа не утомительная, и ее уже могли дѣлать чуть ли не съ закрытыми глазами. Такъ нѣкогда, отъ матерей къ дочерямъ, переходило, ставшее почти механическимъ, — искусство украшать алтарь въ день Троицы.

На большомъ дворѣ голландской фермы, подъ платанами были растянуты сѣрые брезенты, которыми въ обычное время покрывали сѣно. Привязанные канатами, украшенными цвѣтами, они надувались и трепетали, какъ паруса корабля, плывущаго къ тропикамъ. День обѣщалъ быть страшно жаркимъ, а къ вечеру можно было ждать грозы.

Молодыя женщины, какъ пчелы, облѣпили громадную кучу полевыхъ маргаритокъ, бѣлыя звѣздочки которыхъ уже съеживались то тамъ то сямъ, точно больные пауки. При такой жарѣ не было никакой надежды сохранить распустившимися полевые цвѣты, которые вообще такъ трудно освѣжать, и которые къ тому же ровно ничего не понимаютъ во всей искусственности свѣтскихъ пріемовъ.

Каждый годъ, въ теченіе семи лѣтъ, наканунѣ обсуждались возможныя измѣненія въ украшеніяхъ для завтрашняго дня: вѣшать ли опять колоссальную, совершенно бѣлую гирлянду, имѣвшую такой успѣхъ въ первый годъ? Или прибавить къ бѣлымъ цвѣтамъ еще васильковъ и мака, чтобы придать болѣе національный характеръ? И каждый годъ перевѣсъ бралъ чистый бѣлый цвѣтъ, простыя маргаритки, безъ всякихъ другихъ цвѣтовъ: такъ какъ это, право, гораздо красивѣе и изящнѣе. Кромѣ того, барышню зовутъ точно такъ же, и невозможно найти болѣе подходящій моментъ, чтобы выразить все свое почтеніе молодой хозяйкѣ дома, выбравъ для украшенія ея сестрицъ, — маргаритки. Молодыя дѣвушки въ маленькихъ тюлевыхъ чепчикахъ, уже завитыя, надѣвъ безупречные полотняные фартуки, болтали нѣсколько жеманно и вели себя точно на гравюрахъ, изображающихъ деревенскія празднества. Черная работа будничныхъ недѣль въ зловонной грязи была забыта. Цвѣты и легкія ткани съ дѣвственной непринужденностью покрывали

землю, а вода, которою брызгали гирлянды, какъ будто пахла медомъ.

Маргарита Давенель составляла центръ группы. Въ батистовой блузѣ, отдѣланной тонкими кружевами и туго стянутой въ таліи корсажемъ зеленаго атласа, съ волосами, изящно заколотыми на затылкѣ золотой гребенкой—она была совсѣмъ готова принимать своихъ утреннихъ гостей: вѣдь это былъ ея праздникъ—19 іюля, день святой Маргариты, и, въ то же время, день пріема министра земледѣлія. Она сама была точно маргаритка—бѣлая и свѣтлая, простая и лучистая, съ золотымъ сердечкомъ, какъ и всѣ другія, только, безъ сомнѣнія, самая свѣжая изъ всѣхъ, такъ какъ еще никто не являлся сорвать ее и грубо втиснуть въ запутанное плетеніе брачнаго вѣнка. Волнуясь, съ воодушевленіемъ распоряжалась она среди этого восхитительнаго безпорядка, не присаживаясь ни на минутку. Было слышно, какъ она кричала:

— Плетите въ двѣнадцать рядовъ! Средняя гирлянда должна быть толстой, очень толстой! Люси, Жанна, Клемансъ... смотрите, въ вашемъ углу нужно прибавить еще. Дайте ка мнѣ сюда пучекъ, и сюда... Подъ букетомъ надо спустить фестономъ! Что вамъ жалко цвѣтовъ?!.

И гирлянда тянулась, округлялась, превращалась въ исполинскую змѣю, бѣлую съ желтыми пятнами, ползла вверхъ мачтъ, ложилась пушистымъ кружевомъ вдоль столовъ, поднималась тяжелыми подхватами съ двухъ боковъ палатки, какъ разъ противъ дороги, по которой долженъ прибыть министръ.

Давенель, въ новомъ сюртукѣ, прохаживался съ дѣловымъ видомъ, руководя садовниками, размѣщавшими щиты съ традиціонными буквами R. F., сдѣланными изъ овощей, и корзины съ фруктами, которые были уложены точно наперекоръ всѣмъ законамъ равновѣсія. Вся эта толпа гудѣла, какъ улей подъ уже жгучими лучами солнца. Поѣли на ходу, но за то не разъ останавливались, чтобы выпить. Такой знаменательный день!.. день законной гордости для всѣхъ работающихъ на поляхъ орошенія, день правительственныхъ поздравленій! Какъ въ доброе старое время, на дворѣ стояли двѣ бочки съ бѣлымъ и краснымъ виномъ, и къ нимъ ходили пить за здоровье барышни. Пришли ребятишки, нагруженные букетами. Нѣкоторые притащили птицъ: пару голубей, маленькаго скворца, щегленка еще въ гнѣздѣ. Маргарита, кромѣ цвѣтовъ, любила и птицъ, и ей доставляли ихъ въ большомъ количествѣ, конечно, за ея деньги, которыя были совсѣмъ чистыя и не пахли, также какъ не имѣла запаха лучистая звѣзда ея тезки. Маргарита благодарила

нѣсколько свысока, цѣловала, жала руки, матерински раздавала леденцы и пирожныя и разсказывала о фейерверкѣ, который прислали изъ Парижа еще вчера. На этотъ разъ предстоитъ изумительное зрѣлище!... Между тѣмъ, ея отецъ изводилъ всѣхъ своими вопросами. Прочистили ли еще разъ лужайку? Блестятъ ли мѣдныя части котловъ и аппаратовъ? Хорошо ли усыпаны пескомъ столовыя для рабочихъ? Онъ всюду заставилъ разложить душистыя травы и велѣлъ накурить мятой въ погребахъ, близко прилегавшихъ къ *подпочвѣ*. Обливаясь потомъ, сопя и ворча, онъ стремился побывать всюду, а когда ему только что сообщили шепотомъ, что для банкета не хватитъ льду, потому что совсѣмъ неожиданно испортилась машинка для его приготовленія, то господинъ директоръ пришелъ въ ужасъ и сталъ ругаться. Какъ разъ, когда необходима холодная вода! А развѣ ее можно пить безъ льда! Онъ бросился къ кухнямъ, оставивъ свою дочь съ гримасой отвращенія, застывшей на ея губахъ. Для нея вся эта церемонія со стаканомъ воды, этотъ оффиціальный ритуалъ не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ она сама пила только минеральную воду.

Въ этомъ году министромъ земледѣлія былъ школьный товарищъ директора Флашеръ, и праздникъ усугублялся пріемомъ стараго друга. Докторъ Гаро, демократъ апоплексическаго сложенія, славный малый, очень некрасивый и нѣсколько простоватый, принимающій слишкомъ близко къ сердцу кризисъ свекловичнаго производства и постоянный застой въ торговлѣ виномъ, явится, какъ министръ, и при всѣхъ будетъ на ты со своимъ старымъ пріятелемъ. Это должно произвести впечатлѣніе, во всякомъ случаѣ, на всю домашнюю челядь... Въ полдень раздадутся звуки скромнаго оркестра кооперативнаго общества, который будетъ играть національный гимнъ. Небольшой автомобиль, разубранный національными флагами, остановится передъ одной изъ аллей розъ и, съ видомъ изящной игрушки, разрѣшающейся отъ бремени чудовищемъ, спуститъ на землю толстаго, краснощекаго министра — великаго распредѣлителя наградъ за заслуги по земледѣлію, еще совсѣмъ крѣпкаго (ему не больше сорока пяти лѣтъ), съ необычайно здоровымъ цвѣтомъ лица, точно отмѣченнаго радикальной краской.

Горничная барышни, Полина, замѣтила, между прочимъ — зачѣмъ? — что этотъ министръ еще не женатъ. Отъ этого уваженіе къ нему не увеличилось, но за то этотъ холостякъ заставилъ всѣхъ дѣвушекъ думать о себѣ, какъ нѣкогда заставлялъ трепетать всѣхъ дѣвственницъ своей округи сеньоръ-феодалъ. А между тѣмъ, бѣдный министръ никакъ не могъ сойти за Донъ-Жуана: близорукій, съ кривымъ но-

сомъ, съ рѣдкой растительностью, несвязной рѣчью и съ далеко выдающимся впередъ животомъ, какъ у Гамбетты, которому онъ очень слабо старался подражать, онъ не обладалъ обаяніемъ трибуна, а тѣмъ болѣе—притязаніями обольстителя. Однако молодыя дѣвушки уже такъ устроены, что самый некрасивый, холостякъ не можетъ появиться на ихъ горизонтѣ безъ того, чтобы не вызвать у нихъ интереса къ себѣ по какому-нибудь хорошему или дурному поводу...

— Кого, барышня, помѣстить у нихъ съ правой стороны? Опять, какъ и послѣдній разъ, посадить за столъ ребенка, который преподнесетъ букетъ?—спросила Полина съ большимъ возбужденіемъ.

— Нѣтъ, я думаю будетъ гораздо удобнѣе не сажать вмѣстѣ съ нами невоспитанную дѣвченку. Вы помните, какая ерунда вышла изъ этого!

И Паулина поняла, что барышня сама займетъ мѣсто рядомъ и, можетъ быть, даже сама преподнесетъ букетъ, который она приказала связать изъ бѣлыхъ цвѣтовъ: маргаритки, туберозы и чайныя розы. Заканчивая украшать палатку для пріема почетныхъ гостей, Маргарита принялась мечтать. Горничная обронила магическое слово: холостой! Министерскій портфель... вѣдь не освобождаетъ отъ брака! Холостой? Министръ холостой? Да развѣ это можетъ долго длиться? Ахъ, какими только способами, должно быть, не ловили этого холостяка наслѣдницы всякихъ ранговъ! Дѣвушки аристократки, дѣвушки изъ крупной буржуазіи, дѣвушки просто изъ тѣхъ великихъ авантюристокъ, которыя осмѣливаются нераздѣльно связывать наслажденія съ политикой. Ахъ! Какъ должны пылать мозги у тѣхъ молодыхъ особъ, которыя регулярно ѣздятъ по баламъ такъ же, какъ охотники ходятъ на охоту!.. Благодаря своей привычкѣ читать романы, Маргарита очень легко придумывала разныя романическія исторіи, которыя она сплетала изъ нѣсколькихъ вѣтокъ реальности, украшая ихъ цвѣтами, перепутывая нитями своего воображенія. Въ день торжественнаго празднества холостой министръ можетъ смутить душу любой молодой честолюбивой особы, если только она нѣсколько потрудится подумать о немъ. Выйти замужъ за министра... да... но за такого некрасиваго и толстаго!.. А, впрочемъ, что такое некрасивый мужчина? Это просто прекрасный фонъ, на которомъ такъ ярко и выпукло выступаетъ вся красота женщины. Мысли о бракѣ смѣнились мыслями о любви. Можно ли полюбить некрасиваго мужчину? Маргарита вдругъ бросила возиться съ гирляндами и вошла въ домъ, гдѣ, въ этотъ ранній часъ, не все еще было убрано. Она пропустила мимо ушей слезныя просьбы двухъ горнич-

ныхъ, разставлявшихъ на столикѣ холодныя блюда, и поднялась къ себѣ, съ лицомъ, ставшимъ внезапно совсѣмъ непроницаемымъ. Она порылась въ ящикѣ и достала номеръ иллюстрированнаго журнала, гдѣ была помѣщена фотографія новаго министра. Онъ былъ снятъ во весь ростъ, съ кулакомъ, тяжело опущеннымъ на трибуну. Не дуренъ, какъ типъ яраго соціалиста, только... немного бы побольше волосъ ему... И потомъ—любовь... Она наклонилась надъ своимъ зеркаломъ. Сегодня она, право, такая красивая! Эта кофточка такъ удачно вздымается на груди, поясъ зеленаго шелка такъ плотно облегаетъ талію, а волосы лежатъ точно королевская діадема (вѣдь кое-что изъ внѣшности королевы не мѣшаетъ той, которая хочетъ прельстить собой радикальнаго министра). И потомъ... и потомъ...

— Какая дура, эта Полина!—прошептала она, уже заранѣе сердясь на свою неудачу.

Любовь! И тотчасъ же, не представляя себѣ вполнѣ ясно всей рѣзкости и неожиданности такого направленія фантазіи, она подумала объ анархистѣ.

Этотъ тоже не особенно привлекателенъ, но за то онъ молодъ и обладаетъ обаяніемъ тайны. Можно разыграть прекрасную сцену: обратить на себя вниманіе притворнымъ испугомъ, конфиденціальнымъ разговоромъ. Задержать министра гдѣ-нибудь за портьерой или въ саду около розъ, показать ему вотъ такъ свой профиль,—она снова нагнулась къ зеркалу,—и съ расширившимися отъ плохо скрываемаго ужаса глазами, слегка стуча зубами, прошептать прерывающимся голосомъ, съ волнующеюся грудью: „Господинъ министръ, мой отецъ вамъ не сказалъ... Я... я думаю, что мой долгъ... если дѣйствительно онъ опасный человѣкъ, если онъ явился съ новой бомбой или съ кинжаломъ? Вы такая важная особа (толстая въ особенности!), нашъ священный гость (она подыскивала подходящее слово, какую-нибудь трогательную фразу)... Наконецъ, господинъ министръ, я должна признаться вамъ въ своемъ смущеніи: у насъ тутъ находится анархистъ, и съ той минуты, какъ я васъ увидала, я думаю только о возможной опасности“. Онъ былъ бы совсѣмъ дуракомъ, этотъ министръ-холостякъ, если бы, въ самый моментъ избавленія отъ мнимой опасности, не замѣтилъ, болѣе, чѣмъ реальной, красоты своей избавительницы... и тогда... Правда, она поклялась анархисту, что не донесетъ на него, но ея сердечныя дѣла не подвинутся впередъ ни на іоту безъ переворота, безъ преступленія, одного изъ тѣхъ, на которыя толкаетъ разсудокъ... Ну, а какъ же насчетъ любви? И опять ея фантазія приняла совершенно иное направленіе.

Ея воображеніе бурлило, какъ *подпочвенныя силы* той чудесной мѣстности, гдѣ она жила, и дѣйствующимъ лицомъ новой исторіи явился анархистъ. Ей представилось, что этотъ мрачный человѣкъ, тоже холостой, какъ министръ, подкладываетъ бомбу подъ министерское кресло, взрываетъ такъ заботливо сервированный столъ, министра, отца, а ее самое, сокровище, оставшееся нетронутымъ, похищаетъ и хранитъ, какъ заложницу, въ своемъ логовищѣ въ Парижѣ.

Спокойно разглядывала она *въ своемъ зеркалѣ* картину всей этой бойни. Министръ, которому необходимо нужно было жениться, чтобы царствовать въ высшемъ соціалистическомъ свѣтѣ и имѣть салонъ, откуда исходили бы судьбы Франціи, лежалъ пластомъ, ужасный и въ то же время смѣшной: его громадный животъ лопнулъ и оттуда лѣзли кишки; отецъ вытянулся, съ пробитымъ лбомъ, раскинувъ крестомъ руки; горничныя, дѣти изъ яслей, рабочіе фермы бѣжали во всѣ стороны, отчаянно крича и посылая проклятія. Только онъ одинъ, этотъ черный человѣкъ, сатанинскій и свирѣпый, смѣялся, связывая ей руки, чтобы она не могла сопротивляться...

— Барышня,—раздался голосъ кухарки, которая вдругъ появилась съ поникшей головой на фонѣ ея кровавой мечты:— барышня, не хватаетъ перловой крупы для супа!

Понятно, что Маргарита только пожала плечами.

— Ну, сдѣлайте тогда, вмѣсто перловаго—Сень-Жерменъ,— отвѣтила она спокойнымъ тономъ.

— Значитъ, придется подчистить меню и переправить?

— Вы думаете, что кто-нибудь замѣтитъ? Просто прибавьте въ меню еще супъ и подавайте его, не упоминая о другомъ.

Кухарка исчезла. Маргарита рѣшила заняться пока ногтями. Да, выйти такъ замужъ было бы совсѣмъ не дурно! Только вотъ скверная репутація Флашеръ, этотъ *запахъ ея приданаго*! И вдругъ голубые глаза Маргариты почернѣли отъ ненависти. О, какъ ей были отвратительны ея положеніе, домъ, состояніе и эта тупая стойкость отца! Романы, драмы, любовныя похожденія развѣ они возможны для дочери фабриканта, обрабатывающаго человѣческіе экскременты? Она была рождена на навозѣ, росла на немъ, и если ея красота оказалась такой свѣтлой и блестящей, то развѣ для всѣхъ, для министра, какъ и для анархиста, она не является продуктомъ отвратительной и смѣшной промышленности? Ея безупречныя одежды имѣютъ мрачную *подкладку*. Существуетъ вещь и существуетъ слово, и всѣ оффиціальныя торжества не уничтожатъ этого позора очищать отбросы подъ гирляндами цвѣтовъ.

При этой мысли маленькая ногтечистка изъ слоновой кости сломалась въ рукахъ дѣвушки.

А подъ окнами кричалъ отецъ:

— Маргарита! Маргарита! Ты, кажется, совсѣмъ съ ума сошла? Цѣлый часъ отъ тебя не добьешься ключей отъ бѣльевой.

Она снова спустилась внизъ, со спокойнымъ видомъ, корректная и вѣжливая, точно олицетвореніе благоразумія, жертва своего героическаго долга. Она молчала, она будетъ молчать. Она не станетъ ни доносить на анархиста, чтобы спасти министра, ни предавать министра, чтобы спасти анархиста. Она прекрасно знаетъ, что жизнь плоска и урегулирована, и что ничто случиться не можетъ. Къ великимъ міра сего нужно приближаться съ большимъ уваженіемъ, потомъ забыть или объяснить, что лежитъ на сердцѣ, любовь или честолюбіе, и затѣмъ... оставаться совсѣмъ незамѣтной дѣвушкой изъ буржуазіи, засахарившейся въ своемъ хорошемъ воспитаніи. Нѣсколько позже, за обѣдомъ, когда почетные гости принялись очень мудро разсуждать объ улучшеніи свеклы, она сама смѣялась надъ собой.

Впрочемъ, она всетаки была королевой, которой очень, хотѣлось сдѣлаться пастушкой. Прежде всего, стать чѣмъ-нибудь другимъ, и перестать заниматься, подъ цвѣтами внѣшней банальности, перегонкой самыхъ отвратительныхъ отбросовъ своего мозга.

Въ этотъ торжественный день она чувствовала себя въ высшей степени готовой на все. Ея красота приводила ее въ отчаяніе. Она убѣжитъ въ одно изъ такихъ утръ, исчезнетъ, захвативъ съ собой свои деньги и свои драгоцѣнности, она уйдетъ, куда глаза глядятъ, лишь бы отдѣлаться отъ своего имени, и будетъ трудиться, все равно какъ и гдѣ. Она не рѣдко завидовала своей горничной Полинѣ, совершенно простой дѣвушкѣ, съ которой безъ всякихъ стѣсненій заигрывали мужчины. Кто можетъ рѣшиться тронуть дѣвушку изъ общества?.. Выйти замужъ за буржуа изъ своего круга... напримѣръ, инженера, явившагося осматривать трубы полей орошенія? О нѣтъ! Этого никогда не будетъ! Лучше убѣжать или увянуть на стеблѣ! Принцесса или ничто!

Немного раньше полудня, при звукахъ оркестра Флашеръ, прибылъ автомобиль и привезъ десятка два господъ во фракахъ, подъ мягкими лѣтними пальто или свѣтлыми накидками англійскаго покроя. Министръ былъ въ соломенной шляпѣ (очаровательное нововведеніе). Издали настоящимъ министромъ казался господинъ Давенель въ своемъ великолѣпномъ цилиндрѣ. Отецъ Маргариты въ орденахъ, чув-

ствуя на себѣ расположеніе и довѣріе правительства, шелъ легко и бодро съ видомъ человѣка, который больше ничего не желаетъ. Онъ, конечно, не ломалъ себѣ головы надъ бракомъ дочери, и у него даже въ мысляхъ не было имѣть какіе-нибудь планы на громоздкую особу толстаго Гаро. Дочь его не хотѣла идти замужъ, и онъ былъ этимъ очень доволенъ, такъ какъ для подобныхъ пріемовъ ему была необходима тактичная хозяйка дома. Время отъ времени онъ глубоко вздыхалъ, какъ бы нѣсколько запыхавшись подъ тяжестью государственной колесницы, но, на самомъ дѣлѣ, онъ просто вдыхалъ воздухъ своей атмосферы, благовонныя свойства которой ему казались все еще не достаточно благовонными. Становилось ужасно жарко. Временами въ волны аромата розъ врывались какія-то странныя испаренія, точно затхлый запахъ скотнаго двора, вонь разложенія, замаскированная химическими продуктами. Ничто не было въ силахъ скрыть позорную подпочву полей орошенія, и ихъ директоръ, несмотря на всю свою привычку, чувствовалъ этотъ вѣтерокъ и по его особенному запаху зналъ точно, съ какой онъ стороны. Гаро, испытывая судороги въ желудкѣ, вытиралъ мокрый лобъ. Онъ тоже думалъ о свойствахъ этой атмосферы, но въ какомъ общественномъ дѣлѣ не бываетъ тяжелыхъ минутъ? При первой публичной встрѣчѣ, старые пріятели не говорили другъ другу „ты", чтобы не повредить эффекту произносимыхъ рѣчей. Темами служили вѣчное процвѣтаніе фермы-школы и недавній законъ о сахарѣ. Министру былъ представленъ старый служащій Жакелуаръ, добивавшійся разрѣшенія открыть въ сосѣднемъ городкѣ табачную лавку. Такой же чести удостоился и счетоводъ Гофруа, изложившій въ стихахъ свои почтительныя чувства. Затѣмъ направились къ столу, подъ звуки оркестра, выбрасывавшаго цѣлые потоки какой-то кисленькой мелодіи, которые однако совершенно не освѣжали воздуха.

Маргарита уже стояла у входа въ палатку для пріема оффиціальныхъ гостей, какъ вдругъ ее осѣнила совершенно новая идея. Сорвать фартукъ со своей горничной и повязать его себѣ—было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, и, засунувъ одну руку въ карманчикъ, она другой протянула свой дѣвственный букетъ, прошептавъ:

— Господинъ министръ, ваша преданная служанка къ вашимъ услугамъ.

Правда, это не было особенно остроумно, но за то какъ разъ въ тонъ всему сельскому празднеству. Министръ, поддавшись свободѣ деревенскихъ нравовъ, отечески поцѣловалъ молоденькую выдумщицу, говоря:

— Ваша дочь, мой милый Давенель, лучше всего доказываетъ собой, что самые прекрасные цвѣты только здѣсь могутъ достигнуть полнаго расцвѣта своей красоты и такой нѣжности аромата.

Эта неудачная фраза перевернула всѣ проекты Маргариты. Онъ прямо попалъ въ самое больное мѣсто ея души, дотронулся до раскрытой раны, отъ которой подымались всѣ муки жизни этой непорочной дѣвушки.

— Маргаритки ничѣмъ не пахнутъ, господинъ министръ,— сказала она немного насмѣшливо.

Поставленный въ большое затрудненіе своимъ букетомъ, Гаро положилъ его къ себѣ на тарелку.

— Нѣтъ, пахнутъ, пахнутъ, — отвѣчалъ простакъ. — Немного муравьями, если ихъ понюхать очень близко. Совсѣмъ безъ запаха, хорошаго или дурного, цвѣтовъ нѣтъ, и, по мнѣнію китайцевъ, самый нѣжный и пріятный запахъ издаетъ асса-фетида.

Не зная имени дочери своего лучшаго друга, бѣдный докторъ-земледѣлецъ все больше запутывался по своему простодушію. Ему представили дѣтей, продекламировавшихъ нѣсколько подобающихъ случаю стиховъ, въ которыхъ имя царицы этихъ мѣстъ соединялось съ титуломъ отца земледѣлія. Тогда Гаро, чтобы уже окончательно закрыть для себя душу дѣвушки, вернулъ ей букетъ со вздохомъ облегченія!

— Предлагаю васъ самихъ —вамъ же самимъ, моя прелестная сосѣдка.

Маргарита, совершенно разочарованная, должна была ѣсть, когда ей совсѣмъ не хотѣлось, и быть любезной, когда къ этому не было никакого повода. Кромѣ того отецъ бросалъ на нее молніеносные взгляды, боясь, какъ бы не нарушилась стройная послѣдовательность блюдъ.

Хватитъ ли льда? Не испортилось ли вино? (Всѣ мѣстныя вина получали въ погребахъ, благодаря инфильтраціи, особый привкусъ). Къ счастью, разговоръ сталъ общимъ. Одинъ изъ преподавателей разсказывалъ, какими мѣрами боролся муниципалитетъ съ мѣстнымъ очень крупнымъ землевладѣльцемъ, который самымъ рѣшительнымъ образомъ заперъ рѣшетки своихъ фруктовыхъ садовъ передъ вторженіемъ искусственныхъ удобреній. Спеціальные журналисты обсуждали размѣры овощей, дѣйствительно приводящіе въ полное изумленіе. Маленькій блондинъ, очень напомаженный, говорилъ о ближайшемъ закрытіи громаднаго коллектора и о побѣдѣ работъ по оздоровленію воды.

— Чудесная кухня, мой милый!—заявилъ министръ, наклоняясь къ уху Давенеля послѣ тюрбо съ соусомъ изъ капорцевъ.

— О!—замѣтилъ тотъ смущенно,—этотъ проклятый жаръ портитъ все. Мы собирались угостить тебя *нашей регентшей*, но, снятая утромъ, она къ полдню становится уже негодной для варки.

Регентшей называлась цвѣтная капуста, чудовищное произведеніе южной разсады, подобіе гигантскаго шара бѣлой слоновой кости. Какой-то новый, страшный, бѣлый червякъ уничтожалъ ее вотъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ. Почти невидимый, онъ сливался съ самимъ тѣломъ капусты, онъ быстро росъ и развивался, какъ только капуста была снята съ грядокъ и отдѣлена отъ корня.

Женщины, занимавшіяся чисткой овощей во Флашеръ, поднимали отчаянный крикъ при одномъ его видѣ.

— У васъ должна быть прелюбопытная коллекція насѣкомыхъ,—замѣтилъ министръ, вытирая съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ ротъ послѣ вина.

Принялись перечислять по именамъ враговъ растеній. Прежніе совершенно ничего не стоили въ сравненіи съ новыми, которые какъ будто увеличивались въ размѣрахъ и мѣняли свой внѣшній видъ сообразно чудовищнымъ измѣненіямъ улучшенныхъ овощей. По мнѣнію завѣдующихъ отдѣльными отрядами рабочихъ на поляхъ орошенія, всякіе экскременты, такъ повышающіе плодородіе почвы, необходимо должны служить къ процвѣтанію живущаго въ ней отвратительнаго племени червей. И человѣческіе экскременты, называвшіеся изъ приличія „послѣдней методой“, конечно, имѣли и свою дурную сторону. Такъ, напримѣръ, салатъ...

Въ этотъ моментъ завтрака загорѣлся страстный споръ между старшими садовниками и представителями прессы, которые подняли цѣлую войну, нѣсколько смѣшную, противъ новыхъ сортовъ салата. Почему не удается обезвредить салатъ? Врагъ не безсмертенъ, и свободно можно, регулируя умѣло количество химическихъ веществъ, убивать въ самомъ зародышѣ грозныхъ паразитовъ. Нужно только знать, чего въ какой дозѣ прибавить.

— Доза! Все въ ней!—воскликнулъ министръ, снова найдя свой голосъ трибуна и вспоминая то, что онъ когда-то училъ въ Латинскомъ кварталѣ.

Мило перемѣшивая старыя клиническія исторіи и факты приложенія современной химіи, онъ говорилъ о процессѣ развитія безконечно малыхъ, о микробахъ. Такъ продолжалось до дессерта. Тогда онъ всталъ и поднялъ свой стаканъ, который только что наполнили кристальной водой:

— Въ этой водѣ, такъ безупречно чистой, намъ чудится зараза...

Крестьяне, рабочіе слушали его на другомъ концѣ стола съ раздувающимися ноздрями. Значитъ, больше нельзя ни ѣсть, ни пить? Свѣтлая вода, которая трепетала надъ ихъ головами точно недосягаемый брилліантъ, казалось бросала имъ вызовъ своей иронической чистотой.

— Да, господа и дорогіе сограждане, чистая вода не можетъ быть совершенно чистой, а между тѣмъ, эта еще наиболѣе безвредная. Вы всѣ знаете, откуда она...

Въ самомъ дѣлѣ она вышла оттуда... профильтрованная землей полей орошенія!

Господинъ министръ, стоя, сдѣлалъ иносказательный жестъ своего предшественника, тотъ же самый, что они видѣли и годъ назадъ, но онъ показался еще болѣе остроумнымъ и естественнымъ. Министръ пилъ этотъ стаканъ воды, „относительно чистой", за преуспѣяніе полей орошенія, за столь заботливое правительство, за славу директора.

— ...За тебя, мой старый другъ, руководящій твердой и заботливой рукой скромными тружениками, собравшимися вокругъ насъ въ этотъ день праздника.

Подготовленный эффектъ! Онъ пилъ за молодыхъ дѣвушекъ, за цвѣты, за овощи, онъ выпилъ бы даже за новыхъ паразитовъ, если бы вспомнилъ о нихъ, но, очень кстати, онъ забылъ про громаднаго бѣлаго капустнаго червя.

Раздался громъ аплодисментовъ, заигралъ оркестръ.

Маргаритѣ казалось она видитъ тяжелый сонъ. Она принуждала себя вслушиваться, и ей почудился странный трескъ бьющихся тарелокъ, не то звонъ фарфоровыхъ черепковъ, не то звуки смѣха... Они шли оттуда, со стороны воротъ. Это кто-то смѣялся въ толпѣ зѣвакъ, около столовыхъ для рабочихъ. За столомъ, накрытомъ на пятьдесятъ человѣкъ, собрались бѣдные окрестныхъ деревень. Тамъ были и робкіе нищіе, и очень подозрительные бродяги. Одинъ изъ нихъ, должно быть, прыснулъ со смѣху, увидавъ министра пьющимъ воду, когда передъ нимъ стоитъ бутылка прекраснаго шампанскаго съ золотой головкой.

Маргарита вздрогнула. А если это анархистъ? Это могъ быть только онъ. Освободившись отъ заботъ о докторѣ Гаро, который отправился подъ руку со своимъ лучшимъ другомъ осматривать земледѣльческія работы, она пошла въ столовыя для рабочихъ. Тамъ еще ѣли и пили чистое вино. Поучительныя рѣчи такъ подѣйствовали, что здѣсь совсѣмъ избѣгали прибавлять воды, чтобы не ввести въ себя какого-нибудь микроба. Отъ этихъ простыхъ людей Маргарита получила массу комплиментовъ, правда, нѣсколько грубоватыхъ; вытерла носъ маленькому оборванцу съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, который также хотѣлъ ее поздравить.

Фартукъ горничной, не снятый ею, такъ какъ она прислуживала г. министру, вызвалъ плутоватую улыбку на лицахъ всѣхъ этихъ бѣдняковъ, Богъ знаетъ откуда явившихся, но, во всякомъ случаѣ, конечно, не только изъ ихъ общины. Она переходила отъ стола къ столу, вся охваченная нѣжнымъ вниманіемъ, освѣдомляясь о числѣ кушаній, о величинѣ порцій, приказывая прибавить пирожныхъ въ опустошенныя корзины съ фруктами. Она позволяла касаться своихъ рукъ, бедеръ, чокалась и улыбалась всей этой бандѣ, отъ которой ей пришлось бы бѣжать, если бы онѣ встрѣтились гдѣ-нибудь въ лѣсу. Она искала Фульбера. Наконецъ, она увидѣла чернаго человѣка съ его фосфорическимъ блескомъ въ глазахъ. Онъ стоялъ около кухонь за рѣшеткой, выходившей въ поле.

— Господинъ Фульберъ,—сказала она рѣшительнымъ тономъ,—почему вы не выходите? Сегодня день моихъ именинъ. Вы не хотите выпить за мое здоровье?

Засунувъ руки въ карманчики своего фартука, она очень была похожа на хорошенькую трактирщицу изъ какой-нибудь оперетки. Фульберъ вошелъ молча. Онъ смѣялся издали, когда былъ предложенъ странный тостъ министромъ, теперь онъ снова сталъ мрачнымъ. Нищіе отстранялись отъ него съ замѣтнымъ презрѣніемъ. Откуда свалился на ихъ головы этотъ господинъ, который не пожелалъ ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ съ ними, и котораго хозяйка любезно пригласила отъ своего имени, а ему, повидимому, на нее наплевать? Вся трепеща отъ гордости, что ее признали красивой, а можетъ быть, также отъ грубаго прикосновенія этихъ немного пьяныхъ мужиковъ, она провела Фульбера къ почетному столу. Знатные гости разбрелись по саду или отправились на новое собесѣдованіе, устроенное министромъ передъ питомникомъ.

— Вы будете здѣсь завтракать,—заявила Маргарита,—и я хочу вамъ прислуживать.

Фульберъ опустился въ кресло съ сжатыми кулаками.

— Глотать эту воду въ вашу честь? Никогда...

Она наклонилась къ нему, протягивая полный стаканъ вина.

— Нѣтъ, мнѣ бы хотѣлось отъ васъ не тоста за мое здоровье, а чего-нибудь другого... Напримѣръ, новой бомбы. Вы понимаете? Это было бы такъ интересно: здѣсь, въ самый разгаръ праздника, среди этихъ важныхъ и глупыхъ людей, вдругъ разорвалась бы основательная бомба! Она разнесла бы все! Министра, инженеровъ, журналистовъ, десятниковъ рабочихъ, всю ферму, съ ея пристройками! Колосальный фейерверкъ, настоящій заключительный букетъ! Это мнѣ до-

ставило бы удовольствіе... я пошла бы къ себѣ въ комнату и стала считать до ста...

Анархистъ положилъ свои локти на камчатную скатерть, затканную бѣлыми розами, гдѣ бургонское и сокъ клубники разбросали нѣсколько рубиновъ.

— Какъ, m-lle Давенель, вы мнѣ говорите это?.. У васъ въ эту минуту видъ настоящей истерички. Вы напугали бы меня, если бы я вообще былъ способенъ явиться поздравлять васъ съ ангеломъ, все равно, съ какимъ бы то ни было букетомъ... Но я здѣсь по собственному желанію, чтобы поѣсть, еще только одинъ разъ... а не для чего-нибудь другого, моя маленькая буржуйка.

Эта грубость была произнесена очень нѣжно.

По знаку Маргариты, появилась прислуга, снова неся тѣ кушанья, которыя уже были предложены министру. Ея личная горничная Паулина, нѣсколько изумленная, спросила презрительнымъ тономъ:

— Что же, и льду прикажете достать? Господинъ директоръ строго на строго велѣли его убрать.

И, дѣйствительно, развѣ стоитъ терять хотя крошку льда для этой странной личности, у которой платье виситъ лохмотьями, пальцы черны, а волосы запачканы грязью, въ которой онъ любитъ валяться.

— Льда не надо, Паулина, а достаньте изъ погреба бутылку шампанскаго, такъ какъ она уже раскупорена. Вы забыли, что они никогда не пьютъ воды.

Анархистъ закрылъ на мгновеніе глаза.

— Я долженъ удрать... теперь какъ разъ время...—подумалъ онъ.

Но голодъ и, въ особенности, желаніе отвѣдать всей этой роскоши, такъ давно забытой, становилось все сильнѣй. Онъ остался.

— Теперь,—сказалъ онъ, окончивъ ѣсть,—я готовъ расплатиться по счету. Какого дьявола прикажете убить?

И онъ засмѣялся своимъ ужаснымъ смѣхомъ, звучавшимъ, какъ деревянная трещетка.

— Никого,—прошептала она съ милой свѣтской улыбкой.— Постарайтесь жить лучше, вотъ и все. Вы плохо понимаете шутки, господинъ Фульберъ.

— Такъ уже кончилось?—произнесъ онъ громко.—Не долго длилось... Но въ глубинѣ вашихъ голубыхъ глазъ горѣли кровавые огоньки, и это доставило мнѣ большое удовольствіе. Когда вы говорили: „было бы такъ интересно, въ самый разгаръ праздника“... вы ненавидѣли кого-то, можетъ быть, весь міръ. Кстати, не могу ли я, въ свою очередь, попросить васъ

кой о чемъ: дайте мнѣ иголку съ ниткой... Правда, скромная просьба?

— Я пришлю вамъ завтра съ горничной,—сказала она.

Онъ сдѣлалъ жестъ неудовольствія, потомъ пожалъ плечами.

— Мой костюмъ въ такомъ состояніи... Такъ какъ я приготовляю бомбы, то умѣю и шить. Кто умѣетъ дѣлать большое, тотъ справится съ маленькимъ... А министръ очень смѣшонъ, вы не находите?

— Да,—отвѣтила она отрывистымъ тономъ,—я въ вами согласна, и хуже всего... что его мнѣ прочатъ въ женихи.

— Да подите вы! Вѣдь онъ весь заплылъ жиромъ. Вы выйдете замужъ за этого пузана, вы?

— О! Это только одни бабьи росказни! ничего серьезнаго...

И опять та же свѣтская улыбка.

Зачѣмъ она выдумала ему эту небылицу? Зачѣмъ принимала его въ палаткѣ для оффиціальныхъ гостей, точно настоящаго короля этого праздника, такъ быстро свергнувъ другого съ трона? Почему, услыхавъ его смѣхъ, она вдругъ почувствовала, что вокругъ нея все рушится? Она стала такой причудливой и непостижимой.

Когда она говорила банальности или просто любезности, кровавый туманъ застилалъ ея мозги, ей рисовалась картина смерти отца,—а она притворялась, что такъ сильно его уважаетъ,—и ни одной слезинки не блеснуло на голубыхъ ея глазахъ, горѣвшихъ въ эти минуты краснымъ пламенемъ. Не имѣя силъ свершить скверный поступокъ, она достаточно смѣла, чтобы внушить его; и понадобились ужасныя обстоятельства этой встрѣчи съ преступникомъ, чтобы не менѣе ужасные подонки ея души могли подняться на поверхность ея чистой внѣшности.

Въ бездну всегда стараются что-нибудь бросить.

— Хотите я вамъ дамъ хорошій совѣтъ?—прошепталъ Фульберъ сквозь сжатые зубы.—Выходите замужъ за этого министра. Не отказывайтесь отъ такого случая сдѣлаться... настоящей буржуазкой. Вы на вершокъ отъ того, чтобы начать дѣлать глупости. Я знаю это. Есть чистыя воды..., которыя отравляютъ самые лучшіе инстинкты. Вы мечтаете о томъ, что невозможно, и вы погубите себя, желая обѣлить вашу грязную подкладку.

Онъ всталъ.

— Я могу удалиться... безъ бомбы?—прибавилъ онъ иронически.

Она бросила предъ нимъ на скатерть маргаритку.

— Но не безъ букета.

Рѣзкимъ жестомъ схватилъ онъ цвѣтокъ, немного напоминая хищную птицу, убивающую ударомъ клюва какое-нибудь насѣкомое, и удалился, очень быстро проскользнувъ сквозь толпу бѣдняковъ, наполнившихъ палатку, чтобы получить свою долю оффиціальной роскоши.

Маргарита не чувствовала себя больше свободной. Она бросила въ бездну какую-то часть себя самой. Невѣдомый вихрь захватилъ ее. Она не выйдетъ замужъ за этого министра, заплывшаго жиромъ, но и не останется больше такой буржуазкой, какой была,—нѣтъ!

Въ воздухѣ чувствовалась гроза.

Вечеромъ поднялся вѣтеръ и дождь.

Министръ былъ принужденъ забраться на автомобиль раньше фейерверка. Дядюшка Гаро отправился домой вполнѣ довольный. Онъ видѣлъ овощи, поля со свеклой и пьяныхъ людей. Это нисколько не мѣняло его воззрѣній, вынесенныхъ съ прежнихъ земледѣльческихъ съѣздовъ. Маленькая Давенель была такъ мила въ своемъ опереточномъ фартучкѣ, а папаша очень предупредителенъ со своими объясненіями о новой болѣзни цвѣтной капусты... Къ тому же барщина уже отбыта, можно отправиться всхрапнуть, забывъ о благосостояніи полей орошенія.

— Все равно! — думалъ онъ, придя въ этотъ послѣобѣденный часъ въ настроеніе героевъ Раблэ,—*оно* таки есть... нужно правду сказать... и *его* даже черезчуръ много!

Съ философскимъ равнодушіемъ онъ смотрѣлъ, какъ дефилировали мимо, въ зеленомъ свѣтѣ молній, громадныя поля грязи, ставшія подъ ливнемъ черными, точно жженный сахаръ. Необозримыя зловонныя болота тянулись далеко въ даль, разстилаясь темными, масляными пятнами посрединѣ этой равнины, окруженной холмами, а оставшійся дѣвственнымъ лѣсъ поднимался съ грознымъ осужденіемъ, дѣлая ихъ еще мрачнѣе.

Добродушный докторъ Гаро даже и не воображалъ, что онъ *долженъ* былъ жениться на маленькой Давенель, на этомъ красивомъ цвѣткѣ, на этомъ дѣтищѣ зачумленнаго великолѣпія. У него, такого спокойнаго холостяка, и мысли подобной въ головѣ не было!

Тамъ сзади, подъ праздничной палаткой, печально осыпались гирлянды, обитыя дождемъ. Вся сверкавшая бѣлизна стала тусклой и сѣрой, и то тамъ, то сямъ блѣдныя маргаритки начинали корчиться, точно пауки, пауки бѣлые—больные.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

Глава I.

Причины общественнаго недовольства.

V.

Извѣстно, съ какимъ единодушнымъ негодованіемъ отнеслось къ учрежденію военныхъ поселеній все русское общество за крайне рѣдкими исключеніями, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, принадлежитъ Сперанскій [1]). Существуютъ различныя мнѣнія о томъ, что навело имп. Александра I на мысль объ этой пагубной мѣрѣ. По словамъ Шильдера, она явилась у государя при чтеніи статьи ген. Сервана («Sur les forces frontières des états») (о пограничныхъ войскахъ государствъ), которую онъ приказалъ кн. П. М. Волконскому перевести на русскій языкъ и на бѣлыхъ страницахъ рукописи написалъ свои мысли о поселеніи нашей арміи [2]). Проф. Шиманъ высказываетъ предположеніе, что на мысль объ устройствѣ военныхъ поселеній навело имп. Александра то, что войска, поселенныя шведами въ Кореліи и около Куопіо, сдѣлавшіяся извѣстными русскимъ во время похода въ 1808 г. въ Финляндію, показали, что военныя поселенія возможны и въ сѣверныхъ странахъ [3]). Проф. Довнаръ-Запольскій указываетъ на то [4]), что нѣкоторыя черты идеи военныхъ поселеній можно найти въ замѣт-

---

[1]) Брошюра Сперанскаго о военныхъ поселеніяхъ перепечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1890 г. № 4) въ приложеніи къ статьѣ, авторъ которой, г. Карцовъ, неудачно пытается защищать это печальной памяти твореніе Александра I и Аракчеева.

[2]) „Импер. Александръ I“, т. IV, 23—24.

[3]) *Schiemann*. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, Bd. I, 450; ср. *Фабриціусъ* „Главное инженер. управленіе. Столѣтіе военнаго министерства“, т. VII, 1902 г., стр. 593, 597—598.

[4]) „Идеалы декабристовъ“, М. 1907 г., стр. 16.

кахъ цес. Павла Петровича [1]), у польскаго публициста Сташица, наконецъ, въ устройствѣ австрійской военной границы. Но есть свидѣтельство, что на бытъ австрійскихъ граничаръ Александръ I обратилъ серьезное вниманіе лишь во время войнъ 1813—14 г.г., уже послѣ того, какъ въ Россіи начался опытъ введенія военныхъ поселеній [2]), а переписка Павла Петровича съ Панинымъ и сочиненія Сташица врядъ ли были извѣстны Александру I [3]).

Г. Кропотовъ приписываетъ мысль о военныхъ поселеніяхъ Н. С. Мордвинову [4]). Въ докладѣ государю 10 іюня 1810 г., вызванномъ разговоромъ о невозможности уменьшить «великое число содержимыхъ войскъ», Н. С. Мордвиновъ предлагалъ включить въ комплектъ полка на каждые тысячу человѣкъ—50 пахарей и утверждалъ, что засѣваемымъ ими хлѣбомъ, снимаемымъ тысячею солдатъ можно будетъ содержать полкъ. Мордвиновъ утверждалъ, что 50 «добрыхъ» сохъ вспашутъ и засѣютъ въ 2 мѣсяца 1200 дес. и что 1000 челов. могутъ убрать въ день 100 дес. Для прокормленія 1000 человѣкъ съ лошадьми онъ считалъ достаточнымъ 2000 дес. и предлагалъ при такомъ участкѣ завести усадьбу съ съ 50-ю «непремѣнными» пахарями, а для удобренія полей при каждой усадьбѣ содержать 4000 «скотинъ». Раздѣливъ 2000 дес. на 4 поля, онъ предлагалъ для уборки полей и сѣна присылать въ усадьбу 1000 человѣкъ солдатъ на каждое изъ полей на 5 дней. Молотьбу онъ совѣтовалъ производить машинами. Въ мѣстахъ, гдѣ необходима расчистка лѣсовъ или сушка болотъ, и для устройства усадебъ, слѣдуетъ употреблять піонерные полки. Въ случаѣ недостатка казенныхъ земель Мордвиновъ совѣтовалъ покупать ихъ или нанимать на продолжительные сроки у помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ. При удаленіи полковъ отъ ихъ усадебъ, 50 пахарей остаются при нихъ, и урожай снимается наемнымъ трудомъ—за деньги или часть урожая. Слѣдуетъ опредѣлить, сколько войскъ возможно содержать въ каждой губерніи и, соотвѣтственно ихъ распредѣленію, назначить мѣста усадебъ. Этотъ проектъ могъ сыграть нѣкоторую роль въ укрѣпленіи въ умѣ

---

[1]) Ср. его переписку съ гр. Н. И. Панинымъ. „Рус. Стар." 1882, т. 33, стр. 406—407.

[2]) *Фабриціусъ*, стр. 512.

[3]) А. Н. Петровъ полагалъ, что мысль о военныхъ поселеніяхъ была навѣяна введенною въ Пруссіи, по предложенію Шарнгорста, системою ландверовъ перваго и второго призывовъ, но нужно замѣтить, что хотя первые наброски плана Шарнгорста относятся къ 1807 г., но они были окончательно разработаны лишь въ законѣ 3 сент. 1814 г., а имп. Александръ I еще въ 1810 г. задумалъ введеніе военныхъ поселеній. „Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831 г. , изд. „Русской Старины", Спб. 1871 г., стр. 87—89; *Treitschke*, Deutsche Geschichte. 7-te Aufl., I, 296—297, 440—442, 592—594.

[4]) „Жизнь гр. М. Н. Муравьева", Спб. 1874 г., 141—142.

Александра I мысли о военныхъ поселеніяхъ [1]), но, какъ утверждаетъ г. Фабриціусъ, еще въ началѣ 1810 г. Аракчеевъ сдѣлалъ разсчетъ о количествѣ земли и зерноваго хлѣба, необходимыхъ для поселенія полка (стр. 506—507), слѣдовательно, Мордвиновъ, представившій свой докладъ лишь въ іюнѣ 1810 г., не могъ быть иниціаторомъ мысли о военныхъ поселеніяхъ.

Кропотовъ говоритъ, что при обсужденіи предложенія Мордвинова Аракчеевъ высказался противъ него (очевидно, потому, что онъ иначе предполагалъ осуществить мысль о поселеніи полковъ). Какъ бы то ни было, уже въ письмѣ къ Аракчееву въ Грузино отъ 28 іюня 1810 г. Александръ I упоминаетъ, что дѣло военныхъ поселеній онъ поручаетъ «исключительно» его «попеченію и начальству» и что представленные имъ чертежи ему очень понравились; государь просилъ Аракчеева показать все устройство крестьянскаго быта въ Грузинѣ ген. Лаврову, который долженъ былъ быть непосредственнымъ исполнителемъ мысли государя. [2]).

Каковъ бы ни былъ поводъ, возбудившій въ имп. Александрѣ I мысль о военныхъ поселеніяхъ и каково бы ни было первоначальное отношеніе къ ней Аракчеева [3]), послѣдній въ письмѣ отъ 29 іюня 1810 года горячо благодарилъ государя за данное ему порученіе.—9 ноября 1810 г. данъ былъ указъ на имя ген. Лаврова, еще лѣтомъ осмотрѣвшаго эту мѣстность, о поселеніи

---

[1]) „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ“, т. IV, 13—15.

[2]) Декабристъ кн. Трубецкой говоритъ, что Аракчеевъ, хотя и не уклонился „отъ исполненія возложеннаго на него порученія, но, однако, началъ тѣмъ, что представилъ возраженія“; Трубецкой увѣряетъ, будто бы Аракчеевъ „предлагалъ вмѣсто военныхъ... поселеній сократить срокъ службы нижнимъ чинамъ, опредѣливъ вмѣсто 25-ти лѣтняго,—8-ми лѣтній. Государь былъ убѣжденъ въ пользѣ своего предположенія, и исполненіе начато“. Записки кн. С. П. Трубецкаго“, Спб. 1907 г., стр. 15.

[3]) По свидѣтельству декабриста М. А. Фонъ-Визина, „Аракчеевъ говаривалъ, что военныя поселенія выдуманы не имъ, что онъ самъ, не одобряя этой мѣры, приводитъ ее въ исполненіе, какъ священную для него волю государя и благодѣтеля своего“. Якушкинъ въ своихъ запискахъ такъ же говоритъ: „гр. Аракеевъ, когда у него спрашивали о цѣли военныхъ поселеній, всякій разъ отвѣчалъ, что это не его дѣло и что онъ только исполнитель высочайшей воли“. Сравни слова Аракчеева А. Ѳ. Орлову („Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго“, VIII, 74—75“) и Мартосу („Историч. Вѣстн.“ 1894 г. № 10, стр. 303). Генералъ Маевскій, помощникъ Аракчеева по управленію военными поселеніями, свидѣтельствуетъ, что проектъ ихъ устройства въ главнѣйшихъ чертахъ былъ написанъ государемъ себственноручно и послѣ разработки его собственноручно имъ исправленъ. „Рус. Стар.“ 1873 г. № 10, стр. 433. Фонъ-Брадке, служившій въ новгородскихъ поселеніяхъ, говоритъ, что „Аракчеевъ сначала былъ рѣшительно противъ“ ихъ учрежденія „и былъ вынужденъ изъявить свое невольное согласіе лишь изъ опасенія, что тотъ, кто приметъ на себя выполненіе этой любимой мечты (государя), можетъ сдѣлаться его опаснымъ соперникомъ“. „Рус. Арх.“ 1875 г. № 1, стр. 39.

запаснаго баталіона Елецкаго пѣхотнаго полка въ Бобылецкомъ староствѣ (Климовичскаго повѣта, т. е. уѣзда, Могилевской губ.), жители котораго въ 1812 г. были переселены въ Новороссійскій край [1]). Въ число поселянъ назначались преимущественно женатые солдаты, а холостымъ разрѣшено было жениться на крестьянкахъ казенныхъ имѣній, при чемъ болѣе бѣднымъ выдавалось пособіе на свадьбу и обзаведеніе. Нижніе чины поселяемаго баталіона были помѣщены въ оставленныхъ крестьянами домахъ; имъ были выданы отъ казны земледѣльческія орудія, рабочій скотъ и сѣмена для посѣва.

Война 1812 г. пріостановила устройство военнаго поселенія въ Могилевской губ., такъ какъ поселенный баталіонъ Елецкаго полка вошелъ въ составъ дѣйствующей арміи. Всѣ постройки и оставшееся въ нихъ имущество было расхищено сосѣдями. По окончаніи войны строенія были возобновлены, а остатки баталіона возвратились къ мѣсту своего поселенія, а затѣмъ были поселены въ Могилевской губ. весь Елецкій и Полоцкій пѣхотные полки [2]).

По окончаніи войны въ 1812—14 г.г. въ проектѣ манифеста,

---

[1]) По словамъ фонъ-Брадке, нѣсколько тысячъ человѣкъ было переселено въ Херсонскую губ., но изъ нихъ лишь весьма немногіе достигли мѣста своего назначенія, остальные погибли съ отчаянія, съ тоски по родному жилью, отъ пьянства, отъ голода... и отъ полнѣйшаго унынія, и сошли въ безвременную могилу во время самаго переселенія". „Рус. Арх." 1875 г. № 1, стр. 51. Вел. кн. Николай Павловичъ, при посѣщеніи имъ въ 1816 г. поселенія Елецкаго полка, отмѣтилъ, что „жившихъ тутъ 1800 крестьянъ при переводѣ ихъ „на югъ" такъ худо содержали, что половина ихъ пропала, не дойдя до (мѣста) назначенія". *Шильдеръ* „Имп. Николай I" т. I, 72, срав. донесеніе французскаго посланника въ „Сборн. Ист. Общ." т. 119, стр. 23—24. Указанія относительно гибели многихъ крестьянъ во время пути не подтверждаются сравненіемъ числа людей, отправленныхъ въ Новороссію и принятыхъ въ Елисаветградѣ: послѣднихъ было 4411 д. об. п. (*Щепетильниковъ* „Комплектованіе войскъ въ царств. имп. Александра I". „Столѣтіе военнаго министерства" т. IV, 98—99, *Фабриціусъ* Ibid., VII, 507). Но цифра отправленныхъ на югъ видимо не точна, и къ тому же крестьяне эти имѣли полныя основанія для серьезнаго неудовольствія, такъ какъ на первоначальное водвореніе на новомъ мѣстѣ имъ пришлось потратить свои деньги, которыя велѣно было имъ возвратить лишь въ 1818 г., послѣ того, какъ въ двухъ деревняхъ произошли волненія. „Сборн. истор. матер., извлеч. изъ архива Собств. Его Вел. Канц.", т. V, 334—336.

[2]) Къ 1 янв. 1815 г. Аракчеевъ составилъ „Положеніе населяемому баталіону Елецкаго пѣхотнаго полка". Отмѣтимъ въ немъ нѣсколько пунктовъ: 1) баталіонный командиръ могъ представлять Аракчееву о дурномъ и нерадивомъ поселянинѣ „*для лишенія нажитой имъ собственности* и для выключки изъ военныхъ поселянъ въ дальніе гарнизоны". 2) Изъ снятаго осенью хлѣба, за выдѣленіемъ сѣмянъ для посѣва на будущій годъ, хозяинъ дома получаетъ только половину, а другая половина берется въ ротный магазинъ въ запасъ. 3) При женитьбѣ холостыхъ поселянъ на дѣвицахъ и вдовахъ казенныхъ крестьянъ выдается бѣднымъ на свадьбу отъ 10 до 15 р. *Богдановичъ* „Ист. царств. Александра I", Прилож. стр. 61—67.

обнародованнаго 30 августа 1814 г., имп. Александръ самъ сдѣлалъ въ статьѣ о воинствѣ слѣдующую прибавку: «надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но *даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства»* [1]). Учреждая военныя поселенія, имп. Александръ надѣялся кромѣ того устранить необходимость производить рекрутскіе наборы и уменьшить государственные расходы посредствомъ добыванія войсками продовольстія собственными средствами.

5-го августа 1816 г. былъ данъ указъ на имя новгородскаго губернатора, которымъ повелѣно, подъ предлогомъ тѣсноты расквартированія войскъ въ Петербургѣ, размѣстить второй баталіонъ Гренадерскаго гр. Аракчеева полка въ Высоцкой волости Новгородскаго уѣзда на рѣкѣ Волховѣ. Одновременно съ этимъ Высоцкая волость была перечислена въ военное управленіе [2]). Здѣсь военныя поселенія устраивались уже на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ 1810—12 г. въ Климовичскомъ у. Могилевской губ., а именно безъ переселенія мѣстныхъ жителей въ другія губерніи. Село Высоцкое въ ночь съ 23 на 24 августа сгорѣло, вѣроятно не случайно. Это, однако, не остановило продолженія дѣла, окончательно рѣшеннаго имп. Александромъ. Поселенный баталіонъ вступилъ въ Высоцкую волость и былъ расположенъ по квартирамъ въ ея деревняхъ. Крестьяне, испуганные предстоящими новыми порядками, при которыхъ даже вступать въ бракъ они могли только съ разрѣшенія Аракчеева, посылали ходоковъ къ царю, жаловались императрицѣ, вел. кн. Николаю Павловичу, но все было безполезно. Тогда начались волненія, послѣ подавленія которыхъ слѣдовали жестокія кары. Жители одного селенія, оказавшіе рѣшительное сопротивленіе введенію у нихъ военнаго поселенія, подвергнуты были формальной блокадѣ, и лишь черезъ девять дней голодъ заставилъ ихъ сдаться [3]).

Къ концу царствованія Александра I было поселено: въ Новгородской губ.—12 гренадерскихъ полковъ и 2 артиллерійскія бригады, въ Могилевской губ.—6 пѣх. полковъ, въ Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ—16 кавалерійскихъ полковъ и въ Петербургской губ.—2 роты служителей Охтенскаго порохового завода [4]). Народонаселеніе округовъ военныхъ поселеній въ 1825 г. равнялось 374.480 душамъ. Кромѣ того въ округахъ находилось войскъ, состоявшихъ на продо-

---

[1]) П. С. З., XXXII, № 25,671, п. 3.

[2]) П. С. З., XXXIII, №№ 26,389, 26,390.

[3]) О волненіяхъ военныхъ поселянъ въ Новгородской губ. см. Записки Мартоса, „Рус. Арх.“ 1893 г. № 8, стр. 529—532, 536—538, *Петровъ*, 240—242; *Богдановичъ*, V, 355—358.

[4]) См. статью *А.-С. Лыкошина* о военныхъ поселеніяхъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Эфрона, т. 24.

вольствіи отъ земли, 98.114 человѣкъ, число же всѣхъ нижнихъ чиновъ, считая и войска, назначенныя для работъ, составляло 142.697 чел. Сверхъ того состояло инвалидовъ 7.628 чел. Кантонистовъ въ округахъ военныхъ поселеній было въ томъ же году 93.367 (да еще въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ 60.695 [1]).

Въ октябрѣ 1817 г. Н. И. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ неизданномъ дневникѣ: «О поселеніяхъ говорятъ все непріятное. Объ этихъ перемѣнахъ нельзя говорить шутя. Я увѣренъ, что вся эта мѣра въ полнотѣ не удастся, т. е. въ такой полнотѣ, которая бы оправдывала принимаемыя мѣры (но какія мѣры и какая цѣль!). За что же тысячи невинныхъ жертвъ погибнутъ или отяготятся несчастіемъ? Или, смотря на звѣздное небо, можно забывать о волненіяхъ, о бѣдствіяхъ земныхъ? Можно, но только о собственныхъ своихъ; никогда о чужихъ, никогда, никогда о братственныхъ». Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ записывыетъ: «Слухи о военныхъ поселенцахъ все тѣ же. Ихъ селять и раззоряютъ. Права собственности, права человѣчества забыты [2])... Мнѣ горько и то,—продолжаетъ Тургеневъ,—что эти поселенія дѣлаются по волѣ государя» [3]). Въ это время Тургеневъ не былъ еще членомъ Тайнаго Общества, а нѣсколько основателей Союза Спасенія находились въ Москвѣ. До нихъ дошли весьма не точныя извѣстія о событіяхъ въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Якушкинъ разсказываетъ, что «гр. Аракчеевъ привелъ противъ возставшихъ крестьянъ кавалерію и артиллерію; по нимъ стрѣляли, ихъ рубили, многихъ прогнали сквозь строй, и бѣдные люди должны были покориться... Извѣстія о новгородскихъ происшествіяхъ привели всѣхъ въ ужасъ. Имп. Александръ, въ Европѣ покровитель и почти корифей либераловъ, въ Россіи былъ не только жестокимъ, но что хуже всего—безсмысленнымъ деспотомъ» [4]).

---

[1]) Всего число людей, находившихся подъ начальствомъ Аракчеева, равнялось 748.519 душамъ, не считая несовершеннолѣтнихъ женскаго пола. *Фабрицiусъ*. „Главное инженерное управленіе. Столѣтіе военнаго министерства". VII, 591, прилож. CIII.

[2]) 20 октября 1818 г, Тургеневъ отмѣтилъ замѣчаніе одного поляка гр. Соб., что „поселенія отвращаютъ вниманіе правительства отъ участи крестьянъ".

[3]) Нерадивые военные поселяне (не въ одной Могилев. губ., а вездѣ) могли быть лишены домовъ, земли, всѣхъ выгодъ, предоставленныхъ имъ отъ казны, и выписаны въ дѣйствующіе баталіоны („Военн. Сборникъ" 1861 г., т. XIX, стр. 354). Генер. Маевскій такъ описываетъ заключеніе браковъ въ военныхъ поселеніяхъ: „Полковникъ строитъ женщинъ въ одну, а солдатъ—въ другую, противоположную линію и, называя солдата по имени, даетъ ему невѣсту, вызывая ее по имени-жъ. Брачные эти союзы иногда не согласовались съ выборомъ и согласіемъ сердца, но учреждались полковникомъ, который раздавалъ невѣстъ, какъ овецъ, судя по достоинству жениха!" „Рус. Стар." 1873 г., № 10, стр. 435 — 436. Браки производились и по жребію. „Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія", стр. 159; *Фабрицiусъ*, 579.

[4]) Эти извѣстія въ связи съ нѣкоторыми другими, сообщенными изъ Петербурга Трубецкимъ, и побудили Якушкина вызваться убить имп. Александра; товарищамъ съ трудомъ удалось отговорить его.

На этотъ разъ до членовъ тайнаго общества дошли преувеличенныя извѣстія, но и безъ всякихъ преувеличеній положеніе военныхъ поселянъ возбуждаетъ самое горячее негодованіе. Коренные жители военныхъ поселеній (до 45 лѣтъ включительно) были переодѣты въ военные мундиры, а люди старше этого возраста—въ кафтаны крестьянскаго покроя, но съ погонами, сѣрыя суконныя панталоны и фуражки съ козырькомъ; они должны были обстричь волосы и обрить бороды, которыя были оставлены лишь достигшимъ 50 лѣтъ (Въ Новгородской губ. было много раскольниковъ, и потому, по свидѣтельству одного лица, служившаго въ военныхъ поселеніяхъ, многіе крестьяне «самоубійствомъ избавляли себя отъ этой операціи, памятной народу подъ названіемъ забривки... Было не мало примѣровъ, что цѣлыя семейства «раскольниковъ» уходили во мхи, т. е. болотистые лѣса, и тамъ добровольно умирали голодною смертью. «Воспоминанія Г. И. Филипсона», М. 1885, стр. 40). Дома въ новгородскихъ поселеніяхъ по Волхову были построены по одному образцу, и въ каждомъ изъ нихъ должны были жить по 4 поселянина-хозяина, изъ одинокихъ же поселянъ составлялись сводныя хозяйства [1]). Ихъ дѣти съ 7 лѣтъ (позднѣе съ 10 л). дѣлались кантонистами и также обмундировывались въ казенную форменную одежду, а по достиганіи 18 лѣтъ зачислялись на службу въ резервы и баталіоны и эскадроны и затѣмъ переводились въ дѣйствующія части. «Мелочная регламентація всѣхъ подробностей обыденной жизни военныхъ поселянъ», говоритъ А. С. Лыкошинъ, «оставляла ихъ подъ вѣчнымъ страхомъ отвѣтственности, при чемъ за малѣйшіе проступки виновные подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ; система фронтового обученія была основана на побояхъ и тѣлесныхъ наказаніяхъ, и въ военныхъ поселеніяхъ истреблялись цѣлые воза розогъ и шпицрутеновъ. Всѣ военные поселяне работали безъ устали и цѣлые дни оставались подъ надзоромъ начальства, отъ котораго зависѣло увольненіе поселянъ на промыслы и разрѣшеніе имъ заниматься торговлей. Дѣти поселянъ зависѣли болѣе отъ начальства, чѣмъ отъ родителей, проводя большую часть времени въ школѣ и на учебномъ плацу. Дочери выдавались замужъ по назначенію начальства [2]). Всѣ земледѣльческія работы производились по приказамъ начальства [3]), и такъ

---

[1]) Въ старорусскихъ округахъ коренные жители были оставлены въ своихъ деревняхъ, и постройка новыхъ, однообразныхъ жилищъ произведена тамъ не была. *Карцовъ*. „О военныхъ поселеніяхъ при гр. Аракчеевѣ". „Рус. Вѣстн." 1890 г. № 3, стр. 83—84.

[2]) Первоначально при этомъ выдавалось пособіе въ 25 р., затѣмъ оно было понижено до 15 и 10 р., а наконецъ, и совершенно прекращено. *Фабриціусъ*, 580. Мы видимъ, что въ могилевскомъ поселеніи съ самаго начала выдавалось 10—15 р.

[3]) Аракчеевъ предписалъ, чтобы рабочій день въ маѣ и августѣ продолжался 13, въ іюнѣ и іюлѣ $13^1/_2$ часовъ. *Кручекъ-Голубовъ*. „Главное

какъ многіе изъ начальниковъ оказывались несвѣдующими въ сельскомъ хозяйствѣ и обращали вниманіе главнымъ образомъ на фронтовое обученіе [1]), то нерѣдко земледѣльческія работы начинались несвоевременно, хлѣбъ осыпался на корню, сѣно гнило отъ дождей. Къ этому присоединялось еще всеобщее взяточничество начальствующихъ лицъ, начиная съ офицеровъ». Всѣ эти отрицательныя стороны жизни военныхъ поселянъ, конечно, не возмѣщались освобожденіемъ ихъ отъ податей и земскихъ повинностей, тѣмъ болѣе, что поселяне-хозяева обременены были постоемъ солдатъ (на каждаго поселянина два солдата), обязаны были доставлять сѣно для полковыхъ конныхъ заводовъ и исполнять общественныя работы за ничтожную плату (10 к. въ день). Послѣдняя обязанность возлагалась на тѣ семьи, гдѣ было два и болѣе работника [2]).

Каково было жить въ военныхъ поселеніяхъ, видно изъ того что въ нѣкоторыхъ округахъ число умершихъ превосходило число родившихся [3]).

Кн. Трубецкой сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что начало устройства военныхъ поселеній «встрѣтило сопротивленіе въ крестьянахъ тѣхъ селеній, въ которыхъ положено ему начало. Жестокими мѣрами преодолѣно было упорство крестьянъ». Онъ говоритъ также, что учрежденіе военныхъ поселеній возбудило большія опасенія въ членахъ Тайнаго Общества. По ихъ мнѣнію, эти поселенія составятъ «въ государствѣ особую касту, которая, не имѣя съ народомъ почти ничего общаго, можетъ сдѣлаться орудіемъ его угнетенія», и, составляя особую силу, которой ничто въ государствѣ противостоять не можетъ, сама будетъ въ повиновеніи безусловномъ нѣсколькихъ лицъ или одного хитраго честолюбца [4]). Ненавистный начальникъ можетъ быть причиною возстанія ввѣренной ему части. Кто можетъ поручиться, что небольшое даже неудовольствіе не породитъ бунта, который, вспыхнувъ въ одномъ полку, быстро распространится въ цѣломъ округѣ поселенія? Эти опасенія подкрѣплены были возстаніемъ, начавшимся въ поселеніяхъ: новго-

военно-медицинское управленіе". „Столѣтіе военнаго минист.", т. VIII ч. I, стр. 166.

[1]) Для строевыхъ ученій назначались 3 дня зимой и 2 лѣтомъ. *Фабрицiусъ*, 529, прилож. стр. 252; *Карцовъ*, „Рус. Вѣстн.", 1890 г., № 3, стр. 103. *А. Петровъ*, 204.

[2]) При обращеніи солдатъ въ военные поселяне-хозяева выбирались преимущественно женатые, поступившіе на службу изъ той губерніи, гдѣ назначенъ округъ поселенія полка, и прослужившіе не менѣе 6 лѣтъ. „Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія", стр. 112, 200, 204—205, 217—218, 227; *Карцовъ*, „Рус. Вѣстн.", 1890 г. № 2, стр. 163, 169, № 3, стр. 101, 107—108. О мелочной регламентаціи всей жизни военныхъ поселянъ см. *Богдановичъ* V, 366.

[3]) *Богдановичъ*, V, 127.

[4]) Ср. Записки Якушкина, стр. 13.

родскомъ гренадерскомъ (1816—18 г.г.), бугскомъ [1]) и чугуевскомъ—уланскомъ» (1817—19 г.г.). «Жестокія мѣры, употребленныя противъ жителей мирныхъ селеній, изъ которыхъ хотѣли сдѣлать военныхъ поселенцевъ, возбудили всеобщее негодованіе. Исполнители, гр. Аракчеевъ и Виттъ [2]), сдѣлались предметомъ всеобщаго омерзенія, и имя самого императора не осталось безъ нареканія» (стр. 15—16).

Сильное негодованіе, возбужденное чугуевскимъ усмиреніемъ, видно и изъ записокъ декабриста Александра Мих. Муравьева, брата Никиты Муравьева: «Ужасныя сцены произошли въ Чугуевѣ» (въ 1819 г.), «гдѣ священники благословляли своихъ духовныхъ дѣтей, рѣшившихся безстрашно выдержать мучительныя наказанія и проклинавшихъ тѣхъ, кто, при видѣ ихъ, выказывалъ слабость [3])... Дивизіоны пѣхоты были приведены, чтобы исполнить обязанности палачей». Въ округѣ Чугуевскаго уланскаго полка волненіе вызвано было отобраніемъ отъ крестьянъ лучшихъ луговъ въ пользу поселенія. Военные поселяне отказались косить сѣно, котораго для полка требовалось 103.000 пудовъ. Волненіе перешло и въ округъ сосѣдняго Таганрогскаго полка. «Не хотимъ военнаго поселенія,—это служба Аракчееву, а не государю»,—говорили поселяне. Въ чугуевскомъ и таганрогскомъ округахъ были подвергнуты наказанію шпицрутенами (отъ 3.000 до 12.000 ударовъ) до 70 человѣкъ. Аракчеевъ не могъ скрыть отъ государя, что многіе изъ наказанныхъ умерли. Кромѣ того изъ состоящихъ подъ судомъ 235 человѣкъ были отосланы безъ тѣлеснаго наказанія на службу въ Оренбургъ; 29 женщинъ, участвовавшихъ въ волненіяхъ, были наказаны розгами [4]).

Одинъ изъ членовъ южнаго Тайнаго Общества, Лихаревъ, попалъ временно на службу въ военныя поселенія; по его словамъ, тамъ онъ «былъ окруженъ отбросами общества и въ первый разъ почувствовалъ весь ужасъ существованія». Во время частыхъ путешествій по военнымъ поселеніямъ, онъ видѣлъ несчастное положеніе ихъ жителей и былъ такъ тронутъ имъ, что «съ жаромъ и увлеченіемъ написалъ особую записку противъ этого учрежденія», которая чрезъ В. Л. Давыдова была передана Пестелю; въ ней онъ называлъ Аракчеева тайнымъ врагомъ государя и отечества и, по словамъ Давыдова, говорилъ «о большомъ роптаніи и неудовольствіи поселянъ». Лихаревъ набросалъ даже письмо къ имп. Але-

---

[1]) О волненіи въ Бугскомъ военномъ поселеніи см. *Богдановичъ*, V, 358—364, *Петровъ*, 146—149, ср. Bernhardi, Geschichte Russlands, III, 182—184.

[2]) Генералъ гр. Виттъ былъ устроителемъ и затѣмъ начальникомъ военныхъ поселеній въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ.

[3]) По словамъ Н. И. Тургенева, такъ же поступали нѣкоторые отцы относительно своихъ сыновей.

[4]) *Богдановичъ*. V, 467—471; Прил., стр. 86—89; *А. Петровъ*, 149—152.

ксандру, чтобы «раскрыть ему, насколько онъ обманутъ своими вѣроломными слугами и насколько страдаютъ интересы народа»; но одинъ родственникъ отговорилъ его отсылать это письмо. Въ 1823 г. онъ замѣтилъ «рѣшительное неудовольствіе въ угнетенныхъ поселянахъ и большую готовность къ возмущенію». О томъ, что военные поселяне «легко могутъ покуситься на какія-нибудь крайности», Лихаревъ говорилъ и въ переданной Пестелю запискѣ, носившей названіе «Взглядъ на военныя поселенія» [1]. Якушкинъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ: «многія притѣснительныя постановленія правительства, особенно военныя поселенія, явно порицались членами союза Благоденствія, чрезъ что во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общественное мнѣніе» [2].

Въ управленіи военныхъ поселеній служилъ также извѣстный членъ Сѣвернаго Общества Г. С. Батеньковъ. Въ одномъ изъ своихъ показаній онъ говоритъ: «Военныя поселенія представили мнѣ страшную картину несправедливости, притѣсненій, наружнаго обмана, низости, всѣ виды деспотизма». Въ запискѣ, написанной Батеньковымъ въ крѣпости 28 марта 1826 г., онъ высказываетъ такое мнѣніе: «Въ военныхъ поселеніяхъ считается экономически составленныхъ свыше 20 мил. рублей. Я самъ писалъ краткій отчетъ, въ которомъ доказывалъ, что поселенія сіи не только не стоятъ государству ни копѣйки, но, прикрывъ всѣ издержки, на нихъ употребленныя, имѣютъ собственный свой огромный капиталъ. Въ существѣ не такъ. Военныя поселенія стоятъ очень много: суммами, землями, лѣсами, работою и народомъ» [3].

Въ разговорахъ съ членами Тайнаго Общества Батеньковъ указывалъ на возможность возмущенія въ военныхъ поселеніяхъ, а когда Н. А. Бестужевъ однажды сказалъ Рылѣеву, что «Кронштадтъ

---

[1]) Записка Лихарева, повидимому, не сохранилась: Давыдовъ показалъ что Пестель ее, „кажется, давно уже сжегъ“. Записка о „состояніи военныхъ поселеній въ Херсонской и Екатеринославской губерніи“ (Гос. Арх. I, 18. № 470) написана рукою Шервуда. и на ней есть надпись Дибича: „бумага показана (Шервудомъ) Вадковскому и совершенно выдумана первымъ“; слѣдовательно, предположеніе проф. Довнара Запольскаго („Идеалы декабристовъ“, стр. 116), что она составлена Лихаревымъ, Вадковскимъ или гр. Булгари, не основательно. Есть и прямое указаніе самого Шервуда на составленіе имъ этой записки: см. его донесеніе Дибичу 18 ноября 1825 г. *Шильдеръ*. «Имп. Николай Первый», I, 624.

[2]) По словамъ Якушкина, Киселевъ какъ-то сказалъ государю, что не понимаетъ пользы военныхъ поселеній. Когда въ 1817 г. Александръ I спросилъ мнѣнія Барклая де-Толли о проектѣ „учрежденія военныхъ поселеній“, то какъ онъ, такъ и Дибичъ высказались о немъ вполнѣ отрицательно. См. ихъ мнѣнія въ „Военномъ Сборникѣ“ 1861 г. т. 19, № 6.

[3]) Капиталъ военныхъ поселеній, по отчету за 1825 г., превосходилъ деньгами 23 милл. рублей, а считая съ военно-сиротскимъ капиталомъ, запасами хлѣба и имуществомъ конскихъ заводовъ, равнялся 30 милл. *Фабриціусъ*, 593.

есть нашъ островъ Леонъ» [1]), то Батеньковъ отвѣчалъ, что «напротивъ того, нашъ островъ Леонъ долженъ быть на Волховѣ, либо на Ильменѣ». И, дѣйствительно, какъ показали на слѣдствіи Рылѣевъ и Трубецкой, была мысль, въ случаѣ неудачи возстанія, отступить къ новгородскимъ военнымъ поселеніямъ и возмутить ихъ, а если бы и тамъ не удалось, то, прибавляетъ Рылѣевъ, стараться взволновать крестьянъ объявленіемъ вольности. Очевидно, ради осуществленія перваго предположенія Рылѣевъ совѣтовалъ Каховскому поступить на службу въ военныя поселенія [2]). Завалишинъ, Арбузовъ и Бѣляевъ I называли военныя поселенія «лучшею народною гвардіею» и считали удобнымъ утвердить тамъ временное правительство, опираясь на недовольство этихъ войскъ.

А. Бестужевъ, въ письмѣ къ имп. Николаю изъ крѣпости, говоритъ: «поселенія парализировали не только умы, но и всѣ промыслы тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроились» [3]). Аракчеевъ держался того мнѣнія, что «нѣтъ ничего опаснѣе богатаго поселянина. Онъ тотчасъ возмечтаетъ о свободѣ и не захочетъ быть поселяниномъ» [4]). Общее негодованіе, возбужденное военными поселеніями, видно и изъ сильной вылазки противъ нихъ въ письмѣ декабриста Штейнгеля къ имп. Николаю: «Насильственная система поселеній принята была съ изумленіемъ и ропотомъ . . . . и не могло быть иначе. Послѣ тяжкой отечественной войны . . . . внезапно войти въ селенія военною рукою, взять домы мирныхъ земледѣльцевъ, все дѣдами и самими ими нажитое, да и ихъ самихъ въ общій составъ новаго воинства—едва ли исторія представляетъ что-либо тому подобное. Къ сему присовокупить должно вынужденную уступку и покупку сосѣдственныхъ земель и помѣстій [5]): ибо одна несправедливость

---

[1]) Испанскій островъ, съ котораго въ янв. 1820 г. революціонеръ Квирога съ двумя баталіонами началъ возстаніе. *Трачевскій.* „Испанія девятнадцатаго вѣка". М. 1872, стр. 301, 303, 310.

[2]) „Какъ заявилъ Трубецкой въ самомъ первомъ своемъ показаніи, „онъ полагалъ, что образованіе военныхъ поселеній будетъ" (вмѣстѣ съ „частыми возмущеніями" крѣпостныхъ крестьянъ и „всеобщими жалобами на лихоимства")—„причиною переворота".

[3]) По словамъ Мартоса, служившаго въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, съ обращеніемъ крестьянъ въ военныхъ поселянъ: „прощай, счастіе земледѣльца, прощай, промышленность, а съ нею и довольная, безбѣдная жизнь. Не стало торговли", „Рус. Арх." 1893 г. № 8, стр. 533.

[4]) Записки ген. Маевскаго. „Рус. Стар." 1873 г. № 10, стр. 458.

[5]) Помѣщичьи земли въ Слободско-украинской губерніи, находившіяся въ границахъ округовъ военныхъ поселеній, должны были подвергаться принудительному отчужденію для этихъ поселеній съ вознагражденіемъ за землю—землею; „капитальныя же заведенія, какъ-то: водяныя мельницы, винокуренные заводы, каменныя зданія" и проч. могли поступать въ казенное вѣдомство лишь по взаимному съ владѣльцами соглашенію за условленное вознагражденіе. П. С. З т. XXXIV, № 26.860. Домохозяева въ Новомиргородѣ должны были или продать свои дома на сносъ, или сами снести ихъ, въ противномъ случаѣ они поступали въ казну съ уплатою вознагражденія по оцѣнкѣ. П. С. З. т. XXXVII, № 28.740. Въ дѣйствительности

естественно рождаетъ другую. Возникли съ одной стороны—отчаянное сопротивленіе особенно на югѣ, съ другой—строгія мѣры укрощенія. Всей Россіи сдѣлались извѣстны сцены, которыхъ никто не могъ полагать возможными въ царствованіе Александра I» [1]).

Однѣ изъ наиболѣе талантливыхъ страницъ «Русской Правды» Пестеля также посвящены военнымъ поселеніямъ. Между прочимъ, Пестель, подобно Штейнгелю, доказываетъ, что если бы вся армія была обращена въ военныя поселенія, то это было бы не безопасно для государства [2]).

Правильную оцѣнку военныхъ поселеній сдѣлалъ и Н. И. Тургеневъ въ своей книгѣ «La Russie et les Russes» [3]).

Цесаревичъ Константинъ самымъ рѣшительнымъ образомъ не одобрялъ военныхъ поселеній [4]), и вслѣдствіе этого поселяне по смерти Александра I ожидали, что онъ возвратитъ имъ свободу [5]).

VI.

Одною изъ значительныхъ причинъ общественнаго недовольства при Александрѣ I было цензурное преслѣдованіе русской молодой

собственники земель и домовъ очень часто лишались своего имущества на весьма невыгодныхъ для нихъ условіяхъ. См. *А. Петровъ*, стр. 141 и сл.

1) Фонъ-Брадке нашелъ 90.000 д. крестьянъ Елизаветградскаго уѣзда, прежде очень зажиточныхъ, „въ величайшей нуждѣ и бѣдствіи" послѣ приписки ихъ къ военнымъ поселеніямъ. „Полки отнимали у крестьянина лучшія земли, дѣлали огромные посѣвы безъ всякаго соображенія съ трудовыми силами и предоставляли крестьянину лишь скудный остатокъ времени на его собственное хозяйство... Уборка крестьянскихъ полей отлагалась до окончанія этихъ работъ, и крестьяне часто привозили въ свои гумна одну лишь солому". По представленію фонъ-Брадке, гр. Виттъ начальникъ южныхъ военныхъ поселеній, предписалъ, чтобы „каждый поселенецъ не употреблялъ болѣе трехъ дней въ недѣлю на казенную работу". „Рус. Арх." 1875 г. № 3, стр. 259.

2) Даже сенаторъ Новосильцовъ говорилъ, что первое поколѣніе военныхъ поселянъ будетъ очень несчастно, а второе—сдѣлаетъ несчастною всю Россію. *Bernhardi*, Geschichte Russlands, III, 173.

3) Т. II., 310—319. Тургеневъ упрекаетъ Карамзина за то, что онъ не возвысилъ голоса противъ военныхъ поселеній. Когда Аракчеевъ прислалъ Карамзину одно изъ многочисленныхъ постановленій относительно военныхъ поселеній, историкъ въ отвѣтномъ письмѣ назвалъ ихъ „однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій нынѣшняго славнаго для Россіи царствованія". („Письма главн. дѣят. въ царств. Имп. Александра", напеч. Дубровинымъ. Спб., 1883, стр. 380). Впрочемъ, въ бесѣдахъ съ государемъ Карамзинъ не скрывалъ своего отрицательнаго къ нимъ отношенія. По желанію Александра I, онъ посѣтилъ новгородскія военныя поселенія въ 1825 г. Аракчеевъ умѣлъ показать товаръ лицомъ, и это столь вредное учрежденіе не вызвало со стороны Карамзина горячаго протеста.

4) Schiemann. Die Thronbesteigung Nikolaus I. Berl. 1902, S. 112.

5) Записки Маевскаго. „Рус. Стар." 1873 г. № 11, стр. 772.

печати, которое страшно стѣсняло ея развитіе и дѣлало почти совершенно невозможнымъ обсужденіе двухъ главныхъ вопросовъ русской жизни: уничтоженія крѣпостного права и преобразованія государственнаго строя Россіи на конституціонныхъ началахъ. Н. И. Тургеневъ, въ январѣ 1817 г., когда онъ еще не былъ членомъ Тайнаго Общества, а былъ только членомъ Арзамаса, съ возмущеніемъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ чтеніе Греча на годовомъ собраніи Публичной Библіотеки 2-го января этого года. («Обозрѣніе литературы 1816 г.»), въ которомъ онъ говорилъ о свободѣ книгопечатанія и вмѣстѣ съ тѣмъ превозносилъ цензуру, слѣдствіемъ которой будто бы является «существованіе благоразумной свободы». По этому поводу Тургеневъ замѣчаетъ: «Я невольно вспомнилъ о томъ, какъ не только у насъ, но и во всей Европѣ пріятными наименованіями стараются покрывать наготу деспотизма и порока. Давно уже прямодушные люди не вѣрятъ словамъ, сопровождаемымъ эпитетомъ благоразумія, и подъ благоразумнымъ поведеніемъ разумѣютъ тонкое, часто подлое поведеніе, подъ благоразуміемъ цензуры—благоразуміе полиціи». Въ томъ же году, 3-го сентября, Тургеневъ говоритъ въ дневникѣ о бывшихъ въ этотъ день разсужденіяхъ о цензурѣ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта Это былъ рѣшителсный моментъ въ столкновеніи двухъ министерствъ—народнаго просвѣщенія и полиціи—изъ-за правъ на цензуру. Мы остановимся на этомъ любопытномъ пререканіи, такъ какъ оно не было вполнѣ изслѣдовано въ нашей исторической литературѣ, а между тѣмъ изъ него видно, какъ рано появились при Александрѣ I стремленія къ усиленію цензуры.

Съ учрежденіемъ въ 1810 г. министерства полиціи на него были возложены нѣкоторыя цензурныя обязанности. Въ § 87 учрежденія министерства полиціи сказано: «для исправленія дѣлъ по цензурнымъ установленіямъ министръ полиціи, по усмотрѣнію своему, имѣетъ учредить особенный комитетъ изъ чиновниковъ, его вѣдомству принадлежащихъ, или изъ постороннихъ. Содержаніе сего комитета и правила его дѣйствія будутъ опредѣлены особымъ положеніемъ». Министръ полиціи былъ облеченъ правомъ наблюденія надъ общею цензурой: если онъ усмотритъ, что въ книгахъ и сочиненіяхъ, и съ одобреніемъ цензуры изданныхъ, допущены мѣста и выраженія, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ, то онъ обязанъ немедленно, съ замѣчаніями своими, вносить ихъ на высочайшее усмотрѣніе и ожидать повелѣнія. Первый министръ полиціи, А. Балашевъ, пожелалъ широко использовать свои цензурныя права и просилъ министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго приказать цензурнымъ комитетамъ доставлять въ министерство полиціи свѣдѣнія о всѣхъ разрѣшаемыхъ ими къ печати книгахъ и не допускать никакихъ частныхъ объявленій безъ дозволенія по-

лиціи. «Цензурную ревизію» онъ предполагалъ сосредоточить въ особомъ комитетѣ при министерствѣ полиціи [1]).

Правила и штатъ этого комитета были одобрены комитетомъ министровъ 27 декабря 1811 г., и на другой день штатъ комитета былъ утвержденъ государемъ, но министръ народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскій, представилъ въ комитетъ министровъ замѣчанія на правила, составленныя Балашовымъ. Онъ указалъ, во-первыхъ, на то, что этими правилами на комитетъ при министерствѣ полиціи возлагается обязанность просматривать вновь всѣ выходящія на русскомъ языкѣ книги и сочиненія, хотя бы они были уже одобрены цензурою, и такимъ постановленіемъ всѣ цензурные комитеты, состоящіе въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, становятся излишними. Онъ возражалъ также противъ предоставленія министерству полиціи разсмотрѣнія всѣхъ книгъ, привезенныхъ изъ-за границы: до изданія устава о цензурѣ (1804 г.) существовало такое правило, но вслѣдствіе неудобства его оно было цензурнымъ уставомъ отмѣнено и положено было торгующихъ иностранными книгами обязывать подписками, чтобы они не продавали запрещенныхъ книгъ и, въ случаѣ сомнѣнія, испрашивали бы разрѣшенія цензурныхъ комитетовъ [2]). Если комитетъ при министерствѣ полиціи будетъ рѣшать, дозволять ли выпускъ въ свѣтъ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи, какъ это предполагалось въ проектѣ правилъ, то ни одинъ книгопродавецъ не будетъ имѣть возможности продавать книги, одобренныя цензурою министерства народнаго просвѣщенія, и никто не рѣшится печатать ихъ по одобренію одной этой цензуры. Наконецъ, Разумовскій указывалъ на то, что имъ представленъ въ государственный совѣтъ проектъ учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ онъ «старался съ точностью опредѣлить отношенія и связь цензурныхъ установленій» двухъ министерствъ, и если бы правила о цензурномъ комитетѣ министерства полиціи были внесены въ государственный совѣтъ, а не въ комитетъ

---

1) *С. В. Рождественскій.* „Историч. обзоръ дѣятельности министерства народн. просвѣщенія". 1802—1902. Изд. мин. нар. просв., Спб. 1902, стр. 103—104.

2) „Если привозимыя изъ другихъ краевъ книги", писалъ Разумовскій, „будутъ отсылаемы въ столицу для разсмотрѣнія въ цензурномъ комитетѣ министерства полиціи, то одна пересылка, особливо тѣхъ книгъ, которыя назначены въ другіе города, а еще болѣе чтеніе весьма великаго количества привозимыхъ книгъ причинитъ книгопродавцамъ потерю времени, черезъ которую большая часть книгъ потеряетъ свою цѣну, и продажа иностранныхъ книгъ... должна придти въ совершенный упадокъ, какъ то доказали прежніе примѣры". Если же иностранныя книги будутъ разсматриваться при таможняхъ или мѣстнымъ начальствомъ (какъ это и было предписано министромъ полиціи), то это еще болѣе задержитъ продажу привозимыхъ изъ-за границы книгъ, не говоря уже о томъ, что не вездѣ могутъ найтись люди, которые могутъ о нихъ судить.

министровъ, то не должно было бы опасаться, что будутъ утверждены два постановленія, другъ другу противорѣчащія [1]).

Комитетъ министровъ, выслушавъ мнѣніе Разумовскаго въ засѣданіи 24 янв. 1812 г., остался при прежнемъ своемъ положеніи, но два члена, Гурьевъ и Козодавлевъ, присоединились къ мнѣнію Разумовскаго, а Сперанскій полагалъ, что дѣло это должно быть разсмотрѣно въ государственномъ совѣтѣ, и государь утвердилъ это послѣднее мнѣніе. Тогда Балашовъ представилъ на разрѣшеніе государя вопросъ, препровождать ли къ исполненію утвержденный имъ штатъ комитета, и въ засѣданіи комитета министровъ 24 апрѣля того же года, уже послѣ удаленія Сперанскаго изъ Петербурга, заявилъ, что государь далъ 2 апрѣля такой отзывъ на его докладъ: «возраженія на существованіе цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи быть не можетъ», ибо онъ установленъ § 87 учрежденія министерства, а потому утвержденный штатъ долженъ быть осуществленъ, замѣчанія же министра народнаго просвѣщенія или даже и государственнаго совѣта могутъ относиться лишь къ правиламъ для этого комитета, которыя могутъ быть нѣсколько измѣнены или даже и вовсе передѣланы. Затѣмъ дѣло это надолго пріостановилось, такъ какъ во время войны 1812—1814 г.г. было не до него.

Въ засѣданіи комитета министровъ 17 окт. 1814 г. управляющій министерствомъ полиціи Вязьмитиновъ указалъ на то, что все еще нѣтъ обѣщанныхъ правилъ, и въ то время, какъ петербургская полиція останавливаетъ много политическихъ и историческихъ сочиненій, въ другихъ городахъ такія книги свободно продаются. По просьбѣ Вязьмитинова, комитетъ разрѣшилъ ему предписать гражданскимъ губернаторамъ: 1) чтобы книгопродавцы, торгующіе иностранными книгами, представили каталоги продаваемыхъ ими книгъ политическаго, историческаго и романическаго содержанія чрезъ губернаторовъ въ министерство полиціи, и затѣмъ продавать только тѣ, на которыя будетъ дано разрѣшеніе, и 2) чтобы такъ же поступали съ книгами, вновь присылаемыми изъ-за границы, т. е. чтобы не выпускали ихъ въ продажу, пока не получатъ на то разрѣшенія [2]).

17 апрѣля 1815 г. Вязьмитиновъ внесъ въ государственный совѣтъ проектъ правилъ для цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи, при чемъ, сославшись на резолюцію государя 2 апрѣля 1812 г., мотивировалъ необходимость этихъ правилъ, во-первыхъ, тѣмъ, что теперь въ большомъ количествѣ привозятъ изъ за границы книги политическія и историческія, и, во-вторыхъ, что послѣднія событія во Франціи требуютъ бдительнаго наблюденія за изданіями, выходящими въ Россіи.

---

[1]) Арх. госуд. сов., дѣло департ. экономіи 1815 г. № 37—677.

[2]) *Середонинъ*. „Историч. обзоръ дѣят. комит. министровъ“, I, 392—393.

Въ соединенномъ засѣданіи департаментовъ законовъ и экономіи государственнаго совѣта 23 іюля 1815 г. Шишковъ, членъ департамента законовъ, представилъ мнѣніе «о разсматриваніи книгъ или цензурѣ», въ которой доказывалъ недостаточность существующей цензуры для отвращенія «вреда, приносимаго худыми книгами воспитанію, нравамъ и просвѣщенію», и предлагалъ создать особое цензурное учрежденіе, не подчиненное никакому министерству и состоящее изъ верхняго и нижняго «сословій или комитетовъ»: нижній комитетъ «изъ людей избранныхъ,.. добронравныхъ, ученыхъ, знающихъ языкъ и словесность» (какъ напр., изъ профессоровъ, членовъ Россійской Академіи и др.), и верхній —изъ министровъ просвѣщенія и полиціи, оберъ-прокурора синода и президента Россійской Академіи [1]).

Въ этомъ же засѣданіи представилъ свои объясненія и министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій. Онъ заявилъ, что никогда не думалъ оспаривать существованіе цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи, но указываетъ на то, что если цензура при министерствѣ полиціи установится согласно предложеніямъ управляющаго этимъ министерствомъ, то будетъ уничтожена или по крайней мѣрѣ сильно стѣснена цензура министерства просвѣщенія, между тѣмъ какъ цензурный уставъ 1804 г. одно изъ лучшихъ установленій этого министерства. Проектъ правилъ полицейской цензуры, по словамъ Разумовскаго, далеко не достаточенъ въ сравненіи съ правилами устава 1804 г., самое распредѣленіе книгъ въ этихъ правилахъ между тѣмъ и другимъ цензурнымъ вѣдомствомъ онъ находилъ сбивчивымъ и непонятнымъ и утверждалъ, что учредить двѣ такихъ цензуры значитъ установить двѣ власти, изъ которыхъ одна или будетъ совершенно излишняя, или станетъ дѣйствовать вопреки другой, что министерство просвѣщенія, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ способы воспитанія, можетъ лучше дѣйствовать на духъ народный и общее мнѣніе, что подвергать иностранныя книги предлагаемой министерствомъ полиціи цензурѣ не только стѣснительно, но почти невозможно и что съ принятіемъ предложенныхъ этимъ министерствомъ правилъ, оно вышло бы изъ предѣловъ, предписанныхъ ему высочайшимъ учрежденіемъ [2]).

Соединенные департаменты законовъ и государственной эконо-

---

[1]) «Записки, мнѣнія и переписки адмирала А. С. Шишкова», Берл. 1870, т. II, 43—52; «Русс. Арх.» 1865 г., стр. 1339—1352.

[2]) Управляющій министерствомъ полиціи въ докладѣ государю 25 янв. 1816 г., между прочимъ, говоритъ, что „министръ просвѣщенія, въ мнѣніи своемъ, призывая тѣни древнихъ ученыхъ и литераторовъ, распространялся въ умозрительныхъ разсужденіяхъ насчетъ неумѣстности и предосудительности соединенія цензуры съ полиціею, въ коемъ видитъ года французской революціи, и удивляется мудрости Людовика XVIII, который... обратилъ вниманіе на сіе странное сочетаніе цензуры съ полиціею“. „Сборникъ истор. матер. извлеченн. изъ Архива собств. Е. Вел. Канц.“, т. VIII, 190—191.

міи полагали: 1) Цензуру издаваемыхъ книгъ оставить по прежнему въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія. 2) Министерству полиціи поручить составить цензурный комитетъ на основаніяхъ, предначертанныхъ въ его учрежденіи. 3) Цензуру иностранныхъ книгъ и отвѣтственность торгующихъ ими оставить на томъ основаніи, какъ опредѣлено цензурнымъ уставомъ 1804 г. 4) Осуществленіе предложенія Шишкова департаменты нашли неудобнымъ.

Затѣмъ дѣло это разсматривалось въ двухъ засѣданіяхъ общаго собранія государственнаго совѣта, 2 и 16 августа 1815 г. Вязьмитиновъ подалъ 15 августа мнѣніе, въ которомъ говоритъ, что уставъ 1804 г. былъ составленъ тогда, когда еще не существовало министерства полиціи, теперь же этому министерству предоставлено вліяніе на цензуру и кромѣ того присвоена, какъ признаетъ и государственный совѣтъ, «цензура *наблюдательная* или, такъ сказать, *взыскательная*». Если цензура всѣхъ издаваемыхъ книгъ останется въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія, «то какимъ образомъ министерству полиціи можно будетъ судить о книгахъ, обращающихся въ публикѣ, и представлять о нихъ государю императору? Ежели наблюдательная обязанность останется на министерствѣ полиціи», то состоящій при немъ комитетъ долженъ просматривать выходящія въ свѣтъ книги, и, слѣдовательно, онѣ должны быть ему доставляемы. Если встрѣтится книга, подающая поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, какъ это не разъ случалось въ послѣднее время, то задержаніе ея, «когда она будетъ находиться уже въ рукахъ каждаго», будетъ противно цѣли этой мѣры и повлечетъ за собою тысячу непріятныхъ послѣдствій для сочинителя, типографщика, книгопродавца и самой цензуры». Вязьмитиновъ требовалъ участія министерства полиціи въ цензурованіи книгъ, привозимыхъ изъ-за границы, и утверждалъ, что мѣры, установленныя въ этомъ отношеніи, по его предложенію, комитетомъ министровъ, не вызываютъ никакихъ затрудненій.

При голосованіи вопроса о цензурѣ министерства полиціи 16 августа 1815 г., въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 11 членовъ [1]) считали нужнымъ оставить цензуру въ томъ положеніи, въ какомъ она находится по уставу 1804 г., за исключеніемъ того, что установлено комитетомъ министровъ объ иностранныхъ книгахъ, въ виду же неудовлетворительности нынѣшняго учрежденія цензуры доложить о преобразованіи ея государю. Три члена [2]), соглашаясь съ мнѣніемъ министра просвѣщенія, полагали привести цензуру въ то положеніе, въ какое она поставлена уставомъ 1804 г. безъ всякихъ прибавленій, и не представлять о пре-

---

[1]) Кн. Лопухинъ, кн. Куракинъ 2-й, Мордвиновъ, Фонъ-Дезинъ, кн. Лобановъ, Ростовскій 1-й, Трощинскій, Гурьевъ, Саблуковъ, Неплюевъ, Козодавлевъ и Вейдемейеръ.

[2]) Гр. Литта, кн. Салтыковъ и Корнѣевъ.

образованій ея государю. Наконецъ, Вязьмитиновъ остался одинъ при своемъ мнѣніи [1]).

25 января 1816 г. управляющій министерствомъ полиціи представилъ государю записку, въ которой указывалъ, что министерству полиціи приходилось исполнять свои цензурныя обязанности «безъ опредѣленныхъ правилъ, руководствуясь собственными... соображеніями». Его занятія состояли въ слѣдующемъ: 1) оно наблюдало за всѣми выходящими въ Россіи газетами и прочими повременными изданіями, печатаемыми съ дозволенія «ученой цензуры», и находилось въ частыхъ сношеніяхъ по этому предмету съ министерствомъ просвѣщенія, которое «всегда соглашалось съ министерствомъ полиціи» на счетъ неосмотрительности ученой цензуры въ пропускѣ разсужденій, несогласныхъ съ духомъ общимъ и народнымъ; 2) наблюдало за всѣми выходящими въ Россіи съ дозволенія ученыхъ цензуръ книгами и не разъ доводило до свѣдѣнія министерства просвѣщенія о тѣхъ изъ нихъ, которыя подавали поводъ къ превратнымъ толкованіямъ; 3) разсматривало всѣ представляемыя въ театрахъ сочиненія, изъ которыхъ было дозволено 532 и запрещено 53, и 4) разсматривало всѣ книги, вывезенныя изъ-за границы [2]). Но такъ какъ вслѣдствіе неутвержденныхъ правилъ для занятій цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи не могъ быть осуществленъ и утвержденъ государемъ штатъ ея, то цензурныя обязанности исполняли чиновники особенной канцеляріи министерства полиціи, которые докладывали то письменно, то словесно «о каждомъ предосудительномъ мѣстѣ и выраженіи главнокомандующему въ Петербургѣ» (управлявшему министерствомъ полиціи), и онъ приказывалъ выпустить или задержать то или другое произведеніе [3]).

Вслѣдствіе записки Вязьмитинова, государь вновь приказалъ разсмотрѣть это дѣло въ государственномъ совѣтѣ. Кн. А. Н. Голицынъ, вступившій въ исправленіе должности министра народнаго просвѣщенія, представилъ 1 мая 1817 г. свое мнѣніе по этому предмету. Соглашаясь съ мнѣніемъ своего предшественника, гр. Разумовскаго, онъ утверждалъ, что цензурный уставъ 1804 г. составленъ очень хорошо: съ одной стороны, онъ опредѣляетъ всѣ нужныя мѣры для охраненія общества отъ вредныхъ книгъ, а съ другой — не стѣсняетъ свободы печати и даже въ случаѣ неодобренія книгъ указываетъ удобные способы къ ихъ исправленію. Что же касается министерства полиціи, то ему предоставлено закономъ только наблюденіе за точнымъ исполненіемъ закона установленными для цензуры учрежденіями, а относительно иностранныхъ книгъ—на-

---

[1]) Арх. госуд. сов., дѣло департ. экон. 1815 г. № 37/677.

[2]) Въ 1812 г. было привезено въ Россію и разсмотрѣно 25 мѣстъ съ книгами, а въ 1815 г.—122, не считая мелкихъ посылокъ.

[3]) „Сборн. историч. матеріаловъ, извлеч. изъ архива соб. е. в. канцеляріи“, т. VIII, 188—194.

блюденіе, чтобы книжныя лавки не торговали недозволенными книгами. Власть рѣшительная (или, по терминологіи кн. Голицына, «судебная») принадлежитъ министерству полиціи только относительно новыхъ театральныхъ сочиненій и отдѣльныхъ листочковъ (афишъ). Предположеніе, что цензура иностранныхъ книгъ поступила въ вѣдѣніе министерства полиціи по положенію комитета министровъ 17 октября 1814, не справедливо, ибо комитетъ постановилъ только, чтобы реестры и каталоги иностранныхъ книгъ политическаго, романическаго и историческаго содержанія были посылаемы въ это министерство, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и самая цензура иностранныхъ книгъ была предоставлена министерству полиціи и чтобы вмѣсто реестровъ туда присылали для разсмотрѣнія эти книги. Напротивъ, правила относительно иностранныхъ книгъ ясно указаны въ уставѣ о цензурѣ 1804 г. Въ заключеніе Голицынъ говоритъ, что было бы неприлично, если бы «цензура одного министерства цензуровала послѣ цензуры другого». Если предполагать цензурные недосмотры, то понадобится еще третья цензура, и цензурованію не будетъ конца.

3 сентября 1817 г. дѣло это вновь разсматривалось въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. При голосованіи, 8 членовъ [1]) высказались за то, что полагали при голосованіи 16 авг. 1815 г. только три члена, т. е. чтобы оставить цензуру на основаніи устава 1804 г.; одинъ членъ (Неплюевъ) согласился съ прежнимъ мнѣніемъ 11 членовъ, т. е. чтобы, сдѣлавъ изъятіе въ уставѣ относительно иностранныхъ книгъ, сверхъ того дополнить его; наконецъ, управляющій министерствомъ полиціи Вязьмитиновъ по прежнему остался при своемъ мнѣніи, что необходимо учредить цензуру при министерствѣ полиціи на основаніи представленныхъ имъ правилъ [2]).

Вотъ на этомъ-то засѣданіи общаго собранія государственнаго совѣта, 3 сент. 1817 г., присутствовалъ Н. И. Тургеневъ и такъ описалъ его въ своемъ дневникѣ: «Начали чтеніемъ мнѣнія министра полиціи. Сколь мы ни глупы, но умѣемъ писать вредный и хамскій вздоръ не хуже другихъ народовъ. Только цитаты намъ не удаются. Никто бы не могъ вообразить, что въ мнѣніи о полицейской цензурѣ говорится о Невтонѣ и о Декартѣ. Но, несмотря на полицейское краснорѣчіе Козьмича» (Сер. Кузьмичъ Вязьмитиновъ), «онъ упалъ: либеральныя идеи, если, впрочемъ, онѣ совмѣстны съ цензурою, восторжествовали; Козьмичъ хлопалъ глазами и напомнилъ мнѣ инквизитора въ Донъ-Карлосѣ... Надобно еще замѣтить, что еще въ 1815 г. предлагалъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія» (гр. Алексѣй Кир. Разумовскій) «возвратить силу цензурному

[1]) Кн. Лопухинъ, Саблуковъ, гр. Литта, Вейдемейеръ, Пестель (отецъ П. И. Пестеля), кн. Голицынъ, кн. Лобановъ-Ростовскій и Козодавлевъ.

[2]) На дѣлѣ этомъ рукою Аракчеева отмѣчено: „Государь имп. изволилъ читать въ Москвѣ 12 ноября 1817 г.". Арх. гос. сов. дѣло по Департ. Эком. № 37—677.

уставу 1805 (т. е. 1804) года. Тогда три члена, гр. Литта, Салтыковъ и Корнѣевъ, только согласились съ нимъ совершенно. Прочіе ограничивали уставъ какими-то постановленіями комитета министровъ. Теперь дѣлалъ представленіе кн. Голицынъ, и всѣ съ Разумовскимъ согласились. Еще новый источникъ либеральности! Остается только знать: можетъ ли быть прочною либеральность, изъ такихъ нелиберальныхъ источниковъ проистекающая!... Боже мой! что это за варварство! Что за хамство! Когда десница Твоя оживотворитъ Россію? Или, когда громъ Твой грянетъ на дураковъ, на хамовъ, на....» (sic) [1]).

Въ 1818 г. (7 октября) Тургеневъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія мысли по поводу одного зловреднаго распоряженія по цензурѣ. «Какъ мало надежды для Россіи во всемъ, что теперь имѣетъ вліяніе на будущую судьбу ея. Недавно мнѣ сказывали, что министръ просвѣщенія предписалъ цензурѣ, чтобы она ничего не пропускала прежде, нежели представляемое къ напечатанію будетъ одобрено тѣмъ министромъ, до котораго части управленія касается написанное [2])... Законъ для этихъ людей—ничего, потому что они думаютъ имѣть довольно кредита, чтобы въ свою очередь дѣлать законы». Въ 1820 г., уже будучи членомъ Союза Благоденствія, Тургеневъ, отмѣтивъ въ дневникѣ извѣстіе, что Магницкій сочиняетъ цензурный уставъ [3]), и обозвавъ его «нравственнымъ Шварцемъ [4]), продолжаетъ: лучшій цвѣтокъ въ гражданскомъ вѣнкѣ Александра [5]) будетъ сорванъ рукою Магницкаго! И добрые люди не могутъ закричать на хищника, на вора! Вотъ чему подвержены государи самодержавные! Если майнцскій журналистъ при введеніи въ Германіи цензуры сказалъ, что свобода книгопечатанія умираетъ съ чистою совѣстью, то что скажемъ мы при уничтоженіи цензурнаго устава, которому, впрочемъ, указы министерскіе не позволяютъ дѣйствовать, что скажемъ мы о сей перемѣнѣ въ отношеніи къ нашей не свободѣ книгопечатанія, но просто къ нашему книгопечатанію? Это едва зачавшійся ребенокъ, истребленный

---

[1]) Въ 1819 г. произошло опять столкновеніе по дѣламъ цензурнымъ между министерствами просвѣщенія и полиціи. См. *Середонинъ*. I. 394—396: „Сборн. матер., извлеч. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц." VI, 30.

[2]) Дѣйствительно, 10 февраля 1817 г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія (кн. Голицынъ) предписалъ, чтобы и особыми книжками петербургскій цензурный комитетъ не позволилъ печатать ничего относящагося до правительства, не испросивъ прежде согласія на то министерства, о предметахъ вѣдомства котораго разсуждается въ книжкѣ.

[3]) Извѣстный полковникъ Семеновскаго полка, изъ-за требовательности и жестокости котораго незадолго передъ тѣмъ произошло въ полку волненіе, вызвавшее его раскассированіе. См. мою статью въ журналѣ „Былое" 1907 г. № 1—3.

[4]) Мысли и проекты Магницкаго о цензурѣ изложены Сухомлиновымъ. „Изслѣдованія" I, 463 и слѣд.

[5]) Цензурный уставъ въ 1804 г., сравнительно либеральный. *Сухомлиновъ*. „Изслѣдованія" I, 414—415. 419.

врачемъ самозванцемъ. Долженъ ли онъ быть безгрѣшнѣе взрослой и давно уже совершеннолѣтней германской свободы печатанія?» Тургеневъ хотѣлъ бы поставить эпиграфомъ къ своему цензурному уставу слова Ривароля: «замѣтили, что, чѣмъ менѣе человѣкъ читалъ, тѣмъ болѣе опасными онъ считаетъ книги, тѣмъ болѣе онъ старается привести и другихъ въ свое положеніе».

Поэтъ В. К. Кюхельбекеръ, членъ Сѣвернаго Общества, въ своемъ показаніи говоритъ, что одною изъ причинъ его «неудовольствія настоящимъ положеніемъ дѣлъ было крайнее стѣсненіе, которое россійская словесность претерпѣвала въ послѣднее время не въ силу цензурнаго устава, но, какъ полагалъ я, отъ самоуправства цензоровъ». Онъ обращаетъ вниманіе на то, что такое «до невѣроятія тягостное стѣсненіе породило рукописную словесность», которая въ глазахъ читателей «получаетъ цѣну отъ самого запрещенія». Въ видѣ примѣра запретныхъ произведеній онъ называетъ трагедію Княжнина «Вадимъ» (авторъ ея, нужно замѣтить, вовсе не былъ повиненъ въ тѣхъ республиканскихъ идеяхъ, въ которыхъ онъ былъ заподозренъ, уже послѣ своей смерти, при Екатеринѣ II). А. Бестужевъ на вопросъ слѣдственной коммиссіи о Грибоѣдовѣ, между прочимъ, показалъ, что съ нимъ, «какъ съ человѣкомъ свободномыслящимъ, нерѣдко мечталъ о желаніи преобразованія Россіи.... Онъ, какъ поэтъ, желалъ этого для свободы книгопечатанія». Спрошенный по этому поводу, Грибоѣдовъ отвѣчалъ: «я говорилъ не о безусловной свободѣ книгопечатанія, желалъ только, чтобы она не стѣснялась своенравіемъ иныхъ цензоровъ». Слова эти, конечно, не были искреннимъ выраженіемъ мнѣнія Грибоѣдова о цензурѣ, которая препятствовала появленію въ свѣтъ «Горя отъ ума».

Не мало говоритъ о цензурѣ декабристъ бар. В. И. Штейнгель и въ своемъ показаніи во время слѣдствія, и въ письмѣ къ имп. Николаю. Въ показаніи 9 февраля 1826 г. Штейнгель указываетъ на то, что правительство обнаружило нѣкоторую терпимость къ либеральнымъ идеямъ, «чтобы распространеніемъ просвѣщенія пріуготовить Россію къ принятію конституціонныхъ началъ. Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ издаваемъ былъ журналъ [1]), въ которомъ помѣщались весьма свободныя статьи и которымъ публика пріучалась слѣдить за дѣйствіемъ правительства. Потомъ нѣсколько лѣтъ существовалъ «Духъ Журналовъ» [2]), въ качествѣ

---

[1]) „С.-Петербургскій Журналъ", выходившій въ свѣтъ въ 1804—1809 г. Въ немъ помѣщались отчеты министра внутреннихъ дѣлъ, представляемые государю и написанные Сперанскимъ; опубликованіе этихъ отчетовъ было нововведеніемъ Кочубея. Въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ" печатались также переводы изъ сочиненій Бентама и нѣк. друг. авторовъ.

[2]) Началъ выходить въ свѣтъ въ 1815 г. и былъ запрещенъ въ 1820 г. См. о немъ *Пятковскій* „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія". Спб. 1876 г. т. I, 301—316. Кн. Голицынъ 6 окт. 1820 г.

оппозиціоннаго, періодическаго изданія, въ которомъ печатались весьма сильныя опроверженія противъ распоряженій правительства, защищаемыхъ министеріальною газетою «Сѣверною Почтою». Въ письмѣ къ Николаю I Штейнгель также отмѣчаетъ, что по учрежденіи министерствъ «была ослаблена цензура», «поощрены переводы печатаніемъ съ Высочайшаго соизволенія книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага; такъ напечатаны: «Конституція Англіи» де-Лольма (въ 1806 г.), творенія Монтескье Бентама и другихъ».—Нѣсколько далѣе, въ томъ же письмѣ Штейнгель говоритъ: «хотя постепенно цензура дѣлалась строже, но въ то же время явился феноменъ, небывалый въ Россіи—девятый томъ «Исторіи Государства Россійскаго», смѣлыми, рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченнаго самовластія и одного изъ... царей открыто наименовавшій тираномъ, какому подобныхъ мало представляетъ исторія». Штейнгель дивится, что цензура, привязывавшаяся даже къ словамъ, въ родѣ «ангельская красота», пропускала такія произведенія, какъ «Волынскій», «Исповѣдь Наливайки» (Рылѣева), «Братья Разбойники» (Пушкина), статью объ избраніи на царство Годунова (въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1825 г. № 22 [1]); во время междуцарствія въ одномъ магазинѣ были выставлены портреты испанскихъ революціонеровъ Ріеги и Квироги. «Происшествіе съ переводомъ сочиненія пастора Госнера дало поводъ къ немалому волненію умовъ [2]). Удаленіе кн. Голицына отъ министерства просвѣщенія и уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ сдѣлалось эпохою низложенія мистицизма и библіизма [3]). Представилось соблазнительное торжество извѣстнаго Фотія, представляющаго святого ревнителя церкви и въ то же

велѣлъ съ 1821 г. прекратить „Духъ Журналовъ" за напечатанныя въ 1820 г. статьи въ № 3 „Надежды англичанъ по случаю новаго тарифа русскаго" (стр. 139—140, переводъ изъ „Times") и въ №№ 17 и 18 (стр. 187—188) за порицаніе монархическаго правленія. „Духъ Журналовъ" защищалъ свободу торговли и выражалъ сочувствіе свободѣ политической, но вмѣстѣ съ тѣмъ защищалъ крѣпостное право. Ср. мою книгу „Крестьянскій вопросъ" I, 406—407, Туганъ-Барановскій „Русская фабрика". Спб. 1895 г., стр. 269—276.

[1]) Штейнгель говоритъ, очевидно, о „Запискахъ о дѣлахъ московскихъ, веденныхъ съ 1598 г. Гримовскимъ и представленныхъ Сигизмунду III, королю польскому", которыя были напечатаны въ „Сѣверн. Архивѣ" 1825 г. № 21, стр. 3—51.

[2]) О дѣлѣ Госнера см. *Пыпинъ* „Россійское библейское общество", „Вѣстникъ Европы" 1868 г. № 11, стр. 260, 263, 264—283. „Записки" Греча, 314—323; „Записки, мнѣнія и переписка" Шишкова т. II. Именные указы 25 апр. 1824 г. о высылкѣ Госнера изъ Россіи см. «Сборн. ист. мат. извлеч. изъ архива соб. Е. В. Канц.» VI, 119—120.

[3]) См. статьи *Пыпина* «Росс. библ. общество», «Вѣстн. Евр.» 1868 г. №№ 8, 9, 11 и 12; «Г-жа Крюденеръ», «В. Е.» 1868 г. № 8 и 9, «Имп. Александръ I» и «квакеры», «В. Е.» 1869 г. № 10. *Дубровинъ* «Наши мистики-сектанты. Лабзинъ и его журналъ «Сіонскій Вѣстникъ», «Рус. Стар.» 1894 г. № 9—12, 1895 г. № 1.

время обирающаго знаменитую свою поклонницу [1]). Обнародованъ оскорбительный для кн. Голицына рескриптъ къ новому министру просвѣщенія (именной указъ Шишкову, 17 ноября 1824 г.) по случаю дозволенія напечатать книгу Станевича, за пропущеніе коей прежде пострадалъ духовный цензоръ Иннокентій; между тѣмъ какъ читавшіе книгу сію въ публикѣ увѣряютъ, что она ни той, ни другой чести не заслуживаетъ [2]). Объявлено запрещеніе и самая конфискація тѣхъ книгъ, кои прежде напечатаны съ высочайшаго дозволенія. Пріостановленъ даже катехизисъ архіепископа Филарета, на заглавномъ листѣ коего означено было, что онъ святѣйшимъ синодомъ разсмотрѣнъ и одобренъ и напечатанъ по высочайшему соизволенію. Надобно было видѣть дѣйствіе такого запрещенія: въ два—три дня въ Москвѣ выкуплены всѣ экземпляры за тройную цѣну» [3]). Якубовичъ въ письмѣ къ Николаю I указалъ на вредъ отъ подавленія общественнаго или, какъ тогда говорили, «общаго» мнѣнія [4]).

Декабристъ Александръ Мих. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ на стѣсненіе ввоза иностранныхъ книгъ. Нужно, однако, замѣтить, что книгопродавцы, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, имѣли возможность обходить эти стѣснительныя мѣры. Секретарь цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи никогда не принималъ лично ящика съ книгами; онъ получалъ только фактуру или списки книгъ, на которыхъ отмѣчалъ красными чернилами запрещенныя книги и требовалъ и оставлялъ у себя тѣ, которыя

---

[1]) О Фотіи см. статьи *Карновича* («Рус. Стар.» т. XIII) и *Миропольскаго* («Вѣст. Евр.» 1878 г. №№ 11 и 12). Автобіографія Фотія въ «Рус. Стар.» 1894—96 гг.

[2]) Собр. зак. т. XL, № 30,119. Объ Архимадритѣ Иннокентіи и книгѣ Станевича, первое изданіе которой вышло въ 1818 г., см. *Пыпинъ* «Росс. библ. общ.», «Вѣстн. Евр.» 1868 г. № 11, стр. 244, 248—255, № 12, стр. 710—712; Записки Шишкова II, 178—179, 209—214.

[3]) Срав. *Пыпинъ* «Росс. библ. общ.», «Вѣстн. Евр.» 1868 г. № 12, 712—716; Записки Шишкова II, 205—208, 215—217. Якушкинъ въ своихъ мемуарахъ напоминаетъ еще о запрещеніи «Естественнаго Права» Куницына (ч. I, 1818 г., ч. II, 1820 г.). Главное правленіе училищъ признало это сочиненіе «противорѣчащимъ явно истинамъ христіанскимъ и клонящимся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ»: оно было запрещено, изъято изъ продажи и отобрано какъ изъ библіотекъ, такъ и отъ частныхъ лицъ, успѣвшихъ ее пріобрѣсти, а самъ Куницынъ уволенъ отъ преподаванія въ университетѣ. *Өеоктистовъ*, Магницкій. Спб., 1865 г. стр. 9—17; *Григорьевъ* «Имп. С.-Петерб. университетъ». Спб. 1870 г., стр. 35; *Сухомлиновъ*, изслѣд. I, 205.

[4]) Батеньковъ въ своемъ показаніи упоминаетъ о гоненіи на стихи Языкова о новгородцахъ. Вѣроятно, дѣло идетъ о написанной въ 1825 г. «Военной новгородской пѣснѣ 1170 года», гдѣ недозволительнымъ даже и съ тогдашней цензурной точки зрѣнія могли считаться развѣ два слѣдующихъ стиха:

«Не выдадимъ чести народной—
Свободы наслѣднаго права».

(«Стихотворенія Н. Языкова». Спб. 1833 г., стр. 201).

признавались подлежащими разсмотрѣнію цензуры Но фактуры содержатъ въ себѣ только названія книгъ, безъ обозначенія, сколько экземпляровъ привезено, такъ что книгопродавцы могли объявлять то число, какое имъ заблагоразсудилось, и они отсылали обратно, въ случаѣ признанія книгъ запрещенными, указанное ими количество. Вязьмитиновъ, чтобы избавить книгопродавцевъ отъ убытка за выписанную книгу, иногда приказывалъ оставлять ее въ цензурѣ, а книгопродавцамъ выдавались за нее деньги. Въ Ригѣ и другихъ портахъ на Балтійскомъ морѣ книгопродавцы совсѣмъ не показывали запрещенныхъ книгъ въ своихъ фактурахъ и каталогахъ [1]).

Крайне возмущало также членовъ Тайнаго Общества стѣсненіе университетской науки и преслѣдованіе профессоровъ. 14 сентября 1820 г. Н. Тургеневъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что въ инструкціи директору казанскаго университета предписывалось «смотрѣть, чтобы жены сторожей не мыли бѣлья и не пекли хлѣбовъ на сторону, чтобы учители внушали покорность юношеству, чтобы внушали, что всѣ языческіе герои были пустые гордецы; чтобы директоръ входилъ въ сношеніе съ полиціею для узнанія, куда, къ кому ходятъ въ городъ учителя и что они дѣлаютъ. На сей инструкціи написано: «быть по сему». Чувства мои къ Магницкому—продолжаетъ Тургеневъ—не перемѣнились» [2]). 24 сентября 1821 г. онъ же отмѣтилъ: «четыремъ профессорамъ здѣшняго университета (Герману, Арсеньеву, Галичу и Раупаху) запрещено читать лекціи, которыя кураторъ называетъ обдуманною системою невѣрія. Что дѣлаютъ сіи злые невѣжды изъ религіи христіанской? Veulent ils pousser ses principes dans leurs dernières conséquences (хотятъ ли они довести свои принципы до ихъ крайнихъ послѣдствій?). Тогда они ужаснулись бы, какъ сія религія несогласна съ гражданскимъ порядкомъ». 10 ноября того же года Тургеневъ записалъ: «судъ надъ профессорами ужасенъ не по лицамъ, которыя его производятъ, но по духу, который онъ свидѣтельствуетъ. Что съ этимъ будетъ? Мнѣ даже думать объ этомъ несносно. Будетъ ли это описано когда-нибудь». Каховскій въ письмѣ къ имп. Николаю говоритъ объ этомъ же событіи: «чтобы

---

[1]) Архивъ госуд. совѣта, дѣло комитета 1807 г., дѣло 1825 г. № 1. О цензурѣ въ царствованіе имп. Александра I, кромѣ книги Сухомлинова, см. еще *Скабичевскій.* «Очерки исторіи русской цензуры». Спб. 1892. Отмѣтимъ, что въ 1825 г. гр. Аракчеевъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія волю государя, чтобы въ журналахъ не было помѣщаемо ничего о военныхъ поселеніяхъ, кромѣ тѣхъ статей, которыя будутъ присланы отъ гр. Аракчеева. „Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи", стр. 30.

[2]) Инструкція директору казанскаго университета, утвержденная государемъ 17 января 1820 г., напечатана въ „Сборн. постановл. по минист. народ. просв. Спб. 1864 г. т. I; ср. о ней въ сочиненіи *Н. П. Загоскина* «Исторія казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія". Т. III, Каз. 1904 г., стр. 343—346; *Өеоктистовъ,* 66—68, 147.

доказать, сколь старались погасить» просвѣщеніе, «достаточно напомнить», что въ петербургскомъ университетѣ «за недоказанное преступленіе разогнаны лучшіе профессоры» [1]. По словамъ А. Бестужева (въ письмѣ къ Николаю), «ученые жаловались на то, что имъ не даютъ учить молодежь, на препятствія въ ученьи». А. М. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что «профессора нашихъ университетовъ были преданы инквизиторской власти» [2]. Штейнгель въ одномъ изъ своихъ показаній упоминаетъ о происшествіяхъ въ виленскомъ и казанскомъ университетахъ». Изъ виленскаго университета были удалены въ 1824 г.4 профессора: талантливый профессоръ исторіи Лелевель (извѣстный историкъ Польши), извѣстный знатокъ литовскаго права Даниловичъ, профессоръ теологіи Боровскій и талантливый профессоръ философіи Голуховскій. Послѣднему была поставлена въ вину изданная имъ за границею два года ранѣе книга «Философія въ ея отношеніи къ бытію цѣлыхъ народовъ и людей порознь» [3]. Понятно, что съ удаленіемъ изъ университетовъ людей живыхъ и талантливыхъ, очень многіе профессора блистали болѣе благонамѣренностью, чѣмъ научными и педагогическими заслугами, такъ что въ первые годы царствованія Николая I, М. Н. Муравьевъ, бывшій членъ Союза Благоденствія, далъ такую мѣткую и прочувствованную характеристику тогдашнихъ университетскихъ профессоровъ въ запискѣ, представленной государю: «Обратите вниманіе на многіе наши университеты, и вы увидите профессоровъ, читающихъ, подъ предлогомъ высшихъ наукъ, самыя элементарныя части оныхъ, приличныя гимназіямъ; въ преподаваніи не найдете ни постепенности, ни методы; профессоръ преподаетъ ту азбуку, которую затвердилъ тому 30 лѣтъ; наука двинулась впередъ, а онъ остался при старомъ и сдѣлался совершенно ей чуждымъ. У насъ профессора не имѣютъ надобности заниматься науками и слѣдовать за ихъ успѣхами. Они ищутъ чиновъ; ничто другое не подстрекаетъ ихъ честолюбіе, и любви къ наукѣ они не имѣютъ. Между тѣмъ спокойная, лѣнивая

---

[1]) См. *Сухомлиновъ* „Изслѣдованія" I, 254—266, 271—301, 337—397. „Чтен. Общ. Исторіи Древностей Россійскихъ" 1862 г. кн. 3, стр. 179—205.

[2]) Въ казанскомъ университетѣ послѣ ревизіи Магницкаго 1819 г. были удалены 11 профессоровъ и позднѣе—профессоръ естественнаго права Солнцевъ и одинъ лекторъ нѣмецкаго языка. *Ѳеоктистовъ*, 78—80; *Загоскинъ* „Ист. каз. унив.". Въ Харьковѣ преслѣдованіе опаснаго духа въ преподаваніи вызвало увольненіе двухъ профессоровъ: философіи—Шада (см. объ этомъ книгу проф. Багалѣя) и математики Осиповскаго. Въ Дерптѣ попечитель Ливенъ удалилъ изъ богословскаго факультета трехъ профессоровъ, обвиненныхъ въ раціонализмѣ. *Рождественскій*, 125.

[3]) См. *Жуковичъ*, «Сенаторъ Новосильцевъ и проф. Голуховскій» «Историч. Вѣстн.» 1887 г. № 9; *А. Погодинъ*. Виленскій учебный округъ 1803—1831 г. Спб. 1891 г. (Введеніе къ IV т. «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива мин. нар. просв.»), стр. LXXXIII—XCI.; *Lelevel*. Novosilzov à Vilna. Brux. 1844.

и безполезная жизнь ихъ доставляетъ имъ чины, и они любимы начальниками за смиренномудріе, а на успѣхи ихъ преподаванія никто не обращаетъ вниманія. Устройте, чтобы профессора обязаны были издавать ежегодно въ свѣтъ свои лекціи, и вы увидите, что большая половина оныхъ столько уже чужды наукамъ, что не въ состояніи будутъ сего исполнить. У насъ наука среди великолѣпныхъ зданій, для нея сооруженныхъ, при множествѣ служителей, поставленныхъ для прославленія и распространенія благодѣтельнаго свѣта ея, есть настоящая сирота» [1]).

Правительство не ограничивалось гоненіемъ на профессоровъ: студентовъ и даже гимназистовъ ссылали въ Сибирь и сдавали въ солдаты. По словамъ А. М. Муравьева, «четырнадцатилѣтній» Плятеръ «за школьническую проказу» въ виленскомъ университетѣ былъ отданъ въ солдаты, вмѣстѣ со многими своими товарищами [2]). Тутъ есть нѣкоторыя неточности. Дѣло было не въ университетѣ, а въ виленской гимназіи, находившейся, какъ и другія учебныя заведенія Виленскаго округа, подъ надзоромъ виленскаго университета. Въ день 3 мая 1823 г. ученикъ 5 класса Платеръ, вмѣстѣ съ тремя товарищами, написали на классной доскѣ»: Vivat konstitucay 3 maja, jak słodkie wspomnienie dla nas rodaków» (да здравствуетъ конституція 3 мая, какое пріятное воспоминаніе для насъ соотечественниковъ), «lecz nie ma ktoby się o nią dopomniał» (но некому о ней напомнить). Мѣстный военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ страшно раздулъ эту исторію и донесъ о ней цес. Константину Павловичу; въ Вильну былъ присланъ сенаторъ Новосильцовъ, подстрекавшій имп. Александра къ реакціонной политикѣ относительно Польши, и дѣло окончилось тѣмъ, что 15-лѣтній Платеръ и его трое товарищей были отданы въ солдаты [3]).

Константинъ Павловичъ поручилъ еще Новосильцову произвести разслѣдованіе о студентѣ виленскаго университета Масальскомъ, «объявившемъ себя передъ полиціймейстеромъ въ Вильнѣ

---

[1]) Попечитель харьковскаго университета Перовскій въ запискѣ (поданной имп. Николаю) 20 апр. 1826 г. говоритъ, что мѣры, принятыя министерствомъ народнаго просвѣщенія въ „предпослѣдніе года“ царствованія Александра I, „несообразныя съ потребностями отечества нашего, вступившаго въ первый рядъ государствъ европейскихъ, причинили болѣе вреда, нежели пользы. Онѣ ограничивались большею частью... утѣсненіемъ наукъ, самихъ по себѣ не вредныхъ, и исключеніемъ изъ университетовъ людей, которые, при надлежащемъ за ними надзорѣ, могли бы быть полезны обществу. Такимъ образомъ, университеты наши (я говорю въ особенности о харьковскомъ, болѣе другихъ мнѣ извѣстномъ) пришли въ совершенный упадокъ“. „Русская Старина“ 1901 г. № 5, стр. 366. Срав. Григорьевъ „Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія“. Спб. 1870, стр. 67 и слѣд.

[2]) Die Thronbesteigung Nikolaus I. Berl. 1902, s. 163.

[1]) *А. Погодинъ*, CIII—CXII. А. М. Муравьевъ сообщаетъ что мать Платера, умоляя государя о помилованіи сына, указала на его годы, на что Александръ I отвѣтилъ, что онъ „можетъ быть флейтщикомъ“.

либералистомъ и противникомъ монархическаго владѣнія». Обыски, произведенные по этому поводу, повели къ открытію двухъ кружковъ: «учебнаго» и «моральнаго» въ свислочской гимназіи и обществъ филоматовъ, променистыхъ (лучезарныхъ) [1]) и филаретовъ, арестованныхъ въ виленскомъ университетѣ. По разслѣдованію Новосильцова къ обществу филаретовъ принадлежало 166 человѣкъ, изъ нихъ было разыскано 135. Члены его. Занъ, Чечотъ и Сузинъ были приговорены къ заключенію въ крѣпости, первый на годъ, а двое другихъ на 6 мѣсяцевъ, 17 человѣкъ (въ томъ числѣ знаменитый поэтъ Адамъ Мицкевичъ) были переведены на службу въ русскія губерніи или высланы изъ западнаго края, трое были отданы подъ надзоръ полиціи и не могли поступить на службу безъ согласія вел. кн. Константина Павловича, два профессора-ксендза полоцкой іезуитской академіи лишились мѣста [2]).

А. М. Муравьевъ говоритъ еще въ своихъ воспоминаніяхъ, что «двое ребятъ (enfants) Малесонъ и Киръ, яко бы за неповиновеніе въ виленскомъ университетѣ, томились цѣлые годы въ Сибири». Тутъ опять нѣкоторыя неточности, какъ и относительно Платера. Молесонъ (19 л.), сынъ директора пятикласснаго училища въ Кейданахъ, вмѣстѣ съ товарищами написалъ политическія прокламаціи и расклеилъ ихъ на дверяхъ и воротахъ на площади и въ другихъ мѣстахъ. Новосильцовъ, которому объ этомъ было донесено, приказалъ молчать и ждать; въ третьей прокламаціи были угрозы противъ Константина Павловича, было сказано: «онъ не уйдетъ изъ нашихъ рукъ». Тогда эти юноши послѣ разслѣдованія, произведеннаго самимъ Новосильцовымъ, во время котораго ихъ подвергали тѣлеснымъ истязаніямъ (польскія показанія объ этомъ подтверждаются свидѣтельствомъ русскаго генерала гр. Сухтелена [3]), были преданы военному суду въ Вильнѣ. Молесонъ и его товарищъ Тиръ (а не Киръ) были сосланы въ каторжную работу въ Нерчинскъ на всю жизнь, другіе подверглись инымъ наказаніямъ (между прочимъ, публичнымъ тѣлеснымъ). Кейданская школа вслѣдствіе повелѣнія государя (20 февр. 1824 г.) была закрыта, и Новосильцовъ запретилъ принимать ея бывшихъ учениковъ во всѣ другія учебныя заведенія [4]).

---

[1]) Университетское начальство, произведя разслѣдованіе о променистыхъ въ 1822, не нашло въ нихъ ничего опаснаго.

[2]) *А. Погодинъ*, XCII—CIII, CXIV—CXXIII, *Lelevel*, 3—13, 21—25, 37—41. Донесеніе Новосильцова Константину Павловичу напечатано Вержбовскимъ въ „Варшав. унив. изв." 1897 г., №№ VIIII и X.

[3]) Онъ донесъ начальнику штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, Екельну, что „по увѣщеванію *и другимъ средствамъ, въ такомъ случаѣ полезнымъ*", одинъ воспитанникъ открылъ всю истину". Арх. Военноучен. отд. I. № 1046 а), ср. *Lelevel*, 20—21.

[4]) См. *А. Погодинъ*, CXXV—CXXVI, *Lelevel*, 14—17; „Сбор. истор. мат., извлеч. изъ арх. Соб. Е. В. Канц.", т. VI, 116—117; *Schiemann*, Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus , I, 171. Въ анонимномъ польскомъ

Другая исторія разыгралась въ шестиклассной гимназіи въ жмудскомъ мѣстечкѣ Крожахъ, когда было получено извѣстіе объ арестѣ променистыхъ. Одинъ ученикъ подговорилъ товарищей составить общество «черныхъ братій»; желая распространить его [1]), они обратились въ Вильну, и ихъ попытка сдѣлалось извѣстною администраціи. Ректоръ виленскаго университета Твардовскій утверждаетъ, что слѣдственная коммиссія, отправленная изъ Вильны въ Крожи, при допросахъ подвергала мальчиковъ тѣлесному наказанію. Константинъ Павловичъ предалъ ихъ военному суду въ Вильнѣ. Изъ 6 мальчиковъ двое были присуждены на 10 лѣтъ къ работамъ въ Бобруйской крѣпости, а потомъ сданы въ солдаты безъ выслуги въ Грузію; четверо другихъ были отправлены солдатами безъ выслуги въ оренбургскій гарнизонъ; одинъ учитель былъ приговоренъ на два года заключенія въ Бобруйской крѣпости [2]).

Въ Ковнѣ гимназисты подбрасывали русскіе стихи на великаго князя, которые, по словамъ Лелевеля, всѣмъ уже были хорошо извѣстны. Лелевель утверждаетъ, что двухъ изъ нихъ, привязавъ за шею веревкою къ стѣнѣ тюрьмы, кормили селедками для возбужденія жажды и тѣмъ вынудили признанія. Они были приговорены военнымъ судомъ «за составленіе возмутительныхъ и дерзостныхъ сочиненій» къ смертной казни, но государь (17 іюня 1824 г.) велѣлъ одного изъ нихъ сослать въ крѣпостную работу, другого (несовершеннолѣтняго) опредѣлить въ военную службу рядовыхъ съ выслугою, не лишая дворянства, а съ тремя велѣлъ поступить по приговору военнаго суда [3]).

Въ Поневѣжѣ были подкинуты разнымъ лицамъ записки слѣдующаго содержанія: «да здравствуетъ вольная конституція! Въ скоромъ времени вспыхнетъ въ Россіи революція, и мы освободимся отъ негоднаго деспотизма; мѣсто его заступитъ вольная конституція. Бѣда тому, кто станетъ помогать этому гнусному деспотизму и лицамъ, управляющимъ съ его помощью; напротивъ,

---

письмѣ 13 апр. 1824 г. къ Новосильцову, подброшенномъ въ полковомъ лазаретѣ въ Вилькомирѣ, упоминалось также о „мученіи, допущенномъ въ Кейданахъ, гдѣ въ первый можетъ быть разъ являлся въ образованной Европѣ способъ допрашиванія пыткою“. Арх. Соб. Е. В. Канц. секрет. опись карт.). 43. (Копія, снятая акад. Дубровинымъ).

[1]) Одно изъ воззваній напечатано въ ст. Шолковича въ „Памятникахъ въ нов. рус. исторіи“ изд. Кашпирева 1872, т. II, 107—108. Эта статья была перепечатана (съ нѣкоторыми дополненіями, но и съ большими сокращеніями относительно времени Александра I) два раза: 1) въ „Рус. Арх.“ 1874 г. т. I почему-то подъ именемъ С. Бархатова и 2) въ „Сборникѣ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи“, сост. Шолковичемъ, 1885 г. т. I. Направленіе этой статьи видно изъ того, что авторъ считаетъ дѣятельность Новосильцова еще недостаточно энергичной.

[2]) *А. Погодинъ*, CXXIII—CXXV, ст. *Шолковича*, стр. 148—152.

[3]) *А. Погодинъ*, CXXVI, *Lelevel*, 17, „Сборн. Мат. извл. изъ Арх. Соб. Е. Вел. Канц.“ VI, 109—110.

пусть надѣется на награду вѣчною славою тотъ, кто будетъ добиваться вольной конституціи. Скоро погибнетъ деспотизмъ и лица правящія, такимъ образомъ, отойдутъ въ вѣчность». Послѣ неудачныхъ усилій открыть виновныхъ, слѣдователь, по словамъ Лелевеля, уговорилъ двухъ братьевъ учениковъ 4-класснаго піарскаго училища (19 и 13 лѣтъ) принять отвѣтственность на себя. Затѣмъ они стали отрицать свою вину, но гражданскія власти, подвергнувъ тяжкому наказанію старшаго, вырвали у него вторичное признаніе. Затѣмъ онъ былъ преданъ военному суду, показывалъ свое изсѣченное тѣло и отрицалъ все, но тѣмъ не менѣе былъ осужденъ [1])

Что розыскъ, произведенный Новосильцовымъ, привелъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, къ которымъ стремился этотъ гнусный слуга русскаго самодержца,—признано теперь даже въ оффиціальномъ изданіи министерства народнаго просвѣщенія. Во введеніи къ IV тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія» и напечатаннаго по распоряженію этого министерства, г. А. Погодинъ говоритъ: «Теченіе, искавшее себѣ... исхода въ созданіи кружковъ, преслѣдовавшихъ общественныя задачи, приняло опредѣленный боевой характеръ только подъ давленіемъ крутыхъ мѣръ Новосильцова, который оказалъ такимъ образомъ весьма плохую услугу русскому дѣлу въ Литвѣ... Новосильцовъ сдѣлалъ національное самосознаніе этого края... прямо враждебнымъ Россіи» [2]), т. е. слѣдовало сказать не Россіи, а русскаго правительства: стоитъ только напомнить, что Мицкевичъ, пострадавшій вслѣдствіе розыска Новосильцова, былъ послѣ того въ дружескихъ отношеніяхъ со многими русскими, и, между прочимъ, съ Рылѣевымъ [3]).

А. Бестужевъ въ письмѣ къ имп. Николаю указываетъ на «уничтоженіе нормальныхъ школъ [4]) и гоненіе на просвѣщеніе», какъ на одну изъ причинъ общественнаго недовольства. Въ бесѣдахъ между основателями Союза Спасенія шла рѣчь о «закоснѣлости народа», какъ объ одной изъ «язвъ» нашего отечества.

3-го августа 1822 г. Н. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «на сихъ дняхъ [5]) вышелъ рескриптъ о закрытіи и о запрещеніи всякихъ тайныхъ обществъ. О гос (sic) сожалѣютъ нѣкоторые ревностные масоны.» Гр. Милорадовичъ донесъ имп. Александру

---

[1]) Арх. Военн. учен. Отд. I, № 1046 (а); *Lelevel*, 17–20; ст. Шолковича, 148.

[2]) *А. Погодинъ*, XCII.

[3]) Въ Казани Магницкій сдалъ двухъ студентовъ въ солдаты безъ суда. *Е. Ѳеоктистовъ*. „Магницкій". Спб. 1865 г. стр. 100.

[4]) Онъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ, вѣроятно, ланкастерскія школы, которыя были уничтожены въ арміи. *Пыпинъ*. „Обществ. движ.", изд. 3, стр. 342. Руничъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Ланкастерскія школы утратили значеніе". „Рус. Стар." 1901 г., № 5, стр. 386.

[5]) 1 августа. См. Пол. Собр. Зак. XXXIVII, № 29151.

22 сент. 1822 г., что Лабзинъ, извѣстный масонъ и вице-президентъ академіи художествъ, сказалъ по поводу этого указа: «Что тутъ хорошаго? Сегодня запретили ложи, а завтра принудятъ въ нихъ ходить. Ложи вреда не дѣлали, а тайныя общества и безъ ложъ есть. Вотъ у Кошелева тайные съѣзды, и князь Голицынъ туда ѣздитъ. Чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ дѣлаютъ». «О тайныхъ обществахъ», продолжаетъ Тургеневъ», никто не говоритъ, ибо никто ихъ не знаетъ и не думаетъ, чтобы они были и могли быть въ Россіи. И подлинно: послѣднее запрещеніе кажется лишнее». Штейнгель въ письмѣ къ Николаю также отмѣчаетъ впечатлѣніе, произведенное на общество только закрытіемъ масонскихъ ложъ, «внезапное уничтоженіе которыхъ.... послужило къ тайному огорченію многихъ». О масонскихъ ложахъ, отношеніи къ нимъ администраціи и участіи въ нихъ декабристовъ я буду говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Декабристы отмѣчаютъ еще одно печальное явленіе того времени. А. Бестужевъ, въ письмѣ къ Николаю I указываетъ на размноженіе шпіоновъ, а А. М. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «на основаніи только доноса низкаго шпіона, запирали въ крѣпость или ссылали въ отдаленный гарнизонъ и даже въ Сибирь» [1]).

22-го сентября 1822 г. Н. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Вчера я слышалъ о странныхъ, но смѣлыхъ вылазкахъ Лабзина на гр. Кочубея, котораго въ конференціи академіи художествъ предлагали въ почетные любители вмѣстѣ съ двумя другими. Онъ.... предложилъ.... къ такому же пріему Илью-кучера!» Дѣло въ томъ, что въ чрезвычайномъ, непубличномъ засѣданіи совѣта академіи художествъ 13 сентября, на которое, впрочемъ, были приглашены почетные любители и члены (13 сентября), было внесено предложеніе о выборѣ въ почетные любители трехъ лицъ: графовъ Гурьева, Аракчеева и Кочубея. Вице-президентъ академіи, извѣстный мистикъ Лабзинъ, не соглашался на это и особенно возражалъ противъ гр. Кочубея. Объ Аракчеевѣ и гр. Гурьевѣ Лабзинъ сказалъ, что онъ ихъ не знаетъ и достоинства ихъ ему не извѣстны, а о Кочубеѣ,—что онъ «и двухъ копѣекъ не стоитъ: это человѣкъ надутый и ничего не значущій». (*Дубровинъ* «Письма главн. дѣят.», 1883, стр. 358). Между прочимъ онъ сказалъ, продолжаетъ Тургеневъ, что если считаютъ нужнымъ выбрать этихъ трехъ лицъ потому, что они близки къ государю, то онъ предлагаетъ въ почетные любители кучера государя—Илью. Президентъ академіи Оленинъ, желая обратить эти слова въ шутку, спросилъ Лабзина, согласенъ ли онъ, чтобы до свѣдѣнія названныхъ лицъ было доведено,

---

[1]) Къ числу прелестей самодержавнаго режима принадлежитъ вскрытіе писемъ. Отъ него не были избавлены даже письма императрицы Маріи Ѳедоровны до самой ея смерти.

что онъ ихъ равняетъ съ кучеромъ Ильею. Лабзинъ отвѣчалъ: «Я отъ васъ этого не ожидаю, а впрочемъ, если вамъ угодно, то дѣлайте свое дѣло, а я сихъ господъ не боюсь» [1]).

11 ноября 1822 г. Н. Тургеневъ записалъ въ дневникѣ: «На сихъ дняхъ съ послѣднимъ курьеромъ получено здѣсь высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ столицы Лабзина и Катенина», перваго за его сцены въ академіи художествъ, послѣдняго за то, что кричалъ въ театрѣ: «не надо!» За Лабзина и Оленину досталось; велѣно сдѣлать ему строжайшій выговоръ за то, что отвѣчалъ Лабзину шуточнымъ образомъ, и за то, что не умѣлъ удержать его [2]). Наша публика не очень чувствительна. Катенина жалѣютъ тѣ, которые его знаютъ; Лабзина, кажется, никто. Впрочемъ, я говорю о публикѣ англійскаго клоба.. Лабзинъ, сказываютъ, ѣдетъ жить къ намъ въ Сенгилей... ему дали для выѣзда четыре дня. Катенинъ выѣхалъ въ то же утро». Лабзину, отставленному отъ службы, Кочубей назначилъ мѣстомъ жительства г. Сенгилей (Симб. губ.). Онъ находился тамъ подъ особеннымъ надзоромъ безъ права выѣзда до половины мая 1823 г., когда было дозволено поселиться въ Симбирскѣ, гдѣ онъ и умеръ 26 января 1825 геда [3]).

Высылка Катенина имѣла еще менѣе основаній: онъ громко протестовалъ въ театрѣ, послѣ представленія трагедіи Озерова «Поликсена», противъ того, что извѣстная артистка Семенова вывела съ собою на сцену игравшую въ пьесѣ ея ученицу, которую никто не вызывалъ. По жалобѣ Семеновой, гр. Милорадовичъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, «посовѣтовалъ» Катенину никогда не ѣздить въ русскій театръ и донесъ находившемуся тогда за границей императору Александру, который запретилъ Катенину въѣзжать въ обѣ столицы безъ его разрѣшенія. Повелѣніе государя было немедленно сообщено ему, и 7 ноября (въ день полученія повелѣнія государя изъ Вероны) онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Красное Село, но 10 ноября его выслали и оттуда. Катенинъ поселился въ гостиницѣ, прозванной «Красный Кабачекъ» (на петергофской дорогѣ), и прожилъ тамъ почти мѣсяцъ, пока не устроилъ чрезъ друзей своихъ дѣлъ въ Петербургѣ. Онъ уѣхалъ въ свою деревню (Костромской губ., Кологривскаго уѣзда, близъ Чухломы) 5 дек. 1822 г. Лишь чрезъ два съ половиною года, въ іюнѣ 1825 г., онъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ [4]).

Вопреки мнѣнію Н. Тургенева, высылка Лабзина произвела

---

[1]) См. *Дубровинъ*. „Наши мистики-сектанты". Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ", „Русская Старина" 1895 г. № 2. Оленинъ на запросъ Милорадовича передаетъ ему отвѣтъ Лабзина такъ: „Извольте имъ это сказывать, я ихъ не боюсь". *Дубровинъ*. „Письма", 357.

[2]) Оленину было поставлено въ вину и то, что онъ самъ не донесъ объ этомъ событіи.

[3]) *Дубровинъ* „Письма главн. дѣятелей", 359—362.

[4]) *Кубасовъ*. „Театральныя интриги въ 1822 г. (В. А. Каратыгинъ и П. А. Катенинъ)". „Рус. Старина", 1901 г., № 11, стр. 296—304.

сильное впечатлѣніе на извѣстную часть общества: Штейнгель причисляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ это событіе къ числу тѣхъ, которые «причинили особенную ажитацію въ умахъ».

Въ числѣ дѣлъ, вызвавшихъ недовольство въ обществѣ, А. М. Муравьевъ упоминаетъ о дѣлѣ полковника Бока: онъ «долго переписывался съ Александромъ и за то, что напомнилъ государю въ письмѣ, что онъ отрекся отъ своихъ прежнихъ намѣреній, былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и умеръ сумасшедшимъ». Бокъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость за намѣреніе представить лифляндскому ландтагу проектъ конституціоннаго характера и за смѣлое письмо государю. Послѣ десятилѣтняго заключенія, которое довело его до сумасшествія, онъ былъ освобожденъ и умеръ въ своемъ имѣніи въ дерптскомъ уѣздѣ [1]). А. М. Муравьевъ упоминаетъ и о преданіи военному суду (осужденныхъ уже при Николаѣ I) четырехъ офицеровъ семеновскаго полка: Вадковскаго, Кошкарева, Ермолаева и кн. Щербатова, тогда какъ дѣйствительными виновными, по его мнѣнію, были вел. кн. Михаилъ Павловичъ и полк. Шварцъ [2]).

В. Семевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Изложенію проекта Бока я предполагаю посвятить особый очеркъ.

[2]) Объ этомъ дѣлѣ см. въ моей статьѣ „Волненіе Семеновскаго полка въ 1820 г.“ „Былое“ 1907 г., №№ 1—3.

У СТАРОВѢРОВЪ.

(Очерки).

I.

Одно время, по нѣкоторымъ очень для меня тяжелымъ обстоятельствамъ, пришлось мнѣ, такъ сказать, „поневолѣ“ гостить у пріятели-послушника въ Т. скиту.

„Братъ“ Иванъ, молодой, лѣтъ 23 малый, родомъ изъ Сызрани, сынъ какого-то, по его словамъ, „протопопа“, занималъ въ скиту должность, или, какъ тамъ говорятъ, „послушаніе“ повара на страннѣ. Кулинарное его искусство заключалось въ томъ, что онъ „готовилъ“ на приходившихъ каждый день всякаго рода и званія людей, въ огромномъ котлѣ, сѣрую, вонючую, мутную кашицу, „кандёръ“. Обязанность была нехитрая и нетрудная, тѣмъ болѣе, что ему были даны въ помощники два, какъ онъ говорилъ, „поддужныхъ“, молодыхъ, отчаянныхъ, походя ругавшихся „матерно“ и не выпускавшихъ изо рта папиросокъ, послушника...

Жили эти господа, всѣ трое, въ одной „кельѣ“, гдѣ-то въ подвалѣ, и все свободное, послѣ „послушанія“, время занимались игрой „въ три листика“ и пили водку.

Гдѣ они добывали денегъ, изъ какихъ доходовъ, не знаю, но только деньги у нихъ водились постоянно.

Жилось мнѣ у нихъ—нельзя сказать, чтобы плохо. Кормили меня хорошо и, какъ мнѣ кажется, дорожили мной, потому что я, съ своей стороны, за ихъ временный пріютъ и столъ отплачивалъ тѣмъ, что „леталъ“, по ихъ выраженію, въ казенку за водкой.

„Летать“ мнѣ приходилось часто, и каждый разъ, идя за водкой и возвращаясь съ ней, я долженъ былъ проходить подъ арку воротъ, гдѣ постоянно торчалъ „вратарь“, сердитый старецъ о. Геннадій. Сначала—день, два—онъ не обра-

щалъ на меня вниманія, но потомъ сталъ слѣдить за мной и какъ-то разъ сказалъ:

— Ты что же это, рабъ Божій, гляжу я, загостился больно у насъ?.. Которы сутки живешь... шмыгаешь тутатко... Чего ты шмыгаешь то, а?.. Ишь, пазуха-то отдулась... смотри, братъ намахаю отседа...

Я сказалъ объ этомъ пріятелю.

— Пошли ты его, чорта, подальше,—отвѣтилъ онъ, выслушавъ меня,—ему-то какое дѣло... Выпить захотѣлъ... сорвать... Не бойся, летай... скажи: „я посылаю". А коли будетъ много разговаривать, скажи, что я еще рыло разобью...

Не знаю, чѣмъ бы это все окончилось и долго ли бы еще я прогостилъ въ скиту, если бы не одинъ случай, благодаря которому мнѣ и моему пріятелю, „брату" Ивану, вмѣстѣ съ его „поддужными", пришлось съ позоромъ покинуть скитъ.

Случилось вотъ что. Какъ-то разъ, въ какой-то, кажется, праздникъ, мои пріятели „сгадали" на цѣлаго „монаха", т. е. на четвертную.

— Чего тебѣ бѣгать-то то и дѣло... основу сновать, — сказали они,— тащи цѣльную... Все едино: по мелочамъ-то больше изойдетъ...

— А какъ же пронесть-то?—спросилъ я,—въ карманѣ вѣдь не спрячешь, не сотка.

Этотъ мой вопросъ поставилъ ихъ въ тупикъ. Мы всѣ четверо стали обдумывать, какимъ бы способомъ пронести контрабанду мимо сидящаго у воротъ Аргуса. Наконецъ, „братъ" Иванъ придумалъ.

— А вотъ какъ!—воскликнулъ онъ и, обратившись къ одному изъ своихъ „поддужныхъ", сказалъ.—Ты вотъ что, Петрушкъ, возьми матрасникъ и ступай съ нимъ въ сарай къ прудочку, гдѣ прошлогодняя яровая солома лежитъ... Будешь проходить подъ воротами, скажи тому идолу-то, что я, молъ, послалъ тюфякъ набить новой соломой, что эта, молъ, вся иструхлявила... Понимѐ?.. А ты,—обратился онъ ко мнѣ,—возьми *ее* и волоки къ сараю... Суйте ее, матушку, въ тюфякъ-то... соломкой прикройте и того... чисто дѣвки стряпали!

Такъ и сдѣлали. „Монахъ", сидя въ тюфякѣ, благополучно совершилъ путешествіе и, прибывъ на мѣсто назначенія, въ келью, вызвалъ неподдѣльную радость у ожидавшихъ его „братьевъ".

— Здорово!—воскликнулъ „братъ" Иванъ,—вотъ это здорово! Попьемъ за этимъ царемъ... Только вотъ что, братія: отца Авдѣя позвать надо... онъ при деньгахъ... мы его того... не обстругаемъ ли въ картишки... Сбѣгай-ка кто-нибудь за

нимъ... Скажи: иди, молъ, водку пить... сейчасъ прилетитъ, какъ воронъ на падаль... Водочку любитъ слаще молока... Арканомъ не оттащить!..

О. Авдѣй, какъ оказалось, былъ старшимъ смотрителемъ на конномъ дворѣ. Онъ не заставилъ себя ждать и сейчасъ же пришелъ.

Это былъ небольшого роста монахъ, какой-то всклокоченный, красноносый, рябой, одѣтый въ бѣлый, покрытый кое-гдѣ пятнами дегтя, балахонолъ и въ опоркахъ на босу ногу...

— Миръ вамъ!—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, войдя въ келью, и, увидя на столѣ *ее*, воскликнулъ.—А-а-а, родимая!..

— Что, радъ?—улыбаясь, спросилъ „братъ" Иванъ.

— Радъ!—потирая руки и жадно глядя на четверть, отвѣтилъ о. Авдей.—Какъ, мать честная, не быть раду-то? Одна вѣдь утѣха нашему брату, старцу...

Стали пить Пили чайной чашкой, „лошадиной порціей", и закусывали твердой, какъ кремень, колбасой, покрытой плѣсенью, и мочеными яблоками.

Послѣ третьей чашки о. Авдѣй запьянѣлъ и на предложеніе сыграть въ картишки почему-то обидѣлся и началъ всѣхъ посылать къ чорту и сквернословить. Его стали уговаривать. Онъ обозлился и принялся орать еще пуще.

— Ра-а-а-зражу!—оралъ онъ, тараща пьяные глаза:— выставлю всѣхъ! Какъ курятамъ, головы сорву! А игумену, сукину сыну, бороду ощиплю... Ты думаешь, ты кто? Игуменъ. Ха-а-а... эка шутка... я самъ игуменъ... На кой ты мнѣ рожонъ нуженъ... Наливай водки... я самъ игуменъ... На кой вы мнѣ всѣ-то...

Ему, чтобы отвязаться, налили еще и вытолкали вонъ. Онъ долго ругался за дверью въ темныхъ сѣнцахъ и, наконецъ, ушелъ къ себѣ на конный дворъ.

Но этимъ, какъ оказалось, дѣло не кончилось.

Придя къ себѣ на конный дворъ, о. Авдей придумалъ довольно таки курьезную штуку,—благодаря которой всей нашей компаніи пришлось „жестоко" пострадать.

Съ пьяныхъ глазъ о. Авдѣю взбрела въ башку нелѣпая идея: сѣсть верхомъ на лошадь и въ такомъ видѣ ѣхать къ крыльцу игуменскихъ покоевъ „лаяться".

Недолго думая, онъ такъ и сдѣлалъ. „Обраталъ" какого-то огромнаго гладкаго мерина, взобрался на него верхомъ и, пьяный, въ своемъ бѣломъ балахонѣ, босой (опорки свалились), растрепанный, какъ какое-нибудь сказочное привидѣніе, направился къ „святымъ" воротамъ, крича и сквернословя.

О. вратарь въ это время (дѣло было послѣ обѣда) „отдыхалъ“ у себя въ кельѣ, и, благодаря этому, о. Авдѣй, никѣмъ не задерживаемый, торжественно, точно какой-нибудь возвращающійся съ поля брани воинъ, въѣхалъ подъ арку воротъ (конный дворъ былъ за оградой скита) и, торжественно „прослѣдовавъ“ до крыльца игуменскихъ покоевъ, остановился здѣсь передъ окнами и принялся „лаяться“.

Его скоро замѣтили, но, такъ какъ подобныя сцены случаются не часто, не торопились убрать. Одурѣвшая отъ скуки и ничегонедѣланія „братія“ съ понятнымъ удовольствіемъ наблюдала эту картину.

— Ты кто?—кричалъ ошалѣвшій о. Авдѣй, махая правой рукой по направленію къ игуменскимъ окнамъ и пересыпая свою рѣчь выраженіями „чисто русскихъ“ людей:— ты игуменъ! Эка штука, я самъ игуменъ. Выходи сюда на расправу, кривой кобель... Я тебѣ покажу... Я тебѣ пузо-то прочкну... Отростилъ на монастырской-то кашѣ, гра-а-битель. „Кто я? Я игуменъ“. Ахъ ты, разтуды́тъ твою!.. Много вашего брата такихъ-то видалъ я... Вотъ они гдѣ у меня сидятъ, гляди... Выходи, пузанъ...

Игуменъ въ это время, какъ и о. вратарь, „отдыхалъ“. Келейникъ, видя изъ окна соблазнительную сцену и не зная, что дѣлать, рѣшился, наконецъ, разбудить его

Игуменъ всталъ и, подойдя къ окну, сталъ смотрѣть.

О. Авдѣй, увидя въ окнѣ его фигуру, принялся сквернословить еще шибче. Игуменъ, въ сущности слабохарактерный, добродушный монахъ, — вышелъ изъ себя: приказалъ сейчасъ же позвать нарядчика и „убрать“ о. Авдѣя въ башню, гдѣ была маленькая, сырая, полутемная каморка, служившая мѣстомъ успокоенія для пьяныхъ, буйныхъ во хмѣлю монаховъ.

О. Авдѣя стащили съ лошади и поволокли къ башнѣ. Онъ упирался, дрыгалъ ногами, отвратительно сквернословилъ, кричалъ „пустите“, но на это не обращали вниманія и съ хохотомъ волокли его къ башнѣ, гдѣ и сунули, въ концѣ концовъ, въ сырую темную „камеру“.

Но этимъ дѣло всетаки не кончилось. Нарядчику кто-то шепнулъ о томъ, гдѣ напился о. Авдѣй, и онъ сейчасъ же побѣжалъ „съ язычкомъ“ къ игумену. И вотъ, спустя какихъ-нибудь полчаса послѣ сцены съ о. Авдѣемъ, къ намъ въ келью, совершенно неожиданно, явился контроль въ видѣ самого игумена, нарядчика и еще какого-то высокаго съ сердитымъ лицомъ монаха.

Мы, понятное дѣло, ихъ не ждали и занимались своими дѣлами.

Я только что началъ было разводить самоваръ... Пріятели сидѣли за столомъ и „жарили“ въ карты. Четвертная стояла въ переднемъ углу на угольничкѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, подъ „святыми иконами“...

Дымъ махорки, не хуже тумана надъ болотомъ, плавалъ по кельѣ, наполняя ее отвратительнымъ смрадомъ.

Войдя, игуменъ остановился у порога и, вѣроятно, пораженный представившейся его глазамъ картиной, молча стоялъ, покачивая головой сверху внизъ, точно кланялся намъ, очень похожій въ этомъ видѣ на стараго мужицкаго косматаго мерина, пригрѣвшагося гдѣ-нибудь на солнышкѣ, весной на задворкахъ, сладко дремлющаго и, вѣроятно отъ большого удовольствія, тихо качающаго головой.

— Вы что-же это, рабы Божьи,— спросилъ онъ, наконецъ,— питейный домъ здѣсь открыли, а?..— И, видя, что мы, пораженные его неожиданнымъ приходомъ, молчимъ, продолжалъ:— Другихъ во искушеніе вводите... спаиваете... срамоту дѣлаете... ахъ вы, необузданные!.. Ахъ вы, срамники, похабники!.. Пьяницы!.. Энто что?—онъ кивнулъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ стояла четвертная,—энто что?—повторилъ онъ,—тьфу! И вдругъ, обернувшись ко мнѣ, стоявшему въ сторонкѣ у печки, съ самоварной трубой въ рукахъ, спросилъ:—А ты кто? Ты что за человѣкъ здѣсь? Зачѣмъ?..

— Зна-а-а-комый,—отвѣтилъ я, запинаясь.

— Зна-а-а-комый,—протянулъ игуменъ,—та-а-а-къ!.. Та-а-а-къ, рабъ Божій!.. Что-жъ ты тутъ дѣлаешь, а?..

— Да что дѣлаетъ,— ввязался вдругъ въ разговоръ нарядчикъ,—за водкой бѣгаетъ... Третья недѣля, замѣчаю я, пошла,—живетъ здѣся... а кто такой—неизвѣстно.

— Да у тебя видъ-то есть-ли, рабъ Божій? — спросилъ игуменъ.—Покажь-ка.

Я молчалъ. „Видъ“ у меня, собственно говоря, былъ, но только просроченный и для проживанья не всюду пригодный.

— Не позвать ли урядника?—предложилъ нарядчикъ.— Кто такой... По нынѣшнимъ временамъ всего жди... Можетъ, онъ скрывается... песъ его знаетъ... наживешь бѣды...

Но игуменъ почему-то не согласился на предложеніе этого городового въ рясѣ, а просто велѣлъ мнѣ сейчасъ же по добру, по здорову убираться вонъ.

Я не заставилъ повторять предложеніе и началъ торопливо прилаживать на плечи сумку.

— А вы, рабы Божьи,—обратился игуменъ къ моимъ пьянымъ „благодѣтелямъ“,—приходите ужо, когда прочахнете, за паспортами... Такъ-то... мнѣ такихъ не нужно... Ишь ты, кабакъ завели, похабники... тьфу...

Онъ опять, какъ и давеча, сердито плюнулъ и, повернувшись, пошелъ вонъ изъ кельи. Нарядчикъ и длинный, съ сердитымъ лицомъ, монахъ тронулись за нимъ. На ходу нарядчикъ обернулся въ мою сторону и сказалъ:

— Смотри, братъ, поторапливайся, а то...

Онъ не договорилъ и вышелъ, сильно хлопнувъ дверью.

II.

Вышелъ я изъ скита часу въ четвертомъ пополудни. Погода стояла прекрасная. Дѣло было въ іюлѣ передъ Ильинымъ днемъ, въ самую рабочую пору.

Пройдя верстъ пять по большой шоссейной дорогѣ, я свернулъ влѣво на проселокъ, отошелъ немного, сѣлъ покурить и задалъ себѣ вопросъ:

— Куда-жъ мнѣ идти?..

На этотъ вопросъ не находилось отвѣта. Я сидѣлъ долго... думалъ... Богъ знаетъ, о чемъ я думалъ... Мысли кружились, порхали и таяли въ головѣ, какъ первыя снѣжинки осенью, не успѣвая долетѣть до земли.

Здѣсь, гдѣ я сидѣлъ, все молчало. Листья на молодыхъ, стройныхъ, высокихъ и прямыхъ, какъ свѣчки, березахъ неподвижно висѣли и, казалось, робко и чутко прислушивались, ожидая чего-то большого и страшнаго.

Было тихо и мертвенно-грустно. Уже чувствовалось, что дѣло идетъ „не къ Петрову, а къ Покрову". Птички молчали... Какая-то робкая тихая грусть заползала въ душу. Вспоминалась отрывками вся жизнь ,безпорядочная, тоскливо-печальная, никому не нужная.

По лазурному, безпредѣльно-глубокому небу двигались съ сѣвера къ югу, тихо и медленно-величаво, одинокія, похожія на горы изъ снѣга, облака...

Высоко взлетѣвшій ястребъ тихо парилъ въ прозрачномъ воздухѣ, дѣлая круги, забирая все выше, изрѣдка пронзительно громко и какъ-то необыкновенно жалобно вскрикивая.

Около меня въ травѣ, точно откуда-то изъ-подъ земли, неслось пронзительное чирканье кузнечика, и это однообразно-назойливое чирканье не нарушало окружающей тишины, а, напротивъ, навѣвало еще болѣе какую-то непонятную грусть.

Такъ сидѣлъ я довольно долго, не зная, какъ быть, что предпринять, куда идти... Но идти или, такъ сказать, „двигаться" куда-нибудь всетаки было надо.

Я всталъ, поправилъ за плечами небольшую, наполнен-

ную кое-какими вещами сумку и медленно, нехотя двинулся по убѣгавшій вдаль торно-наѣзженной проселочной дорогѣ...

Дѣло, какъ я уже сказалъ, было въ рабочую пору. Въ деревняхъ было пусто. Попадались одни только босые бѣлоголовые загорѣлые мальчишки, дѣвочки-„няньки“ съ грудными дѣтьми, какія-то тощія, злобно тявкавшія собаченки, общипанныя, уныло-бродящія куры...

Все взрослое населеніе деревень работало. Бабы въ бѣлыхъ рубахахъ торопливо жали начавшую, благодаря сухой погодѣ, сыпаться рожь... Мужики косили—кто еще свою, а кто нанятую траву, тоже торопясь управиться за ведро...

Мнѣ почему-то было очень неловко и совѣстно проходить мимо этихъ трудящихся людей...

Какое-то непріятное чувство затаенной обиды и отчужденности наполняло душу...

Нѣсколько разъ пришлось мнѣ проглатывать нелестные эпитеты на счетъ моей фигуры, костюма.

— Эй ты, дикій баринъ, аткеда убёгъ?

Или:

— Эй ты, по хлѣбу рѣзчикъ, продай опорки-то!..

А одна пожилая баба, жавшая около самой дороги, бросила жать, распрямила спину, заслонилась рукой отъ солнца, долго глядѣла на меня и вдругъ, когда я уже отошелъ отъ нея шаговъ на десять, крикнула какимъ-то особеннымъ, если можно выразиться, грустно-злымъ голосомъ:

— Тоже, небось, жанатый?.. Чай, тоже дѣтей нарожалъ?.. Ждутъ, чай, а онъ—накось... Ахъ вы, притка васъ расшиби, жеребцы стоялые!.. Тьфу! И не совѣстно?.. У меня, вотъ, тоже такое-то чадо не вѣсть гдѣ землю мѣряетъ... Наказалъ Господь... Куда идешь-то?..

Я, понятное дѣло, ничего не отвѣтилъ и торопливо пошелъ дальше. Дорога пошла ельникомъ. Въ лѣсу было сумрачно и какъ то необыкновенно тихо... Ели, высокія, могучія, прямыя и гладкія, стояли рядами и, казалось, въ грозномъ молчаніи ждали чего-то... Дорога, вся изрѣзанная колеями, вѣроятно въ весеннія и осеннія распутицы, пробиралась между ними, виляя и вправо, и влѣво... Идти было неспорко и неудобно. Ноги поминутно задѣвали то за какіе-то корни, то оступались въ колеи... Между тѣмъ, солнце, хотя мнѣ его и не было видно за лѣсомъ, стало спускаться все ниже, и въ лѣсу съ каждой минутой дѣлалось все глуше и печальнѣе...

Я сталъ еще больше поторапливаться, думая, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этого лѣса, хотя, впрочемъ, и не зналъ—далеко ли, близко ли тянется онъ.

Мнѣ, одинокому, съ моими тоскливыми думами казалось, что я уже прошелъ Богъ знаетъ какое разстояніе, и что идти еще придется долго, что конца не будетъ этому сумрачному, такъ подходившему къ моему душевному настроенію лѣсу.

Въ одномъ мѣстѣ дорога какъ то сразу круто повернула налѣво и, пройдя немного по гребню глубокаго оврага, пересѣкшаго ей путь, стала круто и, такъ сказать, осторожно спускаться внизъ.

Внизу, на днѣ, протекалъ небольшой, почти высохшій за лѣто, ручеекъ. Черезъ него былъ переброшенъ мостокъ, по которому, впрочемъ, какъ видно, не ѣздили, боясь провалиться, а ѣздили рядомъ въ объѣздъ.

Я перешелъ по этому мосточку на другую сторону и, оставивъ дорогу влѣво, сталъ было взбираться по торной тропинкѣ, шедшей параллельно съ дорогой въ гору, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, позади меня раздался голосъ:

— Землякъ!.. Обожди... Не торопись на тотъ свѣтъ.. отдохни...

Я быстро обернулся, вздрогнувъ отъ этого неожиданнаго крика, и увидалъ шагахъ въ десяти отъ себя двухъ какихъ-то субъектовъ, мирно посиживавшихъ на краю глубокой промоины, свѣся въ нее ноги, около небольшой корявой и хохлатой елки...

— Иди, иди сюда!—поманилъ меня одинъ изъ нихъ пальцемъ,—курни...

Я подошелъ къ нимъ:

— Здравствуйте!..

— Здорово!—улыбаясь и глядя на меня, отвѣтилъ тотъ, который поманилъ.—Садись,—добавилъ онъ,—гость будешь; вина купишь—хозяинъ будешь. Откеда Богъ несетъ?..

Я отвѣтилъ, сѣлъ рядомъ, опустивъ, какъ и они, ноги въ промоину, закурилъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на своихъ новыхъ знакомцевъ.

III.

Одинъ изъ нихъ,—не тотъ, который говорилъ со мной,—былъ здоровый, кряжистый, широкоплечій мужикъ. Лицо у него было какое-то темное, землистое, испорченное оспой, съ выдающимися скулами... Начиная отъ самыхъ ушей, большихъ и оттопыренныхъ, росла у него жиденькая, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, бороденка, книзу заостренная клинушкомъ. Усовъ, надъ толстыми губами, почти совсѣмъ не было, а вмѣсто нихъ торчала по обѣимъ сторо-

намъ носа какая-то смѣшная поросль... Глаза были маленькіе, „точно осокой прорѣзанные“, съ удивительно густыми нависшими на нихъ бровями, благодаря которымъ все лицо этого человѣка имѣло необычайно-суровое выраженіе, точно онъ когда-то на кого-то жестоко обозлился, да такъ и остался навсегда съ выраженіемъ этой злости на лицѣ.

Одѣтъ онъ былъ исправно. На немъ была сѣраго цвѣта, топорно сшитая, съ таліей на спинѣ, вѣроятно домашняго производства, короткая поддевка на распашку. На ногахъ надѣты были здоровенные, тоже самой топорной работы, съ короткими рыжими голенищами сапоги. На головѣ, несмотря на жаркое время, была надѣта вязаная шапка.

Человѣкъ этотъ сидѣлъ, облокотившись лѣвой рукой на лежавшій рядомъ большой, очевидно не легкій, мѣшокъ, и курилъ изъ небольшой, глиняной на короткомъ чубукѣ, съ изображеніемъ человѣческаго лица, трубки, изрѣдка и съ какимъ-то необыкновенно серьезнымъ видомъ сплевывая съ громкимъ харканьемъ прямо противъ себя, въ промоину...

Товарищъ его былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Съ виду совсѣмъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 23-хъ, блѣдный и испитой, онъ производилъ сразу отталкивающее впечатлѣніе. Лицо у него было какое-то непріятно-бѣлое, совершенно гладкое, безъ бороды и усовъ... Глаза, круглые на выкатѣ, наглые, слезящіеся, вѣроятно больные, потому что онъ ими безпрестанно моргалъ какъ-то особенно нехорошо, кривя при этомъ все лицо.

По угламъ тонкихъ, синеватыхъ губъ играла бѣлая слюна, которую онъ часто слизывалъ языкомъ, открывая ротъ, гдѣ виднѣлись черные, гнилые зубы...

Одѣтъ онъ былъ отвратительно. Грязная, рваная кумачевая рубашка, короткіе „казинетовые“ широкіе штаны, стоптанные опорки и какая-то смѣшная „верблюжьяго“ цвѣта, съ длинными козырьками спереди и сзади, вѣроятно подаренная какимъ-нибудь „бариномъ“, фуражка.

Никакихъ вещей, кромѣ палки, при немъ не находилось...

— Куда-жъ ты идешь-то?—задалъ онъ вопросъ, противно улыбаясь и оглядывая меня, точно ощупывая, глазами и скаля черные зубы,—домой?..

— У васъ у обоихъ домовъ-то, знать, какъ у зайцевъ ломовъ, — сказалъ серьезный мужикъ и, громко харкнувъ, плюнулъ въ промоину.—Идемте!—сказалъ онъ, подымаясь.— Сиди, не сиди, а идти надыть... время... сумерки... А близко-ли, нѣтъ ли до селенья—неизвѣстно...

— Да я-жъ тебѣ, чудакъ человѣкъ, говорю русскимъ языкомъ: близко! Сто разъ говорю... нѣтъ, все свое! Ахъ ты, бугай рязанскій!

— Ну, тебѣ вѣрить-то надо погодить,—сказалъ серьезный мужикъ и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ: — Да ты, парень, взаправду—куды идешь-то?.. Дѣла ищешь, аль такъ, неплошь вонъ ентаго огарка,—онъ кивнулъ на товарища,—треплешься?..

— Дѣла,—нехотя отвѣтилъ я, стыдясь сказать правду.

— Какого?..

— Да какое придется...

— А ты что-жъ... мастеровой?.. Рукомесло твое какое?..

— Такъ... кое-какое... по письменной части...

— Прошенья, что-ли, составляешь... аль какъ?... Что-жъ это ты... пропился, знать, а?...

— Пропился,—отвѣтилъ я.

— Работа легкая, деньга шальная, ну, жиръ-то васъ, сукиныхъ сыновъ, и топитъ... Съ жиру-то, родной, какъ тебя звать не знаю, собака бѣсится... Тебя-бы подъ лопату... землю рыть... забылъ бы, какъ ее и ко рту-то подносить...

— Ну, много ты смыслишь,—перебилъ его чернозубый малый,—ты по себѣ гнешь... думаешь, какъ тамъ у васъ въ Рязани косопузой... „Кого“, „чаго“, „жуть“... Сиподеры, черти! Свѣту не видите... „Ламай, Ванька малый“... ворочай за двугривенный въ сутки... Нешто это жизнь?!.. Ха!.. то ли дѣло у насъ... Ты вотъ что, землякъ,—обратился онъ вдругъ ко мнѣ,—пойдемъ со мной до городу... тамъ я тебя познакомлю кое съ кѣмъ... Буфетчикъ у меня въ трактирѣ пріятель... отрекомендую... Пиши прошенья чертямъ сѣрымъ... Никто тебя не тронетъ... городъ у насъ хорошій... девять церквей... Дорогу вотъ теперь желѣзную ведутъ... Этотъ бугай-то,—кивнулъ онъ на своего спутника,—туда идетъ... землю рыть... Трактировъ однихъ, — продолжалъ онъ, — страсть!.. Три казенки... ряды... дѣвочки—отойди, а то ослѣпнешь... У меня тамъ домъ свой...

— Та-а-а-къ!—съ удареніемъ въ голосѣ протянулъ серьезный мужикъ и, немного помолчавъ, опять протянулъ:— Та-а-а-къ!.. Ври, Емеля, твоя недѣля...

— Жена у меня тамъ,—продолжалъ чернозубый,—хозяйство... огородъ... самъ-то я, признаться, на фабрикѣ живу... дѣти... четверо... все дѣвченки... Да никакъ скоро еще Богъ дастъ... Родятся, что ты станешь дѣлать...

— А кто ихъ кормитъ-то? — съ ироніей спросилъ его спутникъ:—Пушкинъ, что ли?..

— Кто?.. Я кормлю... родитель... Чего ты?.. У твоего стола не стоятъ.

— Та-а-къ!.. Охъ, и здоровъ же ты врать, погляжу я, парень! Куда ужъ ты годенъ... поглядика-сь на себя... стюдень ты рыбный... дрызгъ одинъ... соплей перешибешь... Вши однѣ у тебя, болѣ ни фига... Огарокъ!..

Чернозубый промолчалъ и, пройдя довольно долго молча, сказалъ:

— Скоро лѣсу конецъ... Село будетъ Высочкино... Бо-о-о-льшое село!.. Трактиръ... казенка... чайку попить не худо, а?..

— Кто-нибудь попьетъ за тебя, а ты посмотришь,—сказалъ серьезный мужикъ.—Гдѣ ужъ тебѣ чаекъ... водицы похлебай изъ лужицы, и слава те Господи!..

— А ты думаешь, у насъ денегъ нѣтъ?

— Чего думать-то... не думавши видать...

— А ты въ моемъ карманѣ-то былъ, что-ли?..

— Да у тебя и кармана-то нѣтъ... Поглядика-сь, дыра одна...

— А ну тебя къ чорту, бугай!.. Рязань косопузая!.. Тоже „кто я"... Сволочь... сѣрый чортъ!..

Серьезный мужикъ засмѣялся.

— Не любишь,—сказалъ онъ.—Правда-то глаза колетъ... А ты не серчай... мнѣ вѣдь наплевать на тебя... такъ я... для смѣху...

Между тѣмъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть и скоро кончился. Дорога вышла въ поле на пригорокъ, съ котораго видна была покрытая дымкой, необъятная какая-то даль.

Солнце, по лѣвую отъ насъ руку, спускалось огромнымъ шаромъ за далекимъ бугромъ. Воздухъ былъ тихъ, прозраченъ и необыкновенно чутокъ. Каждый звукъ, скрипъ гдѣ-то ѣдущей, тяжело нагруженной телѣги, мычанье коровы, хлопанье кнутомъ, жалобные звуки „жалѣйки",—все это стояло долго въ воздухѣ и тихо, какъ мыльный пузырь, расплывалось и таяло...

Внизу, подъ горой, блестѣла кое-гдѣ прихотливо вьющаяся, обросшя кустами рѣчка, а за ней, по склону отлогой горы, раскинулось большое село съ каменной бѣлой церковью и съ виднѣвшимся, немного поодаль отъ нея, огромнымъ, похожимъ на дворецъ, барскимъ домомъ.

— Это, что-ль, Высочкино-то?..—спросилъ мужикъ.

— Это,—отвѣтилъ молодой малый.

— Стало быть, господа тутъ жили... Какъ фамилія-то?..

— Князья Турусовы,—отвѣтилъ малый,—богачи, стра-а-сть...

— А теперь что-жъ... знать, пустуетъ хата-то?..

— Живетъ какая-то княгиня старая по лѣтамъ... да, ишь, еще съ ней какой-то... Не поймешь, кто... двое, а прислуги держатъ человѣкъ двадцать.. лакеи это... повара... горничныя... кучера... всѣмъ отдай... Опять управляющій есть... рабочіе... садовники... скотники... всякаго дерьма по лопатѣ... страсть... А около дому ты посмотрѣлъ бы... цвѣтовъ однихъ... фонталъ бьетъ кверху... бѣлыя какія-то бабы

голышемъ стоятъ... Песочкомъ все засыпано... чистота!.. Брось иголку—найдешь...

— Ишь ты... стало быть, полное хозяйство... Не бросаетъ, стало быть, барыня... Ну, а для народу-то она какъ... милостива?..

— Ну ее къ чорту!—воскликнулъ малый.—Милостива,—передразнилъ онъ мужика.—Гроша не дастъ! Старая, чортъ... все думаетъ по старинному, какъ крѣпостные были... и приказчикъ такой-же, чортъ... изъ холуевъ... Лѣтъ сто ему будетъ... песокъ сыплется, а не подыхаютъ, черти...

— Чего имъ подыхать,—помолчавъ, отвѣтилъ серьезный мужикъ,—успѣютъ... Житьишко ихнее не плохое... не наше съ тобой... За деньгами неча ходить... бери... готовы... припасли добрые люди... Чудеса, голова!—воскликнулъ онъ, пройдя нѣсколько шаговъ молча, что-то думая.—А за кой роженъ, спроси, счастье-то такое, хучь бы, скажемъ, барынѣ этой, а?.. Работала она... добывала?... Мы же,—продолжалъ онъ съ грустью въ голосѣ, окинувъ насъ глазами,—всю жизнь ворочаемъ, какъ, прости Господи, черти какіе... спокою не видишь... сердцемъ болишь, а все нѣтъ ни фига... и не будетъ... Ходи вотъ... треплись по чужой сторонѣ... бѣги отъ своего дому... Эхъ-хе-хе!.. Н-да! Хлѣбъ ноне у насъ не уродился,—продолжалъ онъ, опять что-то подумавъ.—Изъ поля въ поле... По нашимъ мѣстамъ раньше все поспѣваетъ... Здѣсь эна жнутъ только, а мы до Казанской управились... Горе одно... сѣмянъ не собралъ... А у меня семейство... шестеро... корми ихъ... подати отдай... то, се... а гдѣ взять? Разорваться... Нѣтъ ни фига... ей-Богу! Земли вовсе мало... ни лѣсу, какъ здѣсь вотъ... ни покосу... горе! Не живемъ, а скулимъ... Земли, небось, одной у барыни-то этой конца-краю нѣтъ?—спросилъ онъ опять, пройдя нѣсколько шаговъ молча.

— Мало ли!—усмѣхаясь, отвѣтилъ малый.—Вотъ лѣсъ-то прошли,—ея... все ея... Мужики утѣснены—страсть! Скотину выгнать некуда... Работаютъ ей за выгонъ-то дарма... пусти только, матушка... Жа-а-а-дная!.. А ты думаешь, у ней только и всего, что здѣсь земли-то?.. Какъ-же! У ней, сказываютъ, еще въ Саратовской губерніи имѣнье... двѣнадцать тысячъ десятинъ. Н-да!.. Не котъ наплакалъ...

— Двѣнадцать тысячъ!—съ какимъ-то даже испугомъ въ голосѣ переспросилъ мужикъ.

— Двѣнадцать!—повторилъ малый.

— Ахъ ты, Господи Боже мой... двѣнадцать тысячъ!.. А у нашего-то брата, а?... Откуда-жъ эта земля перешла къ ней...

— Была царица одна,—объяснилъ черный малый,—Кате-

риной звали... такъ вотъ она, сказываютъ, земли-то своимъ генераламъ роздала.

— За какія-жъ такія услуги?—спросилъ серьезный мужикъ, съ удивленнымъ по прежнему выраженіемъ въ глазахъ.

Черный громко захохоталъ.

— За какія!.. Ахъ ты, Рязань косопузая, ничего-то ты, братъ не смыслишь!..

IV.

Спустившись подъ гору, мы перешли по исправному новому мосту на ту сторону рѣчки и, поднявшись немного на отлогую гору, вошли въ село.

Село было большое, въ двѣ слободы, съ широкой и длинной улицей... Изрѣдка по бокамъ этой улицы, росли старыя, во время оно, вѣроятно, по барскому приказу, посаженныя, корявыя, дуплистыя березы. Толстые, сгнившіе пни, попадавшіеся мѣстами, свидѣтельствовали, что такихъ березъ было здѣсь когда-то много.

Мужичьи избы поражали своимъ до крайности плачевнымъ и убогимъ видомъ. Избенки эти, одна другой хуже, съ маленькими черными дырками-окошками, глядѣли на дорогу съ такимъ видомъ, какъ будто говорили: „подайте Христа ради“... Всѣ онѣ были крыты соломой, поверхъ которой лежали уродливыя, гнилыя, черныя слеги...

— Гдѣ-жъ здѣсь трактиръ-то?—спросилъ серьезный мужикъ.—Не видать?.. А, должно, народъ здѣся не ахти какъ живетъ,—оглядываясь по сторонамъ, добавилъ онъ.—Ишь, стройка-то — волкамъ жить... У насъ въ деревнѣ и то не хуже, даромъ что лѣсу нѣтъ... Н-да... дѣла!.. Ну, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, трактиръ-то... Зайти, загубить пятачекъ... Испить что-то захотѣлось...

— Ступайте на тотъ конецъ... тамъ увидите: въ сторонкѣ чайная, а рядомъ казенка,—сказалъ молодой малый.—На господской землѣ они... и стройка отъ барыни... увидите...

— А ты-то?..

— А я не пойду... мнѣ тутъ надо по дѣлу къ одному человѣчку... Прощайте!..

Сказавъ это, онъ, повидимому, избѣгая глядѣть на насъ, свернулъ направо и, перейдя улицу, скрылся за угломъ какой-то полуразвалившейся избенки...

— Ахъ, сукинъ сынъ!—сказалъ, посмотрѣвъ ему вслѣдъ, рязанецъ:—а вѣдь это онъ, ты что думаешь, не иначе стрѣлять надумалъ... куски собирать... Наберетъ, продастъ... вотъ тебѣ и чай...

— Да кто онъ такой?—спросилъ я.

— А шутъ его знаетъ... Говоритъ, фабричный. Да вретъ... Присталъ ко мнѣ дорогой... шли вмѣстѣ... песъ его знаетъ, что за человѣкъ... пропился, надо быть... вретъ все... Ну, а ты,—перемѣнилъ онъ рѣчь,—пойдешь чай-то пить? Аль у тебя тоже, неплошь его, нѣтъ ни фига?..

— Пойду,—отвѣтилъ я.

— Да ты что-жъ, взаправду работы ищешь, аль такъ, врешь?..—спросилъ онъ, пройдя нѣсколько шаговъ молча, и, видя, что я не отвѣчаю, продолжалъ:—Да ты по хрестьянскому-то смыслишь ли что?.. Ты умѣешь-ли за косу-то браться?.. Косить-то можешь ли?

— Могу,—опять отвѣтилъ я.

— Ну, а коли можешь, чего-жъ ты... Теперь самое время... народъ нуженъ... Я самъ вотъ посматриваю тоже... думаю: приткнуться гдѣ-нибудь недѣльки на двѣ поденно, гривенъ за семь... На земляной-то работѣ, будь она неладна, успѣю еще намотаться... не уйдетъ отъ насъ... Пойдемъ, вотъ вмѣстѣ... Можетъ, гдѣ не попадемъ ли... къ попу гдѣ, аль къ господишкамъ... Тебя какъ звать-то?..

Я сказалъ и, въ свою очередь обрадовавшись его предложенію идти вмѣстѣ, спросилъ:

— А тебя?..

— Ѳедоромъ.

— А по батюшки?

— Былъ Демьянычъ,—отвѣтилъ онъ и съ улыбкой добавилъ:—меня такъ всѣ въ деревнѣ у насъ и зовутъ... по отцу... „Демьянычъ, да Демьянычъ"... Назоветъ кто Ѳедоромъ—какъ-то чудно, понимаешь, слышать... точно не меня зовутъ... ей-Богу, не вру... А фамилія моя,—опять улыбаясь, продолжалъ онъ,—Грудановъ... Такъ и въ пачпортѣ вписано... ужо чай будемъ пить, я тебѣ покажу. Грудановъ!—повторилъ онъ съ удареніемъ, видимо самъ любуясь звучностью своей фамиліи.—Ѳедоръ Демьяновъ Грудановъ!—Онъ весело засмѣялся, ударилъ меня лѣвой рукой по плечу и воскликнулъ:—Такъ-то вотъ, другъ ты мой, Павлычъ!.. Ты Павлычъ, а я Демьянычъ, такъ, значитъ, и запишемъ... А вонъ, знать, и трактиръ,—перебилъ онъ самъ себя,—пойдемъ, грѣшнымъ дѣломъ, чайку попьемъ... закусимъ... глядишь, ночуемъ... А тамъ... тамъ что Господь дасть... Утро вечера мудренѣе, а жена мужа хитрѣе... Такъ-то, другъ Павлычъ... Не вѣшай голову—не печаль гостей... Работу найдемъ... Была бы шея, хомутъ налѣзетъ!..

V.

Въ трактирѣ, въ большой двѣнадцати-аршинной комнатѣ, заставленной столами и скамейками, съ загаженнымъ поломъ, съ паутиной по угламъ и царскимъ портретомъ на стѣнахъ, было тихо. „Гостей", за исключеніемъ какого-то, вѣроятно, тоже какъ и мы прохожаго, сидѣвшаго въ дальнемъ углу и пившаго чай,—никого не было.

За буфетомъ, у окна на стулѣ, сидѣлъ старый, толстый, сѣдой съ бакенбардами хозяинъ и читалъ толстую въ переплетѣ книжку, глядя въ нее сквозь большіе привязанные за уши бѣлыми тесемками очки...

Мы вошли, поздоровались и сѣли къ столу.

— Чайку бы намъ какъ, почтенный,—сказалъ Демьянычъ.

— Вамъ сколько?—спросилъ хозяинъ-старикъ изъ-за буфета.

— Да двѣ парочки... бараночекъ нельзя ли фунтикъ... почемъ у васъ?

— Разные... Вамъ какихъ, сдобныхъ, аль простыхъ?..

— Гдѣ ужъ, родной, сдобныхъ... нѣтъ... намъ простыхъ... потухлѣе да поболѣ... Почемъ?..

— Восемь монетъ.

— Ну, собери... потрудись...

Старикъ положилъ книгу на подоконникъ, грузно поднялся, досталъ съ полки два чайника, одинъ маленькій для чая, другой большой для кипятку, выдвинулъ какой-то изъ буфета ящикъ, сунулъ туда маленькій чайникъ и тамъ „засыпалъ" въ него, сколько требуется, чаю и для того, чтобы „чай цвѣтъ не терялъ", соды.

Продѣлавъ эту штуку, онъ, кряхтя, нагнулся, досталъ откуда-то небольшой черный облупленный „подносъ", поставилъ на него двѣ пузатыхъ расписанныхъ золотомъ чашки, маленькое блюдце съ четырьмя кусочками пиленаго сахара и, поставя все это на край стойки, сказалъ:

— Потрудитесь... возьмите сами...

Демьянычъ всталъ, взялъ „приборъ" и поставилъ его на нашъ столъ.

— Потрудитесь ужъ,—опять сказалъ хозяинъ,—заварите сами чай-то... вонъ за дверью коробка... сдѣлайте милость...

— Можно,—отвѣтилъ Демьянычъ.—Сиди, мы сами...

Онъ сходилъ, заварилъ чай, принесъ чайники на столъ и спросилъ:

— А баранки-то?..

— Ахъ что-бъ те пусто было!..—воскликнулъ усѣвшійся

было уже на старое мѣсто хозяинъ.—А я и забылъ... Глафира Михайловна! А, Глафира Михайловна!—закричалъ онъ, обернувшись къ стѣнѣ позади себя, и постучалъ въ нее кулакомъ.—Принеси-ка фунтъ баранокъ изъ лавки!..

— Ка-а-а-кихъ!?—раздался за стѣной женскій голосъ.

— Простыхъ!..

Немного погодя въ трактиръ, гдѣ мы сидѣли, изъ двери, ведущей очевидно изъ помѣщенія, гдѣ жилъ хозяинъ, вышла старая, небольшого роста, необыкновенно толстая и тоже сѣдая, прилично одѣтая женщина.

— Кому баранки-то?—щурясь, мягко спросила она.

— Намъ,—отвѣтилъ Демьянычъ,—эво сюда давай...

Женщина ничего не сказала, подала баранки и ушла обратно.

Мы принялись за чай. Хозяинъ, тяжело вздохнувъ, сѣлъ на стулъ, поправилъ очки и углубился въ чтеніе толстой книги. Мы молчали. Въ трактирѣ было тихо; слышно было только, какъ жужжатъ мухи да бурчитъ въ коробкѣ кипятокъ...

Сидѣвшій въ дальнемъ углу человѣкъ закурилъ и, вставъ, пошелъ мимо насъ безъ фуражки къ выходной двери. Хозяинъ, когда онъ проходилъ мимо, поднялъ на него очки.

— Еще хочу,—улыбнувшись, отвѣтилъ на его взглядъ человѣкъ и, громко хлопнувъ дверью, скрылся за ней.

— Выпить, надо полагать, пошелъ?—догадался Демьянычъ и какъ-то подозрительно посмотрѣлъ на меня.

Я промолчалъ.

— Ужъ не иначе какъ выпить,—все также глядя на меня, повторилъ онъ.—Немного коли... она не вредитъ... на пользу... Ты пьешь?..

— Пью... А ты?..

— Гм!... Избаловался... Допрежъ, было время, меня къ кабаку-то на арканѣ не дотащишь, а теперь на арканѣ не оттащить... На все время... Я годовъ съ тридцати и пить-то ее пріучился, а то въ ротъ не бралъ... ей Богу не вру!.. Въ кучерахъ жилъ въ Москвѣ... баринъ избаловалъ... Какъ же быть-то,—перешелъ онъ сразу къ дѣлу,—мы не сгадаемъ?...

Въ это время въ трактиръ возвратился вышедшій выпить человѣкъ. Проходя мимо насъ, онъ усмѣхнулся и подмигнулъ глазомъ.

— Выпилъ?—спросилъ Демьянычъ.

— Вотъ!—отвѣтилъ человѣкъ.

Онъ прошелъ въ свой уголъ, наклонился тамъ подъ

скамью, досталъ какой-то длинный бѣлый свертокъ трубкой, и, подойдя къ нашему столу, сказалъ:

— Картинъ не продамъ?..

— Какихъ картинъ?—спросилъ Демьянычъ.

— Вотъ гляди... портретъ!—онъ развернулъ трубку и показалъ портретъ литографской аляповатой работы.

— Много-ль за такой? — прихлебывая чай, спросилъ Демьянычъ.

— За сотку отдамъ..

— Что больно много?.. За сотку... Экъ ты!..

— Много?.. Чудакъ. Ты гляди работа какая... краски однѣ чего стоятъ! Ну, вотъ, что для почину, хошь вмѣстѣ съ самой за половинку?..

— Не надыть.. На что мнѣ?

— Чудакъ!.. Въ избѣ повѣсить... Украшенье!.. А то вотъ купи,—не унимался разбитной выпившій человѣкъ,—вотъ гляди: „Епиха, что ѣдешь тихо“, вотъ „голубая корова“, вотъ „Лантухъ“, а то божественныя есть... вотъ тебѣ жизнь и страданіе святой великомученицы Варвары... Серафима, вотъ... купи!

— Да ну тебя! До картинокъ ли намъ.. Ты вонъ кому продавай, хозяину...

Торгашъ молча свернулъ картинки, какъ онѣ были, въ трубку и отошелъ къ своему столу. Сидѣвшій за буфетомъ хозяинъ, вѣроятно, утомившись читать, громко вздохнулъ, отложилъ на подоконникъ книгу и, поднявъ на носъ очки, спросилъ:

— Вы что-жъ... куда идете-то?.. Дальніе?

— Да вотъ ищемъ, почтенный, работенки... не попадетъ ли, молъ, гдѣ подходящая,—отвѣтилъ Демьянычъ.

— По какому же вы дѣлу?.. Какой работенки?

— Да какой придется... Покосить бы вотъ остались.. аль еще что... Гдѣ бы вотъ на барскій дворъ... аль у поповъ не надо ли?.. Не слыхать ли гдѣ?.. Здѣсь вотъ на барскомъ дворѣ не возьмутъ ли?..

— Нѣтъ, здѣсь не надо,—помолчавъ, отвѣтилъ хозяинъ,—здѣсь не возьмутъ... Здѣсь свои, годовые, и зиму, и лѣто живутъ... А вы вотъ что... научу я васъ.. сходите вы въ одно мѣстечко... верстъ, эдакъ, сказать не соврать, съ десятокъ отсюда... На хуторѣ... купцы тамъ живутъ... столовѣры... У нихъ вотъ останетесь косить... это я знаю за навѣрное... Третёвось сынъ пріѣзжалъ... хозяинъ молодой.. такъ сказывалъ,—чай онъ у меня пилъ,—и не начинали, говоритъ, путемъ косить-то... Ишь, людей нѣту... не найдутъ... Знамо, теперь гдѣ найти... рабочая пора... всѣ за свое бросились... Ступайте, вотъ, къ нимъ, останетесь...

— А что за народъ?—спросилъ Демьянычъ:—обману не будетъ?..

— Народъ... ничего... Сынъ-то, признаться сказать, непутевый, и пьетъ, и куритъ... Ну, да не онъ хозяинъ... А вамъ что, вамъ отработалъ день—подай денежки...

— Знамо,—согласился Демьянычъ.—Ну, какъ же, Павлычъ, а?.. Завернемъ?

— Что-жъ, можно,—согласился я.

— Утречкомъ пораньше и ступайте по холодку,—сказалъ хозяинъ.

— А гдѣ бы намъ здѣсь ночевать приткнуться?—спросилъ Демьянычъ.

— Да вотъ у меня и ночуйте,—отвѣтилъ хозяинъ.— Мѣста хватитъ, весь трактиръ пустой... По двѣ монетки всего и возьму съ васъ... Покой за то... на любой скамейкѣ ложись... Пачпорта-то есть у васъ?..

— Какъ не быть... есть...

— Ну, вотъ и ладно... ночуйте...

Онъ замолчалъ и снова принялся за чтеніе. Торгашъ картинками собрался и, отдавъ за чай, попрощался и ушелъ...

Мы сидѣли молча, пили чай, мокая въ него засохшія сѣрыя баранки. Огромные, старинные, почернѣвшіе часы, висѣвшіе на стѣнѣ за стойкой, громко щелкали, и маятникъ лѣниво и рѣдко-однообразно падалъ вправо и влѣво.

Солнце сѣло, и въ пустынную большую комнату трактира тихо и какъ-то печально-медленно стали заползать сумерки.

VI.

— Пожевать бы намъ чего-нибудь,—сказалъ Демьянычъ, —сомовинки, нешто, фунтокъ, а?—и не дожидаясь моего отвѣта, спросилъ у хозяина.—Сомовина-то есть?.. Почемъ?..

— Дорога она стала... тринадцать монетъ... Вамъ сколько?..

— Ошпарь фунтокъ... А мы,—онъ опять обратился ко мнѣ,—пойдемъ пропустимъ по махонькой... Не заперто, небось?...

— Чай, нѣтъ,—сказалъ хозяинъ.—Да вамъ и ходить нечего... у меня есть... Вамъ сколько?.. Половинку?..

— Да у тебя, небось, дорого?..

— Всего три монетки лишку... За то здѣсь выпьете, не торопясь... не по собачьи.

— А-у!—согласился Демьянычъ.—Не говори, почтенный, безобразіе эта самая казенка... Пей, голова, аки сукинъ сынъ, на улицѣ изъ горлышка... Лѣтнее время туды-сюды, а зимой-то... бѣда!..

— На что ужъ хуже,—согласился хозяинъ и опять, какъ и давеча, постучалъ въ стѣнку и крикнулъ:—Глафира Михайловна! А, Глафира Михайловна!.. Поди-ка сюда...

На его зовъ, какъ и давеча, тихо и не торопясь, вошла въ трактиръ та самая толстая женщина, которая подавала намъ баранки, и, войдя, молча остановилась у буфета, вопросительно глядя на хозяина.

— Принеси,—сказалъ онъ ей,—фунтъ сомовины да полфунта *товару*.

Женщина, молча, повернулась и вышла.

— Хозяйка?—спросилъ Демьянычъ.

— Она.

— Какъ торговлишка-то у васъ... ничего?..

— Плохо.

— Домъ то твой?

— Нѣтъ.

— Чей-же?

— Барскій.

— Какъ же ты тутъ торгуешь... сымаешь, что ли?..

— Нѣтъ... служу за жалованье...

— О-о-о!.. Какъ же такъ?.. Чудно! На отчетѣ, стало быть?

— Какой отчетъ... нѣтъ, такъ я... Я, любезный, всю жизнь служу... вотъ какой еще былъ, черезъ порогъ на карачкахъ лазилъ —съ тѣхъ поръ служу... Всю жизнь у однихъ господъ... Изъ крѣпостныхъ я.

— А-а-а,—протянулъ Демьянычъ,—изъ халуевъ, значитъ?...

— Изъ дворовыхъ,—поправилъ его хозяинъ и, опять помолчавъ, повторилъ:—всю жизнь служилъ... н-да!.. Теперь мнѣ, вотъ, седьмой десятокъ на исходѣ, а все служу...

— А много-ль за безчестье-то? — полюбопытствовалъ Демьянычъ.

Хозяинъ махнулъ рукой и, нехотя, произнесъ:

— Десять цѣлковыхъ.

— Ма-а-ло... десять цѣлковыхъ... чего тутъ!.. А харчишки-то... неужели свои?—и, видя, что хозяинъ не хочетъ отвѣчать, спросилъ:—чай, доходишко есть?..

Хозяинъ и на это ничего не отвѣтилъ. Въ это время пришла толстая женщина, принесла кусокъ ржавой „сомовины“ и въ такомъ же небольшомъ чайникѣ, изъ котораго мы пили чай,—водку.

Бросивъ кусокъ сомовины на стойку буфета, она подошла къ намъ и поставила принесенный чайникъ на столъ передъ нами.

— Ло-о-о-вко!—сказалъ Демьянычъ, открывъ крышку и понюхавъ изъ чайника:—первый сортъ!..

Между тѣмъ, хозяинъ принялся готовить для насъ закуску. Прежде всего онъ изрѣзалъ сомовину на мелкіе куски, потомъ положилъ эти куски въ какую-то металлическую посудину, вышелъ изъ-за буфета и, „ошпаривъ“ рыбу изъ-подъ крана коробки, прикрылъ посудину крышкой и тогда уже подалъ ее намъ на столъ.

— Не трогъ, постоитъ минутъ пять,—сказалъ онъ.—Вамъ бы давеча передъ чаемъ закусить-то,—добавилъ онъ, отходя за стойку.

— Знамо,—согласился Демьянычъ,—передъ чаемъ-то солененькаго гоже... не догадались!..

— А хлѣба не надо?—спросилъ хозяинъ, подавая черезъ стойку тарелку и двѣ костяныхъ вилки.—А то возьмите...

— Не надо... свой есть,—отвѣтилъ Демьянычъ, принимая тарелку.—И такъ израсходовались...

— Добудете,—произнесъ хозяинъ и, пододвинувъ стулъ къ самому окну, снова принялся за книгу....

VII.

— Что это ты, почтенный, гляжу я, читаешь все?—спросилъ Демьянычъ, послѣ того, какъ мы съ нимъ выпили и закусили страшно соленой отрывавшейся отъ кусковъ слоями, похожими на мочалу, сомовиной.—Занятно, знать?..

Отъ выпитой водки Демьянычъ покраснѣлъ. Глаза у него заблестѣли, и онъ сдѣлался вдругъ какой-то чудной, до крайности любопытный и болтливый...

Онъ всталъ съ мѣста, подошелъ къ стойкѣ, облокотился на нее и опять спросилъ:

— Про кого-жъ это ты читаешь, а? Толстая книжка-то... не скоро осилишь... Божественная... аль такъ?..

— Божественная, — отвѣтилъ хозяинъ, — разное тутъ... книга сурьезная... тутъ все есть... какъ спастись... какъ молиться надо... про церковь... объ таинствахъ... о томъ, что есть образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ... все есть... книга богатая...

— Почитайка-сь что-нибудь, отъ нечего дѣлать я послушаю... Я любитель...

Хозяинъ, очевидно, и самъ „любитель“, охотно согласился.

— Вотъ слушай-ка,—сказалъ онъ,—я тебѣ про церковь прочту. Что значитъ церковь и какъ ее почитать надо... въ старинныхъ, братъ, книгахъ объ этомъ писано было святыми отцами... Н-да!.. Вотъ: „Внѣ церкви нѣтъ спасенія“,—началъ онъ протяжно и нѣсколько въ носъ.—„Правило. Аще кто

учитъ домъ Божій, рекше церковь, преобидѣти и нерадити о ней, ни собиратися въ ней во время молитвы на пѣніе, да будетъ проклятъ"...

— О, Господи Іусусе,—произнесъ, вздохнувъ, внимательно слушавшій, но, очевидно, думавшій совершенно о другомъ, Демьянычъ,—проклятъ... да-а-а!.. Ну!..

— „Не удаляйся церкве,—продолжалъ хозяинъ, перевернувъ страницу,—ничто-же до церкве крѣпчайше, упованіе твое, церковь и спасеніе твое церковь, небесъ вышши есть, каменія твердѣйши есть, земли ширши есть, никогда-же старѣетъ, присно юнѣется"...

— Сверника-сь, Павлычъ, покурить! — обернувшись ко мнѣ, сказалъ Демьянычъ.

— „Вопросъ...—между тѣмъ, продолжалъ хозяинъ.—Что есть церковь соборная? Отвѣтъ. Церковь соборная есть...

Онъ хотѣлъ было читать дальше, но въ это время въ трактиръ опять вошла толстая Глафира Михайловна и сказала:

— Тамъ въ лавку Марья Цидилина пришла... проситъ восьмушку чаю на стѣнку... Какъ ты велишь? Плачетъ... для „шпитонка", говоритъ... Хуже, ишь, дѣвченкѣ-то...

Хозяинъ нахмурился, помолчалъ, что-то думая, отложилъ книгу въ сторону и сказалъ:

— Всѣхъ слезъ не утрешь..

— Такъ какъ же велишь,—помолчавъ, снова спросила толстая женщина,—не давать, значитъ?.. Жалко дѣвочку-то... ишь, чайку, сердешная, захотѣла, а нѣту...

— Ну, дай ужъ,—сказалъ хозяинъ,—жалостлива больно не кстати... Скажи: послѣдній разъ. Тому дай, другому дай, а придетъ время платить—нѣтъ никого... Кланяйся за своито денежки...

Толстая женщина ничего не отвѣтила на его слова и, молча, вышла...

— Это про какую же она дѣвочку баитъ?—спросилъ любопытный Демьянычъ.

— Тутъ одна есть,—нехотя отвѣтилъ хозяинъ,—больная... отецъ избилъ...

— Отецъ?—переспросилъ Демьянычъ.

— Да... шпитонокъ она... Своихъ четверо... бѣдность... пьетъ отецъ-то... Ну, что ужъ!.. Избилъ дѣвченку... а за что? Плюнуть все и дѣло-то... Пошла дѣвченка въ лѣсъ по малину съ подружками... пошла-то босикомъ... разумшись... Пришла домой вечеромъ, а отецъ выпимши... увидалъ ее: „Гдѣ была?"—По малину ходила...—„А полсапожки-то гдѣ... потеряла?" И надо же, любезный, такому грѣху быть: забыла дѣвченка, надѣвала она полсапожки, аль нѣтъ... Оробѣла... заплакала... А ему того, должно быть, и надо было... осата-

нѣлъ... началъ колотить ребенка... билъ, билъ такъ-то... мало все... взялъ, сукинъ сынъ, завернулъ ей подолъ-то на голову, да и давай веревкой возжевой жучить... До того билъ, замертво ужъ дѣвченку-то сусѣди прибѣжали, отняли... Теперь вотъ больная лежитъ... въ больницу возили... Докторъ, ишь, сказалъ, что жаловаться будетъ на него... Да, стоитъ поучить... его бы такъ-то... А полсапожки-то послѣ, спустя короткое время, и нашлись.. валяются подъ скамейкой...

— Ишь ты,—произнесъ Демьянычъ, качая головой.— Грѣху, знать, такъ ужъ быть... Врагъ все... все онъ...

— Врагъ-то врагъ,- согласился хозяинъ,—да и народъ-то тоже сталъ... Охъ-хо-хо! наглядѣлся я... наслушался... Бога забыли... правды ни въ комъ нѣтъ... особливо молодые... избаловались... водку жрать... обмануть... облаять... за бутылку отца роднаго продадутъ... Не хорошо!.. А почему? Потому все, что страху нѣтъ... трепету никакого нѣтъ... сами себѣ большіе... Слова не скажи, сейчасъ матерно, а то въ рыло... У насъ, вотъ, тутъ въ селѣ недавно какой грѣхъ случился... говорить-то страшно... ей-Богу!.. Мальчишка, лѣтъ эдакъ двѣнадцати, пастуха зарубилъ... Да вѣдь какъ обстряпалъ-то—большому въ пору...

— Ой, батюшки мои,—воскликнулъ Демьянычъ,—какъ же такъ... до смерти зарубилъ?..

— До смерти!—усмѣхнулся хозяинъ:—чего тутъ до смерти... всего изрубилъ... страсть!..

— Что-жъ это ему вздумалось?..

— А по злости... не смѣй, ишь, его трогать... Пастухъ-то его колотилъ... училъ... баловникъ мальчишка-то... настойчистый... Онъ ему такъ, а онъ по своему... Взялъ разъ, пока пастухъ завтракать ходилъ, да всю скотину въ барское яровое и заладилъ... Ну, извѣстное дѣло, за это не хвалятъ... Прибѣжалъ пастухъ, да въ горячахъ-то его и поколоти, да и скажи со злости-то: „зарѣжу я тебя". А онъ, будто, ему на эти слова отвѣтилъ: „я тебя, стараго чорта, скорѣе зарѣжу"... Ну, хорошо. Прошло эдакъ не мало время, слышимъ: „подпасокъ пастуха зарубилъ"... Что такое?.. Думали, врутъ... Нѣтъ, хвать, правда... Въ полѣ на полдняхъ и зарубилъ. Все обдумалъ зараньше... Большому такъ не обдумать... Топоръ наканунѣ припасъ... унесъ съ череду... спряталъ... Поставили скотину на полдни... Пастухъ-то легъ уснуть, а онъ его, соннаго-то, и того... топоромъ-то вотъ по этому мѣсту, по шеѣ, сзади... знать, онъ внизъ ничкомъ лежалъ-то... совсѣмъ почти голову отрубилъ... на ниточкѣ болтается... Ногу одну отрубилъ, а на другой только одно мягкое мѣсто вырубилъ... ляжку... должно быть, пастухъ-то дрыгалъ ногами-то... какъ курица вонъ, перерѣжешь ей

глотку-то, а она все ногами сучитъ... Ну, ему, знать, это страшно показалось—онъ и давай со страху-то ему ноги рубить... Управился, сдѣлалъ дѣло... да съ полверсты эдакъ и оттащилъ его къ рѣчкѣ... тамъ и бросилъ... Вечеромъ, объ эту вотъ пору, пригоняетъ скотину одинъ... „А гдѣ-жъ Платонычъ-то? - спрашиваютъ у него. „А, шутъ его, говоритъ, знаетъ... Ушелъ куда-то"... Ну, ушелъ, такъ ушелъ... Не важность, придетъ... Пришло утро. Надо скотину гнать... нѣтъ Платоныча... „Гдѣ-жъ онъ?" „А шутъ его, говоритъ опять, знаетъ! Я ему, говоритъ, не сторожъ... мнѣ не докладывался, куда пошелъ... онъ старшій... Придетъ... найдется... не мѣшокъ съ золотомъ"... Погналъ скотину одинъ... по вечеру пригналъ опять одинъ... Утромъ опять выгонять... Опять нѣтъ Платоныча... Что за оказія?.. Пропалъ человѣкъ да и на. Если, думали, загулялъ, такъ все бы въ казенку пришелъ, а то нѣтъ... не былъ... Хвать, бѣжитъ бабенка, кричитъ: „караулъ... Платоныча убили! Платоныча убили!" Гдѣ? Какъ? Что такое? — „Пошла, говоритъ, по грибы... только подошла, говоритъ, къ рѣчкѣ, на ту сторону перейти хотѣла въ лѣсъ... Хвать, говоритъ, а онъ и лежитъ"... Побѣжали туда... вѣрно: лежитъ... мертвый... убитъ... Сейчасъ за урядникомъ... то... се... Подпаска этого сцопали... Онъ и отпираться не сталъ... сразу признался. „Я убилъ"...—За что-жъ ты?...—„За что! за что! говоритъ:—много стараго зашло... вамъ какое дѣло?"...

— Ахъ ты!—воскликнулъ Демьянычъ.—Ну!

— Ну, пріѣхалъ урядникъ... протоколъ... то... се... за становымъ... какъ водится...

— Ну, что-жъ ему за это?—спросилъ Демьянычъ.

— Не знаю... въ городъ увезли, а тамъ, ишь, въ Москву въ исправительный домъ... Не знаю...

— Да, дѣ-ѣ-ла!—протянулъ Демьянычъ,—Что-жъ у него родители-то живы?

— Есть отецъ одинъ... матери-то нѣту.

— Вотъ, небось, отцу-то!..

Хозяинъ помолчалъ и потомъ, съ какой-то затаенной грустью, сказалъ:

— Да-а-а, вотъ они, дѣтки-то... Эхъ, хе, хе!.. Ну, такъ какъ же, ночуете у меня?..

— Надо ночевать...

— Ночуйте... ложитесь... время... Передай-ка посуду-то со стола... убрать надо... Кончили?..

— Сколько съ насъ?—спросилъ Демьянычъ, передавая ему со стола посуду.

— По утру отдадите... лишняго не возьму.

— Да мы рано.

— Раньше меня не встанете... Небось, заперто... не уйдете... Ложитесь... пора запираться... время...

Онъ убралъ посуду, заперъ, гремя связкой ключей, выручку и, выйдя изъ трактира за дверь, сталъ съ улицы закрывать ставнями окна.

— Что-жъ это онъ насъ въ потемкахъ-то оставитъ... на заперти,—сказалъ Демьянычъ,—аки звѣрей...

Оконъ въ трактирѣ было нѣсколько, и одно изъ этихъ оконъ, ближайшее къ двери, было, какъ въ тюрьмѣ, за желѣзной рѣшеткой, какъ оказалось, никогда не закрывалось на ночь ставней...

Хозяинъ долго возился тамъ, гремя какимъ-то желѣзомъ объ стѣну, и, наконецъ, запыхавшись вошелъ въ трактиръ и заперъ на крѣпко входную дверь здоровымъ, похожимъ на ломъ, желѣзнымъ засовомъ.

Въ трактирѣ стало глухо, непріятно тоскливо...

Свѣтъ, проникавшій въ незапертое окно, тянулся полосой по полу, по краю стойки, къ противоположной стѣнѣ, слабо и какъ-то грустно освѣщая небольшое пространство вокругъ... Въ дальнихъ углахъ стало совсѣмъ темно, и тамъ что-то завозилось и запищало...

— Крысы,—сказалъ хозяинъ,—вы не бойтесь... они ничего не тронутъ... Ихъ тутъ страсть развелось сколько... оставить ничего нельзя—сожрутъ... Ну,—добавилъ онъ, помолчавъ,—ложитесь, а я пойду поужинаю... Зайду ужо...

Погромыхивая связкой ключей въ карманѣ, онъ тихо съ переналкой вышелъ въ ту дверь, откуда появлялась въ трактиръ толстая женщина, и слышно было, какъ гдѣ-то за этой дверью, должно быть, въ какихъ нибудь сѣняхъ, громко хлопнула другая дверь, и послѣ этого все стало тихо...

Я отодвинулъ немного отъ стола скамейку, положилъ на нее въ головы свою сумку и легъ навзничь.

— А что-жъ ты Богу-то?—спросилъ Демьянычъ.

Я промолчалъ.

— Что это ты, братъ,—продолжалъ онъ,—аль нехрещенный?.. А не думаешь, *онъ* пригрезится... Простая, милый, штука... Встань, перекрести лобъ-то.

— Да я еще не совсѣмъ... такъ легъ полежать...

Демьянычъ промолчалъ и началъ тоже готовиться ко сну... Онъ разулся, оглядѣлъ, подойдя къ окну, сапоги, положилъ ихъ вмѣстѣ съ сумкой и портянками въ головы, разостлалъ свою поддевку и, почесавшись и зѣвнувъ нѣсколько разъ, повторяя при этомъ: „Господи Іисуси Христе!“—отошелъ немного въ сторону къ переднему углу и сталъ тамъ молиться Богу...

Молился онъ долго. Я лежалъ и слушалъ. Сначала онъ прочиталъ громкимъ шепотомъ „Отче нашъ“, потомъ „Богородицу“, потомъ „Вѣрую“, потомъ громко зѣвнулъ нѣсколько разъ, помянулъ всѣхъ „сродниковъ“, всѣхъ „православныхъ хрестьянъ“, „государя, государыню“ и послѣ того, помолчавъ немного, принялся, какъ оказалось, за акафистъ богородицы.

— „Радуйся, обрадованная, Господь съ тобою,—громко и съ какимъ-то особеннымъ азартомъ шепталъ онъ, стукая себя, щепотью въ лобъ, въ грудь, въ плечи.—Радуйся, преславная и прерадованная, храме одушевленный. Радуйся, обрадованная, небу и земли равное жилище. Радуйся, благодатная, небеснаго класа нежненая ниво“...

Наконецъ, подойдя ко мнѣ, онъ безъ передышки сказалъ:

— Дорога сомовина то... Я сейчасъ вотъ молился, такъ высчиталъ—не мало мы съ тобой прогуляли... Клади: половинка—четвертакъ, фунтъ рыбы тринадцать монетъ, баранки восемь, чай—гривенникъ... Много-ль за все?..

— А за ночлегъ-то забылъ,—сказалъ я.

— А, что-бъ тебя!.. Забылъ и есть... Ну, за ночлегъ по три монетки... шесть, значитъ... Ну, считай... за половинку четвертакъ,—опять сначала началъ онъ,—фунтъ сомовины тринадцать... много-ль?

— Тридцать восемь,—сказалъ я.

— Тридцать восемь?.. Баранки восемь...

— Сорокъ шесть...

— Эна!.. Чай, клади, гривенникъ...

— Пятьдесятъ шесть.

— За фатеру шесть...

— Шестдесятъ двѣ.

— Ловко!.. Вотъ они денежки-то, не видать ихъ... плывутъ, аки вода, а все не сытъ, не голоденъ... Значитъ, это по много ли съ насъ сойдетъ?

— По тридцать одной копѣйкѣ...

Онъ замолчалъ и сталъ укладываться...

VIII.

Въ это время потихоньку, точно крадучись, осторожно прихлопнувъ дверь, вошелъ къ намъ хозяинъ.

Онъ шепотомъ спросилъ:

— Спите?..

— Гдѣ спать... нѣтъ,—отозвался Демьянычъ, приподнимаясь и садясь на скамейкѣ,—не спится что-то...

— Что такъ?..

— Да такъ... дума разная... объ своихъ думаешь.. Какъ? Что?.. Ждутъ, небось, деньжонокъ... Тѣломъ-то я здѣсь, а душой-то дома... Дѣти, почтенный, задавили... плохо живу... земли мало... жмутъ со всѣхъ сторонъ, какъ ужа вилами... спокою ни днемъ, ни ночью не вижу... Сердце-то прыгаетъ, какъ овечій хвостъ.. какой тутъ сонъ! Да вотъ водочки-то выпилъ... еще хуже... А ты чего не спишь... бродишь?..

Хозяинъ сѣлъ съ краю скамейки, у него въ ногахъ, и, помолчавъ, сказалъ:

— Я все такъ... не спится мнѣ по ночамъ... Заведу глаза эдакъ на часъ, и опять готовъ... нѣту сна... Думается тоже все, вотъ неплошь тебя... тоска...

— Да чего-жъ тебѣ тосковать-то?.. У тебя, кажись, все слава Богу... эно колесо какое заведено... жить надо, радоваться...

— Мало ли что... у всякаго свое...

— Да у тебя-то чего?.. Сытъ, обутъ, одѣтъ, деньги, небось, есть... чего тебѣ... живи да Господа благодари... Посиживай въ трактирѣ, книжку почитывай, а денежка плыветъ... Дѣти, что ли, у тебя... семейство... перекусить нечего?..

— Дѣтей нѣтъ, а были,—отвѣтилъ хозяинъ,—объ нихъ-то вотъ я и думаю... дѣти-то меня и доконали...

— Примерли?

— Сынъ-то померъ, а дочь не знаю—гдѣ.

— Гм... чудно... гдѣ-жъ она?..

— А Господь ее знаетъ... Можетъ, жива, а можетъ—на томъ свѣтѣ... не знаю...

— Чудно! — опять повторилъ Демьянычъ. — Сбѣжала, знать?...

— Зачѣмъ бѣжать... взяли...

— Кто?..

— Начальство.

— За какое-жъ дѣло?..

— Не знаю, милый, до сихъ поръ не знаю... Въ Москвѣ это сдѣлалось... Давно ужъ время... Въ тотъ самый годъ, какъ царя Александра убили... Въ Москвѣ она тогда жила... ученая она у меня была... Господа выучили... въ Питерѣ въ гимназіи учили... Радовался я сдуру-то... думалъ: вотъ подъ старость намъ съ женой утѣшенье... анъ вотъ оно дѣло-то... Да-а!...

Онъ замолчалъ и долго сидѣлъ молча, наклонившись и что-то думая. Въ трактирѣ было тихо, почти совсѣмъ темно, печально и жутко... Маятникъ часовъ глухо и монотонно стукалъ: ра-а-а-зъ! два-а-а! ра-а-а-азъ! два-а-а!..

— Какъ въ тучку канула,—заговорилъ опять хозяинъ.—

Я туды, я сюды—нѣту! Потомъ ужъ сказали мнѣ господа, что взяло ее начальство за то, вишь, что она съ нехорошими людьми спуталась... которые противъ царя шли... Увезли, а куда неизвѣстно... Съ той поры, вотъ, старая-то княжня,—одна она теперь осталась,—все на меня и сердита... попрекаетъ... „Твоя, говоритъ, дочь-то какая... знаешь? Дуракъ ты, хамъ“... А я чѣмъ виноватъ?.. Ваши же, говорю, дѣти ее выучили... Сердится на меня... сюда вотъ выслала на старости лѣтъ... въ трактиръ... „Торгуй“... А какой я торговецъ?.. Нешто мнѣ здѣсь мѣсто-то... мнѣ бы покой теперь нуженъ... богадѣльня... Всю жизнь имъ служилъ... У мужа у ея, царство небесное, въ камердинерахъ былъ... въ Севастополь на войну съ нимъ ѣздилъ... муку-то видѣлъ за свою жизнь какую... Ни одинъ, грѣхъ сказать, великомученикъ такого креста не несъ... А вотъ тебѣ, подъ старость-то, и награда... „Дуракъ“, „хамъ“—а! каково это?..

— Такъ какого-же ты, не къ ночи будь сказано, чорта треплешься-то коло ихъ?...—воскликнулъ Демьянычъ:—взялъ да и ушелъ... Бѣлый свѣтъ на волю данъ... не прежняя пора...

— Ушелъ!—съ унылой ироніей повторилъ его слова хозяинъ.—Ушелъ... Куда я пойду-то отъ своихъ господъ?.. Послѣ воли не ушелъ, а теперича куда идти... Я всю жизнь имъ... и родитель мой имъ... Всю, можно сказать, нашу кровь мы въ нихъ излили... Я вѣрный рабъ былъ... не лукавый... И теперича... и теперича,—съ дрожью въ голосѣ повторилъ онъ,—готовъ пострадать за нихъ... Я съ пеленокъ служу... они мнѣ дороже родныхъ... вотъ что... а ты говоришь...

Онъ замолчалъ, хлюпая носомъ... Молчалъ и Демьянычъ, свертывая курить... За окномъ стало темно, и видно было, въ верхнее стекло, какъ гдѣ-то далеко на небѣ горитъ какая-то звѣздочка, вспыхивая и погасая, какъ гаснущая лампада...

„Люди холопскаго званія
Сущіе псы иногда:
Чѣмъ тяжелѣй наказанія—
Тѣмъ имъ милѣй господа“...

припомнилось мнѣ, и отъ горькой правды этихъ словъ великаго поэта на моемъ сердцѣ стало еще печальнѣе...

— Что-жъ это она, твоя княжня-то, отъ себя трактиръ-то держитъ?—спросилъ Демьянычъ.—Аль обѣдняла?

— И трактиръ, и казенка въ ея домахъ,—отвѣтилъ хозяинъ,—за казенку триста рублей въ годъ получаетъ... съ трактира доходъ... съ лавки...

— Гм! ишь ты... жадная, знать... Не ее это, кажись бы, дѣло...

— Господи!—съ горечью воскликнулъ хозяинъ.—Какое ея дѣло!.. Стыдъ, срамота... сердце перевертывается... Дивн, нѣту!..

— Все мало,—сказалъ Демьянычъ,—боится, обѣдняетъ... Князь-то давно издохъ?

— Какъ волю объявили... Какъ прочиталъ онъ, покойникъ, царство небесное, про это... грохъ на полъ!.. Отдалъ Господу душу... Разрывъ сердца сдѣлался...

— А-а-а!—радостно засмѣялся Демьянычъ.—Тошно, знать, показалось... Ишь, черти, имъ не по скусу это... Ихъ бы, сукиныхъ дѣтей, на наше мѣсто... Плохо тебѣ при немъ, говоришь, было... билъ?..

— Да ужъ что говорить! Всего было... Трепеталъ я день и ночь, какъ листъ осиновый... Спаси Богъ ошибиться въ чемъ—убьетъ... А отецъ у него былъ, Господи твоя воля, страсть!.. Отца вотъ моего до смерти убилъ...

— Вре-е?!...

— Чего врать... правда... застегалъ плетьми до смерти... Я тогда лѣтъ десяти былъ... насъ восемь человѣкъ дѣтей было у отца... въ углу жили... Помню, мать страсть какъ плакала...

— Что-жъ ему за это?..

— Ничего... Что-жъ ему!.. Онъ господинъ... ему власть отъ Бога дана... горячій былъ... Помню, ужъ не молодой былъ, а до женскаго естества охотникъ... Бесѣдка такая въ саду была... Какъ вечеръ, онъ туда... Ужъ это знай: веди къ нему изъ села дѣвку... Такъ по череду и ходили...

— Ахъ, сволочи! Что дѣлали... Да-а-а!.. Укоротили ихъ, да мало... Надо-бы по настоящему, капиталы у нихъ отобрать... землю... Живите, молъ, попытайте... А то имъ и сейчасъ не плохо съ денежками-то... Нахапали!.. Ну, а сынъ-то у тебя давно померъ?..—спросилъ Демьянычъ, чиркнувъ спичку и закуривъ погасшую папироску.

— Давно ужъ тоже... лѣтъ десять прошло...

— Болѣлъ, что-ли?..

— Удавился!—тихо и какимъ-то сдавленнымъ голосомъ произнесъ хозяинъ.

— Вре-е-е?!..

— Удавился,—повторилъ хозяинъ и фыркнулъ носомъ.—На рябинѣ въ саду... на суку...

— Ахъ ты, Господи помилуй!.. Что-жъ это ему вздумалось... съ чего?..

— Пилъ сильно... Такъ пилъ—удержу не было... вотъ и допился...

— Холостой?..

— Женатый...

— Гдѣ-жъ жена-то теперь?..

— Не знаю... въ Москвѣ, ишь, гдѣ-то... Непутевая бабенка... трепалка... она и при немъ-то трепалась, съ кѣмъ ни попало...

— Что-жъ онъ у тебя... по какому дѣлу пущенъ былъ?..

— Учитель...

— Учи-и-и-тель?..

— Учитель... ребятишекъ училъ въ училищѣ...

— Гдѣ-жь ему учить, пьяному?.. Что-жъ, опять, видно, господа до дѣла-то довели?.. Гдѣ теперича господа-то эти?...

— Примерли всѣ... Сынъ да двѣ дочери были, царство небесное... хо-о-о-рошіе были!..

— Не въ родителевъ, знать?.. Да-а-а!—глубокомысленно помолчавъ, добавилъ Демьянычъ:—погляжу я на тебя, не сладка твоя жизнь... вотъ они, дѣла-то... Да-а-а!..

— Какъ нибудь вѣкъ доживать надо,—грустно произнесъ хозяинъ.—Немного ужъ остается...

— Какъ сказать... это тоже неизвѣстно... на лбу не написано... Можетъ, ты насъ переживешь... Старинный народъ крѣпокъ!..

— Вся власть Божья,—опять также грустно отвѣтилъ хозяинъ и замолчалъ.—А тяжко,—сказалъ онъ, помолчавъ,—вотъ какъ—не приведи Богъ!..

— Что говорить,—согласился Демьянычъ,—дѣти всякому больны... Какой палецъ ни укуси—все одно, а безпутные-то, неудачные еще, пожалуй, больнѣе... Да-а-а!. Нехорошо твой сынокъ сдѣлалъ... напрасно... Смерть-то бы отъ него и такъ не ушла... Положимъ, онъ тутъ не причемъ... тутъ ужъ за него *другой* хлопочетъ, съ рожками-то... такъ и винтитъ, такъ и винтитъ... шепчетъ на уши-то... то къ одному забѣжитъ, то къ другому... „сдѣлай да сдѣлай"... А ангелъ-хранитель въ тѣ поры въ сторонкѣ стоитъ, плачетъ... подойти боится... Потому отшилъ его черный.. завладѣлъ человѣкомъ... духъ свой въ него пустилъ и доканать совсѣмъ человѣка хочетъ... душу погубить... Тутъ ужъ ничего самъ съ собой человѣкъ сдѣлать не можетъ, потому весь чужой сталъ... Всего *онъ* тебя, какъ паукъ паутиной муху, обмоталъ... не выскочишь... Да-а-а!.. Грѣхи человѣчьи... А все водочка... все она... Сказано: „кровь сатаны"... И вѣрно! Бросать ее надо... всѣ грѣхи отъ нее...

— Прощайте,—сказалъ хозяинъ,—мѣшаю я вамъ... вамъ спать пора...

— Сиди,—отвѣтилъ Демьянычъ,—куда ты?..

Но хозяинъ ничего не отвѣтилъ и, тихо ступая въ потемкахъ по полу, вышелъ...

— Н-да-а!.. Дѣла!—произнесъ послѣ его ухода Демьянычъ.—Видно, всякъ свой чирей хвалитъ: „у меня больно", „анъ нѣтъ, у меня больнѣе"... Охъ, хо, хо!.. Спишь, что-ли?.. Ну, спи, Христосъ съ тобой... Охъ, хо, хо!.. Н-да!.. Что-то завтра Господь пошлетъ?.. Чѣмъ-то обрадуетъ?... О, Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй!.. Н-да!..

С. Подъячевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАСУХА.

Зачахла надъ рѣкой серебряная ива.
До времени расцвѣлъ всклокоченный горохъ.
И долгою жарой надломленная нива
На солнышкѣ, грустя, поникла сиротливо:
Пѣвучій прежде шумъ звучитъ, какъ слабый вздохъ.

Завяли васильки... Надъ пыльною дорогой
Поблекла стройная, упругая трава...
— О родина! И ты измучена тревогой,
Обманута весной безцвѣтной и убогой,—
Какъ жертва пытки злой, лежишь полумертва!..

И все кругомъ скорбитъ, поднявши взоръ недужный
Къ далекимъ небесамъ... А тамъ, какъ въ морѣ,—штиль!
Въ тропической красѣ—безцѣльной и ненужной—
На скудныя поля струится свѣтъ жемчужный,
Сжигая зелень травъ и раскаляя пыль.

С. Ивановъ-Райковъ.

Пролетарская идеологія.

I.

Стремленіе къ лучшему, болѣе совершенному существованію глубоко заложено въ сердцѣ человѣка. Вѣчная неудовлетворенность и недовольство настоящимъ—одно изъ существеннѣйшихъ свойствъ человѣческаго духа — является могучимъ двигателемъ въ борьбѣ за лучшее будущее, могучимъ стимуломъ творческой созидательной дѣятельности въ дѣлѣ построенія новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ общественной жизни. Красной нитью, на всемъ протяженіи всемірной исторіи проходитъ это стремленіе, воплощаемое въ жизнь лучшими представителями человѣчества. Какъ яркіе свѣточи среди ночи, какъ драгоцѣнные камни, блестятъ ихъ имена на темномъ фонѣ насилій, страданій и преступленій, среди безпросвѣтнаго мрака людской пошлости, трусости и рабства. Исторія безжалостна: она передала намъ лишь немногія изъ этихъ именъ, и сколько безвѣстныхъ героевъ, поистинѣ рыцарей безъ страха и упрека потопила она въ темной пучинѣ забвенія! Нѣ одинъ смѣлый искатель истины, не одинъ борецъ за лучшія формы жизни человѣчества погибъ, побѣжденный трудностями своего пути, не преодолѣвъ преградъ, какія ему поставила слѣпая сила стихіи, не одинъ уклонился въ сторону, утомленный препятствіями, или обманутый призраками блуждающихъ болотныхъ огней,—но, по прежнему, ярко блеститъ путеводная звѣзда идеала, и снова и снова лучшіе представители человѣчества неудержимо стремятся къ ней, отмѣчая своими ошибками новыя вѣхи по дорогѣ къ истинѣ, знаменуя своею гибелью высшій смыслъ человѣческой жизни.

Современный соціализмъ можно разсматривать, какъ выраженіе этихъ исканій, этого вѣчнаго стремленія человѣка къ совершенствованію. Современный государственный и общественный строй, основанный на самой грубой и беззастѣнчивой эксплуатаціи, на самомъ безстыдномъ и безжалостномъ порабощеніи человѣка человѣкомъ, строй, покоящійся на насиліи и обманѣ и порождающій нищету, развратъ и болѣзни, строй, знаменующій собою позоръ и униженіе человѣчества и всю глубину его паденія,—строй этотъ не можетъ не вызывать горячаго чувства протеста въ душахъ тѣхъ,

кто сохранилъ еще въ себѣ искру священнаго огня недовольства, чей умъ и сердце не погрязли еще въ засасывающемъ болотѣ житейской пошлости. Современный строй и главное его основаніе и опора — частная собственность, не полагающая никакого предѣла обогащенію и эксплуатаціи и обрекающая тѣмъ громадныя массы на нищенское, полуголодное и рабское существованіе—осуждены лучшими умами человѣчества. Соціализмъ, какъ новая форма общественной жизни, имѣющая своей задачей обобществленіе земли, орудій труда и всѣхъ вообще богатствъ, накопленныхъ человѣчествомъ, все болѣе и болѣе становится господствующимъ міровозрѣніемъ нашего времени, широко распространяясь и въ средѣ трудящихся классовъ общества, воспринимающихъ его ученіе, какъ благую вѣсть о своемъ освобожденіи, и хранящихъ его завѣты, какъ лучшую свою надежду.

Соціализмъ такъ же старъ, какъ и исторія человѣческихъ страданій и человѣческаго порабощенія. Въ своей наиболѣе простой и доступной народу формѣ, въ формѣ коммунистическихъ мечтаній и идеаловъ, онъ неоднократно вставалъ въ сознаніи народныхъ массъ въ моменты острыхъ потрясеній и рѣзкихъ переломовъ всей общественной жизни. Неоднократно появлялся онъ въ системахъ ученыхъ и мыслителей.

Еще Платонъ въ своей книгѣ о государствѣ, устанавливая совершенныя формы общественной жизни, пришелъ къ коммунистическимъ выводамъ, и коммунистическое общество разсматривалъ, какъ идеальное. Затѣмъ въ первые вѣка христіанства, подъ вліяніемъ того духовнаго подъема, какой испытали широкіе слои народа, воспріявъ новую религію любви и братства, коммунистическія стремленія охватили собою широкія народныя массы и нашли себѣ практическое осуществленіе въ тѣсныхъ предѣлахъ христіанской общины. Въ средніе вѣка съ особой силой и яркостью коммунистическія тенденціи проявились въ періодъ крестьянскихъ войнъ, этой грандіозной попытки рабовъ феодальнаго общества низвергнуть ненавистное имъ иго и положить предѣлъ жестокости и безчеловѣчію ихъ господъ; смѣлыя реформаторскія начинанія въ духѣ коммунизма, переплетаясь съ религіознымъ мистицизмомъ, а иногда съ самымъ мрачнымъ, самымъ грубымъ изувѣрствомъ, кладутъ свою особую печать на всю эту эпоху. Даже въ періодъ великой французской революціи, когда вопросы политическаго освобожденія и задачи политическаго и гражданскаго равноправія отодвинули и заслонили собою на время экономическую проблему (отодвинули лишь для того, чтобы ее обострить и расширить), даже и въ этотъ періодъ всеобщаго увлеченія политической борьбой въ ея чистомъ видѣ не угасаетъ пламя соціалистическихъ стремленій. Бабефъ и его послѣдователи лишній разъ напомнили обществу, что идеалъ общежитія—не одна лишь демократическая свобода, но и осуществленіе требованій со-

ціализма. И по мѣрѣ того, какъ угаръ политической борьбы смѣнялся разочарованіемъ и усталостью въ сознаніи безсилія путемъ однихъ лишь демократическихъ завоеваній устранить тѣ великія бѣдствія, какія несъ съ собою новый, основанный на свободѣ эксплуатаціи, хозяйственный строй,—рабочіе классы общества снова и снова обращали свои взоры въ сторону соціализма и на его обѣщанія возлагали всѣ свои надежды.

Тогда же возникло и широкое *идейное* соціалистическое теченіе въ средѣ ученыхъ и мыслителей, вынесшее на свою поверхность такія крупныя силы какъ Сенъ-Симонъ, Фурье и Оуэнъ. Еще въ предѣлахъ капиталистическаго общества проектировали великіе «утописты» XIX столѣтія создать ячейки новаго совершеннаго общества, которыя уже однимъ фактомъ своего существованія, однимъ примѣромъ воплощенія въ жизнь совершенно иныхъ, чѣмъ господствуютъ въ капиталистическомъ строѣ, принциповъ, должны были оказать неотразимое вліяніе на все капиталистическое общество и пріобщить его къ тѣмъ благамъ, которыя вытекали изъ практическаго осуществленія коммунистической формы общежитія. Однимъ взмахомъ, однимъ ударомъ, однимъ даже напряженіемъ творческой мысли хотѣли они разрѣшить вѣчно старую и вѣчно новую задачу человѣческаго счастія. Грандіозныя попытки Оуэна и менѣе внушительныя С.-Симона и его послѣдователей, къ сожалѣнію, не дали прочныхъ положительныхъ результатовъ, свидѣтельствуя лишь о мощи и величіи человѣческаго генія. Ихъ утопизмъ, а потому практическая безплодность ихъ начинаній заключались, однако, отнюдь не въ томъ, что они игнорировали пролетаріатъ—тотъ самый общественный классъ, который по своему экономическому положенію и участію въ производственномъ процессѣ является наиболѣе воспріимчивымъ къ соціалистическимъ идеямъ, но который, однако, въ разсматриваемый періодъ не представлялъ изъ себя достаточно крупной общественной величины, чтобы послужить точкою опоры въ ихъ творческой и созидательной дѣятельности. «Утописты» поступали совершенно правильно, когда они обращались «къ обществу» и въ его, главнымъ образомъ, просвѣщенныхъ и обезпеченныхъ слояхъ искали поддержки и сочувствія. Они знали, что поддержка общественнаго мнѣнія и матеріальныя средства во всякомъ крупномъ общественномъ дѣлѣ имѣютъ огромное значеніе. Ошибка «утопистовъ» заключалась въ томъ, что они слишкомъ не дооцѣнивали въ своихъ построеніяхъ силу сопротивленія капиталистическаго строя и не принимали во вниманіе всю трудность радикальнаго переворота въ производственныхъ отношеніяхъ; они слишкомъ надѣялись на альтруистическія чувства и на благодѣтельный примѣръ первыхъ своихъ попытокъ, чтобы задуматься надъ ихъ прочностью, они слишкомъ идеализировали человѣческую природу. Твердо установивъ положеніе, что лишь въ соціализмѣ найдетъ человѣчество исходъ изъ мрачнаго тупика

ужасовъ капиталистическаго строя, что лишь обобществленіе средствъ производства въ самомъ широкомъ смыслѣ и уничтоженіе частной на нихъ собственности разрѣшитъ проблему человѣческаго счастія, «утописты» не дали, однако, достаточно надежныхъ указаній относительно средствъ и путей, какими должно идти человѣчество въ эту обѣтованную землю соціалистическаго счастія.

II.

Разрѣшеніе этихъ сложныхъ вопросовъ и дальнѣйшее обоснованіе и развитіе соціалистической теоріи выпало на долю такъ называемаго «научнаго» соціализма.

Съ тѣхъ поръ, какъ Марксомъ и Энгельсомъ были установлены положенія историко-матеріалистическаго метода и была признана необходимой классовая точка зрѣнія, казалось, найденъ былъ ключъ къ пониманію всего сложнаго и запутаннаго процесса общественной жизни, казалось, найденъ былъ неоспоримо вѣрный и безусловно правильный путь къ соціализму, котораго такъ упорно и такъ тщетно искали «утописты» и соціальные реформаторы. Болѣе того, доктриной историческаго матеріализма уничтожалась даже самая необходимость и цѣлесообразность подобныхъ исканій, ибо устанавливалось, какъ научная истина, что объективныя условія экономическаго развитія необходимо и неизбѣжно толкаютъ общество по дорогѣ техническаго и хозяйственнаго прогресса, долженствующей привести человѣчество въ свѣтлое царство свободы и соціализма. Согласно этой вновь открытой истинѣ люди науки и филантропы могли уже не безпокоиться о судьбахъ соціализма и рабочаго класса. Пролетаріатъ, этотъ новый общественный классъ, единственный изъ всѣхъ классовъ современнаго общества дѣйствительно стремящійся къ полной ликвидаціи капиталистическаго строя, долженъ былъ въ нѣкоторый опредѣленный моментъ экономическаго развитія взять въ свои руки дѣло преобразованія капиталистическаго общества и осуществить идеалы соціализма. Соціализмъ объявлялся поэтому исключительнымъ дѣломъ, исключительной задачей пролетаріевъ, и представители другихъ общественныхъ классовъ (и въ этомъ отношеніи не дѣлалось никакого исключенія и для людей науки) своимъ вмѣшательствомъ въ вопросы соціализма могли только повредить дѣлу пролетаріевъ, могли ввести въ ихъ классовое сознаніе чуждые имъ элементы. Пролетаріатъ, согласно новой теоріи, не нуждался ни въ чьей указкѣ: его интересы, его, наконецъ, здоровое классовое чутье указывали ему настоящій путь, выводили на широкую дорогу классовой пролетарской борьбы и обезпечивали ему безусловную побѣду. Единственно лишь марксизмъ имѣлъ право вмѣшиваться въ дѣло рабочаго класса, и даже руководить имъ: марксизмъ, согласно

его собственнымъ выводамъ, не *отдѣлялъ* себя отъ пролетарскаго движенія и характеризовалъ себя, какъ передовой отрядъ пролетаріата, какъ наиболѣе сознательную часть его, какъ наиболѣе правильное и наиболѣе послѣдовательное выраженіе классоваго интереса указанной экономической категоріи.

Эти выводы распространялись, однако, исключительно на марксистское направленіе въ соціализмѣ. Всѣ другія міросозерцанія, хотя бы и соціалистическаго характера, заключали въ себѣ, согласно воззрѣніямъ марксизма, иное классовое содержаніе и не могли, поэтому, разсчитывать на болѣе или менѣе прочныя завоеванія въ средѣ пролетаріата; если они и стремились ближе подойти къ рабочему классу и подчинить его своему руководству, или даже распространить въ его средѣ тѣ идеи, которыя составляли ихъ содержаніе, то такого рода стремленія могли принести лишь вредъ рабочему движенію, и марксисты, какъ сознательная и передовая часть пролетаріата, должны всѣми силами, если не всѣми средствами, препятствовать этому вторженію враждебныхъ пролетаркимъ интересамъ идей и воззрѣній, должны были всячески разоблачать ихъ «буржуазное», «антипролетарское» содержаніе.

И вотъ съ истинно-сектантской нетерпимостью, съ прямолинейностью фанатиковъ вновь открытой почти что религіозной истины, отграничили себя отцы и родоначальники марксизма отъ несогласно съ ними мыслящихъ, отграничили, прежде всего, въ предѣлахъ соціалистическаго міровоззрѣнія. Установивъ, какъ необходимую принадлежность пролетарской идеологіи, классовую точку зрѣнія и извѣстное опредѣленное историко-философское міросозерцаніе, марксизмъ и, въ особенности, правовѣрные ученики Маркса и Энгельса естественно должны были проявить особую осторожность по отношенію къ другимъ, не марксистскимъ теченіямъ въ соціализмѣ. Чтобы подорвать ихъ вліяніе въ средѣ рабочаго класса и обезвредить ихъ яко-бы соціалистическую пропаганду, марксисты должны были вскрыть тѣмъ или инымъ образомъ ихъ классовую антипролетарскую сущность, обнаружить ихъ настоящую классовую физіономію и разоблачить ихъ истинныя, отнюдь ничего не имѣющія общаго съ соціализмомъ, намѣренія. Уже въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» посвящена особая глава разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ этого забракованнаго, такъ сказать, марксистской теоріей соціализма. Соціализмъ «феодальный», «мелко-буржуазный», «нѣмецкій или истинный соціализмъ», «соціализмъ консервативный или буржуазный» и, наконецъ, «критически-утопическій соціализмъ» — таковъ довольно длинный перечень всѣхъ сортовъ этого отлученнаго отъ пролетаріевъ соціализма, даваемый намъ «Коммунистическимъ Манифестомъ». Естественно, что и въ практической своей дѣятельности отцы «научнаго» соціализма отнюдь не склонны были хладнокровно смотрѣть на попытки, а тѣмъ болѣе успѣхи другихъ соціалистическихъ или близкихъ къ соціализму теченій въ ихъ

стремленіи занять тѣ или иныя позиціи въ борьбѣ рабочаго класса и даже захватить самое руководство этой борьбою. Стоитъ лишь вспомнить столь знаменитое въ исторіи международнаго соціализма соперничество между марксистами и бакунистами, чтобы по достоинству оцѣнить тѣ усилія, которыя были употреблены приверженцами «научнаго» соціализма для того, чтобы разбить и обезоружить своихъ противниковъ. Стоитъ лишь вспомнить уничтожающій полемическій тонъ хотя бы «Нищеты философіи», чтобы понять, съ какой горячей враждой, съ какой страстной ненавистью относился Марксъ съ своимъ противникамъ изъ соціалистическаго лагеря. Такія страстныя полемическія произведенія, какъ «Нищета философіи» или «Бакунисты за работой», могли быть продиктованы только горячимъ желаніемъ уничтожить опасныхъ противниковъ, возможно болѣе и полнѣе дискредитировать ихъ въ глазахъ рабочаго класса и образованнаго общества. По отношенію къ Бакунину Марксъ не останавливался, впрочемъ, и передъ болѣе рѣшительными средствами. Въ 1848 году, въ то время, какъ Бакунинъ безуспѣшно пытался вызвать возстаніе въ Прагѣ, «Neue Rheinische Zeitung», издаваемая Марксомъ и Энгельсомъ, помѣстила корреспонденцію, которая устанавливала тѣсную яко бы связь Бакунина съ русской полиціей, и аттестовала его, какъ ея агента *); затѣмъ позднѣе, въ 1872 году, при исключеніи Бакунина изъ Международнаго общества рабочихъ, происшедшему благодаря громадному численному перевѣсу приверженцевъ Маркса и Энгельса, въ числѣ причинъ, которыми было обусловлено это исключеніе, были выставлены «безчестные» яко бы пріемы Бакунина, заставившіе его прибѣгнуть къ «мошенничеству». Увлеченія въ ожесточенной партійной борьбѣ, когда страсть туманитъ разсудокъ, разумѣется, естественны и, если не извинительны, то объяснимы. Однако же, нужно было слишкомъ враждебное, слишкомъ непримиримое отношеніе къ своему противнику, чтобы прибѣгнуть къ столь рискованнымъ пріемамъ, не останавливающимся даже передъ загрязненіемъ его личной репутаціи. Бакунинъ, Прудонъ и всѣ, вообще, служившіе революціи и дѣлу рабочаго класса, но не согласные съ марксистской теоріей, и являлись именно такими наиболѣе опасными и наиболѣе ненавидимыми врагами «научнаго» соціализма, противъ которыхъ позволительно было всякое оружіе. Выставляя въ общемъ и главномъ тѣ же задачи, что и марксисты, прибѣгая къ тѣмъ же приблизительно средствамъ для осуществленія этихъ задачъ и практикуя тѣ же методы работы и воздѣйствія на рабочіе классы общества, и Прудонъ, и Бакунинъ, и всѣ вообще соціалисты не-марксистскаго направленія были опасны и нежелательны для приверженцевъ

---

*) Разумѣется, черезъ нѣсколько дней газета принуждена была помѣстить опроверженіе этой корреспонденціи.

«научнаго» соціализма, *именно потому,* что связывали свое дѣло съ борьбою и интересами рабочаго класса.

Не признавая всецѣло основъ матеріалистическаго пониманія исторіи, или воспринимая положенія этой теоріи лишь частью, такого рода сторонники соціализма не могли быть отнесены марксистами къ идеологамъ пролетаріата, не могли быть признаны защитниками его интересовъ. «Прудонъ по натурѣ былъ склоненъ къ діалектикѣ,—говоритъ Марксъ въ «Нищетѣ философіи». Но такъ какъ ему никогда не удавалось понять научной діалектики, то онъ дошелъ до софистики. Въ дѣйствительности, это случилось, благодаря его мелко-буржуазной точкѣ зрѣнія. Мелкій буржуа, подобно нашему историку Раумеру, всегда бываетъ составленъ изъ «съ одной стороны и съ другой стороны». Такой двойственный характеръ носятъ его экономическіе интересы, а потому и его политика и его религіозныя, научныя и художественныя воззрѣнія, его мораль, наконецъ, все его существо. Онъ самъ живое противорѣчіе» *). Руководимые, быть можетъ, самыми лучшими чувствами, самыми благородными побужденіями такого рода, сторонники соціализма фактически отстаивали, однако, интересы буржуазныхъ классовъ, и «утопизмъ» ихъ воззрѣній лучше всего выдавалъ ихъ «анти-пролетарскую сущность», обнаруживалъ ихъ чуждое и враждебное пролетаріату содержаніе. Движимые этимъ чуждымъ и враждебнымъ рабочему классу интересомъ, эти ложные его друзья, сами, быть можетъ, того не замѣчая, наносили «дѣлу пролетаріата» только лишь вредъ, стремясь увлечь его въ сторону «мелко-буржуазнаго» или какого иного міровоззрѣнія. «Было бы ограниченностью думать,—говоритъ Марксъ въ «18 брюмера»,—что мелкая буржуазія сознательно стремится отстоять эгоистическій классовый интересъ. Наоборотъ, она полагаетъ, что частныя условія ея освобожденія представляютъ собою общія условія, при которыхъ только и можетъ быть достигнуто спасеніе современнаго общества и устранена борьба классовъ. Точно такъ же не слѣдуетъ думать, будто всѣ представители мелкой буржуазіи—лавочники или поклонники лавочниковъ. По своему образованію и личному положенію они могутъ быть, какъ небо отъ земли, далеки отъ лавочниковъ. Представителями ихъ дѣлаетъ то обстоятельство, что ихъ мысль не выходитъ за предѣлы житейской обстановки мелкой буржуазіи, и что поэтому они приходятъ къ тѣмъ же задачамъ и рѣшеніямъ въ теоріи, къ которымъ мелкій буржуа приходитъ, благодаря своимъ матеріальнымъ интересамъ и своему общественному положенію на практикѣ **). И вотъ, для охраненія пролетаріата отъ этихъ ложныхъ друзей, отъ этихъ волковъ буржуазнаго общества, нарядив-

*) Марксъ. „Нищета философіи".

**) Цитировано по Бельтову. „Къ вопросу о развитіи матеріалистическаго взгляда на исторію" стр. 156.

шихся въ овечью шкуру соціализма, приверженцы марксистской теоріи и вели такую ожесточенную и такую безпощадную войну съ своими идейными противниками, въ пылу борьбы не разбираясь иногда даже и въ средствахъ.

Ученики и послѣдователи «научнаго» соціализма едва ли еще не болѣе, чѣмъ ихъ учителя, заботились о чистотѣ знамени ихъ сектанской нетерпимости и объ отграниченіи себя отъ сомнительныхъ, съ точки зрѣнія ортодоксіи, элементовъ соціализма. Впрочемъ, до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія они не имѣли достаточно серьезныхъ идейныхъ противниковъ изъ соціалистическаго лагеря, у которыхъ приходилось бы имъ оспаривать пальму первенства въ дѣлѣ идейнаго руководства соціалистическимъ движеніемъ. Марксизмъ, какъ цѣльное и законченное міровоззрѣніе, слишкомъ импонировалъ сторонникамъ соціализма и безраздѣльно завербовывалъ ихъ въ свой лагерь. Если въ романскихъ странахъ и имѣли еще нѣкоторый успѣхъ традиціи прудонизма и бакунинскаго анархизма, то успѣхъ этотъ въ значительной мѣрѣ долженъ быть отнесенъ на счетъ извѣстной идейной инерціи массъ, не легко покидающихъ разъ уже усвоенное міровоззрѣніе, а также на счетъ неостывшаго еще романтизма и революціонизма первой половины XIX столѣтія, которые заставляли рабочихъ примыкать къ наиболѣе крайнимъ теченіямъ общественной мысли. Во всякомъ случаѣ, причиною этого успѣха никоимъ образомъ нельзя было считать идейную силу или научною солидность построеній Прудона и Бакунина. Несмона то, что и то, и другое міровоззрѣніе занимали формально враждебныя по отношенію къ марксистской теоріи позиціи, ни Прудонъ, ни Бакунинъ не избѣгли, однако, вліянія могучей логики Маркса и заимствовали многое изъ его взглядовъ. Что касается Бакунина, то онъ вообще не противопоставлялъ рѣзко своего міровоззрѣнія положеніямъ экономическаго матеріализма, а расходился съ Марксомъ по вопросамъ, главнымъ образомъ, практическаго свойства—по вопросамъ тактики; Бакунинъ былъ лишь недоволенъ тою осторожностью, половинчатостью и робостью, какую по его мнѣнію обнаруживали Марксъ и его послѣдователи, соприкасаясь съ дѣйствительностью, предпринимая тѣ или иные шаги въ своей практической дѣятельности. *) Не избѣжалъ вліянія марксизма

*) Отношеніе Бакунина къ марксизму и его оцѣнка практической работы Маркса и его приверженцевъ хорошо видна изъ нижеслѣдующаго отрывка его письма къ Гервегу. „Нѣмцы ремесленники, Бернштейнъ, Марксъ и Энгельсъ, въ особенности Марксъ, сѣютъ здѣсь свое обычное зло. Тщеславіе, человѣконенавистничество, высокомѣріе въ теоріи и малодушіе на практикѣ, рефлексіи на счетъ жизни, дѣятельности и искренности.... литераторствующіе и диспутирующіе ремесленники и отвратительное заигрываніе съ ними. Фейербахъ—буржуа; слово буржуа до тошноты надоѣвшая ругань, а сами всѣ съ головы до ногъ, до мозга костей—мелкіе буржуа. Однимъ словомъ, ложь и глупость, глупость и ложь. Въ этомъ обществѣ трудно и тяжело дышать. Я держусь вдалекѣ отъ

также и Прудонъ. Оставаясь на почвѣ идеализма, оперирующаго «вѣчными идеями», и даже выставивъ себя впослѣдствіи противникомъ коммунизма, онъ все же отдалъ извѣстную дань марксистскому міровоззрѣнію, заимствовавъ изъ него діалектическій методъ разсмотрѣнія вопросовъ «къ большому вреду для самого себя», по замѣчанію К. Маркса.

У марксизма, повторяемъ, въ первыя десятилѣтія его развитія не было серьезныхъ идейныхъ противниковъ. Основныя положенія марксовой теоріи были столь новы и оригинальны, убѣдительная сила ея логическихъ доводовъ столь неотразима, а единство и цѣльность всего міросозерцанія столь импонировали сторонникамъ соціализма, что за короткое сравнительно время эта теорія неограниченно воцарилась въ соціалистическихъ рядахъ, проникла даже въ среду чистой демократіи.

Первые болѣе или менѣе серьезныя попытки поколебать твердыни марксизма сдѣланы были у насъ, въ Россіи. Какъ извѣстно, русское народничество, или, правильнѣе, опредѣленное народническое направленіе вмѣстѣ съ Чернышевскимъ считало возможнымъ для Россіи переходъ къ соціалистическимъ порядкамъ черезъ деревенскую общину, сохранившую еще, въ значительной степени, традиціи стараго родового коммунизма, считало возможнымъ миновать капиталистическую стадію въ процессѣ экономическаго развитія. До извѣстной степени раздѣлялъ эти чаянія и самъ знаменитый авторъ «Капитала», столь опредѣленно выразившій ихъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Н. К. Михайловскому. Однако, послѣ разгрома «Народной Воли», когда рушились надежды на демократическія завоеванія въ россійскомъ государственномъ строѣ, а «экономическая политика самодержавія» была слишкомъ опредѣленно направлена на насажденіе капитализма, потерпѣли крушеніе и надежды на болѣе или менѣе близкое осуществленіе въ Россіи соціалистическихъ принциповъ. И вотъ, изъ лагеря русскихъ марксистовъ, правда, въ значительной степени заднимъ числомъ, началась тогда усиленная атака народническихъ позицій «утопическаго романтизма». Русскіе ученики Маркса открыли цѣлый крестовый походъ въ борьбѣ съ «народническими предразсудками» и весь свой литературный пылъ расходовали на разрушеніе «народническихъ утопій». Вопросъ о неизбѣжности капиталистическаго фазиса экономическаго развитія весьма естественно затронулъ и многіе другіе связанные съ нимъ вопросы. Соотношеніе экономическаго и идейнаго факторовъ въ процессѣ историческаго развитія, значеніе личности въ исторіи—таковы были темы, затронутыя въ связи съ кардинальными вопросами объ общинѣ и крестьянствѣ,

---

нихъ и рѣшительно заявилъ, что не вступлю въ ихъ коммунистическое ремесленное общество и не желаю имѣть съ ними никакого дѣла. «Былое», августъ 1906 г., стр. 232.

и марксизму приходилось въ нихъ занимать, между прочимъ, и оборонительную позицію. Покойному Н. К. Михайловскому въ этой борьбѣ съ молодымъ русскимъ марксизмомъ, въ значительной степени, выпало на долю сформировать и подчеркнуть основныя положенія русскаго соціально-революціоннаго міросозерцанія и защитить его отъ яростныхъ нападокъ и безцеремоннаго извращенія своихъ идейныхъ противниковъ.

Критика «народническихъ утопій» сводилась въ конечномъ счетѣ къ «разоблаченію ихъ классового содержанія». Такъ какъ, согласно марксистскимъ положеніямъ, всякое научное построеніе находится въ строгой завимости отъ экономическаго базиса, на который оно опирается, и осуществляетъ собою тотъ или иной классовый интересъ, то и народническое теченіе, а въ частности и взгляды Михайловскаго *) должны были имѣть основаніе въ извѣстномъ общественномъ классѣ того времени. Такимъ образомъ все значеніе этой кампаніи, весь смыслъ этой ожесточенной борьбы заключался въ томъ, чтобы показать, что данное не-марксистское соціалистическое направленіе по своему классовому содержанію является защитникомъ не пролетарскихъ, а крестьянскихъ, мелко-собственническихъ, «мелко-буржуазныхъ» интересовъ и потому должно быть разсматриваемо не какъ соціалистическое, а какъ «буржуазное». Въ этомъ отношеніи мы находимъ строгую преемственность въ «научномъ» соціализмѣ: какъ Марксъ и Энгельсъ, такъ и ихъ ученики стремились всячески отмести и отдѣлить отъ пролетаріевъ, а, слѣдовательно, съ ихъ точки зрѣнія, и отъ соціализма всѣ несогласно мыслящія съ марксизмомъ соціалистическія направленія. Русскіе марксисты, пожалуй, въ особенности старались въ этомъ отношеніи. Эпитеты: «мелкій буржуа», «мелко-буржуазный», «мелкобуржуазная утопія» и т. п., какъ изъ рога изобилія, сыпались и

*) Зачислить Н. К. Михайловскаго въ разрядъ „мелкой буржуазіи" было, разумѣется, значительно труднѣе, чѣмъ, напр., Юзова или В. В. Не принадлежа безусловно къ русскому марксистскому лагерю, Михайловскій не примыкалъ въ то же время и къ „народничеству" или, правильнѣе, къ тому теченію, которое служило, главнымъ образомъ, мишенью для его марксисткой критики.

„Если я въ смыслѣ г. Струве народникъ, писалъ Н. К. Михайловскій, то одинъ изъ столповъ народничества, покойный Юзовъ, утверждаетъ, что я „одинъ изъ вреднѣйшихъ марксистовъ". И это перекидываніе меня изъ одного враждующаго лагеря въ другой, тогда какъ я завѣдомо не имѣю чести принадлежать ни къ тому, ни къ другому, кажется мнѣ очень интереснымъ, какъ частный случай вышеупомянутаго тяготѣнія къ упрощенію дѣйствительности. Конечно, гораздо легче налѣпить на то или другое литературное явленіе одинъ изъ двухъ ходячихъ ярлыковъ, чѣмъ разбираться въ этомъ явленіи, если оно сколько-нибудь сложно. Но очевидны и неудобства подобныхъ пріемовъ, тѣмъ болѣе, что и самые ярлыки, наклеиваемые съ такой увѣренностью въ ихъ точности и опредѣленности, на самомъ дѣлѣ, вовсе не такъ точны и опредѣленны". Н. К. Михайловскій: „Отклики", томъ II, стр. 173.

продолжають сыпаться со страницъ русскихъ газетъ и журналовъ марксистскаго направленія. Въ ближайшее къ намъ время нападки марксистовъ сосредоточились на партіи соціалистовъ-революціонеровъ и на всемъ соціально-революціонномъ направленіи, явившемся продолжателемъ и духовнымъ наслѣдникомъ дѣла стараго революціоннаго народничества. Не желая долго останавливаться на этихъ нападкахъ, и безъ того широко извѣстныхъ даже въ средѣ такъ называемой большой публики, и не имѣя къ тому же подъ рукой необходимыхъ соціалъ-демократическихъ газетъ и журналовъ, мы ограничимся лишь нѣсколькими выдержками изъ предисловія Плеханова къ брошюрѣ Энгельса «Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи». Значительная часть этого предисловія посвящена соціалистамъ-революціонерамъ или «соціалистамъ-реакціонерамъ», какъ предпочитаетъ называть ихъ авторъ предисловія. Главной задачей является здѣсь, разумѣется, «разоблаченіе» классовой ихъ природы. «Отказываясь стать на точку зрѣнія пролетаріата, они (соціалисты-революціонеры), поневолѣ и безъ собственнаго вѣдома, становятся на точку зрѣнія мелкой буржуазіи. Они только терминологіей отличаются отъ мелко-буржуазныхъ партій, выступающихъ въ революціонныя эпохи на исторической сценѣ Западной Европы. А, въ сущности, они—родные братья тѣхъ французскихъ демократовъ 1848 года, о которыхъ мы встрѣчаемъ у Маркса слѣдующій интересный отзывъ: «Но демократъ, представляющій мелкую буржуазію, т. е. промежуточный классъ, въ которомъ притупляются интересы двухъ различныхъ классовъ, воображаетъ себя выше классовыхъ противорѣчій вообще. Демократы (какъ и наши соціалисты-реакціонеры) признаютъ существованіе привилегированнаго класса; но они со всей остальной націей образуютъ народъ («трудящійся народъ» нашихъ соціалистовъ-реакціонеровъ) *) и т. д. Впрочемъ, въ упомянутомъ предисловіи мы найдемъ, кромѣ «разоблаченій», и болѣе радикальныя средства борьбы. «Въ «партіи» соціалистовъ-реакціонеровъ есть два очень непохожихъ одинъ на другой разряда лицъ, читаемъ далѣе въ предисловіи. Одинъ изъ нихъ придерживается «древняго благочестія» безъ всякихъ фразъ и откровенно не понимаетъ научнаго соціализма... Это—не далекіе, но честные фронтовики россійскаго разночинннаго движенія. Другой разрядъ состоитъ изъ лицъ, вкусившихъ отъ древа новѣйшей соціалъ-демократической литературы. Они читаютъ Маркса и Энгельса (фронтовики только не соглашались съ этими писателями), критикуютъ ихъ съ голоса буржуазной интеллигенціи Запада и съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ доморощенныхъ предразсудковъ, усердно распространяютъ аграрныя идеи «ревизіонистовъ» и не менѣе усердно приводятъ фальшивыя цитаты въ

*) Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Книгоиздательство „Буревѣстникъ" стр. 18.

подтвержденіе и прославленіе своей эклектической идейной окрошки. Это—софисты соціалистически-реакціонной «партіи». Объ ихъ искренности нельзя говорить иначе, какъ въ насмѣшку» *).

Однако, борьба съ «народническими предразсудками» врядъ ли могла серьезно поколебать твердыню марксизма и нанести существенный уронъ ея позиціямъ. Русское соціально-революціонное направленіе, которое хотя и считало себя соціалистическимъ, не признавалось, однако, за таковое марксизмомъ; отсутствіе исключительно-пролетарской классовой точки зрѣнія въ воззрѣніяхъ соціалистовъ-революціонеровъ и отрицательное отношеніе къ основаніямъ историко-матеріалистическаго метода безусловно рѣзко разграничивало народничество отъ марксизма, и потому послѣдній всѣ покушенія народничества на цѣлостность марксистской доктрины и его попытки поколебать ея основанія разсматривалъ, какъ нападеніе со стороны, извнѣ, какъ нападеніе, предпринятое изъ нѣдръ другого общественнаго класса, которому важно въ его интересахъ поколебать «истинно-пролетарское» міросозерцаніе. Народничество разсматривалось, такимъ образомъ, какъ врагъ, такъ сказать, *внѣшній*, борьба съ которымъ, быть можетъ, и требовала мобилизаціи всѣхъ военныхъ силъ со стороны марксизма и напряженія всѣхъ его боевыхъ способностей, но не угрожала ему внутренней войной, не угрожала привести въ столкновеніе элементы, заключающіеся въ самомъ «пролетарскомъ міровоззрѣніи», не угрожала марксизму разложеніемъ. Для народниковъ у марксизма всегда былъ наготовѣ неотразимый аргументъ, это—немарксистскій характеръ народническаго міросозерцанія. Кто не съ нами,—тотъ противъ насъ, кто же противъ насъ—тотъ противъ пролетаріата, а кто противъ пролетаріата—тотъ противъ соціализма, вполнѣ послѣдовательно разсуждали съ своей точки зрѣнія приверженцы «научнаго» соціализма и еще выше поднимали свое «истинно-пролетарское» знамя.

До начала и даже до середины 90-хъ годовъ марксизмъ господствовалъ, такимъ образомъ, надъ умами западно-европейскихъ соціалистическихъ теоретиковъ, господствовалъ безраздѣльно и неограниченно. Съ гордымъ презрѣніемъ или снисхожденіемъ великодушія смотрѣлъ онъ на отчаянныя попытки другихъ теченій соціализма пробить себѣ дорогу, завоевать себѣ право на сочувствіе и признаніе въ средѣ соціалистической интеллигенціи и захватить собою рабочія массы. Марксизмъ заранѣе зналъ всю безплодность этихъ попытокъ; онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своей силѣ, онъ чувствовалъ себя неизмѣримо могущественнѣе и неизмѣримо сильнѣе своего противника, во всеоружіи своей теоріи, въ крѣпкой бронѣ неуязвимаго догматизма.

*) Тамъ же, стр. 22, 23.

Но опасность пришла извнутри. «Внутренній врагъ» въ лицѣ ревизіонизма оказался значительно болѣе опаснымъ и серьезнымъ противникомъ, чѣмъ «утописты романтики» изъ «мелко-буржуазнаго лагеря». Кость отъ кости марксизма и плоть отъ плоти его, ревизіонизмъ выступилъ съ самыми лучшими по отношенію къ марксизму намѣреніями: принимая во вниманіе несогласованность извѣстныхъ частей теоріи съ жизненными фактами, ревизіонизмъ поставилъ своею задачею исправленіе и измѣненіе этихъ устарѣвшихъ частей теоріи, *отнюдь не посягая на самую основу ея, на матеріалистическій методъ*. Однако, отсюда проистекли нѣкоторые совершенно неожиданные и безусловно не желательные для марксизма выводы; отмѣчая несоотвѣтствіе формъ хозяйственнаго развитія, какія наблюдаются въ дѣйствительности тѣмъ, которыя были установлены Марксомъ и Энгельсомъ, и намѣчая путь соціальной реформы въ сотрудничествѣ съ передовыми демократическими элементами, какъ наиболѣе соотвѣтствующій дѣйствительному направленію экономическаго развитія, ревизіонизмъ покушался, такимъ обра зомъ на изолированность классовой позиціи пролетаріата, покушался на сектантскую исключительность «пролетарской идеологіи» марксистскаго міровоззрѣнія.

И вотъ, со времени выступленія Бернштейна въ качествѣ критика марксистской теоріи какое то колебаніе пробѣжало въ рядахъ ея защитниковъ, какая-то нерѣшимость проявилась въ средѣ приверженцевъ «истинной» религіи соціализма. Предстояло или отвергнуть непогрѣшимость марксистскихъ догматовъ и тѣмъ предоставить возможность критикѣ продолжать и далѣе свою разрушительную работу, или же объявить неприкосновенными цѣнности марксистскаго міровоззрѣнія, а «еретиковъ» и «отступниковъ» предать анаѳемѣ. Какъ извѣстно, предпочтенъ былъ этотъ второй выходъ и ревизіонизмъ подвергся оффиціальному осужденію. Однако, несмотря на это обстоятельство, несмотря на то, что Бернштейнъ скоро былъ «разбитъ и уничтоженъ», а самый фактъ нападенія на марксистскія твердыни изъ нѣдръ соціалъ-демократіи болѣе или менѣе удовлетворительно былъ объясненъ для правовѣрно-мыслящихъ, «какъ идеалогія буржуазно-демократическихъ элементовъ», въ значительномъ числѣ примкнувшихъ въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ въ концѣ 90-хъ годовъ къ соціализму,—въ стройномъ и цѣльномъ міровоззрѣніи марксистской теоріи образовалась какая-то трещина. Нерѣшительность и неопредѣленное настроеніе большинства германскихъ соціалистовъ въ вопросѣ о ревизіонистскихъ теченіяхъ особенно наглядно проявилось на Любекскомъ конгрессѣ, который, несмотря на то, что вредъ бернштейніанства для марксизма выяснился къ тому времени (къ 1901 году) достаточно опредѣленно и рельефно, въ чрезвычайно мягкой формѣ вотировалъ Бернштейну резолюцію, которая выражала собою даже не порицаніе, а

своего рода недоумѣніе *), и которая Бернштейна рѣшительно ни къ чему не обязывала и не мѣшала ему и впредь въ качествѣ партійнаго теоретика продолжать дальнѣйшую работу разрушенія ортодоксальнаго марксизма. Это обстоятельство тѣмъ болѣе знаменательно, что правовѣрные защитники марксистской доктрины, напр. Каутскій, характеризовали позицію Бернштейна, какъ стремленіе «согласить либерализмъ съ марксизмомъ, стереть между ними пограничную черту», иначе говоря, подвергали сомнѣнію самую наналичность соціалистическихъ убѣжденій въ воззрѣніяхъ Бернштейна и зачисляли его въ ряды «буржуазной демократіи». «Превращеніе изъ буржуазнаго демократа въ марксиста, пишетъ по этому поводу Каутскій, — весьма обыкновенный случай, и буржуазной прессѣ нѣтъ нужды разглашать по этому поводу; другое дѣло, *когда*, наконецъ, хоть разъ *происходитъ*, *повидимому*, *обратное превращеніе*» (курсивъ мой. А. Щ. **). И если даже мягкій и осторожный Каутскій дѣлаетъ такіе весьма недвусмысленные намеки относительно классоваго характера ревизіонистскаго теченія, то въ устахъ менѣе сдержанныхъ и болѣе откровенныхъ представителей ортодоксіи бернштейніаство безъ оговорокъ является выраженіемъ интересовъ буржуазной или мелко-буржуазной части современнаго общества. У насъ, напримѣръ, въ Россіи, гдѣ по ироніи исторіи, несмотря на незначительный сравнительно процентъ пролетарскаго населенія (прочными узами, вдобавокъ, еще привязаннаго къ землѣ, къ крестьянству), сильная и многочисленная соціалъ-демократія насквозь ортодоксальна,—бернштейніанство считается чуть ли не браннымъ словомъ и ужъ во всякомъ случаѣ

---

*) Вотъ текстъ резолюціи Любекскаго конгресса: „Конгрессъ признаетъ безъ оговорокъ необходимость самокритики для умственнаго развитія нашей партіи. Но совершенно исключительный способъ, которымъ товарищъ Бернштейнъ пользовался этой критикой въ послѣдніе годы, оставляя въ сторонѣ критику буржуазнаго общества и его защитниковъ, поставилъ его въ двусмысленное положеніе и вызвалъ неодобреніе большаго числа нашихъ товарищей. Въ надеждѣ, что товарищъ Бернштейнъ соблаговолитъ принять этотъ фактъ и поступать сообразно этому, конгрессъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ". Бернштейнъ непосредственно реагировалъ на эту резолюцію слѣдующимъ заявленіемъ. „Товарищи, какъ я уже заявилъ вамъ въ моемъ обращеніи къ Штуттгартскому конгрессу, вотъ конгресса не можетъ, конечно, измѣнить моего убѣжденія. Но, съ другой стороны, вотъ большинства моихъ товарищей ни въ какомъ случаѣ не безразличенъ для меня. Я убѣжденъ, что эта резолюція объективно несправедлива по отношенію ко мнѣ, что она, какъ я уже объяснилъ вамъ, покоится на ложныхъ предположеніяхъ. Но послѣ того, какъ товарищъ Бебель объявилъ, что эта резолюція не заключаетъ въ себѣ вота недовѣрія ко мнѣ, я заявляю, что буду относиться къ воту большинства этого собранія со всѣмъ уваженіемъ и почтеніемъ, котораго заслуживаетъ подобное рѣшеніе конгресса". Мильо. „Германская соціалъ-демократія", стр. 646.

**) К. Каутскій. „Къ критикѣ теоріи и практики марксизма", стр. 21.

предполагается, что это теченіе общественной мысли не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ.

Однако, и по отношенію къ бернштейніанству, и по отношенію къ народническимъ теченіямъ ортодоксальный марксизмъ былъ послѣдователенъ въ своемъ стремленіи квалифицировать эти направленія соціалистической мысли, какъ не-пролетарскія. Конечно, нѣсколько комично звучатъ всѣ эти «экономическія» клички, въ изобиліи расточаемыя ортодоксами, въ ихъ добросовѣстномъ стремленіи пристроить каждое направленіе общественной мысли къ соотвѣтствующему ему экономическому базису; смѣшны, разумѣется, всѣ эти «буржуазные демократы», «демократическіе буржуа», «либеральные буржуа», «соціалъ-буржуа» и т. п. (въ Англіи можно было бы, пожалуй, зарегистрировать «буржуазный пролетаріатъ»), но все это слѣдуетъ отнести лишь на счетъ излишняго усердія не въ мѣру ретивыхъ послѣдователей ортодоксіи, но никоимъ образомъ не къ существу дѣла. И бернштейніанство, и народническія теченія не базируютъ на строго классовой, пролетарской точкѣ зрѣнія и потому врядъ ли могутъ претендовать на ортодоксовъ, когда послѣдніе навязываютъ имъ представительство интересовъ не-пролетарскихъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, слоевъ населенія. Въ числѣ экономическихъ группъ, на которыя опирается данное соціалистическое міровоззрѣніе всегда можетъ оказаться (а въ Россіи, въ особенности) значительное количество мелкихъ собственниковъ, напр., крестьянъ, «мелкой буржуазіи», согласно соціалъ-демократической квалификаціи. Это обстоятельство весьма естественно и даже неизбѣжно въ силу преобладающаго мелко-буржуазнаго состава современнаго общества и означаетъ лишь, что «мелкая буржуазія», наперекоръ соціалъ-демократической доктринѣ, поддерживаетъ соціалистическія требованія и считаетъ соціализмъ выраженіемъ своихъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, если указанныя неправовѣрныя теченія соціализма и оспариваютъ у марксизма право на исключительное и единственное представительство интересовъ пролетаріата, то они сами безусловно не претендуютъ на такое исключительное представительство и даже самую постановку вопроса въ такой именно формѣ они считаютъ неправильной и для себя непріемлемой.

III.

Совсѣмъ другая картина развертывается передъ нами, когда мы обратимся къ крайней лѣвой современнаго марксизма, къ разнаго рода анархическимъ и анархо-соціалистическимъ теченіямъ. Обычно, на первый взглядъ, въ этихъ теченіяхъ бросается въ глаза ихъ крайняя революціонность, непримиримо-враждебное ихъ отношеніе къ современному капиталистическому строю. Непримиримость эта покоится, однако, не на одномъ лишь возмущенномъ чувствѣ спра-

ведливости, или какихъ либо иныхъ мотивахъ субъективнаго характера. Если этотъ яркій революціонизмъ въ настроеніи отдѣльныхъ личностей и поддерживается, въ значительной мѣрѣ, извѣстной ихъ эмоціональной возбудимостью, то это еще не даетъ намъ повода переносить эти субъективныя переживанія на все теченіе вообще и почти на всѣ его развѣтвленія въ частности. Анархическія теченія въ соціализмѣ, лишь за ничтожными исключеніями, эту свою непримиримость и свой революціонизмъ ставятъ на строго принципіальную почву. Непримиримо-враждебное отношеніе ихъ ко всѣмъ непролетарскимъ элементамъ современнаго общества покоится на строго классовой точкѣ зрѣнія, которую они признаютъ и раздѣляютъ и которая обязываетъ ихъ къ обособленности и исключительности, столь характерной для всѣхъ теченій, базирующихъ на этомъ фундаментѣ.

Затѣмъ, въ виду того, что классовая точка зрѣнія есть лишь частный выводъ болѣе общаго положенія—зависимости идеологіи отъ экономическаго базиса,—естественно, что указанныя теченія признаютъ и положенія экономическаго матеріализма, и въ болѣе или менѣе ясной и опредѣленной формѣ заявляютъ объ этомъ устами своихъ теоретиковъ. Эти весьма опредѣленные признаки и заставляютъ насъ анархическія теченія въ соціализмѣ характеризовать, какъ крайнюю лѣвую не въ соціализмѣ лишь, но даже и въ тѣсныхъ предѣлахъ марксистскаго міросозерцанія. Большинство представителей упомянутыхъ теченій относится, впрочемъ, къ марксизму, какъ къ чему-то имъ чуждому и не имѣющему къ нимъ непосредственнаго касательства, относится даже враждебно, такъ какъ подразумѣваетъ подъ этимъ терминомъ многочисленный ортодоксальный центръ современнаго соціализма, именующій себя обычно въ отличіе отъ другихъ его фракцій—революціонной соціалъ-демократіей. Однако, такое отношеніе къ марксизму и такое его пониманіе безусловно неправильно. Вносить въ понятіе марксизма, какъ главный опредѣляющій его признакъ тѣ разногласія *частнаго* характера, которыя отличаютъ соціалъ - демократическое міровоззрѣніе отъ анархо-соціалистическаго, разногласія, сводящіяся зачастую къ вопросамъ даже не программы, а лишь тактическимъ,—это значитъ сужать самое пониманіе марксистскаго міросозерцанія, ставить на второй планъ такіе его важные и характерные признаки, какъ матеріалистическій взглядъ на исторію и ученіе о классовой борьбѣ въ его особенной и специфической формѣ, порождающей классовую точку зрѣнія. Марксизмъ это—цѣлое большое направленіе, соединяющее единствомъ метода всѣ разнообразныя входящія сюда теченія, обобщающее ихъ нѣкоторой общей имъ всѣмъ исторической философіей, и потому анархо-соціалистическія теченія должны быть разсматриваемы, какъ его развѣтвленія.

Указанныя теченія, какъ уже было отмѣчено, представляютъ собою крайнюю лѣвую въ марксистскомъ лагерѣ, и это обусловли-

вается той критической позиціей, какую они занимаютъ по отношенію къ современному соціалистическому «центру»—«революціонной соціалъ-демократіи». Оппозиціонный характеръ этихъ теченій обусловливается, прежде всего, весьма существенными разногласіями по вопросамъ тактики, въ частности, по вопросу объ отношеніи къ парламентской борьбѣ, хотя, однако, и въ вопросахъ теоріи мы не видимъ здѣсь полнаго единомыслія. Критика марксизма слѣва и, при томъ, въ предѣлахъ самаго марксистскаго міросозерцанія это—сравнительно новый и очень серьезный фактъ современности, съ которымъ приходится считаться марксистскому міровоззрѣнію и который угрожаетъ соціалъ-демократической теоріи серьезными послѣдствіями. Ни Бернштейнъ, ни Фольмаръ не причинили столькихъ заботъ и непріятностей современной правовѣрной соціалъ-демократіи, сколько эти крайніе элементы соціализма, близко примыкающіе къ анархизму. Въ то время, какъ въ борьбѣ съ бернштейніанствомъ марксизмъ занималъ позицію революціонно-непримиримой пролетарской идеологіи и плохо ли, хорошо ли отстаивалъ нѣкоторыя *крайнія* положенія, нападая на умѣренность и измѣну революціоннымъ принципамъ со стороны Бернштейна и его союзниковъ,—въ борьбѣ съ анархическими теченіями «революціонной соціалъ-демократіи» приходится занимать необычную для нея, неудобную для непримиримаго революціоннаго міровоззрѣнія и крайне неблагодарную *правую, умѣренную* позицію. Въ своихъ нападкахъ на крайности и неблагоразуміе лѣвыхъ элементовъ ей приходится защищать и себя отъ тѣхъ обвиненій въ умѣренности и въ угашеніи революціоннаго духа, какія возводятся на нее крайними лѣвыми элементами, приходится возстанавливать свою революціонную репутацію.

Главной мишенью этихъ нападокъ (какъ слѣва, такъ, между прочимъ, и справа) являлась, является и теперь германская соціалъ-демократическая партія, какъ наиболѣе правовѣрная въ средѣ всей международной соціалъ-демократіи, какъ наиболѣе строгая хранительница марксистскихъ принциповъ и традицій. Еще въ 1891 году, на Эрфуртскомъ конгрессѣ, группой «Молодыхъ», занимавшихъ въ вопросахъ тактики наиболѣе крайнюю позицію, подверглась рѣзкимъ нападкамъ половинчатая, по ихъ мнѣнію, политика тогдашнихъ руководителей и вождей партіи, прежде всего, Либкнехта и Бебеля, стремившихся всѣми силами согласить непримиримо-революціонные принципы ортодоксальнаго марксизма съ практической постепеновщиной ихъ парламентской тактики. Положеніе было очень щекотливое, тѣмъ болѣе, что «Молодые» опирались на Либкнехта, еще такъ недавно и съ такой горячностью отстаивавшаго тѣ самыя идеи, которыя легли теперь въ основаніе доводовъ крайней лѣвой. Однако, самоувѣренныя рѣчи оффиціальныхъ представителей центра партіи, апеллировавшихъ уже не столько къ марксистскимъ принципамъ, сколько къ здравому смыслу

партіи, а главное—безусловно не революціонное настроеніе массъ, хорошо извѣстное всѣмъ делегатамъ конгресса, обезпечили центру блестящую побѣду и подготовили почву для устраненія опасныхъ элементовъ изъ партіи. Расколъ не замедлилъ состояться. «Молодыхъ» отлучили отъ марксизма, а нѣкоторыхъ даже отъ партіи, что повело къ выходу изъ нея и прочихъ ихъ товарищей. «Молодые», выступавшіе позже уже подъ кличкой «Независимыхъ», были потомъ причислены къ анархизму, и это въ значительной степени развязало руки германской соціалъ-демократіи, освободивъ ее отъ серьезной и основательной критики этого теченія и устранивъ опасные для нея элементы изъ нѣдръ самой партіи. «Независимые» не имѣли особаго успѣха среди германскихъ рабочихъ и скоро стушевались передъ парламентскими успѣхами германской соціалъ-демократіи; но это не могло, конечно, послужить причиной, чтобы исчезло самое направленіе соціалистической мысли, которое они собой представляли. Наоборотъ, положеніе дѣлъ въ рядахъ соціалъ-демократической партіи давало все болѣе и болѣе обильную пищу для анархо-соціалистической критики. Правыя теченія современнаго соціализма—ревизіонизмъ въ вопросахъ теоріи и реформизмъ въ вопросахъ тактическихъ—явились въ рукахъ крайней лѣвой прекраснымъ матеріаломъ для составленія цѣлаго обвинительнаго акта и германской, и всей международной соціалъ-демократіи. Книга Бернштейна, въ которой онъ прямо и безъ околичностей высказалъ свой взглядъ на задачи соціалъ-демократіи въ настоящее время и въ соотвѣтствіи съ этимъ стремился согласить и теоретическія положенія марксизма, путемъ введенія въ него нѣкоторыхъ поправокъ и даже исключенія нѣкоторыхъ завѣдомо противорѣчащихъ дѣйствительности и соціалъ-демократической практикѣ положеній,—книга эта лишь подтвердила тѣ выводы, какіе сдѣлали въ свое время «Молодые» относительно позиціи соціалистическаго центра, и оправдала ихъ предсказанія относительно его подчиненія въ вопросахъ тактики правому крылу. Бернштейніанство сыграло при этомъ роль зеркала, въ которомъ соціалисты-анархисты показали «революціонной соціалъ-демократіи» ея собственное изображеніе. «...ревизіонистская «ересь» формулировала итоги и перспективы соціалъ-демократическаго движенія слишкомъ откровенно, слишкомъ поспѣшно, а потому и легкомысленно, и обнаружила этимъ самымъ непониманіе сложности соціалъ-демократическихъ задачъ и ихъ осуществленія. Только за эту излишнюю откровенность и несдержанность ревизіонисты подверглись столь жестокимъ нападкамъ со стороны марксистской ортодоксіи *). «Хотя для нападенія на реформистскую ересь объединились... всѣ... соціалъ-демократическія добродѣтели, однако же отъ этого союза благочестивыхъ не суждено было пострадать ни одному еретику».

---

*) А. Вольскій, „Умственный рабочій", часть I, стр. XII.

«Нападеніе правовѣрныхъ соціалъ-демократовъ на «ересь» имѣло цѣлью лишь научить бернштейніанцевъ сдержанности, прекратить ихъ до скандальности откровенную болтовню о томъ, что выработанная пролетарская практика представляетъ собою лишь формулу буржуазнаго прогресса» *). «Провозглашеніемъ неприкосновенности марксизма объявлялись неприкосновенными и элементы оппортунизма, заложенные въ его основахъ. Реформизму грозила не смерть, а приговоръ произрастать, какъ и раньше, втайнѣ, подъ покровомъ старыхъ революціонныхъ фразъ» **).

Таково наиболѣе крайнее выраженіе взглядовъ крайней лѣвой соціализма на сущность и смыслъ соціалъ-демократіи, такова не двусмысленная оцѣнка той роли, какую она играла и играетъ, по мнѣнію анархо-соціалистическихъ теченій, въ пролетарскомъ движеніи. Основываясь на той же самой классовой точкѣ зрѣнія и считая себя дѣйствительнымъ выраженіемъ классоваго интереса пролетаріата, крайнія соціалистическія теченія склонны были рассматривать соціалъ-демократизмъ, какъ новую попытку чуждой рабочему классу идеологии затуманить его классовое сознаніе, какъ новыя ухищренія «буржуазіи» или «буржуазной демократіи» толкнуть пролетаріатъ на тотъ путь, какой именно ей желателенъ и выгоденъ, путь парламентской борьбы и «сотрудничества классовъ». Не касаясь здѣсь подробно этой критики во всемъ ея фракціонномъ разнообразіи, мы лишь отмѣтимъ здѣсь одну ея особенность, которою она такъ рѣзко отличается отъ критики правыхъ теченій въ марксизмѣ и отъ критики русскихъ народническихъ теченій. Особенность эта, проистекающая изъ марксистскихъ взглядовъ крайней лѣвой и изъ марксистскихъ методовъ разсмотрѣнія вопросовъ, это—все та же классовая точка зрѣнія, неизбѣжно влекущая за собою марксистскую же «экономическую» характеристику, характеристику всякаго теченія общественной мысли, какъ выраженіе интереса опредѣленной экономической группы. Здѣсь уже не могло имѣть мѣсто то ироническое и насмѣшливое отношеніе къ этому методу, которое проглядываетъ въ народнической литературѣ и даже въ бернштейніанствѣ,—для крайняго лѣваго крыла соціализма такого рода квалификація является дѣломъ первостепенной важности; для него этотъ вопросъ имѣетъ едва ли не большее значеніе, чѣмъ для самихъ ортодоксовъ, потому что главная задача крайней лѣвой—раскрыть пролетаріату глаза на истинное положеніе дѣлъ—можетъ быть успѣшно разрѣшена лишь въ томъ случаѣ, если достаточно рѣзко и достаточно рельефно будетъ обнаружена измѣна «пролетарскому дѣлу» со стороны соціалъ-демократіи, если съ достаточной опредѣленностью будетъ раскрыто ея классовое содержаніе.

*) Тамъ же стр. V.
**) Тамъ же, стр. XIII.

И было бы заблужденіемъ думать, что старанія крайнихъ лѣвыхъ элементовъ не имѣли или, по крайней мѣрѣ, теперь не имѣютъ успѣха. Дискредитированіе соціалъ-демократическихъ партій за счетъ повышенія курсовъ анархическихъ группъ, несомнѣнно, совершается теперь же на нашихъ глазахъ и въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Саморекламированіе и демагогія — могучія средства завоеванія популярности въ нашъ вѣкъ техническихъ усовершенствованій, способствующихъ широкому общенію и широкому распространенію всякаго рода взглядовъ и идей среди массъ,—примѣняются и анархистскими теченіями, въ самомъ широкомъ масштабѣ, и играютъ въ ихъ агитаціонной дѣятельности не послѣднюю роль. Такого рода средства прямо-таки даже необходимы для узко-фракціонныхъ цѣлей, и только при ихъ примѣненіи можно разсчитывать на привлеченіе широкихъ слоевъ рабочаго населенія.

Для средняго западо-европейскаго рабочаго—я не говорю уже о Россіи—всѣ эти партійныя и фракціонныя тонкости обыкновенно мало доступны; рабочему важно лишь, чтобы та или иная группа или партія дѣйствительно представляла собою его *рабочіе* интересы, чтобы она являлась выраженіемъ его нуждъ и требованій. Ему не такъ легко распутаться въ разнообразіи особенностей программныхъ положеній многочисленныхъ развѣтвленій соціализма, и элементъ внушенія, создаваемый болѣе или менѣе частымъ и болѣе или менѣе интенсивнымъ подчеркиваніемъ «истинно-пролетарскаго» характера даннаго міросозерцанія и его «истинно-рабочихъ» требованій и тактики играетъ здѣсь зачастую рѣшающую роль. Въ предѣлахъ соціалистическаго міровоззрѣнія, выставляющаго простую и понятную цѣль въ ея общихъ очертаніяхъ, рабочій идетъ обычно за большинствомъ своихъ товарищей въ «настоящую рабочую партію», т. е. ту, которая наиболѣе успѣшно рекламируетъ себя, какъ «истинно-пролетарская».

Мы отнюдь не думаемъ приписывать этимъ крайней лѣвой соціализма, равно какъ и его соціалъ-демократическому центру, какихъ-либо стороннихъ побужденій, какихъ-либо неблаговидныхъ разсчетовъ въ примѣненіи этихъ методовъ пропаганды и агитаціи, мы всячески хотимъ разсматривать эти теченія, какъ явленіе *идейнаго* характера, какъ нѣкоторое *направленіе общественной мысли, безкорыстно* стремящееся къ выясненію истины (хотя бы даже только «пролетарской» истины),—но мы не можемъ всетаки съ нашей точки зрѣнія отказаться отъ квалификаціи упомянутыхъ средствъ распространенія своихъ взглядовъ и воззрѣній, какъ демагогическихъ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, это не демагогія въ борьбѣ съ противникомъ, вмѣсто того, чтобы указывать его ошибки и неправильности, стремиться обнаружить логическіе промахи его теоретическихъ построеній и его практическихъ начинаній, упирать вмѣсто этого на своекорыстный характеръ его дѣятельности и даже приписывать ему завѣдомо неблаговидныя побужденія? И развѣ

это не саморекламированіе, вмѣсто опредѣленныхъ и ясныхъ формулъ своей программы и подробныхъ плановъ своей созидательной дѣятельности, подчеркивать лишь свое классовое, яко-бы пролетарское происхожденіе, аттестовать себя, какъ единственно-правильное выраженіе интересовъ рабочаго класса? Это специфическое наслѣдіе марксизма, этотъ духъ сектантской исключительности и партійной и фракціонной нетерпимости налагаетъ свою неизгладимую печать и на анархическія, и на анархо-соціалистическія теченія и болѣе или менѣе ясно и опредѣленно отмѣчаетъ ихъ марксистское происхожденіе.

Объ отношеніи оффиціальнаго марксизма къ его лѣвымъ теченіями или, правильнѣе, къ одному изъ этихъ теченій,—коммунистическому анархизму—намъ уже приходилось говорить на страницахъ «Рускаго Богатства». Чтобы избѣжать повтореній, замѣтимъ лишь только, что соціалъ-демократическая литература по этимъ вопросамъ упорно замалчиваетъ принципіальную сторону дѣла и предпочитаетъ констатировать слабые успѣхи анархистовъ среди рабочихъ. Вообще же анархистскія теченія въ соціализмѣ объясняются ею, какъ своего рода выраженіе безпомощности гибнущихъ подъ вліяніемъ разложенія мелкаго хозяйства мелко-буржуазныхъ классовъ, или какъ психологія отчаянія люмпенпролетарскихъ слоевъ современнаго общества. Однако, даже и эта поверхностная и мало удовлетворительная критика анархизма не исчерпываетъ всего его содержанія и относится лишь къ одному изъ развѣтвленій всего анархо-соціалистическаго теченія. То теченіе общественной мысли, которое мы характеризовали, какъ крайнюю лѣвую соціализма, отнюдь не представляетъ изъ себя чего-либо единаго и сплоченнаго. Наоборотъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ очень значительнымъ разнообразіемъ мнѣній и взглядовъ и здѣсь намъ приходится различать, по меньшей мѣрѣ, три направленія: во первыхъ, коммунистическій анархизмъ, въ значительной степени не порвавшій еще со старыми бакунистскими и прудонистскими традиціями, проповѣдующій пропаганду дѣйствіемъ и отрицающій легальныя средства борьбы, какъ угашающія революціонный духъ пролетаріевъ; затѣмъ широкое и болѣе умѣренное синдикалистское теченіе, болѣе выдержанное въ марксистскомъ смыслѣ, характерное своимъ отрицаніемъ политической дѣятельности и стремленіемъ организовать борьбу рабочаго класса исключительно на экономической основѣ, и, наконецъ, чисто русскій продуктъ—совершенно особенное анархо-соціалистическое теченіе, въ высшей степени враждебно относящееся къ интеллигенціи, выдѣляемой ею въ особый классъ умственныхъ работниковъ, и видящее въ ней новый господскій и эксплуататорскій классъ, новаго врага пролетаріата. Объединенныя единствомъ метода и своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ парламентаризму, но тѣмъ не менѣе настолько расходящаяся въ вопросахъ теоріи, что образуютъ три и даже болѣе самостоятельныхъ направлнія анархо-

соціалистической мысли, теченія эти представляютъ собою чрезвычайно интересное и въ то же время знаменательное явленіе, смыслъ и значеніе котораго недостаточно еще выяснились для настоящаго времени.

IV.

Неоднократно было уже отмѣчено, что всѣ эти анархо-соціалистическія теченія стоятъ на классовой точкѣ зрѣнія. Естественно поэтому, что каждое изъ нихъ считаетъ себя единственно правильнымъ выраженіемъ интересовъ рабочаго класса, единственно правильной формулой пролетарскаго міровоззрѣнія. Право на исключительное представительство рабочихъ интересовъ оспаривается, такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, тремя и даже четырьмя общественными группами, и вопросъ о пролетарской идеалогіи осложняется, поэтому, даже въ предѣлахъ марксистскаго міровоззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, разъ на исторической сценѣ является столько претендентовъ на исключительное представительство интересовъ рабочаго класса, то весьма естественно возникаетъ вопросъ, какая же изъ этихъ общественныхъ группъ должна быть зарегистрирована, какъ дѣйствительно выражающая собою эти интересы, а не «примазывающаяся» лишь (согласно современному вульгарному словоупотребленію) къ пролетаріату, какая изъ нихъ есть дѣйствительно пролетарская, не заключающая въ себѣ никакихъ другихъ враждебныхъ рабочему классу элементовъ. Надо же, наконецъ, марксизму разрѣшить этотъ щекотливый вопросъ и выяснить опредѣленно, кому же выдана пролетаріатомъ настоящая, доподлинная и засвидѣтельствованная исторіей довѣренность на веденіе его дѣлъ, кто имѣетъ это исключительное право, патентъ своего рода на представительство интересовъ рабочаго класса?

Тѣ общіе принципы историко-матеріалистическаго метода, какіе въ равной мѣрѣ исповѣдуются всѣми этими направленіями, ничего не могутъ дать положительнаго въ этомъ смыслѣ. Невозможно указать ни одного объективнаго признака, согласно которому можно было бы разрѣшить этотъ вопросъ при помощи марксистскаго метода, ни одной характерной особенности, которая «вскрыла» бы передъ нами пролетарскій или анти-пролетарскій характеръ какого-либо изъ разсматриваемыхъ общественныхъ направленій. Ближайшіе экономическіе интересы отдѣльныхъ группъ пролетаріата въ равной мѣрѣ горячо отстаиваются всѣми этими теченіями; въ равной мѣрѣ отрицается ими частная собственность и проектируется для будущаго реорганизація хозяйственной жизни на началахъ экономическаго равенства и общественнаго распоряженія орудіями производства въ самомъ широкомъ смыслѣ; всѣ указанныя теченія въ одинаковой степени признаютъ основанія историческаго матеріализма и въ своихъ построеніяхъ

исходятъ изъ классовой точки зрѣнія, и если ихъ практическіе выводы не совпадаютъ и въ ихъ тактикѣ или во взглядахъ на пути и средства, при помощи которыхъ рабочій классъ сможетъ завоевать себѣ освобожденіе отъ капиталистическаго рабства, мы усматриваемъ существенное различіе, то на этотъ счетъ можно лишь утверждать, что различіе это проистекаетъ изъ неодинаковости частныхъ выводовъ изъ этихъ общихъ положеній, или отъ степени недооцѣнки или переоцѣнки силъ пролетаріата въ данный историческій періодъ. Выводить же изъ этихъ частныхъ и случайныхъ признаковъ «истинно-пролетарское» содержаніе данной идеологіи или же характеризовать ее, какъ «буржуазно-демократическую», «мелко-бужуазную» и т. п., даже съ марксистской точки зрѣнія нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Несомнѣнно, что въ такомъ огромномъ общественномъ коллективѣ, какой представляетъ изъ себя рабочій классъ во всей его совокупности, существуютъ самыя разнообразныя теченія, пользующіяся тѣмъ или инымъ успѣхомъ въ опредѣленныхъ условіяхъ мѣста и времени. Несомнѣнно, что огромная часть рабочихъ, хотя бы въ той же Германіи, признаетъ своими представителями соціалъ-демократовъ и раздѣляетъ ихъ идеи, какъ ортодоксальныя, такъ и ревизіонистскіе, при чемъ послѣднія, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Болѣе легкая возбудимость и впечатлительность романской расы способствуетъ успѣхамъ анархическаго и анархо-соціалистическаго теченія во Франціи и Италіи, и, наконецъ, наши русскіе рабочіе имѣютъ большіе задатки къ той самой интеллигентофобіи, которая такъ ярко окрашиваетъ одно изъ упомянутыхъ анархо-соціалистическихъ направленій.

Тяготѣніе къ какому-либо изъ этихъ соціалистическихъ теченій и къ извѣстной опредѣленной практикуемой ими тактикѣ устанавливается также въ зависимости отъ степени матеріальной обезпеченности и высоты культурнаго уровня даннаго слоя рабочихъ. Въ то время, какъ наилучше оплачиваемые круги рабочаго класса, въ значительной степени связывающіе свои интересы съ успѣхами демократіи и обще-культурной дѣятельности въ странѣ, склонны одобрять парламентскую и даже реформистскую тактику, хуже поставленные экономически и болѣе угнетенные его слои идутъ скорѣе за анархистами, не ожидая отъ парламентской борьбы улучшенія *своего* экономическаго положенія, и, наконецъ, низшіе слои русскихъ рабочихъ, въ силу недостаточно рѣзкой классовой группировки тѣсно связанные съ крестьянствомъ, къ этимъ анархистскимъ методамъ борьбы примѣшиваютъ еще значительную долю озлобленія противъ «господъ», въ томъ числѣ и противъ интеллигенціи, противъ всѣхъ тѣхъ, кто хоть отчасти пользуется привилегіями культуры.

Затѣмъ, при разрѣшеніи вопроса объ «истинно-пролетарской идеалогіи», приходится еще принимать во вниманіе историческій

моментъ и степень напряженности и повышенности общественнаго настроенія. Такъ, напримѣръ, возбуждающее и революціонизирующее вліяніе русскихъ событій за послѣдніе два года значительно повысило шансы анархическихъ и вообще крайнихъ лѣвыхъ теченій въ соціализмѣ и, прежде всего, конечно, въ романскихъ странахъ, во Франціи и Италіи, и синдикалистское движеніе представляетъ теперь собой очень крупный фактъ не только во французской, но во всей западно-европейской общественной жизни, фактъ едва ли не болѣе крупный, чѣмъ успѣхи парламентскаго соціализма. Крайнее лѣвое крыло французскаго соціализма, въ качествѣ революціоннаго синдикализма группирующееся около главныхъ дѣятелей Всеобщей Конфедераціи *Труда*, стремится уже и теперь въ своей тактикѣ провести въ жизнь революціонный принципъ непримиримо-враждебной позиціи пролетаріевъ по отношенію ко всѣмъ другимъ классамъ современнаго общества, устраняясь отъ всѣхъ возможныхъ формъ политическаго съ ними общенія, въ томъ числѣ и отъ парламентской борьбы. Синдикалистское движеніе во Франціи, равно какъ и соотвѣтствующія ему въ другихъ государствахъ, несомнѣнно, усилилось за послѣдніе годы и количественно, и качественно. Оно, въ особенности, нашло себѣ поддержку въ томъ приподнятомъ настроеніи, съ какимъ прислушивался западно-европейскій соціализмъ къ событіямъ на восточной половинѣ Европы, къ тому грандіозному поединку, который происходилъ тамъ между освободительнымъ, прежде всего и главнымъ образомъ соціалистическимъ, движеніемъ и россійской самодержавной бюрократіей. Мы еще и теперь не можемъ съ увѣренностью сказать, въ какой степени имѣли подъ собой твердую почву надежды, возлагавшіяся западно-европейскимъ соціализмомъ на русскую революцію, но, во всякомъ случаѣ, тотъ періодъ революціонной борьбы, который относился къ ея расцвѣту, возбуждалъ тамъ самыя смѣлыя ожиданія. Даже осторожная соціалъ-демократія Германіи съ своимъ испытаннымъ и дальновиднымъ вождемъ Бебелемъ, послѣ того успѣха, съ которымъ прошла всеобщая забастовка въ Россіи, включила и этотъ методъ борьбы въ число своихъ боевыхъ средствъ, признала ее, какъ орудіе борьбы и защиты отъ покушенія на конституцію, всегда угрожаемую со стороны германскаго императора и прусскаго юнкерства.

Таковы, въ общемъ, замѣчанія, какія можно сдѣлать относительно истинно-пролетарской классовой точки зрѣнія. Идеологія рабочаго класса есть нѣчто болѣе широкое, чѣмъ тѣсные предѣлы фракціонной замкнутости и узкія рамки сектантской исключительности и нетерпимости. И ортодоксальный марксизмъ, и марксизмъ анархическій, и бернштейніанство, и русскія народническія теченія, даже не соціалистическія теченія, даже теченія реакціоннаго характера находятъ приверженцевъ въ средѣ пролетаріата и имѣютъ мѣсто въ его рядахъ. Съ увѣренностью можно лишь говорить, какъ о пролетарскомъ міровоззрѣніи, только о соціализмѣ въ самомъ

общемъ и самомъ широкомъ его пониманіи. Соціализмъ съ его отрицаніемъ частной собственности, идеалами обобществленія средствъ производства и экономическаго освобожденія рабочаго класса, являясь, несомнѣнно, міросозерцаніемъ труда вообще, является въ то же время идеологіей и наемнаго труда. И поскольку очевидно это положеніе, настолько же ясно, что никакое отдѣльное направленіе въ соціализмѣ, никакая фракція и даже партія не можетъ разсчитывать на единственное выраженіе пролетарскаго міровоззрѣнія, на исключительное представительство его интересовъ. Жизненные факты слишкомъ осязательны и очевидны и съ ними не приходится спорить.

Однако, всѣ эти утвержденія можно признать правильными и убѣдительными лишь въ томъ случаѣ, если стоять на строго реалистической почвѣ, не устанавливая напередъ никакихъ догматическихъ схемъ и никакихъ положеній апріорнаго характера. Но для марксизма эта точка зрѣнія не исчерпываетъ, разумѣется, существа вопроса. Марксисты будутъ, конечно, согласны съ нами въ томъ, что идеологія пролетаріата фактически не представляетъ и не представляла собой до сихъ поръ единаго идейнаго цѣлаго, они не будутъ протестовать противъ того факта, что не одна лишь ортодоксальная соціалъ-демократія, или анархическій синдикализмъ, но и другія соціалистическія теченія имѣютъ успѣхъ въ рабочихъ массахъ, однако это не уничтожитъ, съ марксистской точки зрѣнія, наличности «настоящаго пролетарскаго» міросозерцанія въ средѣ соціалистическихъ теченій, имѣющихъ мѣсто въ пролетарскихъ кругахъ, наличности «дѣйствительно пролетарской» идеологіи. Классовое сознаніе пролетаріата, скажутъ намъ представители марксистской догматики, не всегда и не при всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ настолько ясно, чтобы рабочій классъ хорошо представлялъ себѣ свои классовые интересы и могъ сразу отличить своихъ друзей отъ враговъ и ложныхъ друзей. Различныя случайныя обстоятельства самаго разнообразнаго свойства зачастую мѣшаютъ пролетаріямъ примкнуть къ міровоззрѣнію, которое является дѣйствительно выраженіемъ ихъ интересовъ, примкнуть къ партіи, примѣняющей дѣйствительно ихъ пролетарскую тактику. Однако не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ будутъ отпадать и терять свое значеніе эти случайныя обстоятельства, пролетаріатъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе будетъ стремиться лишь къ одному изъ соціалистическихъ теченій, которое и есть истинное выраженіе интересовъ пролетаріата. Излишне прибавлять, что подъ этимъ истиннымъ выраженіемъ пролетарскихъ интересовъ данное марксистское міровоззрѣніе будетъ подразумѣвать только себя. Такимъ образомъ, согласно этой формулѣ, замѣняющей реалистическое разсмотрѣніе вопроса марксистской метафизикой, мы снова возвращаемся въ заколдованный кругъ марксистской діалектики и приходимъ къ нелѣпымъ выводамъ. Передъ нами снова въ

формѣ вопросительныхъ знаковъ возстаютъ четыре «пролетарскихъ» выраженія единаго «пролетарскаго» міровоззрѣнія и, по прежнему, ждутъ разрѣшенія при свѣтѣ классовой точки зрѣнія.

Марксисты-ортодоксы называютъ себя иногда объективистами. Если нужно временами подчеркнуть «субъективный методъ» народническихъ построеній, ортодоксы противопоставляютъ имъ свой объективизмъ, опирающійся на данныя положительной науки. Однако, истинная цѣнность этой объективности и этихъ научныхъ методовъ тотчасъ же обнаруживается передъ нами, лишь только мы позволимъ себѣ усомниться хотя бы въ правѣ на исключительное представительство пролетарскихъ интересовъ ортодоксальной фракціей современнаго соціализма. Это право для даннаго марксистскаго теченія есть догматъ, не допускающій сомнѣній, и если рядомъ логическихъ доводовъ совершенно ясно и отчетливо будетъ даже доказана вся безпочвенность такого рода притязаній и вся невозможность при помощи объективныхъ данныхъ установить истинное выраженіе классовыхъ интересовъ пролетаріата въ формѣ даннаго сектантскаго направленія,—мы не получимъ отъ марксистовъ другого опровергающаго насъ и въ то же время совершенно недоказательнаго отвѣта, какъ тотъ, что наши доводы буржуазны и что мы стоимъ на буржуазной точкѣ зрѣнія. При наличности классовой точки зрѣнія, *метода по существу глубоко субъективнаго*, не имѣющаго никакого права въ силу своего классового характера претендовать на безкорыстіе, представляется въ высшей степени сомнительнымъ этотъ марксистскій «объективизмъ» и его научное безпристрастіе. Самое право на объективное отношеніе къ предмету не совмѣстимо съ классовой точкой зрѣнія. Марксизмъ не признаетъ науки, какъ таковой; онъ не признаетъ какого-то внѣклассоваго выраженія истины; согласно его положеніямъ, истина носитъ неизбѣжно классовый характеръ и наука служитъ лишь выраженіемъ пролетарскихъ или буржуазныхъ интересовъ. Разумѣется, при такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи о научной безпристрастности или объективизмѣ въ предѣлахъ марксистскаго метода. Вѣдь если не существуетъ науки какъ таковой, а есть лишь классовое выраженіе опредѣленнаго интереса, то весьма естественно возникаетъ вопросъ: существуютъ ли вообще научныя истины, существуютъ ли даже правила логики, одинаково присущія каждому человѣку въ предѣлахъ каждаго общественнаго класса? И если существуетъ лишь классовая справедливость, особая классовая психологія и классовая нравственность, то почему бы не существовать и особой классовой логикѣ? Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, пролетарскимъ идеологамъ въ то время, какъ защитники буржуазныхъ интересовъ мыслятъ по формулѣ дважды два-четыре, почему бы имъ не мыслить что дважды два—стеариновая свѣчка, или наоборотъ? Вся нелѣпость подобнаго рода выводовъ, неизбѣжныхъ съ строго классовой точки зрѣнія, предстанетъ передъ

нами въ особенно яркой и каррикатурной формѣ, когда мы классовую квалификацію научныхъ истинъ приложимъ къ такъ называемымъ точнымъ наукамъ, напримѣръ, къ математикѣ; намъ представляется, что даже самый горячій сторонникъ марксистской теоріи, самый ярый защитникъ классовой точки зрѣнія врядъ ли рѣшится характеризовать эту отрасль человѣческаго знанія, какъ выражающую собою буржуазные или пролетарскіе интересы.

Классовая теорія и классовая точка зрѣнія сама по себѣ, конечно, не новость въ нашей литературѣ. Можно даже, пожалуй, сказать, что классовая теорія значительно привилась къ нашему общественному сознанію и до такой степени пріучила насъ къ извѣстнымъ пріемамъ и формамъ мышленія, что не только «революціонный пролетаріатъ», но и самая пресловутая «буржуазія» привыкла къ тому порядку вещей, при которомъ кадеты, положимъ, представляютъ собою крупную буржуазію, соціалисты-революціонеры—мелкую, анархисты—отчаявшуюся мелкую буржуазію и люмпенпролетаріатъ, и, наконецъ, соціалъ-демократы—рабочій пролетаріатъ.

Эти схемы, повторяю, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ крайней простоты, даже слишкомъ хорошо привились къ обывательскому міросозерцанію. Въ особенности мы привыкли мыслить соціалъ-демократовъ, какъ «пролетаріатъ», какъ «революціонный пролетаріатъ», мы привыкли считать ихъ тактику специфически рабочей, ихъ программныя требованія,—требованіями рабочаго класса и все ихъ міровоззрѣніе—истиннымъ выраженіемъ классоваго пролетарскаго интереса. И вотъ теперь, когда другія марксистскія же теченія, не только не отождествляющія себя съ соціалъ-демократизмомъ, но рѣзко себя отъ него отдѣляющія, все выше и выше подымаютъ голову, когда успѣхи синдикализма и анархизма, несомнѣнные безусловно и у насъ въ Россіи, столь опредѣленно говорятъ о внѣдреніи ихъ принциповъ въ средѣ рабочаго класса, когда на исторической сценѣ появляется три, четыре и даже болѣе міровоззрѣній, изъ которыхъ каждое претендуетъ на истинное выраженіе пролетарскихъ интересовъ,—у средняго обывателя, сочувствующаго «революціонному пролетаріату» и въ своемъ добродушіи и наивности ввѣряющаго ему даже право голоса, право распоряженія своею «мелко-буржуазной» судьбою въ россійскомъ «парламентѣ», естественно возникаетъ неразрѣшимый, поистинѣ трагическій вопросъ: какое же изъ этихъ теченій есть настоящее, доподлинно пролетарское?

При томъ громадномъ количествѣ наивныхъ людей, какими еще богата Россія, и при всей ихъ умственной несамостоятельности и податливости вопросъ этотъ у насъ получаетъ, въ особенности, серьезное значеніе. При той легкости, съ какой мы рѣшаемъ теперь самые сложные вопросы и при всей нашей непреодолимой склонности къ «самому крайнему», «самому революціонному»,

весьма естественно опасаться, что пропаганда анархическихъ и анархо-соціалистическихъ теченій пойдетъ шире и глубже, чѣмъ то раньше можно было ожидать. При нашей склонности упрощать дѣйствительность и мыслить упрощенными формулами, мы врядъ ли такъ скоро освободимся отъ очарованія классовой точки зрѣнія, врядъ ли призадумаемся надъ законностью самаго этого метода разсмотрѣнія вопросовъ, вѣроятнѣе всего, что громадное большинство нашей интеллигенціи—этихъ дрожжей всякаго общественнаго движенія—опять пройдетъ мимо этого вопроса и съ невозмутимой серьезностью будетъ разрѣшать задачу: гдѣ же, наконецъ, дѣйствительно искать этотъ философскій камень современности—истинно пролетарское міровоззрѣніе: въ соціалъ-демократической ли теоріи, или же въ анархическихъ теченіяхъ?

Александръ Щепетевъ.

Изъ Англіи.

I.

Законопроектъ о муниципализаціи земли, обсуждающійся теперь въ парламентѣ, поднялъ вопросъ о Damnosa hereditas, какъ называютъ здѣсь наслѣдственныхъ законодателей, т. е. палату лордовъ. Прежде всего скажу нѣсколько словъ о законопроектѣ. Составители его исходятъ изъ нѣсколькихъ твердо установленныхъ положеній. Земля въ Англіи, принадлежащая немногимъ собственникамъ,—умираетъ. Каждая перепись устанавливаетъ, что все большее пространство пахатной земли обращается въ пастбища, парки или верещаки и что тяга изъ деревень усиливается. Она идетъ по двумъ направленіямъ. Наиболѣе энергичные, сильные и смѣлые сельскіе работники, любящіе землю, переселяются въ Канаду. Остальные идутъ въ города, гдѣ скученность бѣднаго населенія ведетъ къ физическому вырожденію его. Въ прошлыхъ письмахъ, гдѣ я касался положенія земледѣлія въ Англіи, приведены цифры, иллюстрирующія указанные выше факты.

Приведу здѣсь еще нѣсколько данныхъ, касающихся Шотландіи. Вся площадь земли здѣсь—18.800,000 акровъ. Одному землевладѣльцу принадлежитъ 1.326,000 акровъ; двѣнадцать лэндлордовъ имѣютъ вмѣстѣ 4.339,000 акр. Семьдесятъ помѣщиковъ владѣютъ вмѣстѣ 9.400,000 акр., т. е. половиной всей площади земли. Девять

десятыхъ всей земли принадлежатъ въ общемъ 1,700 помѣщикамъ. Съ каждымъ годомъ число крофтеровъ, т. е. арендаторовъ, снимающихъ маленькую ферму, уменьшается. Помѣщики прогоняютъ крофтеровъ, чтобы превратить поля, обрабатываемыя ими, въ садки для дичи всякаго рода. О томъ, какъ усиленно происходитъ этотъ процессъ, показываютъ слѣдующія цифры. Въ шести шотландскихъ графствахъ, гдѣ крофтеровъ особенно много, подъ садки для дичи было въ

1883 г.	1,709,892	акр. земли.
1898 „	2,510,625	„ „
1904 „	2,920,097	„ „

Въ двадцать лѣтъ въ одной только Шотландіи площадь въ 1,210.205 акр. пахатной земли превращена въ пустыню, поросшую верескомъ (для разведенія куропатокъ). Тамъ, гдѣ уже во времена пиктовъ золотились ячменныя поля, теперь только безконечныя пространства, поросшія кустарникомъ, осыпаннымъ въ іюнѣ лиловыми и желтыми цвѣтками.

Вотъ поля, на которыхъ когда-то Робертъ Бернсъ, идя за плугомъ, складывалъ пѣсни, отъ которыхъ еще до сихъ поръ не выдохся запахъ пригрѣтыхъ солнцемъ васильковъ и дикаго шамрея. (Напр., «Comin'thro'the rye»). Теперь на этихъ поляхъ раздается только пляханье куропатокъ. Слѣдующія цифры показываютъ, какъ уменьшается въ Шотландіи число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ:

Въ 1881 г. было		1901 г.
Фермеровъ.	55.183	53.395
Пастуховъ	10.281	9.656
Сельскихъ работниковъ. .	135.966	93.590
	201,430	156,641

Въ Англіи уменьшается число фермеровъ, но, въ общемъ, увеличивается число пастуховъ, такъ какъ нивы превращаются въ пастбища. Въ Шотландіи уменьшается даже число пастуховъ, такъ какъ крофтеры вытѣсняются даже не овцами, а куропатками и кроликами. Въ одной изъ ивернесскихъ газетъ я нашелъ статью, подписанную «Donside Democrat». Авторъ разсматриваетъ, не мудрствуя, исторію той вотчины, на которой еще его прапрадѣдъ снималъ «крофтъ» (мелкую ферму); самъ авторъ снималъ участокъ земли 45 лѣтъ. «За это время изъ вотчины, занимающей площадь въ двѣ мили, прогнали десять крофтеровъ и трехъ среднихъ фермеровъ. Десять домиковъ, въ которыхъ жили «коттеры» (сельскіе работники, имѣющіе усадебную землю), были разрушены. Владѣлецъ нашелъ болѣе выгоднымъ для себя превратить вотчину въ верещакъ для куропатокъ. Я часто задавалъ себѣ вопросъ,—продолжаетъ авторъ,—сознаетъ ли помѣщикъ тотъ страшный вредъ, который онъ причиняетъ всей странѣ. Вслѣдствіе того, что прогнали крофтеровъ, коттеровъ и фермеровъ, только на небольшой пло-

щади земли девяносто человѣкъ остались безъ крова и хлѣба. Правда, многіе изъ нихъ едва кормились; но все же имъ было лучше, чѣмъ въ городахъ, гдѣ и безъ нихъ народа много. Молодые и смѣлые работники у насъ идутъ въ Канаду, гдѣ, наконецъ, находятъ право на землю, отнятое у ихъ предковъ laird'омъ (старинное шотландское названіе помѣщика). И письма, присылаемыя переселенцами, побуждаютъ новыя сотни крофтеровъ двинуться за океанъ».

Таковы причины, создавшія новый аграрный законопроектъ. Сводится онъ къ слѣдующему. Земскія единицы, т. е. графскіе совѣты и совѣты сельскіе (Parish councils), представляющіе, какъ извѣстно, совершенно самостоятельныя, независимыя отъ представителей центральной власти, общины,—получаютъ право выпускать гарантированный правительствомъ заемъ и приступить къ принудительному отчужденію или къ такой же принудительной арендѣ земли. Весь земельный фондъ раздѣляется каждымъ графствомъ или сельскимъ совѣтомъ на мелкія фермы (Small holdings) и усадебные надѣлы (Allotments), которые сдаются въ аренду всѣмъ желающимъ. Small holdings—это участокъ земли не больше 50 и не меньше пяти акровъ. Allotments—клочекъ земли не меньше одного и не больше пяти акровъ, предназначенный подъ огородъ или фруктовый садъ. Есть нѣкоторыя графства, совѣтъ которыхъ почти всецѣло находится въ рукахъ помѣщиковъ. Такіе совѣты, конечно, не будутъ спѣшить съ выполненіемъ принудительной продажи земли. Законопроектъ предвидитъ это. Въ случаѣ, если совѣтъ графства будетъ медлить съ осуществленіемъ реформы, спеціальные «коммиссары» отъ министерства земледѣлія сами организуютъ въ данномъ графствѣ бюро для принудительнаго отчужденія земли. Коммиссары, конечно, какъ служащіе въ министерствѣ земледѣлія, будутъ находиться всецѣло подъ контролемъ парламента. Отстаивая законопроектъ въ парламентѣ, министерство объяснило, почему оно остановилось на муниципализаціи земли, а не на продажѣ ея желающимъ въ собственность. Аренда, при которой всѣ желающіе пользоваться землею, будутъ имѣть гарантіи, что рента не поднимется, и что фермеръ получитъ право на вознагражденіе за всѣ улучшенія, сдѣланныя имъ, — неизмѣримо выгоднѣе для общества, чѣмъ выкупъ земли крестьянами въ собственность. Докладчикъ законопроекта указалъ на много «важныхъ обстоятельствъ, заставившихъ правительство остановиться на муниципализаціи земли, а не на уступкѣ ея крестьянамъ». Земля пріобрѣтается на государственный счетъ съ опредѣленной цѣлью: доставить источникъ существованія желающимъ. Эти послѣдніе должны пользоваться результатами своего труда, а не послѣдствіями, проистекающими отъ другихъ причинъ, напримѣръ, отъ поднятія цѣнности земли, вслѣдствіе увеличенія городовъ, проведенія новыхъ дорогъ и пр. Автоматическое увеличеніе цѣнности земли, если

таковое будетъ, должно принадлежать общинѣ и идти на уменьшеніе мѣстныхъ налоговъ. Крестьянинъ-собственникъ можетъ соблазниться и продать купленную землю для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ земледѣліемъ. Путемъ продажи нарушится стройность, введенная реформой, т. е. рядомъ съ мелкими фермами возникнутъ крупныя. Земельная собственность можетъ создать бѣшеную спекуляцію на землю, какъ въ Америкѣ. Рента повысится тогда и снова убьетъ земледѣліе. Продажа земли крестьянамъ не желательна еще потому,—объяснялъ докладчикъ,—что они свяжутъ себя громаднымъ долгомъ, тогда какъ каждый пенсъ необходимъ имъ для улучшенія хозяйства. Выкупные платежи легли бы тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. Необходимость кредита погнала бы ихъ къ ростовщикамъ, въ рукахъ которыхъ, въ концѣ концовъ, очутилась бы вся земля. Подобное явленіе мы видимъ теперь въ Зап. Штатахъ Сѣверо-Американской республики, а, въ особенности, въ Калифорніи. Владѣніе землею на правахъ собственности повело бы, кромѣ того,—объяснилъ докладчикъ,—къ дробленію ея при передачѣ по наслѣдству. Ничего этого не можетъ быть тогда, когда земледѣлецъ является арендаторомъ у графскаго совѣта. Фермеръ имѣетъ обезпеченную аренду. Онъ знаетъ, что по истеченіи ея, если не пожелаетъ держать больше землю,—получитъ вознагражденіе за всѣ сдѣланныя улучшенія. При покупкѣ земли, въ зависимости отъ своего капитала, многіе взяли бы меньшіе участки, чѣмъ имъ необходимо. Аренда же даетъ возможность каждому снимать именно столько земли, сколько онъ въ состояніи обработать.

Внося законопроектъ, докладчикъ остановился на принципѣ принудительнаго отчужденія и указалъ, что государство практиковало его уже давно. Парламентъ съ незапамятныхъ временъ, для общественной пользы, принудительно отчуждаетъ землю, иногда съ вознагражденіемъ, а иногда безъ.—«Во всякомъ случаѣ, если мнѣ будутъ возражать, я надѣюсь услыхать аргументъ по существу, а не дешевыя декламаціи на тему о грабежѣ помѣщиковъ»,—прибавилъ докладчикъ. Онъ указалъ при этомъ, что хотя самъ онъ—крупный землевладѣлецъ, но абсолютно не видитъ «грабежа» въ принудительномъ отчужденіи.

И любопытно, что оппозиція, т. е. консерваторы, критикуя законопроектъ, приняли безъ спора принципъ принудительнаго отчужденія. Консерваторы желали бы внести въ законопроектъ рядъ измѣненій, но послѣднія не касаются принудительной продажи. Оппозиція возражаетъ противъ муниципализаціи земли. По мнѣнію критиковъ, слѣдуетъ образовать классъ крестьянъ-собственниковъ. Человѣкъ охотнѣе берется за землю,—говорили консерваторы,—если знаетъ, что она его собственность. Теперь земледѣліе въ Англіи почти задушено иностранной конкурренціей—сказалъ одинъ изъ критиковъ,—но «если бы землю обрабатывали не арендаторы, какъ проектируетъ правительство, а крестьяне-собствен-

ники, они упорнѣе боролись бы съ соперниками въ другихъ странахъ».—Консерваторы возражали также противъ принципа принудительной *аренды* (согласно законопроекту, графскіе совѣты могутъ принудительно взять у помѣщиковъ землю въ аренду на срокъ не больше, чѣмъ 35, и не меньше, чѣмъ 14 лѣтъ). Возражали противъ законопроекта еще правовѣрные фритредеры. Они стояли за послѣдовательное примѣненіе принципа государственнаго невмѣшательства. По мнѣнію фритредеровъ, правительство не имѣетъ права поддерживать на счетъ плательщиковъ налоговъ «небольшую отрасль промышленности». Въ сферѣ производства, какъ и въ мірѣ животныхъ, долженъ дѣйствовать законъ естественнаго подбора. Пусть одержитъ въ государствѣ верхъ то производство, которое наиболѣе крѣпко и наиболѣе приспособилось къ окружающимъ условіямъ. По мнѣнію правовѣрныхъ фритредеровъ, государственное вмѣшательство приведетъ только къ тому, что земля повысится въ цѣнѣ и, такимъ образомъ, «помѣщикъ выиграетъ гораздо больше, чѣмъ сельскій работникъ». Законопроектъ о муниципализаціи земли это,—по мнѣнію непримиримыхъ фритредеровъ,—«занятіе благотворительностью». Никакого выкупа не нужно. Слѣдуетъ только обложить налогомъ «незаработанное приращеніе». Когда парламенту предложена была резолюція въ этомъ духѣ, то никто не поддержалъ ее. Вопросъ о возвращеніи земли народу до такой степени назрѣлъ теперь въ Англіи, настоятельная необходимость реформы до такой степени сознается теперь всѣмъ населеніемъ, что консерваторы, страшась своихъ избирателей, не рѣшались оспаривать законопроектъ по существу. Онъ принятъ теперь *единогласно* всей палатой во второмъ чтеніи. Министерство заявило, что считаетъ муниципализацію земли и принудительную продажу—основами билля и, поэтому, не приметъ поправокъ, клонящихъ къ измѣненію этихъ принциповъ. Представители рабочей партіи при обсужденіи законопроекта высказались за націонализацію земли; но признали билль полезнымъ и обѣщали поэтому поддержку со стороны рабочихъ депутатовъ. Ораторъ сожалѣлъ только, что биллю не предшествовалъ законопроектъ объ оцѣнкѣ внутренней стоимости земли.

Итакъ, законопроектъ пройдетъ въ нижней палатѣ очень быстро. Но что скажетъ «клубъ крупныхъ помѣщиковъ», т. е. палата наслѣдственныхъ законодателей? Подозрительные люди объясняютъ даже уступчивость консерваторовъ тѣмъ, что «лорды не выдадутъ» и отвергнутъ билль. Такимъ образомъ, у консерваторовъ имѣется оправданіе на выборахъ. «Мы голосовали за возвращеніе земли народу; но наслѣдственные законодатели наложили свое veto». И вотъ мы видимъ теперь, какъ послѣ многихъ лѣтъ, снова поставленъ ребромъ вопросъ: кому вѣдать судьбами Великобританіи, наслѣдственнымъ ли законодателямъ, представляющимъ только свои интересы, или законнымъ представителямъ всего на-

рода, т. е. коммонерамъ? Снова появилась громадная литература по поводу палаты лордовъ, при чемъ защита послѣдней представлена единичными голосами. Подавляющее же большинство появившихся книгъ и брошюръ стоитъ за радикальную реформу или даже за упраздненіе наслѣдственной верхней палаты. Разберемся во всей этой литературѣ. Посмотримъ сперва, какіе аргументы приводятся единичными защитниками наслѣдственныхъ законодателей.

II.

Такимъ защитникомъ является Томасъ Фильдингъ *), указывающій на великія историческія заслуги лордовъ. Когда-то они были вождями англійскаго народа въ борьбѣ его за политическую свободу. «Мы должны вспомнить, что на зарѣ англійской исторіи бароны и епископы были естественными и мужественными предводителями народа, которому указывали путь въ мирное время и на войнѣ. Бароны и епископы учили народъ, какъ бороться съ произволомъ королей,—говоритъ Фильдингъ.—При помощи лордовъ добыты тѣ вольности, изъ которыхъ выросло величіе англійскаго народа». Фильдингъ указываетъ, конечно, прежде всего на исторію Великой хартіи вольностей. Іоаннъ Безземельный, согласно старинной балладѣ, былъ

„A knight without truth,
A king without justice,
A christian without faith“.

(Рыцарь, не знавшій правды, король безъ справедливости и христіанинъ, чуждый вѣры). Король былъ деспотъ, трусливый, безчестный и жестокій. Онъ давалъ торжественныя обѣщанія и, при первой возможности, нарушалъ ихъ. «И вотъ народъ, предводительствуемый епископами, рыцарями и баронами,—разсказываетъ Фильдингъ,—возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, и заставилъ послѣ трехлѣтней борьбы короля подписать Великую хартію, которая составляетъ гордость страны въ прошломъ и является факеломъ, освѣщающимъ путь къ дальнѣйшимъ вольностямъ любящему законность британцу. Борьба была долга, упорна и трудна. Бароны и епископы, которыхъ король обманулъ нѣсколько разъ, заняли Бедфордъ, Лондонъ и другіе города. Король въ это время платилъ деньги папѣ, чтобы добиться отлученія отъ церкви повстанцевъ. Возстаніемъ предводительствовалъ архіепископъ кентерберійскій Стефанъ Ленгтонъ. Ему грозило, съ одной стороны, отлученіе папы, съ другой—гнѣвъ короля; но Лэнгтонъ, отстаивая народъ, смѣло пошелъ и противъ свѣтскаго, и противъ духовнаго властелина, такъ какъ, прежде всего, онъ—*англичанинъ*, а потомъ уже священникъ.

---

*) The House of Lords. Its History, Rights, and Uses. London, 1907.

Наконецъ, оставленный всѣми, король, проклиная въ душѣ бароновъ, вынужденъ былъ скрѣпить своею подписью хартію вольностей. Это произошло на островѣ на Темзѣ, между Стэйнсомъ и Виндзоромъ. Двѣ тысячи рыцарей были готовы дорого заплатить королю, если онъ замыслитъ еще разъ измѣну. На зеленомъ островѣ Темзы,—продолжаетъ Фильдингъ,—была раздавлена гидра тираніи. И за этотъ подвигъ народъ долженъ благодарить бароновъ» *).

Старинный англійскій поэтъ Акенсайдъ, вдохновленный историческимъ островомъ, говоритъ:

„This is the place
Where England's ancient barons, clad in arms,
And stern with conquest, from their tyrant king
(Then rendered tame) did challenge and secure
The charter of thy freedom. Pass not on
Till thou hast bless'd their memory".

(т. е. «Вотъ мѣсто, гдѣ закованные въ кольчуги англійскіе бароны, закаленные побѣдой, вырвали у короля-тирана, котораго сперва сдѣлали ручнымъ, хартію своей свободы. Прежде, чѣмъ пройдешь мимо, благослови память бароновъ»). Заслуги «ancient barons», выговорившихъ у короля вольности не только себѣ, но и всему народу,—неоспоримы. «Англійскимъ баронамъ, добывшимъ свободу не только для себя, но и для народа, мы должны быть признательны за нашу конституцію». Эти слова лорда Чатама, сказанныя еще въ 1770 г., часто приводятся, и они совершенно справедливы. Въ другихъ странахъ дворянство, добившись побѣды, стремится захватить только себѣ всѣ трофеи ея. Magna Charta касается всѣхъ гражданъ, безъ исключенія. Бароны въ ней отказываются по отношенію къ коммонерамъ отъ тѣхъ же привилегій, отъ которыхъ заставили короля отказаться въ отношеніи къ баронамъ. «Въ первый разъ въ аналахъ исторіи гражданская война закончилась трактатомъ, въ которомъ не былъ обойденъ трудящійся народъ»,—говоритъ Галламъ въ своей Исторіи англійской конституціи. Впослѣдствіи короли раскаялись, что отреклись отъ своихъ широкихъ правъ и отъ абсолютной власти. Они дѣлали много разъ попытки возвратиться къ старому. Совѣтники королей убѣждали ихъ, что только простыхъ смертныхъ можно назвать обманщиками, если они нарушаютъ данное слово. Короли, поставленные божьей милостью, могутъ мѣнять слова, когда это имъ выгодно. У нихъ высшая миссія, при выполненіи которой нечего считаться съ человѣческими понятіями о честномъ и безчестномъ. Народъ не хотѣлъ признавать этотъ двойной кодексъ морали, и на протяженіи четырехъ вѣковъ тридцать семь разъ потребовалъ у своихъ королей подтвержденія вольностей 1215 года. Во многихъ случаяхъ лорды принимали сторону народа.

Итакъ, въ далекомъ прошломъ защищать лордовъ не особенно

*) „The House of Lords, etc.", p. p. 7—8.

трудно. Они оказали тогда народу несомнѣнную услугу. За то, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ для апологіи бароновъ требуется все больше изворотливости. При попыткѣ оправдать институтъ наслѣдственныхъ законодателей Фильдингъ совершенно путается. И вотъ авторъ, восхваляющій бароновъ за революціонный актъ, становится на ту же почву, что и континентальные защитники дворянства: «противъ наслѣдственныхъ законодателей,—говоритъ онъ,—возстаютъ революціонеры, которые возстаютъ и противъ королей». Съ одной стороны, авторъ доказываетъ, что палата лордовъ, въ сущности, выборное учрежденіе. Епископовъ вѣдь выбираютъ; либеральныя и консервативныя министерства назначаютъ новыхъ пэровъ. Черезъ страницу авторъ оставляетъ этотъ методъ защиты и говоритъ. «Тронъ въ Англіи держится на томъ же принципѣ, что и палата лордовъ: и тотъ, и другая *наслѣдственны*. Нынѣ здравствующій король не имѣетъ вѣдь другого права на престолъ, кромѣ права наслѣдственности. Крайне характерно, что въ палатѣ общинъ и за стѣнами ея противъ наслѣдственной палаты высказываются тѣ самые, которые враждебно относятся также къ королевской власти. Они иногда освистываютъ національный гимнъ, а иногда кричатъ: «долой палату лордовъ». Этимъ они доказываютъ, что разрушеніе дорогихъ намъ началъ, какъ тронъ и пэры, — составляетъ нераздѣльныя части ихъ политическихъ убѣжденій» *). «Если принцъ Уэльскій законно принимаетъ тронъ короля, то почему же графу Перси или герцогу Нортумберлендскому не пользоваться правами и привилегіями, которыми пользовались ихъ предки?»—побѣдно спрашиваетъ авторъ. Въ прошлые вѣка различными правдами и неправдами лорды захватили въ свои руки всю землю въ Англіи, такъ что и теперь верхняя палата является клубомъ крупныхъ помѣщиковъ. «Да,—говоритъ защитникъ наслѣдственной верхней палаты, — лорды, дѣйствительно, крупные землевладѣльцы. Но что же изъ того? Лорды-либералы тоже крупные помѣщики. Восемь лордовъ, входившихъ въ составъ гладстоновскаго кабинета 1880—85 гг., въ совокупности имѣли 150,000 акровъ земли, что приноситъ въ годъ 297 тысячъ ф. ст. Среднимъ числомъ, каждый лордъ владѣлъ 19,000 акр., доходъ съ которыхъ составляетъ 37 тысячъ ф. ст. въ годъ. Двадцать девять членовъ либеральнаго министерства 1894 г. владѣли въ совокупности 737,000 акр., рента съ которыхъ составляетъ 408,000 ф. ст.» *).

Ариѳметика Фильдинга, вѣроятно, точна; но дѣло, конечно, не въ томъ, сколько у каждаго лорда земли и какихъ онъ убѣжденій. Дѣло въ томъ, что одни лорды согласны на реформу, имѣющую конечной цѣлью возвращеніе земли народу, тогда какъ другіе (по-

*) Ib., p. 17.
**) Ib., p. 24.

давляющее большинство) смотрятъ на каждую такую мѣру, какъ на попытку грабежа.

Согласно Фильдингу, лорды всегда стояли за свободу. Они принимали дѣятельное участіе въ томъ, что англійскій народъ получилъ грамоты, лежащія въ основѣ нынѣшней конституціи: «Петицію о правахъ», «Habeas Corpus Act», «Билль о правахъ» «Договорный актъ съ королемъ» (Act of Settlement). «Помимо этихъ актовъ,—продолжаетъ Фильдингъ,—составляющихъ библію англійской конституціи,—лорды, вмѣстѣ съ коммонерами, вырабатывали всѣ тѣ великіе законы, которыми справедливо гордится англійскій народъ. Почему-то вся слава отдается нижней палатѣ, но это потому, что коммонеры больше на виду, чѣмъ лорды. Между тѣмъ хвалить однихъ и забывать другихъ—несправедливо *). Авторъ панегирика замалчиваетъ тотъ фактъ, что, если даже допустить обязательную передачу талантовъ и непремѣнно старшему въ родѣ, лорды не имѣютъ большею частью ничего общаго съ тѣми, громкіе титулы которыхъ носятъ. Вѣрно то, что герцоги Нортумберлендскіе «происходятъ отъ барона Перси, присутствовавшаго въ 1215 г. въ Рюннимидѣ при томъ, какъ Іоаннъ подписывалъ хартію свободы». Вѣрно, что герцоги Сомерсетскіе и маркизы Хертфордскіе происходятъ отъ того Сеймура, который, рискуя головой, помѣшалъ возвращенію Стюартовъ; что одинъ изъ Ресселей былъ сожженъ за вѣру Маріей Кровавой, а другой—умеръ въ тюрьмѣ, отстаивая народныя вольности. Но на ряду съ потомками Сеймуровъ, Перси и Ресселей мы видимъ въ верхней палатѣ «надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ». Предки были возведены въ пэры за предательство народа. Затѣмъ «Сеймуры и Перси» не всегда передаютъ по наслѣдству свои доблести и таланты. Многіе лорды съ громкими историческими именами фигурировали недавно въ скандальныхъ процессахъ (напр., въ дѣлахъ Гули и Уайтепера Райта). Но дѣло не въ этомъ.

«Я пытался доказать,—заканчиваетъ Фильдингъ,—что наша аристократія въ одинаковой степени стара, почтенна, блестяща и полезна, и что ей Англія обязана многимъ. Наша аристократія часто грудью стояла за народныя вольности. Она же не разъ спасала страну отъ слишкомъ поспѣшнаго законодательства, которое несомнѣнно привело бы Англію къ гибели... Мы, англичане, послѣ упорной борьбы освободились отъ зловредной идеи, отъ «божественнаго права королей». Вотъ почему намъ не слѣдуетъ удаляться въ противоположную крайность, т. е. мы не должны признать не менѣе вредное «божественное право палаты общинъ». Мы испытали и первое, и второе и нашли ихъ одинаково пагубными. При Тюдорахъ и Стюартахъ наши предки видѣли, что

*) Ib., p. 41.

«божественное право королей» означаетъ безправіе народа, причемъ жизнь и собственность гражданъ всецѣло зависятъ отъ произвола или прихоти деспота. При такъ называемомъ протекторѣ (при Кромвеллѣ) свобода народа была тоже задавлена. Нѣтъ, лучше сохранимъ нашу уравновѣшенную конституцію съ ея свободой для каждаго. Будемъ ревниво охранять и защищать наши учрежденія и измѣнять ихъ осторожно и медленно» *).

Перейдемъ теперь къ крайне богатой литературѣ, которая подвергаетъ палату лордовъ рѣзкой критикѣ и доказываетъ не только полную безполезность института наслѣдственныхъ законодателей, но и прямой вредъ его. Дарвиновскій законъ объ естественномъ подборѣ, на который ссылаются защитники лордовъ, не примѣнимъ къ верхней палатѣ. Напротивъ, мы видимъ здѣсь законъ сохраненія слабыхъ, неприспособленныхъ къ жизни и бездарныхъ. Въ исторіи Англіи мы видѣли, что многіе талантливые люди становились лордами; но за однимъ или двумя исключеніями въ послѣднія сто лѣтъ не было лордовъ, которые проявили бы себя, какъ талантливые люди. Лорды Келвикъ, Листеръ и Авербери, дѣйствительно, замѣчательные ученые; лордъ Нельсонъ былъ великій морякъ, оказавшій роднне выдающіяся услуги,—но всѣ они вышли изъ рядовъ среднихъ классовъ.

III.

Въ настоящій моментъ верхняя палата состоитъ изъ:

3	принцевъ крови
2	архіепископовъ
22	герцоговъ
23	маркизовъ
147	графовъ
40	виконтовъ
24	епископовъ
291	бароновъ
16	шотландскихъ пэровъ
28	ирландскихъ пэровъ
4	пожизненныхъ лордовъ-законниковъ.
600	

Шотландскіе и ирландскіе пэры выбираются на все время существованія парламента; архіепископы, епископы и лорды-законники засѣдаютъ въ верхней палатѣ пожизненно. Остальные пэры—наслѣдственные законодатели.

«Чтобы излѣчиться отъ преклоненія передъ верхней палатой,—нужно присутствовать на одномъ изъ засѣданій ея,—говоритъ сэръ Робертъ Эджкёмбъ.—Самое патріотическое дѣло было бы—

*) The House of Lords, etc., p. 109—110.

послать отдѣльными партіями избирателей въ палату лордовъ, чтобы посмотрѣть, какъ работаютъ наслѣдственные законодатели. Вы чувствуете себя тамъ потеряннымъ въ громадной пустынной залѣ. Къ вечеру туда вползаетъ нѣсколько отдѣльныхъ тѣней. Слышится гдѣ-то отдаленный, неясный, глухой звукъ немногихъ голосовъ, какъ будто стонетъ или жалуется кто нибудь. Вы напрягаете слухъ, но все же не можете разобрать словъ. Звуки то замираютъ, то повышаются нѣсколько, какъ порывъ зимняго вѣтра. Если вы закроете глаза, то вамъ покажется, что то стонутъ въ аду грѣшныя души. Гдѣ-то въ полутьмѣ далеко внизу смутно мелькаютъ 6—7 фигуръ. Но вотъ призраки исчезаютъ, и вамъ говорятъ, что засѣданіе палаты лордовъ кончилось» *). А между тѣмъ эти 7—8 призраковъ имѣютъ возможность, если пожелаютъ, наложить свое veto на законопроектъ, долго обсуждавшійся въ странѣ на митингахъ и въ печати и тщательно разработанный нижней палатой. Въ палатѣ общинъ «quorum» составляютъ сорокъ коммонеровъ. Въ верхней палатѣ даже *три* лорда составляютъ quorum и могутъ приступить къ обсужденію законовъ. Иногда важный законопроектъ отклоняется горстью титулованныхъ наслѣдственныхъ законодателей.

Такова, напр., исторія билля о раннемъ закрытіи кабаковъ въ Шотландіи, принятаго палатой общинъ въ 1887 г. **). Этотъ законопроектъ выражалъ желаніе всего населенія Шотландіи и былъ принятъ коммонерами почти безъ возраженій. Верхняя палата насчитываетъ нѣсколько пивныхъ и водочныхъ королей, милліонеровъ-пивоваровъ. Сидѣльцы въ кабакахъ являются, большею частью, только агентами пивоваровъ. Какъ же принять законопроектъ, имѣющій цѣлью закрыть кабаки тогда, когда въ нихъ есть еще кліенты, желающіе пить? И вотъ въ верхней палатѣ графъ Кэмпердаунъ внесъ поправку, чтобы въ Глазго (самомъ пьяномъ городѣ въ Великобританіи) и въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ Шотландіи кабаки запирались на часъ позже, чѣмъ указано въ законопроектѣ. Министръ по дѣламъ Шотландіи возсталъ противъ поправки, ссылаясь на то, что въ нижней палатѣ всѣ представители королевства, безъ различія партій, приняли билль. Тѣмъ не менѣе палата лордовъ, въ наличности восемнадцати человѣкъ, приняла поправку графа Кэмпердауна. Протестовали и коммонеры шотландцы, и городъ Глазго; но напрасно. И когда въ печати было потомъ указано на нелѣпость того, что восемнадцать пэровъ могутъ пойти противъ мнѣнія цѣлаго королевства,—Лордъ Брэмуэлъ заявилъ въ письмѣ въ редакцію, что для него «мнѣніе одного

---

*) „Sir Robert Edgcumbe", „The Unjust Veto". London, 1907; p. p. 86—87.

**) „Public Houses, Hours of Closing for Scotland Bill".

шотландскаго пэра имѣетъ большее значеніе, чѣмъ приговоръ всѣхъ жителей Глазго» *).

Согласно конституціи, функціи палаты лордовъ трояки: прежде всего пэры являются совѣтниками короля, затѣмъ они составляютъ высшую апелляціонную палату королевства и, наконецъ, являются второй инстанціей при обсужденіи законопроектовъ. Въ дѣйствительности пэры уже давнымъ давно перестали быть совѣтниками короля. Сперва палату лордовъ, въ этомъ отношеніи, замѣнилъ тайный совѣтъ (Privy Council), а затѣмъ въ XVII вѣкѣ изъ совѣта выдѣлился кабинетъ министровъ. Безъ указанія этого кабинета, отвѣтственнаго передъ парламентомъ, англійскій король не принимаетъ никакого рѣшенія. Кабинетъ отвѣтственъ за каждое слово, имѣющее государственное значеніе и произнесенное королемъ. Корона теперь никогда не совѣщается съ верхней палатой. Если бы король сдѣлалъ это, то поступокъ былъ бы принятъ, какъ рѣшительное coup d'état. Что касается второй функціи верхней палаты, то юридически до сихъ поръ лорды признаются верховными судьями; въ случаѣ, если дѣло перенесено въ послѣднюю инстанцію, каждый лордъ, юридически, можетъ участвовать въ рѣшеніи его. Фактически это, однако, не такъ. Лорды не чувствуютъ способностей участвовать въ разборѣ запутанныхъ гражданскихъ дѣлъ. Истцы, какъ бы раболѣпно они ни относились въ теоріи къ лордамъ, пришли бы въ ужасъ, если бы имъ сказали, что рѣшеніе ихъ процесса зависитъ отъ каждаго пэра, который заинтересуется дѣломъ. Уже очень давно въ верхнюю палату назначаются пожизненные «лорды-законники» изъ наиболѣе ученыхъ и талантливыхъ юристовъ. Они являются судьями и засѣдаютъ въ апелляціонной палатѣ.

Остается третья функція палаты лордовъ, т. е. законодательная работа. Со времени революціи 1688 г. она значительно сокращена. Коммонеры отстранили лордовъ отъ общественной казны. Починъ введенія новыхъ налоговъ и расходованія суммъ, собранныхъ путемъ обложеній, принадлежитъ теперь только выборнымъ представителямъ народа, а не наслѣдственнымъ законодателямъ. Правда, законопроекты подобнаго рода послѣ того, какъ они приняты коммонерами, посылаются въ верхнюю палату; но это только форма. Если бы лорды отвергали такой законопроектъ (Money Bill), то это было бы сочтено за нарушеніе конституціи... Теоретически, починъ въ дѣлѣ новыхъ законовъ принадлежитъ также и лордамъ. Но если верхняя палата принимаетъ самостоятельно какой нибудь билль, въ которомъ говорится объ израсходованіи общественныхъ денегъ, то въ законопроектѣ, когда онъ посылается къ коммонерамъ, всѣ цифры отпечатаны краснымъ. Это означаетъ, что лорды даютъ только идею, но не посягаютъ на общественную

---

*) „Times", September 20., 1887.

казну. Лорды могутъ отвергать и измѣнять только не «Money Bills», и наслѣдственные законодатели широко пользуются своимъ правомъ. Враждебное отношеніе лордовъ къ коммонерамъ начинается съ 1832 г., т. е. со времени перваго великаго билля о реформахъ, демократизовавшаго нижнюю палату. Почему вражда эта не проявлялась раньше? Отвѣтомъ на это является петиція, поданная нижней палатѣ въ 1793 г. Составители ея—«брались доказать, что 306 коммонеровъ выбраны непосредственно подъ вліяніемъ владѣльцевъ гнилыхъ мѣстечекъ, т. е. лордовъ и крупныхъ помѣщиковъ». Такимъ образомъ, большинство нижней палаты, въ сущности, дѣлало то, что диктовала ей верхняя палата. Во время обсужденія перваго билля о реформахъ выяснено было, что 87 пэровъ въ Англіи выбираютъ 218 коммонеровъ; 21 пэръ въ Шотландіи назначаютъ 45 коммонеровъ, а 36 пэровъ въ Ирландіи посылаютъ, по своему желанію, пятьдесятъ коммонеровъ. «Гнилыя мѣстечки» брались на откупъ у лордовъ и составляли не малый источникъ дохода для нихъ. Все это совершенно измѣнилось въ 1832 г. послѣ перваго билля о реформахъ. Историкъ англійской конституціи Уолтеръ Беджхотъ (Baghot) говоритъ: «Билль о реформахъ совершенно измѣнилъ функцію палаты лордовъ въ англійской исторіи. Да 1832 г. верхняя палата, если не была направляющей, то, во всякомъ случаѣ, состояла изъ направителей (Chamber of Directors). Въ ней засѣдали дворяне, имѣвшіе громадное вліяніе на нижнюю палату. Аристократическое вліяніе чувствовалось такъ сильно, что сколько нибудь серьезнаго разлада между обѣими палатами никогда не было. Когда коммонеры ссорились съ лордами, то только изъ-за взаимныхъ привилегій, а не изъ-за разныхъ взглядовъ на вопросы національной политики. Вліяніе дворянства было тогда такъ сильно, что не было попытокъ оспаривать его. Послѣ реформы 1832 г. верхняя палата превратилась въ инстанцію, гдѣ просматриваются и отвергаются законопроекты, принятые коммонерами. Палата направителей исчезла. Народилась палата исправителей и «отвергателей». Такимъ образомъ, 1832 г. является знаменательнымъ въ исторіи верхней палаты. Списокъ биллей, отвергнутыхъ лордами въ продолженіе 75 лѣтъ, очень великъ.

Послѣ того, какъ собрался въ 1833 г. первый преобразованный парламентъ,—министерство внесло билль о гражданскомъ равноправіи евреевъ. Въ Англіи для нихъ не существовало и черты осѣдлости. Евреи могли свободно жить въ Лондонѣ, въ провинціальныхъ городахъ и деревняхъ; но для поступленія на государственную службу имъ необходимо было принять протестантство. Отъ чиновниковъ требовалась присяга, въ которой упоминалось: «я, какъ истинный христіанинъ» и пр. Подобную присягу, конечно, еврей дать не могъ. Палата общинъ приняла билль почти единогласно, но лорды отвергли законопроектъ. «Мы слышимъ толки про то, что правительство должно быть по существу проте-

стантскимъ или христіанскимъ,—писалъ лордъ Макколей, по этому поводу» *). Слова эти такъ же мало говорятъ, какъ понятія «истинно христіанская кухня» или «истинно протестантское искусство верховой ѣзды». Обязанность правительства—поддерживать миръ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы люди добывали средства къ существованію не грабежомъ, а трудомъ». Законопроектъ былъ снова внесенъ въ парламентъ въ 1834 г. Опять коммонеры приняли билль, а лорды отвергли его. То же самое повторилось въ 1841 г. И только въ 1845 г. лорды приняли, наконецъ, законопроектъ, даровавшій евреямъ равноправіе. Такъ какъ на выборахъ 1832 г. обнаружена была попытка широко пользоваться подкупомъ, то назначена была слѣдственная коммиссія, которая нашла, что, такъ называемые, «фримэны» въ городахъ Уорикъ, Хертфордъ, Стэффордъ, Ливерпуль и Каррикфергёсъ, зависѣвшіе всецѣло отъ помѣщиковъ, брали взятки. Въ силу этого палата общинъ приняла въ 1833 г. законопроектъ о лишеніи «фримэновъ» избирательнаго права. Лорды отвергли этотъ билль. Въ томъ же году палата общинъ приняла билль, въ которомъ подкупъ на выборахъ сурово карался закономъ. Лорды внесли поправку, и проектъ потерялъ всякій смыслъ. Наслѣдственные законодатели, заступаясь за подкупныхъ людей, за то всѣми силами старались устранить отъ выборовъ избирателей честныхъ. Лорды возстали противъ надѣленія сельскихъ работниковъ правомъ голоса. И когда пэрамъ это не удалось, они старались хоть сохранить то право, вслѣдствіе котораго богатые люди могутъ имѣть нѣсколько голосовъ. Въ Англіи участіемъ въ выборахъ пользуется каждый плательщикъ налоговъ. Если кто имѣетъ контору въ Сити, самъ живетъ въ Ричмондѣ и владѣетъ country house, или дачей, близь Мальворна, то онъ платитъ квартирный налогъ въ трехъ мѣстахъ и, сообразно съ этимъ, можетъ голосовать на выборахъ въ Ричмондѣ, въ Сити и Мальворнѣ. Онъ одинъ пользуется такимъ же правомъ, какъ три клэрка вмѣстѣ, снимающіе только по одному помѣщенію. Измѣненіе избирательнаго права въ томъ смыслѣ, что каждый избиратель имѣетъ только одинъ голосъ, намѣчено уже давно. Эту реформу мы находимъ въ нью-кэстельской программѣ Гладстона. Она входитъ также въ программы рабочей и умѣренно-либеральной партіи. Въ прошломъ году министерство внесло въ парламентъ билль о реформѣ въ соотвѣтственномъ смыслѣ избирательнаго права. Законопроектъ прошелъ въ нижней палатѣ безъ всякихъ поправокъ. Необходимость въ немъ такъ велика, что никто изъ консерваторовъ не рѣшился высказаться противъ реформы. Наконецъ, билль принятъ и его отсылаютъ лордамъ, которые немедленно отвергаютъ его.

---

*) „Essay on the Civil Disabilities of the juvs“.

IV.

Лорды являлись всегда защитниками крайней религіозной нетерпимости. До 1854 г. въ англійскихъ университетахъ дипломы выдавались только лицамъ, которыя докажутъ, что они «bona fide члены англиканской церкви». Другими словами, университетъ былъ закрытъ даже для диссентеровъ, которые не желали лгать. Въ 1834 г. палата общинъ приняла законъ объ измѣненіи обычая. Церковь была тогда такъ сильна, что реформаторы не рѣшались кореннымъ образомъ измѣнить дѣло, т. е. открыть университеты для всѣхъ. Согласно биллю, диссентеры, прослушавшіе курсъ въ своихъ собственныхъ «частныхъ коллегіяхъ» (Private Colleges) при университетѣ,—допускались къ экзамену на дипломъ. Лорды, руководимые епископами, отвергли билль на томъ основаніи, что вѣротерпимость въ университетѣ «отравляетъ источники религіи» и «добродѣтели». Какъ быстро и какъ радикально мѣняется жизнь! Теперь, черезъ семьдесятъ лѣтъ, средній англичанинъ не можетъ себѣ даже представить, что такія ограниченія въ университетахъ и такія мотивировки ихъ были возможны всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Тогда же блестящему англійскому историку и публицисту приходилось еще доказывать, что государство, преслѣдующее какую-нибудь часть населенія, не можетъ ожидать отъ него проявленія патріотизма. И, наоборотъ, гражданская свобода порождаетъ патріотизмъ. «Нѣтъ другого чувства, которое вѣрнѣе развивалось бы въ сердцахъ людей, живущихъ подъ хорошимъ правительствомъ, какъ чувство патріотизма,—писалъ Маколей въ 1831 г.—Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, еще не было такой націи, или значительной части какой-нибудь націи, которая, не будучи жестоко угнетена, совершенно лишена была бы этого чувства. Принимать, слѣдовательно, за основаніе для обвиненія какого-нибудь класса людей—недостатокъ въ нихъ патріотизма есть самая избитая уловка софистовъ. Это логика волка относительно ягненка. Это все равно, что обвинять устье ручья въ отравленіи его источника»... «Если бы, напримѣръ,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Маколей,—всѣ рыжеволосые люди въ Европѣ подвергались, въ теченіе многихъ вѣковъ, оскорбленіямъ и угнетеніямъ; были бы изгоняемы изъ одного мѣста, въ другомъ, подвергаемы заключенію; если бы у нихъ отнимали деньги, вырывали зубы, обвиняли по самымъ слабымъ уликамъ въ самыхъ неправдоподобныхъ преступленіяхъ, волочили на конскихъ хвостахъ, вѣшали, пытали, сожигали живыхъ; если бы, и послѣ смягченія нравовъ, люди эти продолжали подвергаться унизительнымъ стѣсненіямъ; если бы повсюду они были устраняемы отъ общественныхъ должностей и почестей,—каковъ былъ бы патріотизмъ людей съ рыжими волосами?» За семьдесятъ пять лѣтъ,

прошедшихъ съ того времени, какъ написаны эти строки, англичане путемъ опыта въ самой Англіи, а также въ нѣкоторыхъ колоніяхъ (въ Канадѣ, Австраліи, въ Южной Африкѣ) убѣдились, что государство, отказавшееся отъ угнетенія гражданъ и предоставившее имъ свободу и право самоопредѣленія, насаждаетъ дѣйствительный патріотизмъ... Возвратимся, однако, къ биллю о диссентерахъ. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ лорды не соглашались давать имъ ученыхъ степеней, покуда, наконецъ, въ 1854 г. законопроектъ, выработанный еще въ 1834 г., былъ принятъ обѣими палатами.

Лорды такъ же близко принимали къ сердцу интересы господствующей англиканской церкви въ католической Ирландіи. Въ 1832 г. всѣхъ протестантовъ тамъ было меньше, чѣмъ милліонъ; но немногочисленная паства поражала чрезвычайнымъ обиліемъ пастырей: четыре архіепископа, восемнадцать епископовъ и 1,300 священниковъ. Для поддержанія ихъ католическое населеніе обязано было платить десятину. Такимъ образомъ, ирландцы содержали архіепископовъ и священниковъ, которые провозглашали главу католической церкви—антихристомъ. Многіе протестантскіе священники не жили даже въ своихъ приходахъ, гдѣ зачастую всѣ были католики. Пастыри жили въ Лондонѣ и получали ругу съ голодающихъ ирландскихъ крестьянъ-католиковъ. Въ 1834 г. палата общины приняла законопроектъ объ отдѣленіи въ Ирландіи церкви отъ государства. Въ верхней палатѣ противъ билля возстали свѣтскіе и духовные лорды. Протестантскій архіепископъ дублинскій призналъ, что система, которую онъ отстаиваетъ, поддерживается только штыками; но требовалъ, тѣмъ не менѣе, чтобы и дальше католики содержали англиканскихъ поповъ. Иначе,—говорилъ архіепископъ,—погибнутъ и вѣра, и религія, и церковь. И лорды отвергли билль, принятый въ нижней палатѣ подавляющимъ большинствомъ 360 противъ 99 голосовъ. Верхняя палата потомъ еще четыре раза отвергала билль, покуда онъ сталъ закономъ.

Лорды, какъ у насъ теперь помѣщики, боялись мѣстнаго самоуправленія едва ли не сильнѣе, чѣмъ реформы политической. Въ 1835 г. нижняя палата приняла законопроектъ о городскомъ самоуправленіи. До тѣхъ поръ муниципалитеты фактически находились въ рукахъ одного или двухъ мѣстныхъ богачей. Законопроектъ 1835 г. возвращалъ гражданамъ старинныя права, которыми они пользовались еще въ среднихъ вѣкахъ, т. е. полный контроль надъ всѣми мѣстными дѣлами. Коммонеры приняли билль почти безъ поправокъ. Лорды всячески старались затормазить билль. Такъ какъ вся страна высказалась за законопроектъ, и можно было ожидать сильнаго броженія, если бы онъ былъ отвергнутъ, то лорды не посмѣли сдѣлать это. За то они внесли рядъ поправокъ, искалѣчившихъ совершенно билль. Для муниципальныхъ совѣтниковъ установленъ былъ цензъ, оговорены спеціальныя права для «фримэновъ», т. е. для наиболѣе угодливыхъ лордамъ

людей. Сдѣлана была также попытка организаціи своего рода муниципальныхъ лордовъ, а именно пожизненныхъ совѣтниковъ. Преобразованный такимъ образомъ билль сталъ закономъ и просуществовалъ пятьдесятъ лѣтъ, и за это время муниципальная жизнь въ Англіи отличалась своими нелѣпостями. Англійскіе города, а въ особенности Лондонъ, несмотря на поразительное богатство, поражали отсутствіемъ благоустройства. Наконецъ, великая реформа земскаго и муниципальнаго самоуправленія смела все. Англія превратилась въ союзъ независимыхъ графскихъ, городскихъ и сельскихъ совѣтовъ. Въ отношеніи мѣстнаго самоуправленія нѣтъ теперь страны, болѣе демократичной, чѣмъ Англія. Земская единица здѣсь болѣе самостоятельна, чѣмъ въ Австраліи или въ Новой Зеландіи.

Лорды еще сильнѣе защищали неприкосновенность муниципальныхъ корпорацій въ Ирландіи. Такъ какъ католики были вытѣснены изъ муниципалитетовъ, то послѣдніе представляли собою рядъ протестантскихъ олигархій. Законопроектъ о муниципальной реформѣ въ Ирландіи принятъ нижней палатой еще въ 1835 г.; но тогда же отвергнутъ лордами. Только черезъ 62 года послѣ этого прошелъ замѣчательный законъ, установившій въ Ирландіи такое же радикальное и демократическое мѣстное самоуправленіе, какъ и въ Англіи. Лорды всегда рѣшительно высказывались противъ защиты законодательнымъ путемъ интересовъ рабочихъ. Въ 1842 г., напримѣръ, палата общинъ назначила коммиссію для изслѣдованія положенія малолѣтнихъ рабочихъ въ шахтахъ. Тогда тамъ работали дѣти отъ шести лѣтъ (они держали фонари). Коммиссія нашла, что страданія дѣтей въ шахтахъ «совершенно невѣроятны», что работа подъ землей «абсолютно не пригодна для женщинъ» и что рабочій день взрослыхъ долженъ быть «точно опредѣленъ закономъ, такъ какъ теперь зависитъ всецѣло отъ произвола». Коммонеры на основаніи доклада коммиссіи приняли очень скромный билль, который пошелъ въ верхнюю палату, гдѣ былъ изуродованъ наслѣдственными законодателями въ интересахъ владѣльцевъ шахтъ. И только черезъ тридцать лѣтъ, въ 1872 г., лорды приняли законопроектъ, обязывавшій предпринимателей позаботиться о жизни и безопасности работниковъ въ шахтахъ. Лорды не скрывали своего враждебнаго отношенія къ биллю, за который коммонеры высказались почти единогласно и вынуждены были принять его только вслѣдствіе броженія въ странѣ. Рѣшительно то же самое повторилось въ 1906 г. при обсужденіи билля объ узаконеніи «сниманія» (picketting) во время стачекъ.

Но особенную непримиримость проявляли постоянно лорды въ отношеніи къ Ирландіи. «Наслѣдственные законодатели постоянно показывали, что они совершенно не считаются съ мнѣніемъ коммонеровъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся Ирландіи, — говоритъ сэръ Робертъ Эджкембъ. Каждый разъ, когда либеральное прави-

тельство, ставшее у власти, пыталось законодательнымъ путемъ исправить нѣкоторыя историческія ошибки и залѣчить раны Ирландіи,—усилія его встрѣчали помѣху въ лицѣ наслѣдственныхъ законодателей. Можно подумать, что верхняя палата поставила себѣ цѣлью растравлять постоянно раны Ирландіи и раздражать ее. Лорды семнадцать лѣтъ подрядъ возставали противъ эмансипаціи католиковъ, хотя король торжественно обѣщалъ во время упраздненія ирландскаго парламента, что оба народа будутъ пользоваться совершенно одинаковыми правами. Къ великому несчастью, чѣмъ торжественнѣе обѣщаніе короны хранить «незыблемо основные законы», тѣмъ скорѣе народъ можетъ ожидать, что они будутъ нарушены при первой возможности. Мы видѣли, какъ лорды отстаивали право государственной церкви получать доходы съ инославнаго населенія Ирландіи, какъ возставали противъ муниципальнаго самоуправленія. Еще упорнѣе лорды отстаивали интересы крупныхъ помѣщиковъ. Лэндлордизмъ въ Ирландіи является результатомъ неслыханныхъ преступленій и наглаго грабежа общественныхъ земель. Между тѣмъ, лорды, отстаивая интересы помѣщиковъ, ссылались на священное право собственности. Въ 1843 году положеніе фермеровъ въ Ирландіи было отчаянное. Странѣ грозилъ невѣроятный голодъ. И вотъ парламентъ назначилъ коммиссію для изслѣдованія положенія земледѣлія въ Ирландіи. Черезъ два года коммиссія представила отчетъ, въ которомъ приходитъ къ заключенію, что фермерамъ необходимо обезпечить вознагражденіе за всѣ сдѣланныя ими улучшенія (Tenant Rights). До тѣхъ поръ было такъ. Фермеръ снимаетъ участокъ земли. Очень часто эту землю арендовали еще его дѣдъ и отецъ. За 70—80 лѣтъ фермеры осушили болота, удобрили землю, выстроили службы, развели садики. Но вотъ случился голодъ; фермеръ не внесъ въ срокъ арендной платы, и помѣщикъ прогоняетъ крестьянина, не заплативъ ему ничего за всѣ улучшенія. Коммиссія 1845 г. въ своемъ отчетѣ писала, что соотвѣтственная реформа, т. е. право фермеровъ на вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія «значительно улучшитъ положеніе крестьянъ и укрѣпитъ пошатнувшееся земледѣліе». Лорды, какъ помѣщики у насъ, признавали только одно средство для борьбы съ крестьянской нуждой — переселеніе. И когда палата общинъ послала лордамъ принятый ею билль, составленный на основаніи заключенія коммиссіи 1845 г.,—верхняя палата отвергла законопроектъ въ первомъ же чтеніи. «Если ирландцамъ скверно, то что имъ мѣшаетъ переселиться въ Соединенные Штаты, гдѣ свободной земли много»?—сказалъ одинъ изъ лордовъ *). Аналогичный же законопроектъ прошелъ въ нижней палатѣ въ 1853 г.; но лорды опять отвергли его. Вмѣсто

---

*) *Barry O'Brien*, „Parliamentary History of the Irish Land Question", p. 73.

земельной реформы, лорды, какъ у насъ помѣщики, рекомендовали законы объ усиленной охранѣ, неизмѣнно вызывавшіе аграрныя движенія, отъ которыхъ конвульсивно содрогалась вся страна. Землевладѣльцы, принимая кажущееся и временное затишіе, наступавшее вслѣдствіе запрещенія митинговъ и преслѣдованія газетъ въ Ирландіи, за замиреніе, спѣшили брать обратно всѣ уступки, сдѣланныя крестьянамъ, и начинали усиленно отнимать землю у фермеровъ, замѣченныхъ въ движеніи. Возьмемъ, напримѣръ, аграрное движеніе 1880—1881 гг. Въ мартѣ 1880 г. прогнаны въ Ирландіи 2,748 фермеровъ, въ іюлѣ—3,508, въ октябрѣ—3,447. Но вотъ нарождается земельная лига, которая становится между помѣщикомъ и фермеромъ. Лэндлордъ трусливо отступаетъ. Въ декабрѣ 1880 г. изгнаній было лишь 954. Но помѣщики начинаютъ надѣяться на то, что правительство введетъ законы объ усиленной охранѣ (Coercion Act). И немедленно они смѣлѣютъ: въ мартѣ 1881 г. число изгнаній уже 1,732. Правительство уступило лэндлордамъ. Въ Ирландіи, вмѣсто реформъ, введена усиленная охрана, и немедленно помѣщики спѣшатъ отомстить фермерамъ: въ іюлѣ 1881 г. число изгнаній достигаетъ 5,562, а въ сентябрѣ—6,496 *).

Только неизбѣжность революціи каждый разъ заставляла лордовъ быть благоразумнѣе и соглашаться на земельныя реформы въ Ирландіи. Въ 1893 г. лорды отвергли принятый нижней палатой билль объ областномъ самоуправленіи Ирландіи.

V.

Лорды—культурные люди, поэтому въ обнаженномъ видѣ, какъ «зубры» земскаго съѣзда, не появляются. Между наслѣдственными законодателями уже въ началѣ XVIII вѣка были люди, умѣвшіе цѣнить и пользоваться свободнымъ словомъ (напр., лордъ Болингброкъ, которому такъ много обязанъ Вольтеръ). Лордъ Болингброкъ краснорѣчиво выяснялъ обязанность «короля-патріота» охранять конституцію. «Послѣдняя и настоящая цѣль всякаго правительства,—говоритъ Болингброкъ,—благо народа. Слѣдовательно, правители поставляются для этой цѣли. Но величайшее благо народа есть его свобода; свобода для народа составляетъ то же самое, что здоровье для отдѣльнаго человѣка. Поэтому народная свобода, т. е. сохраненіе и защита государственной конституціи, есть самая священная и необходимая обязанность для короля-патріота. Онъ смотритъ на конституцію, какъ на законъ, состоящій изъ двухъ таблицъ, изъ коихъ одна заключаетъ въ себѣ руководящую нить для его управленія, а другая—мѣру для повиновенія его подданныхъ; или какъ на систему, составленную изъ разныхъ частей, которыя

*) См. *T. P. O'Connor*, „The Parnell Movement", p. p. 231—244. (Изданіе 1887 г.).

всѣ имѣютъ правильное соотношеніе и собираются въ одно цѣлое. Онъ будетъ дѣлать одно, и только одно различіе между своими правами и правами своего народа; на свои права онъ будетъ смотрѣть, какъ на ссуду, а на права народа, — какъ на народную собственность. Онъ будетъ признавать, что собственно у него нѣтъ никакого права, кромѣ того, что довѣрено ему конституціей; словомъ, онъ будетъ уважать конституцію, какъ божественный законъ, сила котораго не меньше обязательна для короля-патріота, какъ для малѣйшаго изъ его подданныхъ» *).

Такіе лорды, какъ Болингброкъ, умѣли цѣнить политическую свободу и независимость изслѣдованія (доказательствомъ является его анализъ библіи), но только подъ условіемъ, если «чернь» будетъ въ сторонѣ. Съ этой цѣлью лорды и помѣщики XVIII и первой половины XIX вѣковъ приняли всѣ мѣры, чтобы болѣе свободныя, въ сравненіи съ континентальными, газеты не проникли къ массамъ. Съ этой цѣлью одно время каждый газетный номеръ былъ обложенъ шиллинговымъ штемпельнымъ налогомъ. Газеты могли существовать тогда только подпиской или розничной продажей, такъ какъ каждое объявленіе было обложено налогомъ въ $1^1/_2$ шилл. Потомъ штемпельный налогъ уменьшился, но явился налогъ на бумагу. И въ результатѣ то, что въ двадцатыхъ годахъ номеръ англійской газеты стоилъ шесть пенсовъ (четвертакъ). Въ то время газета выписывалась небогатыми людьми въ складчину, кружками человѣкъ въ 25 въ каждомъ. Газетный листъ распадался, когда достигалъ послѣдняго по очереди читателя. Англійская демократія упорно боролась за дешевую печать. Несмотря на преслѣдованія и суровые штрафы, возникали газеты, выходившія безъ уплаты штемпельнаго налога. Наряду съ маленькими листками возникли дешевыя большія газеты «Morning Post» и «Daily Telegraph»; но имъ трудно было держаться вслѣдствіе налога на бумагу. Наконецъ, въ 1860 г. Гладстонъ внесъ билль объ отмѣнѣ «налога на просвѣщеніе», какъ называли налогъ на бумагу. Коммонеры приняли законопроектъ, но въ верхней палатѣ противъ него выступилъ девяностолѣтній лордъ Линдхерстъ. Онъ убѣждалъ лордовъ отвергнуть билль. Правда, законопроектъ составлялъ часть бюджета, и это смущало лордовъ; но Линдхерстъ доказывалъ перамъ, что они не могутъ только налагать новые налоги, но отказъ въ отмѣнѣ существующаго налога не будетъ нарушеніемъ конституціи. Лорды отвергли билль и разошлись, по живописному выраженію Дизраэли, довольные, какъ курица, только что снесшая яйцо. Поступокъ лордовъ вызвалъ такое негодованіе, что въ слѣдующемъ году они не рѣшились повторить его, когда законопроектъ опять былъ внесенъ въ парламентъ.

Издавна въ англійской арміи существовалъ обычай, что офи-

*) „The Idea of patriot King“.

церскіе патенты продавались. Офицеръ, выходившій въ отставку, продавалъ свое мѣсто другому. Поручикъ, котораго производили въ капитаны, долженъ былъ еще послѣ этого купить мѣсто у какого-нибудь капитана, выходившаго въ отставку или повышеннаго въ чинѣ. Въ силу этого армія всецѣло находилась въ рукахъ лордовъ, младшіе сыновья и братья которыхъ шли въ офицеры. Франко-прусская война показала всю опасность замкнутой касты. И вотъ, въ 1871 г. Гладстонъ внесъ билль объ отмѣнѣ покупки офицерскихъ патентовъ. Коммонеры приняли законопроектъ; но лорды попытались затормазить дѣло до безконечности. Тогда Гладстонъ прибѣгъ къ стратегическому пріему и провелъ билль помимо согласія лордовъ. Самое серьезное столкновеніе между обѣими палатами произошло въ 1893 г., когда лорды послѣ четырехдневныхъ дебатовъ отвергли во второмъ чтеніи законопроектъ гомруля, принятый коммонерами, послѣ дебатовъ, продолжавшихся восемьдесятъ два дня. Противъ гомруля были 419 пэровъ и только 40 лордовъ высказались за законопроектъ. Черезъ годъ радикальное министерство внесло въ парламентъ едва ли не самый важный законопроектъ послѣ великаго билля о реформахъ 1837 г.: проектъ о мелкой земской единицѣ (Parish Councils Bill). Необходимость его такъ сознавалась всѣми, что въ нижней палатѣ билль прошелъ почти единогласно, но лорды прибавили поправки, измѣнившія совершенно законопроектъ, который былъ отосланъ коммонерамъ. Начался торгъ между палатами. Либеральное министерство было слабо, дискредитировано и доживало послѣдніе мѣсяцы. Оно не могло оказать сильнаго сопротивленія, но кое-какія поправки лорды взяли обратно.

Лорды возстаютъ противъ законодательства нижней палаты только тогда, когда у власти стоятъ либералы. Когда правительство консервативно, лорды засыпаютъ. Такимъ образомъ, по выраженію одного автора, палата лордовъ является «комитетомъ консервативнаго Карлтонскаго клуба». «Ядромъ торійской партіи является палата лордовъ, представляющая, въ свою очередь, филіальное отдѣленіе Карлтонскаго клуба... Вопросы первой государственной важности рѣшаются въ клубѣ пэрами, никогда не посѣщающими даже засѣданій верхней палаты, но получающими директивы отъ политическихъ вождей» *). Такимъ образомъ, консерваторы, разбитые на выборахъ и оставшіеся въ парламентѣ въ меньшинствѣ, фактически, черезъ посредство палаты лордовъ, имѣютъ контроль надъ законодательной работой нижней палаты. Консерваторы отдаютъ приказъ лордамъ пропускать всѣ тѣ билли, непринятіе которыхъ можетъ сильно скомпрометтировать тори въ глазахъ избирателей. И лорды повинуются распоряженію, хотя иногда со скрежетомъ зубовнымъ. Нагляднымъ примѣромъ является

*) Nineteenth Century, February 1894.

билль 1906 г. объ узаконеніи стачекъ и «снимания». Консерваторы, когда были у власти, начали черезъ посредство судей походъ противъ трэдъ-юніоновъ, что послужило одной изъ причинъ страшнаго пораженія на выборахъ 1906 г. Когда либералы стали у власти, они внесли билль, возвращавшій трэдъ-юніонамъ всѣ прежнія права. Подъ давленіемъ рабочей партіи и радикаловъ, законопроектъ принялъ гораздо болѣе рѣшительный характеръ, чѣмъ имѣлъ сперва. Вождь консервативной партіи сперва возсталъ противъ билля; но, получивъ извѣстіе, что это произвело крайне невыгодное впечатлѣніе на избирателей, сразу измѣнилъ фронтъ. Законопроектъ принятъ былъ единогласно въ третьемъ чтеніи. Лорды получили отъ вождя консервативной партіи директиву не отвергать билля. И, послушные приказу, пэры исполнили это, хотя вожди консерваторовъ въ верхней палатѣ, лорды Лэнсдаунъ и Халсбери, аттестовали законопроектъ «гибельнымъ», «злосчастнымъ», «пагубнымъ», «несправедливымъ» и «тираническимъ». Даже консервативный журналъ «Spectator» указалъ, что «послѣ того, какъ лорды, повинуясь приказу Бальфура, приняли «революціонный» рабочій билль и отвергли сравнительно невинный школьный законопроектъ,—трудно будетъ доказать, что верхняя палата представляетъ собою самостоятельное, безпристрастное учрежденіе, а не послушное орудіе въ рукахъ вождя консервативной партіи». «Veto верхней палаты—есть veto благороднаго маркиза (Солсбри), сидящаго въ оппозиціи»,—сказалъ Розбери въ 1888 г.—И такимъ же образомъ дѣло обстояло въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Палата лордовъ, приходящая въ неистовство отъ слабой реформы, предложенной либералами, готова принять что угодно по приказу консерваторовъ. Такимъ образомъ, верхняя палата это, своего рода, бакъ съ солянымъ растворомъ, въ которомъ консервативная партія вымачиваетъ всегда розгу для либеральной партіи, когда она у власти. До тѣхъ поръ, покуда у власти стоятъ консерваторы, «розга лежитъ въ бездѣйствіи» *). О безпристрастности лордовъ даетъ представленіе слѣдующая таблица, составленная Гарольдомъ Спендеромъ **).

Либеральныя министерства.	Консервативныя.
1869—1874 Билль о допущеніи на каѳедры въ университетахъ лицъ, не принадлежащихъ къ англиканской церкви. *Дважды отвергнутъ лордами.* Билль о пожизненныхъ пэрахъ. *Отвергнутъ.* Билль о реформѣ избирательныхъ за-	Отъ 1874—1905 гг. консерваторы были у власти пять разъ. За все это время измѣненъ въ интересахъ церкви только одинъ билль, школьный законопроектъ 1903 г., и отвергнутъ одинъ законопроектъ о разрѣшеніи вдовѣ выходить замужъ за своего деверя.

*) Слова приведены въ статьѣ лорда Ньютона въ «National Review», за декабрь 1906 г.

**) *Harold Spender*, the House of Lords: Who they are, and what they have done. London, 1907, p. 45.

коновъ. *Отвергнутъ, а потомъ искалѣченъ.*
Билль объ отмѣнѣ покупки патентовъ. *Отвергнутъ.*

1880—1885 гг.

Ирландскій билль. *Отвергнутъ.*
Земельный ирландскій билль. *Изуродованъ.*
Ирландскій билль объ облегченіи участи фермеровъ. *Изуродованъ.*
Билль о мелкихъ надѣлахъ. *Изуродованъ.*
Демократизація выборной системы. *Отвергнутъ.*

1892—1895 гг.

Гомруль. *Отвергнутъ.*
Билль объ отвѣтственности предпринимателей. *Отвергнутъ.*
Билль о мелкой земской единицѣ. *Изуродованъ.*
Билль о муниципальной реформѣ въ Лондонѣ. *Изуродованъ.*
Билль объ уничтоженіи права первородства въ наслѣдованіи земель. *Отвергнутъ.*
Билль о нормировкѣ рабочихъ часовъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. *Изуродованъ.*
Билль объ изгнанныхъ фермерахъ въ Ирландіи. *Отвергнутъ.*
Билль о мѣстномъ самоуправленіи для Шотландіи. *Изуродованъ.*

1906 годъ.

Школьный билль. *Изуродованъ и оставленъ поэтому министерствомъ.*
Билль о предоставленіи каждому избирателю только одного голоса. *Отвергнутъ.*
Билль о безплатныхъ завтракахъ въ школахъ. *Изуродованъ.*
Реформа арендныхъ отношеній въ городахъ. *Изуродованъ.*
Реформа арендныхъ отношеній въ ирландскихъ городахъ. *Изуродованъ.*

VI.

Едва ли не болѣе враждебно, чѣмъ свѣтскіе лорды, относятся къ народнымъ представителямъ лорды духовные, т. е. архіепископы и епископы. Англійскій народъ никогда не питалъ особенныхъ симпатій къ нимъ. Хотя анонимные авторы старинныхъ балладъ, ставшихъ народными, не формулируютъ съ такою точностью, какъ Вольтеръ, своихъ обвиненій противъ епископовъ *),—но все же имѣютъ въ запасѣ много «теплыхъ» словъ для вождей церкви. Любимый герой старинныхъ балладъ, удалой изгнанникъ Робинъ

*) «Depuis Calchas, qui assassina la fille d'Agamemnon, jusqu'à Gregoire XII et Sixte V,—la puissance sacerdotale a été fatale au monde».
(Dictionnaire Philosophique).

Гудъ, равно какъ и вѣрные спутники его—веселый монахъ, такъ и долговязый Литлъ-Джонъ, одинаково ненавидятъ шерифовъ и епископовъ. И тѣ, и другіе выставляются въ одинаковой мѣрѣ угнетателями народа. Когда крестьяне еще существовали въ Англіи, они каждый годъ торжественно праздновали «Robyn Hoodes Daye», т. е. день Робина Гуда. И этотъ праздникъ чтили больше всѣхъ церковныхъ праздниковъ. Въ своихъ запискахъ епископъ XVI в. разсказываетъ, что, объѣзжая паству, онъ наканунѣ большого праздника пріѣхалъ въ одну деревню. На другой день онъ отправился въ церковь, но къ великому удивленію нашелъ ее запертой. Епископъ прождалъ больше часа, покуда, наконецъ, принесли ключъ. Вся деревня какъ будто бы вымерла. Наконецъ, епископъ увидалъ стараго крестьянина и спросилъ у него, куда дѣвалось населеніе и почему оно не идетъ въ церковь?

— Сэръ,—отвѣтилъ старикъ,—сегодня мы очень заняты и не можемъ слушать васъ: it is Robyn Hoodes Daye (сегодня Гудовъ день). Всѣ пошли въ лѣсъ справлять праздникъ.

Епископъ долженъ былъ разоблачиться и отправиться дальше. Выѣзжая изъ деревни, онъ увидалъ на лужайкѣ молодежь, выряженную лучниками Робина Гуда и плясавшую вокругъ майскаго шеста.

У англійскаго народа, кажется, нѣтъ такихъ сказокъ про безстыдныхъ и жадныхъ священниковъ, готовыхъ за деньги даже на кощунство, какъ, напр., украинская сказка «про попа, що собаку на цвинтарі поховавъ». Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что англійское духовенство не интересовалась совершенно массами, покуда у послѣднихъ не было никакихъ политическихъ правъ. На континентѣ средніе классы индифферентны къ обрядовой религіи. Въ церковь ходятъ, по преимуществу, массы. Въ Англіи, наоборотъ: массы въ городахъ совершенно равнодушны къ церкви, куда ходятъ только средніе классы. Духовенство въ Англіи зависѣло всегда отъ очень богатыхъ людей, интересы которыхъ постоянно отстаиваетъ. «Епископы, голосуя въ верхней палатѣ, имѣли постоянно въ виду не народное право, не интересы большинства населенія, не абсолютную справедливость, а только огражденіе правъ или, точнѣе, привилегій собственной церкви,—говоритъ авторъ памфлета «Peers or People», изданнаго національнымъ союзомъ реформаторовъ.—Крайне характерно то, что скамьи духовныхъ лордовъ въ верхней палатѣ пусты каждый разъ, когда обсуждаются самые серьезные государственные вопросы. Но какъ только дѣло касается государственной церкви, всѣ епископы являются и упорно отстаиваютъ свои привилегіи» **).

Прежде всего, епископы проявляютъ крайнюю нетерпимость въ

*) См. *H. Taine*, Histoire de la littérature anglaise, L. I, C. II.

**) «Peers or People», p. 33.

вопросахъ религіозныхъ. Въ этомъ отношеніи счетъ духовныхъ лордовъ не малъ. Въ 1681 г. обѣ палаты рѣшили отмѣнить суровый законъ, принятый при Елизаветѣ, приказывавшій пуританамъ подъ угрозой смерти или изгнанія признать господствующую церковь. Епископы потребовали, чтобы законъ остался «на страхъ диссентерамъ». Духовные лорды отстаивали суровую мѣру, какъ помѣщики у насъ—полевые суды.

— Законъ внушаетъ спасительный страхъ диссентерамъ,—говорилъ епископъ Бернетъ.—Если отмѣнить казнь,—дерзость пуританъ не будетъ знать границъ.

Въ XIX вѣкѣ епископы упорно возставали противъ равноправія католиковъ и евреевъ. Въ 1821 г. въ палату лордовъ былъ внесенъ законъ, отмѣнявшій ограниченія католиковъ въ гражданскихъ правахъ. Только два епископа голосовали за равноправіе, а 25—высказались противъ. Въ 1822 г. противъ законопроекта допущенія ирландскихъ пэровъ (католиковъ) въ парламетъ высказались 23 епископа, а за допущеніе—только одинъ духовный лордъ. Въ 1829 г. безправное положеніе католиковъ грозило создать революцію. Понимая это, правительство еще разъ внесло билль объ эмансипаціи католиковъ. Несмотря на вѣроятность гражданской войны, 19 епископовъ высказались противъ эмансипаціи и только 12—за. Епископы готовы были скорѣе залить страну кровью, чѣмъ поступиться своими прерогативами. Черезъ два года духовные лорды придумали поправку къ законопроекту, которая, если бы она прошла, отдала бы диссентеровъ подъ ихъ контроль. Однако, несмотря на то, что при формулировкѣ поправки лорды проявили необыкновенннную изобрѣтательность и ловкость, хитрость была раскрыта во время.

Противъ равноправія евреевъ въ 1833 г. высказались 20 епископовъ, а за—три. Архіепископъ кентерберійскій проявилъ особую нетерпимость. Онъ доказывалъ, что Англія будетъ крѣпка только до тѣхъ поръ, покуда она останется вѣрна историческимъ истинно-протестантскимъ традиціямъ. Достаточно уже того, что Англія отступила отъ нихъ въ 1829 г., въ пользу католиковъ. По мнѣнію архіепископа, Англія несомнѣнно погибнетъ въ десять лѣтъ, если парламентъ приметъ билль о равноправіи евреевъ. Законопроектъ тогда, какъ сказано уже, былъ отвергнутъ и сталъ закономъ только въ 1859 г. Съ тѣхъ поръ прошло уже почти пятьдесятъ лѣтъ. Предположеніе архіепископа не оправдалось; напротивъ, Британская имперія теперь самая большая на земномъ шарѣ, самая богатая и наиболѣе спокойная.

Въ 1834 г. двадцать два епископа голосовали противъ допущенія диссентеровъ въ университеты. Уже въ 1867 г., когда нравы значительно измѣнились, епископы высказались противъ допущенія диссентеровъ на университетскія каѳедры. До 1866 г. въ силѣ былъ старинный законъ, фактически устранявшій отъ общественной

службы всѣхъ не принадлежащихъ къ господствующей церкви. Съ 1860—1865 г. нижняя палата пять разъ принимала билль объ отмѣнѣ закона; но каждый разъ законопроектъ терпѣлъ пораженіе въ верхней палатѣ. Отношеніе епископовъ было таково. Высказались за билль:

Въ 1860 г.		никто
„ 1861 „		„
„ 1862 „		1
„ 1863 „		никто
„ 1864 „		1

Нетерпимость епископовъ проявилась даже въ отношеніи къ похоронамъ. До 1887 г. они упорно возставали противъ, такъ называемыхъ, гражданскихъ похоронъ. Но епископы проявляли такое упорство не только въ вопросахъ религіозныхъ. Въ началѣ прошлаго вѣка уголовные законы въ Англіи были безпощадны. Смертная казнь полагалась за десятки преступленій, караемыхъ только непродолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Какъ извѣстно, суровость наказанія не останавливала преступниковъ, и, хотя кража каралась висѣлицей, Англія была тогда классической страной воровъ. Наконецъ, жестокость и безсмысленность наказаній стала очевидна даже для помѣщиковъ, наполнявшихъ въ то время нижнюю палату, и вотъ, въ 1810 г. коммонеры приняли билль, отмѣнявшій смертную казнь за кражу изъ лавокъ на сумму въ 5 шил. Но въ палатѣ лордовъ противъ смягченія наказаній и за смертную казнь выступили епископы, убѣждавшіе пэровъ отвергнуть билль. Архіепископъ кентерберійскій и епископы лондонскій и солсберійскій доказывали, что каторга и пожизненная ссылка въ Австралію—не достаточное наказаніе за кражу со взломомъ на сумму въ пять шиллинговъ. «Только своею кровью можетъ искупить преступникъ свое злое дѣло»,— такъ формулировалъ въ своемъ дневникѣ рѣчи епископовъ сэръ Сэмюэль Ромли, присутствовавшій на засѣданіи, какъ зритель.

Двадцать два епископа голосовали противъ билля о реформахъ. По увѣренію духовныхъ лордовъ, демократическій билль грозилъ Англіи гибелью. Архіепископъ кентерберійскій заявилъ, что «билль подрываетъ самыя основы англійской конституціи». Ничего болѣе злонамѣреннаго примасъ церкви, по его словамъ, не могъ себѣ даже представить. «Продолжительные апплодисменты на скамьяхъ духовныхъ лордовъ показывали, что первосвятитель выражаетъ мнѣніе всѣхъ епископовъ»,—говоритъ историкъ. Броженія въ странѣ убѣдили даже лордовъ, что отвергнуть билль о реформахъ страшно опасно. Король Вильямъ IV былъ тоже всѣмъ сердцемъ противъ реформъ; но ему указали, что Англія наканунѣ революціи. Только епископы остались непреклонны, и въ третьемъ чтеніи большинство ихъ голосовало противъ законопроекта.

Духовные лорды всегда являлись защитниками невольничества и доказывали на основаніи библіи справедливость его, какъ дѣлали

это у насъ епископы по отношенію къ крѣпостному праву. Духовные лорды поддерживали рабовладѣльцевъ, когда Вильберфорсъ началъ свою агитацію противъ невольничества. Пять лѣтъ тому назадъ вся Англія взволновалась, когда стало извѣстно, что въ Трансвааль будутъ ввозить китайцевъ-кули, которыхъ будутъ держать, какъ крѣпостныхъ. Въ защиту временнаго крѣпостнаго права не постыдился выступить епископъ. Онъ нарисовалъ идиллическую картину, изображающую трудолюбиваго китайца, наживающагося на пріискахъ и возвращающагося съ цѣлымъ кошелемъ денегъ домой, гдѣ его ждутъ нѣжная супруга и дѣти. «Сконцентрированіе многихъ язычниковъ въ одномъ мѣстѣ,—писалъ епископъ,—кажется мнѣ также заманчивымъ для каждаго ревностнаго миссіонера. Въ «compounds» (въ баракахъ для китайцевъ) онъ найдетъ нетронутое поле для проповѣди христіанства». Крѣпостное право въ Южн. Африкѣ просуществовало пять лѣтъ. За это время мы что то не слышали о работѣ миссіонеровъ, за то много писалось о тѣлесныхъ наказаніяхъ, налагаемыхъ на кули, о несказуемыхъ порокахъ въ «compounds», о бѣглыхъ китайцахъ и пр. Теперь всѣхъ китайцевъ-кули возвратили на родину.

Епископы защищали не только невольничество, но и тѣлесныя наказанія для нихъ. Кстати. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщена была недавно статья «Правежъ и вира». Для усмиренія Россіи газета можетъ рекомендовать только казни, конфискацію (виру) и нещадное дранье (правежъ). Все это должны налагать военно-полевые суды. Мнѣ припомнился одинъ эпизодъ, который я вычиталъ у Дельмонте и Теходо (Delmonte y Tejodo) въ его «Historia de Santo Domingo». Плантаторы тамъ особенно усердно прибѣгали къ плети. Мужчинъ и женщинъ держали въ повиновеніи при помощи кнута. На плантаціяхъ сѣкли каждый день. И вотъ въ 1791 г. произошло на островѣ страшное возстаніе негровъ и мулатовъ. И чѣмъ стали вымещать, прежде всего, невольники? Всюду они подвергали своихъ повелителей и повелительницъ безпощадному тѣлесному наказанію. Повстанцы желали наглядно показать своимъ господамъ, какія жестокія муки терпитъ негръ или негритянка, привязанные къ столбу. Рекомендація «правежа» можетъ повести къ ужаснымъ послѣдствіямъ не только на о. Санъ-Доминго!

VII.

Отношеніе палаты лордовъ къ коммонерамъ въ послѣднее время, а также опасеніе за аграрный законопроектъ, разбираемый теперь, снова подняли вопросъ о наслѣдственныхъ законодателяхъ. Въ отношеніи къ нимъ взгляды представителей населенія расходятся, какъ показали, между прочимъ, недавніе парламентскіе дебаты. Мы имѣемъ, прежде всего, защитниковъ наслѣдственной верхней

палаты, т. е. консерваторовъ. Они говорятъ: британская конституція представляетъ организмъ, создававшійся вѣками. Верхняя палата составляетъ нераздѣльную часть его, выкроить которую невозможно, не нарушивъ всей системы. Палата лордовъ контролируетъ слишкомъ поспѣшное законодательство. Она никогда теперь упорно не возстаетъ противъ законопроектовъ, за которые настойчиво высказалась вся страна. Если радикальное правительство, законопроекты котораго лорды отвергли, думаетъ, что оно въ данномъ вопросѣ представляетъ истинные интересы большинства страны, то ему остается только выйти въ отставку и назначить новые выборы. И если избиратели подадутъ голосъ за законопроектъ, тогда лорды всегда подчинятся. Жалобы на тиранію лордовъ не основательны, потому что весь контроль надъ администраціей страны находится въ рукахъ нижней палаты, а не верхней. Формированіе министерства, бюджетъ, назначеніе губернаторовъ въ колоніи, армія и флотъ — все это подъ контролемъ палаты общинъ, а не лордовъ. Вторая палата необходима, чтобы гарантировать страну отъ слишкомъ поспѣшнаго законодательства. И если это такъ, то лучше пусть эта палата будетъ наслѣдственная, а не выборная. При выборной верхней палатѣ постоянно происходили бы столкновенія съ коммонерами. Наслѣдственные же лорды уступаютъ, если видятъ, что коммонеры дѣйствительно выражаютъ желаніе большинства страны.

Таковы аргументы, выставленные консерваторами. Діаметральной противоположностью являются аргументы рабочей партіи. Представители ея въ парламентѣ рѣшительно высказались за упраздненіе палаты лордовъ и за однопалатную систему. Наслѣдственные законодатели,—сказалъ выразитель мнѣнія рабочихъ,—представляютъ только свой собственный классъ; они не отвѣтственны передъ населеніемъ, а потому совершенно неумѣстны въ демократическомъ обществѣ. Воля народа, выраженная черезъ посредство законныхъ представителей своихъ, — коммонеровъ, — должна быть верховна. Никто не имѣетъ права измѣнять законопроекты, выработанные народными представителями. Что же касается рабочихъ классовъ, то лорды особенно безпощадны по отношенію къ нимъ. «Наслѣдственные законодатели охарактеризованы Чэмберленомъ въ то время, когда онъ былъ радикаломъ. Лорды, по его словамъ, всегда являлись готовымъ и послушнымъ оружіемъ въ рукахъ сторонниковъ регресса и предразсудковъ. За послѣднія сто лѣтъ они ни на іоту не содѣйствовали свободѣ; напротивъ, они защищали каждое злоупотребленіе короны и охраняли каждую привелегію. Палата лордовъ не признавала справедливости и откладывала важныя реформы. Она пользовалась широкой властью, но не была самостоятельна; была упряма и въ то же время труслива, дерзка и невѣжественна».

Приблизительно такимъ же образомъ высказались и ирландцы.

Середину между крайними защитниками и безпощадными отрицателями лордовъ занимаетъ нынѣшнее министерство. Оно признаетъ, что лорды пробуждаются, когда у власти либералы. Воля коммонеровъ, какъ единственныхъ законныхъ представителей народа, должна быть верховна,—заявилъ премьеръ. Лорды не имѣютъ права требовать, чтобы парламентъ былъ распущенъ и чтобы правительство обратилось къ избирателямъ за новыми полномочіями на проведеніе отвергнутаго законопроекта. Такъ какъ лорды—послушное орудіе въ рукахъ консерваторовъ, то признаніе законности требованія верхней палаты было бы равносильно признанію за партіей, потерпѣвшей пораженіе на выборахъ, право распускать парламентъ, когда ей вздумается. Но въ то же время либеральное правительство вообще признаетъ вторую наслѣдственную палату и желаетъ только, чтобы въ теченіе одного парламента воля народа восторжествовала. Съ этой цѣлью премьеръ предложилъ такого рода проектъ. Если верхняя палата отвергнетъ билль, принятый коммонерами, то обѣ палаты назначаютъ небольшую коммиссію, состоящую изъ равнаго числа лордовъ и коммонеровъ, которая пытается уладить недоразумѣнія и выработать соглашеніе. Если это не удается, то minimum черезъ шесть мѣсяцевъ спорный билль снова вносится въ нижнюю палату. Обсуждаются только добавленія, если они есть. Въ противномъ случаѣ, разсмотрѣнный уже разъ билль голосуется en bloc и снова отсылается къ лордамъ. Если и теперь верхняя палата отвергнетъ законопроектъ, то снова назначается коммиссія, какъ и въ первый разъ. Если переговоры между представителями лордовъ и коммонеровъ не дадутъ благопріятныхъ результатовъ, то билль вносится въ третій разъ въ нижнюю палату. Онъ опять голосуется en bloc и, если его примутъ, становится закономъ. Таковъ проектъ премьера. Палата общинъ подавляющимъ большинствомъ приняла въ принципѣ этотъ планъ. Законопроектъ, построенный на резолюціи палаты, будетъ внесенъ только въ слѣдующую сессію, если только лорды не закоченѣютъ снова на нѣсколько лѣтъ.

Активная роль титулованнаго англійскаго дворянства кончена. Роль не титулованнаго дворянства сыграна уже давно. Оно совершенно сравнялось съ остальнымъ населеніемъ, и имѣющіе какое-нибудь представленіе объ Англіи знаютъ, что уровень культуры отъ этого не понизился. Защитники привилегій очень не изобрѣтательны на аргументы. Въ 1829 г., когда обсуждался вопросъ о великой реформѣ, англійскіе сквайры предсказывали, что избирательный законъ, который допуститъ къ урнамъ массы, принесетъ съ собою гибель культуры, созданной, будто бы, ими, помѣщиками. Рѣшительно тотъ же аргументъ, даже съ тѣмъ же уподобленіемъ массъ варварамъ—мы слышимъ теперь въ Россіи. Но англійскіе сквайры и наши отечественные зубры не одно и то же. У англійскаго дворянства въ прошломъ былъ 1215 годъ. Тогда оно показало, что

желаетъ привилегій не только для себя. Лорды никогда не умѣли ползать на брюхѣ и имъ никогда не приходилось приказывать, чтобы они не именовали себя рабами. Англійскимъ сквайрамъ не нужно было втолковывать, что они благородны, поэтому ихъ сѣчь нельзя. Англійскіе лорды и сквайры никогда не составляли проектовъ, въ родѣ того, который подаетъ щедриновскій «ветлужскій помѣщикъ Поскудниковъ», а именно: «разстрѣлять нижеслѣдующихъ лицъ: *первое*, всѣхъ несогласно мыслящихъ. *Второе*, всѣхъ, въ поведеніи коихъ замѣчается скрытность и отсутствіе чистосердечія. *Третье*, всѣхъ, кои угрюмымъ очертаніемъ лица огорчаютъ сердца благонамѣренныхъ обывателей. *Четвертое*, зубоскаловъ и газетчиковъ». Лорды все же помнили, что въ Англіи существуютъ не одни только они... У Поскудникова не только заимствовали проектъ. Оправдалось и предчувствіе Щедрина.

«Ужели, однако-жъ, и сего не довольно?— восклицаетъ онъ, приведя «прожекты» Поскудникова, Толстолобова, Хлобыстовскаго и Дракина.—Ужели на смѣну нынѣшней уничтожительно-консервативной партіи грядетъ изъ мрака партія, которую придется уже назвать наиуничтожительнѣйше-консервативнѣйшею? А эта послѣдняя партія, вслѣдствіе окончательной безграмотности и незнакомства съ именемъ господина «Токевиля», даже не дастъ себѣ труда писать проекты объ уничтоженіи, а просто будетъ зря махать руками направо и налѣво» *). Вотъ зачѣмъ только «зубры» о культурѣ говорятъ? Она совсѣмъ не заключается въ умѣніи ѣсть обѣдъ изъ восьми блюдъ вмѣсто пустыхъ щей и въ питіи шампанскаго, вмѣсто «монопольки». Культура измѣряется уваженіемъ къ чужой личности. Чѣмъ же новоявленные защитники культуры проявили свою любовь къ ней?

Діонео.

По Волгѣ.

Путевыя впечатлѣнія.

Я выѣхалъ изъ Петербурга черезъ недѣлю послѣ роспуска второй Думы. Странное, своеобразное впечатлѣніе осталось на душѣ отъ того дня и той недѣли... Я долго ходилъ по улицамъ Петербурга 3-го іюня, когда появился манифестъ о роспускѣ и новый избирательный законъ.

*) Дневникъ провинціала въ Петербургѣ.

Былъ солнечный воскресный день. Какъ всегда звонили конки, сновали финляндскіе пароходы, люди шли и ѣхали, толклись на углахъ улицъ, у дверей запертыхъ магазиновъ,—все тѣ же серьезныя, спокойныя, дѣловыя петербургскія лица, и, можетъ быть, это впечатлѣніе было преувеличено—мнѣ казалось, спокойнѣе обыкновеннаго, обыкновеннѣе было на улицахъ Петербурга. И менѣе людно даже...

Манифестъ былъ довольно густо расклеенъ на стѣнахъ домовъ, и передъ каждымъ стояла кучка въ 7—10 человѣкъ. Я встрѣчалъ довольно много такихъ группъ. Онѣ были разныя, въ зависимости отъ улицъ и кварталовъ,—интеллигентныхъ людей мало было, должно быть уже знали,—встрѣчались бородатые купцы, люди въ косовороткамъ и пиджакахъ типа артельщиковъ, старшихъ дворниковъ, приказчики, мелкій торгующій людъ, неопредѣленной профессіи петербургскіе типы, попадались чиновничьи кокарды,—но вездѣ было одно и то же. Люди читали и молчали. Я видѣлъ, какъ напряженные глаза медлительно двигались по строчкамъ манифеста и снова возвращались, иногда упорно и подолгу останавливались на строчкѣ, на словахъ, и странно шевелились губы,—человѣкъ очевидно читалъ «вслухъ про себя»,—и я видѣлъ, какъ люди уходили и вновь приходили и все также напряженно смотрѣли глаза и беззвучно шевелились губы.

Ни разу не слышалъ я восклицанія, слова вслухъ для всѣхъ, вздоха горести или радостнаго облегченія. Прочитаетъ человѣкъ, оглянется на сосѣда справа и слѣва, крѣпче надвинетъ картузъ и молча уходитъ.

И въ сущности вся недѣля потомъ была продолженіемъ такого чтенія манифеста. И люди, и газеты... Они говорили вслухъ тѣ или другія слова, но въ сущности только шевелили губами, а настоящее говорили про себя, и что говорили, сосѣду неизвѣстно было. Я видѣлся съ депутатами изъ разныхъ партій, они разсказывали мнѣ свои планы, куда ѣхать,—мудреные планы, такъ какъ многимъ нельзя было ѣхать въ свое мѣсто,—они дѣлали много разныхъ предположеній, мало говорили о прошломъ, еще меньше о будущемъ; и у всѣхъ,—и у нихъ, депутатовъ, и въ газетныхъ статьяхъ и въ кружкахъ литературныхъ и политическихъ людей,—было въ существѣ дѣла то-же, что въ тѣхъ кучкахъ, читавшихъ манифестъ на стѣнахъ петербургскихъ домовъ: напряженные глаза, шевелящіяся губы, безъ восклицаній, безъ вздоховъ, безъ лозунговъ, все то-же ушедшее внутрь раздумье, вопросъ, чтеніе про себя...

За недѣлю успѣло накопиться достаточно свѣдѣній изъ провинціи о тишинѣ и спокойствіи, съ которыми встрѣченъ былъ роспускъ Думы. Были «инциденты», протесты, но какіе-то скомканные и оборванные. Были сообщенія о вздохахъ облегченія и о чувствахъ радости и благодарности, испытываемыхъ населеніемъ, но

можно было только удивляться, какъ мало и плохо организованы были вздохи облегченія и чувства радости; помимо-же нихъ было вездѣ тихо и молчаливо, все говорило мнѣ оттуда, изъ провинціи о тѣхъ-же напряженныхъ глазахъ, о тѣхъ-же беззвучно шевелящихся губахъ.

И изъ всѣхъ газетныхъ отчетовъ о 3-мъ іюня въ Петербургѣ мое вниманіе остановила только одна короткая замѣтка репортера въ какой-то петербургской газетѣ: «Въ воскресенье (3 го іюня) въ участкахъ помѣщенія для пьяныхъ пустовали»...

Когда я садился въ вагонъ, я думалъ и о ней, этой короткой замѣткѣ, и о томъ, что дастъ мнѣ провинція, что я прочитаю въ глазахъ и услышу въ рѣчахъ тамъ, гдѣ люди простодушнѣе и непосредственнѣе, люди, которыхъ я знаю ближе и роднѣе, чѣмъ петербургскихъ людей.

На Волгѣ было тихо и пустынно. Я знаю ее болѣе 20 лѣтъ — такой я не видалъ ее. Въ это время гомонъ, шумъ стоитъ надъ Волгой. Безконечной лентой тянутся баржи, подчалки и бѣляны, ревутъ тенорами и охрипшими простуженными басами огромные буксиры и пассажирскіе пароходы, такими-же тенорами и свирѣпыми басами обмѣниваются трехъ-этажными любезностями капитаны буксировъ и «пассажировъ». А на перекатахъ вавилонское столпотвореніе при участіи форменныхъ фуражекъ. Тихо и пусто теперь на Волгѣ. «Бѣгаютъ» пассажиры, но буксировъ почти не видно. Изрѣдка проползетъ длинная, черная, угрюмая баржа, какъ-то угрюмо и глухо взреветъ буксиръ и опять долго ни одного встрѣчнаго, кромѣ легкаго «пассажира». Мнѣ приходилось и раньше, какъ въ этотъ разъ, ѣздить по Волгѣ въ Троицу. Какая-то особая радость, шумъ и веселье стояли въ этотъ день надъ Волгой. Гармоника засмѣется съ проходящей баржи, пѣсня сорвется съ крутого берега, праздничные, веселые люди встрѣчаютъ на пристаняхъ... А на пароходѣ тоже весело. По случаю праздника въ «классахъ» «бѣгущіе люди» угощаются въ особенности празднично, а съ палубы непрерывная пѣсня несется и не умолкаетъ гармоника. Тиха и угрюма была въ этотъ разъ Троица. Такъ же, какъ всегда, были утыканы веселыми березками баржи, пристани и пароходы, но не было ни пѣсенъ, ни гармоники, ни угошеній. Тихо и безмолвно было на баржахъ, пароходахъ и пристаняхъ, и только на одной изъ пристаней верхняго плеса печально звучала гармоника и низкій, странно волнующій голосъ слѣпого пѣлъ балладу объ адмиралѣ Макаровѣ, погибающемъ на броненосцѣ Петропавловскѣ. Баллада была патріотическая и, должно быть, только за эту печаль и грусть слѣпой пѣвецъ былъ высланъ изъ сосѣдней губерніи.

И люди—молчаливые, неразговорчивые и, что больше всего

удивило меня, не разспрашиваютъ про Петербургъ, про Думу. Первое впечатлѣніе было какого-то равнодушія къ Думѣ, къ роспуску, къ тому, что случилось, и къ тому, что должно слѣдовать изъ случившагося. Разговариваютъ о своихъ дѣлахъ, о Волгѣ, о нефти, о видахъ на урожай. Невесело разговариваютъ.

— Словно тучи надвигаются на насъ, все ниже и ниже, скоро совсѣмъ задавятъ,—говоритъ мнѣ представитель одного изъ волжскихъ пароходствъ. И разсказываетъ, какой ужасъ творится въ ихъ мірѣ, на Волгѣ, какая масса буксирныхъ пароходовъ совсѣмъ не выходила изъ затоновъ въ эту навигацію, вслѣдствіе дороговизны нефти и отсутствія грузовъ, и какой крахъ предстоитъ по всей Волгѣ мелкимъ пароходнымъ предпріятіямъ...

— Не туча, а въ родѣ какъ винтъ... — поправляетъ представитель другого пароходства и показываетъ, какъ закручивается винтъ.—Вотъ такъ и жметъ, выдавливаетъ... Третій ужъ годъ!..

— Еще подождите,—продолжаетъ онъ,—не одна мелочь и крупныя фирмы затрещатъ... Да и не одни волжскія дѣла, по всей торговлѣ, по всѣмъ дѣламъ винтъ дѣйствуетъ...

Онъ называетъ мнѣ три огромныя московскія фирмы, готовыя взлетѣть на воздухъ. Онъ опять поворачивается къ Волгѣ и указываетъ на линію пароходовъ, стоящихъ вдали.

— Узнаете? Вотъ девять Курбатовскихъ пароходовъ... кончились.

Я давно ѣздилъ на Курбатовскихъ пароходахъ и давно знаю фирму, одну изъ самыхъ солидныхъ, какъ казалось мнѣ, прочныхъ пароходныхъ фирмъ.

— Если-бы какой-нибудь случай или коммерческій фокусъ, — а то нѣтъ! Честно расплатились. Просто жить стало нельзя, дѣло вести,—и кончились... Теперь вотъ новый избирательный законъ... Винтъ еще крѣпче закрутится.

Застой въ пароходномъ дѣлѣ волнуетъ всю Волгу. И всѣ говорятъ одно и то же. Я пробую возражать, что нынѣшній годъ исключительный,—неурожайный.

— А бакинская исторія съ забастовкой! — говоритъ мнѣ владѣлецъ пароходовъ. — Это что, неурожай? Давно бы кончилось какъ слѣдуетъ, чего они полѣзли съ Таубе? Кто виноватъ? Кому польза? Да нефтеникамъ польза, — на забастовкѣ милліоны нажили. Нефть по 36 копѣекъ продаютъ, а было время по 8 отпускали. Имъ дѣйствительно польза, а намъ гибель. Вотъ у меня поставка. Теперь Думу разогнали, новый избирательный законъ,— тоже неурожай? Вотъ подождите, совсѣмъ нельзя будетъ дѣла вести. Теперь такое пойдетъ по Россіи...

Какъ-то такъ случается, что всякій разговоръ кончается новымъ избирательнымъ закономъ. Разсказываетъ мнѣ о своихъ дѣтяхъ, которыхъ я много разъ лѣчилъ и которые успѣли вырости

и сдѣлаться студентами и курсистками, старый купецъ въ своей лавкѣ и заканчиваетъ:

— Спокою не будетъ... Наше дѣло взять... Какъ его вести, когда не знаешь, что завтра будетъ. Вчерась одно, нынче другое, а что завтра будетъ, никому неизвѣстно. Опять-же народу развязку насчетъ земли нужно сдѣлать. Безъ этого не обойдешься. Теперь вотъ узнаютъ, что новый законъ опять на господскую руку повернулъ,—онъ махнулъ рукой—дѣла будутъ! И то ужъ говорятъ: «не наша Дума»...

Да, они разговариваютъ о своихъ дѣлахъ, но когда выговорятъ ихъ, неизмѣнно переходятъ къ новому избирательному закону. И какъ-то выходитъ, что свои дѣла переплелись узломъ съ общими дѣлами, и винтъ неумолимо жметъ всѣхъ. Первое впечатлѣніе было справедливо въ одномъ отношеніи,—люди не интересуются второй Думой, вѣрнѣе забыли ее. Новый избирательный законъ покрылъ и похоронилъ прошлое. И не только покрылъ, но и освѣтилъ сразу все, и первую, и вторую Думу, и ихъ роспускъ. Эта ясность, это разъясненіе всего прошлаго въ свѣтѣ новаго избирательнаго закона, быть можетъ, самое крупное явленіе настоящаго момента. Не разспрашиваютъ о томъ, что дѣлалось въ Думѣ, потому что всѣ знаютъ, вѣрнѣе всѣ узнали сейчасъ изъ новаго избирательнаго закона. Я ждалъ разговоровъ о неработоспособности Думы, объ с.-д.—ни одного вопроса. Солидные, степенные люди изъ купечества упоминаютъ объ озорствѣ лѣвыхъ, объ обиліи рѣчей, но тотчасъ же обращаются все къ тому, что теперь заполнило поле зрѣнія всѣхъ обывателей.

Дѣло-то на ладонкѣ... Видать.

Поразительно недовѣріе къ правительственнымъ словамъ и сообщеніямъ. Не вѣрятъ въ заговоръ, не вѣрятъ въ эсъ-декскую исторію. Причины роспуска не оставляютъ ни у кого никакого сомнѣнія. Мнѣ самому приходилось наводить разговоръ на обыскъ у Озоля, на требованія Столыпина о выдачѣ с.-д. и на готовившійся отказъ Думы,—люди даже консервативно настроенные нетерпѣливо отмахиваются рукой.

— Знаемъ мы... В. О.!—Злополучное для правительства «В. О.» успѣло облетѣть провинцію. — То же вотъ заговоръ... Не въ это, такъ въ слѣдующее воскресенье разогнали-бы...

Всѣ разговоры сводились къ новому избирательному закону,— къ его дворянскому характеру, и всѣ разговоры одинаково расцѣнивали его. Я девять дней ѣхалъ по Волгѣ, останавливался въ городахъ, перевидалъ массу народу, и крупныхъ людей, дѣлающихъ исторію Волги, и купцовъ и приказчиковъ, и хозяевъ и служащихъ,— впечатлѣнія были удивительно однотонныя..

— Такъ вотъ оно что! Видать... На ладонкѣ... Дѣло ясное...—И глаза у людей сердитые, рѣчи гнѣвныя.

И вотъ какой выводъ получился у меня. Мнѣ кажется, что

если бы новый избирательный законъ былъ составленъ въ интересахъ бюрократіи, въ цѣляхъ усиленія «твердой» власти, въ смыслѣ расширенныхъ и еще болѣе разъясненныхъ сенатскихъ «разъясненій», даже въ смыслѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго... уничтоженія конституціи,—впечатлѣніе было бы сильное, но не такое, какъ бы сказать, ярко-демонстративное, опредѣленное для всѣхъ не дворянъ, не такое ненавистное и... не такое убыточное для правительства.

Разбудили самое ненавистное, самое презрѣнное, самое дурное воспоминаніе русской жизни, разбудили старыя, полузаглохшія, засыпавшія чувства къ «барину» старыхъ крѣпостныхъ временъ. «Баринъ» полуожилъ въ 90-хъ годахъ въ новомъ земствѣ, въ роли земскаго начальника, но та туча прошла надъ городомъ и мимо города, она не задѣла больно купца, мѣщанина, фабриканта, служащаго, приказчика. Вѣдь нужно помнить, что шестидесяти-лѣтній купецъ, заводчикъ, пароходчикъ, вышедшій изъ крестьянъ,—а такихъ много на Волгѣ, — былъ пятнадцати-лѣтнимъ юношей, когда объявляли «волю», что онъ превосходно помнитъ, какъ его отца пороли на барской конюшнѣ и таскали за бороду, какъ его самого, пока онъ не забралъ силу, держалъ по-долгу въ передней и походя награждалъ ласковымъ трехъ-этажнымъ словомъ любой баринъ-дворянинъ.

Теперь интересы его, купца, промышленника, далеко разошлись съ интересами крестьянина и рабочаго, онъ гордится пріятельствомъ съ губернаторомъ, знакомствомъ съ министромъ, къ барину-дворянину онъ давно относится съ презрительнымъ и насмѣшливымъ равнодушіемъ, но старая психологія не умерла, и ненавистныя воспоминанія оживаютъ, когда грубо будятъ ихъ, когда обликъ стараго встаетъ предъ нимъ, давно привыкшимъ жить и чувствовать по новому.

Мнѣ нечего говорить о среднемъ купцѣ, о приказчикѣ, о всѣхъ этихъ служащихъ, капитанахъ пароходовъ, машинистовъ, конторщикахъ, обо всемъ этомъ дѣловомъ людѣ Волги — ихъ связь съ крестьянствомъ свѣжѣе и ближе, у многихъ остались тамъ родные, свои дома, и они демократичнѣе по самому своему соціальному положенію: новый избирательный законъ для нихъ острѣе и больнѣе, и говорятъ они слова грубыя и негодующія; но я имѣлъ случай убѣдиться, что и для тѣхъ крупныхъ хозяевъ, тянувшихъ къ союзу русскаго народа, въ лучшемъ случаѣ къ октябристамъ, новый избирательный законъ явился цѣлымъ откровеніемъ, къ которому они были совершенно не приготовлены. Я не знаю, какъ они будутъ поступать,—быть можетъ, они постараются использовать третью Думу въ своихъ интересахъ,—но я не буду и удивленъ, если во многихъ случаяхъ удивятъ своими избирательными вотумами.

Странные разговоры приходилось мнѣ вести.

— Теперь вотъ вы, да дворяне, если соединитесь, хозяевами будете въ Думѣ, — говорю я одному изъ крупнѣйшихъ людей на Волгѣ, который никогда не страдалъ радикальными взглядами и хотя ни въ какую партію не вступалъ, но вращался въ родственныхъ и трудно раздѣлимыхъ въ провинціи кругахъ октябристовъ и союза русскаго народа. Смѣется.

— Намъ не вмѣстѣ...—говоритъ.—Не рука съ ними.—И въ концѣ разговора, уже не смѣясь, а раздраженно говоритъ:

— Это не пойдетъ... Видать, чего захотѣли! Нѣтъ, намъ не вмѣстѣ...

Другой, тоже большой человѣкъ, изъ того же круга, говоритъ мнѣ:

— Все, бывало, въ газетахъ бюрократія, да бюрократія... Только и мельтишитъ предъ глазами. Теперь понять можно, какая эта бюрократія, кому нужно было Думу разгонять! Теперь всѣмъ видно, всѣмъ чутко...

И съ раздраженіемъ, и съ презрѣніемъ добавляетъ:

— Тоже устроители! Они устроятъ Россію!..

Къ тому старому чувству антипатіи къ дворянству, о которомъ я говорилъ, именно въ дѣловыхъ сферахъ Волги присоединяется глубокая увѣренность въ «недѣльности» дворянства, какъ сословія, которое никогда не умѣло наживать и устраивать, а всегда только проживало и разстраивало, въ неспособности его къ государственной роли именно съ этой точки зрѣнія, присоединяется презрѣніе къ дворянину-помѣщику, какъ дѣльцу,—къ этому мотыгѣ и лѣнтяю, въ глазахъ волгаря, который все канючитъ предъ правительствомъ о субсидіяхъ и воспособленіяхъ, который только умѣетъ сидѣть на чужой шеѣ и не можетъ стоять на своихъ ногахъ.

— Неужели будете голосовать за кадетовъ?—спрашиваю я нѣкоторыхъ изъ весьма правыхъ людей, съ которыми у меня успѣли сохраниться добрыя отношенія. Смѣются.

— Тамъ видно будетъ...

Годъ назадъ мнѣ пришлось присутствовать при очень интересномъ разговорѣ. Дѣло было за нѣсколько дней до открытія первой Государственной Думы,—я былъ въ одномъ изъ волжскихъ городовъ у волгаря-старообрядца, моего стараго и добраго знакомаго, — игравшаго и играющаго крупную роль и въ средѣ дѣловыхъ людей Волги и въ особенности въ старообрядчествѣ. При мнѣ пришли два посѣтителя, и уже съ первыхъ словъ ихъ было видно, что это не просто гости, а такъ сказать делегаты. Высокій старикъ, крупный фабрикантъ подмосковнаго района, началъ съ разсказа, какъ у нихъ, въ ихъ городѣ, послѣ 17-го октября, революціонеры, конечно, подъ предводительствомъ «жидовъ», прострѣлили ликъ Николая Чудотворца и въ образовавшееся отверстіе вставили

закуренную папироску. Я слышалъ раньше тотъ же разсказъ изъ другого города и съ любопытствомъ слѣдилъ за точностью редакціи разсказа. Потомъ старикъ перешелъ къ бюрократіи и сталъ ругать тогдашнее министерство (Витте-Дурново), — помню и фразу его:

— Всѣхъ-бы ихъ связать одной веревкой, да въ Невѣ утопить.

Онъ говорилъ о нестроеніи Россіи, объ опасности для цѣлости Россіи и проч., и проч. Говорилъ, что для настоящаго момента нужны другіе люди, не бюрократы и чиновники, а настоящіе русскіе люди, которые все устроятъ и такіе люди есть: онъ назвалъ кн. Щербатова и Самарина. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что онъ говорилъ уже съ ними, что у нихъ были въ Москвѣ совѣщанія, и что онъ поѣхалъ по Волгѣ присоглашать солидныхъ и благомысленныхъ русскихъ объединяться въ союзъ съ московскими дворянами, въ каковой и звалъ моего знакомаго.

При немъ былъ шустрый человѣкъ не купеческой складки съ литературными оборотами рѣчи. Онъ вставлялъ свои замѣчанія, добавлялъ къ разсказу старика въ смыслѣ сгущенія красокъ и о Николаѣ Чудотворцѣ, и о бюрократіи, и о «жидахъ». Время отъ времени онъ брался за принесенный портфель и порывался открыть его, но хозяинъ дома какимъ-то неуловимымъ движеніемъ останавливалъ его. По тому, какъ мой знакомый слушалъ своихъ гостей и подавалъ свои реплики, я не могъ разобрать, одобряетъ онъ или не одобряетъ мысли старика, и тѣмъ болѣе былъ удивленъ, когда онъ невозмутимо спокойно отвѣтилъ:

— Кровь у нихъ порченая...

Старикъ даже привскочилъ.

— Помилуйте! Я говорю объ извѣстныхъ людяхъ... Кн. Щербатовъ, Самаринъ?—Онъ назвалъ еще двѣ фамиліи.

— Вотъ, вотъ... Кровь, говорю, порченая...—все такъ же спокойно говорилъ хозяинъ дома.—У всѣхъ у нихъ... Негодящіе они люди Россію устраивать. Вы ужъ извините меня, — онъ назвалъ старика по имени и отчеству, — а только мнѣ это не подходящее. Намъ невмѣстно... Какъ-нибудь ужъ безъ нихъ надо устраиваться!..

И старикъ, и «поддужный» его, очевидно, были не приготовлены къ такому пріему и скоро ушли, даже не раскрывши портфеля.

Я не успѣлъ повидать въ этотъ разъ моего знакомаго, но, насколько мнѣ извѣстно, онъ не измѣнилъ своихъ мнѣній о «порченой крови» и своихъ отношеній къ «союзу».

Правѣетъ Россія или лѣвѣетъ? Я хотѣлъ рѣшить этотъ вопросъ безпристрастно и объективно и слѣдилъ за собой, чтобы субъек-

тивная оцѣнка не окрасила факты въ несоотвѣтствующей дѣйствительности цвѣтъ. Мнѣ кажется, отвѣтить общей формулой на этотъ вопросъ нельзя: Россія и правѣетъ, и лѣвѣетъ. Всѣмъ извѣстно,—рѣзко правыми стали земства, правѣютъ городскія думы. Мнѣ указываютъ случаи переходовъ людей изъ радикаловъ въ октябристы, но мнѣ указываютъ и случаи, гдѣ несомнѣнные черносотенцы прозрѣли и отрясли прахъ отъ ногъ, вышли изъ союза русскаго народа, и мои личныя впечатлѣнія говорятъ о выходѣ изъ союза русскаго народа, а не о входѣ въ него. Быть можетъ, можно признать, что собственники и богатые люди въ широкомъ смыслѣ слова, напуганные экспропріаціями и рѣчами агитаторовъ, болѣе точно опредѣлили свою позицію въ смыслѣ отмежеванія отъ лѣвыхъ ученій, болѣе поняли себя; но еще несомнѣннѣе, люди низшихъ соціальныхъ ступеней, не собственники и люди средняго достатка рѣзко полѣвѣли. Я выдѣляю изъ своихъ разсужденій рабочихъ и крестьянство,—и не входили они въ сферу моихъ наблюденій, и, безъ сомнѣнія, они прежде всего рабочіе и крестьяне и потомъ уже умѣренные прогрессисты с.-р., с.-д. и потому такъ легко изъ с.-р. переходятъ въ с.-д. и обратно. Нужно исключить и учащуюся молодежь. Восьмой классъ с.-д., а седьмой классъ с.-р.... И милый юноша объясняетъ мнѣ, что они не теряютъ надежды просвѣтить свѣтомъ истиннаго ученія темныя головы и буржуазныя души семиклассныхъ с.-р. Я говорю о страшно выросшемъ за послѣднее время промежуточномъ слоѣ населенія, помѣщающемся между собственниками и капиталистами и народомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Эти люди, несомнѣнно, полѣвѣли. Я говорю несомнѣнно, такъ какъ очень хорошо знаю этотъ слой капитановъ и машинистовъ, приказчиковъ, всякаго рода торговыхъ и промышленныхъ агентовъ, управляющихъ и конторщиковъ, служащихъ всякаго рода. Я десять лѣтъ практиковалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, былъ членомъ и врачемъ нижегородскаго общества воспоможенія частному служебному труду, перелѣчилъ не сотни, а тысячи всякаго служилаго люда, и сфера моихъ знакомствъ заходила далеко за предѣлы Нижняго-Новгорода и вверхъ, и внизъ по Волгѣ. Мои сверстники успѣли сдѣлаться стариками, ихъ дѣти стали самостоятельными людьми и живутъ за свой страхъ,—и старые, и молодые въ голосъ говорятъ мнѣ одно. Сфера вліянія лѣвыхъ идей становится все шире и шире, люди все точнѣе опредѣляются въ лѣвомъ смыслѣ. Мнѣ указывали на людей, которыхъ я зналъ, служащихъ и приказчиковъ заповѣднаго стараго типа, которые долго противились новымъ идеямъ и покорились имъ. Мнѣ приводили въ доказательство приказчиковъ и служащихъ старообрядческихъ фирмъ, гдѣ я лѣчилъ самыхъ дремучихъ приказчиковъ, людей стараго строя мыслей, которые тоже измѣнились и стали новыми людьми съ новымъ порядкомъ мыслей. И когда я разспрашиваю моихъ старыхъ знакомыхъ объ усталости отъ революціи, объ ея распыленіи, объ успокоеніи общества, они

дѣлаютъ большіе глаза и говорятъ мнѣ несомнѣвающимися голосами:

— Что вы? Только что люди просыпаться стали, только что во вкусъ входятъ, а вы говорите—усталость.—Даютъ разныя объясненія. Одни говорятъ о томъ винтѣ, который жметъ всѣхъ и выжалъ изъ Курбатовскаго пароходства массу служащаго люда, оставшагося безъ работы, другіе говорятъ мнѣ о вліяніи газетъ, о томъ огромномъ осадкѣ, который остался отъ дней свободы, отъ тѣхъ митинговъ, отъ необузданныхъ рѣчей ораторовъ, независимо отъ того, соглашалась или не соглашалась съ ними публика. Одинъ знакомый далъ мнѣ третье объясненіе:

— Теперь вы объѣзжайте Волгу по уѣзднымъ и губернскимъ городамъ, спросите, есть ли семья изъ насъ вотъ, всякихъ служащихъ, въ которой кто-нибудь не сидѣлъ бы, не былъ бы арестованъ или сосланъ,—ну, по крайней мѣрѣ, обысканъ... И спросите, сколько ихъ за дѣло влетѣли, за что люди по тюрьмамъ сидятъ, въ Вологодской губерніи, въ Нарымскомъ краѣ? Смирные люди, и тѣ злятся.—И сыплетъ мнѣ примѣрами и случаями.

Я думаю, самое вѣрное опредѣленіе настоящаго состоянія умовъ и чувствъ русскихъ будетъ размежеванiе и самоопредѣленіе людей и общественныхъ группъ. Кисель русской жизни принимаетъ опредѣленныя формы и люди размѣщаются на свои мѣста. Нужно, впрочемъ, и важно опредѣлить самые термины правѣніе и лѣвѣніе. Сказать, что правѣютъ люди, это еще не значитъ, что они идутъ къ правительству. Не къ теперешнему правительству идутъ земцы и дворяне и даже не къ старому, до извѣстной степени абстрагированному правительству, а прямо и опредѣленно къ созданію своего собственнаго правительства. Городскіе собственники и богатые люди идутъ отъ угрожающихъ имъ ученій и партій, но не идутъ къ правительству, которое не можетъ остановить винта, выжимающаго сокъ изъ людей, и не пойдутъ къ вырисовывающемуся въ будущемъ дворянскому правительству. Существуетъ поражающее, когда къ нему присмотришься, недовѣріе къ правительству. Не вѣрятъ ни одному слову правительства, какъ бы убѣдительно ни аргументировалось оно, не надѣются ни какія правительственныя мѣропріятія, не ждутъ ничего путнаго отъ него, правительства. Нужно понимать правильно и лѣвѣніе.

— Лѣвый блокъ здорово сталъ было дѣйствовать...—говоритъ мнѣ одинъ изъ немногихъ, вспоминавшихъ вторую Думу, типичный волгарь, болѣе 25 лѣтъ, съ мальчишекъ, работающій на Волгѣ.

Я ожидалъ, что лѣвый блокъ вызоветъ въ провинціи скорѣе разочарованіе, стараюсь вспомнить что-нибудь яркое и шумное и говорю:

— Соціалъ-демократы?

— Путаники они...—съ неудовольствіемъ говоритъ мой собѣсѣдникъ.—Я удивляюсь еще болѣе. Оказывается, мой собесѣдникъ

совсѣмъ не винитъ с.-д. за роспускъ Думы, какъ мнѣ показалось было, и тоже смѣется надъ «В. О.», но мотивы отдѣльной тактики с.-д. въ Думѣ и мало доступны и понятны, и противорѣчатъ его пониманію думской тактики лѣвыхъ.

— Кабы съ самаго начала не путали, не мѣшали,—лѣвой-то блокъ вотъ бы какъ заигралъ! И теперь, ничего, въ послѣднее время здорово стало у нихъ налаживаться. И на счетъ бюджета и земли, и вообще...

Съ нимъ же заговорилъ я о бойкотѣ.

— Не выйдетъ...—отвѣтилъ онъ.—Только что люди разохотились, — первую-то Думу мы бойкотировали. И потомъ, конечно, дворянская Дума, только по нашей вотъ губерніи,—соображали мы—еще на водѣ вилами писано, чья возьметъ...

Только въ смыслѣ тяги къ лѣвому блоку и должно понимать «лѣвѣніе» тѣхъ слоевъ, о которыхъ я говорю. Въ Петербургѣ партіи отмежеваны, программы и платформы рѣзко отграничены и преломляются копья за полуслова, полумысли,—въ провинціи разграничительныя линіи с.-д., с.-р., н. с. и трудовиковъ не рѣзко обозначены, чаще и легче происходитъ между ними диффузія и взаимообмѣнъ, и на одного опредѣлившагося вполнѣ, «настоящаго» с.-р., с.-д., н. с. приходится цѣлая группа въ существѣ дѣла «примыкающихъ» и примыкающихъ не столько по систематическому изученію программъ и платформъ, сколько по своей соціальной позиціи, по знакомствамъ и связямъ, по седьмому и восьмому классамъ, по личному темпераменту, по неуловимымъ симпатіямъ. И въ провинціи агитаторы с.-р. и с.-д. обмѣниваются достаточными любезностями, одни по части буржуазности, другіе по части «земельныхъ отрѣзковъ», но пріятельства тамъ чаще, чаще объединенія и—быть можетъ, это вліяніе историческаго момента—я почувствовалъ большее стремленіе къ образованію лѣваго блока на почвѣ того, что объединяетъ указанныя группы и отграничиваетъ ихъ отъ партіи народной свободы, болѣе демократическаго состава и болѣе глубокой и горячей тяги къ соціальнымъ измѣненіямъ жизни.

Нужно помнить, что и наши политическія партіи—въ значительной мѣрѣ, въ теперешней стадіи, блоки; даже двѣ наиболѣе сплоченныя и сорганизованныя и въ то же время рѣзко расходящіяся между собою, — партія соціалъ-демократическая и партія народной свободы. Лондонскій съѣздъ не засыпалъ оврага между большевиками и меньшевиками, и часть с.-д. по своей психологіи ближе къ чужимъ, къ с.-р., чѣмъ къ своимъ. Разстояніе между правыми и лѣвыми кадетами,—я говорю о провинціи,—гораздо больше, чѣмъ между большевиками и меньшевиками, и правые кадеты гораздо ближе по своей сущности, логической и психологической, къ октябристамъ, чѣмъ къ своимъ лѣвымъ. Въ партіи к-д. пока что уживаются люди, для которыхъ политическія реформы и при томъ не очень необузданныя—все, а дальше идетъ отъ лука-

ваго, и люди, которыхъ тянутъ къ себѣ соціальныя реформы и которые вступили въ партію, потому что думаютъ, что въ ней и съ нею они скорѣе достигнутъ политической свободы, необходимой для соціальнаго строительства.

Имѣю основаніе думать, что настоящій моментъ и ближайшее будущее опредѣляется новымъ избирательнымъ закономъ, вновь выдвинутымъ въ свѣтъ дворянскимъ вопросомъ. Я допускаю возможность, что начавшееся естественное и законное размежеваніе и группировка русской жизни путается этой постановкой кореннаго русскаго вопроса и что послѣдствія его будутъ неожиданные для всѣхъ, кто придумывалъ его. Полагаю, что это отразится и на партіяхъ. Я не вѣрю, чтобы партія народной свободы распалась и разстроилась, и думаю, наоборотъ, она спаяется крѣпче, использует всѣ выгоды и преимущества своего новаго положенія—оппозиціи. Много значитъ сплоченность кадетъ и привычка къ организованности. И потомъ...

— У насъ такое ощущеніе, что Милюковъ что-нибудь придумаетъ!..—какъ говорилъ мнѣ одинъ изъ провинціальныхъ кадетовъ.

Больше всѣхъ пострадаетъ и, думаю, погибнетъ окончательно партія октябристовъ, хотя бы временно она и заполнила поле зрѣнія. Именно тѣмъ, что она присоединяется и присоединится къ барину - помѣщику. Часть тѣхъ слоевъ, на которые опирается она, не примыкающая къ барину-помѣщику, уйдетъ отъ нея, и тогда она, какъ выжатый лимонъ, не нужна будетъ другой половинѣ партіи. И та хвалебная нота, которая взята «Голосомъ Москвы» о земскомъ съѣздѣ въ Славянскомъ Базарѣ, имѣю основаніе думать, разойдется съ настроеніемъ не-дворянскихъ слоевъ партіи 17 октября. Это нота фальшивая и въ то же время неизбѣжная.

Когда долго сидишь въ Петербургѣ, продовольствуешься газетными свѣдѣніями и смотришь изъ петербургскаго окошка, получается отъ провинціи впечатлѣніе волнующагося моря, неустойчиваго равновѣсія, тревоги, жути, безпокойства, охватившихъ Россію. Ежедневно регистрируемыя убійства стражниковъ, жандармовъ, городовыхъ, смотрителей тюремъ и проч., ежедневныя экспропріаціи, дневныя, на глазахъ всѣхъ, нападенія на магазины, желѣзныя дороги, казначейства, винныя лавки, волостныя правленія, ежедневно публикуемыя избіенія и убійства, производимыя стражниками, жандармами, городовыми, смотрителями тюремъ и проч., и проч., беззаконія, учиняемыя губернскими и уѣздными генералъ-губернаторами въ городахъ и земскими начальниками въ деревняхъ—создаютъ впечатлѣніе, что все находится въ хаосѣ разрушенія или, выражаясь языкомъ сановниковъ, въ періодѣ успокоенія страны; что тамъ, въ провинціи, безпрерывная тревога нападаній и отраженій; что обыватель сидитъ между браунингомъ

и бомбой, съ одной стороны, нагайкой, тюрьмой и ружейной пулей, съ другой стороны. И какъ разъ передъ отъѣздомъ мой знакомый говорилъ мнѣ, что онъ страстно любитъ Волгу и рвется къ ней, но боится ѣхать именно изъ опасенія очутиться между бомбой и нагайкой.

Быть можетъ, такъ оно и есть, и впечатлѣнія мои случайны, но тѣмъ страннѣе и удивительнѣе впечатлѣніе тишины и спокойствія, обыкновеннаго обывательскаго житія, которое получилось у меня на мѣстахъ. Люди управляютъ и управляются, учатъ и учатся, покупаютъ и продаютъ. Вечера устраиваются, танцуютъ люди, пѣсни поютъ, въ карты играютъ,—и словно нѣтъ тамъ на мѣстахъ ни экспропріацій, ни нагаекъ, ни бомбъ, ни ружейныхъ пуль... Когда спрашиваешь этихъ мѣстныхъ людей, какъ они ухитряются жить въ теперешнія времена всеобщаго неистовства, спрашиваешь спеціально о полиціи и администраціи, они даже нѣсколько удивляются и говорятъ:

— Есть, конечно, озорники, которые карьеру дѣлаютъ, но вообще тише стали, скромнѣе... Земскіе начальники и совсѣмъ притихли... Бояться стало начальство, люди пошли другіе. Вотъ даже гимназическое начальство и то отмякло.

На счетъ экспропріацій даже еще удивительнѣе. Повидимому, петербургскіе люди гораздо болѣе удивляются, возмущаются и негодуютъ, чѣмъ мѣстные люди, гораздо болѣе беззащитные, болѣе подверженные экспропріаціи, чѣмъ петербургскіе. Это равнодушіе, это *неосужденіе*, отсутствіе негодованія, воплей возмущенія и гнѣва, прямо поразили меня. Обыватели принимаютъ иной разъ участіе въ ловлѣ экспропріаторовъ, но *мнѣніе*, отношеніе къ фактамъ совсѣмъ странное, какое-то философическое.

— Какъ же! Какъ же!... У насъ вотъ какой случай былъ... А мѣсяцъ назадъ такая исторія вышла.

И случай, и исторія разсказываются болѣе съ точки зрѣнія интересности, чѣмъ, такъ сказать, общественнаго и классоваго негодованія. Бородатый буфетчикъ размахиваетъ длинными руками и говоритъ мнѣ:

— Главное, докторъ, вотъ что: страху въ нихъ нѣтъ никакого,—днемъ, при народѣ... Вотъ съ знакомымъ моимъ какой случай былъ...

Онъ разсказываетъ случай съ его знакомымъ и разсказываетъ опять-таки больше съ точки зрѣнія необыкновенности и интересности, чѣмъ возмутительности. И добавляетъ даже съ злораднымъ смѣхомъ:

— *Тѣ* хотѣли взять ихъ военно-полевыми судами, тоже достигли! *Тѣ* пуще, а эти еще пуще... Чисто война!

Я совсѣмъ не хочу расцѣнивать и объяснять такъ или иначе это настроеніе провинціи, я только передаю свои личныя впечатлѣнія. Быть можетъ, повторяю, они были случайны и одно-

сторонни, но таковы они были. Повидимому, всетаки образовалась трещина въ правительственной машинѣ, и люди правительства пошатнулись въ вѣрѣ въ свою позицію, погеряли былую непреклонность увѣренности и такъ или иначе приспособляются къ новымъ условіямъ жизни, вѣрнѣе, къ новымъ людямъ этой жизни. Съ другой стороны, быть можетъ, то, что концентрируется въ Петербургѣ въ формѣ газетныхъ извѣстій въ одинъ яркій, мечущійся въ глаза фокусъ, тамъ, въ нѣдрахъ огромной Россіи, растворяется въ случай, эпизодъ; а мудреная и многоопытная русская жизнь сумѣла приспособиться и къ этимъ новымъ условіямъ жизни и выработать свое отношеніе къ обѣимъ сторонамъ этой новой жизни, какъ къ неизбѣжному, логически связанному.

Я былъ совершенно не подготовленъ,—вмѣсто впечатлѣнія разброда, обостренія взаимныхъ треній, расхожденія людей другъ отъ друга, у меня получилось впечатлѣніе соглашенія, какого-то взаимнаго, неписаннаго договора между людьми.

Я остро помню старыя отношенія отцовъ и дѣтей и удивляюсь тѣмъ новымъ отношеніямъ, которыя создаетъ жизнь между теперешними, не менѣе разными отцами и дѣтьми.

— Знаешь,—говоритъ мнѣ близкій человѣкъ, которому приходится устанавливать отношенія съ своими дѣтьми,—если бы ты видѣлъ, каковы были родители два года назадъ, когда у насъ въ первый разъ стали собираться родительскіе комитеты! Чисто звѣри... Нашъ городъ купеческій,—не церемонились, исключить, въ карцеръ посадить, а, случалось, и должному начальству донести... А теперь узнать нельзя,—мягкіе стали, заступаются, ходатайствуютъ коллективно, протестуютъ, просто удивительно!

Въ другомъ городѣ купецъ, у котораго я часто лѣчилъ дѣтей, объясняетъ мнѣ:

— Соглашеніе нужно... Вѣдь шестеро у меня. Помните Ваню? Въ техническомъ училищѣ, кончаетъ... Надя тоже въ 8-мъ классѣ.—Какъ же я съ ними буду?

Я смѣюсь и спрашиваю.

— Ну, что-же,—соглашаетесь?

Онъ тоже смѣется.

— Соглашаемся... Ладно живемъ. Ничего не подѣлаешь...

Онъ разсказываетъ мнѣ о своемъ знакомомъ купцѣ, о которомъ я раньше слышалъ только. Крутой, суровый человѣкъ старозавѣтнаго покроя и, насколько я помню, древняго благочестія. Вдовый купецъ, четыре сына.

— Все лѣвые...—объясняетъ мой собесѣдникъ.—И разные лѣвые, «эдакіе»,—смѣется онъ.—Посмотрѣли бы на него,—самый теперь пріятель съ ними... Не узнаешь!

Это великое соглашеніе отцовъ и дѣтей, людей стараго порядка мыслей съ новымъ порядкомъ идей и чувствъ, въ ряду другихъ удивительныхъ фактовъ русской жизни, быть можетъ, одинъ изъ

самыхъ яркихъ. Иногда это соглашеніе принимаетъ совсѣмъ неожиданныя формы.

— Что новаго? спрашиваю у знакомаго.

— Что и вездѣ,—обыски и аресты... Есть, впрочемъ, и новое, оживляется онъ,—вотъ на дняхъ дьякона арестовали, съ сыномъ, типографію у нихъ накрыли. Сынъ разносилъ, а дьяконъ печаталъ. Старый дьяконъ,—въ банѣ устроилъ, у себя въ саду,—мнѣ разсказывали люди, набираетъ прокламацію и басомъ напѣваетъ:

— Отречемся отъ стараго мира...

А когда привели въ жандармское, говоритъ на допросѣ:

— Всю жизнь лгалъ я, а теперь лгать не буду... Я это...

Мнѣ говорятъ съ разныхъ сторонъ, что женѣ, независимо отъ того, дама она или баба, живется теперь лучше, и супружескія отношенія стали мягче, деликатнѣе, культурнѣе. Внѣ всякаго сомнѣнія иначе,—въ смыслѣ большей деликатности и культурности, сложились въ послѣдніе три года отношенія между купцами и приказчиками, даже въ тѣхъ слояхъ, гдѣ еще недавно я наблюдалъ старо-завѣтныя потріархальныя отношенія. Иначе разговариваютъ хозяева и рабочіе, прислуга и господа, управляющіе и низшіе служащіе. У нихъ происходятъ конфликты, забастовки, протесты, но взаимоотношонія другія, другія манеры съ обѣихъ сторонъ, другой тонъ. И это бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ наблюденіи. «Соглашеніе», какой-то договоръ существуетъ въ ресторанѣ между «гостями» и «услужающими», иначе «спрашиваетъ публика на пароходѣ и иначе «подаютъ» оффиціанты. И когда какой-то выпившій пассажиръ вздумалъ кричать на оффиціанта «ты» и бросилъ въ него карточкой или толкнулъ его, возмутились пассажиры 1-го класса, представили пришедшему на разбирательство капитану свой протестъ и рѣзко встали на сторону негодовавшаго оффиціанта.

Заболѣлъ капитанъ парохода, на которомъ я ѣхалъ, мнѣ часто приходилось бывать въ его каютѣ. Являлись матросы, старые и молодые, съ вопросами, за разъясненіями и было что-то неуловимо новое въ томъ, какъ они стояли и какъ смотрѣли, какъ говорили и какъ слушали.

— Вы что такъ ихъ разсматриваете?—спросилъ меня разъ капитанъ.

— Бороды они по другому носятъ,—какъ-то вырвалось у меня.

— А что вы думаете?—Капитанъ засмѣялся.—Вѣдь вѣрно, обличье другое. Положимъ,—съ гордостью говорилъ онъ,—у насъ они и раньше обшарканные были, а только въ эти два-три года совсѣмъ другіе стали. Бѣда съ ними, ругаюсь... и на мое удивленіе добавилъ:—Газеты мы получаемъ на пароходъ,—такъ пока до классовъ дойдутъ, всѣ прочитаютъ, и матросы, и оффиціанты. Ничего не подѣлаешь...

Я вспоминаю—разговоръ былъ послѣ Самары—удивившее меня обстоятельство: отъ самаго Рыбинска я не слыхалъ ни одного «матернаго» слова и сообщаю объ этомъ капитану. Нашъ капитанъ былъ изъ крестьянъ, старый пароходный служака, и зналъ Волгу, какъ свой огородъ.

— И это вѣрно,—отвѣчаетъ онъ,—перестаютъ... Иной разъ на вахтѣ лоцманъ зогнетъ эдакую аллилуію, а другой остановитъ: «смотри въ классѣ услышатъ».

— Нѣтъ, вы вотъ на что обратите вниманіе,—съ большимъ оживленіемъ продолжалъ онъ,—кулачничество проходитъ.—И на мое недоумѣніе прибавляетъ:—рукоприкладство... Помните старыхъ-то капитановъ? Безъ того, чтобы въ рыло не заѣхать матросу, либо въ третьемъ классѣ жить не могли, а теперь ни-ни, стопъ машина!

— Сдачи даютъ?—любопытствую я.

— Даже не это...—Онъ раздумываетъ. Старый капитанъ одинъ сказалъ мнѣ, рука, говоритъ, теперь не поднимается...

Когда я пытаюсь обнять всю эту массу впечатлѣній, все то новое, что нахлынуло на меня на Волгѣ, и свести это въ одинъ фокусъ, я говорю себѣ: «Освободился человѣкъ, всталъ человѣкъ новый и вольный и погибло, сметено съ лица русской земли то крѣпостничество, то рабство, которое и послѣ 61 года все еще жило и, какъ дурная болѣзнь, проникало всю жизнь, окрашивало всѣ людскія отношенія: купцовъ и приказчиковъ, господъ и прислуги, сюртучника и поддевки, родителей и дѣтей, учителей и учениковъ. *Эту* задачу революція кончила: нѣтъ болѣе раба и не будетъ больше раба въ русской жизни...

Это вѣрно, это несомнѣнно, это всеобще, о томъ говоритъ вся Волга и, думаю, Россія.

Волга похорошѣла, волжскіе люди стали красивѣе, нѣтъ старой,—явилась новая толпа.

Часть послѣдней зимы мнѣ пришлось прожить за границей, въ Ниццѣ и, должно быть, потому, что я временно ушелъ отъ Петербурга и отъ Россіи, мнѣ бросилась въ глаза по возвращеніи новая черта въ русской толпѣ: лица стали тоньше, иначе смотрѣли глаза, иныя манеры у газетчиковъ, приказчиковъ мелочныхъ лавокъ, пассажировъ конокъ, у сѣрой толпы Невскаго проспекта въ сѣрые часы его. Толпа, я бы сказалъ, объинтеллигентилась. Еще ярче вспыхнуло для меня это впечатлѣніе на Волгѣ. Я лѣчилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ не однихъ купцовъ и служащихъ. За долгое время моего завѣдыванія городской амбулаторіей, гдѣ бывало до 100 посѣщеній въ день, передо мной прошли цѣлыя вереницы бѣлошвеекъ и ремесленниковъ, кухарокъ и горничныхъ, крестьянъ и и рабочихъ, до грузчиковъ и босяковъ включительно. И вотъ я смотрю на эту толпу и не узнаю ее. Тѣ люди ушли и пришли ка-

кіе-то новые люди. Другое обличье у нихъ. Они иначе носятъ бороды, они иначе одѣваются, у нихъ другія манеры, другія слова, другой тембръ голоса. Лица стали тоньше, интеллигентнѣе, люди стали внутренне и наружно изящнѣе, иначе сложены ихъ взаимныя отношенія,—чувство собственнаго достоинства и какая-то новая деликатность по отношенію къ другимъ чувствуется въ нихъ. У всѣхъ. Я наблюдаю грузчиковъ въ Казани. Они иначе, веселѣе носятъ свои ноши, у нихъ лучше рубашки, вольнѣе и яснѣе лица, и они по другому окликиваютъ мѣшающихъ имъ пассажировъ. Я знаю, что въ этой средѣ, въ этой толпѣ отъ дней свободы, кромѣ идейнаго осадка, остался матеріальный плюсъ, что заработная плата въ общемъ стала выше и жить имъ легче, но я чувствую, что дѣло не въ этомъ одномъ, и когда я смотрю на ихъ веселыя, именно веселыя и по-новому вольныя лица, мнѣ кажется, что они все празднуютъ еще медовой мѣсяцъ своего освобожденія и что, можетъ быть, это внутреннее, гордое и радостное и объясняетъ это непріятно удивившее меня сначала не-огорченіе отъ роспуска Думы, отъ новаго избирательнаго закона.

Все измѣнилось: костюмы, манеры, но въ особенности глаза и улыбки. Поразительно трудно теперь различать интеллигенцію и неинтеллигенцію. Мы долго стояли въ Ярославлѣ. Былъ чудесный вечеръ Духова дня. Волга полна была лодками катающихся, я насчиталъ ихъ до 30, а потомъ пересталъ считать. Ѣздили съ гармониками, съ балалайками, съ тихими пѣснями. Я еще могъ отличать студентовъ и гимназистовъ, на которыхъ были форменныя фуражки, отмѣчалъ семинаристовъ по спеціально серьезному и глубокомысленному выраженію физіономій, но далѣе терялась всякая возможность отличить, гдѣ гимназистки и курсистки и гдѣ портнихи и горничныя, гдѣ интеллигенція и гдѣ рабочіе. И кто тамъ поетъ, въ этой лодкѣ, съ черными рубашками и свѣтлыми кофточками: «Солнце всходитъ и заходитъ»?..

Долго стоялъ пароходъ и въ Самарѣ, былъ вечеръ, я сидѣлъ въ Струковскомъ саду и предо мною дефилировала толпа. Я видѣлъ такую же толпу въ Саратовѣ, тоже въ городскомъ саду и было то же ярославское впечатлѣніе. Въ своихъ скитаніяхъ по провинціи я хорошо зналъ прежнюю толпу городскихъ садовъ и тѣ старые, царствовавшіе типы садовыхъ вечеровъ въ губернскихъ городахъ. Помѣщикъ, въ особаго покроя поддевкѣ, перетянутой кавказскимъ поясомъ, купцы, усиленно демонстрирующіе правильно расчесанными волосами и сіяющими сапогами съ мелкими складками. Старые типы исчезли. Такъ рѣдко встрѣтишь въ толпѣ человѣка съ ярлыкомъ на лицѣ и костюмѣ, такъ мало старыхъ, характерныхъ для того времени манеръ. Идетъ густая, непрерывная толпа, и какъ тамъ, въ Ярославлѣ, я рѣдко могу разобрать, кто это: «интеллигенція» или «народъ», горничная или курсистка, рабочій или студентъ,—до такой степени нѣчто общее легло на ко-

стюмы, манеры, на лица. Изъ всѣхъ волжскихъ впечатлѣній это наиболѣе яркое, густое, насыщенное. И не барышни и студенты спустились до горничныхъ и рабочихъ, а горничныя и рабочіе поднялись до барышенъ и студентовъ. Это такъ видно, такъ чувствуется въ личныхъ впечатлѣніяхъ, такъ слышится въ разсказахъ мѣстныхъ людей.

И когда я охватываю всѣ эти впечатлѣнія, когда я вглядываюсь въ эти утонченныя, новыя, болѣе красивыя лица, когда я узнаю о новыхъ отношеніяхъ къ женамъ и дѣтямъ, о новыхъ манерахъ жизни, мнѣ становится смѣшно отъ разговоровъ тѣхъ тонкихъ и слабо-нервныхъ публицистовъ, которые все заботились, все безпокоятся и сейчасъ о судьбѣ культуры, какъ бы не пострадала она и не погибла отъ революціи... Чувство глубокой радости охватываетъ меня и выростаетъ совершенно опредѣленная мысль, что революція и есть великая носительница культуры и что она уже принесла Россіи, такъ нуждавшейся въ культурѣ, огромныя и цѣнныя пріобрѣтенія въ смыслѣ новаго уклада жизни, новаго поведенія, въ смыслѣ изящества жизни, новыхъ болѣе справедливыхъ и красивыхъ формъ жизни. Она, эта культура, быть можетъ, будетъ новая и оригинально сложенная, но она не отринетъ и бережно и благодарно возьметъ все высокое и цѣнное старой культуры.

Я, старый человѣкъ, какъ во снѣ смотрю на эти новыя, одухотворенныя лица и новыя манеры жизни,—я никогда не ждалъ въ самыхъ гордыхъ мечтахъ, чтобы такъ быстро и глубоко претворилась русская жизнь, такъ измѣнились русскія лица, русскія души. Я, хотя и смутно, но помню еще крѣпостное право и совершенно точно и ярко знаю и помню недавнюю и уже давнюю Россію, ту склонившую выю, въ рабствѣ духа, въ грязи жизни, темную угрюмую, и печальную Россію.

Словно великій художникъ острымъ рѣзцомъ прошелъ по сѣрой мраморной глыбѣ, и изъ безжизненнаго камня поднимается гордо поднятая голова и вырисовываются высокій лобъ, и вѣщіе глаза начинаютъ смотрѣть,—встаетъ великое, прекрасное, благородное лицо... Эта толпа пришла съ долгаго, безконечнаго митинга, тамъ услыхала она новыя слова, передумала новыя мысли, тамъ люди познакомились, вглядѣлись другъ въ друга, сговорились и вернулись оттуда съ новыми манерами, въ новыхъ одеждахъ, новыми людьми. Они не всѣ слова приняли, не во всѣхъ мысляхъ согласились, не во всемъ сговорились, но они узнали другъ друга и стали понимать другъ друга и вынесли оттуда прежде всего великое стремленіе къ свободѣ, страстную жажду къ знанію, къ газетѣ, къ книгѣ, великое уваженіе къ интеллигенціи и интеллигентности. Они продолжаютъ заниматься своими дѣлами будней, они ссорятся, иногда и дерутся другъ съ другомъ, но они стали понимать другъ друга, и надъ буднями встало нѣчто праздничное,

что связало ихъ, и за междоусобной борьбой есть общая борьба, въ которой тонутъ мелкіе счеты. Подгоняемая событіями, роспусками Думы, разъясняемая сенатскими разъясненіями, поведеніемъ конституціонныхъ министровъ, новымъ избирательнымъ закономъ, Волга быстро и неуклонно идетъ влѣво, влѣво и влѣво. Встаетъ стѣна, спаянная изъ разныхъ камней и все крѣпче спаивается цементомъ и выростаетъ все выше.

А за этой стѣной высился... московскій земскій съѣздъ въ «Славянскомъ Базарѣ». Начиная съ Казани, онъ преслѣдовалъ меня, заполнялъ страницы столичныхъ и провинціальныхъ газетъ и неотступно стоялъ передъ читателемъ. И изумительное, единственное впечатлѣніе производилъ онъ... Среди этихъ новыхъ лицъ и новыхъ манеръ жизни, рядомъ съ просыпающейся, сознавшей себя, сбросившей ветхое рубище старыхъ крѣпостническихъ лохмотьевъ Россіей дико и нелѣпо встала другая стѣна старой кладки, изъ старыхъ, вывѣтрившихся камней... Все старыя, знакомыя все лица,—все тѣ же голоса, тѣ же души, тѣ же мысли, тѣ же манеры, какими они были 20, 50, 100 лѣтъ назадъ. Казалось, открылись на ржавыхъ, изъѣденныхъ временемъ петляхъ тяжелыя двери давно не провѣтриваемой кладовой, и понесло оттуда гнилью, тлѣномъ и плѣсенью глухого подвала. На широкую, свѣтлую, похорошѣвшую Волгу, волнующуюся новыми чувствами и думающую новыми думами, неслись оттуда, изъ трущобы «Славянскаго Базара» ржавые, скрипучіе, гнилые голоса, все про старое, полузабытое, не похороненное, но уже отпѣтое. И то, что лѣвые земцы представлены были тамъ слабо и голоса ихъ звучали невнятно и немощно, только заканчивало смыслъ, только сгущало удивительное впечатлѣніе, которое производилъ этотъ съѣздъ. То была Бѣловѣжская пуща, по превосходному въ своей точности выраженію, кажется, С. Д. Кондратова.

Удивительное впечатлѣніе... Именно съ Казани голоса стали громче и звучали опредѣленнѣе: «Вотъ оно что», «видать», «на ладонкѣ»... Читатель прочиталъ, наконецъ, новый избирательный законъ, и шевелящіяся губы открылись и человѣкъ заговорилъ не про себя, а вслухъ...

Я рѣшаюсь утверждать, что этотъ съѣздъ сыгралъ и сыграетъ совершенно особую роль въ условіяхъ даннаго историческаго момента,—роль, быть можетъ, не предусмотрѣнную ни иниціаторами новаго избирательнаго закона, ни участниками съѣзда. Безпартійный русскій человѣкъ, обыватель въ широкомъ смыслѣ слова, помѣщающійся по другую сторону стѣны «Славянскаго Базара», опредѣленно чувствуетъ, но не формулируетъ опредѣленно свои мысли. У него было уже общее чувство относительно новаго избирательнаго закона, но опредѣленное содержаніе въ него влилъ

точку надъ і поставилъ московскій земскій съѣздъ. Созванный черезъ недѣлю послѣ роспуска Думы, когда только что молчаливыя, шевелящіяся губы прочитывали избирательный законъ про себя, онъ явился своего рода объяснительной запиской, детальнымъ истолкованіемъ новаго избирательнаго закона, послѣсловіемъ двухъ Думъ и предисловіемъ къ новой, совсѣмъ новой, третьей Думѣ. Такъ поняли это читатели, такъ и тѣмъ истолковалъ себѣ русскій человѣкъ новый избирательный законъ. Вымирающіе зубры, испугавшіеся лишенія казеннаго довольствія, собрались въ «Славянскій Базаръ» защищать свою Бѣловѣженую пущу, они придутъ въ третью Думу и потребуютъ отъ страны, чтобы она продовольствовала ихъ и въ будущемъ казеннымъ сѣномъ и овсомъ. То, что было прикровенно и тайно, стало откровенно и явно, и все закулисное и недосказанное стало голо и договорено до послѣдняго слова,—и неработоспособность двухъ первыхъ Думъ, и причины ихъ роспуска, и намѣренія ближайшаго будущаго.

Воистину несчастенъ тотъ день и часъ, когда рѣшенъ былъ роспускъ второй Государственной Думы во имя и для новаго избирательнаго закона. Несчастенъ для дворянъ, не тѣхъ, которые живутъ въ Петербургѣ и за границей, которые рѣжутъ купоны или получаютъ оклады и субсидіи, у кого управляющіе управляютъ имѣніями,—а для толщи и гущи дворянства, для тѣхъ помѣстныхъ дворянъ, которымъ нельзя уйти съ мѣста, которые привязаны къ своимъ имѣніямъ. Бюрократія, заслонявшая ихъ, стушевалась въ полѣ зрѣнія и остались предъ лицомъ Россіи все больше думающей, все ярче чувствующей, они одни,—голые, неприкрытые...

Всѣмъ видно, всѣмъ чутко...

Мнѣ не говорили люди Волги,—старые знакомые и случайные встрѣчные, что хотятъ и что будутъ дѣлать они сегодня, завтра.

Если бы меня спросили, въ чемъ узелъ, центральный пунктъ переживаемаго историческаго момента,—я отвѣтилъ бы: именно обнаженность положенія, кристаллическая ясность его, всѣмъ видная, для всѣхъ неотразимо убѣдительная. Установился великій діагнозъ, точное и несомнѣнное опредѣленіе русской болѣзни. Діагнозъ устанавливался давно; за послѣдніе два-три года, съ японской войны, онъ поставленъ былъ въ условія клиническихъ методовъ, можно сказать, лабораторнаго опыта; но не всѣ анализы были сдѣланы, не всѣ методы изслѣдованія были использованы, остались недоговоренныя слова, недописанная исторія болѣзни. Новый избирательный законъ, съ примѣчаніями, дополненіями и разъясненіями московскаго земскаго съѣзда, договорилъ слова, дописалъ недописанное и совершенно точно и непреложно для всѣхъ установилъ діагнозъ. И сразу отринуты были и забыты тѣ діагностики, которыя усердно подсовывались со стороны и, быть

можетъ, отуманили чьи-нибудь головы, трудно разбирающіяся въ событіяхъ.

Діагностика вышла очень проста и убѣдительна. Оказалось, что дѣло все въ той же старой, русской «дурной болѣзни»...

Сознанная мысль не сразу переходитъ въ волевой импульсъ, и какъ свѣтовыя ощущенія раньше приходятъ, чѣмъ слуховыя, и молнія блеститъ раньше, чѣмъ гремитъ громъ, такъ новое міропониманіе народа не сразу претворяется въ новое міроустройство. Развязанныя руки долго еще носятъ слѣды путъ, и безвольная психологія медленно претворяется въ дѣйственную волю.

Можно думать,—таковы были мои впечатлѣнія,—что ближайшимъ результатомъ будетъ нѣкоторое переустройство общественныхъ группъ, тяга къ блоку вообще, къ блоку новаго противъ стараго. И какъ ни мало вѣроятно это,—я могу допустить возможность крушенія надеждъ составителей новаго избирательнаго закона; во всякомъ случаѣ, мнѣ трудно вѣрить, чтобы съѣздъ въ «Славянскомъ Базарѣ» былъ прообразомъ собранія въ Таврическомъ дворцѣ.

Одно для меня несомнѣнно и непререкаемо,—великій фактъ освобожденія и обновленія Россіи. Съ радостнымъ изумленіемъ останавливаюсь я на измѣненіи нравовъ, на новыхъ формахъ уклада жизни, на новомъ обликѣ русскаго человѣка, съ его новыми мыслями, новыми чувствами. Къ прошлому возврата нѣтъ. Люди покинули старыхъ боговъ, старые алтари опустѣли, погасъ огонь на старыхъ жертвенникахъ и не курится фиміамъ на нихъ. Русское рабство кончилось и не будетъ больше раба въ Россіи...

Пройденные три года были великою банею пакобытія русской жизни. Омытая отъ старой грязи, съ свѣтлыми лицами, въ чистыхъ одеждахъ встаетъ новая Россія. Она въ старомъ жильѣ, но она отстроитъ и устроитъ новый домъ.

Къ прошлому возврата нѣтъ. Дописывается послѣдняя глава древняго періода Исторіи Государства Россійскаго.

С. Елпатьевскій.

Объ обязательныхъ постановленіяхъ.

Государственная Дума отклонила законопроектъ о восхваленіи преступныхъ дѣяній. Правительство вышло изъ затрудненія очень просто: оно черезъ свои подчиненные органы издало обязательныя постановленія, воспрещающія всякаго рода публичное восхваленіе преступнаго дѣянія, словомъ, въ печати или изображеніяхъ, оглашеніе или распространеніе ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностнаго лица, войска или воинской

части, свѣдѣній, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе, и ложныхъ, возбуждающихъ общественную тревогу слуховъ о правительственномъ распоряженіи, общественномъ бѣдствіи или иномъ событіи, оглашеніе и публичное распространеніе какихъ либо статей или иныхъ сообщеній, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству, а также распространеніе произведеній печати, подвергнутыхъ аресту. Такимъ образомъ, черезъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ правительство осуществило то, что не могло провести черезъ Думу. Было бы оскорбленіемъ для права и правосознанія разсматривать этотъ актъ съ точки зрѣнія противорѣчія его самымъ элементарнымъ требованіямъ правового строя. Но любопытно отмѣтить въ этомъ актѣ другую черту—стремленіе правительства для борьбы съ конституціонализмомъ воспользоваться орудіемъ явно негоднымъ и вреднымъ. Эта попытка правительства представляется тѣмъ болѣе странной, что оно само давно осудило полномочіе издавать обязательныя постановленія, какъ средства борьбы съ антигосударственными явленіями. Обязательныя постановленія ничего не предупредили, ничего не пресѣкли, а только дали поводъ административной власти развить стремленіе къ злоупотребленію своими полномочіями до предѣловъ, вызвавшихъ осужденіе и вмѣшательство центральныхъ органовъ управленія.

Исторія происхожденія и развитія этого полномочія указываетъ съ достаточною ясностью какъ на незаконность послѣднихъ обязательныхъ постановленій, такъ и вообще на необходимость, если не полной отмѣны, то, во всякомъ случаѣ, коренного его измѣненія.

Впервые широкое распространеніе это полномочіе получило въ 1876 г., когда высочайше утвержденнымъ 13 іюля положеніемъ комитета министровъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ было предоставлено право издавать обязательныя постановленія «объ общественномъ благочиніи, порядкѣ и безопасности».

Сравнивая положеніе комитета министровъ съ первоначальнымъ проектомъ, нельзя не отмѣтить тенденціи комитета расширить проектировавшееся полномочіе.

Такъ, по проекту, выработанному въ особомъ совѣщаніи изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи и шефа жандармовъ, предполагалось этимъ правомъ облечь лишь московскаго и варшавскаго генералъ-губернаторовъ и с.-петербургскаго и одесскаго градоначальниковъ, и при томъ были намѣчены условія (точный перечень предметовъ обязательныхъ постановленій, контроль 1-го департамента сената), ограничивавшія размахъ административной власти. Комитетъ же министровъ не только надѣлилъ этимъ правомъ всѣхъ представителей мѣстной административной

власти, но и опустилъ требованіе проекта доносить объ изданныхъ обязательныхъ постановленіяхъ въ 1-й департаментъ сената и призналъ излишнимъ исчерпывающій, съ подробною ссылкою на статьи закона, перечень предметовъ, такъ какъ, по мнѣнію комитета, «трудно предвидѣть всѣ случаи, когда по мѣстнымъ условіямъ представится необходимымъ издать обязательныя постановленія. *Точное же указаніе на статьи закона, при опредѣленіи предметовъ обязательныхъ постановленій, можетъ повести за собой весьма существенныя неудобства»*. Въ конечномъ итогѣ чрезвычайное полномочіе оказалось обыкновеннымъ, и потому недостаточнымъ для устрашенія россійскихъ обывателей. Тогда на сцену выступили сначала высочайшіе указы [1]) о разныхъ чрезвычайныхъ полномочіяхъ органовъ административной власти, а затѣмъ коммиссія изъ компетентныхъ чиновниковъ [2]). Послѣдняя взялась за дѣло горячо, и, найдя чрезвычайныя мѣры, введенныя въ жизнь высочайшими указами, «сложными и неудобными пріемами управленія», выработала цѣлую систему мѣръ для борьбы съ «крамолой», куда и вошло право изданія обязательныхъ постановленій

---

[1]) 29 мая 1878 г.; 8 и 9 августа и 1 сентября 1878 г.; 19 августа, 26 сент. 11 и 27 апрѣля, 21 іюня, 13 іюля и 20 ноября 1879 г.

[2]) Предсѣдателемъ первоначально былъ назначенъ т. с. Клушинъ, но онъ имѣлъ неосторожность войти къ государю съ всеподданнѣйшей запиской, въ которой изложилъ свой взглядъ на причины успѣха революціонной пропаганды. По мнѣнію Клушина, главная причина была въ неудовлетворительности внутренняго строя. Отсюда необходимость реформъ, какъ единственно вѣрный путь борьбы съ крамолой. Между прочимъ, онъ писалъ государю: «Было бы преступно скрывать, что великія реформы августѣйшаго родителя вашего императорскаго величества не всегда исполнялись соотвѣтственно геніальной мысли державнаго устроителя земли русской. Вслѣдствіе ли неточнаго пониманія высочайшихъ предначертаній, или по небрежности исполнителей, нѣкоторыя изъ начатыхъ преобразованій остановлены на половинѣ пути, другія совершенно извращены. Наиболѣе выдающимся въ этомъ смыслѣ примѣрами являются крестьянская и судебная реформы». Существенными недостатками первой онъ считалъ: недостаточность надѣловъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и неудовлетворительную постановку переселенческаго вопроса. Какъ на недостатокъ второй, онъ указывалъ на неудачный подборъ судебнаго персонала, въ свою очередь обусловившійся тѣмъ, что «всѣ требованія... сводились исключительно къ одному образовательному цензу», благодаря чему въ составѣ суда и прокуратуры оказались люди, «неумудренные жизненнымъ опытомъ и связанные между собою недавними воспоминаніями школьной жизни, которой всегда присуще стремленіе идти на помощь слабому. Увлеченные этимъ стремленіемъ... они становились на сторону бѣднаго или незнатнаго только потому, что противникъ былъ богатъ или знатенъ. Вѣками освѣщенное достоинство дворянина, созданье старины, власть отца или матери — на судѣ осмѣивались, и въ то же время разбойники и конокрады оправдывались». Для большей иллюстраціи увлеченій суда Клушинъ напоминаетъ государю дѣло Засуличъ. Единственнымъ результатомъ этой записки была замѣна т. с. Клушина ст. секр. Кахановымъ.

«по предметамъ, относящимся къ государственному порядку и общественной безопасности». Въ проектѣ оно изложено такъ:

ст. 17. «Въ предѣлахъ... мѣстностей, объявленныхъ въ положеніи охраны, начальствующія лица могутъ издавать по предметамъ, относящимся до огражденія порядка и спокойствія, обязательныя постановленія, коими:

а) воспрещать дѣянія, признаваемыя закономъ въ обыкновенное время безразличными;

б) воспрещать всякія народныя, общественныя и даже частныя собранія и установлять обязательныя правила относительно порядка, въ которомъ должно быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ испрашиваемо разрѣшеніе на подобныя собранія;

в) опредѣлять время открытія и закрытія всякихъ вообще торговыхъ и промышленныхъ заведеній;

г) налагать на домовладѣльцевъ и ихъ управляющихъ обязанности по внутреннему полицейскому наблюденію въ домахъ, опредѣлять способы проявленія сего наблюденія, установлять порядокъ опредѣленія и смѣщенія лицъ, на коихъ будутъ возложены домовладѣльцами упомянутыя обязанности;

д) установлять обязательныя правила по предметамъ, не вошедшимъ въ предыдущіе пункты, но относящимся исключительно къ области мѣръ предупрежденія нарушеній общественнаго порядка и государственной безопасности».

По собственному признанію коммиссіи, «отдѣльные пункты этой статьи изложены въ столь обобщенной формѣ, что допускаютъ подведеніе подъ ихъ дѣйствіе самыхъ многоразличныхъ административныхъ требованій». И кромѣ того, «въ виду невозможности предусмотрѣть всѣ административныя потребности данной минуты былъ введенъ особый пункъ д., предоставляющій просторъ для изданія обязательныхъ постановленій по предметамъ, относящимся къ охраненію государственнаго и общественнаго спокойствія». Такимъ образомъ уже въ коммиссіи проявилось стремленіе предоставить административному творчеству безграничную свободу. Однако комитетъ министровъ пошелъ еще дальше: онъ отбросилъ предметный перечень коммиссіи за исключеніемъ пунктовъ д. и г., изъ которыхъ первый въ исправленномъ видѣ оказался ст. 15 положенія, а пунктъ г. примѣрнымъ къ ней добавленіемъ.

Такимъ образомъ, тотъ самый пунктъ, который въ «виду невозможности предусмотрѣть всѣ административныя потребности минуты» былъ введенъ составителями проекта, какъ «предоставляющій просторъ для изданія обязательныхъ постановленій», превратился въ основную формулу правъ административной власти по изданію этихъ постановленій. Это, конечно, являлось дальнѣйшимъ расширеніемъ полномочій администраціи. Такъ оно и было въ свое время понято министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое въ своемъ циркулярѣ о введеніи положенія объ охранѣ прямо разъясняло своимъ

подчиненнымъ органамъ, что, руководствуясь ст. 15, они могутъ «*свободно* проявлять свою охранительную дѣятельность, такъ какъ *подъ общія опредѣленія этой статьи могутъ быть подведены самыя многоразличныя административныя требованія*»... Циркуляръ былъ понятъ и начальники губерній и областей начали издавать обязательныя постановленія по самымъ разнообразнымъ предметамъ, полагая, что въ каждомъ явленіи есть элементъ, который можетъ служить поводомъ для проявленія ихъ дѣятельности по предупрежденію и пресѣченію нарушеній государственнаго порядка и общественной безопасности. Для примѣра можно упомянуть обязательныя постановленія о запрещеніи безплатной раздачи объявленій, брошюръ и т. п. [1]), о извозчичьихъ фонаряхъ [2]), ширинѣ шоссе [3]), объ учрежденіи адреснаго стола [4]), о бляхахъ дворниковъ [5]), о таблицахъ съ №№ квартиръ и фамиліями жильцовъ [6]), о запрещеніи продажи подмоченнаго овса [7]) и др. Конечно, при извѣстномъ полетѣ фантазіи и тревожности настроенія можно придти къ убѣжденію, что таблицы съ №№ квартиръ, бляхи дворниковъ, извозчичьи фонари и т. п. могутъ гарантировать государственную безопасность и уничтожить «крамолу». Но въ такомъ случаѣ какое же дѣяніе не таитъ въ себѣ коварныхъ элементовъ государственной опасности? Во всякомъ случаѣ до поры-до времени обыватели терпѣливо повиновались капризамъ «властей предержащихъ», а прокурорскій надзоръ и сенатъ снисходительно не замѣчали творившихся беззаконій.

Но въ 1889 г., благодаря протесту одесской городской думы, былъ данъ толчокъ къ болѣе правильному пониманію предѣловъ разсматриваемаго полномочія. Генералъ-губернаторъ Р. путемъ обязательнаго постановленія ввелъ въ дѣйствіе новый уставъ въ городской больницѣ. Дума выразила протестъ. Въ разгорѣвшейся по этому случаю борьбѣ министерство внутреннихъ дѣлъ встало на сторону думы и путемъ всеподданнѣйшаго доклада добилось пріостановленія генералъ-губернаторскаго постановленія. Но Р. этимъ не удовлетворился и съ своей стороны также доложилъ дѣло государю. Въ результатѣ—только что пріостановленное постановленіе опять получило силу, и министерство оказалось въ положеніи не совсѣмъ пріятномъ: съ одной стороны, двѣ противорѣчивыя высочайшія воли, съ другой—мучительное сознаніе своего пораженія генераломъ отъ инфантеріи Р. Выходъ былъ необходимъ, и управлявшій тогда министерствомъ Плеве рѣшился еще разъ высту-

---

[1]) Врем. одесс. ген.-губ. 1884 г.
[2]) Харьк. вр. ген.-губ. 1881 г.
[3]) Врем. одесс. ген.-губ. 1884 г.
[4]) Тоже 1884 г.
[5]) Моск. генер.-губ. 1881 и 1882 г.
[6]) Тоже.
[7]) С.-петерб. губернатора 1887 г.

пить съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о незаконности дѣйствій генералъ-губернатора и съ ходатайствомъ о разрѣшеніи на внесеніе въ комитетъ министровъ вопроса о предѣлахъ полномочій по изданію обязательныхъ постановленій. Высочайшее соизволеніе послѣдовало, генералъ-губернаторъ былъ побѣжденъ, но дорогой цѣной: министерство обязалось произвести ревизію губернаторскому творчеству. Впрочемъ, оно, конечно, этого обязательства не исполнило, и въ дѣйствительности разыгралась обычная россійская комедія. Собрали матеріалъ, и вотъ то самое министерство, которое такъ недавно убѣждало губернаторовъ свободно проявлять свою дѣятельность и подводить подъ ст. 15 «самыя многоразличныя административныя требованія», то самое министерство, которое ни разу по своему почину не опротестовало ни одного беззаконнаго обязательнаго постановленія, вдругъ съ грустью сообщило комитету министровъ, что представители мѣстной административной власти «очень широко и разнообразно понимаютъ предоставленныя имъ права по изданію обязательныхъ постановленій, часто отмѣняя ими законъ, и касаются предметовъ, не относящихся къ предупрежденію и пресѣченію государственной безопасности и общественнаго порядка». Выслушавъ эти самообличенія и разсмотрѣвъ представленный матеріалъ и законы, комитетъ министровъ пришелъ къ «несомнѣнному убѣжденію», что предоставленіемъ чрезвычайныхъ полномочій «правительство имѣло исключительно въ виду» — «пресѣчь угрожавшую основамъ государственнаго и общественнаго строя пропаганду», и что поэтому «обязательныя постановленія, издаваемыя на основаніи положенія объ охранѣ, *очевидно* могутъ имѣть предметомъ только случаи, относящіеся къ предупрежденію и пресѣченію нарушеній общественнаго порядка и государственной безопасности; засимъ постановленія эти *столь же очевидно* не должны затрагивать вопросовъ, входящихъ въ область законоположеній, обезпечивающихъ теченіе обыденной жизни (напримѣръ, вопросы благоустройства»)*). Указанія были ясны и категоричны. Министерство сдѣлало видъ, что серьезно къ нимъ относится, и затребовало отъ губернаторовъ изданныя ими обязательныя постановленія съ цѣлью провѣрки соотвѣтствія ихъ съ комитетскими указаніями. Перья заскрипѣли, но скоро наступила развязка затѣянной шумихи. Разыгралась она обычно-просто. Въ представленныхъ с.-петербургскимъ градоначальникомъ обязательныхъ постановленіяхъ оказались постановленія о порядкѣ найма рабочихъ и по санитарной части. Противорѣчіе ихъ высочайше утвержденному положенію комитета министровъ было очевидно. Но министръ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто отмѣны вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о сохраненіи ихъ въ силѣ. Таковъ былъ результатъ всей этой административной

*) Высочайше утвержденное 11 марта 1889 г. положеніе комитета министровъ.

суеты. Интересно, что для санкціи всѣхъ моментовъ ея развитія привлекалось высочайшее имя. Такъ, высочайшая воля опредѣлила необходимость правомѣрности въ дѣлѣ изданія постановленій. Комитетъ министровъ, принявъ къ руководству это велѣніе, горячо выступилъ въ несвойственной ему роли—защитника закона—и въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изложилъ въ своемъ журналѣ министерское печалованіе о творимыхъ беззаконіяхъ. Государь императоръ все это высочайше утвердилъ. Но министерство скоро опомнилось и постаралось заручиться высочайшимъ соизволеніемъ о необязательности высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ. Престижъ губернаторской власти былъ спасенъ, и дѣло изданія обязательныхъ постановленій пошло по старому, т. е. они издавались по самымъ разнообразнымъ предметамъ, имѣющимъ иногда такую же отдаленную связь съ государственною безопасностью, какъ чиханье на улицѣ. Снова выступаетъ на сцену убѣжденіе, что фонари и при томъ заготовленные полиціей, синеньнія дощечки на домахъ [1]), выкрикиванья газетчиками на улицахъ газетныхъ новостей [2]) имѣютъ непосредственное отношеніе къ государственной безопасности, а потому могутъ служить предметомъ для обязательныхъ постановленій. Но рядомъ съ повтореніемъ старыхъ ошибокъ администрація вноситъ теперь въ обязательныя постановленія и новые проблески своего творчества, отвѣчающіе духу времени. Жизнь измѣнилась. Создалось рабочее движеніе. И вотъ разные «благожелательные» и просто «дальновидные» администраторы торопятся отмѣтить новое явленіе. Такъ, князь Святополкъ-Мирскій [3]) своимъ постановленіемъ обязываетъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній доносить полиціи о распространителяхъ среди рабочихъ вредныхъ политическихъ ученіяхъ, а Гербель вновь созданныхъ старостъ рабочихъ превращаетъ въ сыщиковъ [4]).

Такова исторія этого полномочія. Она говоритъ, что обязательныя постановленія предназначались правительствомъ для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ и должны были издаваться по предметамъ, относящимся къ предупрежденію государственной безопасности и общественнаго порядка, а на самомъ дѣлѣ издавались по самымъ разнообразнымъ предметамъ, и при томъ съ полнымъ игнорированіемъ не только закона, но и здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было даже съ точки зрѣнія правительства назвать разумнымъ хотя бы постановленіе о сыскныхъ обязанностяхъ рабочихъ старостъ, которыхъ такъ старательно навязывалъ законъ рабочимъ и которыхъ послѣдніе такъ неохотно и подозрительно принимали?

---

[1]) Постановленіе екатеринославскаго губернатора 1899 г.
[2]) Постановленіе с.-петербургскаго градоначальника 1906 г.
[3]) Обяз. пост. 26 октября 1899 г. для Екатеринославской губерніи.
[4]) Обяз. пост. для г. Харькова 1903 г.
[5]) Кіевскаго генералъ-губернатора 1898 г.

Если теперь остановиться на вопросѣ: что же дали обязательныя постановленія?—то, конечно, придется отвѣтить: правовую развращенность и презрительную ненависть къ власти. Вѣдь что могъ подумать и почувствовать самый нетребовательный обыватель, когда власть путемъ своихъ полномочій цѣлый рядъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію судебной юрисдикціи, обращала къ своему разсмотрѣнію, судила, карала неустановленными въ законѣ наказаніями? Мало того, власть запрещала подъ угрозой 3-хъ мѣсячнаго ареста, или штрафа въ 500 рублей, дѣянія уголовно безразличныя, вводила налоги (обязательное веденіе домовыхъ книгъ, содержаніе дворниковъ, ночныхъ сторожей, закупка фонарей, синенькихъ дощечекъ и т. д.) и возлагала на гражданъ позорныя, доносительскія обязанности. И все это власть дѣлала съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи. Для иллюстраціи приведу одинъ примѣръ. Въ 1899 году екатеринославскій губернаторъ князь Святополкъ-Мирскій издалъ 26 октября постановленіе, которымъ, между прочимъ, обязалъ владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и др. подобныхъ заведеній вести домовыя, прошнурованныя книги, въ которыя до окончанія дня должны вноситься всѣ перемѣны въ составѣ служащихъ и рабочихъ, и кромѣ того обязалъ владѣльцевъ этихъ заведеній доносить полиціи о распространителяхъ вредныхъ ученій. Министерство постановленіе это отмѣнило, разъяснивъ при этомъ, на основаніи положенія комитета министровъ 11 марта 1889 года, предѣлы полномочія по изданію обязательныхъ постановленій. Прошелъ годъ, и новый екатеринославскій губернаторъ графъ Келлеръ, имѣя въ дѣлахъ своей канцеляріи это министерское отношеніе, издалъ постановленіе, рѣзко противорѣчащее разъясненіямъ центральной власти. Опять пишется бумага объ отмѣнѣ, и на этотъ разъ, кажется, за подписью князя Святополкъ-Мирскаго, бывшаго въ то время командиромъ корпуса жандармовъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. А затѣмъ, сдѣлавшись вскорѣ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, Мирскій самъ издаетъ постановленіе, почти тожественное съ изданнымъ имъ для Екатеринославской губерніи и отмѣненнымъ, какъ незаконное, властью министра. Мало этого. Не удовлетворившись первымъ своимъ генералъ-губернаторскимъ «трудомъ», князь возбудилъ вопросъ о предоставленіи ему права издавать обязательныя постановленія для всего ввѣреннаго ему края безъ объявленія его въ положеніи охраны. Министерство колебалось, тогда Мирскій, воспользовавшись пребываніемъ государя императора въ Скерневицахъ, непосредственно испросилъ себѣ это полномочіе. Центральной власти и сенату пришлось принять его «къ свѣдѣнію и исполненію». Мирскому понравилось издавать постановленія, и, сдѣлавшись министромъ, онъ испросилъ черезъ комитетъ министровъ (Положеніе 31 декабря 1904 года) высочайшее соизволеніе на предоставленіе этого права нѣкоторымъ губернаторамъ, взамѣнъ положенія объ охранѣ. Теперь, съ легкой

руки этого «благожелательнаго» администратора, правомъ издавать обязательныя постановленія охотно надѣляются представители мѣстной власти. Мѣстной власти предоставляется безконтрольное право запрещать все, что она найдетъ нужнымъ, вводить налоги (въ формѣ обязательнаго веденія домовыхъ книгъ, закупки фонарей и дощечекъ), превращать слугъ домохозяевъ въ низшихъ полицейскихъ чиновъ (возложеніе на дворниковъ полицейскихъ функцій) и т. д. Проще—повторяются всѣ ошибки прежнихъ лѣтъ безъ всякаго проблеска надежды на улучшенія. Старыя же указанія на эти ошибки—въ формѣ положенія комитета министровъ 11 марта 1889 г. и сенатскихъ опредѣленій, — повидимому, совершенно забыты. Сенатъ теперь отказывается контролировать обязательныя постановленія со стороны законосообразности ихъ содержанія, и жалобы на незаконность этихъ постановленій по трафарету оставляются безъ послѣдствій. И некому поднять голосъ на защиту угнетеннаго закона. Собирались коммиссіи, и даже г. камергеръ Фришъ ѣздилъ на казенный счетъ въ Европу разузнавать, какъ тамъ обстоитъ дѣло съ осадными и иными положеніями, да такъ, кажется, ничего и не успѣлъ узнать. По крайней мѣрѣ, коммиссія гр. Игнатьева не рѣшила вопроса о томъ, что можетъ являться предметомъ обязательныхъ постановленій. И послѣ всѣхъ обѣщаній, крикливыхъ самообличеній бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Дурново,. краснорѣчивыхъ и скучныхъ журналовъ покойнаго комитета министровъ—все остается даже хуже, чѣмъ по старому. Всюду царитъ чрезвычайныя полномочія. А вѣдь не такъ давно съ высоты престола торжественно вѣщалось русскому населенію, что «прискорбныя событія и смута въ государствѣ вызываютъ печальную необходимость допустить *на время чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства* для водворенія полнаго спокойствія и для искорененія крамолы». «Наше вниманіе», говорилъ далѣе этотъ высочайшій указъ, «равнымъ образомъ было обращено и на то, чтобы *временныя* исключительныя мѣры соотвѣтствовали дѣйствительной потребности охраненія порядка и не подвергали излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго престолу населенія». Какой ироніей звучатъ эти слова, забытыя властью, глубоко и неизгладимо ею спрофанированныя!

Милища.

Безъ побѣдителей.

„Самодержавіе возстановлено". Вторая Дума разогнана.

Взамѣнъ народнаго представительства, введено представительство «130.000». Угроза отнять и эту тѣнь «обѣщаній 6 августа и 17 октября» авторитетно произнесена и надлежаще комментирована. Слова Маркса: «революція кончилась» торопливо повторены г-номъ Струве, обезпечившимъ такимъ способомъ за собою въ этомъ смыслѣ нѣкоторый пріоритетъ. Предсѣдатель ликвидаціонной коммиссіи по дѣламъ несостоятельной революціи, г. Столыпинъ, собирается заплатить кредиторамъ по копѣйкѣ за рубль, а можетъ быть, заплатитъ и ломаными грошами. «Въ странѣ глубокое затишье». Казалось бы, наконецъ, взошло то «солнце правды», о которомъ еще въ декабрѣ 1905 г. первой депутаціи союза русскаго народа было обѣщано, что оно «возсіяетъ скоро-скоро». Правда, это обѣщано во времена графа Витте, когда онъ владѣлъ нынѣ утеряннымъ «секретомъ спасти Россію», и во времена Трепова, который владѣлъ секретомъ «спасти монархію». Но уже послѣ Витте, послѣ пропажи его секрета, а именно 16 мая 1907 г. слова: «недалеко время, когда засіяетъ солнце правды надъ землею русской» были повторены, на этотъ разъ, депутаціи отъ ярославскаго отдѣла «союза русскаго народа». 2 іюня солнце взошло. 3 іюня засіяло. Тутъ бы, казалось, и почувствовать удовлетвореніе и спокойствіе. Молодому подобало бы жить да радоваться, старику пропѣть: «Нынѣ отпущаеши» и «смежить орлиныя очи въ покоѣ».

И, дѣйствительно, на томъ берегу, гдѣ нынѣ правый флангъ Россіи, сгоряча какъ будто радовались. Тамъ «событіе 2 іюня» привѣтствовалось криками «ура» и звономъ бокаловъ съ шампанскимъ. Но послѣ шампанскаго словно наступилъ угаръ похмѣлья. Люди «съ праваго берега», видимо, волнуются, шумятъ, вопятъ, грозятъ, злорадствуютъ, плачутъ, требуютъ субсидіи, просятъ милостыни, Пуришкевичъ объявляетъ сумасшедшимъ Иліодора, Иліодоръ Пуришкевича... Я лично имѣлъ терпѣніе прислушаться, сколько могъ, внимательно къ этому гвалту. И, признаюсь, вынесъ такое впечатлѣніе, что не Иліодоръ только и Пуришкевичъ, а всѣ тамъ немножко спятили и, кажется, страдаютъ маніей величія. Одинъ изъ крупныхъ признаковъ этой болѣзни—лихорадочная фабрикація листовокъ, прокламацій, брошюръ, имѣющихъ цѣлью распубликовать «по всему свѣту бѣлому», что «практическіе дѣятели» праваго фланга близки «ко всѣмъ высочайшимъ особамъ и особенно къ особѣ монарха». Въ этихъ послѣднихъ видахъ, съ необыкновенною

помпой и съ чрезмѣрною торопливостью была опубликована телеграмма г-ну Дубровину и всемѣрно подчеркнуты стоящія въ ней слова: «Да будетъ Мнѣ союзъ русскаго народа надежной опорой». Въ тѣхъ же цѣляхъ всячески напоминается широкимъ массамъ, что «союзъ» считаетъ государя своимъ членомъ, такъ какъ, молъ, еще «23 декабря въ Царскосельскомъ дворцѣ... Дубровинъ поднесъ царю два знака союза для него и для наслѣдника» и получилъ въ отвѣтъ: «Хорошо, благодарю васъ. *) Какъ бы опасаясь, что всѣ эти указанія не будутъ достаточно взвѣшены и поняты, «Русское Знамя», не обинуясь, заявило, наконецъ, что «во главѣ многомилліонной черной сотни стоитъ русскій самодержавный неограниченный царь» **). А «Московскія Вѣдом.» съ своей стороны присовокупили: «съ рѣшительностью къ намъ, монархистамъ, присоединился государь императоръ» ***). Одесскій гр. Коновницынъ пошелъ еще дальше и не постѣснился въ своихъ прокламаціяхъ внести личный авторитетъ государя въ вопросъ объ еврейскихъ погромахъ.

Съ какой бы стороны ни смотрѣть на дѣло, но эта попытка «убѣдить народъ», что глава правительства состоитъ членомъ одной изъ самыхъ боевыхъ политическихъ партій, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, до какой степени практическіе дѣятели правого берега утратили способность понимать смыслъ и значеніе собственныхъ шаговъ. Что же касается «тогобережныхъ» идеологовъ, то они, пожалуй, понимаютъ, но впали въ состояніе глубокого унынія. И «самъ братъ» предсѣдателя ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ революціи нынѣ пишетъ:

«Мы переживаемъ... великую и судную эпоху, и мы не знаемъ, какою катастрофою все это разразится» ****).

Дѣло, по мнѣнію другого идеолога, г. Меньшикова, «близится къ развязкѣ». Катастрофа грозитъ не только Россіи, но и всей Европѣ, всему «культурному обществу» *****).

А по наблюденіямъ о. Іоанна Кронштадтскаго, «надъ Петербургомъ уже пролетѣлъ огненный драконъ, и за нимъ летѣла несмѣтная сила сноповъ, въ этихъ снопахъ сидятъ черти и вѣдьмы, приближается время Страшнаго Суда! Кайтесь!..» ******).

Повидимому, идеологи «того берега» довольно единодушно провидятъ нѣчто въ родѣ пришествія антихристова. И признаки этого пришествія не только въ томъ, что надъ Петербургомъ пролетѣлъ

---

*) Цитаты въ кавычкахъ взяты изъ № 12 „Москов. Вѣд.", за 1906 г., и воспроизведены во множествѣ прокламацій союза русскаго народа.

**) „Рус. Зн.", 27. IV. 1907, № 138.

***) Цит. по „Руси" 8, VII, 1907.

****) „Нов. Вр." 1, VII, 1907.

*****) Ibid. „Письма къ ближнимъ".

******) Для проповѣди покаянія по случаю грядущаго Страшнаго Суда о. Іоанномъ разосланы спеціальные агитаторы. См. „Рѣчь" 1 VII 1907 г.

огненный драконъ, сопровождаемый эскортомъ чертей и вѣдьмъ. Драконъ—дѣло не вещественное. Бѣда въ томъ, что есть признаки болѣе тревожнаго характера. Прежде всего оказывается, что г. Струве нѣсколько поторопился предъявить второе изданіе Маркса. Между прочимъ, за послѣдніе два мѣсяца (май—іюнь), по газетнымъ весьма отрывочнымъ свѣдѣніямъ, такъ называемыми «аграрными волненіями» охвачены 25 губерній. Изъ нихъ наиболѣе остро дѣло стоитъ въ губерніяхъ Волынской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Кіевской и Тульской, въ которыхъ почти «сплошной пожаръ». Остро дѣло стоитъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ губерній: Подольской, Саратовской, Пензенской, Таврической, Смоленской, Рязанской и Херсонской, а также въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Кубанской области, гдѣ впервые именно послѣ роспуска Думы начались «совмѣстныя дѣйствія» казаковъ и иногороднихъ противъ землевладѣльцевъ. Я говорю о 25 губерніяхъ, гдѣ происходятъ поджоги, погромы, потравы и т. п. отмѣченные газетами способы «выжить помѣщика» «своими средствіями». Помимо «своихъ средствій», хотя и не такъ сильно, идетъ сельско-хозяйственное забастовочное движеніе, которое, опять-таки по газетнымъ свѣдѣніямъ, наблюдается въ губерніяхъ Кіевской, Херсонской, Таврической, Черниговской, Полтавской, Гродненской, Минской, Волынской, Пензенской и кое-гдѣ въ Закавказьѣ. И противъ забастовочнаго движенія приняты экстренныя мѣры: кіевскій, напр., генералъ-губернаторъ выпустилъ особую прокламацію, взывая къ благоразумію сельскаго «рабочаго населенія»; херсонскій и смоленскій губернаторъ издали обязательныя постановленія, угрожая забастовщикамъ (херсонское постановленіе) «штрафомъ до 500 руб. или арестомъ до 3 мѣсяцевъ».

Ниже мнѣ придется говорить, какой характеръ имѣетъ «аграрное движеніе» нынѣшняго года, какія свѣдѣнія о немъ могутъ попасть въ печать, и насколько вообще газетныя извѣстія могутъ охватить теперешнюю деревенскую «разруху». Здѣсь же, забѣгая впередъ, отмѣчу лишь, что раіонъ аграрной смуты охватываетъ, повидимому, нѣсколько большую площадь, чѣмъ 25 губерній. Недаромъ двинутъ въ ходъ проектъ—распространить на всѣ губерніи Европейской Россіи «обязательныя постановленія губернаторовъ о воспрещеніи крестьянамъ присутствовать на волостныхъ или сельскихъ сходахъ въ нетрезвомъ видѣ, о воспрещеніи выпуска скота на принадлежащую постороннимъ лицамъ землю и вторженіи въ чужіе лѣса съ явнымъ намѣреніемъ хищенія ихъ, о воспрещеніи незаконныхъ сборищъ и сходокъ крестьянъ, а также составленія незаконныхъ приговоровъ». *).

Иначе говоря, рѣчь идетъ о томъ, чтобы логически завершить положеніе о земскихъ начальникахъ, установивъ для крестьянской Россіи, вмѣсто судебнаго, административный порядокъ.

---

*) „Рѣчь“ 20 VI. 1907 г.

Какъ бы то ни было, но мужикъ явно озорничаетъ. Однако, это горе въ полгоря. Относительно мужика можно бы предпринимать въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни «административный порядокъ», а въ случаяхъ экстренныхъ—карательныя экспедиціи. Пусть утописты сколько угодно говорятъ о моральныхъ началахъ, о совѣсти, о прочихъ матеріяхъ важныхъ. У «практическихъ» людей, преслѣдующихъ «практическія» цѣли, иная психологія. Г. Меньшиковъ, которому нельзя отказать въ близкомъ знакомствѣ съ психологіей правобережныхъ людей, уже разъяснилъ, что совѣсть просто выдумана «плохими беллетристами», къ числу коихъ, впрочемъ, надо отнести Пушкина и Шекспира. По словамъ г. Меньшикова, «Только въ пошлыя, глубоко-мѣщанскія времена народъ вѣритъ въ такой вздоръ, какъ угрызенія совѣсти... Не бываетъ его, этого угрызенія совѣсти. Сочинено оно, прямо таки выдумано... Ничего подобнаго въ самой природѣ нѣтъ» *).

Точно также пусть крамольники твердятъ, будто на штыкахъ долго не просидишь. По отзыву одного наблюдательнаго турка, на одномъ колу сидѣть, дѣйствительно, скверно, но на 50 колахъ можно сѣсть не безъ комфорта, а на 1000 можно даже выспаться. Пустяки, — можно нѣкоторое время сидѣть и на штыкахъ, — конечно, не волнуя себя вопросами о будущемъ и приготовившись ко всѣмъ случайностямъ, по мудрому старинному рецепту: «пить будемъ и гулять будемъ,—ну, а смерть придетъ—помирать будемъ». Бѣда лишь въ томъ, что русскій штыкъ въ настоящее время обнаруживаетъ нѣсколько странныя свойства. «Офицеры,—жалуется «Нов. Вр.» — такъ стремительно бѣгутъ со службы, что некомплектъ въ нихъ начинаетъ принимать угрожающій характеръ». Даже «въ округахъ, куда вакансіи разбираются лучшими при выпускахъ изъ военныхъ училищъ, есть полки, гдѣ, вмѣсто 74 офицеровъ по штату, на лицо 12; это уже не случайный некомплектъ,—это разложеніе нашей военной организаціи» **). Что же это такое? Соціальный слой, изъ котораго рекрутируется офицерство, вдругъ началъ бойкотировать русскую армію? И это чувствуется даже въ лучшихъ военныхъ округахъ, гдѣ люди сами хотятъ служить? А что же въ округахъ худшихъ, гдѣ служба отбывается лишь въ силу необходимости? Въ странѣ, начиненной штыками, нѣтъ достаточнаго количества людей, чтобы сковать эти штыки желѣзною дисциплиною?.. При такихъ условіяхъ г. А. Столыпинъ безпорно имѣетъ основаніе размышлять о «судномъ днѣ».

Наконецъ, суть не въ офицерствѣ только. А каковъ человѣческій матеріалъ, изъ котораго рекрутируются нижніе чины арміи? Вопросъ этотъ не такъ простъ, какъ на первый взглядъ кажется. Онъ нуждается въ особомъ обслѣдованіи. Здѣсь отмѣчу лишь мель-

---

*) „Нов. Время“ 1. VII, 1907.
**) „Нов. Вр.“, 1 VII. 1907.

комъ, что, помимо политической пропаганды и другихъ политическихъ грѣховъ, изъ-за которыхъ начальство вынуждено вступать въ упорную борьбу съ солдатами, въ арміи сейчасъ наблюдается усиленное дезертирство. И кое-гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Новозыбковскомъ у., Черниговской губ., появились, по свѣдѣніямъ газетъ, «скопища дезертировъ», вооруженныхъ казенными винтовками и достаточнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ. Но, повторяю, этой стороны я касаюсь здѣсь лишь мелькомъ. Въ общихъ же выраженіяхъ вопросъ объ умонаклоненіи нижнихъ чиновъ обслѣдованъ «Новымъ Временемъ» въ цѣломъ рядѣ статей. И выводы получились такіе, что кронштадтскому чудотворцу, пожалуй, дѣйствительно, оставалось лишь увидѣть на тверди небесной «снопы», начиненные всякаго сорта чертовщиной.

Не лишне, быть можетъ, отмѣтить еще одну характерную для настроенія въ правомъ станѣ черту. Послѣ 3-го іюня сотрудники «Нов. Вр.», напр., занялись вдругъ усиленнымъ пересказомъ Вольтера. Не всего, конечно, Вольтера, а лишь нѣкоторыхъ его мыслей.

Надо отдать справедливость «Новому Времени». Оно излагаетъ Вольтера не безъ весьма поэтическихъ вольностей, и хотя безъ ссылки на первоисточникъ, но мѣстами до рабскаго подражанія подлѣннику. Какъ извѣстно, Вольтеръ дѣлилъ человѣчество на двѣ части: на одной сторонѣ «порядочные люди» (люди «культурнаго общества»), а на другой... затрудняюсь употребить точно передающее смыслъ русское слово, ужъ слишкомъ крѣпко звучитъ оно, а пушкинское «чернь» едва ли вполнѣ соотвѣтствуетъ вольтеровскому «canaille». «Новое Вр.» также приводитъ эту схему: на одной сторонѣ порядочные люди, на другой канальи. По опредѣленію Вольтера (напр., въ «Исторіи Женни») «порядочные люди» имѣютъ «спокойный и кроткій характеръ», «руководятся чувствомъ чести», «занимаются искусствами, которыя смягчаютъ нравъ», и «могутъ наслаждаться миромъ и невинными забавами». По пересказу же, напр., г. Меньшикова въ № 11242 «Нов. Врем.», «порядочные люди» «покоряются тысячѣ ограниченій», «связываютъ себя законами», «обуздываютъ себя» «тысячью компромиссовъ и условностей» и т. д., въ томъ же родѣ. Канальи, по опредѣленію Вольтера, норовятъ «убить, украсть», «превратиться въ шайку разбойниковъ» и воровъ, отъ которыхъ единственное спасеніе — вѣра въ карающаго Бога, а если и вѣра не дѣйствуетъ, то тюрьма и висѣлица. По пересказу, напр., того же г. Меньшикова, канальи — «просто негодяи», «разбойники», «поджигатели, грабители, бомбисты», и «въ защиту отъ нихъ мы содержимъ остроги, тюрьмы, этапы, ссылки»,— ну, и, конечно, немножко висѣлицъ дѣлу не помѣшаетъ *).

---

*) Конечно, Вольтера трудно считать родоначальникомъ схемы: „порядочные люди“ и „чернь“. И если я сопоставляю статьи „Новаго

Канальи—говоритъ г. А. Столыпинъ—погубятъ «нашу культуру». Чтобы этого не случилось, нужна, разумѣется, диктатура порядочныхъ людей, «культурная олигархія». Но, воспѣвъ хвалу культурной олигархіи, г. А. Столыпинъ вдругъ вспомнилъ о поразительномъ случаѣ изъ жизни Луи-Филиппа и Гизо, которые въ 48 году добились было во всѣхъ отношеніяхъ прекрасныхъ результатовъ, но канальи... Будь они прокляты, эти канальи! Что они сдѣлали!! И при какихъ обстоятельствахъ—могъ бы добавить г. А. Столыпинъ—сдѣлали! 22 февраля испытанные, такъ сказать, присяжные революціонеры пришли къ окончательному выводу, что революція невозможна. А 23-го февраля проснувшійся утромъ Парижъ, къ собственному удивленію, увидѣлъ въ кварталахъ С.-Мартенъ и С.-Дени баррикады.

Вспомнивъ о февральской непріятности въ Парижѣ 1848 года, г. А. Столыпинъ замѣтно охладѣлъ къ дѣленію человѣчества на порядочныхъ людей и каналій, и уже не сосетъ вольтеровскую схему, какъ бы рѣшивъ, что ничего изъ нея не высосешь. Но г. Меньшиковъ продолжаетъ сосать. Онъ замѣнилъ слово «каналья» словомъ «дикарь». Затѣмъ доказалъ, что дикари, канальи тожъ, происходятъ отъ Каина, тогда какъ порядочные люди несомнѣнно имѣютъ своимъ прародителемъ Авеля, хотя на низшей ступени развитія авелевы потомки пригодны лишь для чисто рабскаго существованія. Послѣ такой операціи ужъ ничто не мѣшаетъ поставить: «трагическій вопросъ нашего вѣка: какъ культурному обществу использовать рабовъ и дикарей?» Съ «рабами», «то есть, поясняетъ г. Меньшиковъ, пролетаріями», или «чернью» дѣло не сложно: были бы скорпіоны для обузданія. Но вотъ «дикари». У нихъ «военные инкстинкты». «Дикій типъ» долженъ бы «служить естественнымъ матеріаломъ для армій». А разъ такъ, то нельзя ли упразднить «нелѣпую всеобщую военную повинность»? Насколько можно понять г. Меньшикова, онъ далекъ отъ мысли создать армію изъ «бомбистовъ, анархистовъ, соціалистовъ» и т. п. «дикарей». Помилуй Богъ! Есть вѣдь дикари иного типа. Вспомните, напр., какіе блестящіе таланты обнаружены ингушами, приглашенными въ Кіевскую, Полтавскую, Черниговскую и многія другія губерніи. Кромѣ ингушей, у насъ, слава Создателю, есть чеченцы, черкесы, туркмены, киргизы. Наконецъ, не такъ ужъ далеки курды... Вы представляете себѣ эту схему? «культурное общество», «связанное собственностью, закономъ, трусостью и семьею», составляетъ первенствующій соціальный слой; пусть даже законодательствуетъ; но въ распоряженіи «власти» долженъ быть милліонъ янычаръ, преторьянцевъ, кондотьеровъ, тѣсно припаянныхъ

Времени“ именно съ Вольтеромъ, то лишь въ силу удивительнаго совпаденія не только въ развитіи основной мысли, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

къ этой власти и ясно сознающихъ, что они дотоль и живы, пока она жива. Это во всякомъ случаѣ занятная мысль, которая тщится однимъ ударомъ укрѣпить надолго тотъ своеобразный соціальный типъ, какой выпеченъ исторіей въ видѣ россійскаго дворянства.

Въ отличіе отъ европейской «шляхты», шляхта россійская, какъ извѣстно, является не столько политической силой, сколько политическимъ орудіемъ. Это 130.000 особо испытанныхъ холоповъ. Или, если вамъ не нравится московское выразительное слово: «холопъ», замѣните его чисто нѣмецкимъ терминомъ: 130.000 полицеймейстеровъ. Россійскій дворянинъ до тѣхъ поръ и дворянинъ, пока послушенъ центру, создавшему и питающему его. Подобно проектируемымъ янычарамъ, онъ живъ, пока жива власть, коей онъ нуженъ, какъ холопъ, или полицеймейстеръ; и внѣ этой власти существованіе его, какъ дворянина, не имѣетъ ни смысла, ни оправданія. Нынѣ система, разлагающаяся отъ собственныхъ противорѣчій, ищетъ врача, который вдохнулъ бы новую жизнь въ дряхлое тѣло. Средство для этого найдено: милліонъ янычаръ. Дайте, въ самомъ дѣлѣ, милліонъ янычаръ, и кто же не сумѣетъ создать «слои полицеймейстеровъ», «связанныхъ собственностью, закономъ, трусостью и семьею» и имѣющихъ значеніе только политическаго орудія, необходимаго въ дѣлахъ управленія.

Я говорю: *система* ищетъ, ибо не въ писаніяхъ гг. Меньшикова или А. Столыпина тутъ дѣло. На этихъ писаніяхъ если и приходится останавливаться, то лишь какъ на симптомѣ. Въ настоящее время начатъ спеціальный походъ противъ «нелѣпой всеобщей воинской повинности» и за учрежденіе преторьянства. Въ этомъ крикѣ отчаянія забыто все: забыты сомнѣнія, возможно ли сочетать нынѣшнія условія жизни съ преторьянствомъ, забыта исторія преторьянства и янычаръ. И, быть можетъ, мы скоро увидимъ не только слова, но и дѣла въ этомъ направленіи. Но пока янычары ѣдутъ,—когда-то будутъ, и снится на правомъ берегу огненный драконъ, летящій надъ Петербургомъ.

Не видно увѣренности и спокойствія и въ той промежуточной средѣ—по дорогѣ отъ праваго берега къ лѣвому,—гдѣ блистаютъ имена кн. Е. Н. Трубецкого и П. Н. Милюкова. Блистаетъ тутъ, конечно, и много другихъ именъ. Но я называю именно этихъ двухъ публицистовъ только потому, что оба они въ теченіе іюня излагали другъ другу собственныя мысли о наилучшемъ способѣ «спасти конституцію». Ради такого случая П. Н. Милюковъ и кн. Е. Н. Трубецкой писали исполненныя чрезвычайнаго благородства письма и опубликовывали ихъ зачѣмъ-то во всеобщее свѣдѣніе. Оба они категорически объявляли, что не «мирятся съ положеніемъ дѣла, созданнымъ 3 іюня». Оба признавали, что если нынѣ конституцію надо спасать отъ «крайнихъ правыхъ», то, по крайней мѣрѣ, въ прошломъ, при прежнемъ избирательномъ законѣ,

ее надо было спасать и отъ «лидеровъ лѣвыхъ». Но, по мнѣнію П. Н. Милюкова, для спасенія конституціи необходимо, чтобы «кадеты» сдѣлали «попытку побѣдить... да, именно *побѣдить*, подъ своимъ собственнымъ флагомъ, въ предстоящей избирательной компаніи». А по мнѣнію Е. Н. Трубецкаго, для спасенія конституціи «кадеты должны соединиться съ октябристами». Въ концѣ концовъ болѣе чуткій П. Н. Милюковъ вслухъ замѣтилъ, что весь этотъ споръ нѣсколько напоминаетъ «горчицу послѣ ужина». Признаюсь откровенно, мнѣ этотъ споръ напоминалъ нѣчто большее,—попытку угостить горчицей, вмѣсто ужина. Со стороны кн. Е. Н. Трубецкого оно не удивительно: ему и раньше случалось принимать весьма не съѣдобныя вещи за гастрономическій деликатесъ. Но П. Н. Милюковъ... боюсь, онъ самъ не вѣритъ въ «спасеніе конституціи» «попытками побѣдить... да, именно побѣдить въ предстоящей избирательной борьбѣ»: И для чего повисъ въ воздухѣ споръ о какомъ-то спасеніи какой-то завѣдомо несуществующей конституціи,—Богъ вѣсть. И ничего въ немъ, кромѣ нѣкотораго чувства растерянности, не отыщешь.

Передвигаясь въ «группу лѣвѣе к.-д.», видишь мѣстами не только растерянность, но и прямое уныніе. Были у революціи рессурсы, да сплыли. Капиталъ израсходованъ. «Приходится снова вернуться къ тактикѣ накопленія силъ», «опять сѣять для будущей жатвы», не зная, «скоро ли поспѣетъ новый урожай, и каковъ онъ будетъ»... Этотъ балансъ нашелъ себѣ частичное отраженіе въ «Товарищѣ». И, на мой взглядъ, есть необходимость остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

II.

Были силы... И, по отзыву «Товарища», силы достаточныя, чтобы разсчитывать на «руководящую роль» въ ходѣ событій. Но когда же это было? Задавая себѣ этотъ вопросъ, я невольно переношусь ко временамъ, не такъ ужъ давнимъ. Мнѣ припоминается одинъ мелкій, но характерный эпизодъ въ Екатеринославѣ, происшедшій по случаю первыхъ телеграфныхъ извѣстій о смерти Сипягина. Сотруднику только что пріостановленнаго тогда «Приднѣпровскаго Края» г-ну Я—сону понадобилось зайти въ губернское правленіе. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ полицеймейстера Машевскаго и не удержался отъ того, чтобы сообщить ему сенсаціонную новость:

— Сейчасъ въ редакціи получены агентскія телеграммы: Сипягинъ убитъ.

За столь преступныя слова Я—сонъ былъ задержанъ и немедленно представленъ на благоусмотрѣніе вице-губернатора Князева,—нынѣшняго полтавскаго губернатора. Правда, начальникъ

учрежденія, гдѣ были вслухъ произнесены страшныя слова, разсудилъ, что преступника надо отпустить на свободу, а дѣло, столь экстренно возникшее, столь же экстренно предать забвенію. Но, право же, это зависѣло единственно отъ личнаго настроенія г-на Князева,—можетъ быть, даже просто оттого, что въ Екатеринославѣ стояла тогда хорошая весенняя погода, способная умиротворяюще дѣйствовать даже на вице-губернаторское сердце.

Помню, Я—сонъ сообщилъ своимъ знакомымъ по газетѣ о невольной бесѣдѣ съ гг. Машевскимъ и Князевымъ какъ разъ въ минуту горячихъ споровъ на тему:

— Сипягина нѣтъ, что дальше?..

Кое-кто полагалъ, что «дальше будетъ, конечно, лучше». Другіе склонны были смотрѣть на будущее болѣе мрачно. И одинъ изъ этихъ другихъ разсказалъ общеизвѣстную легенду объ Иванѣ Грозномъ. Суть въ томъ, что Иванъ Грозный, подражая Гарунъ-Аль-Рашиду, какъ-то разъ зашелъ въ Архангельскій соборъ и сталъ слушать, о чемъ его подданные молятся. Оказалось, всѣ желаютъ, чтобы Богъ его судилъ, и только одна старушка помолилась объ его здравіи.

— Бабушка,—спросилъ ее царь,—почему всѣ молятся: «суди Богъ Ивана», и только ты говоришь: «пошли Богъ здоровья Ивану».

— Батюшка,—отвѣтила старушка,—въ младыхъ лѣтахъ и я такъ же маливалась. Былъ у насъ тогда тоже Иванъ. Какъ приду, бывало, въ церковь, все молюсь: «суди Богъ Ивана». Ну, вотъ и разсудилъ Богъ Ивана и послалъ намъ Василья. И давай я опять молиться: «суди Богъ Василья». Ну, и разсудилъ Богъ Василья да вотъ и послалъ намъ теперь другого Ивана. Будетъ съ насъ. Не ровенъ часъ—вымолишь себѣ другого Василья. Нѣтъ, ужъ лучше пошли Богъ здоровья Ивану.

Мѣсто Сипягина занялъ Плеве («разсудилъ Богъ Ивана—послалъ Василья»). Едва ли надо напоминать, какое впечатлѣніе произвело на интеллигенцію событіе 15 іюля 1904 г. Этотъ день мнѣ довелось провести въ Москвѣ. Около часа или двухъ пополудни появились экстренные газетные выпуски о «роковой бомбѣ на Измайловскомъ проспектѣ». Ихъ молча покупали и молча читали. Живо помню характерную сценку на Казанскомъ вокзалѣ въ Москвѣ. Возлѣ меня въ обычной станціонной толпѣ стояли офицеръ, далеко не первой молодости, и какой-то штатскій. Повидимому, оба еще не знали о судьбѣ, постигшей Плеве. Офицеръ вяло купилъ у молчаливаго газетчика экстренный выпускъ,—можетъ быть, полагая тамъ найти лишь обычныя «военныя» телеграммы изъ Манчжуріи. Онъ такъ же вяло, словно нехотя, по обязанности, не прерывая разговора съ своимъ пріятелемъ штатскимъ, взглянулъ на заголовокъ «экстреннаго прибавленія» и вздрогнулъ.

— Что случилось?—спросилъ штатскій.

Офицеръ оглянулся по сторонамъ, наклонился къ самому уху пріятеля и шепотомъ сообщилъ:

— Плеве убитъ...

Люди не смѣли вслухъ сказать о событіи, оффиціально опубликованномъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ той же Москвѣ разносчики, продававшіе экстренные выпуски газетъ, далеко не вездѣ осмѣливались говорить вслухъ:

«Злодѣйское убійство министра внутреннихъ дѣлъ».

Многіе просто предлагали купить:

«Экстренное прибавленіе... Очень интересно».

Смерть Плеве былъ тотъ громъ, который заставляетъ мужика, зашедшаго въ непролазныя дебри, перекреститься и подумать. Перекрестились и задумались даже правительственные верхи. Убійствомъ Плеве, разумѣется, не была обострена стоявшая (и до сихъ поръ стоящая) передъ Росссіи альтернатива: либо переходъ къ новымъ формамъ политической жизни, либо политическая смерть. Надо полагать, и на правительственныхъ вершинахъ есть люди, понимающіе, до какой степени новыя политическія формы необходимы и по соображеніямъ чисто экономическимъ, и по соображеніямъ военнымъ, не говоря уже о всѣхъ прочихъ соображеніяхъ. Но тамъ, на этихъ вершинахъ, по случаю 15 іюля только задумались, оставляя постъ министра внутреннихъ дѣлъ вакантнымъ. Думали тамъ довольно долго. 28 іюля прогремѣлъ на весь міръ трагическій «прорывъ портъ-артурской эскадры». 22 августа палъ Ляоянъ. 26 августа Святополкъ-Мирскій назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. А генералъ Треповъ пришелъ къ выводу, что пора «спасать самые дорогіе интересы монархіи», и что для этого есть только одно средство: «полуконституція съ уклономъ въ сторону полной конституціи». Вершинамъ показалось, что на сей разъ интересы Россіи совпали съ интересами «монархіи». Новый министръ заговорилъ о «довѣріи». А «Новое Время» стало печатать статьи о земскомъ соборѣ. «Образованное русское общество», говорившее шепотомъ о смерти Сипягина и Плеве, воспользовалось молчаливымъ разрѣшеніемъ мечтать вслухъ о свободахъ. Самъ екатеринославскій полицеймейстеръ Машевскій началъ терпѣть банкеты, а если и разгонялъ ихъ, то не по всей строгости закона. Самъ Святополкъ-Мирскій оказалъ покровительство знаменитому земскому съѣзду въ ноябрѣ 1904 г., хотя и поставилъ этотъ съѣздъ въ положеніе, освобождавшее «высшую власть» отъ какой бы то ни было формальной обязательности считаться съ мнѣніемъ земцевъ.

Я вовсе не склоненъ преуменьшать моральное значеніе банкетовъ, которыми наполненъ конецъ 1904 г., какъ не склоненъ преуменьшать и моральное значеніе ноябрьскаго съѣзда земцевъ. Но вѣдь рѣчь идетъ не о моральномъ значеніи. Рѣчь идетъ о физическихъ силахъ революціи, о народныхъ массахъ. Какія же

силы стояли за участниками банкетовъ? Попущеніемъ начальства банкеты терпѣлись. По знаку начальства они были пресѣчены. Какія силы стояли за земскими съѣздами? Можетъ быть, самимъ земцамъ и казалось, что за ними народъ. Но въ дѣйствительности народъ въ массѣ даже не подозрѣвалъ о существованіи земскихъ съѣздовъ. А мѣстами и до сихъ поръ самыя слова: «земскій дѣятель» народный слухъ не различаетъ отъ «земскаго начальника». Это смѣшеніе, на первый взглядъ, совершенно различныхъ понятій, безспорно, имѣетъ за собою нѣкоторыя оправданія, но опять-таки мы не объ оправданіи говоримъ, а объ учетѣ силъ.

Во времена Святополкъ-Мирскаго, быть можетъ, единственный человѣкъ могъ сказать: за моею спиною масса въ 100 тысячъ. Но и этотъ единственный человѣкъ былъ Георгій Гапонъ, насаждавшій идею народолюбиваго царя подъ покровительствомъ департамента полиціи. Можно лишь догадываться, какое примѣненіе нашелъ бы политическій дѣятель à la Бисмаркъ стотысячной массѣ, добровольно пришедшей съ хоругвями и иконами бить челомъ монарху. Но кн. Святополкъ-Мирскій и Треповъ предпочли 9 января посѣять сѣмя, изъ котораго въ октябрѣ 1905 г. выросла всеобщая политическая забастовка. У революціи вдругъ оказались громадныя силы, смогшія одновременно выступить на огромномъ пространствѣ. Моральное впечатлѣніе этой демонстраціи было колоссально. Но если учитывать силы, по-скольку онѣ именно у насъ, въ Россіи, могли треповскую «полуконституцію» превратить въ настоящую «конституцію», то я не знаю, зачѣмъ скрывать отъ себя, что силъ, выступившихъ въ октябрѣ 1905 г., было въ сущности недостаточно.

Манифестаціи 18 октября во многихъ мѣстахъ сорваны и разбиты массовыми погромами. Но даже въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ, гдѣ массовыхъ погромовъ не произошло, многотысячная толпа манифестантовъ, уже склонныхъ считать себя побѣдителями, была отброшена залпами на углу Загороднаго и Гороховой,—залпами, прошедшими безнаказанно и вызвавшими лишь словесный протестъ. 19 октября, столь же безнаказанно и такъ же вызывая лишь словесный протестъ, по всему Петербургу разъѣзжали казаки, сметая всякій признакъ «скопищъ». Точно также, по мановенію Трепова, были сметены митинги, и у революціи не оказалось силъ отстоять право собраній. Былъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ»,—«рабочее правленіе». Въ Петербургѣ оно представлялось самымъ мощнымъ учрежденіемъ революціи. А какія за нимъ стояли силы,—это имѣлъ мужество объяснить г. Хрусталевъ-Носарь. И правдивость этого объясненія подтверждается документально: «рабочее правленіе» оказалось беззащитнымъ и умерло, какъ только начальство пожелало принять противъ него рѣшительныя мѣры.

Несомнѣнно, у революціи были силы для того пассивнаго со-

противленія, которое называется всеобщей забастовкой. И была вѣра, что этимъ средствомъ можно принудить правительство къ капитуляціи. Пока неизвѣстно, какое дѣйствіе можетъ произвести всеобщая забастовка въ странахъ съ высоко развитою индустріальною жизнью,—вродѣ Англіи и Германіи. Но относительно Россіи мы по опыту знаемъ, что всеобщая забастовка, хотя и разстраиваетъ правительственный механизмъ, но не наноситъ ему смертельныхъ ранъ. Правительство при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ ждать, пока сила пассивнаго сопротивленія физически истощится, а затѣмъ уже ничто не мѣшаетъ ему приступить къ своей обычной дѣятельности. Сила для пассивнаго сопротивленія была. И если говорить о массахъ фабрично-заводскаго люда, въ которомъ главнымъ образомъ она заключалась, то надо доказать, что сила эта революціей потеряна. Сейчасъ въ рабочей средѣ есть разныя теченія. Есть аполитизмъ. И есть горячее желаніе ринуться въ политическую борьбу, нанести врагу ударъ немедленно, не ожидая, пока жизнь выработаетъ новыя формы борьбы. Есть партійныя группировки, ищущія интеллигентскаго руководительства. И есть профессіональное движеніе, мѣстами окрашенное въ не совсѣмъ дружественное отношеніе къ интеллигенціи, и въ особенности къ интеллигенціи партійной. Однако, г. Столыпинъ умно дѣлаетъ, не повторяя «братцевъ» гр. Витте: правительство не найдетъ поддержки въ рабочей массѣ. Эта сила революціей не потеряна. Потеряна лишь вѣра разрушить стѣны Іерихона всеобщей забастовкою. А тяжко ранить себя безъ надежды побѣдить противника,—такіе шаги можетъ продѣлывать лишь отчаяніе.

Итакъ, когда же у насъ были силы, достаточныя, чтобы «разсчитывать на руководящую роль въ строительствѣ новой жизни»? Возможно, что кое-кому казалось, будто такія силы есть. Припоминаю даже кое-какихъ неглупыхъ людей, которые, не шутя, собирались «стать посреди поля» и продиктовать свою волю направо и налѣво. Но вѣдь мало ли, что инымъ казалось со времени «весны» Святополка-Мирскаго!..

III.

«Стать посреди поля» и продиктовать... Спасти такимъ образомъ Россію собирался, между прочимъ, П. Н. Милюковъ. Люди, менѣе уравновѣшенные, шли гораздо дальше. Мнѣ невольно припоминается сейчасъ одинъ «послѣдователь экономическаго матеріализма»,—не большевикъ и не ортодоксъ. Во время всеобщей забастовки, числа 15 или 16 октября, мы разговорились о возможномъ исходѣ событій. Мой собесѣдникъ не безъ грусти признавалъ, что надеждъ почти нѣтъ.

— Пролетаріатъ,—говорилъ онъ,—принесъ колоссальную жертву.

Но что такое пролетаріатъ? Вѣдь это лишь налетъ на мужицкомъ ядрѣ Россіи. А между тѣмъ мужикъ остался въ сторонѣ. Для него вся теперешняя забастовка--дѣло чужое, темное, городское и едва ли не господское. Ну, а разъ мужикъ въ сторонѣ, что тутъ подѣлаешь?

Мы по догадкамъ высчитывали «массу, вдвинутую въ революцію», т. е. число забастовавшихъ рабочихъ, потомъ брали «массу, оставшуюся въ сторонѣ». Выводъ получался тотъ, что нельзя привѣскомъ въ 3 — 4 милліона перевернуть гирю въ 100 милліоновъ.

— Безрезультатно забастовка, конечно, не пройдетъ. Но по существу пролетаріатъ можетъ сыграть роль лишь авангарда. Пока мужикъ не зашевелился, рѣшительныхъ событій ждать нельзя.

Черезъ день или два былъ опубликованъ манифестъ 17 октября. И тотъ же «послѣдователь экономическаго матеріализма», когда я съ нимъ снова заговорилъ было о мужикѣ, иронически махнулъ рукой:

— Надѣйтесь!.. Вонъ погромы идутъ—это вашъ мужикъ орудуетъ. Орда онъ—мужикъ-то вашъ. И мелкій буржуй. А у насъ, батюшка, не орда и не буржуй. Организованная сила революціоннаго пролетаріата...

Это было время, когда Бальмонтъ писалъ «стихи»: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». Въ ту пору, дѣйствительно, были не только мечты о «руководящей роли», но и прямо поставленный «вопросъ о диктатурѣ пролетаріата». Легко понять мучительное разочарованіе людей, увлекшихся до диктатуры пролетаріата и низринутыхъ до государственной программы Грингмута и Пуришкевича. Безъ сомнѣнія, люди, пережившіе столь головокружительный скачокъ, чувствуютъ себя не совсѣмъ ловко. Но если отрѣшиться отъ личнаго самочувствія и перейти къ объективнымъ фактамъ, то позволительно спросить: что случилось?

Изъ лагеря «лѣвѣе к.-д.» всѣми возможными способами возглашалось послѣ 17 октября:

— Не вѣрьте данайцамъ, дары приносящимъ. Вамъ ничего не дадутъ, если вы не возьмете сами.

Возможно всетаки, что «данайцы» одно время разсчитывали нѣкоторыя крохи дать. Въ 1905 г. вопросы ставились обще. Самъ генералъ Треповъ, разсуждая о «полуконституціи съ уклономъ въ сторону конституціи», едва ли ясно представлялъ себѣ, какія послѣдствія встрѣтятся на этомъ пути. Въ ту пору даже графъ Бобринскій «высказывался за всеобщее избирательное право» *). И только позже сообразилъ, какіе результаты отсюда послѣдуютъ для «помѣщичьяго землевладѣнія» и для политической роли дворянства. И, только сообразивши это, онъ перешелъ отъ «все-

*) „Рѣчь“, 29 іюня 1907.

общаго избирательнаго права» къ «союзу русскаго народа». Реформа, необходимая, по мнѣнію генерала Трепова, для «спасенія монархіи», мыслилась слишкомъ ужъ отвлеченно, въ видѣ нѣкоего политическаго орнамента, не затрагивающаго соціальной структуры. Пребывать въ этомъ заблужденіи было тѣмъ легче, что вопросы соціальной структуры остались почти незатронутыми не только банкетнымъ, но даже союзнымъ движеніемъ. Не говорю о такихъ союзахъ, какъ крестьянскій. Но союзы интеллигентскіе лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, напр., союзъ писательскій, поднимали рѣчь о такихъ жупелахъ, какъ «національзація земли». Да и въ писательскомъ союзѣ этотъ жупелъ былъ лишь поднятъ и оставленъ «необязательнымъ».

Впрочемъ, націонализація земли въ ту пору даже не казалась жупеломъ. «Націонализацію» просто не понимали. Делегаты петербургскаго съѣзда журналистовъ въ апрѣлѣ 1905 г., вернувшись на мѣста, кое-гдѣ вынуждены были объяснять, что такое націонализація, и почему она оказалась самымъ боевымъ вопросомъ, расколовшимъ съѣздъ. Напомню, какъ курьезъ: кіевскій г. Сидоровъ, цензоръ съ весьма тонкимъ полицейскимъ обоняніемъ, безжалостно вычеркивалъ малѣйшій намекъ на «представительный образъ правленія», но свободно пропускалъ статьи о націонализаціи земли.

Мужикъ остался внѣ октябрьской забастовки. Но и сама забастовка, въ извѣстномъ смыслѣ, прошла внѣ мужика. Посторонній и поверхностный слухъ едва ли могъ уловить въ ней вліяніе лозунга: «земля». Любой «данаецъ» даже въ день опубликованія манифеста могъ спокойно думать:

— Ничего особеннаго. Я былъ помѣщикомъ до конституціи. Теперь буду помѣщикомъ при конституціи. Пожалуй, оно и пріятнѣе будетъ.

Правда, еще въ совѣтѣ, обсуждавшемъ «булыгинскую конституцію», генералы Лобко и Глазовъ указывали, что крестьянство — «наиболѣе сильная группа» населенія и по численности (80%) и по имущественному цензу (владѣетъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи 146 милл. десятинъ надѣльной и частичной земли противъ 61 милл. десят. земли помѣщичьей *). Но тогда казалось, что тутъ-то и помѣщается незыблемая точка опоры для «исторической власти». Въ ту пору казалось, что именно «наиболѣе сильная группа населенія» «олицетворяетъ въ образѣ самодержавнаго царя всю свою мощь», и «нѣтъ основаній думать, чтобы эти историческія отношенія народа къ власти въ чемъ-либо существенномъ измѣнились въ широкихъ слояхъ населенія, и чтобы при правильной постановкѣ выборовъ можно было ожидать (въ Думѣ) стремленій вступить въ борьбу съ правительствомъ на почвѣ политиче-

*) „Матер. по учр. Госуд. Думы", стр. 50—53.

скихъ правъ» *). Генералы Лобко и Глазовъ потому и указывали самую «сильную группу» населенія, что желали видѣть въ Думѣ ее болѣе сильно представленной, чѣмъ остальные члены совѣта. Тогда какъ-то не догадывались «вверху стоящіе», что самая сильная группа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая раззоренная, что реформа страшно запоздала, и если 25—30 лѣтъ назадъ крестьянство, быть можетъ, сумѣло бы при конституціи не такъ страстно отнестись къ «прирѣзкѣ земли», то теперь для него прирѣзка—вопросъ жизни и смерти. Словомъ, иллюзіи касательно возможности отдѣлаться политическимъ орнаментомъ, не затрогивая соціальной структуры, несомнѣнно, были. И едва-ли есть особая нужда напоминать ходъ событій, которыми онѣ безпощадно разбиты. Все это было такъ недавно. И такъ свѣжо у всѣхъ въ памяти.

Повторяю, можетъ быть, нѣкоторое время на вершинахъ въ серьезъ думали о конституціи. Можетъ быть, лозунгъ: «не вѣрьте данайцамъ, дары приносящимъ», иногда не соотвѣтствовалъ субъективному настроенію «данайцевъ». Но это не мѣшало ему быть объективно-правильнымъ, хотя и не легко проводимымъ въ сознаніе массъ. Кн. Е. Н. Трубецкой вонъ и до сихъ поръ вѣритъ въ «конституцію» и даже собирается ее спасать. А к.-д. «Рѣчь», кажется, лишь послѣ 3 іюня взяла за правило слова: «русская конституція» приводить не иначе, какъ въ ироническихъ кавычкахъ. Надо отдать справедливость правительству,—оно съ особенною ревностью подрывало вѣру въ собственныя обѣщанія. И трагедія его въ томъ, что оно не могло поступать иначе. Оно обѣщало «незыблемо установить свободы». И должно было отказаться отъ этой мысли, ибо каждая «свобода» фатально ведетъ къ усиленію революціонныхъ силъ и средствъ ликвидировать если не весь помѣщичій классъ, то, по крайней мѣрѣ, все дворянское сословіе. Витте, Горемыкинъ, Столыпинъ, — по разнообразнымъ поводамъ, но почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ заявляли намъ, что «принудительное отчужденіе» земель недопустимо, что это «соціализмъ», нарушеніе правъ собственности и т. д., и т. д. Но едва ли можно думать, что эти заявленія продиктованы наивностью. Вѣдь до сихъ поръ ни одно правительство не останавливалось, если ему это нужно, передъ принудительнымъ отчужденіемъ. И всего меньше передъ этимъ останавливалось правительство русское. Да и теперь въ сущности не останавливается. Не такъ давно въ газетахъ были опубликованы характерные переговоры между представителемъ военнаго вѣдомства артиллерійскимъ генераломъ Бугаевскимъ и тираспольскими хуторянами. Ген. Бугаевскій потребовалъ предоставить ему на извѣстныхъ условіяхъ подъ стрѣльбище 4000 десятинъ земли. Хуторяне нашли эти условія для себя не подходящими. Тогда ген. Бугаевскій заявилъ,

*) Ibid., стр. 78.

что въ такомъ случаѣ 4000 десятинъ будутъ отчуждены въ порядкѣ принудительномъ *). И, конечно, на правительственныхъ вершинахъ не смѣшиваютъ генерала Бугаевскаго съ соціалистами. Но будемте откровенны. Около подоходнаго налога сталкиваются матеріальные интересы не слишкомъ рѣшающаго значенія. А посмотрите, какой это въ сущности подводный камень, и сколько политическихъ комбинацій разбилось объ него, напр. во Франціи. Здѣсь не подоходный налогъ. Здѣсь до полутораста милліоновъ десятинъ земли, включая въ это число имѣнія удѣльныя и кабинетскія. Это — почти утроенное пространство всей Германской имперіи. Лишиться добровольно трехъ Германій — такихъ чудесъ вообще не бываетъ. А въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не только о трехъ Германіяхъ. Съ потерей ихъ цѣлое сословіе лишится привычнаго и нужнаго для «исторической власти» вліянія на мѣстную жизнь, перестанетъ быть хотя и искусственно поддерживаемой, но все же реальной силой. Все государство сверху до низу будетъ перевернуто на мужицкій солтыкъ — вотъ собственно къ чему пришло бы правительство, если бы оно стало добросовѣстно выполнять обѣщанія манифеста 17 октября.

Газетами разоблачено, какую роль сыгралъ совѣтъ объединеннаго дворянства въ событіяхъ послѣдняго времени. Судя по этимъ разоблаченіямъ, «мѣропріятія», связанныя съ роспускомъ какъ первой, такъ и второй Думы, были предварительно обсуждены и одобрены «объединеннымъ дворянствомъ». Обычная дѣятельность этой своеобразной политической группы, кое гдѣ называемой «партіей перепуганныхъ помѣщиковъ», совершается конфиденціально. Какъ и подобаетъ перепуганнымъ людямъ, «объединенные» чувствомъ страха дворяне прячутся. Но на іюньскомъ «земскомъ» съѣздѣ въ Москвѣ они воспользовались земскою ширмой, чтобы высказаться вслухъ. Ихъ откровенные разговоры о всемѣрной репрессіи кн. Е. Н. Трубецкой сравнилъ съ ревомъ бѣловѣжскаго зубра, когда тотъ бѣжитъ за мужицкой телѣгой и мычитъ, пока ему не бросятъ клокъ сѣна. Соль сравненія, повидимому, въ томъ, что «первенствующее сословіе», подобно бѣловѣжскимъ зубрамъ, умѣетъ подходить къ вопросамъ бытія лишь съ чисто утробной точкою зрѣнія. Утробная точка зрѣнія, разумѣется, не украшаетъ человѣка. Но для огромнаго слоя дворянъ при данномъ стеченіи обстоятельствъ она такъ же естественна, какъ и для многочисленныхъ тайныхъ и явныхъ агентовъ охраннаго отдѣленія, не исключая и выдающихся въ этой области службы, въ родѣ знаменитаго корнета Пономарева.

Въ самомъ дѣлѣ, чего могутъ желать «объединенные дворяне»? Установленія законности? Правопорядка? Но объединенный дворянинъ Марковъ не хуже корнета Пономарева понимаетъ, что уста-

*) „Рѣчь", 9. VI. 1907.

новить сейчасъ въ Россіи законность значитъ развязать руки революціи.

— Куда жъ мы тогда дѣнемся?—резонно спросятъ гг. Марковъ и Пономаревъ.—Работать мы не умѣемъ. Жить привыкли широко. Къ службѣ, какая потребуется при мужицкихъ порядкахъ, неспособны. По міру что ли намъ прикажете идти!

Я готовъ согласиться съ кн. Трубецкимъ, что рѣчи Марковыхъ легко смѣшать съ ревомъ зубра. Но вѣдь и стоитъ передъ Марковымъ такой же вопросъ о чисто утробномъ интересѣ, какимъ руководится и зубръ.

Легко понять негодованіе людей, вродѣ бывшаго «либеральнаго» министра Ермолова, статьи котораго въ «Новомъ Времени» недавно произвели нѣкоторое подобіе газетнаго шума. Люди эти негодуютъ противъ кого-то, поднявшаго аграрный вопросъ. По ихъ мнѣнію, въ этомъ вопросѣ не только главная, но и единственная причина переживаемыхъ нами ужасовъ. Не будь его, не поставь онъ на карту столь колоссальную ставку, правительство уже осуществило бы свои обѣщанія, и мы бы уже имѣли «представительный образъ правленія». Съ извѣстными оговорками, я готовъ, пожалуй, признать эту точку зрѣнія. Дѣйствительно, не будь поставлены на карту столь колосальные интересы, «октябрьская революція», которую, послѣ крушенія надеждъ на диктатуру пролетаріата, стали иногда называть буржуазной, быть можетъ, и достигла бы цѣли. Представьте, въ самомъ дѣлѣ, такую, примѣрно, идиллическую картину. Изданъ манифестъ. Верхи находятся подъ вліяніемъ треповскаго лозунга: «надо спасать»,—кстати, до сихъ поръ не потерявшій своей остроты; пожалуй, даже острота его нынѣ усугублена. «Культурное общество» учитываетъ этотъ рессурсъ, понимая, конечно, что можно дѣйствовать лишь въ его предѣлахъ. Оно подаетъ руку правительству. Разумѣется, мужики галдятъ о «черномъ передѣлѣ». «Культурное общество» спѣшитъ на помощь. Гдѣ мѣрами вразумленія, гдѣ мѣрами строгости, оно помогаетъ водворить порядокъ. Газеты на всѣ лады просвѣщаютъ мужика: «Пойми, православный, ни въ одной Европѣ еще того нѣтъ, о чемъ ты говоришь; нельзя все сразу получить; сначала надо одно сдѣлать; знаешь пословицу: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь». Тѣмъ временемъ собирается Дума. Представители культурнаго общества, конечно, въ большинствѣ. Какъ трезвые политики, они убѣждаютъ всѣхъ, что нельзя выходить изъ рамокъ треповскаго спасенія. Они проводятъ реформы. Они укрѣпляютъ власть «авторитетомъ всей націи». Они, наконецъ, подобно морально и экономически обанкротившемуся дворянству, играютъ роль николаевскихъ полицеймейстеровъ въ конституціонной Россіи. Умилительная картина! Недаромъ же «Новое Время» писало по поводу манифеста 17 октября:

«Теперь правительство, выступая на охрану и защиту вну-

тренняго мира, можетъ имѣть несокрушимую нравственную силу въ сознаніи, что... съ нимъ все общество», все, что есть въ странѣ разумнаго, зрѣлаго, политически развитого и способнаго къ политической дѣятельности... Теперь правительство получило возможность выступить въ единеніи съ свободнымъ общественнымъ мнѣніемъ, т. е. въ ореолѣ лучшей силы» *).

И не одному «Новому Времени» представлялось благоразумное, умѣренное и аккуратное «общество», несущее, въ цѣляхъ «охраны внутренняго міра», свой моральный авторитетъ въ придачу къ правительственнымъ мѣрамъ. Такого же «культурнаго общества» искалъ гр. Витте, вызывая «въ дни свободы» изъ Москвы «общественныхъ дѣятелей», отъ которыхъ онъ, впрочемъ, вмѣсто «благоразумныхъ словъ», услышалъ «учредительное собраніе на основѣ всеобщей, прямой, равной и тайной»... Съ надеждою найти именно такое «культурное общество» созваны двѣ Думы. Въ надеждѣ найти, наконецъ, его, а если и не найти, то фальсифицировать, созданъ избирательный законъ 3 іюня. И, повторяю, мнѣ понятно негодованіе сановныхъ и не сановныхъ либераловъ по адресу «аграрнаго вопроса». Это онъ разбилъ идилліи. Это, благодаря ему, у насъ, вмѣсто конституціи, получилось нѣчто такое, въ чемъ напр., «Товарищъ» никакъ не можетъ разобраться и лишь докладываетъ читателю: «все спуталось».

Правительство знаетъ, что внѣ рецепта, составленнаго Треповымъ, нѣтъ спасенія. Но оно не хочетъ имъ пользоваться. Да и не можетъ. Ибо средство для даннаго организма и при данныхъ обстоятельствахъ оказывается чрезвычайно сильнымъ: оно вмѣстѣ съ болѣзнью, пожалуй, убьетъ и самого больного. Революція знаетъ, что, не затрагивая аграрнаго вопроса, гораздо легче подойти къ установленію конституціонныхъ началъ. Но она упорно затрагиваетъ этотъ «проклятый вопросъ». И не можетъ не затрагивать, ибо духовно и кровно связана съ «наиболѣе сильной группою населенія», и внѣ этой группы, внѣ ея насущныхъ нуждъ, можетъ лишь превратиться въ собственную противоположность. Въ концѣ концовъ жизнь уперлась въ «аграрный вопросъ». Уперлась въ аграрный вопросъ не въ смыслѣ выбора между к.-д., с.-р., с.-д. или н.-с. программами. Нѣтъ, вопросъ ставится гораздо обнаженнѣе и грубѣе: будетъ жить или будетъ ликвидировано «помѣстное сословіе». Три года назадъ судьба Россіи опредѣлялась въ видѣ альтернативы: «абсолютизмъ и смерть или конституція и жизнь». «Гибель монархіи или полуконституція»—какъ перевелъ эту формулу на языкъ придворныхъ интересовъ покойный Треповъ. Нынѣ альтернатива, опредѣляющая судьбу Россіи, получила болѣе конкретную редакцію: «помѣстное сословіе или жизнь».

«Не вѣрьте данайцамъ, дары приносящимъ»... Эту формулу

---

*) „Нов. Вр.", 22 октября, 1905.

надо было доказывать во время выборовъ въ оба «русскіе парламенты». Она, лишенная, по цензурнымъ условіямъ, возможности во всеуслышаніе обосновать себя, сталкивалась съ к.-д. лозунгомъ «берегите Думу», связавшимъ депутатовъ второго призыва по рукамъ и ногамъ. Ее считали даже не логическимъ выводомъ ихъ, а лишь отраженіемъ нѣкоторой неуравновѣшенности темперамента. Теперь она подтверждена документально. Въ ея пользу закономъ 3 іюня правительство взяло на себя трудъ вести повсемѣстную пропаганду. Всяческія власти будутъ агитировать противъ «данайцевъ» во время предстоящей избирательной кампаніи, и особенно на губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, гдѣ новая правительственная милость предстанетъ предъ крестьянствомъ во всей красѣ. Положеніе страшно выиграло въ ясности. Легко понять тревогу по этому случаю въ лагерѣ правыхъ, и особенно на верхахъ, гдѣ «помѣстное сословіе» тоже стало поперекъ горла: безъ него смерть и съ нимъ не жизнь. Понятно смущеніе и въ лагерѣ к.-д., ибо 3 іюня потерпѣла жестокую аварію именно к.-д. тактика. Но уныніе залетѣло и на лѣвый берегъ. Откуда и по какой причинѣ? Развѣ не здѣсь говорили, что первая Дума ничего не дастъ? Развѣ не отсюда шли предупрежденія не возлагать надеждъ на вторую Думу? Развѣ не здѣшніе люди убѣждали не «вѣрить»? И вотъ въ точности сбылось по слову ихъ. Почему же здѣсь вдругъ обнаружилась нѣкая утрата бодрости? Неужели и тутъ жили надежды на Думу и гнѣздилась вѣра въ данайцевъ? Неужели и тутъ, доказывая безплодность к.-д. тактики, все же утѣшали себя: «авось, на этотъ грѣхъ изъ палки выстрѣлишь»?

Или, быть можетъ, произошло нѣчто неожиданное? Измѣнилось въ невыгодную для лѣваго крыла сторону соотношеніе силъ? Несомнѣнно, соотношеніе силъ измѣнилось. Достаточно, не входя въ подробности, просто сопоставить оба избирательныхъ закона,— первый, булыгинскій, при составленіи котораго правительство возлагало особыя чаянія на «всю надежность, крестьянскаго сословія въ политическомъ отношеніи» *), и второй, столыпинскій, проникнутый сознаніемъ «всей ненадежности крестьянскаго сословія въ политическомъ отношеніи». Рѣчь идетъ о 80% населенія Россіи. И такимъ образомъ 80% населенія на протяженіи всего двухъ лѣтъ самимъ правительствомъ переносятся изъ разряда весьма благонадежныхъ въ разрядъ завѣдомо неблагонадежныхъ. Это лучшая похвала революціи. Это одно изъ блестящихъ доказательствъ ея почти невѣроятныхъ успѣховъ. Сравнительно малосильная при Сипягинѣ и Плеве, она быстро растетъ. Она захватила интеллигенцію, сплотила въ союзы и потомъ развернула ихъ въ политическія партіи. Она вырвала рабочихъ изъ-подъ ферулы Зубатова и опредѣлила крестьянство. Казалось бы, есть всѣ данныя для бодраго настрое-

*) „Матер. по учр. Гос. Думы“, стр. 131.

нія въ лѣвомъ лагерѣ. Между тѣмъ, прокралось и сюда уныніе. Что это? Предатель борцовъ — усталость? Или есть тутъ причины болѣе глубокаго свойства?

IV.

Со стороны нѣкоторыхъ круговъ въ послѣднее время приходится слышать, что сейчасъ въ Россіи возможны только двѣ партіи—за революцію и противъ революціи. Къ такому же мнѣнію пришелъ, между прочимъ, и г. Ермоловъ. Въ этой мысли есть, мнѣ кажется, зерно истины, хотя терминологія, въ какую она облекается, требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Слово революція слишкомъ обще и допускаетъ много толкованій. Пунктъ же, который, дѣйствительно, рѣзко раскалываетъ значительную часть Россіи на два враждебныхъ лагеря, весьма опредѣлененъ и можетъ быть ради краткости названъ всего двумя словами: «помѣстное сословіе». Если вы за ликвидацію этого «сословія», какъ землевладѣльческаго слоя; говоря еще конкретнѣе, если вы за массовое принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель, то вамъ не нужны репрессіи, вамъ не страшны конституціонныя гарантіи, словомъ,—вы за правовой государственный строй, внѣ котораго Россію ждетъ окончательное экономическое раззореніе и политическое разложеніе. Если вы противъ ликвидаціи «помѣстнаго сословія»,—для васъ пригоденъ только одинъ строй: «желѣзная диктатура», вооруженная военно-полевымъ трибуналомъ. Въ этомъ смыслѣ сейчасъ въ Россіи, несмотря на множество совершенно неустранимыхъ теченій, возможны дѣйствительно двѣ «партіи», у которыхъ найдется достаточно вполнѣ конкретныхъ поводовъ для взаимной и безпощадной борьбы: это «партіи» за помѣщиковъ и противъ помѣщиковъ. Столь грубая обнаженность основного пункта разногласія имѣетъ очень важныя положительныя стороны. Точное установленіе позиціи противника есть уже шансъ къ выигрышу сраженія. Есть, однако, въ этой обнаженности и нѣчто такое, надъ чѣмъ невольно призадумаешься.

Позиція обнажена. Война изъ-за нея неминуема. Да уже и началась. Выше я упомянулъ о свѣдѣніяхъ изъ 25 губерній, охваченныхъ аграрнымъ волненіемъ. Сейчасъ мы къ нимъ подойдемъ вплотную. А пока позволительно поставить вопросъ:

Вотъ въ этой схваткѣ, которая неминуема, уже началась и, несомнѣнно, будетъ роковой, какую собственно роль можемъ сыграть мы, интеллигенція безпартійная или партійная разныхъ оттѣнковъ?

Пока тамъ, куда теперь волею судебъ переносится поле сраженія, была просто масса, жаждущая разобраться въ нахлынувшихъ на нее слухахъ и впечатлѣніяхъ, интеллигенція выполнила привычную ей работу: несла, куда нужно, свои знанія и свою вѣру. Она излагала свои программы. Бросала свои лозунги. Интеллигенцію и

теперь тянетъ въ сторону этой работы и привычка, и глубокое сознанiе въ ея полезности. Но сохранилась ли въ массѣ жажда разбираться въ программахъ, въ разныхъ «тонкостяхъ», обозначаемыхъ, напр., словами: нацiонализацiя, соцiализацiя, муниципализацiя? «Тонкости» эти цѣнны и важны, но когда очередная задача такъ упрощается, что ее можно вмѣстить въ одномъ словѣ «помѣщикъ», едва ли въ практически-утилитаторномъ мозгу того же хотя бы мужика отыщется мѣсто, чтобы въ нихъ, въ тонкости-то эти, вникать съ увлеченiемъ.

Разные тактическiе лозунги несла интеллигенцiя въ деревню. Мужикъ какъ бы инстиктивно сосредоточилъ свое особенное вниманiе на помѣщикахъ. И немудрено, что многiе приносимые интеллигенцiей лозунги такъ или иначе откликались на «аграрное движенiе». Беру для примѣра одинъ изъ нихъ: не допускайте погромовъ, берегите силы для организованнаго натиска. О немъ мнѣ тѣмъ легче говорить, что и я его писалъ въ газетахъ и книжкахъ, предназначенныхъ для крестьянъ. И самъ вѣрилъ въ него, и другихъ, насколько я знаю, убѣждалъ вѣрить. Недавно мнѣ пришлось говорить съ однимъ знакомымъ крестьяниномъ о преимуществѣ организованнаго натиска передъ стихiйными вспышками. Онъ выслушалъ меня и отвѣтилъ:

— Оно извѣстно. Организацiя эта самая... Ужъ чего бы лучше! Да откуда-жъ ты ее возьмешь?.. А у насъ вотъ намедни землячокъ одинъ барскому жеребцу копыта подрѣзалъ... Нынче ежели, къ примѣру, жеребецъ, завтра кобыла, послѣ завтра нѣмецкихъ коровъ маленько того... Ничего,—какого хочешь помѣщика можно со свѣту жить...

— Да чѣмъ же скотина виновата?

— Скотина извѣстно... И въ писанiи говорится: блаженъ человѣкъ иже скота милуетъ... Одначе, и то сказать: на драку шедши, волосъ не жалѣй... Такъ-то, говорю. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ...

Вотъ и еще отзывъ при разговорѣ о преимуществахъ организацiи:

— Кабы то мiромъ! Мiръ великое дѣло. А только ежели снопомъ лишнiй разъ стукнуть,—и то баринъ процентовъ въ банкъ не заплатитъ.

«Стукнуть лишнiй разъ снопомъ»... Для людей, не совсѣмъ близкихъ къ деревенской обыденщинѣ, необходимо объяснить это техническое выраженiе. «Вороватый» мужикъ, навивая барскiе снопы на возъ, не преминетъ разослать подъ телѣгой дерюгу и каждымъ снопомъ стукнуть объ грядку. Вытрушенное зерно онъ беретъ себѣ, а снопы въ полной сохранности везетъ барину. Это если «стукать» для личной выгоды. А ежели для озорства, то снопы будутъ стукаться на всемъ пути отъ жнеи или жницы до молотилки или цѣпа. И если они при этомъ начнутъ стукаться

«лишній разъ», у «барина» шутя можно снять четверть, а то и всю треть урожая.

Или еще отзывъ:

— Ничего,—у нашего барина теперь всѣ его машины безъ гаекъ.

«Разворовали» — пишетъ мой знакомый землевладѣлецъ Орловской губерніи, живущій съ крестьянами въ ладахъ и до сихъ поръ сумѣвшій не довести дѣла до острыхъ столкновеній. — «Бывали—продолжаетъ онъ—и раньше кражи, но теперь это что-то ужасное. Если такъ и дальше пойдетъ, выходъ одинъ—бросить все и бѣжать».

Повидимому, движеніе приняло именно такую, какъ бы распыленную форму, которую кое-гдѣ газеты называютъ «анархической». Есть мѣста, гдѣ сколько-нибудь крупныхъ фактовъ, которые легко улавливаются въ обычный типъ газетной корреспонденціи, не такъ ужъ много. «Живемъ—какъ пишетъ тотъ же землевладѣлецъ Орловской губ.—пока слава Богу тихо», а вотъ только «разворовали». На каждомъ шагу лишь мелочи: нынче жеребецъ съ подрѣзанными копытами, завтра лучшая, дорогая молочная корова съ прорваннымъ выменемъ, послѣзавтра фруктовыя деревья оказались съ ободранной корой, тамъ стащили хомуты, выгребли картошку изъ ямы, у вѣялки вдругъ не оказалось гаекъ, и за ними экстренно надо посылать въ городъ; въ одномъ углу потрава, въ другомъ порубка; въ свѣже-наложенныхъ стогахъ вдругъ запрѣло сѣно, и прежде, чѣмъ владѣлецъ успѣлъ разобрать, отчего это произошло, у него при уборкѣ озимей «выстукали» четверть урожая. Наконецъ, сгорѣлъ сарай, стогъ сѣна, скирда хлѣба. Это уже «фактъ», который можетъ попасть въ газетную лѣтопись, какъ «признакъ аграрнаго движенія». Такіе «признаки» то и дѣло отмѣчаются газетами. «Въ имѣніи землевладѣлицы Бруговской (Елизаветградскій у.) пожаромъ уничтожены нѣкоторыя постройки съ сельско-хозяйственными орудіями». «Въ имѣніяхъ Звегинцева и Клочкова (Воронежской губ.) сгорѣли отъ поджога—въ первомъ паровая мельница, во второмъ домъ и всѣ надворныя постройки». Эти цитаты я беру изъ петербургскихъ газетъ отъ 8 іюля. Кстати отмѣтить—всѣ такія свѣдѣнія въ громадномъ большинствѣ случаевъ попадаютъ въ газеты изъ частныхъ и, слѣдовательно, случайныхъ источниковъ. Оффиціозное «Петербургское Агенство» признаки «аграрнаго безпокойства» систематически замалчиваетъ. И въ этомъ замалчиваніи есть не только, быть можетъ, желаніе представить, что «на Шипкѣ все спокойно». Есть тутъ также, по всей вѣроятности, невольное совпаденіе съ психологіей того помѣщика, который, какъ мнѣ передавали, очень разсердился, когда прочиталъ въ мѣстной газетѣ корреспонденцію о сгорѣвшемъ амбарѣ въ его имѣніи:

— Вотъ объ амбарѣ они пишутъ. А что такое амбаръ! Отъ него убытку-то всего-на-всего 500 р. А у меня за это время тысячъ на 15 нашкодили. Объ этомъ, небось, не пишутъ...

Противъ «шкоды» въ имѣніяхъ, гдѣ ведется «собственное хозяйство», никакихъ «раціональныхъ мѣръ» не придумано. Въ 1905 г., когда начались массовые открытые аграрные погромы, возлагались большія надежды на казаковъ, стражниковъ, и на «собственныя команды». Помѣщикамъ было предоставлено право имѣть при себѣ вооруженные отряды и для этой цѣли вербовать, на условіяхъ вольнаго договора, людей, между прочимъ, среди донскихъ и прочихъ казаковъ. Съ тою же цѣлью былъ организованъ отпускъ помѣщикамъ по дешевымъ цѣнамъ какъ холоднаго, такъ и огнестрѣльнаго оружія. Съ того же, впрочемъ, времени началъ практиковаться и другой способъ: усиленное запрещеніе крестьянамъ имѣть охотничьи ружья, при чемъ ружья, отобранныя у крестьянъ, кое-гдѣ передавались въ распоряженіе помѣщика и его стражи. Мѣстами, какъ, напр., въ Павлоградскомъ у., Екатеринославской губ., стрѣмленіе организовать вольно-наемные вооруженные отряды не охладѣло и понынѣ *). Но вообще относительно вольной стражи замѣтно сильное разочарованіе. Стоитъ она дорого. Годится лишь въ случаѣ «открытаго бунта мужиковъ». А въ «мирное время» вольно-наемные стражники «воруютъ» не хуже «мужика», а иногда и въ стачкѣ съ мужикомъ. Проектировались «легкіе отряды» для систематическихъ набѣговъ на деревни, откуда, по догадкѣ помѣщика, идетъ «шкода». Въ пользу «легкихъ отрядовъ» высказалось, между прочимъ, и «Новое Время», приглашавшее стать во главѣ этого дѣла храбрую дворянскую молодежь, которая такимъ способомъ и воскреситъ блестящій вѣкъ рыцарства. Разговоры эти кое-гдѣ, насколько я знаю, дошли до свѣдѣнія деревни. И здѣсь, по моимъ свѣдѣніямъ, мѣстами отразились довольно любопытно. Слухи о «легкихъ отрядахъ» были прямо приложены къ чрезвычайно размножившимся шайкамъ конокрадовъ: это, молъ, значитъ, паны и полиція противъ насъ такую политику устраиваютъ.

Между прочимъ, въ смыслѣ деревенскихъ выводовъ о панской политикѣ большее значеніе имѣли опубликованныя по волостямъ губернаторскія обязательныя постановленія, угрожающія «штрафомъ до 500 р. или арестомъ до 3 мѣсяцевъ» за потраву у помѣщика, за «похищеніе соломы или сѣна» у помѣщика, и за всякую другую «шкоду», какую только можно предвидѣть и изобразить на бумагѣ. Помимо этихъ общихъ постановленій, земскимъ начальникамъ предписано наказывать «всякій поступокъ, носящій характеръ проявленія аграрнаго движенія» **). Эти постановленія и предписанія, какъ бы подчеркивая, что «шкода» приняла массовой характеръ, появились уже послѣ роспуска второй Думы. Но и до роспуска борьба противъ «шкоды» имѣла весьма

*) „Рѣчь“, 7. VII. 1907.
**) „Рѣчь“, 4. VII, 1907.

буйныя формы. Напомню случай съ казеннымъ сборщикомъ въ Полтавской губ. Сборщикъ этотъ «топталъ панскіе посѣвы», т. е. шелъ во время невылазной грязи не по дорогѣ, а по обочинѣ помѣщичьяго поля. Стражники поймали его на мѣстѣ преступленія и рѣшили тутъ же пристрѣлить. По счастью, дѣло было днемъ. Стражники имѣли возможность убѣдиться, что передъ ними, дѣйствительно, казенный человѣкъ. А такъ какъ казенному человѣку все-таки неловко идти по грязи, то сборщику «удалось выпросить себѣ помилованіе» *). Словомъ, само начальство своими мѣрами какъ бы подсказывало и продолжаетъ подсказывать выводъ: если мы «шкодимъ» у пана, то это наша мужицкая политика, а если у насъ кто-то «шкодитъ», то это политика панская.

Всѣ мы понимаемъ, конечно, что разъ «80%$_0$ населенія», у котораго вообще русская исторія едва ли могла воспитать особое уваженіе къ барской собственности, переноситъ вопросъ объ этой собственности на политическую почву и окончательно развязываетъ себя, то дѣло въ сущности принимаетъ видъ нашествія саранчи. Тутъ обязательныя постановленія не помогутъ. Они лишь откровенно переносятъ споръ на почву «чья возьметъ». И отмѣняя даже видимость правовыхъ нормъ, даютъ въ руки сторонниковъ «шкоды» лишній аргументъ. Не только «шкода», вообще неуловимая и неуслѣдимая, но и такое уловимое дѣйствіе, какъ поджоги, не поддается устраненію обычными «мѣрами правительства». Есть, конечно, обязательныя постановленія и противъ поджигателей. Рязанскій, напр., губернаторъ предписалъ «всѣмъ совершеннолѣтнимъ крестьянамъ» «всей округи», считая по 4-хъ верстному радіусу, «являться на пожаръ съ ведрами, ломами, топорами, баграми и т. п.» **). Не будемъ говорить, можно ли выполнить такой приказъ, и какъ можно выполнить. Независимо отъ этого, самъ губернаторъ, быть можетъ, скоро убѣдится, сколь неудобно сгонять «за 4 версты вокругъ» къ мѣсту пожара людей, воодушевленныхъ, если дѣло касается помѣщика, желаніемъ жечь, а не тушить. Болѣе серьезное значеніе, повидимому, имѣетъ мѣра, придуманная, напр., полтавскимъ земствомъ—выдавать награду до 300 рублей за «доносъ, поимку и выдачу поджигателей». По словамъ «Кіевскаго Голоса», благодаря этой мѣрѣ, «развился своеобразный институтъ земскихъ доносчиковъ», «появились легкомысленные доносы на мнимыхъ поджигателей, вызванные соблазномъ получить земскую премію», крестьяне жгутъ дѣйствительныхъ и подозрѣваемыхъ доносчиковъ, погорѣльцы, предполагающіе поджогъ, жгутъ подозрѣваемыхъ поджигателей ***)... Словомъ, получилась необыкновенно яркая иллюстрація на тему: когда пана жгутъ—то

---

*) „Кіевскій Голосъ“, 10. V. 1907.

**) „Рѣчь“, 7. VII. 1907.

***) «Рѣчь», 27. V. 1907.

наша политика, а когда насъ жгутъ—то панская политика. Полтавскимъ панамъ, дѣйствительно, удалось найти средство, которое вноситъ въ деревню рознь, вражду и даже взаимные поджоги. Характерно, однако, что это разжиганіе крестьянскихъ страстей не достигло цѣли: именно въ Полтавской губерніи сейчасъ наблюдается наиболѣе ожесточенное и упорное выжиганіе помѣщиковъ.

И вотъ я, въ качествѣ русскаго интеллигента, съ моимъ лозунгомъ «организація, а не разгромъ», стою передъ, несомнѣнно, страшнымъ явленіемъ. Я, пожалуй, готовъ повторить свою «организацію». Но у меня спрашиваютъ:

— Гдѣ ты ее возьмешь?

Въ самомъ дѣлѣ,—докажи, что она возможна, осуществима быстро, теперь, потому что ждать мы не можемъ, мы озлоблены, мы ожесточены, по нашему настроенію, мы неспособны и дня одного просидѣть тихо.

Мнѣ говорятъ также:

— Небось, ежели всѣ примемся, то отъ помѣщика ни синь-пороха не останется.

Я понимаю эту попытку отвѣтить на доводъ каламбуромъ:

— Мы, дескать, хоть и не сговаривались межъ собою, но повсемѣстно бьемъ въ одну и ту же точку, растаскиваемъ по кирпичику одну и ту же твердыню. Такъ оно сложилось у насъ стиипхійно. Какой же тебѣ еще организаціи надо?

Я возражаю, что эта «организація» совсѣмъ не та, какая, по моему мнѣнію, должна бы сложиться. Я доказываю, что этотъ способъ «растаскиванія по кирпичику» прямо-таки страшенъ своими экономическими и моральными послѣдствіями. Но... вотъ отзывъ нѣсколькихъ крестьянъ Курской губерніи:

— Мозговали мы то-жъ промежду себя. Видимое дѣло—развратъ пойдетъ. Набалованнаго народу много будетъ. Теперь, значитъ, онъ около помѣщика легкую поживу имѣетъ. А потомъ по привычкѣ-то и своего брата мужика не пощадитъ. Однако, такъ мы рѣшили. Съ этимъ дѣломъ какъ-нибудь послѣ справимся. А теперь ничего не подѣлаешь—надо...

То есть, въ переводѣ на интеллигентскій языкъ:

— Критиковать-то, господа хорошіе, мы и сами умѣемъ. А не скажите ли вы намъ положительно: что дѣлать?

Припоминаю другой лозунгъ: сельско-хозяйственная забастовка. Это форма аграрнаго движенія сложилась въ нѣчто значительное лѣтомъ прошлаго года. Въ прошлогодней мужицкой забастовочной волнѣ, несомнѣнно, сказалось интеллигентское вліяніе. О сельско-хозяйственныхъ забастовкахъ разные люди придерживаются разныхъ мнѣній. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что забастовка вводила стихійное крестьянское ожесточеніе въ русло планомѣрной борьбы, служила до нѣкоторой степени клапаномъ, предохранявшимъ отъ чрезмѣрныхъ взрывовъ и чрезмѣрныхъ эксцессовъ. Въ извѣст-

ной мѣрѣ забастовочная волна была практическимъ выраженіемъ лозунга, «организація». И не безрезультатно она прошла: кое-гдѣ удалось понизить арендныя цѣны, кое-гдѣ улучшено положеніе сельско хозяйственныхъ рабочихъ. Однако, кромѣ экономическихъ, остались еще кое-какіе слѣды.

Въ видѣ примѣра, беру одно изъ судебныхъ дѣлъ о прошлогодней забастовкѣ. Дѣло это разсматривалось 21 и 22 іюня Полтавскимъ окружнымъ судомъ. Обвинялись 16 человѣкъ, въ томъ числѣ священникъ Товкачъ, Гудзенко, Авраменко и Кухарь. Это и есть главные «агитаторы», у которыхъ, по отзыву прокурора, «еврейскій голосокъ». А по отзыву управляющаго кн. Кочубея, въ одномъ изъ имѣній котораго происходила данная забастовка, г-на Муромцева, это «люди самыхъ мирныхъ убѣжденій, уважаемые всѣми, пользующіеся любовью и довѣріемъ населенія» *). И такъ какъ они «пользуются довѣріемъ и уваженіемъ», то къ ихъ посредничеству во время забастовки обратился и г. Муромцевъ, и земскій начальникъ Глоба, и становые пристава Гедройцъ и Плотниковъ. Уважаемые люди не отказались отъ посредничества, привели обѣ стороны къ полюбовному соглашенію, помогли мирно уладить конфликтъ, а затѣмъ были арестованы, отданы подъ судъ и черезъ годъ приговорены въ тюрьму: свящ. Товкачъ на 5 мѣс., Авраменко и Гудзенко на 3 мѣс. Въ связи съ этимъ краткимъ пересказомъ позвольте процитировать лаконическое телеграфное извѣстіе: «Поджоги продолжаются по всей Полтавской губерніи... Въ имѣніяхъ Кочубея... огнемъ уничтожены сельскохозяйственныя постройки» **). Къ сожалѣнію, телеграмма слишкомъ лаконична. Изъ нея не видно, какой Кочубей снова попалъ въ аграрную волну, но уже не столь мирнаго свойства. Необходимо отмѣтить, однако, общее явленіе: какъ разъ губерніи, вродѣ Кіевской и Полтавской, сильно охваченныя въ прошломъ году забастовочнымъ движеніемъ, нынѣ, помимо общей «шкоды», выдѣляются обиліемъ аграрныхъ поджоговъ и погромовъ. Достаточно сказать, что нынѣшнимъ лѣтомъ сплошь выжигаются экономіи и фольварки огромнаго имѣнія графовъ Браницкихъ, графа Потоцкаго и т. п. Выжигаются даже тѣ экономіи, которыя въ рукахъ не самаго владѣльца, а арендаторовъ. Черта характерная. Имѣніе гр. Браницкой, раздробленное между многими «привилегированными» арендаторами, осталось почти нетронутымъ даже во время аграрнаго ожесточенія 1905 г.

— Чего, молъ, арендаторовъ трогать,—будемъ до самихъ владѣльцевъ добираться.

Теперь умы повернулись въ другую сторону:

---

*) Этотъ отзывъ г. Муромцевъ далъ на судѣ въ качествѣ свидѣтеля. Цитирую по реферату „Кіевскихъ Вѣстей".

**) „Рѣчь", 14. V. 1907.

— Этакъ всякій, пожалуй,—раздастъ землю арендаторамъ,—и правъ. Нѣтъ, чтобы никому повадки не было...

Этотъ поворотъ умовъ характеренъ не только для Кіевской губ. И страдаютъ отъ него не только крупные арендаторы. Вотъ случай изъ Нижегородской губ. Деревня Сескома, считавшаяся «черносотенной», вдругъ загорѣлась. Сескомцы ждали помощи отъ сосѣднихъ селъ и деревень. Но сосѣди отвѣтили:

— Вы полиціи да помѣщикамъ помогали. А теперь пусть они вамъ помогаютъ *).

Но это между прочимъ. Возвращаюсь къ забастовкамъ. И беру опять таки для примѣра другой забастовочный случай,—нынѣшняго года. Въ концѣ апрѣля крестьяне с. Сѣтчи, Игуменскаго у., Минск. губ., потребовали у помѣщика Янишевскаго увеличить заработную плату и забастовали. По телеграммѣ Янишевскаго, 1 мая явился въ Сѣтчу исправникъ Глыбовскій со стражниками. «Усмирять» было некого, такъ какъ жители «сидѣли по хатамъ». И день 1 мая пропалъ даромъ. 2 мая «мужики» опять «сидѣли по хатамъ». Въ такой крайности Глыбовскій сталъ со своимъ отрядомъ разъѣзжать по селу: проѣхалъ разъ, проѣхалъ другой. Однако, на этотъ разъ даже пресловутое «деревенское любопытство» не помогло: на улицѣ ни души. Наконецъ, показался таки «живой человѣкъ», почталіонъ Базиль Куделько. Глыбовскій приказалъ арестовать. Характерно, арестъ произошелъ какъ разъ вблизи хаты, гдѣ живутъ родственники Куделько, а въ числѣ ихъ былъ и его 70-лѣтній дѣдъ. Дѣдъ вышелъ «заступиться». Глыбовскій собственноручно застрѣлилъ его. Благодаря этимъ мѣрамъ, «толпу» удалось таки вызвать на улицу, и стражники получили возможность открыть стрѣльбу. «Должно быть, — говоритъ корреспондентъ «Рѣчи», не опровергнутымъ разсказомъ котораго я пользуюсь,—у находившихся подъ вліяніемъ Бахуса стражниковъ винтовки дѣйствовали не совсѣмъ твердо. Только этимъ можно объяснить, что изъ 300 (выбѣжавшихъ на улицу крестьянъ) раненыхъ оказалось лишь 6» **).

Въ прошломъ году въ имѣніи Кочубея земскій начальникъ Глоба обращался къ содѣйствію уважаемыхъ людей. Въ нынѣшнимъ исправникъ Глыбовскій въ имѣніи Янишевскаго словно ищетъ случая вызвать людей на улицу и образовать мишень для стражниковъ, предусмотрительно приведенныхъ подъ «вліяніе Бахуса», а кстати и посмотрѣть, кто и какъ себя ведетъ. Я бы готовъ, пожалуй, объяснять это различіе тактикъ различіемъ личныхъ вкусовъ,—поскольку рѣчь идетъ о стремленіи составить на улицѣ мишень для стражниковъ. Но поскольку дѣло касается

*) „Рѣчь“, 9. VI. 1907.

**) Имѣются свѣдѣнія, что двое изъ этихъ шести вскорѣ по доставленіи въ больницу умерли. См. „Рѣчь“ 5 и 6. V. 1907.

желанія замѣтить «выдающихся лицъ», чтобы, разумѣется, поступить съ ними на «законномъ основаніи», — едва ли эта сторона мѣропріятій игуменскаго исправника всецѣло зависѣла отъ его личнаго вкуса. Ужъ что-то слишкомъ часто въ послѣднее время приходится слышать объ усмирительныхъ дѣйствіяхъ, точь-въ-точь такихъ, какими имъ нужно быть, если «начальство» задается цѣлью высмотрѣть агитаторовъ, хотя бы для этого пришлось вызвать открытый протестъ. Напомню для примѣра случай съ тульскимъ предводителемъ дворянства г. Салтыковымъ (въ Алексинскомъ у.). У г. Салтыкова «уже давно существовали натянутыя отношенія съ крестьянами»,— правда, не успѣвшія разрѣшиться забастовкой. Салтыковъ «написалъ» исправнику. Исправникъ потребовалъ «старосту въ Алексинъ». Общество сообразило, зачѣмъ староста нуженъ въ Алексинѣ, и «приказало» ему не «идти къ исправнику». Въ результатѣ—урядники, стражники, «вооруженное сопротивленіе», хотя и приведшее къ разгрому имѣній не только Салтыкова но и сосѣда его Патрикѣева, а всетаки давшее возможность поймать и заключить въ тюрьму не менѣе десяти «агитаторовъ». «Зачѣмъ полиція у насъ людей крадетъ?»—какъ характерно спрашивали крестьяне с. Калачъ, Воронеж. губ., во время вынужденнаго тою же остроумной системой «массоваго выступленія» *). «Въ послѣднее во многихъдеревняхъ Пензенской губерніи происходятъ массовые аресты» **). Хотя «въ Сенгилеевскомъ у., Симбирской губ., и все тихо», но «разъѣжаетъ исправникъ въ сопровожденіи стражниковъ, урядниковъ и приставовъ и производитъ по деревнямъ многочисленные аресты» ***)... Наконецъ, помимо многочисленныхъ фактовъ, у насъ есть кое-какіе документы. Напр., переяславльскій (Полтавск. губ.) предводитель дворянства кн. Горчаковъ разослалъ «своимъ» помѣщикамъ секретный циркуляръ такого содержанія:

«Въ виду могущихъ возникнуть забастовокъ на полевыхъ работахъ, для облегченія скорѣйшаго ихъ подавленія,—желательно, чтобы власти были освѣдомлены о лицахъ, руководящихъ въ селахъ агитаціей. Поэтому прошу сообщить имена наиболѣе вліятельныхъ и вредныхъ въ этомъ отношеніи крестьянъ» ****).

Система «красть вліятельныхъ людей», «въ виду могущихъ возникнуть забастовокъ», не лишена остроумія. Забастовка — дѣло сложное, требующее умѣлыхъ организаторовъ, переговоровъ, двухсторонняго представительства. Предупредительно «уворовать» людей, способныхъ сыграть организаторскую роль, разжечь въ деревнѣ страсти арестами, основанными на предположеніи, что арестуемый хотя и не совершилъ, но можетъ совершить пре-

*) „Кіевск. Гол.", 18. V. 1907.
**) „Рѣчь", 29. V. 1907.
***) „Рѣчь" 14. VI. 1907.
****) „Рѣчь", 10. VII. 1907.

ступленіе,—этотъ методъ во всякомъ случаѣ цѣлесообразенъ. Онъ, дѣйствительно, дѣлаетъ забастовочное движеніе либо невозможнымъ, либо обращаетъ забастовку лишь въ поводъ къ «вооруженному столкновенію.» И характерно — почти всѣ газетныя свѣдѣнія о сельско-хозяйственныхъ забастовкахъ нынѣшняго года кончаются стереотипными словами: «вызваны стражники, 00 убито, 00 ранено». Поражу, — говорится въ писаніи, — пастыря, и разсѣются овцы. «Посажу,—какъ бы говоритъ кн. Горчаковъ,—въ тюрьму вліятельныхъ людей и сдѣлаю возможными лишь дѣйствія, для которыхъ не нужны ни діалектическіе таланты, ни парламентскій тактъ». Система, легшая въ основу горчаковскихъ циркуляровъ, властно толкаетъ все къ тѣмъ же мужицкимъ «средствіямъ», разсчитаннымъ на массовую изобрѣтательность и массовую мышечную силу. Я лично плохо вѣрю, что мужицкія «средствія» для кн. Горчакова выгоднѣе забастовокъ. Но надежды на умиротворяющее вліяніе забастовокъ, видимо, приходится взвѣсить заново

Возьму, наконецъ, сравнительно частный случай. Волынская губернія до послѣдняго времени была сравнительно тиха. Отчасти этому содѣйствовали «почаевскіе квитки», т. е. выдаваемыя при Почаевской лаврѣ обыкновенныя квитанціи «союза русскаго народа», удостовѣряющія, что членскій взносъ въ размѣрѣ 50 коп. союзному сборщику уплаченъ. Увѣряютъ, будто сами же союзники, чтобы выручить побольше полтинниковъ, пустили слухъ, что каждому предъявителю такой квитанціи будетъ въ скорости «прирѣзана земля». Однако, ничѣмъ пока не доказано, что слухъ этотъ пущенъ именно союзниками. Несомнѣнно лишь, что онъ сыгралъ большую роль. Крестьяне бросились запасаться «квитками». И такъ какъ они распродавались ужъ слишкомъ щедро, на всѣхъ членовъ семьи—пожалуй, и земли столько не хватитъ,—то явился на помощь и второй слухъ, что «квитки разные бываютъ»: есть настоящіе, несомнѣнные и есть сомнительные. Началась скупка и перепродажа «настоящихъ квитковъ». Цѣны на нихъ росли. И какимъ-то «двумъ крестьянамъ изъ-подъ Заславля удалось продать свои квитанціи по 25 руб. за штуку» *). Параллельно съ этою массовою «записью въ союзъ» и этой погоней за настоящими «квитками», шла своимъ чередомъ и не безъ внѣшняго успѣха соціалистическая и революціонная пропаганда. Затѣмъ «насчетъ квитковъ» наступило нѣкоторое отрезвленіе. Появились извѣстія, что крестьяне требуютъ отъ Почаевской лавры свои полтинники назадъ. Въ концѣ концовъ, съ мая нынѣшняго года, отъ уѣздныхъ начальствъ полетѣли къ губернатору телеграммы: «союзники русскаго народа оказываютъ вооруженное сопротивленіе». Теперь Волынская губернія одна изъ весьма «неблагополучныхъ въ аграрномъ отношеніи». Помимо обычной «шкоды», есть тамъ и под-

*) „Кіевскій Голосъ" 21. V. 1907.

жоги, и забастовки, и разгромы экономій, и вооруженныя столкновенія. Наиболѣе неблагополученъ Кременецкій уѣздъ, т. е. какъ разъ именно тотъ, гдѣ Почаевская лавра. А такъ какъ при усмиреніяхъ администрація старается съ союзниками поступать помягче, то тяготѣніе записываться въ союзъ не прекратилось: оно выгодно—за 50 копѣекъ пріобрѣсти на всякій случай въ нѣкоторомъ родѣ неприкосновенность личности. Характерно—именно при теперешнемъ положеніи самый вліятельный въ Почаевѣ агитаторъ «союза русскаго народа», монахъ Иліодоръ, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, на митингахъ развиваетъ ту мысль, что собственно «пановъ и жидовъ» надо бы вѣшать, ибо именно они да еще демократы, забравшись во вторую Думу, помѣшали царю дать крестьянамъ землю *). Это—бредъ во вкусѣ перелицованнаго на современный ладъ Гонты. Какія будутъ послѣдствія этого бреда, мы не знаемъ. Возможности мыслимы разныя. Въ странѣ, приведенной въ состояніе порохового погреба, всяко можетъ быть. Не забудемъ, что въ этотъ пороховой погребъ избирательнымъ закономъ 3 іюня вложенъ новый фитиль. И пока можно лишь гадать, какой эффектъ получится, когда силою закона на губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ два враждебныхъ лагеря—курія землевладѣльцевъ и курія крестьянъ—придутъ въ столкновеніе. При чемъ не вездѣ законъ столкнетъ лбами просто помѣщика съ просто крестьяниномъ. Мѣстами, какъ въ Волынской губерніи, это будетъ панъ—полякъ-католикъ и хлопъ—хохолъ-схизматикъ. Не надо быть Кассандрой, чтобы предвидѣть возможность весьма жестокаго поворота событій.

И въ виду этого возможнаго поворота, всѣ мы хорошо знаемъ, что противопоставить лозунгу Иліодора:

— На висѣлицу пановъ-поляковъ!

Но какъ противопоставить, чтобъ можно было разсчитывать на успѣхъ?

Даже при обыкновенныхъ условіяхъ интеллигенція въ общенародномъ обиходѣ такъ же необходима и неустранима, какъ мозгъ въ тѣлѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. Тѣмъ паче она необходима и неустранима теперь при условіяхъ чрезвычайныхъ. Передъ нами, очевидно, страшно отвѣтственная и страшно сложная работа. Но именно потому, что она страшно отвѣтственна и страшно сложна, каждому изъ насъ невольно приходитъ въ голову мысль:

— Готовъ ли я? И какъ подойти? Съ какой стороны начать?

И вотъ пока на правомъ берегу люди вполнѣ основательно и вполнѣ заслуженно ждутъ катастрофы, часть жителей лѣваго берега, и особенно та часть, которая не успѣла опредѣлить себя, въ раздумьи примѣняеться къ новымъ условіямъ и новымъ обстоятельствамъ.

А. Петрищевъ.

*) „Русь“, 8. VII. 1907.

На лаврахъ.

(*Письмо изъ Германіи*).

I.

Камарилья.

Когда въ декабрѣ прошлаго года совершенно неожиданно былъ распущенъ рейхстагъ, можно было думать, что нѣмецкимъ обществомъ овладѣетъ, по крайней мѣрѣ, сильное недоумѣніе и замѣшательство: настолько актъ роспуска былъ не обоснованъ политически, а поводъ для него представлялся недостаточнымъ. И это тѣмъ больше, что исторія имперской камеры знаетъ не одинъ случай провала правительственныхъ предложеній, которыя затѣмъ черезъ очень короткое время вносились опять и проходили черезъ палату надлежащимъ большинствомъ. Надо было только предварительно поторговаться съ наиболѣе сильными бюргерскими партіями, и дѣло оказывалось улаженнымъ ко всеобщему удовольствію. Точно такой-же исходъ былъ вполнѣ возможенъ и въ декабрѣ, и за сравнительно недорогую цѣну ловкій и опытный канцлеръ могъ всегда купить нужное ему согласіе центра. Конечно, «зависимость отъ центра» для князя Бюлова не могла быть особенно пріятной, но поддержка могущественной партіи, которая такъ великолѣпно оправдала себя въ послѣдніе годы, также чего-нибудь стоила. Врядъ ли также для князя-канцлера было особенно затруднительно балансированіе на канатѣ, который былъ натянутъ сразу на четырехъ упорахъ: на центрѣ, аграріяхъ, прусской бюрократіи и личномъ усмотрѣніи его величества. Почтенный князь давно извѣстенъ какъ настоящій артистъ въ мірѣ закулисной интриги!

Какъ извѣстно, распущеніе рейхстага не вызвало удивленія среди широкихъ нѣмецкихъ общественныхъ круговъ. Напротивъ того, сюрпризъ распущенія былъ принятъ вѣрноподданнымъ бюргерствомъ со всей готовностью истинно-патріотическаго воодушевленія, при чемъ еще разъ было доказано на дѣлѣ, что въ душѣ истинно-германскихъ людей накоплены обильные запасы энтузіазма, легко воспламеняемые въ желательномъ для начальства направленіи. Кромѣ оппозиціонныхъ партій, центра и соціалъ-демократіи, никто даже не задумался надъ тѣмъ, что громъ грянулъ съ совершенно чистаго неба, а новая и великая борьба за покореніе готтентотовъ навязана избирателямъ совершенно ex abrupto. Вѣрный консерваторъ, либералъ, свободомыслящій, промышленникъ и аграрій бросились съ неслыханнымъ азартомъ на одолѣніе черно-красной крамолы и проявили въ избирательной кампаніи

неожиданное рвеніе, усердіе и таланты. Протестанскіе клерикалы почуяли снова вѣянія культуръ-кампфа, колоніальные конквистадоры узрѣли на горизонтѣ новыя африканскія плантаціи и гекатомбы чернокожихъ, либералы всѣхъ оттѣнковъ ощутили въ себѣ сладкую способность быть снова правительственной партіей, а свободомыслящіе рѣшили скрестить свои національно-патріотическіе мечи съ безбожными, лишенными отечества соціалистами.

О, это было прекрасное зрѣлище,—когда съ высоты правительственнаго олимпа были захлопнуты двери рейхстага и раздался трубный звукъ, когда, переименованный въ колоніальные министры банкиръ Дернбургъ возсѣлъ на коня и двинулся на поле брани *), когда за разсыпавшимися во всѣ стороны красно-черными рядами была организована африканско-патріотическая травля, а на избирательныхъ собраніяхъ заблистали столь заслуженные живодеры изъ страны гереровъ и готтентотовъ, какъ генералъ Либертъ, бывшій коммиссаръ Петерсъ и имъ подобные «путешественники». Дружно, съ исключительной рѣзвостью и злобой, бросилось тогда на враговъ отечества общее стадо консервативно-либеральныхъ, монархическихъ демократовъ и демократическихъ монархистовъ изо всѣхъ дворцовъ и норъ пангерманской буржуазіи. И во-истину могъ торжествовать достойный своихъ согражданъ канцлеръ, когда предъ нимъ вокругъ знамени чернокожаго имперіализма, въ единомъ порывѣ слились вчерашніе враги и, словно ослѣпленные заморскимъ золотомъ, бросились къ урнамъ экваторіальной, заокеанской Германіи... Бурный порывъ идеальнаго воодушевленія и духовнаго подъема привелъ къ не менѣе замѣчательнымъ результатамъ. Поддержанные правительствомъ, либералы одержали побѣду, напомнившую времена Бисмарка и его либерализма. Постоялъ за себя и вѣрноподданный булочникъ, сапожникъ, владѣлецъ табачной лавочки и галантерейнаго магазина, онъ покинулъ впервые послѣ десятковъ лѣтъ свой прилавокъ и пошелъ выбирать людей, которые открываютъ Германіи путь на золотые тропики. И даже соціалистически выбирающіе полу-и полный интеллигентъ усомнились на этотъ разъ въ своихъ возвышенныхъ идеалахъ, соблазнились бананами и финиками Африки, черными прелестями послушныхъ германскому владычеству рабынь и прочихъ двуногихъ животныхъ.

Насколько колоніальная политика произвела смятеніе среди самихъ соціалъ-демократическихъ круговъ, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что даже въ рядахъ рабочей партіи нашлись убѣжденные сторонники колоніальной авантюры, и цѣлый рядъ ревизіонистовъ въ духѣ Кальвера и товарищей выступилъ съ лозунгомъ гармоніи колоніальныхъ интересовъ пролетаріата и капиталистической клики. Приведемъ здѣсь для иллюстраціи нѣсколько цитатъ

*) M. Maurenbrecher, Соціализмъ и международныя отношенія. «Спб». 1907 г.

изъ недавно вышедшей на русскомъ языкѣ брошюры Мауренбрехера младшаго, такъ недавно прославившаго себя призывомъ къ «революціи» нѣмецкаго рабочаго класса. «Міровая политика, говоритъ этотъ авторъ, выражающаяся въ бѣшеной погонѣ за колоніями и въ непрестанномъ вооруженіи и укрѣпленіи флота», является «необходимой предпосылкой и даже насущной необходимостью капиталистическихъ классовъ. Этимъ путемъ капитализмъ стремится къ развитію «производительныхъ способностей народовъ до ихъ апогея». Дѣло въ томъ, что земля не должна быть «просто раздѣлена между людьми, какъ она есть», а должна быть достигнута «красота культурнаго идеала»: она должна быть «использована цѣлесообразно и разумно». Такъ это и произойдетъ: «тамъ, гдѣ уголь и золото лежатъ теперь глубоко сокрытыми въ землѣ, они будутъ извлечены на свѣтъ Божій; тамъ, гдѣ могутъ расти хлѣбъ и хлопокъ, они должны и будутъ расти. Вообще вездѣ, гдѣ люди въ состояніи работать, они должны быть воспитаны въ трудѣ»... Или другими словами, «если мы дѣйствительно озабочены тѣмъ, чтобы хватило всѣмъ людямъ мѣста и пищи, даже принимая во вниманіе огромный приростъ населенія, то изъ земли должно быть извлечено все, что можетъ быть извлечено». И эту работу долженъ исполнить непремѣнно капитализмъ—подразумѣвается во главѣ съ колоніальными хищниками.—«Пока мы еще очень далеки отъ подобной степени интенсивности человѣческаго труда», или, говоря иначе, еще не вытащено все золото и весь уголь въ разныхъ Азіяхъ и Африкахъ, а посему «капитализму еще придется въ этомъ отношеніи совершить нѣкоторую подготовительную «работу»; или иначе, «періодъ капиталистической міровой политики еще не закончился». Ясно отсюда, что и рабочему классу при подобныхъ условіяхъ невозможно отказаться отъ поддержки отечественныхъ капиталистовъ въ ихъ борьбѣ за колоніальное золото, за невольничьи рынки и за господство надъ цѣлыми территоріями вырѣзанныхъ и разстрѣлянныхъ дикарей. Какъ картинно говоритъ въ этомъ случаѣ Мауренбрехеръ, можетъ легко случиться, что, въ виду аггрессивныхъ дѣйствій иностранныхъ капиталистовъ», въ виду «жгучей потребности насильственно подавлять своихъ чужеземныхъ конкуррентовъ», самъ пролетаріатъ «съ тяжелымъ сердцемъ», «но съ твердой и спокойной рѣшимостью» встанетъ на защиту своихъ колоніальныхъ разбойниковъ и приметъ вмѣстѣ съ ними участіе въ истребленіи и разграбленіи различныхъ цвѣтныхъ дикарей...

Веселенькая картинка! И только духовной сплоченности и силѣ своего соціалистическаго сознанія, только крѣпости своей пролетарской традиціи обязана была единственная партія нѣмецкихъ соціалистовъ тѣмъ, что, несмотря на всѣ соблазны сиренъ ревизіонизма, не взирая на весь пылъ и жаръ національнаго восторга, она хоть и потеряла почти половину своихъ мандатовъ, но и прибавила еще къ 3 милліонамъ поданныхъ за нее голосовъ добрую

четверть милліона враговъ колоніальнаго грабительства. Правда, побѣда надъ центромъ оказалась еще болѣе сомнительной, чѣмъ надъ соціалъ-демократами. Черная партія цѣликомъ возвратила себѣ свои мандаты, на ней такимъ образомъ походъ Бюлова совмѣстно съ либералами не отразился положительно ничѣмъ. Но то не были бы нѣмецкіе либералы, если бы они не устроили шумнаго торжества по поводу пораженія нечестивыхъ, а Бюловъ и Вильгельмъ должны были бы перевоплотиться въ Бисмарка и Людвига Баварскаго, если бы они не освѣтили бенгальскимъ огнемъ патріотическихъ словоизверженій великаго перелома въ новѣйшей германской исторіи.

Боги, какъ было все хорошо! Партія переворота была разбита. Центръ усмиренъ. Либералы заключили съ консерваторами блокъ для промывки золота въ Килиманджаро. Народные милліоны открыли Бюлову свои сокровища, а императоръ подсаживалъ разгоряченную Германію на колоніальнаго скакуна и готовился раздавить подъ его копытами измѣнниковъ и пессимистовъ.

... Новая страница для лѣтописи новой морской державы была закончена приложеніемъ императорской печати, и «Wilhelm» сіяло лучезарнымъ свѣтомъ на небесахъ возродившейся страны... Соціалъ-политики, соціалъ-историки, просто историки и поэты уже готовили золотыя перья, напоенныя колоніальнымъ прозрѣніемъ, какъ вдругъ...

Да, вотъ тутъ-то и произошло событіе, которому суждено было погубить феерію, заставить ее лопнуть, какъ мыльный пузырь. Дѣло, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, началось сравнительно съ пустяковъ. У императора Вильгельма, какъ у всякаго человѣка, были друзья. И странно, почему бы монарху почти неограниченному, и не имѣть интимныхъ друзей. Еще недавно такихъ друзей поставляла ему семья Круппа. Въ послѣднее время среди всѣхъ отдѣльныхъ кружковъ и фракцій придворнаго міра особенно выдвинулся сіятельный «арфистъ», графъ Фили Эйленбургъ со своими собутыльниками и друзьями «Тютю», «Вилли» и др., или, иначе, графомъ Куно Мольтке, графомъ Гогенау, графомъ Линаръ и французскимъ атташе Леконтомъ. Все это милое общество по странному сходству съ покойнымъ Круппомъ отличалось особой способностью къ однополой любви и къ обожанію мужского героическаго начала. Выспренности чувствъ этой компаніи содѣйствовало и то обстоятельство, что всѣ ея члены были посвящены въ таинства загробнаго міра и при помощи столоверченія общались съ усопшими знаменитостями. Вполнѣ естественно, конечно, что именно въ этой разгоряченной, извращенно-романтической средѣ съ успѣхомъ могло быть вскормлено то чувство нѣжнаго обожанія, почти женской преданности и страстной привязанности къ монарху, которое необходимо должно было подѣйствовать на его чувствительную душу и взять его въ сладкій плѣнъ интимной дружбы и спи-

ритическихъ внушеній. Такъ оно въ дѣйствительности и случилось: графъ Фили, бывшій раньше посломъ въ Вѣнѣ и уже оттуда замѣшанный въ знаменитую исторіи полицейскаго провокатора Тауша, справедливо разсчиталъ, что всякая должность, сопряженная со служебной зависимостью, несомнѣнно мѣшаетъ развитію нѣжности и любви, а слѣдовательно, и не можетъ дать той силы, которую даетъ власть не надъ умомъ, а надъ сердцемъ. Въ виду этого графъ отвергъ всякія оффиціальныя званія и почести и предпочелъ имъ приватный постъ императорскаго друга. Вмѣсто докучныхъ канцелярскихъ дѣлъ, онъ занялся вмѣстѣ съ Тютю и Вилли композиціей и сочинилъ для вѣнценоснаго предмета пресловутый гимнъ «Эгиру». Само собой разумѣется далѣе, что по мѣрѣ закрѣпленія дружескихъ цѣпей достойные собутыльники рѣшили не лишать монарха указаній свыше, справедливо полагая, что Божья милость, посылающая имъ вѣсти изъ-за гроба, находится въ ближайшихъ отношеніяхъ съ тою, которая снисходитъ на царей въ моменты занятія ими прародительскаго или благопріобрѣтеннаго престола. И—такъ горячи были пары, подымающіеся отъ треножника Фили, Тютю и Вилли, такъ сильна была ласка, обвившая со всѣхъ сторонъ блистательнаго «Кайзера», такъ непроницаемы были розовыя цѣпи, создавшія вокругъ источника «личнаго управленія» имперіи цѣлыя сѣти наушничества, шпіонства и романтической лжи, что пѣснопѣвецъ Фили рѣшилъ попробовать свои чары на болѣе серьезномъ сюжетѣ.

У всѣхъ въ памяти то участіе, которое принималъ другой волшебный графъ въ паденіи стараго канцлера Каприви. Уже тогда искусству Ботофонъ Эйленбурга были обязаны своимъ возвышеніемъ многіе вельможи и царедворцы, которые внезапно садились на голову «заслуженнымъ» бюрократамъ. И такъ же, какъ теперь, именно замокъ Либенбергъ былъ центромъ, откуда предпринимались придворныя махинаціи. Теперь, благодаря помощи астральныхъ духовъ, Фили съ еще большимъ искусствомъ повелъ атаку на графа Бюлова и, по правдѣ, имѣлъ порядочный успѣхъ. Назначеніе господина Чиршки статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ было однимъ изъ послѣднихъ успѣховъ политической кампаніи. Уже въ октябрѣ 1906 г. любвеобильные духовидцы готовили провалъ князю Бюлову, при чемъ на его мѣсто былъ приготовленъ начальникъ генеральнаго штаба, графъ Гельмутъ Мольтке, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что вся эта махинація привела бы къ вожделѣнному концу.

Въ Германіи, въ этой странѣ 22 величествъ, высочествъ и владѣтельныхъ свѣтлостей, отвѣтственные передъ парламентомъ министры неизвѣстны. Тамъ царятъ до сихъ поръ добрые старые полуазіатскіе нравы, а государствомъ правитъ корысть господствующихъ классовъ путемъ придворной закулисной интриги. Въ Германіи до сихъ поръ придворный спиритъ значитъ больше, чѣмъ

канцлеръ со всей своей бюрократіей. И обворожительному дипломату Бернгарду фонъ-Бюлову не сносить бы головы, разъ этого захотѣлъ Миннезингеръ либенбергскаго дворца. Бѣдный канцлеръ чувствовалъ, что ему плохо, а тутъ еще и другая камарилья реакціонныхъ церковниковъ, опиравшаяся на императрицу, была также противъ него за недостаточное проведеніе истиннаго благочестія во всѣ сферы общественной жизни. Канцлеръ считалъ свою партію почти проигранной, ему оставалось одно—исчезнуть съ достоинствомъ съ горизонта, придать видъ государственной необходимости личной интригѣ и высочайшему произволу. Но тутъ ему блеснулъ лучъ неожиданнаго спасенія: въ колоніальномъ директорѣ изъ придворныхъ евреевъ онъ нашелъ силу, способную сдѣлать новый оборотъ въ политикѣ, новую ломку фронта. Какъ никакъ, а Дернбургъ былъ первымъ банкиромъ, пожалованнымъ прямо въ тайные совѣтники съ министерской властью. За Дернбургомъ стояла вліятельная клика дѣльцовъ и капиталистовъ, въ ихъ полномъ распоряженіи находилось также изготовляемое въ Берлинѣ и Франкфуртѣ общественное мнѣніе. Бюловская бюрократія черезъ Дернбурга протянула руку высоко-финансовымъ кругамъ Германіи, и выпадъ колоніальнаго директора противъ католическаго депутата Ререна былъ сигналомъ для сплоченія либеральныхъ капиталистовъ, предпринимателей и дѣльцовъ подъ знаменемъ высоко-просвѣщеннаго канцлера. Таковъ былъ первый шагъ въ борьбѣ Бюлова за свое канцлерское мѣсто.

Опытъ оказался удачнымъ. Настало время дѣйствовать на другой фронтъ. Съ этой цѣлью въ газетѣ, близко стоящей къ Дернбургу, «Berliner Tageblatt», уже въ октябрѣ былъ обнародованъ планъ Эйленбурга смѣстить князя Бюлова, а затѣмъ, не безъ вѣдома канцлера, въ рейстагъ была внесена не безызвѣстная интерпелляція относительно господства личнаго произвола «руководящихъ круговъ» въ политикѣ, или, по-просту говоря, о личномъ режимѣ безотвѣтственнаго величества. Это дало возможность Бюлову безъ всякихъ стѣсненій указать на господство придворной камарильи въ слѣдующихъ словахъ: «камарилья, сказалъ канцлеръ 14-го ноября прошлаго года,—это совсѣмъ не нѣмецкое слово, оно обозначаетъ отвратительное чужеземное ядовитое растеніе, которое еще ни разу не пересаживали въ Германію безъ того, чтобы не нанести вмѣстѣ съ тѣмъ великаго вреда народу». «Итакъ,—продолжалъ канцлеръ,—я повторяю, его никогда еще не пробовали пересадить къ намъ безъ того, чтобы не причинить великаго вреда для государя и великаго вреда для народа». За этимъ послѣдовала литературная кампанія противъ придворной камарильи, которую повелъ никто иной, какъ пресловутый Витковскій-Гарденъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и ловкихъ журналистовъ, состоящій въ пророкахъ у берлинской плутократіи новаго пошиба. Въ двухъ статьяхъ (отъ 17 и 23 ноября) подъ заглавіемъ «Прелю-

діумъ» и «Dies irae» Гарденъ въ обычномъ своемъ духѣ и тонѣ учинилъ довольно двусмысленную критику надъ камарильей Эйленбурга, при чемъ сумѣлъ непостижимымъ образомъ замазать ее со всѣхъ сторонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не переступить нигдѣ нормы уголовнаго закона. Мало того, самихъ членовъ романтическаго ордена опытный памфлетистъ и присяжный сикофантъ сумѣлъ такъ уличить во всѣхъ противоестественныхъ и сверхъестественныхъ дѣяніяхъ, что всякому стало до крайности все ясно, сами же пресвѣтлые господа оказались опять-таки ничуть не уличенными въ какихъ бы то ни было «преступныхъ дѣяніяхъ». Эквилибристика Гардена оказалась весьма удачной. Мольтке и Эйлленбургъ положительно не знали, что предпринять. Потребовать Гардена къ суду за обвиненія въ противоестественныхъ порокахъ,—но для этого въ его статьяхъ не было достаточныхъ основаній; оставить Гардена въ покоѣ,—но это значило открыто сознаться въ правильности его довольно таки прозрачныхъ разсужденій. Уже черезъ 33 дня послѣ появленія статей, Мольтке вызвалъ Гардена на дуэль, но, конечно, безрезультатно, т. к., по сужденію весьма компетентныхъ лицъ, не говоря о соображеніяхъ «общественнаго блага», во имя которыхъ дѣйствовалъ Гарденъ, вызовъ былъ сдѣланъ слишкомъ поздно и, очевидно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій. Графъ Фили прибѣгъ къ другому средству, которое окончилось не менѣе жалкимъ образомъ. Эйленбургъ потребовалъ самъ противъ себя слѣдствія по поводу противоестественныхъ пороковъ, при чемъ указалъ на Гардена, какъ на единственнаго свидѣтеля. Послѣдній, однако, вывернулся шутя изъ этого дѣла, оставшись цѣликомъ при высказанномъ въ печати мнѣніи. И только графъ Мольтке рѣшилъ въ концѣ концовъ преслѣдовать Гардена судомъ.

Вотъ какъ не безъ кокетства разсказываетъ о своемъ походѣ Гарденъ въ іюнской книжкѣ «Zukunft». «На противоестественныя чувства лицъ, принадлежавшихъ къ либенбергскому кружку, я указалъ такъ осторожно, какъ это мнѣ подсказывало приличіе, на наказуемыя дѣянія—никогда. Но только на то паточное, не мужское, болѣзненное явленіе, которое высмѣивалось при дворѣ уже многіе годы. Эти господа связаны столь возвышенной дружбой, что врядъ ли ее можно найти среди нормальныхъ людей. Спириты и духовидцы, они практиковали съ его величествомъ мистическій культъ. Одного господина этого склада можно было еще перенести, но цѣлая подобная группа не подходитъ къ нашему суровому времени. Вѣдь одинъ изъ отряда мечтателей сказалъ передъ свидѣтелями: «вокругъ высочайшей особы мы образовали такое кольцо, которое никто не сможетъ пробить», и всякій, кто зналъ эти событія—былъ обязанъ говорить... Если на самыхъ видныхъ мѣстахъ государства образуется кольцо изъ людей съ противоестественными чувствами, и оно стремится замкнуть въ своей средѣ непредупрежденную опытомъ душу,—то это нездоровое состояніе, и

оно тѣмъ болѣе опасно, что въ это духовное кругообразованіе былъ принятъ и представитель интересовъ иностранной державы. О нарушеніи 175 статьи уголовнаго закона (о противоестественныхъ дѣйствіяхъ) не было при всемъ томъ ни малѣйшей рѣчи... То, съ чѣмъ я боролся, было воздѣйствіе противоестественной (если даже и идеальной) мужской дружбы, такъ это я и называлъ въ теченіе ряда лѣтъ. Я ни имѣю не желанія, ни наклонности критиковать происки и похоти другихъ людей. Здѣсь дѣло шло только о политикѣ, объ имперіи и императорѣ, поэтому я никогда не спрашивалъ, какимъ путемъ г.г. Тютю, Вилли и Фили удовлетворяютъ свои страсти, которыя къ тому же въ ихъ возрастѣ и не могутъ быть особенно дикими, и я не считалъ ихъ никогда уголовно наказуемыми, а только вредными для трона въ качествѣ ближайшей группы. И это знали всѣ трое, и ихъ французскій другъ также, по крайней мѣрѣ съ полгода тому назадъ, и по праву они себя не чувствовали оскорбленными въ своей чести. Если же они такъ поздно поспѣшили къ прокурору и мировому, то я—«разъ рѣшился, не измѣненъ, подождать хочу конца»... И дѣйствительно, когда вслѣдствіе заявленія Эйленбурга былъ допрошенъ Гарденъ по поводу прегрѣшеній графа противъ 175 ст. уложенія, Гарденъ съ великимъ шикомъ отказался отъ какихъ бы то ни было обвиненій кромѣ тѣхъ, которые сдѣланы имъ въ газетѣ; на его душѣ такимъ образомъ остался только одинъ процессъ графа Куно Мольтке.

Разоблаченія ловкаго сплетника не остались безъ результата. Въ маѣ мѣсяцѣ наслѣдный принцъ послѣ того, какъ онъ напрасно обращался къ посредству одного генерала, представилъ императору нѣсколько тетрадокъ гарденовской музы. Результатъ былъ ошеломляющій. По словамъ Гардена, императоръ горько жаловался, что его во время не освѣдомили. По этому дѣлу три высшихъ чиновника должны были сдѣлать докладъ. Графъ Куно Мольтке слетѣлъ съ должности берлинскаго коменданта, графъ Гогенау отправился за границу, а Эйленбургъ, бывши причисленнымъ къ штату двора, вышелъ въ отставку и уѣхалъ, Леконтъ получилъ внезапный отпускъ. За этими увольненіями послѣдовали еще другія, менѣе значительныя: князь-канцлеръ побѣдилъ и добродѣтель при дворѣ восторжествовала.

Послѣ низверженія одной камарильи можно было приняться за другую. И это было тѣмъ болѣе необходимо, что вся борьба съ Эйленбургомъ была великолѣпно использована феодальной партіей для того, чтобы окончательно пошатнуть положеніе Бюлова. И въ самомъ дѣлѣ, какъ правильно разсуждали аграріи, говорить о вредѣ камарильи и ея вліяніи—это значитъ выставлять самого монарха далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ. Вѣдь предполагается само собой, что монархъ съ твердымъ характеромъ, самостоятельномъ умомъ и сильной волей не можетъ поддаваться вліянію

какихъ-то духовидцевъ, а тѣмъ болѣе быть ихъ орудіемъ въ направленіи государственныхъ дѣлъ. Если же дѣйствительно при дворѣ водворяется камарилья и получаетъ вліяніе на дѣла, то это признакъ, что самъ монархъ никуда не годится, что онъ слабъ духомъ, а въ силу этого и легко подчиняется вліянію своихъ обожателей. Еще болѣе пикантный привкусъ всей исторіи придавало то обстоятельство, что либенбергскіе друзья, захватившіе въ свои руки Вильгельма, хоть и не были осуждены по извѣстной статьѣ уложенія, однако же явно обнаруживали противоестественныя привычки. Выходило, слѣдовательно, что какъ бы и монархъ питаетъ нѣкоторую склонность къ любителямъ однополыхъ развлеченій, а это было ужъ и совсѣмъ скверно. Консервативная пресса съ чрезвычайнымъ рвеніемъ воспользовалась увлеченіемъ Бюлова и, поддерживаемая свыше министрами Штудтомъ Посадовскимъ и Рейнхабеномъ, бросила канцлеру упрекъ въ томъ, что онъ въ борьбѣ съ камарильей скомпрометтировалъ самого «Кайзера». Такое обвиненіе было не лишено извѣстной основательности и мѣтко попадало въ цѣль, такъ какъ никто другой, какъ именно Вильгельмъ, изъ-всѣхъ силъ старался доказать свою самостоятельность, свой великій государственный умъ и Божьей милостью дарованную способность сверхчеловѣческаго прозрѣнія въ государственныхъ дѣлахъ. Даже разрушенная камарилья все-же бросала невыгодную тѣнь на царственнаго «друга», а высокій кормчій имперіи оказывался низведеннымъ до уровня обычныхъ маленькихъ деспотовъ, которые и не мечтаютъ вылѣзти изъ придворнаго болота. Не мудрено послѣ этого, что даже бюргерскій «Berliner Tageblatt» настолько осмѣлился, что припомнилъ старую исторію безсмертной прусской камарильи, начиная съ великаго курфюрста Вильгельма I и кончая старымъ императоромъ, дѣдушкой нынѣшнаго германскаго владыки...

Князь Бюловъ долженъ былъ спасать себя, онъ долженъ былъ доказать чрезвычайнымъ подвигомъ, что, если онъ и сдѣлалъ тотъ или другой отдѣльный ходъ, то это все предпринято ради великой цѣли. Надо было вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы побѣдить феодальную клику, учинить нѣчто такое, что въ ея глазахъ оправдывало бы его тактику и подымало бы его шансы. Другими словами, только достиженіемъ архи-реакціонныхъ цѣлей могъ купить князь-канцлеръ твердость своего положенія, только ловкимъ и смѣлымъ государственнымъ «дѣйствомъ» онъ могъ оправдать себя въ глазахъ огорченнаго императора. И это было тѣмъ болѣе трудно, что со стороны реакціонныхъ министровъ феодальной партіи уже давно былъ выдвинутъ великолѣпный планъ истребленія соціалъ-демократіи, измѣненія избирательныхъ законовъ и созданія «патріотическаго» представительства. Князь Бюловъ долженъ былъ перещеголять своихъ противниковъ, не прибѣгая къ ихъ средствамъ, онъ долженъ былъ доказать разъ навсегда, что умному министру

не надо государственнаго переворота для того, чтобы еще разъ сыграть на безмѣрной глупости и ненасытной жадности современнаго «общества».

Когда князь Бюловъ распускалъ рейхстагъ, онъ меньше всего думалъ о колоніальной политикѣ или общественномъ благѣ. Князь-канцлеръ спасалъ только самого себя. Суть была вовсе не въ бюджетѣ для колоніальныхъ усмирителей, дѣло заключалось въ томъ, чтобы достичь при помощи бюргерства истребленія соціалистовъ и выбить дно изъ-подъ ногъ опирающейся на центръ феодальной камарильи. Двухъ зайцевъ долженъ былъ убить князь Бернгардтъ, такъ хорошо знающій своихъ добрыхъ нѣмцевъ. И консервативно-либеральный вой, которымъ было встрѣчено объявленіе похода, былъ признакомъ того, что наши патріоты не выдадутъ, и ловкій канцлеръ побѣдитъ. И оба зайца дѣйствительно были пойманы. Соц.-демократы, собравшіе подъ своимъ знаменемъ лишніе 250 тысячъ голосовъ, вернулись въ парламентъ въ половинномъ количествѣ, у центра было отнято большинство.

Императоръ же былъ рѣшительно побѣжденъ грандіознымъ успѣхомъ колоніально-избирательной битвы: безъ капли крови, безъ единаго выстрѣла князь достигъ всего, о чемъ лишь могли мечтать и Посадовскіе, и Штудты; такой канцлеръ необходимо заслуживалъ и довѣрія, и монаршаго благоволенія. Само собою разумѣется, что представители второй камарильи должны были также подвергнуться опалѣ, какъ сладкіе мистики нѣжнаго либенбергскаго братства. Но тутъ мы переходимъ уже къ тому изобрѣтеніи ловкаго канцлера, которое называется либерально-консервативнымъ блокомъ, или политикой скрещиванія — «Paarungs-politik».

II.

Политика парнаго блока.

Малѣйшаго кивка со стороны начальства было достаточно для того, чтобы нѣмецкіе либералы, не исключая и свободомыслящихъ, бросились на разгромъ соціалистической лѣвой и воспламенились великими надеждами. Какъ только былъ данъ лозунгъ либерально-консервативнаго скрещиванія, либералы рѣшили, что именно на ихъ долю придется сладкій плодъ удивительнаго союза, и что правительство только ожидаетъ момента, чтобы очистить народную школу отъ штудтовской реакціи, произвести предписанное конституціей распредѣленіе избирательныхъ округовъ въ имперіи, ввести въ Пруссіи всеобщее, равное и тайное избирательное право и открыть новую эру не только свободнаго городского самоуправленія, но и соціальной политики. Воистину, эти либеральные иллюзіи для посторонняго зрителя непостижимы, — и ужъ по тому одному, что вторымъ участникомъ «парной» политики, или пре-

словутаго блока, былъ никто иной, какъ консервативные аграріи и промышленники со своимъ развѣтвленіемъ въ видѣ свободныхъ консерваторовъ и со своей опорой въ высоко придворныхъ сферахъ.... И добро бы что-нибудь дѣйствительно перемѣнилось въ практикѣ прусско-германской имперіи, или въ самомъ обществѣ родилось какое-нибудь новое и свѣжее соціальное или духовное ученіе. А то вѣдь, по правдѣ, никогда, какъ теперь, хроника Германіи не изобиловала такими темными пятнами духовнаго затменія и нравственнаго разложенія, какъ именно въ эту послѣднюю эпоху, породившую столько нелѣпыхъ и фантастическихъ надеждъ.

Обратимся сначала къ сферамъ «благороднѣйшихъ сыновъ» націи, къ кругамъ придворныхъ, военныхъ и дворянскихъ столповъ отечества. Вотъ передъ нами генералъ Гильзенъ, осматривающій въ одномъ изъ курортовъ выстроившуюся въ залѣ депутацію городскихъ представителей, желающихъ привѣтствовать какое-то высочество. «Что это тамъ за люди? «Чего они сюда прилѣзли?»—вопрошаетъ этотъ военный начальникъ театровъ скромныхъ бюргеровъ, омрачившихъ черными сюртуками панораму роскошнаго цвѣтника военныхъ и гражданскихъ мундировъ. Тонъ генерала былъ такъ наглъ и высокомѣренъ, жестъ его былъ такъ недвусмысленъ, что даже нѣмецкіе филистеры обидѣлись и почувствовали себя уже людьми. Либеральная пресса по этому поводу привела меланхолическое изреченіе Кернбергера, которое гласитъ: «какъ быть бюргерамъ энергичными, когда то поколѣніе, которое такъ долго царствовало неограниченно и самодержавно, еще сохранило всѣ свои зубы и пользуется великолѣпнымъ пищевареніемъ. При помощи закона?—Но вѣдь законы надо выполнять, а самые либеральные законы будутъ мертвы до тѣхъ поръ, пока живы еще анти-либералы». Да, безусловно можно согласиться съ газетой, изъ которой мы взяли приведенную выдержку, когда она пишетъ, что политика скрещиванія до тѣхъ поръ будетъ вполнѣ безплодна, пока она будетъ напоминать собой насильственное оплодотвореніе деревенскихъ женщинъ высокими солдатами, практиковавшееся въ эпоху Фридриха, и пока—что еще важнѣе—сведенные супруги не сойдутся, наконецъ, на пониманіи самого слова «человѣкъ».

Прекраснымъ образчикомъ нравственной высоты консервативныхъ слоевъ служили также два характерныхъ происшествія въ дворянско-офицерской средѣ. Это — ганноверская шулерская исторія и грандіозный ростовщическій процессъ въ Мюнхенѣ. Первая исторія закончилась сравнительно мирно, благодаря попечительной поддержкѣ начальства; вторая была бытовымъ дополненіемъ къ новому союзу стараго благородства и молодого капитала. Въ Ганноверѣ командированные въ кавалерійскую школу гг. офицеры, чтобы понравиться своему начальству, набирали въ долгъ

лошадей, купались въ шампанскомъ, а для того, чтобы добыть нужныя средства, вели крупную азартную игру, писали ростовщическіе векселя, а подчасъ, при помощи благородныхъ родственниковъ, сами основывали игорные притоны. Подложные и дутые векселя, совершенно немыслимые въ нормальномъ обществѣ, ростовщическія аферы—таковъ былъ финалъ кавалерійскаго обученія который вызвалъ великое смятеніе на верху и заставилъ раскассировать всѣхъ счастливыхъ и несчастныхъ игроковъ по ихъ маленькимъ и большимъ гарнизонамъ... Въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ выступили благороднѣйшіе сыны націи во время мюнхенскаго ростовщическаго процесса. Господа, украшенные баронскими титулами, оказывались содержателями публичныхъ домовъ; блестящіе кавалерійскіе офицеры не гнушались оперировать подложными векселями и брать со своего брата военнаго отъ 100 до 300% за дружескую услугу, а графы и бароны, состоящіе украшеніемъ лучшихъ полковъ, не отказывались принимать у ростовщиковъ ссуды женскими корсетами, ночными горшками, лошадьми, велосипедами, канарейками и всякими одушевленными и неодушевленными предметами, которые только можно было продать на рынкѣ и получить за нихъ бренный, но необходимый на кутежи металлъ. Съ неопровержимой ясностью доказали еще разъ эти событія, что въ полной неприкосновенности находится каста старыхъ германскихъ господъ: если ея духъ и ея тѣло питаются соками капиталистическаго строя, то вмѣстѣ съ тѣмъ не уступаетъ ему ни пяди своихъ унаслѣдованныхъ традицій. Эта каста не хочетъ жить и смѣшиваться съ окружающимъ ее обществомъ, она по прежнему хранитъ свои нравы, свое презрѣніе къ купцу и промышленнику. Только въ разбойномъ промыслѣ готовы благородные спуститься до уровня купчишекъ, но и здѣсь ихъ отличаетъ цѣль временно практикуемаго гешефта. Благородный грабитъ съ исключительной цѣлью кутежа и разврата!

Все осталось по прежнему. И вполнѣ заслуженно пѣла либеральная пресса похвальные гимны «аграрной мистикѣ», до сихъ поръ безраздѣльно царящей въ Германіи. Какъ извѣстно, эта мистика коренится въ особой идеологіи, возносящей къ небесамъ мелкаго и крупнаго землевладѣльца, превозглашающей его единственнымъ источникомъ силы, крѣпости и здоровья въ странѣ. Это опошленное новое изданіе стараго ученія физіократовъ о земледѣльцѣ, какъ единомъ «творящемъ» производителѣ всѣхъ цѣнностей. Такой сельскій мужъ консервативенъ во всѣхъ направленіяхъ и смыслахъ, особенно же тамъ, гдѣ дѣло идетъ о таможенной охранѣ интересовъ крупнаго землевладѣнія. Это особенно становится замѣтнымъ въ послѣднее время, когда и безъ того невѣроятно поднялись цѣны на всѣ сорта хлѣба, на всѣ продукты сельскаго хозяйства. Неурожай въ Россіи и прекращеніе подвоза русскаго хлѣба могли бы въ дѣйствительности послужить новому

«либеральному» повороту въ области хлѣбныхъ пошлинъ, ложащихся главнымъ образомъ на массы бѣднаго населенія. И въ самомъ дѣлѣ, средняя цѣна указанныхъ продуктовъ, которая въ теченіе 10 послѣднихъ лѣтъ достигала едва 90 марокъ за 1000 килограммовъ (ячмень), нынче достигла, не считая пошлины, 135 мар. Овесъ поднялся со 100 мар. на 145 мар. Рожь, средняя цѣна которой приблизительно была 105 мар., теперь достигла 150 мар., и только пшеница, благодаря аргентинскому подвозу, поднялась всего только съ 130 на 150 м. И къ этимъ-то исключительнымъ цѣнамъ еще прицѣплена чудовищная аграрная пошлина, такъ что пшеница въ маѣ мѣсяцѣ на биржѣ котировалась по 203,50 пф., рожь по 203 м., а овесъ по 144,50 пф. А между тѣмъ еще въ 1905 г. за тѣ же продукты платили 175 — 151,5 м. и 140 м... Все, положительно все идетъ по старому и даже хуже стараго, такъ какъ населенію теперь приходится платить въ пользу аграріевъ двойную пошлину: одну за русскій неурожай, другую за счастье содержать высшую породу людей: ганноверскихъ игроковъ и мюнхенскихъ ростовщиковъ.

Все остается по прежнему. И если съ назначеніемъ «торговца» Дернбурга въ германскіе министры возгорѣлись было надежды на новый притокъ общественныхъ дѣятелей и представителей промышленнаго класса въ стѣны строго дворянскихъ и чиновничьихъ министерствъ, то послѣ статьи купца-министра по поводу «правительства и купцовъ» въ «Berliner Tageblatt» уже не можетъ быть болѣе никакихъ сомнѣній, что даже въ колоніальномъ вѣдомствѣ, созданномъ благодаря «блоку», не будетъ мѣста честолюбцамъ изъ торговаго класса, а подъ его кровомъ станутъ по прежнему процвѣтать прогорѣвшіе лейтенанты и всевозможные искатели приключеній. Статья Дернбурга имѣетъ несомнѣнно симптоматическое значеніе. Вотъ ея основныя мысли. Подготовка купца исключительно эмпирическая, для государственныхъ дѣлъ ея недостаточно. Здѣсь требуется болѣе формальное юридическое образованіе. Если изъ среды особенно выдающихся силъ торговаго класса то или другое лицо, въ видѣ исключенія, оказывается пригоднымъ для государственной дѣятельности, то только потому, что такихъ лицъ выдвигаютъ «особые таланты, выдающаяся сила воли и исключительная способность сужденія». «Эти люди умѣютъ схематизировать и логически развивать различные вопросы, они умѣютъ взвѣсить все, что надо, за и противъ, оцѣнить благопріятные, а также и противоположные имъ моменты и такимъ путемъ проложить своимъ мѣрамъ путь къ успѣху». Эти выдающіяся личности «могутъ начертать пути, которые должны быть проложены, они обсуждаютъ настроеніе всего общества, его этическія и практическія потребности; но что касается выполненія своихъ предначертаній, то они здѣсь нуждаются въ «техникахъ», какими для купца въ правительствѣ являются «чиновники». Такъ

и было со всѣми купцами-удачниками, которые были на прусскихъ министерскихъ постахъ: Гауземанъ, фонъ-деръ-Гейдъ, Меллеръ и Микель. «Все это были люди иниціативы, остраго сужденія и практическаго взгляда», и только такія качества даютъ успѣхъ купцамъ, которые, «отъ времени до времени занимаютъ государственныя должности». Даже для колоній новый министръ не считаетъ возможнымъ использовать торгово-промышленный элементъ, ибо и тамъ начинаютъ преобладать соображенія высшей государственной политики и великая цивилизаторская миссія. «Чѣмъ выше требованія—проповѣдуетъ купецъ-министръ,—которыя ставитъ нація колоніальному государству, чѣмъ болѣе придается вѣсъ тому, чтобы цивилизаторскія идеи отечества, ихъ моральный прогрессъ и этическія блага были перенесены на колоніи, тѣмъ менѣе является склонности приносить туда чисто меркантильную систему. Борьба за хозяйственную выгоду всегда стоитъ въ извѣстной противоположности къ тенденціямъ защиты охраны и воспитанія хозяйственно и морально болѣе слабыхъ элементовъ. И если нашимъ желаніемъ является ввести въ колоніи въ значительномъ числѣ хозяйственно подготовленныхъ людей», то совершенно невозможно ихъ перевести туда безъ государственной подготовки, «которая должна выяснить имъ важнѣйшіе принципы и снабдить ихъ тѣми тенденціями, которыя преслѣдуетъ нѣмецкая колонизація въ отправленіи государственнаго верховенства». Но не одни идеальные мотивы заставляютъ Дернбурга показать спину своимъ либеральнымъ обожателямъ изъ крупно-буржуазныхъ круговъ. Онъ безъ стѣсненія указываетъ на мощь господствующаго феодальнаго класса, какъ на главную помѣху для введенія «сразу» въ администрацію значительнаго числа неблагородно-рожденныхъ купцовъ: «государственная жизнь считается съ отношеніями мощи, и ясно, что тѣ классы, которые нынче находятся въ обладаніи государственныхъ должностей... окажутъ купеческому натиску тѣмъ большее сопротивленіе, чѣмъ сильнѣе и откровеннѣе будетъ претензія произвести перемѣну въ теперешнихъ отношеніяхъ силы». Такая перемѣна возможна лишь послѣ доказательства купеческихъ талантовъ на государственной службѣ, это же еще пока не совершилось...

Выводъ изъ словъ Дернбурга очень ясенъ: quod licet Jovi, non licet bovi, или, другими словами, что идетъ вору, то не всякому въ пору! И если геніальная личность Дернбурга удостоилась пуговицъ съ орлами и министерскихъ фалдъ, то это еще не значитъ, что всякій либералишка-купецъ, желающій «пострадать за отечество», можетъ быть немедленно вознесенъ на бюрократическое небо, къ тому же и аграрный дяденька не велитъ!

И Дернбургъ до извѣстной степени правъ. Несмотря на свой патріотизмъ, нѣмецкіе либералы все еще сохранили кое-гдѣ тѣнь либеральной программы и, несмотря на всю свою ненависть къ центру

и лѣвымъ, все же съ опаской поглядываютъ на сводничество Бюлова въ пресловутомъ блокѣ.

Нельзя не отмѣтить здѣсь нѣкоторыхъ симптомовъ либеральнаго «возрожденія», которые показываютъ, что, по крайней мѣрѣ на югѣ, нѣкоторые, покамѣстъ еще очень небольшіе, либеральные круги смотрятъ не безъ сомнѣнія на политику скрещиванія подъ прусскимъ реакціоннымъ флагомъ. Такимъ симптомомъ является, между прочимъ, появленіе новаго политическаго союза подъ нѣсколько двусмысленной маркой «національнаго союза либеральной Германіи». Соединеніе терминовъ «національный» и «либеральный» было до сихъ поръ не особенно благопріятно для Германіи, такъ какъ національное начало такъ поглотило либеральное, что у національ-либераловъ отъ послѣдняго ужъ ничего не осталось. Несмотря на всю двусмысленность новаго соединенія, нельзя не отмѣтить проявленіе на его первыхъ же собраніяхъ нѣкоторыхъ опасеній насчетъ бюловскаго блока.

Національный союзъ стремится объединить всю либеральную Германію, не исключая ни національ-либераловъ, ни свободомыслящихъ. Союзъ долженъ установить тѣсную связь между отдѣльными профессіями и либерализмомъ, онъ долженъ пойти къ массамъ и среди нихъ создать народную академію для политическаго образованія. Такъ были намѣчены основные пункты программы союза, и въ Гейдельбергѣ на публичныхъ собраніяхъ было высказано твердое намѣреніе дать могучій толчокъ истинно-либеральной политикѣ въ Германіи. «Когда мы,—говорилъ профессоръ Гюнтеръ,—оживили снова имя національнаго союза, мы выходили изъ того убѣжденія, что національный вопросъ неразрывно связанъ съ либерализмомъ. У насъ есть воля къ власти, и мы хотимъ воспитать народъ для того, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ избирательными голосами, что онъ желаетъ либеральной политики. Южная Германія уже сильно представлена въ національномъ союзѣ, къ сожалѣнію, очень мало людей пришло къ намъ съ сѣвера. Мы, однако, надѣемся, что скоро снимемъ съ себя южно-нѣмецкое одѣяніе и сдѣлаемъ моральныя завоеванія на сѣверѣ. Мы идемъ въ бой съ соціалъ-демократами, центромъ и консерваторами, мы не хотимъ ни католическаго, ни протестантскаго центра... Въ 1859 г. Шульце-Деличъ писалъ свое письмо Рудольфу Бенигсену, а уже въ 1860 г. тогдашній національный союзъ насчитывалъ больше 40 тысячъ членовъ. И если во главѣ нашего союза нѣтъ такихъ людей, какъ Бенигсенъ и Шульце-Деличъ, за то мы обладаемъ серьезной волей исполнить свой долгъ на служеніе объединительной идеи». И профессоръ Готгейнъ въ своей рѣчи «объ основахъ либерализма» установилъ прежде всего реальныя основы для дальнѣйшей дѣятельности въ видѣ успѣховъ либерализма на югѣ, а въ частности въ Баденѣ и въ Вюртембергѣ. Въ этихъ странахъ образовался, однако, не консервативно-либеральный, а

чисто-либеральный блокъ, и съ его точки зрѣнія докладчикъ подвергъ критикѣ противоестественный бюловскій «великій блокъ». Этотъ послѣдній, по мысли Готгейна, очень искусная и, надо надѣяться, еще нѣкоторое время обѣщающая успѣхъ комбинація, однако, чисто преходящаго значенія. «Длящіяся противоположности между либеральнымъ и консервативнымъ должны остаться, и онѣ необходимы для всякой государственной жизни. Длительное либерально-консервативное сліяніе повело бы только къ политическому затушевыванію, и тотъ, кто надѣется, что изъ консервативно-либеральнаго скрещеванія достанется что-нибудь на долю либерализма, является слишкомъ большимъ оптимистомъ. И если мы, либералы, можемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополнять себя истиннымъ консерватизмомъ, то никакъ не его выродками: аграрной демагогіей или антисемитизмомъ, который, являясь извращеннымъ направленіемъ политической и духовной жизни, къ сожалѣнію, закидываетъ свою удочку среди среднихъ классовъ, на истинной почвѣ либерализма, и производитъ свои опустошенія среди молодежи».

Однимъ изъ подводныхъ камней, на которые уже съ первыхъ моментовъ угрожалъ сѣсть новый національный ферейнъ, былъ вопросъ объ отношеніи къ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Профессоръ Готгейнъ заявилъ желаніе преобразовать рабочую партію извнутри. Однако онъ не обольщалъ себя особыми надеждами: «несмотря на предостереженіе, полученное на послѣднихъ выборахъ, соціалъ-демократія упорствуетъ въ своей безплодной оппозиціи». «Пока эта партія остается при вредномъ кокетничаньи съ революціей, устраиваетъ дѣтскія демонстраціи противъ монархіи и отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность, она ставитъ сама себя внѣ всякой регулярной политической работы и политически не можетъ быть взята въ серьезъ. Мы, однако, должны постоянно работать надъ тѣмъ, чтобы привести рабочія массы въ тѣсное соприкосновеніе съ либеральной партіей, такъ какъ мы считаемъ серьезнымъ вредомъ, что именно эти элементы богатаго будущаго въ нашемъ народѣ до сихъ поръ неблагонадежны». Ту же мысль высказывалъ и рабочій секретарь Эркеленцъ отъ Гиршъ-Дункеровскихъ профессіональныхъ союзовъ, который не только требовалъ энергичной соціальной политики со стороны либераловъ, но и звалъ ихъ возстановить потерянное вліяніе на рабочія массы, отбросивъ чисто капиталистическую основу либерализма.

«Либерализмъ былъ чисто капиталистиченъ,—говоритъ г. Эркеленцъ,—тогда рабочія массы обратились къ соціалъ-демократіи и центру; въ послѣднее десятилѣтіе дѣла нѣсколько поправились, но либерализмъ долженъ смотрѣть на рабочее движеніе болѣе съ принципіальной точки зрѣнія, какъ на дѣятельность стремящагося впередъ класса. Если либерализмъ сдѣлаетъ это и энергично примется за осуществленіе рабочихъ требованій, то онъ можетъ привлечь къ себѣ рабочихъ. Въ соціалъ-демократіи не всѣ убѣжден-

ные соціалисты. Соціаль-демократія дѣлаетъ выборы не съ коллективизмомъ, а съ нашей либеральной програмой. Пусть же, наконецъ, либерализмъ рѣшительно встанетъ за свою собственную программу».

Къ такому требованію присоединился не только либеральный фабрикантъ Конъ, но и бывшій національ-либеральный депутатъ Кулеманъ. Этотъ послѣдній прямо противоставилъ два міровоззрѣнія: «старое видитъ въ рабочемъ только объектъ, новое—субъектъ». «Рабочій вопросъ есть вопросъ о высшемъ культурномъ развитіи. Наши рабочіе уже созрѣли для высшей культуры, и либерализмъ не можетъ болѣе относиться отрицательно къ великому культурному движенію; напротивъ того, онъ для него естественный союзникъ. И даже форма, въ которой совершается рабочее движеніе, соотвѣтствуетъ либеральному принципу свободнаго развитія и проявленія силъ». Понятія «либеральный» и «соціальный» отнюдь не противоположности. «Истинный либерализмъ также и соціаленъ. Это непостижимо, что смѣшиваютъ рабочіе интересы съ анти-монархическимъ и анти-религіознымъ положеніемъ соціалъ-демократіи»... Въ заключеніе ораторъ рекомендовалъ основаніе новой «чисто рабочей партіи», которая одна будетъ въ состояніи вступить съ соціалъ-демократіей въ борьбу, какъ со своимъ конкуррентомъ.

Однако не обошлось и безъ возраженій. Г. Гассъ, членъ центральнаго комитета нѣмецкой народной партіи, высказался противъ борьбы на два фронта. Онъ потребовалъ, чтобы либералы отдавали свои голоса соціалъ-демократіи въ случаѣ перебаллотировки между нею и реакціей. Онъ указалъ далѣе на тотъ печальный фактъ, что реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ выбираются либеральными голосами. Однако эти рѣчи были заглушены такимъ шумнымъ протестомъ со стороны всѣхъ присутствующихъ, что мы безъ колебанія можемъ признать, что если національный союзъ питаетъ нѣсколько менѣе надеждъ на правительственную политику и даже заявляетъ о необходимости борьбы противъ реакціи, то онъ во всякомъ случаѣ сильно захваченъ великой національной побѣдой порядка надъ черно-красной оппозиціей, и со своей «волей къ власти» находится въ томъ же кругѣ идей, какъ и другіе, упоенные счастьемъ либералы.

Нечего и говорить, что сама практика наиболѣе вліятельныхъ прусскихъ министерствъ, несмотря на весь выборный блокъ и всѣ скрещеванія, не только осталась прежней, но, можно сказать, еще усовершенствовалась въ старомъ направленіи. Да и трудно было ожидать чего-нибудь другого. Не даромъ профессоръ Рейнке, засѣдающій въ верхней прусской палатѣ отъ кильскаго университета, публично призывалъ 10 мая 1907 г. къ уничтоженію свободы науки и къ немедленному истребленію дерзкаго еретика и смутьяна, сына сатаны и учредителя союза безбожниковъ, Эрнста

Гекеля. «Союзъ монистовъ» есть то адское учрежденіе, которое стремится ниспровергнуть христіанское міровоззрѣніе, пользуется въ качествѣ корана «міровой загадкой Гекеля» и, состоя изъ толпы «дикихъ фанатиковъ», нѣкоторымъ образомъ «насильственно», при помощи «пропаганды дѣломъ», желаетъ ниспровергнуть божескій характеръ прусскаго государства. Правда, 20 статья прусской конституціи провозглашаетъ, что наука и ея ученія—свободны. Но развѣ это истинная наука—то, что проповѣдуетъ Гекель? Развѣ гекелевская теорія не есть простое злоупотребленіе «почетнымъ именемъ естествознанія»? Почему бездѣйствуетъ правительство въ виду отвратительной пропаганды монистовъ, почему оно насильственно не остановитъ этого «проведенія знанія черезъ кавдинское иго невѣжества». Развѣ «дѣятельность союза монистовъ въ научной области не то же самое, что происки соціалъ-демократіи въ экономической области!» Такъ взывалъ многомудрый и христіански настроенный королевскій профессоръ и знаменовалъ собою не только внѣшнее, но и глубоко внутреннее сочетаніе охранительныхъ идей и патріотическаго либерализма.

Въ томъ же духѣ и направленіи дѣйствовалъ до конца своего министерства и пресловутый Штудтъ, обезсмертившій себя двумя до сихъ поръ еще не отмѣненными циркулярами. Одинъ изъ нихъ относится къ печальному вопросу о нищенскомъ обезпеченіи прусскихъ школьныхъ учителей, другой — къ вопросу о сѣченіи согласно строгимъ формамъ министерской педагогики. Въ первомъ циркулярѣ министръ, который отстаивалъ всѣми силами души голодное жалованье учительскаго персонала, проявилъ удивительную находчивость въ добываніи новыхъ доказательствъ въ пользу старой истины, что человѣкъ съ голоду умирать ни за что не хочетъ. Весьма основательно рѣшилъ остроумный министръ, что развращать народныхъ учителей сноснымъ вознагражденіемъ отнюдь не слѣдуетъ, и что такъ называемое просвѣщеніе совершенно не въ интересахъ истинныхъ хозяевъ государста. Съ другой стороны, однако, крикъ и протесты учителей надо было прошибить такимъ аргументомъ, который бы всѣмъ доказалъ, что мошенники все врутъ, на самомъ же дѣлѣ процвѣтаютъ и размножаются. Конечно, министръ зналъ превосходно, что на учительское жалованье прожить нельзя. Въ виду этого громадная масса учителей принуждена заниматься еще какимъ-нибудь «побочнымъ» промысломъ и въ свободное отъ занятій время дорабатывать то, что необходимо, чтобы не умереть съ голоду. Такимъ образомъ учителя сплошь и рядомъ совмѣщаютъ должности общинныхъ писарей, агентовъ по государственному страхованію, вспомогательныхъ почтовыхъ чиновниковъ и т. д. Этого для министра было вполнѣ достаточно. Стоило только выяснить размѣры побочныхъ доходовъ плодовъ просвѣщенія, и дѣло было сдѣлано: можно было такимъ путемъ доказать, что учителя все врутъ про свои бѣдствія

и ради корысти пренебрегаютъ своимъ настоящимъ призваніемъ. Но и тутъ не обошлось безъ ироніи. Министръ предложилъ учителямъ самимъ подписать себѣ смертный приговоръ и потребовалъ отъ нихъ подробнѣйшаго подсчета—вплоть до пфенига—всего, что они получаютъ сверхъ своего учительскаго жалованья. Характерно, что, согласно циркуляру, учителямъ было предложено дать такой подробный отчетъ и объ ихъ «литературномъ заработкѣ»... Это мѣропріятіе настолько блещетъ яркими прусскими цвѣтами, что комментаріи къ нему совершенно излишни.

Циркуляръ о поркѣ является также показателемъ новѣйшаго прусскаго курса. Въ цѣляхъ упорядоченія тѣлеснаго наказанія въ школахъ, г. Штудтъ издалъ распоряженіе, въ силу котораго учителямъ предлагается вести по особому формуляру на 8 отдѣльныхъ рубрикахъ подробнѣйшее описаніе «за номеромъ»: дня производства секуціи, имени и возраста ребенка, обоснованіе наказанія, свѣдѣній относительно безуспѣшно примѣненныхъ дисциплинарныхъ мѣръ, имени лица, произведшаго порку, и это все за подписью школьнаго начальства. Этимъ путемъ министръ рѣшилъ создать своего рода штрафные или черные списки для каждаго ребенка, подъ предлогомъ «высокой важности», присущей штрафному протоколу въ качествѣ доказательства на судѣ при производствѣ слѣдствій относительно превышенія дисциплинарной власти учителей; онъ полагалъ при этомъ, что «въ интересѣ самихъ учителей вести протоколы съ величайшей полнотой и точностью», въ особенности относительно «мѣры наказанія»—числа отсыпаемыхъ ребенку ударовъ. Такая точность строжайше предписывается учителямъ подъ угрозой «чувствительнаго дисциплинарнаго наказанія». Другими словами, оставляя совершенно неприкосновеннымъ царство порки въ народныхъ школахъ, реакціонный министръ рѣшилъ создать своего рода кондуиты сѣкущихъ и сѣкомыхъ, изъ которыхъ министерство можетъ затѣмъ сдѣлать самое различное употребленіе, вплоть до взысканія съ учителей за недостаточную строгость, если ихъ бухгалтерія окажется чистой, а съ другой стороны, вплоть до сообщенія формуляровъ порки въ подлежащія мѣста къ свѣдѣнію о поротыхъ. Нельзя не узрѣть въ подобныхъ мѣрахъ истиннаго показателя той среды, подъ давленіемъ которой должна развиваться либеральная эра новой германской политики.

И никто другой, какъ правительство Бюлова постаралось доказать со всей очевидностью, что либералы были нужны канцлеру только для его личныхъ цѣлей, и что послѣ великой побѣды онъ меньше всего думалъ о перемѣнѣ своего разъ установленнаго курса. Правда, когда свершилось торжество и при оглушительныхъ кликахъ патріотическаго общества нечестивый врачъ былъ признанъ сокрушеннымъ, канцлеръ съ лихорадочной поспѣшностью принялся за упроченіе своего положенія. Не о перемѣнѣ курса

шла рѣчь, а объ удаленіи нежелательныхъ Бюлову конкуррентовъ среди болѣе, чѣмъ онъ, принципіальной реакціонной клики. Первымъ дѣломъ о благодѣтельныхъ перемѣнахъ была извѣщена печать, при чемъ либералы, вплоть до свободомыслящихъ, забили въ барабанъ по поводу бросаемыхъ имъ свыше министерскихъ подачекъ. Это подѣйствовало ободряюще на загнанный и нѣсколько сконфуженный въ консервативномъ супружествѣ либерализмъ. Штудтъ былъ прежде всего объявленъ бюловской прессой въ качествѣ перваго козла отпущенія, что вызвало, конечно, немедленно оживленные панегирики широкому кругозору и государственному уму канцлера. Бюловъ о преемникѣ Штудта благоразумно умалчивалъ и давалъ всласть накричаться своимъ союзникамъ по готтентотской кампаніи. Точно такъ же заранѣе было оповѣщено, что уйдутъ и другіе страшные реакціонеры, съ которыми князь-канцлеръ преблагополучно работалъ надъ «общимъ дѣломъ» много и много лѣтъ. Это еще больше оживило либерализмъ. Въ недалекомъ будущемъ рисовалась блаженная эра дружеской работы канцлера и блока, при чемъ демократы были уже готовы изобразить изъ себя послушный канцлерской палочкѣ оркестръ, который безъ запинки разыгрываетъ безчисленныя ассигнованія на колоніи и флоты, на африканскія экспедиціи и новыя вѣдомства экваторіальныхъ дѣлъ. Уже въ первую сессію новаго рейхстага либералы постарались доказать, что они способны оправдать «довѣріе». Отказа съ ихъ стороны ни въ чемъ не было, а Бюловъ заманчиво игралъ на грядущихъ измѣненіяхъ въ министерствѣ и поддерживалъ сладкія надежды въ довѣрчивыхъ консервативно-либеральныхъ сердцахъ.

Но вотъ рейхстагъ отправился отдыхать, а императоръ приготовился къ своей сѣверно-ледовитой поѣздкѣ. Наступила пора раскрыть карты. Надо было честно разсчитаться съ либералами. Въ Килѣ наканунѣ самаго отлета Бюловъ поймалъ императора и получилъ отъ него подарокъ за спасеніе отечества. То было отставки для опаснѣйшихъ бюловскихъ конкуррентовъ, для Посадовскаго и Штудта, съ назначеніемъ канцлерскаго фактотума Бетмана-Гольвега, черезъ голову стараго врага Рейнхаберна, на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Бюловъ удовлетворилъ себя вполнѣ: двѣ камарильи ему удалось разбить, при чемъ во главѣ третьей онъ, въ качествѣ безъотвѣтственнаго канцлера, остался царствовать самъ. Личный интересъ былъ достигнутъ, положеніе канцлера блестяще укрѣплено при дворѣ. Спрашивается, однако, что же получилъ при этомъ либерализмъ? Какихъ мужей на мѣсто уволенныхъ избралъ канцлеръ для веденія единой гармоничной политики съ блокомъ?

Менѣе всего желалъ Бюловъ компрометтировать себя уклоненіемъ отъ едино-спасающаго реакціоннаго курса. На мѣсто Штудта онъ посадилъ отнюдь не своего друга, профессора Гарнака, извѣстнаго въ качествѣ либеральнаго богослова. Нѣтъ, онъ выбралъ на мѣсто уволеннаго христіанскаго министра другого, болѣе послуш-

наго, менѣе рекламированнаго, никому неизвѣстнаго и абсолютно незнакомаго съ народнымъ просвѣщеніемъ, чистѣйшаго бюрократа г. Голле. Этотъ послѣдній въ различныхъ интервью поспѣшилъ зарекомендовать себя приверженцемъ религіозной школы и христіанскаго просвѣщенія. Во всемъ остальномъ новый министръ является мужемъ порядка и слугою отечества. Ясное дѣло, что Голле оказался лучше Штудта только потому, что онъ совершенно не имѣетъ собственной воли, не обладаетъ никакими связями при дворѣ, болѣе гибокъ въ бюрократическомъ смыслѣ, а слѣдовательно, въ состояніи продолжить дѣло почтеннаго Штудта, но безъ ссылокъ на желанія императрицы и безъ нелѣпыхъ циркуляровъ о поркѣ, которая продолжитъ свое существованіе въ прежнемъ объемѣ, но въ менѣе оскорбляющихъ глазъ и чувства формахъ. Надо всетаки отмѣтить, что назначеніе неизвѣстнаго канцеляриста въ прусскіе Вольтеры, да еще съ присоединеніемъ доброй порціи консервативно религіознаго букета, подѣйствовало на блокъ довольно таки ошеломляюще. Но реальные политики, скрещенные на выборахъ, скоро утѣшились въ томъ смыслѣ, что де всетаки Голле не Штудтъ, а Штудтъ не Голле и, пожалуй, этотъ послѣдній не будетъ закрывать дѣтскіе сады для четырехъ-лѣтнихъ младенцевъ за неблагонадежность и разрѣшитъ сѣчь безъ внесенія каждаго рубца на спинѣ въ особые младенческіе формулярные списки. «Ахъ, хорошо всетаки, что Штудтъ ушелъ, словно гора свалилась съ плечъ!» Такова была благодарственная молитва, закончившая собой школьныя мечты нѣмецкаго либерализма.

Увольненіе Посадовскаго совершилось еще болѣе удивительнымъ образомъ. Этотъ министръ, несмотря на ультра-консервативные взгляды, пользовался въ Германіи рѣдкой репутаціей. Всѣ партіи, не исключая соціалъ-демократовъ, признавали его громадную работоспособность и трудолюбіе, исключительныя знанія въ области соціальной политики и рѣдкую честность во всемъ, за что только онъ ни брался. Правда, какъ говоритъ «Vorwärts», его соціальная политика не была политика свободы, а бюрократической опеки, не соціальной политикой права, а христіанскаго милосердія. Больше всего опасался онъ укрѣпить чѣмъ бы то ни было власть и силу пролетаріата. И все-же то, что онъ дѣлалъ, была соціальная политика; и даже ея жалкіе начатки Посадовскій долженъ былъ всегда защищать противъ постоянныхъ нападокъ реакціонеровъ. Посадовскій не былъ ни бойцомъ, ни насильникомъ, у него даже не было особенной иниціативы, онъ обладалъ развѣ только извѣстнымъ вѣдомственнымъ эгоизмомъ въ области соціальной политики, но, тѣмъ не менѣе, это была единственная «личность» среди коллегъ князя Бюлова, и вмѣстѣ съ Посадовскимъ канцлеръ отдѣлался отъ послѣдняго человѣка со значеніемъ, знаніями и работоспособностью.

Замѣчательна также та наглая и безстыдная манера, при по-

мощи которой Посадовскій былъ выброшенъ за бортъ государственной машины. За двѣ недѣли до истеченія десятилѣтней годовщины управленія имперскимъ статсъ-секретаріатомъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Посадовскій узналъ впервые изъ газетъ о томъ, что онъ уволенъ со службы согласно прошенію. Какъ правильно замѣчаетъ одна газета, такъ за десятилѣтнюю службу не выбрасываютъ даже лакеевъ. Правда, этому всемилостивѣйшему акту предшествовала въ теченіе нѣсколькихъ недѣль грязная кампанія за Бюлова и противъ Посадовскаго со стороны органа горныхъ бароновъ, «Rheinisch-Westfälische Zeitung». Тамъ возглашалось безъ всякаго стѣсненія, что Посадовскій принадлежалъ къ либенбергской кликѣ и былъ однимъ изъ сторонниковъ Эйленбурга. Эти утвержденія были настолько фантастичны, что никто имъ не повѣрилъ, пока не появилось послѣдняго императорскаго указа. Такъ, канцлеръ использовалъ побѣду блока и замѣнилъ неудобнаго ему человѣка услужливымъ чиновникомъ консервативно-свѣтскаго пошиба,г. Бетманъ-Гольвегомъ.

Характерно, что, для достиженія своихъ цѣлей, князь-канцлеръ не поцеремонился нарушить еще одну твердую традицію прусскаго бюрократическаго строя: согласно ей, на мѣсто уволеннаго графа Посадовскаго долженъ былъ бы быть назначенъ вице-предсѣдатель прусскаго совѣта министровъ, старшій по службѣ министръ фонъ-Рейнхабенъ, занимающій должность министра финансовъ. Изъ личныхъ цѣлей Бюловъ посадилъ на это мѣсто Бетмана, обиду же Рейнхабена смягчилъ орденомъ Чернаго Орла.

Такъ дѣлается германская исторія.

III.

Колоніи передъ судомъ.

Послѣ всякаго опьяненія обыкновенно наступаетъ не совсѣмъ пріятный процессъ, сопровождаемый различными «реакціями» на излишнюю порцію хмѣля. И если патріотическій подъемъ январскихъ выборовъ, съ одной стороны, закончился Эйленбургомъ, а съ другой—либерализмомъ Бетмановъ и Голле, то съ естественной необходимостью надо было ожидать, что и готтентотскіе восторги приведутъ къ чему-нибудь подобному же. И словно по режиссерскому знаку почтенной Кліо, вынурнули цѣлыхъ 3 колоніальныхъ скандала. Это—три процесса, поднявшіе общественное мнѣніе Германіи, процессъ Пеплау, депутата Эрцбергера и знаменитаго изслѣдователя Африки и истребителя чернокожихъ, бывшаго имперскаго коммиссара въ Африкѣ, доктора Петерса.

Однако прежде, чѣмъ перейти къ подвигамъ колоніальныхъ героевъ, слѣдуетъ отмѣтить тѣ оригинальныя черты, которыя отличаютъ нынѣшнюю европейскую колонизацію отъ колоніальной по-

литики прежнихъ временъ. Какъ извѣстно, колоніальная политика пережила три періода за время своего существованія. Въ началѣ это былъ ничѣмъ не прикрытый разбой и грабежъ, который имѣлъ цѣлью захватъ въ колоніи всего цѣннаго, что она могла представить для метрополіи и доставленіе его на родину. Добычей здѣсь являлось золото, драгоцѣнные камни, различные предметы роскоши, шелка, рѣдкія куренія, птицы, животныя и т. п. Спеціально изъ Африки везли слоновую кость и страусовыя перья, и очень скоро ко всѣмъ этимъ тропическимъ драгоцѣнностямъ присоединилась важнѣйшая—а именно, цвѣтнокожіе люди, на которыхъ устраивались правильныя охоты, и которыхъ затѣмъ транспортировали десятками тысячъ въ Америку и другія страны. Эта стадія колоніальнаго хозяйства далеко не можетъ считаться вымершей въ настоящее время и, сравнительно на громадномъ пространствѣ чернаго и желтаго континентовъ, она продолжаетъ свое прежнее существованіе.

На смѣну этому типу колоніальной эксплуатаціи явилась скоро другая форма, которая состояла въ развитіи такъ называемыхъ плантацій для производства различныхъ тропическихъ продуктовъ въ родѣ индиго, хлопчатой бумаги, сахарнаго тростника и т. д. Для заведенія плантацій, само собою разумѣется, было необходимо сначала отобрать у туземцевъ всю принадлежащую имъ землю, а ихъ самихъ обратить въ рабство и заставить работать на завоевателей. При этомъ наилучшимъ средствомъ для уничтоженія лишнихъ дикарей оказался ввозъ огнестрѣльнаго оружія и водки; при помощи перваго междуусобныя распри дикарей получили характеръ взаимнаго истребленія другъ друга, а водка докончила цивилизаторское дѣло и буквально выжгла цѣлые племена и народы. Съ прекращеніемъ плантаторскаго хозяйства, когда въ Европѣ прекратился спросъ на тропическіе продукты, а европейская промышленность замѣнила ввозимые товары болѣе дешевыми продуктами мѣстнаго производства, въ цѣломъ рядѣ колоній плантаціи были вытѣснены фермерскимъ и крупнымъ землевладѣніемъ, которое обратилось къ скотоводству и производству дешеваго, колоніальнаго хлѣба. Опять-таки и здѣсь надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ плантаціи уцѣлѣли, благодаря естественнымъ условіямъ, но въ большинствѣ случаевъ они смѣнились пашней и крупными стадами убойнаго скота.

Какъ совершенно правильно указываетъ новѣйшая брошюра по колоніальному вопросу *), современной стадіи колоніальной политики придаетъ совершенно особый характеръ таможенная политика крупныхъ промышленныхъ державъ. Ограждаясь взаимно высокими пошлинами отъ ввоза сосѣднихъ государствъ, каждое изъ нихъ въ силу естественнаго закона реакціи теряетъ постепенно тѣ

*) Parvus, „Die Kolonialpolitik und der Zusammenbruch“, 1907.

далеко еще не насыщенные рынки, которые созданы ростомъ населенія и благосостоянія широкихъ народныхъ массъ культурнаго человѣчества. Современная Европа словно перегорожена запретительными пошлинами на цѣлый рядъ изолированныхъ промышленныхъ центровъ, изъ которыхъ каждый только съ большими стѣсненіями можетъ пробивать путь къ сосѣдямъ и конкуррировать съ ихъ туземнымъ производствомъ. При такихъ условіяхъ взаимный обмѣнъ культурныхъ государствъ пріобрѣтаетъ весьма своеобразныя формы. Господствующая при системѣ свободной торговли конкурренція при помощи улучшенія качества продуктовъ смѣняется конкурренціей на дешевизну, которой въ свою очередь противополагаются высокія таможенныя ставки. Лишенная конкурренціи промышленность отдѣльнаго государства понижаетъ качества своихъ произведеній, чтобы использовать разницу между издержками производства и искусственно вздутой при помощи запретительныхъ пошлинъ цѣною. Мало того, чувствуя себя совершенно обезпеченной у себя дома, индустрія начинаетъ перекладывать на своего туземнаго потребителя тѣ издержки и то пониженіе цѣнъ, которое могло бы ей облегчить выходъ за границу. Однако и за границей, и внѣ Европы она натыкается повсюду на запретительныя пошлины, установленныя въ колоніяхъ въ интересѣ ихъ метрополіи. Единственнымъ выходомъ такимъ образомъ оказывается здѣсь возможное расширеніе своей колоніальной области, превращеніе ея въ свою очередь въ закрытую для иностранной конкурренціи территорію и пользованіе этимъ новымъ рынкомъ въ цѣляхъ своего исключительнаго процвѣтанія.

Обращеніе европейской индустріи къ колоніальнымъ потребителямъ, приспособленіе ея производства къ низменнымъ вкусамъ широкихъ, полудикихъ покупательскихъ массъ отражается въ свою очередь чрезвычайно плачевно на самыхъ формахъ производства, на высотѣ заработанной платы и на качествѣ производимыхъ цѣнностей. И если при господствѣ свободы торговли промышленныя державы принуждены ради конкурренціи повышать качества своихъ продуктовъ, улучшать технику производства и повышать качество и интенсивность труда—а вмѣстѣ съ тѣмъ и заработную плату—то, наоборотъ, обращеніе промышленности къ колоніальному рынку знаменуетъ собой возвратъ къ болѣе низкой техникѣ, къ болѣе дешевому производству и къ болѣе экстенсивному, а слѣдовательно, и къ болѣе дешевому труду. Современная Европа находится какъ разъ въ подобномъ положеніи. Ея промышленныя государства отгораживаются другъ отъ друга все болѣе высокими пошлинами и видятъ единственное спасеніе въ монопольномъ обладаніи колоніальными рынками и такъ называемыми сферами вліянія. Въ Африкѣ и въ Азіи идетъ въ виду этого борьба, которая менѣе всего можетъ быть названа культурной или содѣйствующей прогрессу человѣчества. Напротивъ, все это движеніе реакціонно по

существу; оно является возвратомъ къ болѣе раннимъ временамъ хозяйственнаго развитія человѣчества, оно совершается подъ прикрытіемъ вооруженной силы отдѣльныхъ государствъ, оно стремится къ несправедливому обогащенію немногочисленной кучки отечественныхъ и колоніальныхъ капиталистовъ, которые добиваются полученія прибылей за счетъ не только одного колоніальнаго потребителя, но и за счетъ туземнаго европейскаго плательщика податей, а вмѣстѣ и потребителя, и за счетъ занятаго въ метрополіи рабочаго класса. Мы не говоримъ уже здѣсь о томъ потопѣ зерного колоніальнаго хлѣба, который заливаетъ европейскіе рынки, благодаря дешевизнѣ въ колоніяхъ цвѣтного труда и разбойничьей системѣ захвата принадлежащихъ дикарямъ не только культурныхъ площадей, но и дѣвственныхъ пастбищъ. Конечно, отъ этихъ цѣнъ не мало страдаетъ устойчивость хлѣбнаго рынка въ современныхъ земледѣльческихъ государствахъ.

Таковы основы современнаго анти-культурнаго имперіализма. Спеціально относительно Германіи мы должны замѣтить еще одно. Въ своихъ восточно-африканскихъ владѣніяхъ эта страна только начинаетъ указанный выше колоніальный процессъ, другими словами, совершаетъ теперь въ XX вѣкѣ тѣ акты «первоначальнаго накопленія», которыми запятнали себя англичане и голландцы въ XVII вѣкѣ. Это обстоятельство представляетъ интересную проблему для всѣхъ, кому еще свойственна вѣра въ «общественное мнѣніе цивилизованной Европы», кто искренно убѣжденъ, что подвиги различныхъ истребителей и пожирателей цвѣтнокожихъ невозможны въ нашъ вѣкъ, когда телеграфная проволока проведена непосредственно отъ сердца каждаго мыслящаго и чувствующаго человѣка въ самую глубь центральной Африки и въ другія мѣста дѣйствія новыхъ культуртрегеровъ. И, въ самомъ дѣлѣ, возможно ли допустить, что въ наше время такъ же легко совершится очищеніе отъ туземцевъ колоніальныхъ областей, какъ въ доброе старое время. Допуститъ ли нынѣшнее человѣчество, чтобы снова удобрялись человѣческой кровью плантаціи и фермы на черномъ материкѣ, возможно ли, чтобы ради хищныхъ инстинктовъ кучки предпринимателей наносился величайшій ущербъ прогрессу современной намъ культуры.

Мы видѣли уже выше, какъ колоніальный министръ Дернбургъ идеализировалъ нѣмецкую политику среди гереровъ и готтентетовъ. А упомянутые мной три колоніальные процесса даютъ блестящую иллюстрацію возвышеннымъ словамъ колоніальнаго превосходительства.

Процессъ Пеплау является первымъ среди тѣхъ, которые нарушили собой веселый праздникъ готтентотскихъ выборовъ. Пеплау отданъ подъ судъ за преступленіе, которое сейчасъ даже не не считается таковымъ. Но въ то время, когда Пеплау служилъ тайнымъ секретаремъ въ колоніальномъ вѣдомствѣ, послѣднее еще

принадлежало къ министерству иностранныхъ дѣлъ, а слѣдовательно, находилось подъ охраной знаменитыхъ арнимовскихъ статей, запрещающихъ каждому чиновнику, подъ угрозой тяжелаго наказанія, всякую нескромность, касающуюся ввѣренныхъ ему по службѣ документовъ и распоряженій. Какъ извѣстно, этотъ удивительный законъ, который наказываетъ штрафомъ до 5000 марокъ или тюрьмой всякаго чиновника иностранныхъ дѣлъ, который бы нарушилъ «служебную тайну такимъ образомъ, что онъ противозаконно сообщилъ бы другимъ служебно довѣренные или по службѣ доступные ему документы или данную ему отъ начальства инструкцію или оныхъ содержаніе»—былъ состряпанъ Бисмаркомъ спеціально для своего врага, парижскаго посла Арнима, и имѣлъ цѣлью закатать Арнима въ тюрьму. Цѣль эта была въ свое время великолѣпно достигнута: Арнимъ былъ лишенъ своего исключительнаго вліянія при дворѣ, а самый законъ, сдѣлавъ свое «правовое» дѣло, былъ отложенъ въ сторону, гдѣ благополучно пролежалъ до настоящаго времени. И вотъ только теперь этотъ законъ понадобился съ не менѣе благородной цѣлью: надо было примѣрно наказать несчастнаго, всѣми загнаннаго бывшаго чиновника колоніальнаго управленія за то, что онъ осмѣлился выдать кое-какія данныя на счетъ африканскихъ безобразій депутатамъ рейхстага, благодаря чему были раскрыты подвиги нѣкоторыхъ африкандеровъ. Мало оказалось того, что «преступнаго» Пеплау выгнали съ позоромъ со службы и выбросили на улицу голодать вмѣстѣ съ его не малой семьей. Надо было показать всему свѣту, что нѣмецкое колоніальное царство есть священная область, доступъ въ которую даже народнымъ представителямъ строго воспрещается. Надо было нагнать страхъ на бывшихъ коллегъ Пеплау, несмотря на то, что арнимовскіе параграфы къ нимъ больше не относятся, такъ какъ иначе чиновники могутъ выдать тайны истязанія черныхъ и поставокъ на африканскія войска. И судъ истинно по-прусски сдѣлалъ свое дѣло.

Во время самого процесса колоніальное вѣдомство еще разъ обнаружило полное сознаніе своей безотвѣтственности. Когда по самому важному вопросу обвиненія, относительно выдачи Пеплау казенныхъ документовъ, подсудимый предъявилъ требованіе вызвать различныхъ чиновъ иностранныхъ дѣлъ и колоніальнаго управленія, эти вѣдомства воспользовались своимъ правомъ запрещать чиновникамъ показанія на судѣ, касающіяся служебныхъ дѣлъ, и этимъ путемъ поставили Пеплау въ полную невозможность оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. Замѣчательно также, что, начиная съ канцлера и кончая послѣднимъ секретаремъ колоній, всѣ эти свидѣтели не получили сразу приказанія молчать во что бы то ни стало, и дѣло о разрѣшеніи ихъ отъ служебной тайны затягивалось до самаго конца процесса, когда, наконецъ, въ послѣдней его стадіи было оффиціально сообщено, что никто изъ свидѣтелей не явится потому, что имъ не дано раз-

рѣшенія касаться служебныхъ дѣлъ. Это было сдѣлано опять-таки въ тѣхъ видахъ, чтобы не компрометтировать предъ публикой престижа государственной власти, а въ частности, столь безупречныхъ и невинныхъ ея представителей, какъ чины колоніальнаго управленія. Совершенно справедливымъ является послѣ сего предположеніе, что только потому процессъ Пеплау не послужилъ поводомъ къ сенсаціоннымъ разоблаченіямъ, что подсудимому и его свидѣтелямъ свыше былъ искусственно закрытъ ротъ.

Въ результатѣ этого процесса, въ которымъ обвиняемый напередъ былъ лишенъ возможности защищаться, былъ приговоръ, по которому Пеплау получилъ 3 мѣсяца тюремнаго заключенія. Арнимовскій параграфъ и прусская служебная тайна блестяще сдѣлали свое дѣло; они, однако, не могли скрыть одного: это всеобщаго впечатлѣнія, что въ колоніальномъ вѣдомствѣ творятся дѣла, боящіяся гласности, суда и свѣта...

Колоніальныя разоблаченія послужили предметомъ и другого не менѣе скандалезнаго разбирательства. Во время послѣднихъ выборовъ депутатъ центра Эрцбергеръ выпустилъ брошюру подъ названіемъ: «Почему распущенъ былъ рейхстагъ». Въ ней выдающійся депутатъ изложилъ въ общедоступной формѣ тѣ возмутительныя махинаціи земельныхъ обществъ для юго-восточной Африки, которыя были уже предметомъ жаркихъ депутатовъ въ рейхстагѣ и, между прочимъ, удостоились признанія со стороны правительства. Брошюра Эрцбергера, это—потрясающая повѣсть земельнаго грабежа, колоссальнаго хищничества и самыхъ безсовѣстныхъ спекуляцій, совершавшихся подъ кровомъ колоніальной политики и при нѣмомъ сочувствіи надзирающаго вѣдомства. Въ брошюрѣ этой былъ задѣтъ бывшій министръ торговли фонъ-Меллеръ, который не хотѣлъ, однако, доводить дѣло до суда и удовлетворился довольно уклончивымъ заявленіемъ автора; другой африканскій герой подъ вліяніемъ готтентотской побѣды не былъ столь умѣренъ въ своемъ самолюбіи. Брошюра Эрцбергера слишкомъ задѣвала его въ качествѣ бывшаго африканскаго губернатора, и онъ рѣшилъ примѣрно наказать дерзкаго клеветника.

Г. фонъ-Бенигсенъ, — такъ зовутъ африканца, — предъявилъ къ Эрцбергеру обвиненіе,—однако, не въ клеветѣ, а по болѣе удобному параграфу объ оскорбленіи, при чемъ съ благороднымъ негодованіемъ указывалъ на тотъ фактъ, что онъ никогда не былъ членомъ колоніальнаго совѣта, а изъ правленія колоніальнаго общества ушелъ именно потому, что не сочувствовалъ корыстной политикѣ этого послѣдняго. А между тѣмъ Эрцбергеръ не пощадилъ честнаго имени африканскаго губернатора и упомянулъ въ своей брошюрѣ о цѣломъ рядѣ лицъ, которыя при помощи колоніальнаго общества, земельныхъ обществъ и своего служебнаго положенія приняли горячее участіе въ дѣлежѣ добычи и столь предосудительнымъ образомъ пріобрѣли себѣ крупное состояніе.

Г. Эрцбергеръ, правда, утверждалъ, что если въ первой части брошюры онъ дѣйствительно упомянулъ почтенное имя фонъ-Бенигсена, то онъ никакъ не думалъ, что въ числѣ тѣхъ не названныхъ имъ грабителей, которыхъ онъ уличаетъ во второй части, г. Бенигсенъ узнаетъ самого себя. Африканецъ, однако, стоялъ твердо на своемъ: онъ желалъ непремѣнно наказать депутата за его продерзость, а кличку грабителя съ величайшимъ усердіемъ натягивалъ на самого себя. Упорство обвинителя оправдывалось еще тѣмъ, что онъ поставилъ своей цѣлью развѣнчать ложнаго «спасителя» отечества и защитить честныхъ людей, принявшихъ участіе въ цивилизаторской дѣятельности подъ экваторомъ. Мало того, г. Бенигсенъ требовалъ непремѣнно тюрьмы для депутата, такъ какъ въ самой брошюрѣ, изданной во время національной борьбы, онъ видѣлъ погоню за сенсаціей, которая должна была ошеломить и ввести въ заблужденіе массу избирателей...

И судъ приговорилъ. Во имя патріотическаго долга и защиты славнаго губернатора, онъ присудилъ депутата къ тюрьмѣ. Къ великому сожалѣнію патріотовъ, только на одну недѣлю, — но на большее, при всей юридической изощренности, не хватало ни данныхъ, ни закона. Во всякомъ случаѣ оскорбитель былъ пригвожденъ, а у прочихъ любителей разоблаченія поубавлено охоты приводить честныя колоніальныя имена.

Подъ знакомъ упомянутыхъ событій было вполнѣ естественно желаніе возвратить утраченный блескъ потухшимъ было колоніальнымъ свѣтиламъ, которыя съ такимъ трескомъ выплыли на горизонтъ во время готтентотской избирательной кампаніи. Къ числу такихъ господъ принадлежалъ безспорно докторъ Петерсъ, огнемъ и мечемъ прошедшій черезъ области нѣмецкой Африки и нѣкоторымъ образомъ открывшій культурѣ бича и пули округи Кили-Манджаро. Подъ покровительствомъ такихъ тузовъ реакціи и патріотизма, какъ Кардорфъ, депутатъ Арндъ и генералъ Либертъ, бравый культуртрегеръ пожалъ обильные лавры въ Мюнхенѣ во время избирательной горячки. Въ дополненіе къ агитаціонной работѣ «купца-министра» Дернбурга, Петерсъ былъ выдвинутъ колоніальнымъ обществомъ и союзомъ для борьбы съ соціалъ-домократіей и на цѣломъ рядѣ митинговъ и собраній разсыпалъ громы и металъ молніи противъ черныхъ, красныхъ, поляковъ и вельфовъ. И надо отдать справедливость почтенному Петерсу. Онъ нашелъ подходящую для себя среду среди всеобщаго либерально-консервативнаго опьяненія. Если бюргеръ нуждался въ живомъ символѣ нѣмецкаго Пизарро или Веспучи, то никто другой, какъ именно Петерсъ, не могъ удовлетворить самымъ повышеннымъ требованіямъ колоніальнаго звѣрства. Самодовольный палачъ по природѣ, возведшій въ систему рѣзню и разстрѣляніе, олицетворяющій въ своей фигурѣ грузный колоніальный кулакъ, опустившійся на беззащитныхъ дикарей, онъ былъ истиннымъ воплощеніемъ колоніальной войны и

усмиренія, призваннымъ пророкомъ кроваваго безумія тропическихъ владыкъ.

Совершенно естественно, что именно мюнхенскіе соц.-демократы выступили противъ этого героя патріотической интеллигенціи и молодежи и въ рядѣ рѣзкихъ газетныхъ статей напомнили обожателямъ воскресшаго идола его недавнюю исторію вплоть до приговора дисциплинарнаго суда. «Вѣшатель Петерсъ» — таково было достойное наименованіе, данное ему въ «Münchner Post», гдѣ онъ былъ выставленъ трусливымъ убійцей и извращеннымъ звѣремъ, который на половой почвѣ мучилъ и убивалъ своихъ полученныхъ въ подарокъ черныхъ женъ.

И г. Петерсъ не выдержалъ. Онъ нашелъ, что моментъ настало для его блестящей реабилатаціи. Что теперь или никогда онъ можетъ обѣлить себя отъ стараго приговора дисциплинарнаго суда, доказать его безсмысленность и возстановить себя въ прежней красѣ лучезарнаго истребителя черныхъ, борца за кнуто-германскую культуру. Въ виду этого Петерсъ обидѣлся не менѣе жестоко, чѣмъ упомянуый выше Бенигсенъ. Правда, Петерсъ и самъ далъ было сдачи, и въ своихъ статьяхъ всемилостивѣйше даровалъ соціалистамъ титулъ стада фанатичныхъ революціонеровъ и представителей соціальнаго бандитства. Но этого было мало. Судебный приговоръ долженъ былъ вернуть славному мужу утраченный ореолъ, соціалистическій редакторъ долженъ былъ въ тюрьмѣ искупить свою не во время обнаруженную память. Мюнхенскій судъ былъ тѣмъ учрежденіемъ, которое призвано было къ выполненію указаннаго очистительнаго дѣянія. И начался процессъ... Процессъ по своимъ формамъ и содержанію столь исключительный, что его дѣйствіе можно сравнить только развѣ съ наиболѣе крупными политическими процессами современности. И этому помогло обстоятельство, которое врядъ ли принялъ въ разсчетъ д-ръ Петерсъ. Судъ оказался все же баварскимъ, а не прусскимъ, южно-германскимъ, а не юнкерскимъ. Предсѣдатель, въ отличіе отъ сѣверныхъ своихъ собратьевъ, заявилъ себя, какъ судья, въ лучшемъ смыслѣ слова, и въ судебномъ залѣ, при полной гласности производства, предъ лицомъ всей Германіи разыгрался поединокъ двухъ міросозерцаній, двухъ политикъ, двухъ моралей въ самомъ свободномъ и открытомъ ихъ выраженіи.

И нельзя сказать, чтобы на одной сторонѣ стояла опредѣленно одна только партія или люди одного лишь общественнаго класса, а на другой—всѣ остальные. Нѣтъ, и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ особенно успѣшныхъ выступленіяхъ нѣмецкаго соціализма, онъ объединилъ на своей сторонѣ всѣхъ тѣхъ, въ комъ еще не угасло чувство человѣчности и кто способенъ еще негодовать на проявленія двуногой бестіи въ настоящее время. Не удивительно поэтому, что, по мѣрѣ того, какъ развивался процессъ, и интересъ къ нему захватывалъ все болѣе и болѣе широкіе круги,

борющіяся стороны получали неожиданное подкрѣпленіе со стороны добровольныхъ союзниковъ, и на одной сторонѣ сосредоточились самые разнообразные друзья гуманности, а на другой—настоящая нѣмецкая черная сотня. Но заставимъ говорить самихъ свидѣтелей и акты процесса для того, чтобы характеризовать достойно этотъ лопнувшій въ Мюнхенѣ колоніальный нарывъ.

Согласно книгѣ самого Петерса, которую цитировалъ на судѣ Августъ Бебель, его колоніальные подвиги начались еще во время экспедиціи, отправленной на выручку Эмина-Паши. Уже во время этого похода Петерсъ первымъ дѣломъ послѣ вербовки носильщиковъ ввелъ порку, и при томъ жестокую, въ качествѣ важнѣйшаго средства для внушенія началъ европейскаго порядка и дисциплины своимъ временнымъ подданнымъ. Въ результатѣ этого были, конечно, побѣги несчастныхъ, которыхъ потомъ онъ прямо разстрѣливалъ. Съ самодовольствомъ разсказываетъ далѣе африканскій герой, какъ онъ случайно встрѣтилъ на дорогѣ пастуха, не пожелавшаго немедленно сойти съ дороги, по которой шелъ боговѣнчанный изслѣдователь. Тогда г. докторъ преспокойно всадилъ пулю въ лобъ неповоротливому негру. Когда же ему пожелалось приструнить окружающее населеніе и показать имъ силу европейской культуры, онъ взялъ и спалилъ въ одинъ день 6 туземныхъ деревень со всѣмъ, что тамъ было. Не меньше увеселенія доставляло африканскому культуртрегеру и другое занятіе; а именно, когда онъ видѣлъ дикарей, цѣлыми кучками взобравшихся на деревья, онъ преспокойно разстрѣливалъ ихъ, какъ воровьевъ, и забавлялся ихъ страданіемъ и смертью. Петерсъ описываетъ подробно, какъ онъ разъ нашелъ цѣлую стаю такой человѣческой дичи. Онъ засталъ черныхъ сидящими на деревьяхъ и стрѣляющими изъ луковъ въ другую сторону. «Почему вы стрѣляете?» спросилъ ихъ гуманный изслѣдователь? Они отвѣтили ему, что они ведутъ войну противъ сосѣдняго племени. «Ну, воскликнулъ тогда Петерсъ, желаю вамъ большого удовольствія послѣ обѣда», и сталъ сбивать ихъ пулями съ деревьевъ. Рядомъ съ такими подвигами германскій культуртрегеръ занимался, конечно, и другими. И такъ какъ онъ былъ любителемъ не только черной падали, но и чернаго живого женскаго мяса, то онъ считалъ себя въ правѣ насиловать всѣхъ угодныхъ ему черныхъ дѣвушекъ и женщинъ. Этого пророкъ готтентотскихъ выборовъ не считалъ даже стоющимъ упоминанія.

Само собою разумѣется, что всѣ упомянутыя мерзости оказывались дѣломъ серьезной необходимости при насажденіи въ Африкѣ европейской цивилизаціи, и считать себя на основаніи упомянутыхъ фактовъ «убійцей» совершенно отказывался научный геній знаменитаго путешественника. Мало того, когда оказалось, что письмо англійскаго епископа Токера, въ которомъ тотъ будто бы отказывался принять Петерса у себя въ качествѣ убійцы, не было подлиннымъ, то имъ овладѣлъ такой взрывъ оскорбленной

чести, что онъ успокоился только тогда, когда ему доказали, что если онъ не оправдывался передъ Токеромъ, то излишне оправдываться и передъ другимъ епископомъ, Сайки, который, подобно Токеру, отказывался оправдать гнусныя преступленія негритянскаго побѣдителя.

Верха красоты и убѣдительности, однако, достигъ процессъ Петерса, когда еще разъ были изложены на судѣ тѣ истинно христіанскія дѣянія, которыя вызвали въ свое время не только скандалъ и бурю негодованія въ рейхстагѣ, но и повели за собой дисциплинарное преслѣдованіе противъ Петерса и отрѣшеніе его отъ должности. Согласно показаніямъ свидѣтелей и даннымъ дисциплинарнаго производства, романтическое приключеніе Петерса рисуется въ слѣдующихъ чертахъ. Когда онъ послѣ своихъ путешествій былъ назначенъ имперскимъ коммиссаромъ въ Килиманджаро, онъ немедленно тамъ ввелъ необходимую дисциплину и обзавелся соотвѣтственнымъ штатомъ. Онъ нанялъ себѣ одного художника для увѣковѣченія событій и одного отставного поручика изъ бароновъ для своихъ личныхъ дѣлъ и порученій. Затѣмъ онъ устроилъ себѣ гаремъ, благодаря щедрости негритянскаго царька Мангары, который преподнесъ ему двухъ черныхъ женщинъ въ подарокъ, третья же была приспособлена и безъ такого титула. Одну дѣвицу взялъ себѣ самъ Петерсъ, другую, какъ заподозрѣнную въ болѣзни, онъ предоставилъ вольно-наемному лейтенанту, третья оказалась во владѣніи сержанта Губера. Петерсъ, однако, считалъ себя супругомъ всѣхъ трехъ и удостоивалъ ихъ своихъ ночныхъ милостей. Въ личное услуженіе себѣ ученый докторъ взялъ молодого негра по имени Мабрука. Для водворенія же истинной нравственности и культуры имперскій коммиссаръ ввелъ изобильныя и тяжкія наказанія, изъ которыхъ наиболѣе употребительными были заковываніе въ кандалы и заключеніе въ тюрьмѣ, при чемъ еженедѣльно заключенныхъ оживляли поркой, а цѣпь ужъ потому одному должна была содѣйствовать добрымъ нравамъ, что кольца ея были, по крайней мѣрѣ, въ палецъ толщиною. Такъ водворилась европейская идилія въ Килиманджаро, прерываемая стонами заключенныхъ и криками битыхъ. Но вотъ тутъ-то и случилось происшествіе, бросившее яркій свѣтъ на колоніальное райское житье.

У Петерса обнаружился взломъ; чтобы отыскать виновнаго, онъ жестоко перепоролъ всѣхъ своихъ слугъ. Но кража эта носила тѣмъ болѣе дерзостный характеръ, что предметомъ ея были ласки одной изъ черныхъ женщинъ, предоставленныхъ въ пользованіе великому человѣку. Однако д-ръ Петерсъ скоро открылъ своего соперника. И когда онъ нашелъ одну свою папироску у Мабрука, то немедленно рѣшилъ, что это и есть святотатецъ, осмѣлившійся проникнуть къ подругѣ гордаго европейца. Мабрука подвергли истязаніямъ, тѣмъ болѣе, что за плату въ 50 рупій и принадлежащая Петерсу Ягодя, и другая дѣвушка показали, что Мабрукъ и есть виновникъ взлома двери. Этого было достаточно

для того, чтобы подвергнуть негра достойному наказанію. Петерсъ учредилъ тогда судъ подъ своимъ предсѣдательствомъ изъ своихъ наемниковъ, вольношляющагося барона Ф. Пахмана и африканскаго артиста, и приговорилъ Мабрука къ смерти. Съ исполненіемъ приговора, однако, вышло маленькое затрудненіе: когда Петерсъ предложилъ произвести казнь совершенно опустившемуся колоніальному командиру барону Бронзару фонъ-Шеллендорфъ, то даже этотъ «бывшій человѣкъ» отказался запачкать свой мундиръ невинной негрской кровью. Однако, препятствіе было обойдено и одинъ изъ унтеровъ прикончилъ пулей несчастнаго юношу. Какъ заявлялъ потомъ самъ Петерсъ, онъ считалъ своимъ долгомъ наказать негодяя, который совершилъ взломъ и вступилъ въ связь съ его женщинами, въ особенности осмѣлился воспользоваться ласками Мкуды, рабыни самого коммиссара. Въ цѣляхъ избѣжанія излишней огласки этой удивительной казни, д-ръ Петерсъ велѣлъ чернокожимъ молчать о своемъ безпристрастномъ и справедливомъ судьбищѣ, а начальству представилъ ложное донесеніе.

Затѣмъ слѣдуетъ второй актъ трагедіи. Черныя женщины въ ужасѣ отъ происшедшаго рѣшили бѣжать, при чемъ воспользовались покровительствомъ одного негритянскаго вождя, родственника одной изъ нихъ. Тогда комиссаръ рѣшилъ пойти войною на этого послѣдняго, такъ какъ считалъ поколебленнымъ въ данномъ случаѣ достоинство и престижъ германской имперіи. Для вящшаго эффекта онъ велѣлъ палить гранатами изъ орудій, не говоря о ружейной стрѣльбѣ, а на слѣдующій день, подъ предводительствомъ вольнонаемнаго барона фонъ-Пехмана, двинулась экспедиція противъ вождя Маламіи и огнемъ и мечемъ добыла женщинъ обратно; ихъ немедленно заковали въ кандалы. Послѣ этого началось истязаніе несчастныхъ бѣглянокъ, а когда, не выдержавъ побоевъ, Ягодя бѣжала вторично и была поймана, то д-ръ Петерсъ рѣшилъ вторично проявить истинную доблесть строгаго судьи и супруга. Онъ велѣлъ повѣсить свою любовницу-рабыню, при чемъ, конечно, вѣшать женщинъ было для него нѣсколько болѣе непріятно, чѣмъ вѣшать молодого негра. Что дѣлать? Великій паша, какъ разсказали свидѣтели на судѣ, умѣлъ быть строгимъ, но умѣлъ и веселиться. Съ тѣми же самыми женщинами встрѣчалъ онъ въ веселой оргіи новый годъ, на дѣтскихъ дудочкахъ былъ въ его честь разыгранъ концертъ, а черныхъ женщинъ онъ осыпалъ знаками своего пьянаго благоволенія. Сначала съ ними повеселился, а потомъ ихъ высѣкъ, а Ягодю повѣсилъ. Развѣ иначе поступаютъ ихъ величества цари Дагомеи и имъ равные владыки міра! Впрочемъ, согласно книгѣ о своей экспедиціи, Петерсъ воспользовался и нѣкоторыми плодами цивилизаціи для воспитанія своихъ подданныхъ. Когда у него одинъ негръ съѣлъ курицу, онъ не только升 дралъ его и мучилъ въ кандалахъ, но далъ ему еще такую порцію рвотнаго порошка, что тотъ едва не отдалъ Богу душу... Мы можемъ теперь понять,

почему такъ обидѣлся просвѣщенный комиссаръ, когда дерзостные соціалъ-демократы назвали его убійцей!

Да и зачѣмъ церемониться съ черными? Какъ заявилъ на судѣ экспертъ со стороны Петерса, колоніальный генералъ Либертъ, негры—это совершенно особая человѣческая раса; «они дѣлятъ весь міръ на двѣ части: на предметы, которые можно ѣсть, и на другіе, которыхъ ѣсть нельзя». «Всякая кротость и снисходительность у нихъ считается слабостью, безъ строгости ихъ подчинить нельзя. Сюда еще присоединяется лживость, эта характерная особенность негровъ... Мы знаемъ удивительныя вещи о лживости негровъ. Негръ, кромѣ того, не придаетъ ни малѣйшаго значенія жизни своего ближняго. Человѣкъ, который пріѣзжаетъ въ Африку и видитъ, какъ мало тамъ цѣнится человѣческая жизнь, можетъ формально придти въ ужасъ. Изъ чистаго суевѣрія тамъ прямо рѣжутъ дѣтей. И всякій, кто живетъ при подобныхъ условіяхъ, получаетъ совершенно иное представленіе о жизни своего ближняго. Чувство совершенно притупляется, когда видишь, какъ тамъ играютъ съ человѣческой жизнью. Повѣшеніе повергаетъ здѣсь насъ въ ужасъ, а тамъ передъ этимъ потерянъ всякій страхъ. Вѣдь условія въ Африкѣ совершенно иныя, чѣмъ какими они кажутся отсюда изъ-за зеленаго стола. Говорятъ, что д-ръ Петерсъ дѣйствовалъ жестоко. Однако безъ жестокости въ Африкѣ обойтись нельзя». И бывшій африканскій губернаторъ съ грустью разсказывалъ дальше, какъ онъ явился въ Африку съ сердцемъ, полнымъ милосердія, и какъ онъ былъ жестоко за это наказанъ. Такъ, онъ помиловалъ двухъ приговоренныхъ къ смертной казни и всего только посадилъ ихъ на цѣпь. И что же? Чѣмъ отблагодарили, мошенники?—Вмѣсто того, чтобы съ умиленіемъ и благодарностью прижимать цѣпи къ своимъ устамъ, они бѣжали изъ тюрьмы, да еще убили сторожа. «Такъ была вознаграждена моя кротость», — воскликнулъ генералъ. «Съ тѣхъ поръ я уже не могъ позволить себѣ гуманности!» «Въ Африкѣ нужно примѣнять другой масштабъ, чѣмъ у насъ». Въ виду этого генералъ Либертъ не только не согласенъ съ рѣшеніемъ дисциплинарнаго суда по поводу такого великаго человѣка, какъ Петерсъ, но и считаетъ эти приговоры «позорнымъ пятномъ для германскаго народа».—«Петерсъ совершилъ великое національное дѣло»!

И дѣйствительно, какъ подтверждаетъ прусскій отставной маіоръ фонъ-Донатъ, добровольно выступившій въ процессѣ для разоблаченія Петерса, этотъ послѣдній вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Африки самъ разсказывалъ въ интимной компаніи, принадлежащей къ высшему обществу, о такихъ отвратительныхъ звѣрствахъ, совершенныхъ имъ въ Африкѣ, что, несмотря на все свое военное хладнокровіе, свидѣтель не могъ не выразить своего крайняго отвращенія герою африканскихъ побѣдъ. Свидѣтель указалъ при этомъ и домъ, гдѣ былъ этотъ разговоръ, — у графа Гуттена Чапскаго, и припомнилъ даже, съ какою наглостью защищалъ Пе-

терсъ свои кровожадныя дѣла и манеру заставить чернокожихъ «прыгать черезъ клинокъ». Да и какъ было Петерсу не гордиться своими подвигами: его тогда спеціально показывали различнымъ высокимъ особамъ, передъ которыми онъ появлялся во всей своей красѣ, словно пьяный, съ мутными глазами, съ хвастливой нахальной рѣчью и манерами не совсѣмъ нормальнаго человѣка. Не даромъ императоръ послѣ изгнанія Петерса со службы даровалъ ему званіе «отставного имперскаго коммиссара».

Нечего говорить, что на процессѣ выступили и другіе люди, странные идеалисты, которые почему-то негровъ считаютъ людьми, хотя и съ цвѣтной кожей. Такое мнѣніе высказалъ, между прочимъ, другой изслѣдователь Африки, Евгеній Вольфъ, который черезъ годъ послѣ Петерса прошелъ тотъ же самый путь черезъ степи; онъ исходилъ 10,000 километровъ по Африкѣ пѣшкомъ и ни разу не далъ ни одного выстрѣла противъ черныхъ и не получилъ ни одного выстрѣла съ ихъ стороны. «Я имѣлъ 10 вооруженныхъ носильщиковъ, — говорилъ Вольфъ,—оружіе мы достали въ миссіи, но никогда его не употребляли». Не менѣе скептически отозвался Вольфъ и по поводу гарема у Петерса. «Если европеецъ получаетъ отъ какого-нибудь султана дѣвушекъ въ подарокъ, то въ тотъ моментъ, когда онѣ приходятъ къ нему, онѣ становятся уже свободными; а европеецъ, въ особенности если онъ чиновникъ, долженъ выдать имъ немедленно отпускное письмо. Если же д-ръ Петерсъ хотѣлъ защитить себя отъ государственной измѣны со стороны женщинъ, то онъ долженъ былъ только запретить имъ шататься и отослать ихъ назадъ. Я не знаю такого обычая въ Африкѣ, чтобы невѣрность наказывалась смертью».

Въ духѣ Вольфа показывалъ и знатокъ Африки, миссіонеръ отецъ Акеръ, который подтвердилъ, что епископъ Смиѳи называлъ Петерса убійцей и былъ въ этомъ отношеніи вполнѣ правъ. Что же касается негровъ, то они имѣютъ свои доблести, и очень высокія доблести. Конечно, съ ними надо быть строгимъ, но не надо забывать при этомъ милосердія и справедливости; этого же, къ несчастью, часто не хватало, и это — причина возстанія. Конечно, въ Африкѣ другія условія, чѣмъ у насъ, но справедливость, приличіе и нравственность должны и тамъ быть высшимъ принципомъ. Д-ръ Петерсъ говорилъ, что онъ обидѣлъ бы черныхъ вождей, если-бы не принялъ подаренныхъ ему дѣвушекъ, однако же миссіонерамъ ни разу еще не предлагали дѣвицъ. Я знаю и другихъ изслѣдователей Африки, которымъ тоже не предлагали дѣвушекъ. И, наконецъ, вѣдь мы отправляемся въ Африку не для того, чтобы воспринять тамъ африканскіе нравы, а для того, чтобы внести въ черную среду приличія, справедливость и нравственность». «Но и по африканскимъ нравамъ побѣгъ и воровство отнюдь не достаточныя причины для оправданія смертнаго приговора; заговоръ не былъ доказанъ. Я могу заявить, кромѣ того, что въ Кили-

манджаро царствовали тогда совсѣмъ мирныя времена. Безъ розги съ черными не обойтись, но нужно быть справедливымъ: нельзя такъ сѣчь, чтобы лилась кровь и летѣли клочья»...

Такъ реабилитировалъ себя д-ръ Петерсъ, а въ лицѣ своемъ колоніальную политику и готтентотскіе выборы. Онъ гордо заявилъ на судѣ, что онъ бросилъ и растопталъ въ прахъ приговоръ дисциплинарнаго суда, которымъ выгнали его со службы. Генералъ фонъ-Либертъ назвалъ этотъ приговоръ «позорнымъ пятномъ для нѣмецкаго народа». И мюнхенскій судъ долженъ былъ дать санкцію этому возрожденію африканской доблести и славы охотника на черную дичь, жестоко наказать соціалистовъ, которыхъ Петерсъ кстати обвинилъ въ покушеніи на свою жизнь и въ злостномъ умыслѣ бросить ему бомбу!

Вмѣсто этого мюнхенскій процессъ сталъ судомъ надъ Петерсомъ, надъ колоніальнымъ звѣрствомъ, надъ сумасшедшей политикой либерально-консервативнаго нашествія на африканскіе берега. Передъ лицомъ всей культурной Европы раскрыто «позорное пятно на германскомъ народѣ», наложенное на него не дисциплинарнымъ судомъ надъ Петерсомъ, а колоніальнымъ угаромъ нѣмецкаго бюргерства.

Отъ камарильи къ блоку, отъ блока къ реакціи, отъ нея къ процессу Петерса. А въ результатѣ князь Бюловъ уволилъ всѣхъ своихъ враговъ.

М. Рейснеръ-Реусъ.

Нѣкоторые итоги австрійской избирательной статистики.

Поучительность всякой избирательной кампаніи измѣряется объемомъ того матеріала, который она представляетъ для вывода изъ нея научно-теоретическихъ заключеній.

Когда мы имѣемъ передъ глазами только общую картину этой кампаніи и суммарные результаты произведеннаго въ странѣ голосованія, мы не можемъ отдать себѣ ясный и исчерпывающій отчетъ ни въ интенсивности приведенныхъ въ движеніе политическихъ силъ, ни въ распредѣленіи ихъ въ конкретныхъ условіяхъ времени и мѣста, ни въ направленіяхъ, по которымъ движутся эти силы. Въ обще-схематическомъ рисункѣ голосованія, набросанномъ рѣзкими, крупными и, слѣдовательно, грубыми чертами, тонутъ отдѣльныя, своеобразныя «частности». Но эти «частности»

тѣмъ именно и важны, что изъ ихъ слiянія и взаимнаго перекрещиванія, изъ ихъ сложенія и вычитанія, изъ ихъ, такъ сказать, интерферированія и получаются наиболѣе выпуклыя линіи рисунка. Если избирательная кампанія есть чрезвычайно важный соціальный *процессъ*, который цѣненъ, какъ сгущенное отраженіе бродящихъ въ странѣ желаній и запросовъ, борющихся въ ней интересовъ, назрѣвающихъ въ ней настроеній, то для правильнаго сужденія объ этомъ процессѣ имѣютъ, пожалуй, наибольшее значеніе именно такія частности.

Руководясь этими соображеніями, мы считаемъ далеко не безполезнымъ представить ниже сводку «частностей» австрійской избирательной кампаніи, этой первой въ австрійской монархіи политической кампаніи, протекшей на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Когда мы давали общую характеристику австрійскихъ выборовъ («Русск. Бог.», іюнь, 1907 г.), у насъ не было подъ руками статистическихъ данныхъ, характеризующихъ отдѣльные моменты всего избирательнаго періода. Теперь эти данныя—правда, не со всѣми надлежащими подробностями,—уже имѣются, и сопоставленіе ихъ открываетъ нѣкоторую возможность оцѣнить силу и значеніе различныхъ ручьевъ, изъ которымъ сложился потокъ мощной избирательной кампаніи.

I.

Какъ велико было участіе населенія въ выборахъ, создавшихъ парламентъ всеобщаго избирательнаго права? Это первый вопросъ, отвѣтъ на который представляетъ существенный интересъ, такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ заключается указаніе на степень политической сознательности избирательной массы. Конечно, терминъ «сознательность» нужно понимать въ настоящемъ случаѣ условно. Подъ нимъ надлежитъ разумѣть не столько присутствіе въ массѣ вполнѣ *отчетливаго* представленія о формахъ политической жизни и о задачахъ, выпадающихъ на долю облеченнаго законодательными функціями народнаго представительства, сколько фактъ простого тяготѣнія массы къ политической борьбѣ, фактъ влеченія ея къ дѣлу «государственнаго строительства».

Какъ показываютъ итоги, участіе избирателей въ австрійскихъ выборахъ 1907 года было очень велико. И до введенія всеобщаго избирательнаго права, какъ основного принципа голосованія, въ Австріи была пятая курія, къ урнамъ которой призывалось «все» населеніе, безъ различія классовъ и состояній. Однако, цифры удостовѣряютъ, что населеніе не увлекалось миражомъ «всеобщей» куріи, которой представлено было избирать 72 депутатовъ въ дополненіе къ 353 депутатамъ, избираемымъ привилегированными куріями. Въ избирательной кампаніи 1901 года мы встрѣчаемся

съ такими цифрами: въ Далмаціи въ пятой куріи голосовало всего 4% всѣхъ облеченныхъ правомъ голоса избирателей, въ Буковинѣ—13%, въ Форарльбергѣ—22%, въ Галиціи—24%. *Непрямой* способъ избранія депутатовъ, который былъ дарованъ «всеобщей» куріи, оставлялъ равнодушной значительную часть избирателей; и лишь тамъ, гдѣ, въ силу особыхъ условій, политическая борьба возгоралась съ необычной страстью, удавалось привлечь къ урнамъ больше половины избирателей.

Въ настоящемъ же году не оказалось ни одной провинціи, гдѣ бы процентъ голосовавшихъ былъ ниже 60. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ былъ гораздо выше этой цифры, подымаясь до 92 и даже до 96.

Вотъ небольшая сравнительная таблица, изъ которой явствуетъ напряженность избирательной кампаніи и степень участія въ ней населенія различныхъ «королевствъ» и «земель» въ 1901 и 1907 годахъ. Эта степень выражена въ процентахъ, полученныхъ изъ отношенія всего числа гражданъ, внесенныхъ въ избирательные списки и пользовавшихся, слѣдовательно, правомъ голоса, къ числу *дѣйствительно* голосовавшихъ. Для 1901 года взята, само собой разумѣется, только «всеобщая» пятая курія, такъ какъ лишь съ ней и можно сравнивать цифры всеобщаго голосованія 1907 г.

	1901 г.	1907 г.
Галиція	33%	85%
Богемія	42	80
Нижняя Австрія	63	92
Моравія	23	92
Штиріи	33	70
Верхняя Австрія	31	87
Тироль	25	77
Буковина	13	69
Силезія	22	96
Крайна	57	68
Далмація	4	48
Истрія	37	61
Каринтія	25	71
Герцъ	23	72
Зальцбургъ	41	92
Тріестъ	54	71
Форарльбергъ	22	91

Разница цифръ въ двухъ приведенныхъ столбцахъ настолько очевидна, что не требуетъ подробныхъ комментарій.

Въ 1901 году въ пятой «всеобщей» куріи голосовало всего 1.725.202 избирателя, что составляетъ въ среднемъ 34% общаго числа избирателей; въ 1907 г. голосовало 4.585.200 избирателей, что составляетъ 82% общаго числа избирателей. Другими словами, къ избирательнымъ урнамъ въ 1907 году притекло на 2,8 мил. гражданъ болѣе, чѣмъ въ 1901 году, а степень участія въ выборахъ возрасла на 162% сравнительно съ 1901 годомъ.

Не лишне, между прочимъ, отмѣтить и слѣдующій фактъ. Изъ таблицы видно, что и въ 1901 Нижняя Австрія и Крайна отличались своимъ сравнительно высокимъ процентомъ участія населенія въ выборахъ: для первой этотъ процентъ равенъ 63%, для второй 57%. То же самое слѣдуетъ сказать и о Тріестѣ. Для всѣхъ другихъ провинцій и земель процентъ не подымается выше 37. Но оказывается, что и Нижняя Австрія, и Крайна, и Тріестъ пользовались уже въ 1901 году благомъ *прямого* голосованія. Это благо было настолько осязательно, что сразу поднимало интересъ гражданъ къ политическимъ выборамъ и притягивало къ урнамъ тѣхъ, кто при косвенной подачѣ голосовъ оставался «равнодушнымъ». Для Верхней Австріи процентъ «участія» поднялся съ 31 до 87, т. е. въ 2,8 раза; и если онъ, въ абсолютномъ своемъ размѣрѣ, всетаки оказывается ниже того же процента для Нижней Австріи, то не нужно забывать, что для Нижней Австріи закономъ установлена *обязательность* участія въ выборахъ, что уклоненіе—безъ основательныхъ причинъ—отъ голосованія въ Нижней Австріи влечетъ за собой наложеніе штрафа. Если бы такая же обязательность была предписана и Верхней Австріи, то процентъ «участія» въ ней, быть можетъ, былъ бы еще выше и сравнялся бы съ процентомъ Нижней Австріи.

Итакъ, можно считать фактомъ вполнѣ установленнымъ, что введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права въ Австріи повлекло за собой усиленіе притока избирательной массы къ политической жизни. Наиболѣе отсталыя, индифферентныя мѣстности проявили интересъ къ кампаніи, окончательнымъ исходомъ которой опредѣляется физіономія парламента, а слѣдовательно,—косвенно,—и судьба страны. Всеобщее избирательное право явилось тѣмъ оружіемъ, которое оказалось наиболѣе пригоднымъ для того, чтобы заставить выступить на историческую сцену народныя массы.

II.

Слѣдующій вопросъ, на который должна дать отвѣтъ всякая избирательная кампанія, это вопросъ о силѣ различныхъ политическихъ партій. Сила эта выражается числомъ избирателей, которые голосуютъ за тѣ или иные лозунги, программы, воззрѣнія. Конечно, одно «количество» не характеризуетъ еще цѣликомъ значенія политической партіи, не опредѣляетъ размѣра ея дѣйствительнаго вліянія въ странѣ и въ политикѣ. Сплоченность партіи, ея организованность, усвоенная ею тактика, согласованность и стройность проявляемыхъ ею дѣйствій, умѣнье уловить пульсъ жизни,—все это суть тѣ качества, которыя играютъ крупную роль въ дѣлѣ созданія и роста престижа политической партіи. Но чрезвычайно

важна и «количественная» сторона дѣла. Ею опредѣляется размѣръ сырого матеріала, который притекаетъ подъ партійное знамя, опредѣляется величина площади, на которой партія можетъ оперировать. Чѣмъ больше этотъ матеріалъ и эта площадь, тѣмъ тяжеле и, слѣдовательно, важнѣе грузъ, съ которымъ партія является на государственный корабль. Задача партіи заключается только въ томъ, чтобы, не теряя отдѣльныхъ частей этого груза, одухотворить его общими цѣлями, укрѣпить его центръ и производить тѣ дѣйствія, которыя встрѣчаютъ наиболѣе живой откликъ въ сырой, мало сплоченной народной массѣ.

Для Австріи вопросъ о численной силѣ различныхъ партій пріобрѣтаетъ еще сугубо важное значеніе, благодаря ея пестрому національному составу и той острой борьбѣ, которая ведется въ предѣлахъ каждой націи. Имѣя въ виду представить силу партій по отдѣльнымъ націямъ *), мы разсмотримъ главнѣйшія группы: нѣмецкую, чешскую, польскую, русинскую, румынскую, итальянскую, словенскую, и затѣмъ дадимъ общую таблицу произведенныхъ голосованій и избранныхъ депутатовъ.

За *нѣмецкихъ* кандидатовъ во всѣхъ 12 коронныхъ земляхъ голосовало 1.810.000 избирателей. Изъ нихъ на Богемію, Моравію, Силезію и Буковину приходится 635.934 избирателей. Какія же партіи собрали вокругъ себя наибольшее число голосовъ въ этихъ земляхъ? Цифры показываютъ, что первое мѣсто занимаютъ соціалъ-демократы. Въ Богеміи, Моравіи, Силезіи соціалъ-демократы стоятъ впереди прочихъ партій. Въ Буковинѣ они слѣдуютъ за нѣмецкими прогрессистами, занимая такимъ образомъ второе мѣсто. Общіе результаты въ перечисленныхъ четырехъ земляхъ таковы:

Соціалъ-демократы собрали		235.430	голосовъ.
Нѣмецкіе аграріи »		109.268	»
» прогрессисты »		82.210	»
Свободные всенѣмцы »		71.644	»
Христіан. соціалисты »		63.525	»
Нѣмец. «народники» »		40.765	»

Далѣе идутъ «націоналисты», «дикіе», «свободные соціалы» и т. д., о которыхъ мы не будемъ говорить. Оказывается, такимъ образомъ, что соціалъ-демократы собрали здѣсь *больше* трети всѣхъ голосовъ, а христіанскіе соціалисты только *одну десятую* часть ихъ. Изъ этого ясно, что въ Сѣверной Австріи клерикализмъ не пользуется тѣмъ вліяніемъ, какимъ онъ долженъ былъ пользоваться, по увѣреніямъ христіанскихъ соціалистовъ. Всеобщее избирательное право показало, что, призванное къ урнамъ на-

*) Данныя почерпнуты нами изъ нѣмецкой періодической прессы, преимущественно изъ „Neue Freie Presse“, сильно отстаивавшей общенѣмецкій блокъ, и изъ соціалистической „Arbeiter-Zeitung“. Указанія относительно прошлыхъ избирательныхъ кампаній взяты изъ таблицъ Freytag'a.

селеніе сѣверной Австріи, въ большей своей части, настроено противъ христіанствующаго антисемитизма. Не забудемъ, что нынѣшняя избирательная борьба была очень острой. Христіанскіе соціалисты напрягли всѣ свои силы, чтобы одержать верхъ надъ соціалистами. И если при всемъ томъ они не собрали болѣе 10% голосовъ, то значитъ перечисленныя четыре земли для нихъ утеряны.

Не то мы видимъ въ Альпійскихъ земляхъ, въ составъ коихъ входятъ Нижняя Австрія, Штиріи, Верхняя Австрія, Тироль, Каринтія, Крайна, Зальцбургъ, Форарльбергъ. Здѣсь изъ общаго числа 1.125.136 подданныхъ голосовъ получили:

Христіан. соціалисты	488.610
Соціалъ-демократы	276.329
Клерикалы и консерваторы	168.221
Нѣмецкіе народники	105.807
Нѣмецкіе аграріи	36.863

Въ каждой изъ перечисленныхъ земель на первомъ планѣ шли либо христіанскіе соціалисты, либо объединеные клерикалы и консерваторы. Соціалъ-демократы занимали второе или третье мѣсто. Очевидно, что въ этихъ земляхъ вліяніе люэгеровцевъ достаточно сильно, и гипнозъ, въ которомъ христіанскіе «соціалисты» держатъ избирательную массу, далекъ отъ того, чтобы считаться разсѣяннымъ. Демократіи, какъ буржуазной, такъ и соціалистической, придется потратить не мало усилій раньше, чѣмъ ей удастся разоблачить передъ массой всю неискренность и лживость партіи, играющей въ «оппозицію» (она занимаетъ въ парламентѣ *крайнее* лѣвое крыло), но на самомъ дѣлѣ поддерживающей политику правительства.

Однако, если разбить всѣ поданыя *нѣмецкими* избирателями голоса на три большія группы: соціалъ-демократическую, гражданскую (или «буржуазную») и чисто клерикальную, получимъ слѣдующее соотношеніе:

	Число голосовъ.	Процентъ голосовъ.	Число депутатовъ.
Соціалъ-демократы	511.760	29,1	50
Нѣмецкая умѣр. и прогр. буржуазія (всѣхъ видовъ)	528.654	30,0	87
Клерикалы (вкл. христіан. соц.)	720.356	40,9	96
Итого	1.760.770	100,0	233

Изъ этого сопоставленія ясно, что въ нѣмецкой избирательной массѣ, взятой въ ея *цѣломъ*, клерикалы не имѣютъ большинства. Совокупная сила антиклерикальнаго элемента въ полтора раза превосходитъ силу элемента клерикальнаго.

Распредѣленіе избирателей между *чешскими* партіями характеризуется тѣмъ же признакомъ, что и для сѣверной Австріи. Въ Богеміи, Моравіи и Силезіи первое мѣсто занимали соціалъ-де-

мократы. Въ Богеміи изъ общаго числа 695.915 *) голосовъ на долю соціалъ-демократовъ выпало 278.137, аграріевъ—154.211, клерикаловъ—80.923, младочеховъ—64.547, старочеховъ—6255. Въ Моравіи изъ общаго числа 326.344 чешскихъ голосовъ соціалъ-демократы получили 101.524, клерикалы съ консерваторами 103.381, аграріи 41.718, младочехи—28.145, старочехи 27.983. Въ Силезіи изъ общаго числа 30.704 голосовъ соціалъ-демократы 20.243; остальные распались между аграріями, реалистами и національными соціалами.

Сила наиболѣе крупныхъ чешскихъ партій видна изъ слѣдующаго сопоставленія:

	Число голосовъ.	Процентъ голосовъ.	Число депутатовъ.	Должно быть депутатовъ.
Чешскіе соц.-демократы .	399.904	36,9%	24	42
» аграріи	200.381	18,4	31	21
» клерикалы . . .	184.304	17,0	15	19
» младочехи . . .	92.692	8,5	20	9
» старочехи . . .	34.238	3,1	6	3

Если мы вспомнимъ теперь, что и въ нѣмецкихъ избирательныхъ округахъ Богеміи, Моравіи, Силезіи наибольшее число голосовъ собрали соціалъ-демократы, то станетъ ясно, что въ этихъ областяхъ со смѣшаннымъ чешско-нѣмецкимъ населеніемъ соціализмъ пустилъ глубокіе корни и значительнѣйшая часть избирательной массы идетъ подъ «краснымъ знаменемъ» въ полной увѣренности, что именно это знамя дастъ побѣду не только экономическимъ ея требованіямъ, но и ея національно-культурнымъ стремленіямъ. Нужно замѣтить кромѣ того, что двѣ трети собранныхъ чешскими соціалъ-демократами голосовъ падаютъ на *сельскіе* округа и лишь одна треть—на городскіе. Это обстоятельство еще рѣзче оттѣняетъ значеніе побѣды, одержанной соціалистами надъ прочими партіями.

Въ *польской* Галиціи борьба велась изъ-за преобладанія польскаго клуба, представляющаго интересы шляхты. Невѣроятныя злоупотребленія (подавшія недавно поводъ къ запросу и бурнымъ преніямъ въ рейхсратѣ) были допущены мѣстными властями въ цѣляхъ сохраненія за этимъ клубомъ доминирующаго положенія. Благодаря коалиціи консерваторовъ, націоналъ-демократовъ, «центровиковъ», прогрессивныхъ демократовъ и просто демократовъ, объединившихся въ клубѣ, послѣдній хотя и потерпѣлъ уронъ, но удержался на позиціи. Изъ числа 617.778 польскихъ голосовъ на долю клуба выпало 378.307. Ясно, такимъ образомъ, что больше половины польской избирательной массы пропитано еще въ значительной степени шовинистическимъ духомъ. Главный соперникъ

*) На самомъ дѣлѣ число поданныхъ голосовъ было выше на 27.442; но эти послѣдніе голоса такъ разбились, что ихъ можно не принимать въ разсчетъ.

польскаго клуба—польская народная партія—съ большимъ напряженіемъ боролась противъ реакціонной шляхты, идущей рука объ руку съ христіанскими соціалистами, и первые результаты этой борьбы оказались хотя и утѣшительными (они собрали 133.306 голосовъ), но не настолько, чтобы парализовать силу польскаго клуба. Польскіе соціалъ-демократы же оказались слишкомъ слабыми количественно; они собрали лишь 49.616 голосовъ.

Голоса галиційскихъ *русинъ* распались между 4 партіями слѣдующимъ образомъ:

	Число голосовъ.	% къ общему числу голиційскихъ голосовъ.
Младорусины (украинская партія)	267.637	23
Старорусины	170.883	14,8
Радикальные русины	79.648	6,8
Соціалъ-демократы	28.607	2,5

Слѣдовательно, между русинскими партіями наибольшимъ успѣхомъ пользуется «украинская» партія. Русинскіе соціалъ-демократы занимаютъ четвертое мѣсто.

На *румынскихъ, итальянскихъ, словенскихъ и сербо-кроатскихъ* голосахъ мы подробно останавливаться не будемъ; замѣтимъ только, что наибольшая доля ихъ приходится или на долю націоналистовъ (у румынъ), или на долю клерикаловъ (у словенъ). Число соціалъ-демократическихъ голосовъ оказалось среди этихъ національностей сравнительно незначительнымъ.

III.

Мы дали краткую сводку «частностей» австрійской избирательной кампаніи. Какія можно сдѣлать изъ нея выводы?

Прежде всего нужно отмѣтить, что самой *распространенной* въ Австріи партіей оказывается соціалъ-демократическая. Члены ея встрѣчаются во всѣхъ 12 коронныхъ земляхъ имперіи, тогда какъ христіанскіе соціалисты встрѣчаются только въ 6 земляхъ. Слѣдующее мѣсто за соціалъ-демократами занимаетъ нѣмецкая «народная» партія, приверженцы которой имѣются въ 9 земляхъ.

Распространенность соц.-демократической партіи есть, несомнѣнно, фактъ чрезвычайной важности въ такой многоплеменной странѣ, какъ Австрія. Вспомнимъ, что въ избирательной кампаніи настоящаго года участвовало 36 партій, что главныя программныя различія большинства этихъ партій покоились на національномъ антагонизмѣ. Мы поймемъ тогда, что первой объединяющей различныя австрійскія «земли» и примиряющей этотъ антагонизмъ партіей явилась соціалъ-демократическая. «Arb. Zeit. остроумно и справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что собственно *имперской* партіей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, является только

соц.-демократическая, такъ какъ, во 1-хъ, никакая другая партія не собрала вокругъ себя столько голосовъ и, во 2-хъ, ни одна изъ партій не имѣетъ своихъ корней во *всѣхъ* принадлежащихъ имперіи областяхъ.

Если распредѣлить всѣ 36 партій между 4 группами, а именно получившихъ болѣе 100 тысячъ голосовъ, получившихъ между 50 и 100 тысячами, получившихъ между 10 и 50 тысячами и получившихъ менѣе 10 тысячъ, то окажется, что первая группа обнимаетъ 13 партій, вторая—7, третья—13, четвертая—3. Первое мѣсто занимаютъ соц.-демократы (1.041.948 голосовъ), второе—нѣмецкіе и итальянскіе христ. соціалисты (554.093 гол.). Послѣднія мѣста занимаютъ сербы (9.885) гол.), польскіе демократы (5.943) и «свободные соціалы» (5.215). Прибавимъ, что эти послѣднія партіи, несмотря на всю ихъ немногочисленность, все же имѣютъ своихъ представителей въ рейхсратѣ.

Изъ числа крупнѣйшихъ политическихъ партій соц.-демократы занимаютъ первое мѣсто по числу собранныхъ ими голосовъ. Такое же мѣсто они занимали бы и по числу депутатскихъ полномочій, если бы не произошло «трогательнаго» объединенія между христ. соціалистами и клерикальными консерваторами. Сравнительная сила этихъ партій видна изъ слѣдующей таблицы:

	Число голосовъ.	Число депутатовъ.
Соц.-демократы	1.041.948	87
Христ. соціалисты и клер. союзъ . .	722.314	96
Чешскій клубъ	600.909	83
Русинскій клубъ	562.909	30
Польскій клубъ	395.630	54
Нѣмецко-національный союзъ . . .	292.703	47

Изъ этой таблицы, между прочимъ, явствуетъ несоотвѣтствіе между числомъ избирателей, голосующихъ за опредѣленную партію, и числомъ ея парламентскихъ представителей. Русинскій клубъ, напр., собравшій въ 1,4 раза *больше* голосовъ, чѣмъ польскій клубъ, имѣетъ депутатовъ въ 1,8 раза *меньше*. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно соц.-демократической партіи, которая собрала въ 1,4 раза больше голосовъ, чѣмъ христіанско-клерикальная, но депутатовъ въ рейхсратѣ имѣетъ меньше.

Особый и немалый интересъ представляетъ вопросъ о силѣ клерикализма среди избирательныхъ массъ различныхъ національностей. При процентномъ разсчетѣ первое мѣсто, оказывается, занимаютъ словены; клерикалы составляютъ у нихъ 59% избирателей. Затѣмъ идутъ кроаты (49%), итальянцы (46%), нѣмцы (39%). Чехи, поляки и румыны дали наименьшій (отъ 17 до 20) процентовъ клерикаловъ. Слѣдующая таблица даетъ представленіе о силѣ скрытаго и явнаго клерикализма въ странѣ и въ парламентѣ:

	Число голосовъ.	Число депутатовъ.
Христ. соціалисты	554.093	66
Нѣм. клер. и консерваторы	168.221	30
Чеш. клер. и консерваторы	184.304	17
Польск. клер. и консерваторы . . .	148.426	17
Словен. клер. и консерваторы . . .	95.974	6
Итал. клер. и консерваторы	55.190	10
Кроат. клер. и консерваторы . . .	33.965	11
Румын. клер. и консерваторы . . .	10.626	3
Польскій центръ	85.978	14
Итого . .	1.336.777	174

Такимъ образомъ, сумма всѣхъ клерикальныхъ голосовъ составляетъ 29% общаго числа зарегистрированныхъ избирательной кампаніей голосовъ. Число же клерикальныхъ представителей въ рейхсратѣ составляетъ 34% общаго числа депутатовъ. Несоотвѣтствіе очевидно.

Мы видѣли, что соц.-демократическая партія, по числу собранныхъ ею голосовъ, не многимъ уступаетъ христіанско-клерикальному блоку. Но она значительно уступаетъ ему числомъ депутатскихъ мѣстъ: соц.-демократы имѣютъ ихъ 87, блокъ—174, т. е. ровно вдвое.

Однако, превалирующее значеніе христіанско-клерикальнаго блока ослабляется, если сопоставить голосованія по признаку соціальныхъ міровоззрѣній, представляемыхъ различными партіями. Мы получимъ тогда слѣдующіе итоги:

	Число голосовъ.	Проценты голосовъ.
Соц.-демократы	1.041.948	22,7
Клерикалы всѣхъ націй	1.336.458	29,0
Всѣ „буржуазныя“ партіи	2.077.458	45,3

Эти итоги показываютъ, что тѣ опасенія, которыя питались либеральными кругами Австріи въ то время, когда трактовался вопросъ о введеніи всеобщаго избирательнаго права, оказались, если не совсѣмъ неосновательными, то во всякомъ случаѣ не вполнѣ основательными. Опасенія заключались въ томъ, что всеобщее голосованіе повлечетъ за собой столь сильный натискъ клерикально-реакціонныхъ элементовъ, что въ немъ потонутъ всѣ культурные и прогрессивные ростки, пустившіе корни въ жизни, благодаря парламентаризму. Высказывалось предположеніе, что демократизмъ въ Австріи можетъ оказаться совершенно разбитымъ, разъ къ избирательнымъ урнамъ будетъ призвана вся безъ изъятія темная, невѣжественная, подчиненная авторитету клерикализма народная масса. Либеральная пресса и до, и во время выборовъ не переставала «бояться» реакціоннаго нашествія. Факты и цифры показываютъ, что «боязнь» была преувеличенная.

Правда, клерикалы, аграріи, консерваторы напрягли всѣ свои

усилія, чтобы выйти изъ борьбы побѣдителями. Они ожесточенно боролись и съ «гражданскими» партіями, и съ соціалъ-демократами. Но послѣдніе тоже не сидѣли сложа руки. Всеобщее избирательное право дало имъ въ руки новое и сильное орудіе, которымъ они и воспользовались довольно успѣшно. При его помощи удалось показать, что *значительнѣйшая* часть (22+45=67%) австрійской избирательной массы не только не идетъ подъ черное знамя клерикализма, но и готова энергично бороться противъ него.

Конечно, всеобщее голосованіе не преобразовало однимъ ударомъ физіономію парламента, не обратило его изъ явно реакціоннаго въ явно прогрессивный; но оно внесло въ него крупныя измѣненія, которыя чрезвычайно важны.

Да и какъ могло оно совершить тотъ крупный переворотъ, который достигается только въ результатѣ длительнаго періода, въ теченіе котораго происходитъ политическое воспитаніе народныхъ массъ. Всеобщее избирательное право не волшебная палочка, одно прикосновеніе которой производитъ чудеса преображенія. Не произвело оно «чуда» и въ примѣненіи къ Австріи. Не было никакихъ основаній полагать, что клерикально-реакціонные элементы будутъ далеко отброшены на задній планъ, какъ только въ Австріи будетъ введено всеобщее избирательное право. Напротивъ, нужно было помнить, что эти элементы, также какъ и демократы, воспользуются новымъ орудіемъ, чтобы развернуть максимумъ своей энергіи и собрать всѣ сочувствующіе имъ голоса. Всеобщее избирательное право есть орудіе, вполнѣ и одинаково доступное всѣмъ борющимся сторонамъ. Но именно тѣмъ оно и цѣнно. Оно не знаетъ привилегій имущества, сословія, ценза. И, лишь благодаря ему, могутъ вступить въ открытое состязаніе разныя политическія и соціальныя программы, разные типы міровоззрѣній. При всеобщемъ избирательномъ правѣ сталкиваются реальныя силы. Борьба ихъ развертывается широко, захватывая «равнодушные» пласты населенія. Если среди этихъ пластовъ оказываются такіе, которые настроены реакціонно, то этотъ фактъ надобно признать и къ ослабленію его надобно стремиться. Самая эта реакціонность вскрывается при помощи всеобщаго избирательнаго права, какъ тонкаго реактива. Но на реактивъ безцѣльно пенять, если въ самой жизни господствуютъ пережитки старины. Необходимо, напротивъ, цѣнить услуги, которыя этотъ реактивъ оказываетъ.

Въ Австріи реактивъ всеобщаго избирательнаго права показалъ, что клерикализмъ въ ней еще силенъ. Но онъ показалъ также, что клерикализмъ въ ней не всесиленъ. Гражданская и соціальная демократія, какъ видно изъ статистическихъ данныхъ, выростаетъ и имѣетъ за собой широкія народныя массы. А вѣдь это и есть наиважнѣйшее.

И. К. Брусиловскій.

Хроника внутренней жизни.

Второе междудумье и его перспективы. I. Бойкость подражанія и безсиліе творчества.—II. Почему планъ дѣйствовать обѣими руками оставленъ.—III. О томъ, какъ одна рука разбила то, что сдѣлала другая. — IV. О томъ, какъ одна нога завязла прежде, чѣмъ другая ступила.

«Какъ въ темную ночь живемъ мы»... Эти слова были написаны мною полтора года тому назадъ, — ими я закончилъ «Хронику» въ декабрѣ 1905 года. Съ той поры окружающая насъ тьма сдѣлалась еще гуще и различать, что находится впереди насъ, стало еще труднѣе. Въ сущности, мы уже давно движемся ощупью и даже не знаемъ, въ какую сторону. Дорога, какъ бы мы ни желали увѣрить себя въ противномъ, уже давно потеряна нами...

Въ сгущавшейся темнотѣ передъ нами мелькнулъ было огонекъ... Но онъ исчезъ раньше, чѣмъ мы воспользовались его свѣтомъ, чтобы выбраться на дорогу. Второпяхъ многіе бросились вслѣдъ за нимъ,—и... одни погибли во рву, другіе попали въ трясину. Охватившій насъ опять со всѣхъ сторонъ мракъ показался послѣ того особенно чернымъ. Но у насъ была еще надежда,—и мы неподвижно стали ждать, пока огонекъ засвѣтится снова. Новое появленіе его не произвело, однако, прежняго впечатлѣнія: мы увидали, что этотъ огонь блѣденъ, мы убѣдились, что онъ призраченъ. Съ ужасомъ мы начинаемъ соображать теперь, что эти огни блуждаютъ, быть можетъ, надъ болотомъ, что они исходятъ, быть можетъ, отъ разлагающихся труповъ... Надежда, которую мы возлагали на нихъ, угасла. Окружающая насъ ночь стала черна, какъ могила...

Мнѣ хочется въ самой сжатой формѣ напомнить то, что пережито нами за послѣдніе полтора года. Ради краткости я и позволилъ себѣ прибѣгнуть къ образному сравненію. Я знаю, что взятый мною образъ во многихъ отношеніяхъ не удовлетворителенъ, но и за всѣмъ тѣмъ основную черту переживаемаго нами момента онъ воспроизводитъ, думается мнѣ, достаточно рельефно. Не въ народной жизни, а въ общественной психологіи происходитъ сейчасъ кризисъ.

Вполнѣ возможно и даже вѣроятно, что въ разныхъ общественныхъ кругахъ этотъ кризисъ разрѣшится различно. Я не сомнѣваюсь, напримѣръ, что среди нашихъ спутниковъ не мало еще найдется людей, которые вновь увлекутся блуждающими огнями и, упорно слѣдуя за ними, будутъ все дальше и дальше заходить въ болото. Другіе, быть можетъ, съ ужасомъ бросятся отъ этихъ огней въ сторону, бросятся даже въ разсыпную, предпочитая какой

угодно рискъ опасности быть затянутыми трясиной. Третьи — и такихъ окажется, конечно, большинство — примирятся, быть можетъ, съ этой ночью и займутся устройствомъ своихъ личныхъ дѣлишекъ. Достаточно, скажутъ, мы уже натерпѣлись, пора отдохнуть и выбрать для этого мѣстечко посуше... Появится, далѣе, желаніе скоротать долгую ночь или справить по своимъ погибшимъ мечтамъ тризну. Похоронивъ идеалы, люди начнутъ богохульствовать... Подъ покровомъ ночной темноты оживутъ самые худшіе инстинкты: одни ударятся въ развратъ, другіе схватятся за ножъ, третьи сдѣлаются предателями...

Да, все это возможно и все это будетъ, если только не вспыхнетъ опять надежда... Скрывающіеся во тьмѣ враги уже торжествуютъ побѣду. До насъ уже доносится ихъ хохотъ, передъ нами уже появились ихъ звѣриныя морды. На земскомъ обѣдѣ въ Москвѣ г. Гучковъ провозгласилъ, что революція окончилась. «Мы присутствуемъ,— заявилъ онъ, — при послѣднихъ ея потугахъ»... Но и независимо отъ этого, кому изъ насъ не приходила уже въ голову способная привести въ ужасъ мысль, что великое движеніе разбилось, не найдя себѣ выхода?

Не будемъ, однако, смѣшивать готовый воцариться въ нашей душѣ мракъ съ облегающею насъ извнѣ тьмою. Для того, чтобы сознательно отнестись къ психологическому кризису, какой сейчасъ происходитъ въ различныхъ общественныхъ кругахъ и, главное, чтобы самимъ пережить его съ полнымъ самообладаніемъ, постараемся оріентироваться въ этой тьмѣ. Вглядимся въ окружающую насъ ночь, не отождествляя перспективъ, какія рисуетъ намъ мысль, съ картиной, какая имѣется въ жизни. Можетъ быть, дѣйствительность окажется не столь страшной и даже тьма не такъ ужъ непроглядной...

I.

Правительство, несомнѣнно, прилагаетъ сейчасъ всѣ усилія, чтобы воспроизвести первое междудумье со всѣми его ужасами. То, что тогда создавалось и наростало постепенно, то теперь пущено въ ходъ сразу. Спѣшно возобновлены даже такія мѣры, устрашающее дѣйствіе которыхъ было болѣе, чѣмъ проблематично. Законъ о восхваленіи преступленій, напримѣръ, до котораго правительство додумалось въ прошлый разъ только въ декабрѣ и который не произвелъ тогда сколько нибудь замѣтнаго эффекта, теперь приведенъ въ дѣйствіе—при помощи обязательныхъ постановленій—уже въ день роспуска Думы. Возьмемъ, однако, другое, самое сильное изъ террористическихъ средствъ — смертныя казни. За первый мѣсяцъ второго междудумья ихъ совершено несравненно больше, чѣмъ за тотъ же срокъ послѣ роспуска пер-

вой Думы. Сегодня,—а я пишу эти строки въ 40-й день послѣ думской кончины—газеты принесли свѣдѣнія о 13 смертныхъ приговорахъ. Такихъ размѣровъ дневная порція рѣдко достигала даже въ октябрѣ-ноябрѣ прошлаго года, т. е. въ самый разгаръ дѣятельности военно-полевыхъ судовъ.

И военно-полевая юстиція, хотя особой надобности въ ней, какъ видно изъ только что сказаннаго, несомнѣнно, не было, уже возстановлена. Теперь это сдѣлано подъ видомъ измѣненія нѣкоторыхъ статей военно-уголовнаго кодекса, примѣняемыхъ при усиленной и чрезвычайной охранахъ. Въ случаяхъ преданія суду по законамъ военнаго времени для процесса—отъ завершенія слѣдствія до вступленія приговора въ законную силу — закономъ 27 іюня установленъ въ качествѣ максимальнаго 4-хъ дневный срокъ; при «энергіи же и стремленіи къ эффекту», какъ выражается одинъ изъ комментаторовъ, онъ можетъ быть доведенъ до 1—2 дней. Достигнуть вполнѣ той быстроты и отчетливости, какая свойственна заправскимъ военно-полевымъ судамъ, не удалось; но за то теперь репрессія не будетъ приходить, какъ это нерѣдко случалось при военно полевыхъ судахъ, въ конфликтъ съ сыскомъ: указанный срокъ начинается съ момента окончанія слѣдствія, т. е. когда сыскъ свое дѣло закончитъ. Да и все дѣло теперь поставлено несравненно прочнѣе: новелла проведена и приведена въ дѣйствіе въ порядкѣ не 87-й, а 97 статьи основныхъ законовъ, согласно которой «постановленія по военно-судебной и по военно-морской судебной частямъ издаются въ порядкѣ, установленномъ въ сводахъ военныхъ и военно-морскихъ постановленій», гдѣ о Государственной Думѣ не поминается вовсе. Стало быть, какова бы ни оказалась третья Дума и сколько бы она ни просуществовала, до законовъ, изданныхъ въ порядкѣ 97-й статьи, она не доберется. Главная же цѣль военно-полевой юстиціи, какъ она практиковалась у насъ, во всякомъ случаѣ достигнута: подсудимый отнынѣ будетъ достаточно беззащитенъ; оказалась даже прибыль: такихъ подсудимыхъ отнынѣ будетъ больше. Въ беззащитномъ положеніи окажется не только тотъ, преступленіе котораго, какъ говорится въ правилахъ о военно-полевыхъ судахъ, «на столько очевидно, что нѣтъ надобности въ его разслѣдованіи», но и вообще всѣ тѣ, которые будутъ преданы военному суду на основаніи 17 ст. положенія объ охранѣ.

Для характеристики положенія подсудимаго по новому закону достаточно сказать, что заявленіе о выборѣ или назначеніи защитника, о вызовѣ свидѣтелей и объ отводѣ судей и прокурора должно быть сдѣлано имъ немедленно, «при самой выдачѣ и по прочтеніи ему» обвинительнаго акта и другихъ документовъ. «Постановленіе суда по этому заявленію должно быть составлено въ томъ же засѣданіи». Первый же случай примѣненія новаго закона показалъ, что это значитъ. Обвиняемаго, приведеннаго въ распо-

рядительное засѣданіе суда для врученія обвинительнаго акта, спрашиваютъ: кого оно желаетъ имѣть защитникомъ? Тотъ называетъ Андронникова,—единственнаго, быть можетъ, адвоката изъ числа политическихъ защитниковъ, который пришелъ ему въ этотъ моментъ на память.

— Какого Андронникова?—сердито переспрашиваетъ предсѣдатель суда.—Бѣлаго или чернаго?.. Ихъ два... Не знаете?... Ну, стало быть, удовлетворить просьбу судъ не можетъ...

И только потому, что предсѣдатель вообразилъ, будто бы есть два Андронниковыхъ (въ дѣйствительности имѣется только одинъ), подсудимый чуть-чуть не остался безъ защитника. На этотъ разъ обвиняемый вспомнилъ имя Андронникова, у послѣдняго оказался въ квартирѣ телефонъ и самъ онъ былъ дома... Однимъ словомъ, вызовъ защитника могъ состояться съ соблюденіемъ полевыхъ сроковъ. Впрочемъ, не все ли равно: что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ сдѣлать защита при такихъ условіяхъ? Да и психологія беззащитности уже создана. И—кто знаетъ?—быть можетъ, на этой именно почвѣ разыгрываются теперь сцены, почти точно такія же, какія имѣли мѣсто въ военно-полевыхъ судахъ.

12 іюля въ московскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось, съ примѣненіемъ новаго закона, дѣло «именующаго себя Бердягинымъ», который «обвинялся въ томъ, что, будучи недоволенъ плохимъ якобы обращеніемъ съ ссыльно-каторжной Фрумой Фрумкиной, нынѣ повѣшенной, онъ при вечерней повѣркѣ бросился съ ножомъ въ рукахъ на помощника начальника пересыльной тюрьмы». На вопросъ предсѣдателя о фамиліи, подсудимый отвѣтилъ:

— Вамъ нужна не фамилія, а шея...

Публика и подсудимый немедленно послѣ этого отвѣта были удалены изъ залы. Въ ихъ отсутствіе судъ приговорилъ обвиняемаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но нужной для этого «шеи» правительство всетаки не получило. Въ слѣдующую же ночь приговоренный перерѣзалъ (или, какъ сказано въ другой газетѣ, перервалъ) себѣ горло чайной ложкой...

По своей жестокости второе междудумье нисколько не уступаетъ первому, и весь проторенный тогда въ эту сторону путь правительствомъ уже пройденъ. Несомнѣнно, однако, что достигнутаго тогда имъ эффекта теперь не получилось. Можно даже думать, что въ концѣ концовъ г. Столыпинъ такъ же ошибется со вторымъ междудумьемъ, какъ мы ошиблись со второй Думой. Помня впечатлѣніе, какое производили рѣчи въ первой Думѣ, многіе полагали, что достаточно взойти на думскую трибуну и возвысить съ нея голосъ, чтобы опять воодушевить страну и смутить правительство. Прежде, однако, чѣмъ новыя рѣчи раздались, выступилъ Столыпинъ и, заложивъ руки въ карманы, заявилъ:

— Не запугаете!

Вполнѣ возможно, что теперь страна—не словами, конечно, а

всѣмъ существомъ своимъ—тоже отвѣтитъ Столыпину: не запугаете! Не запугаете даже смертными казнями...

Уже присмотрѣлись къ нимъ. Таковы—я бы сказалъ: подлыя, если бы они не были иногда спасительными,—свойства нашей психики: мы уже свыклись съ тѣмъ, что движемся куда то среди висѣлицъ. Если бы число послѣднихъ даже удвоилось, и то въ окружающей насъ тьмѣ мы, пожалуй, этого даже не замѣтили бы.

Страхъ, которымъ оперируетъ правительство, — вообще очень прихотливое чувство. У Лѣскова есть разсказъ про одну барыню, которая во времена крѣпостного права въ наказаніе сажала мужика на стулъ и привязывала его ниткой. И мужикъ сидѣлъ, не смѣя пошевелиться. Если г. Столыпину уже удалось довести страну до такого состоянія, то и висѣлицы, пожалуй, не нужно. Народъ можно, какъ и крѣпостного мужика, удержать ниткой. Но въ такой успѣхъ даже само правительство не вѣритъ. Если же этого нѣтъ, то для того, чтобы держать страну въ запуганномъ состояніи, нужны все новые и новые рессурсы.

Между тѣмъ, второе междудумье, очень бойкое на счетъ подражаній, пока очень слабо проявило себя по части творчества. Самое крупное, что можно указать въ данномъ случаѣ, это — газетные штрафы. Средство, несомнѣнно, сильное: штрафъ бьетъ по самому чувствительному мѣсту въ газетномъ дѣлѣ—по карману издателя. Но это средство мѣстное и, какъ всѣ репрессіи, наружное: внутри организма, если его дѣйствіе и скажется, то во всякомъ случаѣ не сразу. Главное же, если сравнивать второе междудумье съ первымъ, то въ данномъ случаѣ нѣтъ даже прогресса. Правительство, если оно и намѣрено было уподобиться Ровоаму, всетаки не можетъ сказать: тогда-де я донимало васъ бичами, а теперь буду доканывать скорпіонами. Скорѣе наоборотъ... Вѣдь тѣ самыя газеты,—главнымъ образомъ, к.-д. и безпартійныя,—которымъ теперь приходится выносить на своихъ плечахъ систему штрафовъ, во время перваго междудумья въ значительной ихъ части были сгоряча просто-на-просто пріостановлены, а нѣкоторыя—напомню хотя бы «Страну» и «Телеграфъ»—и вовсе въ тотъ періодъ погибли. Этотъ дамокловъ мечъ и сейчасъ виситъ надъ періодическими изданіями. Тотъ же генералъ-губернаторъ или градоначальникъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, то губернаторъ, при содѣйствіи въ случаѣ надобности суда, можетъ въ любой моментъ прекратить повременное изданіе и даже опечатать типографію,—другими словами, можетъ раззорить издателя и такимъ образомъ сразу выполнить то, что штрафами можно сдѣлать лишь постепенно. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ у газеты есть даже выходъ: редакторъ, если онъ не сумѣетъ, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, г. Липскеровъ, своевременно выбыть неизвѣстно куда, можетъ оказаться несостоятельнымъ и, стало быть, вмѣсто уплаты штрафа сѣсть подъ арестъ и сидѣть мѣсяцъ за мѣсяцемъ. По дѣйствующимъ законамъ газета можетъ выходить все

это время. Нечего, конечно, и говорить, что власти немедленно прекратятъ такое «безобразіе», если бы кто учинилъ его *), но для этого имъ придется прибѣгнуть къ другимъ имѣющимся въ ихъ распоряженіи рессурсамъ и такимъ образомъ наглядно засвидѣтельствовать творческое слабосиліе второго междудумья... Арестъ самъ по себѣ тоже не угроза, разъ редакторъ, помимо того, что онъ можетъ быть арестованъ въ порядкѣ охраны, почти въ любой моментъ можетъ подвергнуться несравненно болѣе суровымъ карамъ на основаніи Правилъ 24 ноября и тѣмъ болѣе на основаніи 129 ст. уголовнаго уложенія.

Если бы для штрафной системы, которою разразилось второе междудумье, мы захотѣли найти аналогію въ ряду тѣхъ средствъ, которыми пользуется другая воюющая сторона, то само собой понятно, что пришлось бы указать экспропріаціи, но и то не максималистскаго типа. Экспропріируется вѣдь въ данномъ случаѣ лишь одинъ опредѣленный видъ имущества. Едва ли нужно даже говорить, что ни запугать широкіе слои, ни обогатить правительство такая штрафная система не можетъ. Правительство можетъ пойти, конечно, въ этомъ направленіи дальше,—сдѣлаться, такъ сказать, максималистомъ: оно можетъ обложить штрафами не только печатное, но и устное слово, можетъ обложить всѣ проявленія гражданской жизни. Впрочемъ, это уже и практикуется... Суть, однако, въ томъ, что до тѣхъ слоевъ населенія и до тѣхъ наиболѣе активныхъ его элементовъ, которые особенно важно было бы терроризировать, путемъ штрафовъ трудно добраться. Извозчики, какъ извѣстно, предпочитаютъ въ такихъ случаяхъ высидку и лишь жалуются, что фонъ-деръ-Лауницъ въ виду того, что арестныя помѣщенія нужны для другихъ надобностей, измѣнилъ расцѣнку: прежде за 2 рубля сидѣли 1 день, а теперь за рубль приходится отсиживать 2 дня. Развитіе штрафной системы вширь легко можетъ привести къ тому, что значительная часть населенія и прежде всего, конечно, безработные и голодающіе окажутся на казенныхъ хлѣбахъ. Еще труднѣе, конечно, экспропріировать с.-р. или максималиста. Тутъ уже прямо коса можетъ найти на камень. «Ц. К.— читаемъ мы въ с.-р. «Знамени Труда»—объявляетъ партійнымъ огранизаціямъ и товарищамъ, что въ виду невозможности изданія при современныхъ условіяхъ легальной партійной газеты, Ц. К. постановилъ приступить къ выпуску центральнаго руководящаго органа «Знамя Труда», прекративъ изданіе «Партійныхъ Извѣстій» и легальныхъ газетъ». Извольте въ этомъ случаѣ добраться до издательскаго кармана: въ подпольѣ его не сразу нащупаешь.

Въ частности, что касается легальной печати, то не лишне будетъ напомнить, что она проявила уже удивительную упругость:

*) Редактору „Свободной Мысли“ въ Москвѣ разрѣшено редактировать газету, сидя въ тюрьмѣ. Я думаю, однако, что это исключеніе.

и въ смыслѣ упорства, и въ смыслѣ изворотливости. Ее все время нещадно бьютъ и бичами, и скорпіонами. Однако и за всѣмъ тѣмъ, если у насъ уцѣлѣли какія крохи отъ завоеванной свободы, то только въ области печатнаго слова...

Я вовсе не хочу, конечно, этимъ сказать, что печать не можетъ быть запугана. Правда, ее трудно привязать ниткой, около нея все время приходится держать стражу. Изворотлива она уже по самой своей природѣ. Но упорство ея сломить можно. Для этого недостаточно, однако, давленія на самую печать, необходимо воздѣйствіе на то, что выпираетъ и поддерживаетъ ее извнутри.

Репрессіи,—сказалъ я,—наружное средство, и при томъ дѣйствующее механически. Онѣ поражаютъ только выпуклыя мѣста на народномъ организмѣ,—будутъ ли то болѣзненныя опухоли или быстрѣе другихъ растущія, наиболѣе жизненныя его части. Усиленнымъ давленіемъ можно, конечно, довести ту или иную часть поверхности до омертвѣнія, но, если въ организмѣ сохранились жизненныя силы или имѣются болѣзнетворныя начала, то они найдутъ для себя выходъ. Да и омертвѣвшія части оживутъ снова. Рано или поздно,—въ зависимости отъ того, насколько энергично идутъ внутренніе процессы,—но омертвѣвшія клѣтки отпадутъ, ихъ мѣсто займутъ новыя,—и вновь начнется ростъ или вновь появятся гнойныя опухоли. Нужно слишкомъ долгое и всестороннее давленіе, чтобы, дѣйствуя только на поверхность, довести весь организмъ до омертвѣнія. Даже съ деревомъ вы не скоро справитесь, если будете только обрывать у него листья; тѣмъ болѣе не справитесь вы съ великимъ народомъ, если будете только штрафовать редакторовъ да вѣшать максималистовъ... Если вамъ не нравятся явленія, которыя происходятъ на поверхности организма, то, чтобы прекратить ихъ, вы должны обратиться къ тому или иному внутреннему средству,—къ лѣкарству или яду.

И первое междудумье страшно было не репрессіями... Правда, онѣ причиняли наиболѣе сильную боль. Мучимыя ею, мы склонны были забывать, что если и умремъ, то не отъ того, что у насъ вырвутъ нѣкоторыя зубы. Тѣ же военно-полевые суды, напримѣръ, и безчисленныя казни въ глазахъ многихъ совсѣмъ почти заслонили собою органическія мѣры, какія были предприняты въ ту пору правительствомъ. Между тѣмъ, въ нихъ-то и заключалась главная опасность. Не боль страшна, и даже не сочащіяся кровью раны; несравненно страшнѣе внутреннее разложеніе, которое подъ воздѣйствіемъ реакціи могло начаться въ глубинѣ народной жизни.

Съ этой точки зрѣнія крайне важно присмотрѣться и ко второму междудумью. Безсильная выдумать что-либо новое, еще невиданное по части репрессій, реакція, быть можетъ, быстро подвигается впередъ въ дѣлѣ внутренней трансформаціи страны.

Бичей и скорпіоновъ, чтобы сдерживать партизановъ револю-

ціи, заготовлено уже достаточно, лѣсу для висѣлицъ хватитъ. Правительство, быть можетъ, не очень даже озабочено борьбою на аванпостахъ. Но за то тѣмъ энергичнѣе, можетъ быть, оно ведетъ обходное движеніе, въ надеждѣ зайти въ тылъ революціи и дезорганизовать ея главныя силы.

Постараемся вглядѣться и въ эту сторону.

II.

Сначала я остановлюсь, однако, на обстоятельствѣ, имѣющемъ скорѣе техническое, чѣмъ политическое значеніе, но тѣмъ не менѣе крайне важномъ при выясненіи роли, какую можетъ сыграть междудумье.

Русская государственная жизнь представляетъ сейчасъ своего рода узелъ, и при томъ до нельзя запутанный. Скопилась и спустилась масса вопросовъ, —великихъ и маленькихъ, но въ большинствѣ острыхъ и неотложныхъ. Достаточно напомнить, что во вторую Думу правительство внесло сотни законопроектовъ. И это только тѣ вопросы, которые оно видитъ и разрѣшить которые хочетъ. Между тѣмъ сколько еще имѣется такихъ, которыхъ оно не замѣчаетъ или отъ которыхъ надѣется уклониться. Если бы даже въ обычное время нормальный ходъ государственной машины былъ нарушенъ, то въ концѣ концовъ неизбѣжно пришлось бы принять тѣ или иныя экстренныя мѣры. Тѣмъ болѣе это необходимо сказать про переживаемое нами—переходное—время, когда все пришло въ разстройство, колеблется, грозитъ рухнуть. Чуть не во всѣхъ областяхъ жизни необходимы немедленныя перестройки, передѣлки, починки,—и это независимо даже отъ того, желаете ли вы упрочить старый порядокъ или создать новый: задача усложняется еще тѣмъ, что всѣ вопросы связаны между собою, такъ что не знаешь, какъ къ нимъ приступиться. Затронувъ одинъ, вы неизбѣжно приведете въ движеніе цѣлый рядъ другихъ и, даже покончивъ съ тѣмъ или инымъ изъ нихъ, вы лишь поднимете цѣлую кучу новыхъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ такихъ нерѣшенныхъ вопросовъ становится больше, и узелъ запутывается еще хуже.

Между тѣмъ тотъ аппаратъ, посредствомъ котораго при нормальномъ ходѣ дѣлъ должны бы быть рѣшены всѣ эти вопросы, вотъ уже сколько времени не дѣйствуетъ: завертится колесо и остановится. И надежды даже нѣтъ, что онъ пойдетъ скоро въ ходъ и, тѣмъ болѣе, что онъ справится съ дѣломъ. Бездѣйствуетъ онъ, конечно, потому, что борьба вокругъ него еще не закончилась, что полъ подъ нимъ ходуномъ ходитъ, что его то и дѣло останавливаютъ. Допустимъ, однако, что эти причины устранены, что то или иное равновѣсіе найдено, устойчивость достигнута; все дѣло, стало быть, за аппаратомъ. Но вѣдь этотъ аппаратъ но-

вый, его части еще не притерлись другъ къ другу, и мы даже не знаемъ, гдѣ и что тормозить будетъ. Толковали и толкуютъ про «работоспособную» Думу... Но вѣдь Дума это только часть сложнаго, громоздкаго и неуклюжаго аппарата. Допустимъ, что она разовьетъ maximum работоспособности и начнетъ законы, какъ блины, печь. А старички въ государственномъ совѣтѣ смазывать ихъ масломъ устанутъ или же заартачатся—блажь найдетъ. Дальше-выше—новыя задержки: блины покажутся недостаточно поджаренными, либо черезчуръ толстыми или черезчуръ тонкими... Стало быть, ставь тѣсто на-ново. А народъ, на подобіе голоднаго галченка, все съ открытымъ ртомъ будетъ сидѣть да попискивать.

Представимъ даже себѣ, что аппаратъ налаженъ, гайки, гдѣ нужно, подвинчены, колеса масломъ смазаны и даже всѣ вѣтры изучены. Завертѣлась, стало быть, мельница... Но вѣдь эта мельница, имѣющая три колеса при одномъ поставѣ, по самой своей конструкціи разсчитана на урожай ниже средняго. При ея сложности и громоздкости даже обычную законодательную порцію едва ли она въ силахъ выполнить. Гдѣ же ей справиться теперь, когда такъ «завозно», когда сразу требуются сотни законовъ!...

Я преднамѣренно взялъ только одну технику, устранивъ всю политику. Нѣтъ, по моему мнѣнію, большей утопіи, какъ надежда выйти изъ того положенія, въ какомъ мы находимся, законодательнымъ путемъ, при помощи имѣющагося законодательнаго механизма. Я допускаю, конечно, возможность, что подъ вліяніемъ внѣшней силы всѣ три колеса завертятся въ опредѣленную сторону. Но надежда, которую я только что назвалъ утопіей, строится вѣдь на томъ, чтобы воспользоваться аппаратомъ, какъ самодѣйствующимъ механизмомъ, изолировавъ его по возможности отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній.

Закончить революцію—ни въ ту, ни въ другую сторону—нельзя, распутывая узелъ по всѣмъ правиламъ основныхъ законовъ. Рано или поздно этотъ узелъ разрубить придется. Не при помощи «законовъ», а при помощи «декретовъ» революція и контръ-революція всегда дѣлали свое дѣло. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ можетъ быть только въ томъ, кто издастъ эти декреты: учредительное ли собраніе, временное ли или старое самодержавное правительство.

Власть и даже право, если хотите, у насъ находится сейчасъ въ рукахъ послѣдняго. 87-я ст. основныхъ законовъ въ томъ истолкованіи, какое она уже получила, даетъ въ руки правительства тотъ именно мечъ, которымъ можно разрубить Гордіевъ узелъ. И во время перваго междудумья дѣйствительно могло казаться, что Столыпинъ сыграетъ роль Александра Македонскаго. Декреты — и при томъ по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ — слѣдовали одинъ за другимъ. Кромѣ аграрнаго, были сдѣланы попытки разрѣшить тѣмъ же путемъ и другіе вопросы: о поло-

женіи торгово-промышленныхъ служащихъ, о рабочемъ днѣ въ ремесленныхъ мастерскихъ. Напомню, далѣе, что роспускъ первой Думы состоялся при наличности опредѣленнаго плана, который правительство разсчитывало осуществить за время междудумья. Оно возвѣстило, что одной рукой уничтожитъ крамолу, другою—подготовитъ реформы. Была даже мысль полностью осуществить эти реформы и поставить, какъ тогда говорилось, вторую Думу лицомъ къ лицу съ фактомъ. Позднѣе было рѣшено завалить Думу законопроектами, но наиболѣе неотложныя съ точки зрѣнія правительства реформы оно, какъ я уже сказалъ, тогда осуществило,—декреты издало.

Теперь, когда изъ законопроектовъ ничего не вышло, казалось бы, настало время осуществить замышлявшійся или хотя мелькавшій тогда планъ полностью. Теперь, когда Дума вновь распущена, казалось бы, и пришла пора поработать самодержавному правительству. Ни о планѣ, ни о работѣ, однако, ничего не слышно. Желаніе дѣлать дѣло «обѣими руками» изъ всего кабинета сохранилъ, повидимому, только одинъ Кауфманъ. При содѣйствіи его правой руки уже отмѣнена, поскольку дѣло касается студенческихъ организацій, университетская автономія. Къ этому препятствій, конечно, не встрѣтилось. Другою рукою онъ намѣревался приступить къ осуществленію всеобщаго обученія и уже протянулъ было ее за полученіемъ $5\frac{1}{2}$ милл. рублей, внесенныхъ на этотъ предметъ въ смѣту 1907 г. условнымъ кредитомъ. Хотя г. Кауфманъ о своемъ намѣреніи облагодѣтельствовать Россію возвѣстилъ уже міру, однако совѣтъ министровъ не нашелъ въ себѣ рѣшимости на такое дѣло. Но лѣвая рука у министра чесалась, желаніе влить что-либо внутрь народной жизни было. Вопросъ разрѣшился, въ концѣ концовъ, учрежденіемъ школьныхъ попечительствъ...

Прошло уже полтора мѣсяца со времени роспуска Думы, а о 87-й статьѣ даже не слышно. Любопытно, что даже эти двѣ, только что названныя мною, мѣры проведены «въ порядкѣ верховнаго управленія». Правительство какъ будто избѣгаетъ пользоваться названной статьею. Можетъ быть, ему не хочется оказаться въ неловкомъ положеніи, если и третья Дума не одобритъ междудумскаго творчества. Поскольку дѣло касается мелочей, это, пожалуй, понятно: зря махать мечомъ не стоитъ. Но если бы имѣлся серьезный планъ, то передъ какой-то Думой стѣсняться, конечно, не стали бы. При томъ же все можно было бы сдѣлать проще, минуя формальности, предусмотрѣнныя въ той или иной статьѣ основныхъ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, «если вы могли обойтись безъ гражданина Алексинскаго и безъ г. Родичева для того, чтобы измѣнить избирательный законъ, близко ихъ касающійся, то чѣмъ вы объясните ваше воздержаніе передъ другими не менѣе безотлагательными реформами и начинаніями?» Это не я спрашиваю;—

это спрашиваетъ г. Валишевскій, полякъ, пишущій въ «Новомъ Времени» *).

Полякъ, пишущій въ «Новомъ Времени»... Я думаю этого достаточно, чтобы догадаться, къ какому данный человѣкъ принадлежитъ лагерю. И вотъ этотъ самый г. Валишевскій начинаетъ приходить въ уныніе. Чего въ самомъ дѣлѣ ждетъ правительство? На что надѣется г. Столыпинъ? На третью Думу? Но вѣдь, если эта Дума будетъ оппозиціонной, то ее опять распустить придется; если же она будетъ послушной, то одобритъ всѣ начинанія и реформы правительства. Но и послушная Дума ему не помога, а скорѣе помѣха. Пора уже серьезнымъ людямъ понять, что Дума—это дѣтская игрушка. Г. Валишевскій такъ и пишетъ. «Сохранимъ—говоритъ онъ—нашу Думу, если мы ужъ не можемъ безъ нея обойтись. Надо вѣдь доставить дѣтямъ забаву! Но не будемъ воображать, что, замѣнивъ въ ней кадетовъ и трудовиковъ октябристами и монархистами, мы добьемся отъ нея большей производительности»...

Г. Валишевскаго охватываетъ не только уныніе, но и страхъ,—страхъ передъ реакціей, хотя эту «не безгрѣшную реакцію» онъ сознательно предпочелъ «безусловно вредной революціи», выбирая изъ двухъ золъ меньшее. Онъ слишкомъ выдержанный человѣкъ, чтобы позволить заглянуть къ себѣ въ душу, но тамъ, быть можетъ, имѣется и другой испугъ: не напрасно ли онъ сдѣлался угодовцемъ **)... «Послѣ нашихъ революціонеровъ, оказавшихся банкротами, я поджидаю не безъ тревоги—пишетъ онъ—нашихъ реакціонеровъ, повидимому уже довольныхъ собою, хотя они въ свой активъ тоже могутъ записать лишь нѣсколько рѣчей, нѣсколько тостовъ—и нѣсколько разрушеній!» Между тѣмъ нужно дѣло дѣлать и дѣлать непремѣнно «обѣими руками». Вѣдь это только кажется, что разрубить узелъ—не хитрая штука. Для того, чтобы разрубить узелъ революціи, нужно быть Наполеономъ...

---

*) „Новое Время", 16 іюля.

**) Валишевскій — напоминаю—полякъ. Въ немъ живо національное чувство. Въ его рѣчахъ все время звучитъ, хотя онъ постоянно ее обрываетъ, нотка скорби по „соотечественникамъ". Вотъ и сейчасъ они незаслуженно оскорблены и обижены: изъ 36 депутатскихъ мѣстъ 25 у нихъ отнято. Но „какъ бы мнѣ ни была дорога—говоритъ онъ—моя родина, я все же не могу ею ограничить свой горизонтъ". Въ „великомъ спорѣ" онъ знаетъ свое мѣсто,—мѣсто въ „Новомъ Времени". Съ этой соціальной позиціи онъ смотритъ и на обиду, нанесенную теперь полякамъ, которая кажется ему безцѣльной и даже вредной „демонстраціей". „Мнѣ сдается,—пишетъ онъ,—что рѣшеніе, принятое относительно моихъ соотечественниковъ, является большой ошибкой, но я полагаю, что оно отразится больше всего не за моихъ соотечественникахъ". Онъ даже грозитъ, что поляки сыграютъ роль „одного голоса", которымъ прошла теперешняя конституція французской республики. „Берегитесь—грозитъ онъ—польскаго *Валлона* въ третьей Думѣ!"

Бонапартъ «даже началъ съ того, что всюду отмѣнилъ осадное положеніе, оставленное ему въ наслѣдіе предшествовавшими реакціонными періодами. Онъ не пренебрегъ и обращеніемъ къ содѣйствію заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ населенія, приглашая его самостоятельно избавиться отъ анархіи, реагировать со своей стороны и собственными средствами защищать свою жизнь и имущество отъ убійцъ и грабителей. Но подобное содѣйствіе никогда не можетъ быть даровымъ; равнымъ образомъ оно не можетъ быть оказано дезорганизованнымъ обществомъ. Поэтому-то, стараясь создать властное и энергичное правительство, Бонапартъ съ одинаковымъ рвеніемъ работалъ надъ возрожденіемъ и организаціей соціальныхъ силъ, что составляетъ уже гораздо болѣе трудную задачу»... Между тѣмъ «наши реакціонеры» озабочены только тѣмъ, какъ бы «путемъ указовъ заставить насъ снова взобраться на стараго разбитаго на ноги Россинанта архаическаго бюрократизма, чтобы начать вновь уже разъ произведенный опытъ и скакать на встрѣчу новому кризису»...

Единственная надежда на правительство, которое должно же понять, что теперь—послѣ войны—долго не наскачешь и что ничего, кромѣ «нѣсколькихъ рѣчей, нѣсколькихъ тостовъ и нѣсколькихъ разрушеній» изъ этой затѣи не получится. «Кто же вамъ мѣшаетъ, гг. правители,—спрашиваетъ г. Валишевскій—издать нѣкоторые изъ этихъ (т. е. внесенныхъ во вторую Думу) законовъ, не дожидаясь того, чтобы въ третьей Думѣ преемники г. Родичева и гражданина Церетели кончили свои рѣчи, что случиться не скоро, судя по московскому съѣзду». «Поступайте—взываетъ онъ далѣе—какъ Наполеонъ; покажите, что вы умѣете не только повѣсить нѣсколько негодяевъ или безумцевъ,—что, конечно, можетъ помѣшать имъ бросать бомбы, но вы вѣдь никогда не перевѣшаете достаточное количество ихъ, чтобы отбить охоту у другихъ къ подобнымъ опаснымъ забавамъ: мы всѣ должны вмѣшаться въ это дѣло. А для этого насъ слѣдуетъ избавить отъ другой заботы, а именно отъ страха, внушаемаго вами»...

Но напрасно, я думаю, взываетъ г. Валишевскій и отъ имени «всѣхъ насъ» напрашивается въ сотрудники,—напрасно, хотя самъ Суворинъ тянетъ ту же ноту. Послѣдній тоже вдругъ заторопился и провозгласилъ, что правительство «должно дѣло дѣлать», а не сочинять только законопроекты и не ожидать, когда эти законопроекты будутъ введены. «Никакая Дума ничего не сдѣлаетъ, если само правительство будетъ сидѣть по старому у моря и ждать погоды». А «дѣло дѣлать»—по его словамъ—значитъ «помогать всѣмъ, кто хочетъ работать и тѣмъ возбуждать къ работѣ». *). И этотъ, стало быть, на какихъ-то сотрудниковъ разсчитываетъ.

*) „Новое Время“ 15 іюня.

Но вѣдь это легко сказать, что нужно «дѣло дѣлать»,—да еще такое, гдѣ безъ «всѣхъ насъ» не обойдешься.

Я привелъ большія выдержки изъ статьи г. Валишевскаго... Въ качествѣ «реальнаго политика» онъ совершенно опредѣленно намѣчаетъ единственно возможный для правительства при данныхъ условіяхъ выходъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ его статья совершенно ясно вскрываетъ, почему воспользоваться этимъ выходомъ оно не можетъ. Такимъ выходомъ можетъ быть только тотъ или иной компромиссъ. Разрубая историческій узелъ, неизбѣжно тѣми или иными концами поступиться; если же весь его тянуть въ свою сторону, то онъ только еще больше затянется. Компромиссъ правительство и имѣло въ виду, роспуская первую Думу; къ нему оно и готовилось, спѣшно фабрикуя свои «либеральные» законопроекты. Никакого компромисса, однако, не получилось, и не потому, что этому воспротивилась другая сторона. Лучшей Думы, чѣмъ была вторая, для компромисса даже придумать нельзя: «лѣвая» и въ то же время «запуганная»; и народъ ей вѣрилъ, и передъ правительствомъ она трепетала. Такой комбинаціи больше ужь не дождаться. Попробуйте-ка заключить компромиссъ хотя бы съ третьей Думой: сдѣлку, какова бы она ни была, народъ заподозритъ, да и сама Дума, пожалуй, еще пофордыбачитъ.

Если компромиссъ не состоялся, то только потому, что онъ былъ не возможенъ,—не возможенъ прежде всего для правительства. Его планъ затерялся не случайно, а затерялся онъ еще во время перваго междудумья, и «либеральные» законопроекты попали во вторую Думу только по инерціи. Правящіе круги прямо бы испугались, если бы эти проекты начали претворяться въ законы. Достаточно, я думаю, будетъ въ данномъ случаѣ напомнить ту критику, какую встрѣтилъ министерскій законопроектъ на земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, и тотъ лозунгъ, какой былъ провозглашенъ тамъ. «Никакихъ реформъ»!

Никакихъ реформъ! Не думайте, что въ этомъ случаѣ сказывается только упоеніе побѣдой; это говоритъ скорѣе инстинктъ самосохраненія, это, быть можетъ, вопль отчаянья. Никакія реформы, даже самыя крохотныя для даннаго правительства не возможны: ихъ немедленне учтетъ и используетъ революція. Правительство хорошо, конечно, знаетъ, что реформы нужны; и на земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ это признавали, только нашли ихъ «несвоевременными». Рѣшили ихъ «разрабатывать»... Но такого времени, когда они могли бы осуществить ихъ, уже не будетъ. До самаго конца Россія останется на военномъ положеніи. Напомню, что усиленную охрану въ 1881 году вводили тоже на время, но она такъ и осталась. Тоже произойдетъ и теперь; разница только та, что тогда придавили мысль, теперь желаютъ сдѣлать тоже самое съ жизнью...

Давить—таково только и можетъ быть «дѣло»; смотрѣть въ

оба и глушить каждый ростокъ жизни... Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что, оставшись наединѣ со страной и имѣя всю полноту власти въ своихъ рукахъ, правительство ничего другого и не предпринимаетъ: декретовъ не издаетъ и даже законопроектовъ не сочиняетъ. Оно ждетъ Думы... Но зачѣмъ она ему? Вѣдь если оно желаетъ что-либо сдѣлать, то можетъ это сдѣлать и безъ Думы. Дума могла бы пригодиться только для компромисса, но уступить правительству нечего.

Нечего и некому... Кому въ самомъ дѣлѣ? «Всѣмъ намъ»—пишетъ г. Валишевскій. Но кому это «намъ»? Валишевскому? — но вѣдь онъ полякъ, хоть и угодовецъ. Суворину?—но онъ литераторъ, хотя и нововременецъ. На ихъ личную поддержку правительство можетъ, конечно, положиться, но на поддержку группъ, къ которымъ они принадлежатъ, едва ли.

Въ странѣ, несомнѣнно, есть элементы, на которые оно можетъ опереться. Но много ли ихъ? На земскомъ обѣдѣ въ Москвѣ ихъ было 113 человѣкъ,—чортова дюжина съ сотней. Если повѣрить г. Столыпину, подсчитавшему ихъ для одной изъ своихъ рѣчей въ Думѣ, то чортову дюжину нужно не сложить съ сотней, а помножить на 100 и потомъ еще разъ на 100. Получится: 130.000. Статистики утверждаютъ, что это цифра—преувеличенная и что, по крайней мѣрѣ, одну сотню, въ виду ея красноты, изъ числа множителей нужно исключить. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно: на эту чортову дюжину, такъ или иначе объединившуюся съ черной сотней, правительство можетъ вполнѣ положиться. Бѣда только въ томъ, что и имъ уступить ему нечего, потому что... все уже уступлено.

И вотъ ему приходится теперь вмѣстѣ съ ними перетягивать весь узелъ на свою сторону. Они и тянутъ... Но вѣдь порвется цѣпь великая, порвется и ударитъ... всѣмъ узломъ по барину.

Характеризуя настоящій моментъ, А. Б. Петрищевъ озаглавилъ свою статью: «Безъ побѣдителей». Побѣда какъ будто и была одержана, но побѣдителей не видно. Меньше всего побѣдителемъ можно назвать барина: положеніе «130.000» стало не лучше, а хуже.

Заглядывая въ будущее этого барина, мнѣ хочется сказать: «Горе побѣдителямъ!» Да, горе! одерживать побѣды они еще могутъ, но миръ продиктовать уже не въ силахъ.

III.

Но, можетъ быть, узелъ уже разрубленъ, главные каналы уже проведены, основныя формы уже созданы? Правительство, можетъ быть, просто-на-просто пережидаетъ, пока предпринятыя имъ мѣры воздѣйствуютъ. Тогда оно пойдетъ дальше, спустится глубже, развернетъ свою дѣятельность уже во всѣ стороны.

Въ самомъ дѣлѣ, «декретовъ», какъ я ихъ назвалъ, издано уже много. Не лишне будетъ присмотрѣться къ судьбѣ этихъ декретовъ,—и тѣхъ, которые появились еще до первой Думы, и тѣхъ, которыми ознаменовалось первое междудумье.

Да, декретовъ издано уже много... Витте, повидимому, разсчитывалъ, что достаточно опубликовать манифестъ, возвѣстить свободы,—и все успокоится: жизнь неопредѣленно долгое время будетъ течь въ прежнихъ формахъ, а бюрократія исподволь, т. е. со всею свойственною ей поспѣшностью будетъ «даровать» свободы и устанавливать «незыблемыя правила». Давно бурлившая рѣка сразу, однако, вышла изъ береговъ и залила все необъятное пространство. Треповъ—тотъ не растерялся: уже 18 октября онъ открылъ пальбу по вздымавшимся волнамъ. Онъ продолжалъ, не останавливаясь, стегать бичами расходившуюся стихію, даже новыхъ молодцовъ—уже съ дубинами—приставилъ къ этому дѣлу. Витте же растерянно оглядывался во всѣ стороны. У него была, повидимому, надежда, масломъ «правительственныхъ сообщеній» успокоить бурный потокъ, но къ концу второй недѣли эта надежда угасла. Объединенное имъ правительство скоро, однако, сообразило, что нужно спѣшно создавать новыя формы и копать каналы, куда бы бичи и дубины могли загнать это разбушевавшееся море.

Первымъ, если не измѣняетъ мнѣ память, былъ изданъ декретъ о повременныхъ изданіяхъ. Да, эту именно струю жизни, не очень, быть можетъ, глубокую, но наиболѣе стремительную и способную увлечь за собою нижніе слои, правительство поспѣшило отвести въ опредѣленное русло. Послѣ того на счетъ печати было издано и еще нѣсколько декретовъ. Напрасно, однако, мы стали бы искать отведенное для нея ложе. Сверху ее, несомнѣнно, придавили и настолько сильно, что значительная ея часть уже давно скрылась изъ глазъ и течетъ теперь подъ землею. Всѣ усилія выбиться на поверхность оказываются напрасными; напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все большая ея часть уходитъ въ подполье. Но, оглядываясь по сторонамъ, мы не найдемъ тѣхъ береговъ, въ которыхъ могло бы спокойно течь печатное слово. Правда, формы узаконены, предѣлы указаны, скалами путь обставленъ. Но и за всѣмъ тѣмъ печать представляетъ нѣчто безформенное, не текущее, а брызжущее,—не то бьющій къ небу фонтанъ, не то падающія на землю слезы, не то разлетающіяся во всѣ стороны при проѣздѣ черезъ лужу брызги. И не потому только это происходитъ, что русло, отведенное для печати, слишкомъ узко: изъ широкой рѣки при извѣстныхъ условіяхъ она способна обратиться въ еле-замѣтный ручей; и не потому только, что ложе ея загромождено камнями: печать—уже сказалъ я—изворотлива и сумѣла бы обойти всѣ преграды. Главная причина—другая.

Предѣлы, которые указаны для печати, существуютъ только на бумагѣ. Если бы она даже желала приноровиться къ нимъ, изъ

этого ничего бы не вышло. Въ газетной хроникѣ вы изо-дня-въ-день—вотъ ужъ полтора года—встрѣчаете стереотипныя замѣтки, начинающіяся словами: «главнымъ комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на слѣдующія изданія»... Не думайте, что во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣется «злая воля» или хотя бы «неосмотрительность», въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ эти термины юристы. Если даже изданіе не обнаружило «злой воли» и эпидеміей «неосмотрительности» не захвачено, то и за всѣмъ тѣмъ оно не можетъ считать себя гарантированнымъ отъ конфискаціи и всего, что за нею слѣдуетъ. Предусмотрѣть, въ чемъ его могутъ обвинить, издатель или редакторъ не въ силахъ. «Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать».

Выше я уже упоминалъ, что печать проявляетъ много упорства и не рѣдко сознательно идетъ на рискъ, послушная велѣнію лежащаго на ней долга. Но въ данномъ случаѣ интересны тѣ случаи, когда это упорство по той или иной причинѣ не вышло за узаконенные предѣлы. Приведу два факта, взявъ ихъ изъ близкаго мнѣ опыта.

За мною числится уже около десятка литературныхъ дѣлъ, находящихся въ различныхъ стадіяхъ производства. По нѣкоторымъ изъ нихъ мнѣ вручены обвинительные акты и, стало быть, открыты для обозрѣнія относящіеся къ нимъ документы. И вотъ въ одномъ изъ такихъ, открытыхъ для обозрѣнія, «дѣлъ», оказалась такая бумага: главный комитетъ по дѣламъ печати пишетъ въ судебную палату, что такого-то слѣдовало бы обвинить по 129 ст., но такъ какъ въ данномъ случаѣ это обвиненіе трудно было бы доказать, то комитетъ предполагаетъ палатѣ обвинить его за распространеніе ложныхъ свѣдѣній... Я былъ и остаюсь соціалистомъ, но того, что меня провозгласятъ за это клеветникомъ, я, конечно, предусмотрѣть былъ не въ силахъ.

Другой фактъ. На дняхъ конфискована вышедшая вторымъ изданіемъ книга: «Русская Муза». Конфискована она, какъ оказалось, за стихотворенія, давно уже появившіяся въ печати и не вызвавшія въ свое время какихъ-либо преслѣдованій. Нѣкоторыя изъ нихъ воспроизводились уже не разъ и при томъ появились первоначально въ подцензурныхъ изданіяхъ и, въ частности, въ «Русскомъ Богатствѣ» съ разрѣшенія предварительной цензуры. Предусмотрѣть, что при «свободѣ печати» нельзя воспроизводить того, что печаталось съ разрѣшенія начальства, когда объ этой свободѣ даже мечтать не полагалось,—опять-таки едва ли было можно.

Такимъ образомъ, когда преслѣдованіе производится въ судебномъ порядкѣ, то и то печати трудно предусмотрѣть, гдѣ и какой упадетъ на нее камень. Нашъ журналъ конфисковали уже много разъ и все больше по 128 и 129 ст., т. е. за «дерзостное порицаніе» и за «призывъ къ ниспроверженію». Но въ запасѣ имѣются вѣдь самыя разнообразныя статьи, и предыдущая книга «Рус-

скаго Богатства» была арестована уже по 74 ст., т. е. за «кощунство»... При судебныхъ преслѣдованіяхъ имѣются всетаки нѣкоторыя формы, сохраняется видимость нѣкоего какъ бы русла. Хотя и прерывистое теченіе, казалось бы, могло начаться. Но вѣдь и эти формы уже разбиты, — разбиты гдѣ — усиленной, гдѣ чрезвычайной охраной, гдѣ военнымъ положеніемъ и, наконецъ, теперь по всей Россіи обязательными постановленіями. Остались одни осколки.

Рижскій корреспондентъ «Товарища», по поводу новыхъ репрессій, обрушившихся на мѣстную печать, напомнилъ какъ-то ея исторію за послѣдніе полтора года. «Собственно начало гоненій на печать—говоритъ онъ—относится къ гораздо болѣе раннему времени, при чемъ долгое время достаточнымъ и надежнымъ орудіемъ въ дѣлѣ обузданія ея являлся судъ. Инспектора по дѣламъ печати, цензора, прокуроры, слѣдователи и добровольцы уже въ началѣ 1906 года усердно взялись за работу: выкапывались и перечитывались пожелтѣлые листы «крамольныхъ» газетъ... изъ «октябрьскихъ дней»... изъ того времени, которое спеціально для Риги носитъ названіе «эпохи Максима»... Немудрено, что въ номерахъ газетъ за *это* время находился запретный плодъ въ достаточномъ изобиліи, обвинительные акты писались дюжинами. И печать, и общество мало по малу свыклись съ такимъ положеніемъ вещей. Какъ ни какъ все же оставалось утѣшеніе, что кары эти налагались судомъ, правда, далеко не всегда милостивымъ, но все же... судомъ. Эти прекрасныя времена уже отошли теперь въ область преданія... И вся эта длинная, скучная судебная волокита замѣнена 4 словами: «На основаніи военнаго положенія»... Впрочемъ, иногда для разнообразія пишутъ 4 другихъ слова: «На основаніи обязательнаго постановленія»... Помимо упрощенія процедуры, такой порядокъ удобенъ еще тѣмъ, что становятся излишними розыски самыхъ «дѣяній» печати, такъ какъ при новомъ способѣ достаточно одного «направленія» или «духа».

«Началось это—продолжаетъ корреспондентъ свой разсказъ — такъ. 19 мая одновременно закрыты на время военнаго положенія за «вредное направленіе» 3 русскія газеты, 2 латышскія—«Balls» и «Musu Laiki»—и русская—«Рижскія Вѣдомости»... Но вотъ распущена Дума и изданы «обязательныя постановленія» относительно «распространенія» и «возбужденія»... Въ самый день роспуска въ Ревелѣ были арестованы многіе эстонскіе общественные дѣятели и журналисты и впослѣдствіи высланы изъ края. Въ Ригѣ въ тотъ же день, вслѣдствіе ареста редактора-издателя г. Берга, «Вестнесисъ» превратился въ «Саветисъ», чтобы черезъ два дня, послѣ освобожденія г. Берга, вновь принять прежнее наименованіе: 3 дня тому назадъ газета эта закрыта и отняты отъ издателя остальныя его концессіи... Денежнымъ штрафамъ въ различныхъ размѣрахъ подверглись эстонскія газеты «Постимесъ», «Іусъ Вируланэ», «Сэну-

медъ», «Хеель»; закрыты «Іусъ Вируланэ» и его преемница «Сэде»; «Сенумедъ» и замѣнившая его «Сэпа»; «Кодумаа» и ея двойникъ «Маа». Закрытъ латышскій журналъ «Аусеклисъ» и выходящій на нѣмецкомъ языкѣ органъ профессіональнаго союза рабочихъ печатнаго дѣла. Наконецъ, на дняхъ, какъ сообщаютъ нѣмецкія газеты, уже подписанъ приказъ о закрытіи вліятельной эстонской газеты «Постимесъ» *)...

Да, декреты, стремившіеся оформить вырвавшуюся изъ старыхъ рамокъ жизнь, были изданы, но ихъ сама же реакція аннулировала,—и жизнь осталась въ безформенномъ состояніи. Я сравнительно подробно остановился на исторіи печати потому между прочимъ, что эта исторія длилась наиболѣе, быть можетъ, долго: раньше другихъ областей жизни для печати были указаны новыя формы, но и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ добиваются ея остатки. То же самое, но только въ еще болѣе короткій срокъ, произошло и съ другими декретами о свободахъ... Имѣются правила о собраніяхъ, правила о союзахъ... Но вѣдь они почти не дѣйствовали, и во всякомъ случаѣ теперь никому не придетъ даже мысль съ увѣренностью на нихъ опереться. Возникли было профессіональные союзы, но ихъ уже не разъ подвергали массовымъ разгромамъ и теперь добиваютъ по одиночкѣ. Разсчитывать навѣрняка, что ихъ «зарегистрируютъ», въ настоящее время могутъ только союзы въ родѣ «Жертвъ революціи», подъ каковымъ названіемъ въ Петербургѣ объединились сыщики...

Возьмемъ другія, созданныя въ тотъ же до-думскій періодъ формы. О законодательномъ аппаратѣ я уже говорилъ выше. Дважды разбивали самую существенную его часть, пытаясь изъ черепковъ склеить что-то болѣе прочное. И сейчасъ прежде, чѣмъ вторая попытка закончена, реакція уже лелѣетъ мысль разбить этотъ аппаратъ вдребезги...

Финансовая жизнь государства такъ и не вошла въ намѣченное для нея въ то время русло. И если бы теперь самъ чортъ задумалъ прогуляться по тому мѣсту, гдѣ надлежитъ быть государственному бюджету, то онъ навѣрняка сломалъ бы себѣ ногу.

Возьмемъ, наконецъ, послѣдній изъ изданныхъ въ то время декретовъ, самую главную изъ созданныхъ тогда формъ,—основные законы. И они уже нарушены. Не 3-го только іюня,—они нарушены уже давно: достаточно въ данномъ случаѣ напомнить роспускъ первой Думы, толкованіе, какое придано правительствомъ 87-й статьѣ, разъясненія, какія по его препорученію, давались сенатомъ и т. д. Прогорѣвшей фирмѣ подъ часъ довольно долго удается скрывать свою несостоятельность, хотя бы при помощи подчистокъ въ бухгалтерскихъ книгахъ, но рано или поздно настанетъ день, когда

---

*) «Товарищъ», 17 іюля.

она должна бываетъ объявить себя банкротомъ. 3 іюня и было такимъ днемъ для до-думскаго творчества.

Реакція, продолжая бить своимъ молотомъ, разбила послѣднюю изъ созданныхъ ею въ то время формъ. Мы высказали предположеніе, что правительство, быть можетъ, воздерживается сейчасъ отъ дальнѣйшаго творчества, выжидая, пока жизнь нѣсколько устоится. Если это такъ, то само собой понятно, что этого она не дождется: устояться жизни не въ чемъ...

IV.

Междудумское творчество было нѣсколько иного рода. Не формы, а матерію задумала видоизмѣнить и претворить въ нужное ей тѣсто реакція. Не права и учрежденія, а люди и ихъ соціальное положеніе привлекли ея вниманіе. Не политическій, а экономическій узелъ сдѣлала она попытку разрубить въ эту пору. Результаты мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ въ этомъ направленіи, на первый взглядъ могутъ показаться болѣе прочными. По крайней мѣрѣ, явнаго отказа отъ декретовъ этого рода пока какъ будто нѣтъ. Но...

Я только что прочиталъ въ газетахъ, что приказчики нѣсколькихъ крупныхъ рынковъ—и не гдѣ-нибудь въ глуши, а въ Петербургѣ—работаютъ не двѣнадцать часовъ, какъ бы это слѣдовало по указу 15 ноября 1906 г., а четырнадцать. Обсудивъ свое положеніе, приказчики рѣшили предпринять борьбу за свои права, которыя имъ были дарованы революціей и подтверждены, хотя и въ урѣзанномъ видѣ, реакціей. Приходится, однако, очень и очень сомнѣваться, позволитъ ли имъ петербургскій градоначальникъ предпринять и довести эту борьбу до конца и такимъ образомъ сохранить въ цѣлости хотя бы только въ Петербургѣ одинъ изъ продуктовъ междудумскаго творчества...

Этотъ градоначальникъ къ явленіямъ, происходящимъ въ экономической сферѣ, несомнѣнно очень чутокъ. Недавно въ Шлиссельбургѣ состоялась забастовка судовыхъ командъ, несущихъ службу на буксирныхъ пароходахъ. Это была одна изъ самыхъ удачныхъ забастовокъ послѣдняго времени. Пароходовладѣльцы, которые по приблизительному подсчету понесли за четыре забастовочныхъ дня до 500 т. р. убытковъ, согласились удовлетворить всѣ важнѣйшія требованія забастовщиковъ; хозяева уплатили вознагражденіе за забастовочное время даже рабочимъ по конной тягѣ, которые не работали это время изъ сочувствія судовымъ командамъ. Больше того: даже жандармское управленіе удовлетворило требованіе объ освобожденіи трехъ шкиперовъ, арестъ которыхъ послужилъ ближайшимъ поводомъ для забастовки. 7 іюля послѣдняя была ликвидирована, и транспорты двинулись къ Петербургу. Съ этими данными не лишне сопоставить другое газетное извѣстіе:

11 іюля петербургскій градоначальникъ шесть человѣкъ служащихъ и рабочихъ буксирныхъ пароходовъ подвергъ аресту за «подстрекательство къ забастовкѣ»: двоихъ посадили на 3 мѣсяца и четверыхъ на мѣсяцъ *). При входѣ въ Неву забастовка была выиграна и начальствомъ вознаграждена, а въ устьѣ Невы подстрекатели къ забастовкѣ тоже отъ начальства получили возмездіе. Боюсь я, какъ бы приказчики петербургскихъ рынковъ за непрошенное отстаиваніе указа 15 ноября, не получили такого же возмездія отъ чуткаго къ экономической жизни петербургскаго градоначальника...

На счетъ прочности указа о рабочемъ днѣ торгово-промышленныхъ служащихъ можно привести и другой—тоже совершенно свѣжій фактъ. Неожиданно возникъ вопросъ, имѣетъ ли этотъ указъ силу для нижегородской ярмарки, и на этой почвѣ въ Нижнемъ уже возникли осложненія. «Частнымъ образомъ — пишетъ корреспондентъ «Рѣчи»—получена телеграмма, что министерство настояло на примѣненіи къ ярмарочной праздничной (только праздничной? А. П.) торговлѣ закона 15 ноября, но сегодня, не смотря на воскресенье, торговля производилась весь день» **). Телеграммы сообщали, что и въ будни этотъ указъ на ярмаркѣ не исполняется.

Возьмемъ другой междудумскій указъ—отъ 5 октября 1906 года. Онъ еще дѣйствуетъ... Но дарованная имъ крестьянская «равноправность» въ послѣдовавшихъ разъясненіяхъ, а мимоходомъ и въ другихъ актахъ—больше всего въ избирательномъ законѣ 3 іюня—подверглась уже существеннымъ ограниченіямъ. И неизвѣстно еще, какая судьба ждетъ «равноправность» въ тѣхъ мѣстахъ, куда она проникнетъ. Въ частности, очень трудно угадать, какъ будутъ реагировать власти, когда увидятъ, что крестьяне выбрали въ земскіе гласные совсѣмъ не тѣхъ лицъ, какихъ раньше назначали отъ ихъ имени губернаторы и земскіе начальники.

Впрочемъ, названные мною указы занимали въ междудумскомъ творчествѣ второстепенное мѣсто. Они были разсчитаны на то, чтобы произвести быстрое, хотя бы и преходящее впечатлѣніе. Это были скорѣе предвыборныя дѣйствія, чѣмъ органическія мѣры. Центральное мѣсто въ междудумской дѣятельности правительства занимали, несомнѣнно, мѣропріятія по аграрному вопросу. Въ этой именно области оно сосредоточило главныя свои операціи въ надеждѣ обойти революцію съ тыла, и эти именно его диверсіи представлялись наиболѣе опасными.

Въ свое время мнѣ пришлость уже писать и объ изданныхъ тогда землеустроительныхъ актахъ, и о развитой въ ту пору земельной политикѣ ***). Я считалъ въ то время болѣе правильнымъ

---

*) См. «Товарищъ», 10 іюля и «Русь», 12 іюля.

**) «Рѣчь», 19 іюля.

***) См. „Революція наоборотъ" въ первомъ вып. „Народно-соціалистическаго Обозрѣнія" и „Хронику внутренней жизни" въ „Русскомъ Богатствѣ", за декабрь 1906 г.

исходить изъ предположенія (хотя и указывалъ на его гадательность), что правительство продвинется достаточно далеко. Положеніе—въ виду жертвъ и страданій, какія пришлось бы перенести въ этомъ случаѣ странѣ—представлялось мнѣ очень тяжелымъ, но въ окончательномъ счетѣ отнюдь не безнадежнымъ. Теперь перспективы въ значительной мѣрѣ уже прояснились.

Впрочемъ, о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ имѣть указы о надѣльныхъ земляхъ, съ достаточною опредѣленностью говорить сейчасъ я не рѣшился бы. Какъ тогда, такъ и теперь я думаю, что значеніе этихъ актовъ опредѣлится, главнымъ образомъ, срокомъ, въ теченіе котораго они будутъ дѣйствовать. На совѣсть второй Думы, которая не успѣла—правильнѣе, можетъ быть, будетъ сказать: не посмѣла—пріостановить дѣйствіе указовъ 9 и 15 ноября, хотя и имѣла къ этому возможность, ляжетъ, быть можетъ, тяжелый укоръ. Не рѣшаясь теперь же съ достаточною опредѣленностью говорить о возможныхъ послѣдствіяхъ названныхъ указовъ, я долженъ всетаки сказать, что крестьянская масса проявила въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ гораздо больше сознательности и солидарности, чѣмъ на это можно было даже разсчитывать.

Результаты другихъ аграрныхъ мѣропріятій правительства представляются несравненно болѣе опредѣлившимися. На первый взглядъ можетъ показаться, что, пользуясь вторымъ междудумьемъ, оно дѣятельно продолжаетъ осуществлять свой аграрный планъ во всемъ его объемѣ. Чуть не ежедневно появляются въ газетахъ—впрочемъ, не всѣ уже газеты ихъ печатаютъ—сообщенія «Освѣдомительнаго Бюро» и другихъ столь же почтенныхъ оффиціозовъ, долженствующія засвидѣтельствовать энергію, какую проявляетъ въ этомъ дѣлѣ правительство. Можетъ даже показаться, что ради этого именно, т. е. чтобы безъ помѣхи и на досугѣ возможно дальше продвинуть свой земельный планъ, оно и распустило вторую Думу. Изъ всѣхъ вѣдомствъ главное управленіе землеустройства и земледѣлія, кажется, одно только и работаетъ. Но, если вы ближе присмотритесь къ этой кипучей дѣятельности, то легко убѣдитесь, что въ однихъ случаяхъ это топтанье на мѣстѣ, въ другихъ же—полная остановка и даже отступленіе.

Раньше всѣхъ сорвалась затѣя съ переселеніемъ, хотя правительство предприняло ее позже другихъ. Уже зимою, а можетъ быть, и раннею весною *) по деревнямъ были расклеены громадные плакаты: «Свободное переселеніе на казенныя земля». Какія послѣдствія должны были получиться, предвидѣть было, конечно, не трудно. Хотя правительство въ этихъ плакатахъ какъ бы предостерегало крестьянъ о трудностяхъ переселенія, но въ дѣйствительности они должны были произвести впечатлѣніе вызова съ его

*) Въ столичной прессѣ впервые это извѣстіе появилось въ половинѣ апрѣля (въ № 1 газеты „Земля и Право").

стороны желающихъ переселиться. И разсужденія о «трудностяхъ» сводились въ конечномъ счетѣ къ центральному пункту: на переселенія нужны деньги, но вѣдь крестьяне легко могутъ получить ихъ, продавъ и заложивъ свои надѣльныя земли. Такимъ образомъ, кромѣ непосредственной цѣли—соблазнить крестьянъ мечтою о вольныхъ земляхъ и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе отъ помѣщичьихъ,—въ данномъ случаѣ имѣлась и другая, для правительства, быть можетъ, не менѣе важная, а именно вызвать усиленную мобилизацію надѣльной земли и такимъ путемъ сразу привести въ дѣйствіе указы 9 и 15 ноября, слишкомъ медленно прокладывавшіе себѣ дорогу въ жизни. Имѣющіяся косвенныя указанія заставляютъ думать, что эта послѣдняя цѣль осталась не достигнутой: крестьяне, повидимому, оказались болѣе осмотрительными, чѣмъ разсчитывало правительство, и не рѣшаются окончательно порывать свои связи съ родиной. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ сказалась и другая причина: увлеченнымъ мечтою о вольныхъ земляхъ было не до того, чтобы тратить время и энергію на введеніе пресловутыхъ указовъ въ дѣйствіе. Но за то первая цѣль была вполнѣ достигнута: увлеченныхъ мечтою,—какъ выяснилось потомъ, для большинства несбыточною—оказалось гораздо больше, чѣмъ, быть можетъ, разсчитывало правительство.

1 апрѣля въ «Общественномъ Дѣлѣ» появилась статья Ор. Шкапскаго, который обращалъ вниманіе на небывалое по своимъ размѣрамъ переселенческое движеніе и предостерегалъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, какими это можетъ сказаться при недостаткѣ заготовленныхъ для водворенія переселенцевъ участковъ въ Сибири. Послѣ того тревожныя извѣстія начали появляться все въ большемъ и большемъ количествѣ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что до 1 мая черезъ Челябинскъ прошло около 200.000 ходоковъ и переселенцевъ. Выяснилось, что за годъ цифра ихъ можетъ достигнуть 400.000, быть можетъ, даже больше. Между тѣмъ въ Сибири, степныхъ областяхъ и на Дальнемъ Востокѣ на 1 января 1907 г. имѣлось заготовленныхъ переселенческихъ участковъ только на 160.115 душъ. Начали появляться свѣдѣнія о скопленіяхъ переселенцевъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія терпятъ они, и о тѣхъ осложненіяхъ, какія начинаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со старожилами. Вопросъ былъ перенесенъ на думскую трибуну, подняла шумъ печать и даже администрація нѣкоторыхъ мѣстностей (напр., енисейскій губернаторъ) сочла нужнымъ сдѣлать съ своей стороны представленія, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ хорошо.

Тогда то и запестрѣли въ газетахъ оффиціозныя сообщенія, все болѣе успокоительнаго свойства, а именно, что газеты преувеличиваютъ, что скопленія переселенцевъ, если и были, то случайныя, что работы по отводу участковъ ведутся очень энергично и что вообще правительство съ дѣломъ справится. Останавливаться на всѣхъ этихъ сообщеніяхъ я не имѣю возможности. Достаточно

будетъ отмѣтить, что правительству пришлось, въ концѣ концовъ, принять экстренныя мѣры, чтобы пріостановить вызванное его собственной агитаціей движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать значительныя, совершенно не предусмотрѣнныя имъ, денежныя ассигнованія.

Для характеристики безвыходнаго положенія, въ какомъ очутилось правительство, приведу данныя одного изъ послѣднихъ «сообщеній» относительно переселенческаго дѣла въ Приамурской области. «Выработанный, въ предѣлахъ смѣтныхъ ассигнованій, планъ землеотводныхъ работъ въ этой области былъ разсчитанъ на водвореніе въ ней не болѣе 12.000 душъ». «Между тѣмъ движеніе въ область переселенцевъ, уже получившихъ ходаческія или проходныя свидѣтельства, продолжается и понынѣ, и надо ожидать, что къ концу года количество переселившихся сюда окажется болѣе 60.000 душъ». Уже въ началѣ іюня было рѣшено усилить землеотводныя работы и, кромѣ того, отвести подъ переселеніе 180.000 дес. изъ «территоріи Уссурійскаго казачьяго войска». Однако, и за всѣмъ тѣмъ число душевыхъ долей оказалось возможнымъ довести такимъ путемъ лишь до 26.000. «Во избѣжаніе возможности обратнаго движенія изъ названнаго края не удовлетворенныхъ землею семей и въ виду настоятельной необходимости прочнаго водворенія новоселовъ въ этой области, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ вошелъ нынѣ въ совѣтъ министровъ съ представленіемъ: 1) о порученіи приамурскому генералъ-губернатору отводить для устройства переселенцевъ, кои не могутъ быть въ текущемъ году водворены на переселенческихъ участкахъ, соотвѣтствующія, по усмотрѣнію его, земли изъ предназначеннаго для Уссурійскаго казачьяго войска земельнаго запаса, съ образованіемъ на нихъ переселенческихъ участковъ, и 2) объ ассигнованіи на веденіе переселенческаго дѣла въ Приамурскомъ раіонѣ въ текущемъ году 1.647.000 рублей, въ томъ числѣ 141.000 въ возмѣщеніе экстренныхъ расходовъ, произведенныхъ заимообразно изъ смѣтныхъ ассигнованій переселенческаго управленія текущаго года, и 1.506.000 на выдачу новоселамъ ссудъ на домообзаводство, въ размѣрѣ не менѣе 150 руб.» *).

Такимъ образомъ, не только заготовленной, но и вообще свободной земли, какъ оказалось, не имѣется. Приходится отводить земли, уже зачисленныя за мѣстнымъ населеніемъ,—въ данномъ, напримѣръ, случаѣ не только «территорію», но и «запасъ» уссурійскихъ казаковъ. Едва ли нужно пояснять, какія изъ этого могутъ проистечь послѣдствія. Съ другой стороны, разсчеты правительства оплатить расходы по осуществленію его аграрнаго плана надѣльными землями—въ данномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ—надо считать совершенно не оправдавшимися. Переселенцы оказались безъ денегъ, и приходится затрачивать большія деньги, хотя бы

*) Цитирую по „Руси“ отъ 18 іюля.

для того только, чтобы эта раззоренная толпа не нахлынула опять въ Европейскую Россію, изъ которой правительству удалось ее выжить. Но финансовыя дѣла не такъ обстоятъ блестяще, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ отнестись къ незбѣжнымъ, въ случаѣ продолженія переселенческаго движенія, многомилліоннымъ расходамъ. Такимъ-образомъ, если бы правительству и удалось найти въ Сибири землю, на которую оно могло бы достаточно твердо стать ногою, то несомнѣнно, что его другая нога неизбѣжно завязла бы при этомъ въ финансовой трясинѣ.

Въ такихъ условіяхъ возможенъ только одинъ выходъ—быстрое отступленіе, похожее на бѣгство. Въ совѣтъ министровъ уже внесено представленіе о томъ, чтобы выдачу ходаческихъ свидѣтельствъ туда-то и туда-то прекратить, отправку переселенцевъ въ такія-то мѣста не допускать и т. д. *). Такъ кончилась затѣя, распубликованная подъ именемъ «свободнаго переселенія на казенныя земли»...

Не лучше, пожалуй, обстоятъ дѣла и съ тѣми—быть можетъ, самыми важными—частями правительственнаго аграрнаго плана, осуществленіе которыхъ поручено крестьянскому банку и землестроительнымъ коммиссіямъ. Обнаружилось это до нѣкоторой степени случайно, благодаря неосмотрительности самого правительства. 16 іюня въ «Новомъ Времени» появилось обширное «сообщеніе», начинавшееся такой фразой: «Комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ призналъ необходимымъ, въ теченіе настоящаго полевого періода, ликвидировать весь земельный фондъ, въ количествѣ 10 милліоновъ десятинъ, состоящихъ изъ земель казенныхъ, удѣльныхъ и купленныхъ крестьянскимъ банкомъ». Въ этомъ чувствовалось желаніе произвести эффектъ: не думайте, что мы сидимъ безъ дѣла! мы такое дѣло еще до Думы сдѣлаемъ, что вы ахнете... И, дѣйствительно, всѣ вокругъ ахнули: одни пришли въ ужасъ, другіе—просто-на-просто расхохотались. Ликвидировать 10 милліоновъ десятинъ «въ теченіе полевого періода», т. е. въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ—да это очевидная нелѣпица или явное сумасшествіе. Оффиціозамъ пришлось объясняться... Оказалось, что въ дѣйствительности задумано нѣчто несравненно меньшее: дѣло касается «ликвидаціи сравнительно небольшой части 10-милліоннаго фонда, состоящей изъ земель, купленныхъ банкомъ и переданныхъ коммиссіямъ до 1 мая сего года (722.083 десятины)», и при томъ землеустроительнымъ коммиссіямъ предписано не самую ликвидацію произвести «въ теченіе полевого періода», а только спѣшно составить предположенія, въ какомъ порядкѣ она можетъ быть произведена. Пришлось далѣе опубликовать самый циркуляръ коммиссіямъ, сдѣлать рядъ другихъ сообщеній, вступить въ полемику съ независимой печатью и т. д. Въ концѣ концовъ выяснилось слѣдующее.

---

*) См. „Товарищъ", 10 іюля.

До 1 мая 1907 г. крестьянскимъ банкомъ было скуплено 2.022.365 десятинъ земли, за которыя было заплачено 215.401 т. р. *), но изъ этого было продано какъ самимъ банкомъ, такъ и черезъ землеустроительныя коммиссіи всего на всего 170.119 дес., т. е. меньше 10% **). Такимъ образомъ, правительственный планъ осуществлялся сравнительно быстро, поскольку дѣло касалось «скупки» и до нельзя медленно, поскольку рѣчь идетъ о «распродажѣ». Такая медленность въ ликвидаціи зависѣла отъ двухъ главныхъ причинъ. Во-первыхъ, крестьяне крайне сдержанно относились къ покупкѣ земель, предлагаемыхъ имъ банкомъ и коммиссіями, какъ потому, что надежда на иное рѣшеніе аграрнаго вопроса ими далеко еще не потеряна, такъ и потому, что цѣны, по которымъ предлагаются имъ земли, представляются непомѣрными. Во-вторыхъ, землеустроительныя коммиссіи оказались совершенно неспособными справиться съ порученнымъ имъ дѣломъ: какъ это и предусматривалось въ свое время, онѣ представляютъ изъ себя мертвыя учрежденія, вовсе не способныя развить необходимую въ данномъ случаѣ энергію. Было бы, можетъ быть, интересно привести характеристику ихъ, какую мы находимъ въ оглашенныхъ за послѣднее время оффиціальныхъ документахъ. Но для цѣли, которую я имѣю въ виду, достаточно сказать, что среди сторонниковъ правительственнаго аграрнаго плана слышатся сейчасъ прямо вопли по случаю неудачи, постигшей правительство съ землеустроительными коммиссіями. Крестьянская масса, разочарованная въ надеждахъ, какія она возлагала на Думу, начала становиться какъ будто податливѣе. Между тѣмъ коммиссіи, очевидно, не сумѣютъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ моментомъ. Отсюда и проистекаютъ эти телеграммы и циркуляры, которые спѣшно разсылаются теперь изъ центра.

Впрочемъ, дѣло не въ томъ только, чтобы воспользоваться моментомъ. Положеніе, въ какомъ оказалось правительство съ крестьянскимъ банкомъ и землеустроительными коммиссіями, представляется болѣе, чѣмъ малонадежнымъ; оно становится уже опаснымъ. За земли, какъ мы видѣли, заплачено уже болѣе 200 мил. р.; въ ближайшемъ будущемъ предстоятъ еще болѣе крупныя уплаты. По выпущеннымъ банкомъ закладнымъ свидѣтельствамъ и обязательствамъ, нужно платить проценты и притомъ не малые—5 и 6 съ номинальной суммы. Сроки нѣкоторымъ купонамъ уже истекли; нужно производить погашеніе 5 проц. свидѣтельствъ; не за го-

*) Разрѣшенной къ покупкѣ на это число земли было, несомнѣнно, гораздо больше, но не всѣ еще сдѣлки состоялись. На 1 іюля купленной банкомъ земли числилось 2.064,595 дес. на сумму 232,941 т. р., а было разрѣшено къ покупкѣ 4,413.182 дес. на сумму 489.330 т. р. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками майской цифры. Несомнѣнно, однако, что уже въ это время такой земли насчитывалось гораздо болѣе 4 мил. десятинъ.

**) См. „Товарищъ“, 17 іюля.

рами время, когда 6 проц. обязательства придется оплатить полностью. Между тѣмъ источниковъ для этого нѣтъ, крестьяне остаются все еще не «обвязанными»...

Купленныя банкомъ земли, оставаясь въ его управленіи, дали за прошлый годъ 1,36 проц. дохода; въ первые мѣсяцы текущаго года доходъ оказался равнымъ всего 0,15 проц. И это, конечно, вполнѣ понятно, независимо даже отъ того, какія свойства имѣетъ бюрократическое хозяйствованіе: помѣщики потому и поспѣшили сбыть земли, что извлекать изъ нихъ доходы стало черезчуръ трудно; банкъ же, съ своей стороны, не усомнился дать за эти земли такія цѣны, которыя и въ «благополучные» годы оправдать было бы невозможно. Такимъ образомъ, банкъ оказался лицомъ къ лицу съ несомнѣннымъ дефицитомъ, и этотъ дефицитъ, если банкъ будетъ продолжать свои операціи, будетъ расти все больше и больше.

Правительство, судя по намекамъ, какіе проскользнули въ оффиціозной «Россіи», повидимому, уже рѣшило пріостановить скупку земель. Во всякомъ случаѣ, бюллетени банка показываютъ, что она происходитъ сейчасъ медленнѣе, чѣмъ это было раньше. Съ 15 іюня по 1 іюля разрѣшено къ покупкѣ 77.883 десятинъ. Зимою нерѣдко въ одну недѣлю, а иногда и за одинъ день разрѣшеній давалось больше. Во всякомъ случаѣ, ликвидація, съ которой такъ заторопилось правительство, объясняется не столько открывшеюся для него возможностью ускорить осуществленіе своего плана и не столько, быть можетъ, желаніемъ произвести достаточно сильное впечатлѣніе на крестьянскую массу, сколько необходимостью для банка такъ или иначе избѣжать краха.

«Россія» утверждаетъ, что скупка земель, будучи даже пріостановлена, очень скоро возобновится. По мѣрѣ того, какъ банкъ будетъ распродавать имѣющіяся земли, онъ будетъ скупать новыя. Едва ли, однако, эти разсчеты можно считать вполнѣ надежными. Для достаточно быстрой ликвидаціи недостаточно желанія и той спѣшки, какую будетъ проявлять главное управленіе землеустройства: для этого необходимо, чтобы крестьянская масса ходко пошла на приманку, да и органы на мѣстахъ нужно имѣть болѣе надежные.

Допустимъ, однако, что банкъ, хотя и съ перерывами, будетъ продолжать дѣятельность въ намѣченномъ для него направленіи. Едва ли и въ этомъ случаѣ правительственный планъ можно считать гарантированнымъ. Не говоря уже о томъ, что выполненіе его до нельзя замедлится, не трудно предвидѣть, какъ я думаю, и полное его крушеніе.

Какъ оказывается, единственная льгота, какую банкъ въ состояніи предложить сейчасъ крестьянамъ, заключается въ томъ, что онъ будетъ причислять къ капитальной стоимости имѣній и, стало быть, переводить на покупщиковъ убытки, которые онъ по-

терпитъ. Едва ли эта льгота покажется достаточно заманчивой... Во всякомъ случаѣ, цѣны, по которымъ крестьяне могутъ пріобрѣсти земли, столь вздуты и связанные съ ними послѣдующіе платежи окажутся столь тяжелы, что увлеченіе банкомъ, если бы такое и явилось въ крестьянской средѣ подъ вліяніемъ пережитыхъ ею разочарованій, долго продолжаться не можетъ. Правительство вправѣ было бы разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ своего плана, если бы, воспользовавшись благопріятнымъ психологическимъ моментомъ, могло осуществить его очень быстро и такимъ путемъ уловило бы въ свою сѣть главную массу покупщиковъ сразу. При медленномъ же осуществленіи, этотъ планъ будетъ скомпрометированъ раньше, чѣмъ сѣть будетъ достаточно широко раскинута.

И я думаю, что читатели согласятся со мною, если, считаясь съ тѣмъ, что уже вскрылось и что въ настоящее время можно предвидѣть, я скажу, что результаты междудумскаго творчества окажутся въ конечномъ счетѣ столь же непрочными, какъ и додумскаго. Претворить находящуюся въ ея власти матерію реакція окажется такъ же не способна, какъ была не способна сохранить созданныя ею самою формы.

Въ послѣднее время для характеристики положенія, въ какомъ оказались участники освободительнаго движенія, не рѣдко прибѣгаютъ къ образу, заимствованному изъ «Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ». Совсѣмъ было мы вошли въ чертогъ свободы,—и вотъ теперь опять оказались въ своей ветхой землянкѣ и вновь передъ нами то же самое разбитое корыто.

Чтобы оріентироваться, мы вглядѣлись прежде всего въ сторону тѣхъ, которые вернули насъ въ «первобытное состояніе» и даже загнали дальше. Можно было бы думать, что они то и пируютъ теперь въ своихъ чертогахъ. Оказалось, однако, что передъ ними стоитъ... то же разбитое корыто.

Не напрасно ворчитъ Суворинъ, что «правительство сидитъ у моря и ждетъ погоды»... Едва ли дождется...

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ—1 іюля 1857 года — раздался звукъ «Колокола». Это былъ первый органъ русскаго свободнаго слова. Оно раздалось на чужбинѣ, но было настолько звучно, что доносилось до насъ изъ-за моря и долетало до самыхъ отдаленныхъ уголковъ Сибири. Нужно слышать разсказы стариковъ, переживпшихъ то время, чтобы ясно представить себѣ, какую роль сыгралъ «Колоколъ» въ дѣлѣ пробужденія Россіи.

«Vivos voco»—писалъ Герценъ. «Живыхъ зову»—и онъ могъ

еще питать иллюзію, что среди этихъ живыхъ окажется правительство.

«На нашихъ глазахъ—писалъ онъ—переродился Піемонтъ. Въ концѣ 1847 года управленіе его было іезуитское и инквизиторское... Прошло десять лѣтъ и Піемонтъ нельзя узнать, физіономія городовъ, народонаселенія измѣнилась, вездѣ новая, удвоенная жизнь, открытый видъ, дѣятельность; а вѣдь эта революція была безъ малѣйшихъ толчковъ, для этой перемѣны достаточно было одной *несчастной войны и ряда уступокъ общественному мнѣнію* со стороны правительства».

«Въ то время, какъ Франція съ 1789 г. шла огнедышащимъ путемъ катаклизмовъ и потрясеній, двигаясь впередъ, отступая назадъ, метаясь въ судорожныхъ кризисахъ и кровавыхъ реакціяхъ, Англія совершала свои огромныя перемѣны и дома, и въ Ирландіи, и въ колоніяхъ, съ обычнымъ флегматическимъ покоемъ и въ совершенной тишинѣ. Весь правительственный тактъ торіевъ и виговъ состоитъ въ умѣньи упираться, пока можно, и уступать, когда время пришло»...

Да, разными путями шла и идетъ исторія. Теперь и въ Россіи ея путь опредѣлился. Правительство не проснулось,—и мы знаемъ уже, что оно не проснется. Живыхъ въ его станѣ нѣтъ...

Но не напрасно звучалъ «Колоколъ» Герцена. Не напрасно возвышали голосъ всѣ, жившіе раньше и позже его, которые звали Россію къ свѣту, правдѣ и свободѣ. Правительство оказалось мертвымъ, но народъ проснулся. Почти вся уже страна встала. Живыхъ силъ въ ней оказалось много. А «живые—повторимъ перифразъ Герцена—ходятъ быстро»...

Пусть мы долго стояли на мѣстѣ, пусть и сейчасъ мы назадъ отброшены... Идеалы слишкомъ ярко свѣтятся передъ нами, чтобы мы могли остановиться... Идя прямо къ нимъ, даже въ эту темную ночь, мы не заблудимся.

Спасибо свободной мысли, которая освѣтила ихъ передъ нами; спасибо свободному слову и всѣмъ тѣмъ, кто какъ Герценъ, будилъ насъ этимъ колоколомъ.

А. Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

Сѣверные сборники издательства «Шиповникъ». Книга первая. Спб. 1907. Стр. 327. Ц. 1 р.

Не вполнѣ ясно, что предполагается дать русскимъ читателямъ подъ этимъ нѣсколько неопредѣленнымъ заглавіемъ. Оно нуждалось бы въ объяснительномъ предисловіи, которое указало бы цѣль и предполагаемое содержаніе сборниковъ.

Судя по «первой книгѣ», издательство собирается посредствомъ этихъ сборниковъ знакомить читателей съ представителями скандинавскихъ литературъ: цѣль почтенная и достойная всякаго поощренія. «Сѣверныя» литературы имѣютъ содержательную исторію, живыми нитями сросшуюся съ современностью. За послѣдніе полвѣка онѣ выдвинули рядъ первоклассныхъ писателей, у которыхъ многому научилась европейская литература и, что еще важнѣе, средняя европейкая мысль. Изъ этихъ писателей одни—какъ Андерсенъ или Ибсенъ—пользуются у насъ чрезвычайно широкой извѣстностью, другіе—какъ, напримѣръ, оказавшій громадное вліяніе на нѣмцевъ, Енсъ Петеръ Якобсенъ—почти совершенно неизвѣстны. Познакомить нашихъ читателей съ именами, сокровищами и путями этихъ литературъ въ извѣстной системѣ очень полезно, но именно этой системы не чувствуется въ первомъ изъ «Сѣверныхъ сборниковъ». Между тѣмъ въ послѣдовательности все дѣло; если сборники будутъ случайнымъ собраніемъ случайныхъ матеріаловъ, то изъ нихъ ничего не выйдетъ: ихъ, пожалуй, будутъ читать, но не станутъ перечитывать. Выйдетъ такая книжка, мило изданная, съ громкими именами и хорошими разсказами—ее раскупятъ, прочитаютъ лѣтомъ, разрѣзывая пальцами, но никакого устойчиваго представленія о «сѣверныхъ» литературахъ изъ этого не произойдетъ. Просто къ грудѣ разнообразныхъ альманаховъ въ стилизованныхъ обложкахъ прибавится еще одинъ или нѣсколько—и больше ничего. Даже въ заглавіи есть эта неопредѣленность случайнаго; когда нѣмецъ говоритъ «nordische Litteratur», мы знаемъ, что этимъ названіемъ обнимаютъ произведенія датскихъ, шведскихъ и норвежскихъ писателей—пожалуй, еще исландскихъ и финскихъ. Но что войдетъ въ «сѣверные сборники»—неизвѣстно: можетъ быть, что-нибудь шотландское или голландское соблазнитъ составителей, и оно появится въ сборникѣ; бѣда кажется небольшой, — но это отсутствіе самоограниченія есть отсутствіе творчества.

Первая книга «Сборниковъ» посвящена избраннымъ произведеніямъ трехъ писателей: Е. Н. Якобсена, Германа Банга и Сельмы

Лагерлефъ; приписанный въ текстѣ послѣдней разсказъ Стриндберга, очевидно, попалъ въ сборникъ по недосмотру. Разсказамъ предпосланы переводныя статейки разнаго содержанія и разной цѣнности; изъ нихъ достойно упоминанія только милое и содержательное предисловіе самого Герм. Банга, написанное имъ спеціально для русскаго изданія. Вмѣсто автобіографіи, которую желало получить отъ него издательство, умный датскій писатель легко и красиво разсказалъ о тѣхъ иноземныхъ литературныхъ впечатлѣніяхъ, чрезъ которыя прошло его творчество. «Забуду ли я когда-нибудь тѣ часы, тѣ дни и глубокія ночи, когда я до разсвѣта читалъ въ первый разъ Достоевскаго? Это было откровеніе, это было зрѣлище цѣлаго народа, обширнаго, какъ міръ, это былъ взглядъ, брошенный прямо въ души, взглядъ *столь глубокій, что каждая душа превращалась въ міры.* Мнѣ кажется, только съ этого времени и научился я познавать Россію. Правда, Тургеневъ еще задолго до этого уже былъ мнѣ близокъ и дорогъ. Но развѣ не вѣрно то, что *мелодія* его чудныхъ твореній, по существу чисто славянская, однако же, *звучитъ* эта мелодія, какъ звучалъ въ сумеречный часъ эраровскій рояль г-жи Віардо, которую его любовь и геніальность сдѣлали безсмертной?» Еще выше цѣнитъ датскій писатель Гоголя—и подходитъ съ уваженіемъ къ читателю, воспитанному этой великой литературой. «Все, что можно почерпнуть въ моихъ книгахъ, есть лишь вѣсть изъ маленькой страны, ограниченной и затерянной въ этомъ мірѣ. Только одно слѣдуетъ понять далекой и обширной Россіи: что и я—по силѣ возможности—писалъ подъ тѣмъ же знаменемъ, которое развѣвается и сверкаетъ надъ всей русской литературой—подъ священнымъ знаменемъ любви къ своей родинѣ».

На фонѣ этихъ заявленій нѣсколько оригинально выдѣляются въ сборникѣ два большихъ разсказа Банга, къ Даніи не имѣющихъ ровно никакого отношенія. Въ общемъ, однако, выборъ произведеній для сборника сдѣланъ недурно,—что не всегда можно сказать о переводахъ. Они принадлежатъ людямъ съ литературными именами, и къ нимъ можно предъявлять повышенныя требованія. Если бы мы отказались отъ этой мѣрки, то нашъ отзывъ былъ бы сплошной похвалой, отъ чего едва ли выиграли бы слѣдующіе выпуски интересныхъ «Сѣверныхъ сборниковъ».

Ссыльнымъ и заключеннымъ Спб. 1907. Ц. 1 р.

Терновый вѣнокъ на обложкѣ и краткое выразительное заглавіе указываютъ читателю, кому онъ принесетъ помощь, купивъ эту недорогую, но красиво изданную книгу. Всѣмъ извѣстно, какими страшными репрессіями успѣлъ сказаться въ жизни актъ 17 октября о дарованныхъ русскому народу «свободахъ»: мѣста ссылки и тюрьмы буквально переполнены политическими аре-

стантами... По признанію даже оффиціальной статистики, количество жертвъ нашей внутренней политики за послѣдніе $1\frac{1}{2}$ года возрасло до небывалыхъ размѣровъ (революціонное движеніе захватило всѣ слои народа, всѣ состоянія и даже возрасты), страданія и нужду ихъ слѣдуетъ признать безмѣрно-огромными... Долгъ прогрессивной и сознательной части общества, безъ различія политическихъ оттѣнковъ, — придти на помощь своимъ несчастнымъ собратьямъ.

Настоящему сборнику, вѣрнѣе—редакціи его, слѣдуетъ поставить одинъ упрекъ въ литературномъ отношеніи: разъ было признано возможнымъ принимать вещи, уже напечатанныя раньше въ другихъ изданіяхъ (и если мы не ошибаемся, большинство помѣщенныхъ въ сборникѣ разсказовъ представляетъ перепечатку), то слѣдовало дать широкую огласку такому допущенію; тогда въ сборникѣ, навѣрное, приняли бы участіе многіе современные беллетристы и поэты, отсутствіе которыхъ кажется теперь непонятнымъ и страннымъ.

Противъ самаго факта перепечатки мы лично ничего не имѣемъ. Литературное издательство за послѣднее время до того расширилось, появилась такая масса всевозможныхъ новыхъ (подчасъ эфемерныхъ) журналовъ, что средній читатель лишенъ возможности слѣдить за всѣми ими,—и многіе ли, напр., прочли уже появившійся гдѣ-то раньше превосходный разсказъ г. Андреева «Елеазаръ»?

Этотъ разсказъ (фантастическое продолженіе евангельской легенды о воскрешеніи Лазаря), отличающійся всѣми достоинствами и недостатками Леонида Андреева,—является, на нашъ взглядъ, наиболѣе выдающейся вещью настоящаго сборника. Но хороши также разсказы гг. Куприна, Вересаева, Муйжеля, Чирикова. Съ интересомъ читаются и гг. Арцыбашевъ, Серафимовичъ, Танъ, Юшкевичъ, Тимковскій и пр.

Мы горячо призываемъ читателей поддержать хорошее дѣло.

Ник. Поярковъ. Поэты нашихъ дней. Критическіе этюды. Москва 1907. Стр. 151. Ц. 1 р.

Это не полный обзоръ современной русской жизни, это скорѣе собраніе панегириковъ декадентскимъ нотаблямъ съ присовокупленіемъ менѣе восторженныхъ замѣчаній о поэтахъ, менѣе славныхъ. Самъ авторъ видитъ въ своей книгѣ «бѣглый конспектъ, въ которомъ можно найти общія замѣчанія о наиболѣе интересныхъ представителяхъ современной русской поэзіи». Нельзя признать этотъ конспектъ исчерпывающимъ; авторъ ссылается на «чисто случайныя причины», по которымъ онъ «не успѣлъ написать отдѣльныя характеристики нѣкоторыхъ поэтовъ (Н. Минскаго, П. Я., Allegro, А. М. Ѳедорова)». Но къ этому случайному не-

речню авторъ спѣшитъ добавить, что «о многихъ такъ называемыхъ поэтахъ не писалъ, потому что поэтами ихъ не считаетъ». Таковы для него А. Коринфскій, Танъ, Ратгаузъ, Лукьяновъ, Скиталецъ и т. д. Можно позавидовать г. Пояркову, критическіе вѣсы котораго такъ чувствительны, что отличаютъ Рафаловича отъ Ратгауза, помѣщая одного ошую, другого одесную. Для этого нѣтъ—да г. Поярковъ ихъ и не приводитъ,—ровно никакихъ основаній, и чирикающій парнасецъ Ратгаузъ по микроскопическимъ размѣрамъ дарованія совершенно сходенъ съ умничающимъ снобомъ поэзіи Рафаловичемъ. Эта тонкость различенія тѣмъ болѣе удивительна, что въ восхваленіяхъ призванныхъ г. Поярковъ совершенно не знаетъ мѣры и положительно оглушаетъ читателя бурей панегирическихъ восклицаній; иногда кажется, что если бы онъ болѣе спокойно отнесся къ могучему генію Валерія Брюсова, то кой-что перепало бы и на долю бѣднаго Скитальца, который, право же, стоитъ Виктора Гофмана.

«Я никогда не откажусь отъ своихъ словъ»—какъ гордо звучитъ этотъ клятвенный символъ вѣры!—«я никогда не откажусь отъ своихъ словъ, что «Urbi et Orbi» одна изъ совершеннѣйшихъ книгъ поэзіи. Она едина, мудра, цѣльна и прекрасна. Эту книгу можно перечитывать много разъ, всегда находя новыя красоты, новые горизонты для мысли. Почти всѣ стихотворенія въ «Urbi et Orbi» равноцѣнны—здѣсь нѣтъ лучшихъ стихотвореній, и если цитировать, то надо чуть не всю книгу. Любителей поэзіи я отсылаю къ ней. Въ книгѣ около ста стихотвореній и около сорока размѣровъ. Какое разнообразіе и красота! Брюсовъ ввелъ въ русскую рѣчь такъ называемый вольный размѣръ—vers libre. И какъ умѣло дѣлаетъ это онъ, мало уступая геніальному Верхарну». Таковъ Брюсовъ. Андрей Бѣлый «съ безразсудной щедростью богача бросилъ въ море русской поэзіи пригоршни бриллiантовъ и алмазовъ—новые размѣры, изысканные и музыкальные, новыя рифмы, неожиданныя и звонкія». Словомъ, «таланты большинства вождей русскаго символизма обозначились, можно измѣрять ихъ удѣльный вѣсъ. Гигантски развился талантъ Брюсова. Новую сильную струю въ поэзію внесли мистики А. Бѣлый и Блокъ и жрецъ, пророкъ Діониса, эллинъ-славянинъ Вяч. Ивановъ». Послѣдняго г. Поярковъ называетъ труднымъ поэтомъ; «для того, чтобы понимать нѣкоторыя стихотворенія Вяч. Иванова, необходимо усвоить его довольно большой словарь; преодолѣйте эту трудность, пусть вашъ духъ сдѣлаетъ нѣкоторое восхожденіе, и тогда, за извилинами и зубцами горныхъ кряжей, откроются новыя красоты». Восторженный хвалитель приводитъ примѣры этихъ возвышенныхъ зубцовъ—рѣдкихъ словъ, «таящихъ въ себѣ зерно истинной красоты». Таковы «виръ волнъ», «мрѣть», «отронутый», «сулица», «бѣловѣйная волжба», «удоліи», «возвѣянныя ноги» и т. д. Это «зерно истинной красоты», таящееся въ «возвѣянныхъ ногахъ»

великолѣпно. Г. Поярковъ рѣшается утверждать, что «странствованія вдали отъ родины не помѣшали Вяч. Иванову, вернувшись домой, обогатить словарь русской поэзіи многими новыми словами или ввести въ употребленіе давно забытыя слова, давно умершихъ поэтовъ». Это, конечно, пустяки. Ничего Вяч. Ивановъ въ русскую поэзію не ввелъ, ибо всѣ эти «волжбы» и «удоліи» благополучно остались въ предѣлахъ его прозаической риторики. Достойны долгой памяти развѣ лишь «возвѣянныя ноги» — для дружественнаго чертобѣсія въ парѣ съ достославными блѣдными ногами г. Валерія Брюсова. Впрочемъ, г. Поярковъ надѣется. «Можно быстро привыкнуть къ малознакомымъ рѣдкимъ славянскимъ словамъ, звучащимъ такъ торжественно и гулко, можно горячо полюбить эти, на первый разъ странные, обороты рѣчи—въ нихъ есть своя красота, а за ними скрывается мощный духъ»...

И не только къ могучимъ главарямъ, но и къ мелкимъ недоноскамъ декадентскаго стихотворенія г. Поярковъ относится съ вниманіемъ, въ которомъ сурово отказываетъ другимъ. Ив. Коневскому, который оставилъ «только замыслы, оригинальные и смѣлые» (о, конечно), Миропольскому, который «совершенно не поэтъ», но «интересенъ какъ піонеръ и дѣятельный участникъ новаго теченія», посвящены отдѣльные очерки, изъ которыхъ, однако, мало узнаешь о литературномъ обликѣ сихъ, благополучно забытыхъ. Индивидуальныя характеристики вообще не по силамъ г. Пояркова; слабъ онъ и тамъ, гдѣ начинаетъ теоретизировать, желая подвести научный фундаментъ подъ колеблющіяся достоинства своихъ поэтовъ. И разговоры, напримѣръ, о томъ, что поэтомъ Алекс. Добролюбовымъ «создано было особое творчество—не художественное и не научное, а составленное изъ отраженій и тѣней» или объ «искусствѣ чистаго слова» А. Бѣлаго—сплошные пустяки.

Если мы всетаки говоримъ о книгѣ г. Пояркова, то это потому, что онъ заслуживалъ бы лучшей доли, чѣмъ это однообразное восхваленіе небольшой и незначительной группы лириковъ. У него всетаки есть вкусъ, есть иногда свое мнѣніе; иногда онъ бросаетъ удачное словечко, обличающее человѣка, который любитъ и чувствуетъ поэзію. Онъ можетъ даже остаться прилежнымъ критикомъ «школы»,—но пусть будетъ ея критикомъ, а не барабаномъ.

Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ подъ редакціей М. О. Гершензона. Москва, 1906.

Эдуардъ Мейеръ принадлежитъ къ крупнѣйшимъ авторитетамъ не только въ области древней исторіи вообще, но и въ частности—исторіи экономической. Еще у всѣхъ въ памяти тотъ «великій споръ» относительно существованія въ античное время капитализма, который раздѣлилъ всю соціально-историческую науку на два лагеря. Съ одной стороны, здѣсь былъ не менѣе знаменитый, чѣмъ

Э. Мейеръ, Карлъ Бюхеръ, который продолжалъ теорію Родбертуса, и старался углубить и расширить его ученіе о натуральномъ хозяйствѣ древней семьи—«ойкоса», на другой—разсматриваемый нами авторъ, мнѣніе котораго сдѣлалось до извѣстной степени господствующимъ въ наукѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ была принята и теорія античнаго капитализма. Предлагаемая брошюра—переводъ одной изъ статей Э. Мейера, появившейся, если не ошибаемся, въ 1895 г.—посвящена цѣликомъ тому-же интересному вопросу и представляетъ собой очень полное и обстоятельное, несмотря на всю краткость, изложеніе доводовъ въ пользу существованія древняго «капитализма». Какъ извѣстно, споръ между Бюхеромъ и Мейеромъ, придавшій, кстати сказать, брошюрѣ послѣдняго сильный полемическій оттѣнокъ, въ настоящее время потерялъ свою остроту. И многое изъ того, что раньше являлось только доводомъ въ пользу одной теоріи опредѣленной школы, стало достояніемъ всей науки. Это въ особенности можно сказать о цѣломъ рядѣ положеній Э. Мейера. Даже послѣдователи Родбертуса-Бюхера—назовемъ изъ ихъ числа хотя бы новѣйшаго, Сальвіоли—дожны были принять цѣлый рядъ положеній Мейера. Таковы, напримѣръ, положенія о наличности въ древности широко распространеннаго института свободнаго наемнаго труда, о сравнительной слабости рабства, о мнимомъ «благоденствіи гражданъ античныхъ государствъ» и т. п. Съ однимъ, однако, у Мейера никакъ нельзя согласиться, въ особенности послѣ ряда новѣйшихъ изслѣдованій по экономической исторіи Европы. Это съ его, — въ значительно степени фаталистической,—теоріей соціальнаго круговорота, который формулируется слѣдующимъ образомъ: «культура, достигшая высшей степени развитія, разлагается изнутри и снова уступаетъ мѣсто варварству». Такимъ образомъ, главнымъ факторомъ въ «огромной катастрофѣ крушенія античнаго государства» является не что иное, какъ самый «ростъ и всеобщее распространеніе античной культуры, приводящіе ее къ упадку.» «И на этомъ примѣрѣ» будто бы «подтверждается» тотъ «эмпирическій законъ», который гласитъ: «Чѣмъ шире культура, тѣмъ она ниже. Духовная культура изсякаетъ, потому что ей больше не ставится никакихъ задачъ... Чѣмъ больше распространяется общее образованіе, тѣмъ скуднѣе становится его содержаніе»... «Оборотной стороной этого процесса «въ политической и военной сферѣ» является переходъ «руководящаго вліянія» «отъ образованныхъ классовъ къ массѣ», такъ что и здѣсь «какъ разъ совершенство культурнаго государства ведетъ къ его гибели»... Противъ этой теоріи, конечно, можно возразить очень многое... И прежде всего—исходя изъ постояннаго прогресса нашей «культуры», которая достигла уже, казалось бы, порядочнаго-таки «совершенства», однако-же погибать не изъявляетъ ни малѣйшаго намѣренія... Намъ представляется болѣе раціональнымъ другое объясненіе гибели древняго міра, а именно то, которое ищетъ его причинъ въ полномъ несоотвѣтствіи

экономическихъ силъ крѣпостническо-хищническаго хозяйства, его политически отсталыхъ формъ, съ одной стороны, и новыхъ потребностей, поставленныхъ «міровой» ролью великихъ античныхъ державъ—съ другой. Ужъ потому теорія «круговорота» не можетъ быть принята, что античная «культура» даже послѣ своего крушенія далеко не вернулась въ первобытное состояніе. Среди варваровъ она продолжала жить...

Книжку Э. Мейера въ очень хорошемъ переводѣ подъ редакціей г. Гершензона можно рекомендовать всѣмъ, кто интересуется судьбами «проклятаго» капитализма.

Н. Кажановъ. Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. Эскизъ. Съ предисловіемъ проф. А. И. Скворцова. С.-Петербургъ. 1907. I—VIII, 1—130.

Юности свойственно дерзать. И г. Кажановъ знаетъ самъ, что его дерзновеніе велико. Онъ «сознаетъ—больше того—чувствуетъ всю громадность, сложность затронутого имъ вопроса», но онъ не можетъ удержаться и «пытается только на общемъ фонѣ соціально-хозяйственной эволюціи человѣчества нѣсколькими штрихами очертить контуры смѣнившихъ одна другую великихъ цивилизацій».—«Только»—это звучитъ гордо. И мы ожидаемъ, что нашъ авторъ дѣйствительно уразумѣлъ этотъ «фонъ» и не менѣе постигъ всѣ «великія цивилизаціи»...

Но дерзновенія у нашего автора несравненно больше разумѣнія. Для того, чтобы набросать свой всемірно-историческій эскизъ—дѣло вѣдь идетъ о человѣчествѣ—онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ беретъ случайно попавшіяся ему подъ руку соціологическія, соціально-историческія, даже юридическія монографіи и руководства (вплоть до блаженной памяти курса А. Я. Антоновича) и готовитъ изъ нихъ цѣлую кашу цитатъ въ видѣ малярнаго «инструмента» (Кстати замѣтить, цитаты всѣ почему-то указаны въ сочиненіяхъ подъ русскими заглавіями и безъ обозначенія страницъ). Затѣмъ, когда краски готовы, г. Кажановъ беретъ въ видѣ основного узора слѣдующее положеніе Спенсера: «Промышленная организація общества опредѣляется главнымъ образомъ его неорганическою и органическою средою; правительственная же организація опредѣляется главнымъ образомъ его надорганическою средою, т. е. дѣятельностями тѣхъ сосѣднихъ съ нимъ обществъ, съ которыми оно ведетъ борьбу за существованіе». Это положеніе и является основнымъ закономъ, который затѣмъ служитъ г. Кажанову для его «эскиза».

Вооружившись такимъ образомъ, нашъ ученый авторъ приступаетъ затѣмъ къ выполненію своего замысла. Однако уже на первыхъ порахъ ему измѣняетъ «человѣчество». Для зарисовки «контуровъ» предъ нимъ предстаютъ почему-то только «индійская, египет-

ская и римская» цивилизаціи. Эллинская культура проваливается неизвѣстно куда, да и самъ авторъ не очень тоскуетъ по этому поводу: «мы обходимъ греко-македонскую эру—говоритъ онъ по этому поводу,—потому что разсмотрѣніе ея очень усложнило бы нашу работу». Мы не можемъ въ этомъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ. При той легкости, съ которой онъ набросалъ «контуры» упомянутыхъ выше трехъ и въ придачу имъ еще и «другихъ цивилизацій», мы не думаемъ, чтобы такой пустякъ, какъ «греко-македонская» культура, могла бы остановить его размахъ: вѣдь сумѣлъ же онъ на двадцати съ небольшимъ страницахъ in octavo не только прохватить всѣ «другія цивилизаціи» и подвести ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю, но и построить попутно новую теорію народнаго представительства, которое, оказывается, есть не что иное, какъ развитіе «биржи» и при томъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. Такъ, «учрежденія», соотвѣтствующія «внутренней промышленно-мѣновой жизни страны», которыя разрослись вмѣстѣ съ нею «отъ общиннаго собранія до центральнаго, охватывающаго всю страну», соединились съ «учрежденіями», возникшими «на почвѣ внѣшнихъ торговыхъ сношеній государствъ» и прошедшими ходъ развитія—«отъ торговыхъ конторъ чрезъ биржи до центральныхъ представительныхъ учрежденій». Это очень хорошо. Но еще лучше, что парламенты существуютъ для цѣлей установленія «нѣкоторой взаимности всѣхъ индивидуальныхъ переживаній», «для непосредственнаго интуитивнаго пониманія людьми другъ друга», для «хозяйственнаго объединенія страны» этимъ путемъ «въ одно цѣлое»...

Но покинемъ нашего автора съ его головокружительнымъ эскизомъ и страшно-ученымъ языкомъ. Молодости многое простительно. И, быть можетъ, г. Кажановъ попытается впредь отнестись болѣе научно къ своему матеріалу и къ соціально-философскимъ задачамъ. Правда, проф. Скворцовъ и теперь свидѣтельствуетъ намъ, что молодой авторъ очень старался, и даже «не остановился передъ трудностью поѣздки въ Петербургъ ради пользованія Императорской Публичной Библіотекой». Это несомнѣнно очень похвально. Но было бы еще лучше, если бы, намѣтивъ, скажемъ, во введеніи, свою соціально-философскую систему, авторъ попробовалъ бы ее провѣрить не на всѣхъ цивилизаціяхъ, а на небольшомъ, но доступномъ ему уголкѣ одной изъ нихъ: и пріоритетъ открытія былъ бы сохраненъ—если только оно въ даномъ случаѣ вообще имѣется—и мы имѣли бы хоть небольшую, но цѣнную и доказательную монографію. А такъ не вышло ни того, ни другого.

Научный Театръ. Популярныя лекціи по естествознанію, исторіи и обществовѣдѣнію, подъ редакціей В. В. Битнера. **Проф. А. Г. Тимофеевъ. Государство и государственная власть.** Съ рисунками въ текстѣ и 12 раскрашенными картинами для волшебнаго фонаря. С.-Петербургъ. 1906. 1—41.

Г. Битнеръ, который обладаетъ счастливой способностью редактировать лекціи сразу по всѣмъ наукамъ—«по естествознанію, исторіи и обществовѣдѣнію»—пишетъ въ своемъ предисловіи къ брошюрѣ г. Тимофеева, «что настоящая лекція составлена очень живо и вполнѣ популярно». Конечно, мы не знаемъ, въ какой степени редакторскій карандашъ г. Битнера прошелся по лекціи проф. Тимофеева, однако то, что намъ предложено съ предисловіемъ всевѣдущаго редактора, дѣйствительно заслуживаетъ одобрительнаго отзыва. Г. Тимофеевъ въ общемъ справился удовлетворительно со своей задачей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ иллюстрируетъ свое юридическое изложеніе историческими примѣрами, его изложеніе положительно хорошо. Особенно ярко и выразительно очерчена у автора «Деспотія» и «Абсолютная монархія», между которыми онъ не находитъ принципіальнаго, существеннаго различія. Очень недурно подобраны здѣсь и нѣкоторыя иллюстраціи, отнюдь, однако, не раскрашенныя, какъ гласитъ объ этомъ пышная и многословная обложка. Недостаткомъ брошюры является нѣкоторая неровность изложенія. У автора какъ-то чередуются сухія, чисто-юридическія страницы, которыя содержатъ фактическія данныя законодательнаго матеріала, и живыя историческія картинки, характеризующія нѣкоторыя понятія и институты. Врядъ ли первыя будутъ запоминаться слушателями. Отсутствуетъ въ изложеніи вовсе какой бы то ни было намекъ на соціальную основу государства. Мы бы предпочли сокращеніе такихъ страницъ, какъ посвященныхъ личной и реальной уніи», на счетъ введенія въ текстъ необходимыхъ свѣдѣній о происхожденіи государства и его соціальныхъ факторахъ.

Проф. **Сеньобосъ и Мекензи Уоллесъ. Исторія Россіи въ XIX—XX столѣтіи.** Часть первая. Проф. Сеньобосъ. Россія въ XIX столѣтіи. Часть вторая. Мекензи Уоллесъ. Очеркъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи съ 60-тыхъ годовъ. Изданіе «Вѣстника Знанія». (В. В. Битнера). С.-Петербургъ, 1906 г. 1—114.

Редакторъ изданія г. Битнеръ, одинъ изъ тѣхъ, «кому силою обстоятельствъ приходится до нѣкоторой степени руководить, при выработкѣ міросозерцанія, многими, ищущими въ этомъ отношеніи содѣйствія», рѣшилъ воспользоваться одною главой изъ сочиненія Сеньобоса «Политическая исторія современной Европы» и нѣсколькими главами изъ «Россіи» Мекензи Уоллеса для того, чтобы дать своимъ кліентамъ по «выработкѣ міросозерцанія» обзоръ освободительнаго движенія». Врядъ-ли, однако, эта идея была особенно удачна. Начать съ того, что глава Сеньобоса представляетъ собой

не самостоятельный очеркъ, а именно только «главу», которая при всей своей сжатости и поверхности была хороша въ книгѣ, гдѣ она дополнялась и освѣжалась другими главами, хоть и посвященными другимъ темамъ, но трактующими объ общихъ всей Европѣ событіяхъ, здѣсь же, будучи вырвана изъ общей связи, представляетъ много пробѣловъ; укажемъ на главнѣйшій: въ исторіи Россіи XIX вѣка отсутствуетъ такое событіе громадной важности, какъ отечественная война... Редакція перевода также небезукоризненна. Такъ, если Сеньобосу позволительно не знать, на кого покушалась Вѣра Засуличъ, то г. Битнеру это уже не простительно, тѣмъ болѣе что у Сеньобоса она стрѣляетъ въ «министра полиціи», а у Мекензи въ слѣдующей второй части она же «попытается» (должно-быть «пытается») «убить петербургскаго градоначальника»... Недурно также выглядитъ П. Лавровъ въ качествѣ «апостола марксистскаго соціализма». И это опять-таки опровергается у Мекензи, у котораго совершенно правильно рожденіе русской соціалъ-демократіи связывается съ именемъ Плеханова и группой «Освобожденія Труда». И такихъ неточностей, ошибокъ и противорѣчій у г. Битнера не оберешься.

Еще менѣе удачной была попытка обрисовать русское «освободительное движеніе» по главѣ изъ Мекензи Уоллеса. Правда, у этого писателя нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ, какъ у перваго, но его тонъ и освѣщеніе, его полуироническія, полуснисходительныя характеристики нашихъ подвижниковъ и героевъ, его скептическій, чисто британскій взглядъ на ходъ и теченіе нашего революціоннаго движенія — все это положительно отталкиваетъ русскаго читателя отъ книжки и заставляетъ его полагать, что данное изданіе преслѣдуетъ спеціальную цѣль затемнить, умалить, обезцвѣтить свѣтлые образы нашей новѣйшей исторіи. Положимъ, Мекензи самъ характеризуетъ себя очень откровенно въ переведенной главѣ. Въ отличіе отъ тѣхъ благородныхъ демократовъ, швейцарцевъ, американцевъ и англичанъ, которые активно содѣйствовали водворенію у насъ правового строя,—вспомнимъ хотя бы Кристена, работавшаго на югѣ въ 70-тыхъ годахъ, — нашъ авторъ открыто признается, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ обязанность политическаго доноса, въ случаѣ, если бы онъ что-либо узналъ о готовящихся революціонныхъ актахъ. Это, конечно, простительно либералу англичанину, для котораго трагедія «хожденія въ народъ» была чуть ли не комическимъ фарсомъ чудаковъ-дикарей изъ среды русской невѣжественной интеллигенціи. Но какъ г. Битнеръ могъ безъ оговорокъ предложить для «выработки міросозерцанія» своимъ кліентамъ означенную главу,—рѣшительно недоумѣваемъ.

Оригинально также набраны и иллюстраціи, приложенныя къ тексту. Среди нихъ имѣются нѣкоторыя, о которыхъ въ самомъ текстѣ не имѣется ни единаго слова. Таковъ, напримѣръ, портретъ

лейтенанта Шмидта... Очевидно, г. Битнеръ забылъ его объяснить своимъ кліентамъ...

Мы можемъ только пожалѣть тѣхъ лицъ, которыя руководство по выработкѣ своего міросозерцанія довѣряютъ г. Битнеру. Судя по данному переводу Сеньобоса и Мекензи, онъ къ этому совершенно не подготовленъ.

К. Фроме. Монархія или республика. Культурно-историческіе очерки. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія. В. В. Задлера, (Библіотека „Просвѣщенія" 35). С.-Петербургъ. 1—497.

Книга г. Фроме имѣетъ цѣлью просвѣтить и укрѣпить «уроками исторической дѣйствительности» «демократическое чувство» и поднять его до уровня «демократическаго сознанія», обосновать «превосходство демократизма надъ монархизмомъ». Для этого онъ рѣшилъ «прослѣдить происхожденіе, развитіе, смѣну различныхъ фазъ и разложеніе монархическаго принципа»; использовать «необычайно богатую литературу, относящуюся къ этому вопросу», и создать работу, значеніе которой «должно было выразиться, главнымъ образомъ, въ собираніи и цѣлесообразной группировкѣ богатаго матеріала, а также въ его послѣдовательномъ и цѣлостномъ освѣщеніи». Авторъ, такимъ образомъ, не хотѣлъ «писать исторію монархіи», онъ «хотѣлъ только высказаться по поводу роли монархическаго принципа въ исторіи, изобразить въ главныхъ чертахъ его сущность, развитіе и историческое значеніе». И до извѣстной степени автору удалось это.

Книга г. Фроме представляетъ собой своеобразную политико-историческую энциклопедію по монархическому вопросу. Въ ней мы находимъ массу историческихъ данныхъ, рисующихъ проявленія монархизма во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, тутъ же сообщается въ короткихъ выдержкахъ почти необъятная литература по вопросу за и противъ монархическаго режима, при чемъ авторъ наравнѣ съ пространными цитатами изъ солидныхъ ученыхъ трудовъ не брезгаетъ и мнѣніями различныхъ журналистовъ и политическихъ дѣятелей, такъ назыв. государственныхъ людей. Въ его книгѣ собраны подчасъ даже очень мелкіе, но характерные факты, особенно типично рисующіе теорію и практику монархическаго режима. Со стороны своей энциклопедичности книга г. Фроме можетъ скорѣе заслуживать упрека въ излишней широтѣ, чѣмъ узости со стороны подбора матеріала. Съ этой стороны дѣйствительно работу Фроме можно смѣло рекомендовать всякому активному члену любой республиканской партіи: онъ найдетъ—хоть подчасъ и не безъ труда—среди изобильнаго матеріала нашего автора много подходящаго оружія для защиты республиканской идеи и критики монархическаго начала.

Приведемъ кстати въ качествѣ образца интересную цитату изъ

М. Нордау по поводу положенія народа въ мнимо-конституціонныхъ государствахъ. Здѣсь «роль шута играютъ народные представители и самъ народъ». Въ особенно скверномъ положеніи здѣсь оказываются несчастные либералы, которые никакъ не могутъ найтись среди лойяльности, съ одной стороны, и республиканизма—съ другой. «Эта дилемма является молотомъ и наковальней, между которыми монархическій либерализмъ растирается въ кашу, къ которой ни одна собака не пожелаетъ притронуться»... «Кулакъ, схватившій ихъ, припираетъ ихъ къ стѣнѣ такъ, что у нихъ захватываетъ духъ, и ихъ, какъ громомъ, поражаютъ слѣдующія ясныя слова: «Признаете ли вы, что король поставленъ Богомъ властвовать надъ вами? Да? Какъ же вы осмѣливаетесь въ такомъ случаѣ противиться ему и ссылаться на конституцію, которая является его подаркомъ и которую онъ можетъ взять обратно въ силу своего божественнаго авторитета точно такъ же, какъ онъ ее даровалъ?.. Или вы не признаете, что король получаетъ свои права непосредственно отъ Бога? Въ такомъ случаѣ вы—республиканцы. Середины тутъ быть не можетъ!»...

Будучи довольно эклектическимъ собраніемъ сырого матеріала, книга К. Фроме не лишена, однако, и существенныхъ недостатковъ. Однимъ изъ главныхъ является та случайная и произвольная система группировки матеріала, которая въ значительной степени затрудняетъ пользованіе имъ въ справочныхъ цѣляхъ. Послѣ короткой главы о происхожденіи монархіи—главы въ значительной степени не полной, такъ какъ соціальныя причины происхожденія монархіи здѣсь только затронуты, а само «происхожденіе» заканчивается появленіемъ средневѣковаго короля—слѣдуетъ большая глава о наслѣдственной монархіи, которая связываетъ въ довольно пестрое цѣлое и ученіе о «первородствѣ», и критику наслѣдственнаго правленія и понятіе «подданства» и «вѣрноподданства». Произвольность систематики здѣсь очевидна. Ибо обосновывать вѣрноподданство на понятіи одной лишь наслѣдственности власти совершенно не мыслимо. И самъ г. Фроме въ эту же главу вноситъ и принципъ «Божіей милости», что, однако, согласно его плану должно составить содержаніе особой главы. И мы думаемъ, что скорѣе «Божья милость» обосновываетъ «вѣрноподданство», чѣмъ что-либо другое. «Подданство» же можетъ имѣть и чисто публично-правовое обоснованіе. Слѣдующая глава о «божественномъ происхожденіи власти» также соединяетъ въ себѣ столь разнообразныя вещи, какъ религіозное ея освященіе и... цезаризмъ, имперіализмъ съ ихъ международнымъ обоснованіемъ, папская теократія и... опять-таки отношенія современнаго германскаго императора и папы. И это все подъ общимъ заглавіемъ о «божественномъ происхожденіи власти». Основа такой систематики положительно непостижима. Послѣ этого слѣдуютъ, въ силу столь же непонятной логики, «монархическія и антимонархическія теоріи XVI—XVII в.в.», затѣмъ ученіе

о тираноубійствѣ, завершаемое разборомъ убійства сербскаго короля Александра и его жены, а послѣ этого поднимается вопросъ объ абсолютизмѣ и конституціонализмѣ, разсматривается ученіе о соціальной монархіи, сюда же включается почему-то теорія «христіанскаго государства», и этимъ заканчивается книга. Можно безъ преувеличенія сказать, что громадные матеріалы, собранные у Фроме, менѣе всего подвергнуты у него той «цѣлесообразной группировкѣ», о которой говоритъ онъ во введеніи. Наоборотъ, у него не замѣчается положительно никакой логично или научно продуманной системы.

Въ книгѣ Фроме встрѣчаются и положительные пробѣлы. Такъ, у него почти совершенно отсутствуетъ указаніе на роль естественнаго права въ дѣлѣ созданія монархической идеологіи, нѣтъ сколько-нибудь цѣлостной характеристики такъ называемаго «просвѣщеннаго деспотизма», нѣтъ указанія на идею «общаго блага» и «представительства», на которую неоднократно опирался цезаризмъ и т. д. Крупнымъ недостаткомъ книги является и отсутствіе соціально-историческаго обоснованія какъ монархіи, такъ и республики. Только въ одномъ мѣстѣ, а именно при переходѣ отъ стараго режима къ конституціонному строю, у Фроме появляются на сцену общественные классы. Роль третьяго сословія въ дѣлѣ созданія абсолютизма остается, однако, совершенно скрытой. Не такъ легко совершился и во Франціи переходъ отъ «демократической монархіи» къ республикѣ, какъ это изображаетъ нашъ авторъ. Подобныхъ упрековъ автору можно бы сдѣлать весьма много, но такъ какъ онъ самъ не претендуетъ на большее, какъ на собираніе матеріаловъ, то мы ограничивался этими замѣчаніями.

Нельзя, однако, освободить отъ всякой отвѣтственности за нѣкоторые недостатки книги и русскаго переводчика или редактора. Во-первыхъ, книгу можно было сильно сократить въ тѣхъ мѣстахъ, которыя представляютъ исключительный интересъ для нѣмецкаго читателя, въ родѣ подробной исторіи династіи Гогенцоллерновъ, возникновенія имперской конституціи, отношеній центра къ Вельгельму II и т. д. Во-вторыхъ, можно было кое-гдѣ дополнить изложеніе интересными данными изъ русской дѣйствительности. А въ-третьихъ, можно и должно было избѣгнуть тѣхъ «шалостей» перевода, которыя превратили маркиза де-Кроа въ маркиза де-Кресто, іезуита Маріану титулуютъ Маріаномъ, а разъ совершенно вѣрно переведеннаго барона—Freiherr'a, въ другомъ мѣстѣ превращаютъ въ господина Ф. Фрейхера! Вообще съ собственными именами переводчикъ не церемонился...

М. Мауренбрехеръ. Соціализмъ и международныя отношенія. (Задачи соціалистической культуры. X). С.-Петербургъ, 1907. 1—32.

Брошюра г. Мауренбрехера представляетъ собой типичное произведеніе ревизіониста, который по существу не совсѣмъ еще рѣ-

шилъ, что ему, собственно, дороже: капитализмъ или пролетарскія массы. Съ одной стороны, какъ совершенно справедливо признаетъ авторъ, въ настоящее время «не личные капризы, исчезающіе вмѣстѣ съ личностями, направляютъ міровую политику и экономическіе потребности и инстинкты, воодушевляющіе господствующіе классы. Она—родное дѣтище капиталистическаго развитія». Точно такъ же признаетъ г. Мауренбрехеръ, что войны, на которыхъ зиждется эта политика, уже потому невыносимы и недоступны для народныхъ массъ, что «быть принесеннымъ въ жертву чужимъ цѣлямъ, быть вынужденнымъ отдать свою жизнь безъ воодушевленія, не за собственный идеалъ, а за процвѣтаніе враждебныхъ рабочему классу людей—это самое позорное рабство, какое только знаетъ исторія». Казалось бы, отсюда можно сдѣлать только одинъ выводъ, что подобныя войны съ принципіальной точки зрѣнія недопустимы, и пролетаріатъ долженъ сдѣлать все возможное при данныхъ условіяхъ, чтобы воспрепятствовать этимъ взрывамъ звѣрства и корысти, разыгрываемымъ за счетъ «порабощенныхъ» массъ... Однако нашъ ревизіонистъ такого вывода не дѣлаетъ. И онъ не только практически отвергаетъ современный антимилитаризмъ,—что дѣлаютъ сейчасъ и многіе его принципіальные сторонники,—но онъ принципіально обосновываетъ заинтересованность пролетаріата въ хищнической политикѣ колоніально-разбойнаго капитала и дѣлаетъ рабочій классъ своего рода молчаливымъ участникомъ—stiller Teilhaber—въ его варварскихъ и гнусныхъ предпріятіяхъ. Дѣло въ томъ, что, дескать, «эта міровая политика была необходима для повышенія производительной способности человѣческаго рода» (очевидная ошибка переводчика: авторъ, конечно, хотѣлъ сказать «производительныхъ силъ»), «въ этомъ отношеніи заслуги міровой политики предъ человѣчествомъ неоцѣнимы, и нѣтъ никакихъ основаній думать, что изслѣдованіе (?!) Восточной и Средней Азіи или Южной Африки не принесетъ такихъ же богатыхъ плодовъ для будущихъ поколѣній». Въ виду этого авторъ отказывается отъ принципіальнаго осужденія «одной изъ самыхъ отвратительныхъ формъ рабства пролетаріата, эксплуатаціи, лишающей рабочаго не только нервовъ и мускуловъ, но и самой жизни», все дѣло сводится къ тому, что «массы... требуютъ себѣ мѣстечка въ той прекрасной жизни, которую они устроили другимъ», «соціализмъ возвышается на плечахъ капитализма», этому же послѣднему надо еще «совершить нѣкоторую подготовительную работу», «періодъ капиталистической міровой политики еще не закончился». Отсюда же ясно, что эта политика «необходима и для соціализма», этимъ же опредѣляется и «отношеніе» къ ней со стороны «рабочихъ партій»...

Казалось бы, изъ этого рогатаго противорѣчія нѣтъ выхода. Съ одной стороны, «рабство», съ другой—это самое рабство оказывается «участіемъ въ прибыляхъ»—какъ же, спрашивается, должна

опредѣлиться практическая тактика пролетаріата по отношенію къ этой «политикѣ» и ея главному проявленію «войнѣ»? И на это авторъ отвѣчаетъ со всѣмъ остроуміемъ соціалиста, признающаго мирную гармонію угнетателей и угнетаемыхъ. Во-первыхъ, «всѣ военныя требованія правительствъ» въ области финансовъ «должны быть покрыты только и исключительно высшими классами». Во-вторыхъ, пролетаріатъ «желаетъ самъ опредѣлить каждый разъ, идти ли ему на войну или нѣтъ? Въ-третьихъ, оставляя неприкосновенной военную дисциплину («что армія нуждается въ дисциплинѣ, знаетъ каждый»), сдѣлать офицеровъ «отвѣтственными передъ народнымъ представительствомъ». Такимъ образомъ война становится не только не устраненной, но, наоборотъ, ей обезпечивается широкая поддержка пролетаріата.

И въ самомъ дѣлѣ. На войнѣ можно будетъ заработать, ибо она будетъ вестись на частный счетъ капиталистовъ, которые хорошо заплатятъ своимъ солдатамъ. Во-вторыхъ, «въ виду аггресивныхъ дѣйствій иностранныхъ капиталистовъ», война будетъ начата не одними отечественными капиталистами: на ихъ сторонѣ окажется и «пролетаріатъ», который «вынужденъ будетъ заявить», что «въ этомъ случаѣ затронуты и наши собственные жизненные интересы, на карту поставлена будущность нашего отечественнаго развитія», и хотя «мы идемъ на войну» «съ тяжелымъ сердцемъ, но съ твердой и спокойной рѣшимостью людей, защищающихъ будущность своихъ дѣтей и своего класса». И само собою разумѣется, наконецъ, что «дисциплина» въ такой арміи, которая сознательно идетъ дѣлать прибыльное дѣло и движется подъ вліяніемъ «жгучей потребности насильственно подавлять своихъ чужеземныхъ конкуррентовъ» — будетъ, несмотря на всю «отвѣтственность» офицеровъ превосходна, ибо всѣ будутъ одушевлены общимъ дѣломъ подготовки грядущаго «соціализма».

Все это, конечно, великолѣпно. И если не различать производительнаго капитала современности и хищническаго капитала «первоначальнаго накопленія», какъ онъ работаетъ уже съ глубокой древности, то выходитъ даже съ марксистской точки зрѣнія совсѣмъ превосходно. О борьбѣ классовъ у г. Мауренбрехера тоже не упоминается... Не понимаемъ только, почему онъ все же, въ концѣ концовъ, восхваляетъ дѣятельность современныхъ соціалистическихъ партій на поприщѣ «войны противъ войны»? Развѣ для того, чтобы этимъ путемъ упорядочить военное хозяйство капитализма и обезпечить пролетаріату участіе въ прибыляхъ?—Но это тогда бьетъ значительно выше поставленной авторомъ цѣли...

Г. Мауренбрехеръ спрашиваетъ въ своей брошюрѣ, какъ относится русская интеллигенція къ вопросамъ войны и мира? Жаль, что на этотъ вопросъ никто не далъ отвѣта почтенному автору. Мы можемъ, однако, сдѣлать это теперь: наша соціалистически мыслящая интеллигенція является «принципіальной» противницей

всякой политики, покупаемой цѣной грабежа, убійствъ и истребленія чужеземцевъ, хотя бы и въ виду «аггресивныхъ дѣйствій иностранныхъ капиталистовъ», мы стоимъ на точкѣ зрѣнія цитируемаго авторомъ Канта: «постоянныя войска» должны быть «упразднены»...

С. Мельгуновъ. Церковь и государство въ Россіи (къ вопросу о свободѣ совѣсти). Съ 16 иллюстраціями въ текстѣ. Сборникъ статей. I. Москва. 1907. I—V. 1—193.

Книга г. Мельгунова—грустная книга. Это—повѣсть жестокой нелѣпости, украшающей нашу православно-россійскую культуру, это—исторія медленнаго и колеблющагося, съ вѣчными остановками и обращеніями вспять нашего духовнаго раскрѣпощенія. Въ сборникѣ талантливаго автора проходятъ передъ читателемъ перепетіи хожденія по мукамъ приписанной къ вѣрѣ обывательской души, тяжелый процессъ порабощенія государству церкви, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая красотами нашей современной духовно-полицейской педагогики.

Книга г. Мельгунова составлена изъ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Собранныя вмѣстѣ, онѣ производятъ, однако, весьма цѣлостное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что въ своихъ статьяхъ авторъ не только слѣдовалъ за теченіемъ самаго напряженнаго періода нашего церковно-бюрократическаго творчества, но въ то же время онъ сумѣлъ поставить его на историческую почву и подмѣтить его основной характеръ, объяснить его общую систему и тонъ.

Сборникъ о «Церкви и государствѣ» распадается на три части. Первая часть характеризуетъ «старый порядокъ» и даетъ намъ довольно полную картину того, какъ, говоря словами покойнаго Вл. Соловьева, русская церковь «сначала при Никонѣ тянулась за государственной короной, потомъ крѣпко схватилась за мечъ государственный и, наконецъ, «принуждена была надѣть государственный мундиръ». Мундиръ же этотъ, прибавляетъ г. Мельгуновъ, «въ полицейскомъ государствѣ» «былъ мундиромъ полицейскаго чиновника»... Интересными чертами рисуетъ авторъ въ первой же главѣ отношеніе казенной церкви къ попыткамъ освобожденія Россіи сначала отъ крѣпостного права, а затѣмъ и самовластія: послѣ пораженія декабристовъ петербургскій митрополитъ Серафимъ излилъ свою радость, «скача и пляша отъ избытка духовнаго веселія». Къ первой же части отнесена г. Мельгуновымъ и наша дореформенная «вѣротерпимость». Очень кстати ее иллюстрируютъ снимки съ «запечатанныхъ» на полстолѣтіе старообрядческихъ святынь Рогожскаго кладбища съ ихъ полуразрушенными алтарями, обвалившимися и погибшими художественными сокровищами, иконами, крестами, паникадилами... Какъ впослѣдствіи оказалось, это запечатаніе произошло по ошибкѣ, вслѣдствіе ложнаго доноса... Къ этой

же главѣ отнесена авторомъ и скорбная повѣсть о штундистахъ, баптистахъ, духоборахъ, о нашей церковной инквизиціи,—вплоть до 1905 года... Но и «переходное время» у г. Мельгунова носитъ немногимъ лучшія черты, чѣмъ «старый порядокъ». И здѣсь, уже послѣ манифеста о вѣротерпимости 17 апр. 1905 г., рисуетъ намъ авторъ страдальческіе облики «павловскихъ» сектантовъ, которыхъ онъ лично посѣщалъ въ своихъ «поискахъ вѣротерпимости» и разсказываетъ намъ удивительныя вещи о тѣхъ противо-чумныхъ мѣропріятіяхъ, которыя среди Россіи, такъ сказать, на открытомъ мѣстѣ, подъ знаменемъ «вѣротерпимости» создали въ Павловкѣ грандіозную тюрьму на манеръ духовно-религіознаго карантина... Однако и свою главу «Наканунѣ свободы» автору пришлось закончить далеко не веселыми строками. Онъ рисуетъ намъ здѣсь не только прекрасное положеніе нашихъ «религіозныхъ обществъ» по правительственному законопроекту, но и реальную силу духовнаго мрака и угнетенія, стоящую на стражѣ старой системы «духовной полиціи»... Въ послѣднемъ очеркѣ передъ нами выступаютъ уже новые «христопродавцы», новые «чисто-русскіе» монахи и попы, проповѣдующіе смерть и истребленіе всѣмъ несогласно мыслящимъ.

Книга г. Мельгунова—грустная книга. Прочесть ее, однако, очень не мѣшаетъ всѣмъ тѣмъ, кому дорого дѣло русскаго освобожденія, кто вѣритъ въ судьбы грядущаго народнаго просвѣтленія и стремится къ уничтоженію «власти тьмы»... Кстати, маленькая поправка. Г. Мельгуновъ, слѣдуя Позднышеву, причисляетъ, наравнѣ съ Молемъ, Блюнчли, Арсеньевымъ, и Рейснера къ защитникамъ «ограниченной свободы» вѣры. Врядъ ли это справедливо. Книга г. Рейснера не даетъ для этого достаточныхъ основаній. По ошибкѣ г. Позднышевъ приписалъ послѣднему мнѣніе, которое тотъ только передаетъ въ качествѣ общепринятаго для теоретиковъ «правового государства»...

Повторяемъ, книга г. Мельгунова стоитъ того чтобы ее прочесть.

А. Зиминъ. Церковь и Государство. К-во „Вѣрный Путь". Спб. 1907. 1—49.

Задача г. Зимина была не изъ легкихъ. Дать на 49 страницахъ достаточно обстоятельный и живой очеркъ отношеній государства къ церкви въ историческомъ освѣщеніи, да еще сдѣлать его вполнѣ доступнымъ и понятнымъ самымъ широкимъ кругамъ читателей—это работа немалая. И мы должны отдать г. Зимину справедливость. Его брошюра вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ научно-популярнаго изложенія. Въ первой части у него показанъ путь, какимъ религія «братства, любви, равенства и правды въ жизни человѣческой» выродилась сначала въ обязательную догму начальствующаго клира, а затѣмъ стала христіанствомъ «государственнымъ», «казеннымъ», зачисленнымъ на визан-

тійскую службу. Яркими и вѣрными штрихами очерчено, далѣе, развитіе средневѣковой католической церкви, съ ея «огромными земельными помѣстьями, капиталами, всяческими богатствами, собственными рабами, крѣпостными», отдачей «денегъ въ ростъ» и «правленіемъ блудницъ»... Заканчивается эта глава, богатая своими иллюстраціями, окончательнымъ паденіемъ христіанства, котораго «проповѣдь любовью, словомъ убѣжденія, личнымъ примѣромъ и подвигомъ замѣнилась проповѣдью огнемъ, мечемъ, висѣлицей и дыбой»... Вторая часть книги посвящена спеціально исторіи отношеній государства и церкви въ Россіи. И здѣсь авторъ сумѣлъ найти настоящія слова и сгруппировать яркіе факты, чтобы показать, какъ русская церковь обратилась въ жалкую прислужницу свѣтской власти Василіевъ и Ивановъ, какъ въ награду за это «всѣхъ инако мыслящихъ и инако вѣрующихъ гнали у насъ и преслѣдовали жестоко», а на «московскихъ площадяхъ горѣло не мало человѣческихъ костровъ», какъ, наконецъ, наше вѣдомство православнаго исповѣданія, этотъ неутомимый врагъ науки и просвѣщенія, собравшій громадныя богатства за счетъ народа, оказался на сторонѣ его «вѣковыхъ насильниковъ и угнетателей», на сторонѣ «враговъ народныхъ»... «Церковники наши, говоритъ авторъ, давно уже идутъ не за Христомъ, а противъ Христа». «Христосъ теперь съ тѣми, кто ведетъ народъ къ свободной, свѣтлой и счастливой жизни, кто воистину хочетъ установить царство правды, добра и любви на землѣ. Святые мученики и подвижники теперь только здѣсь—въ рядахъ народныхъ борцовъ». «Только въ свободномъ народномъ государствѣ» могутъ существовать свободная церковь и свобода совѣсти»—и авторъ заканчиваетъ свою горячо-написанную брошюру страницами, посвященными вопросу о раздѣленіи церкви и государства: при грядущемъ строѣ «народное свободное государство ...не отдастъ попамъ душу и разумъ народные»... Мы, со своей стороны, желаемъ брошюрѣ г. Зимина самаго широкаго распространенія. Ея доступная форма, содержательность и моральная серьезность вполнѣ заслуживаютъ этого.

Н. Суворовъ. Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. С.-Петербургъ. 1907.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пользованіе либеральными лозунгами въ нѣкоторыхъ случаяхъ придаетъ подобной книги особенную пикантность. Это въ особенности мы должны замѣтить относительно брошюры г. Суворова. Книжка эта принадлежитъ къ разряду той пресловутой «литературы» по финляндскому вопросу, которая уже давно съ легкой руки Ординыхъ и Бородкиныхъ украшаетъ собой «православіе, самодержавіе и народность». Какъ извѣстно, истребители «невѣрныхъ» въ наши дни даже объединились въ особомъ центральномъ органѣ, который носитъ многообѣщающее

названіе «Окраинъ Россіи». И вотъ одинъ изъ этихъ обрусителей выступаетъ передъ нами подъ знаменемъ «равноправія»!

Г. Суворовъ сторонникъ равенства во что бы то ни стало. Его демократическое сердце обливается кровью, когда онъ видитъ, что евреи пользуются въ Финляндіи даже меньшими правами, чѣмъ въ Россіи. Не ужасъ ли это? Тамъ нѣтъ черты осѣдлости, а старые законы о воспрещеніи пребыванія въ Финляндіи до сихъ поръ не отмѣнены, несмотря на то, что русскія власти такъ усердно помогали финнамъ развить широкую и творческую законодательную дѣятельность. Вѣдь какъ объ этомъ старались и Бобриковъ, и всѣ его присные! Не менѣе возмущенъ г. Суворовъ и тѣмъ, что «финляндцы въ Имперіи пользуются рѣшительно всѣми правами; на долю же русскихъ въ Финляндіи достались» многочисленныя «ограниченія въ дѣятельности законодательной, по правительственной и общественной службѣ, въ правахъ сословныхъ, по податному обложенію, по пріобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ, по судостроенію... въ правахъ промышленно-экономическихъ и т. д.». Мы не только понимаемъ либеральное негодованіе г. Суворова, но мы беремся еще дополнить этотъ списокъ грѣховъ противъ равноправія. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не пользуются эти зловредные финляндцы такимъ конституціоннымъ строемъ, о которомъ въ Россіи мы не смѣемъ и мечтать? Развѣ не обладаютъ они такимъ избирательнымъ правомъ, отъ котораго отстала даже передовая Европа? Развѣ, наконецъ, не являются они въ полномъ смыслѣ «гражданами», тогда какъ мы все никакъ не можемъ выйти изъ положенія «подданныхъ», да и то не верховной власти, а мѣстныхъ чрезвычайныхъ полицеймейстеровъ? Правъ г. Суворовъ. Непремѣнно надо уравнять русскихъ и финновъ. Пусть будетъ едино стадо и едино пастырь!

Только одна бѣда. Г. Суворовъ желаетъ уравнять не Россію по финскому образцу, а Финляндію по русскому. И онъ весьма справедливо полагаетъ, что стоитъ только уравнять русскихъ, пребывающихъ и имѣющихъ прибыть въ Финляндію, съ тамошними уроженцами, и дѣло будетъ сдѣлано и легально, и постепенно, и неукоснительно. Въ финскіе граждане будутъ зачислены въ первую голову Крушеванъ и Пуришкевичъ. Правомъ представительства въ Финляндіи запасется и почтенная редакція «Окраинъ Россіи». Цѣликомъ можно будетъ тогда уравнять съ финнами въ правахъ и надлежащіе эшелоны «истинно-русскихъ», водворить туда для отправленія финскихъ гражданскихъ правъ испытанныхъ провокаторовъ, а завершить «равноправіе» переводомъ на финскую службу опытныхъ администраторовъ лучшей ташкентской традиціи. Тогда бы пошла ужъ музыка не та. Отъ финляндской конституціи не осталось бы и слѣдовъ, а веселенькая анархія безвозбранно сравняла бы всѣхъ уроженцевъ великаго княжества и имперіи въ одномъ равномъ для всѣхъ правѣ быть ежеминутно либо экспро-

пріированнымъ, либо лишеннымъ «по независящимъ причинамъ» живота.

Нѣтъ, ужъ пусть пока существуетъ неравноправіе. Куда намъ въ такіе «суворовскіе» демократы... Когда же у насъ явятся дѣйствительно гражданскія права, тогда само собой придетъ и нужное равенство.

Баронъ Ф. Ф. Врангель, бывшій директоръ Императорскаго Александровскаго музея, членъ конференціи Николаевской Морской Академіи. **Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи.** Очеркъ. С Петербургъ. 1907. 1—49.

Баронъ Врангель убѣжденъ въ томъ, что «предвзятыхъ взглядовъ и враждебныхъ чувствъ къ намъ, нѣмецкимъ балтамъ, среди русскаго общества никакими доводами, никакими данными не поколебать». И если онъ берется за перо, то съ исключительною цѣлью, «чтобы отвести душу», исполнить свой «нравственный долгъ передъ родиной, приложить» всѣ свои «слабыя силы къ тому, чтобы если не устранить, то хотя бы уменьшить часть тѣхъ недоразумѣній, которыя порождаютъ нелюбовь къ намъ и недовѣріе».

Нельзя не признать подобныя цѣли весьма похвальными и высокими, тѣмъ болѣе, что почтенный баронъ въ данномъ очеркѣ въ значительной степени лично на самомъ себѣ демонстрируетъ, такъ сказать, «ad oculos» неосновательность русской «нелюбви», и «враждебности» къ балтамъ. И поскольку полемика бар. Врангеля направлена противъ «государственныхъ опасеній», высказываемыхъ нашими правыми кругами насчетъ нѣмецкаго владычества въ Балтійскомъ краѣ, мы готовы найти даже, что аргументы г. Врангеля въ высшей степени основательны. При чемъ именно «съ государственной» точки зрѣнія. Ибо надо же, наконецъ, признать, что тѣ безчисленныя услуги, которыя оказаны балтійскими баронами русскому правительству на поприщѣ государственной, особенно же полицейской, усиленно—и чрезвычайно-охранной дѣятельности, заслуживаютъ чрезвычайной же награды, и отдача имъ латышей и эстовъ въ кормленіе далеко не была бы въ нашей исторіи чѣмъ-то исключительнымъ или невѣроятнымъ... Мало того, мы думаемъ, что господа бароны сумѣли бы водворить въ краѣ и надлежащее спокойствіе при соотвѣтственной поддержкѣ военно-полевой юстиціи и русской вооруженной силы. Нѣтъ. Съ «государственной» точки баронъ Врангель вполнѣ правъ. И ужъ, конечно, признательные бароны въ благодарность за «автономію» удвоили бы свое усердіе по усмиренію «крамолы»...

Съ національно-культурной точки зрѣнія бар. Врангель также находитъ весьма убѣдительные для нашихъ правящихъ круговъ аргументы. И въ самомъ дѣлѣ, что лучше: по-русски говорящій баронъ съ нѣмецкой душой, или по-нѣмецки говорящій балтъ, но съ русскою душой. Или, другими словами, лучше ли, чтобы балты,

говоря по-нѣмецки, считали, «что Россіи по праву подобаетъ быть первымъ государствомъ въ мірѣ, что російское воинство по доблести своей не имѣетъ равнаго и чтобы «русскихъ чиновниковъ не могли ненавидѣть потому, что ихъ въ краѣ» не было бы вовсе—или же наоборотъ, говоря по-русски, относились бы «съ нелюбовью ко всему русскому» и въ нихъ выплывало бы «чувство злобы и негодованія»? Конечно, тутъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Какъ можно. Любовь балтовъ вещь столь драгоцѣнная, а русская душа у нихъ такъ уже себя проявила, что и рѣчи здѣсь объ отказѣ быть не должно: говорите по-нѣмецки, но любите насъ, любите неуклонно. Погибнетъ Россія безъ нѣмецкой любви.

Во всемъ этомъ вопросѣ есть, однако, еще одна сторона. И это какъ разъ тѣ два народа, которыхъ предполагается отдать нѣмцамъ въ «автономную» кабалу. Какъ съ ними быть? Но ихъ и спрашивать не надо. Нашъ гуманный и благовоспитанный баронъ знаетъ, какъ ихъ навсегда успокоить. И при томъ такъ просто. «Односторонняя ненависть», которую питаютъ латыши и эсты къ баронамъ, «можетъ пройти въ одно-два десятилѣтія». Вѣдь «такія массовыя (не личныя) чувства и требованія получаютъ полное развитіе и повальное распространеніе только тогда, когда есть *надежда на ихъ осуществленіе* *). Никогда ни эстонская, ни латышская народность не разсчитывали бы на изгнаніе нѣмцевъ и на сверженіе ихъ «ига»... если бы они не надѣялись на поддержку со стороны русскихъ». И какъ только въ Россіи будетъ признана «неприкосновенность наслѣдственной собственности» и единоспасительная сила «ценза»,—то все сразу и прекрасно устроится, «исчезнетъ всякій лучъ надежды на изгнаніе нѣмцевъ и на устраненіе ихъ вліянія»... А «какъ только эта истина укрѣпится въ сознаніи народной массы, она снова вернется къ мирной плодотворной работѣ» на благо своихъ наслѣдственныхъ и просвѣщенныхъ господъ...

Требованія гг. балтовъ, однако, не особенно скромны; въ десяти пунктахъ, на которыхъ сходятся всѣ «земляки» барона, главнымъ является передача всего мѣстнаго самоуправленія господамъ баронамъ въ полную власть на началахъ «имущественнаго и образовательнаго ценза», съ объединеніемъ всѣхъ прибалтійскихъ губерній въ особую автономную область. Такое гласное и откровенное заявленіе юнкерскихъ домогательствъ въ настоящее время послѣ массового разстрѣла эстовъ и латышей—симптомъ многознаменательный.

Кн. С. Д. Урусовъ. Очерки прошлаго. Томъ первый. **Записки губернатора.** Изд. Саблина. Москва. 1907, стр. 377, ц. 1 р. 50 к.

Книга кн. Урусова не будетъ событіемъ, какимъ была его обличительная рѣчь въ первой Государственной Думѣ, но значительный

*) Курсивъ автора.

и многосторонній интересъ, представляемый ею, болѣе устойчивъ. Она должна привлечь вниманіе и активнаго политика, и кабинетнаго историка, и любителя характерныхъ курьезовъ и культурныхъ анекдотовъ, и общественнаго психолога—долго будутъ въ ней черпать матеріалъ для сужденія объ административной Россіи на поворотѣ къ новымъ формамъ общественно-политической жизни. Фигура самого автора представляетъ собою въ этомъ отношеніи, пожалуй, болѣе высокій и, во всякомъ случаѣ, болѣе поучительный интересъ, чѣмъ изображенные имъ типы, мнѣнія и настроенія русскихъ правящихъ сферъ на различныхъ высотахъ. Съ достойной искренностью кн. Урусовъ на первой страницѣ своей книги разсказываетъ, что въ моментъ назначенія его бессарабскимъ губернаторомъ онъ «зналъ о Бессарабіи столько же, сколько о Новой Зеландіи, если не меньше» и что при этомъ «вопросы этикета и представительства безпокоили его гораздо болѣе, чѣмъ ожидаемыя трудности управленія совершенно незнакомой ему губерніей». Но въ согласіи съ этимъ первичнымъ строеніемъ, на всемъ протяженіи своей книги кн. Урусовъ вопросамъ такта и этикета отдаетъ такъ много характернаго вниманія, что временами и читатель склоненъ поддаться этому воззрѣнію и слить практику областного управленія съ тонкостями провинціальной дипломатіи.

Князь Урусовъ оказался мастеромъ этого политическаго «искусства для искусства». Въ должности бессарабскаго губернатора онъ явился замѣстителемъ злополучнаго фонъ-Раабена, котораго Плеве тѣмъ охотнѣе бросилъ въ жертву бурѣ европейскаго негодованія, вызванной кишиневскимъ погромомъ, что Раабенъ не былъ достойнымъ исполнителемъ его предначертаній. Явившись въ Кишиневъ послѣ «кровавой бани», кн. Урусовъ, пожалуй, смылъ ея внѣшніе слѣды, но глубокія перемѣны его пребываніе въ Кишиневѣ произвело не въ мѣстной жизни, прочныя традиціи которой не поддаются благожелательной дипломатіи,—но въ немъ самомъ. Онъ, можно сказать, прозрѣлъ въ нѣкоторыхъ конкретныхъ вопросахъ русской жизни,—и его книга есть исторія того, какъ созрѣли въ немъ убѣжденія, высказанныя въ его исторической парламентской рѣчи. Теперь, когда поставлены послѣднія точки надъ і, никого не удивитъ указаніе на связь погромовъ съ политикой центральной власти. Но кн. Урусовъ,—и теперь не желая «выдавать свои предположенія за несомнѣнный фактъ»—конкретизируетъ общія и безформенныя подозрѣнія, уже «прямо относя къ дѣйствію нѣкоторыхъ тайныхъ пружинъ, управляемыхъ высоко стоящими лицами», все то «непонятное и недосказанное въ кишиневскомъ погромѣ», что прежде вызывало въ немъ недоумѣніе. Изображенная кн. Урусовымъ картина провинціальной политики и административной психологіи, неизмѣнно таящихъ въ своихъ нѣдрахъ возможность погрома, чрезвычайно убѣдительна. Здѣсь и добровольческіе низы, «готовые побить и пограбить евреевъ во имя православной церкви

въ защиту православнаго народа и во славу самодержавнаго русскаго царя», и полицеймейстеръ, который «готовъ», но жаждетъ только ясныхъ указаній—поощрять или противодѣйствовать,—и командующій пѣхотной дивизіей, который прощаясь съ губернаторомъ послѣ совѣщанія о дѣйствіи военныхъ частей въ случаѣ возможныхъ безпорядковъ, заявляетъ: «что вы, князь, безпокоитесь, довѣрьтесь намъ,—въ лучшемъ видѣ жидовъ растрясемъ».

Поставленный во время своего бессарабскаго пребыванія лицомъ къ лицу съ еврейскимъ вопросомъ, кн. Урусовъ, дотолѣ—съ типичной для русскаго администратора невинностью полагавшій, что «коробочный» сборъ съ евреевъ за мясные продукты имѣетъ какое-то отношеніе къ коробочному производству,—кой-что изучилъ въ положеніи русскихъ евреевъ, многое понялъ и вынесъ изъ всего этого воззрѣнія, прямо противоположныя настроеніямъ правящихъ сферъ. На могущественную поддержку этихъ настроеній онъ указываетъ безъ излишней двусмысленности. По его указанію до кишиневскаго погрома «репутаціей непреклоннаго врага еврейства пользовался лишь великій князь Сергѣй Александровичъ... Но съ 1903 г. стало для всѣхъ очевиднымъ, что враждебное по отношенію къ евреямъ чувство питаютъ и высшія сферы». Быть можетъ, въ связи съ неустранимымъ сознаніемъ необходимости считаться съ этимъ чувствомъ, кн. Урусовъ—всегда дипломатъ больше, чѣмъ политикъ—признаетъ «тактическую ошибочность проявленія открытаго юдофильства». Но, кажется, въ желаніи выставить въ защиту евреевъ не юдофильскіе аргументы, онъ идетъ иногда слишкомъ далеко: естественная аберрація ума, вынужденнаго искать доводовъ ad hominem. Такъ, желая защитить необходимость еврейскаго равноправія «съ точки зрѣнія интересовъ и нравственныхъ требованій русскаго народа», кн. Урусовъ разсказываетъ слѣдующую исторію. Вѣшали въ Измаилѣ еврея-преступника, но повѣсили неудачно: благодаря его длинной, густой бородѣ, затянувшаяся петля, лишивъ его сознанія, не причинила смерти. «Представьте себѣ мое положеніе — разсказывалъ впослѣдствіи князю мѣстный полицеймейстеръ, распорядитель казни:—докторъ мнѣ говоритъ, что жидъ черезъ шесть минутъ очнется. Какъ поступить? Второй разъ повѣсить его я считалъ неудобнымъ, а между тѣмъ смертный приговоръ надо было исполнить».—«Что же вы сдѣлали»?—спросилъ князь, и получилъ отвѣтъ: «велѣлъ скорѣе закопать, пока онъ не очнулся». Признаніе этого находчиваго администратора, что «живого христіанина онъ не рѣшился бы закопать въ землю», служитъ для кн. Урусова исходнымъ пунктомъ аргументаціи. Его смущаетъ въ этомъ случаѣ не столько судьба жертвъ особаго отношенія русскихъ чиновниковъ къ евреямъ, сколько тотъ умственный процессъ, путемъ котораго нашъ средній чиновникъ полусознательно усвоилъ привычку примѣнять къ безправному еврею особыя нравственныя нормы. «Не столько для

евреевъ, сколько для Россіи вредно, по моему мнѣнію, то притупленіе нравственнаго чувства, которое создалось у исполнителей, стоящихъ настражѣ законовъ о евреяхъ». Соображеніе въ своей тенденціи убѣдить, пожалуй, бьющее дальше цѣли и потому чуточку комичное: едва ли самъ кн. Урусовъ полагаетъ, что притупленіе нравственнаго чувства въ измальскомъ полицеймейстерѣ Р. было болѣе вредно для него, чѣмъ для живьемъ зарытаго въ землю еврея.

Во всякомъ случаѣ, если съ кн. Урусовымъ возможны такіе промахи, то не отъ боязни проявлять «открытое юдофильство», если въ этомъ нелѣпомъ словѣ есть какой-нибудь смыслъ. Съ этой стороны кн. Урусовъ человѣкъ конченый, и клеймо «шабесгоя» неизгладимо на бывшемъ товарищѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Отъ души желаемъ, чтобы интересная книга кн. Урусова пріобрѣла ему столь же пламенныхъ новыхъ друзей, сколь пламенныхъ и сильныхъ враговъ она, несомнѣнно, доставитъ ему въ обличенныхъ имъ сферахъ. Говорятъ, она имѣла большой успѣхъ; онъ кажется намъ ничтожнымъ сравнительно съ тѣмъ распространеніемъ, какого заслуживаетъ эта простая и умная исповѣдь прозрѣвшаго администратора.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крест. въ разныхъ губ.: отъ чиновъ инородч. управленія Ставропольск. губ.—9 р. 31 к.; отъ крестьянъ с. Муховецъ, черезъ свящ. П. Козловскаго—7 р.; отъ А. С. Негеревича, изъ Читы—5 р.; отъ М. О.—1 р.

Итого . . . . 22 р. 31 к.

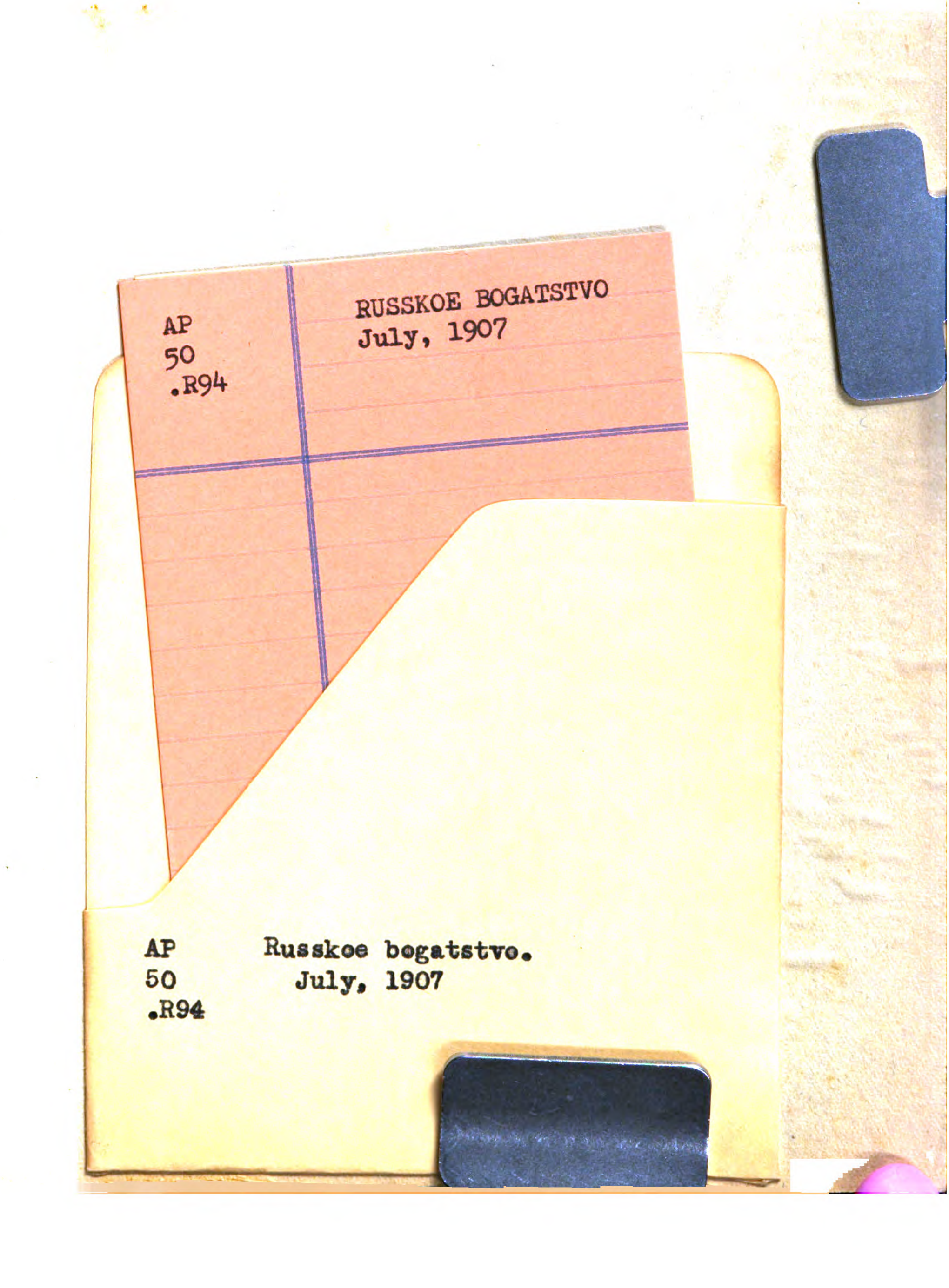
А всего съ прежде поступившими. . . . . 111 р. 99 к.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ в-ча Николаева, изъ Шлиссельбурга—5 р.; отъ подписчицы изъ Ломжи—5 р.; отъ Н. М. Г. 6-й и 7-й взносы—20 р.; отъ А. С.—10 р.; отъ „Олеси—35 р.; отъ Р. и Ш.—8 р.; отъ Н. Лозича, изъ Брестъ-Литовска—21 р.

Итого . . . . 104 р.

Въ пользу Лодзинскихъ рабочихъ: отъ рабочихъ Севастопольскаго порта—262 р.

Издатель *В. Г. Короленко.* Врем. ред. *В. С. Елпатьевскій.*

AP
50
.R94
RUSSKOE BOGATSTVO
July, 1907
AP
50
.R94
Russkoe bogatstvo.
July, 1907

